Мемуары П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.

Томъ III.

ЭПОХА ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ РОССІИ

(1857—1861 гг.)

въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдывавшаго дѣлами Редакціонныхъ Комиссій.

Изданіе семьи.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Мемуары П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.

ТОМЪ III.

ЭПОХА ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ РОССІИ

(1857—1861 гг.)

въ воспоминаніяхъ бывшаго члена-эксперта и завѣдывавшаго дѣлами Редакціонныхъ Комиссій.

Изданіе семьи.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

4676

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 12 февраля 1916 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА XVI.

ГЛАВА XVII.

стр.

ГЛАВА XVIII.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-му ИЗДАНІЮ

(на правахъ рукописи).

Судьба поставила меня съ конца 1857 г., и притомъ не случайно, не только въ свидѣтели, но и въ первые ряды дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ. Въ качествѣ ближайшаго сотрудника перваго предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій Я. И. Ростовцова, я ознакомился съ начала 1858 г. со всѣмъ тѣмъ, что происходило въ высшихъ сферахъ по крестьянскому дѣлу; въ качествѣ же члена-эксперта Редакціонныхъ Комиссій со дня ихъ учрежденія, я принималъ самое дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ по составленію законопроекта объ освобожденіи крестьянъ; наконецъ, въ качествѣ завѣдывавшаго дѣлами Редакціонныхъ Комиссій, я служилъ живою связью между тѣми отдѣленіями Комиссій, въ которыхъ разрѣшались всѣ аграрные вопросы, на насъ лежавшіе, и предсѣдателемъ Комиссій, а онъ въ свою очередь связывалъ Редакціонныя Комиссіи, составлявшія временное законодательное учрежденіе, призванное къ осуществленію великой реформы, съ самимъ Царемъ-Освободителемъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ мнѣ болѣе, чѣмъ кому-либо другому, было ясно, какую роль каждый изъ главныхъ дѣятелей эпохи освобожденія игралъ въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, и что онъ внесъ въ коллективную работу, обновившую весь строй русской государственной и общественной жизни. Напряженная разносторонняя дѣятельность моя въ эпоху освобожденія крестьянъ, не дававшая

ни минуты досуга, не позволила мнѣ, однакоже, принять на себя роль лѣтописца быстро совершавшихся событій, такъ что настоящимъ хроникеромъ дѣятельности Редакціонныхъ Комиссій сдѣлался уже, по приглашенію Ростовцова, мой братъ Н. П. Семеновъ, изо дня въ день терпѣливо записывавшій все, что было говорено и происходило въ 131 общемъ собраніи Комиссій. Правда, онъ, къ сожалѣнію, не могъ присутствовать въ засѣданіяхъ отдѣленій, служившихъ намъ главною лабораторіей при разрѣшеніи всѣхъ аграрныхъ и другихъ вопросовъ, которые вносились уже совершенно готовыми въ общее собраніе и, при единодушіи большинства членовъ, не подвергались существеннымъ измѣненіямъ; но зато мой братъ въ своемъ трудѣ „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II" (Спб. 1889—92) широко пользовался всѣмъ печатнымъ дѣлопроизводствомъ, введеннымъ мною въ работы Комиссій. Что же касается документовъ, неподлежавшихъ еще въ эпоху реформы обнародованію, то я, съ разрѣшенія Ростовцова, сообщалъ ихъ всѣ безъ исключенія моему брату, который, съ согласія Императора Александра III, напечаталъ ихъ въ своей „хроникѣ" Редакціонныхъ Комиссій. Наконецъ, большою заслугою моего брата было то, что эта хроника прочно установила столь необходимую въ исторіи крестьянскаго дѣла хронологію.

Но и независимо отъ трехтомнаго труда моего брата уцѣлѣло нѣсколько весьма цѣнныхъ и интересныхъ, хотя отрывочныхъ, матеріаловъ, относящихся до крестьянской реформы, въ запискахъ самыхъ главныхъ дѣятелей по этому дѣлу, а именно: кн. Черкасскаго, Самарина, Милютина и Соловьева, отчасти напечатанныхъ близкими имъ лицами уже послѣ ихъ кончины. До сихъ поръ, однакоже, послѣдовательнаго разсказа о всемъ томъ, что происходило не только на самой сценѣ событій, но и за кулисами ихъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, въ исторической литературѣ еще не было. Я чувствовалъ поэтому за собою нравственный долгъ, какъ послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ участниковъ законодательныхъ работъ того времени, пополнить этотъ пробѣлъ.

За перо историка я получилъ возможность взяться только

черезъ полвѣка послѣ начала моихъ работъ по крестьянскому дѣлу, а именно не ранѣе 1908 г. Въ теченіе трехъ лѣтъ упорнаго труда мнѣ удалось возсоздать въ своей памяти и воспроизвести полную картину всего, что происходило на моихъ глазахъ и при моемъ непосредственномъ участіи до самаго обнародованія закона 19 февраля 1861 года.

И вотъ теперь на 85-омъ году своей жизни я счелъ священнымъ для себя долгомъ оставить и для потомства правдивый разсказъ о томъ, какъ было подготовлено и совершено великое дѣло освобожденія крестьянъ въ историческую эпоху 1857—1861 гг.

Печатаемый мною нынѣ, пока только на правахъ рукописи, трудъ имѣетъ характеръ воспоминаній о пережитой мною эпохѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло полвѣка, *ни одного* изъ законодателей великой реформы уже нѣтъ въ живыхъ. Судъ исторіи надъ ихъ дѣйствіями уже наступилъ. А передо мною, какъ единственнымъ свидѣтелемъ этого памятнаго для меня времени, все яснѣе и рельефнѣе представляются роль и дѣла каждаго изъ нихъ, ихъ причины и послѣдствія, и я могу сказать по совѣсти словами великаго поэта, что я исполнилъ трудъ, завѣщанный мнѣ судьбою,—

„...Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ“...

П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

Отъ издателей.

Выпуская въ свѣтъ вторымъ изданіемъ Мемуары П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, относящіеся къ его дѣятельности въ періодъ времени 1858—61 гг. (первое изданіе, на правахъ рукописи, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ появилось еще при его жизни), мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, что въ настоящее изданіе внесены нѣкоторыя исправленія, дополненія и перестановки въ текстѣ, отчасти сдѣланныя самимъ нынѣ покойнымъ авторомъ, отчасти же имъ намѣченныя и сдѣланныя нами по его указаніямъ, а также составленный имъ толковый указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ текстѣ.

Издаваемые нынѣ 2 тома (III и IV) являются второй половиной всего изданія, обнимающей періодъ наиболѣе напряженной общественной дѣятельности покойнаго автора; первые два тома, исчерпывающіе болѣе ранній періодъ его жизни (I томъ — дѣтство и молодость, II—путешествіе въ Среднюю Азію) печатаются. III томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе хода работъ по крестьянской реформѣ до самой кончины перваго предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій, Я. И. Ростовцова, въ IV же томѣ содержится, между прочимъ, впервые дѣлаю-

щееся достояніемъ читающей публики изложеніе журналовъ Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта, относящихся къ обсужденію въ этихъ учрежденіяхъ законоположеній 19 февраля 1861 года *). Кромѣ общаго историческаго интереса, изложеніе это можетъ служить большимъ пособіемъ для тѣхъ, кому, по роду своихъ занятій, приходится имѣть дѣло съ самымъ крупнымъ законодательнымъ актомъ XIX столѣтія, примѣняя его на практикѣ и отыскивая истинное значеніе его отдѣльныхъ положеній.

Считаемъ долгомъ выразить нашу сердечную благодарность проф. К. Я. Гроту, какъ главному сотруднику покойнаго автора Мемуаровъ при ихъ печатаніи первымъ изданіемъ, оказавшему и намъ существенную помощь цѣнными указаніями при чтеніи корректуръ и наведеніи необходимыхъ справокъ при окончательной редакціи текста.

---

*) Во время печатанія настоящей книги вышло въ свѣтъ невыпущенное, впрочемъ, въ продажу изданіе Архива Государственнаго Совѣта „Журналы Секретнаго и Главнаго Комитетовъ и журналы и меморіи Общаго Собранія Государственнаго Совѣта съ 29 января по 14 марта 1861 г.“ (въ 4 томахъ).

„Изъ всего, что помогли Мнѣ совершить, крестьянскую реформу Я считаю самымъ важнымъ дѣломъ всего Моего царствованія“.

Слова Императора Александра II, сказанныя Имъ министру финансовъ и занесенныя впослѣдствіи въ журналъ Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязательномъ выкупѣ (Высочайше утвержденное императоромъ Александромъ III 26 декабря 1881 г. Мнѣніе Государственнаго Совѣта).

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

Съ масляного портрета, относящагося къ 1858 – 59 годамъ и принадлежащаго Графу Я. Н. Ростовцову.

ГЛАВА I.

Что я нашелъ въ Петербургѣ въ области начинаній по крестьянскому вопросу при возвращеніи моемъ изъ продолжительнаго путешествія въ Центральную Азію въ концѣ ноября 1857 г. — Высочайшій рескриптъ Виленскому дворянству отъ 20 ноября 1857 г. — Настроеніе столичной интеллигенціи. — Министръ внутр. дѣлъ С. С. Ланской и близкій къ нему кн. В. Ѳ. Одоевскій. Товарищъ министра А. Ир. Левшинъ.—Н. А. Милютинъ, какъ самый выдающійся государственный человѣкъ эпохи освобожденія.—К. Д. Кавелинъ, другъ Милютина, и его незабвенныя заслуги по крестьянскому дѣлу. Его заботы о благосостояніи крестьянъ и объ общественной благотворительности. — Министерство госуд. имуществъ, служившее при гр. Киселевѣ, по выраженію Имп. Николая I, для Него, „главнымъ штабомъ“ въ его борьбѣ противъ крѣпостного права. — Лица, созданныя министерствомъ Киселева въ качествѣ полезнѣйшихъ дѣятелей эпохи освобожденія. А. П. Заблоцкій-Десятовскій — выдающійся ветеранъ крестьянскаго вопроса; его вліяніе на развитіе цѣлой плеяды полезныхъ для Россіи дѣятелей. – Як. Ал. Соловьевъ, его характеристика и заслуги въ дѣлѣ освобожденія.

Возвратившись въ Петербургъ изъ своего путешествія въ Центральную Азію (1856—57) въ послѣднихъ числахъ ноября 1857 г., нѣсколько дней послѣ обнародованія знаменитаго рескрипта Императора Александра II Виленскому генералъ-губернатору отъ 20 ноября 1857 г., съ восторгомъ прочелъ я этотъ первый рѣшительный актъ, относящійся къ вопросу, бывшему въ теченіе многихъ лѣтъ предметомъ самыхъ завѣтныхъ моихъ думъ и стремленій. Никакихъ сомнѣній относительно принятаго Царемъ-Освободителемъ рѣшенія уже быть не могло. Хотя въ текстѣ рескрипта слово „*освобожденіе крестьянъ*“ было осторожно обойдено и замѣнено выраженіемъ: „*устройство и улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ*“, но въ представленіи по сему предмету министра внутреннихъ дѣлъ было сказано, что онъ доводитъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о выраженномъ представителями дворянства трехъ Литов-

скихъ губерній желаніи: „освободить своихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости". На это Государь въ своемъ безсмертномъ рескриптѣ заявилъ впервые передъ всей Россіей, что онъ одобряетъ вполнѣ эти „благія намѣренія дворянствъ", какъ соотвѣтствующія его видамъ и желаніямъ, и повелѣваетъ учредить въ каждой изъ трехъ губерній по одному комитету, состоящему изъ мѣстныхъ дворянъ, для составленія проектовъ по этому предмету, который въ сопровождавшемъ Высочайшій рескриптъ секретномъ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ генералъ-губернатору былъ уже прямо названъ своимъ настоящимъ именемъ: „уничтоженіе крѣпостной зависимости". Такимъ образомъ, великое дѣло освобожденія крестьянъ „по манію Царя" было рѣшено безповоротно не только для Литовскихъ губерній, но и для цѣлой Россіи, какъ это выяснилось очень скоро изъ послѣдовавшихъ Высочайшихъ рескриптовъ, вызванныхъ представленіями дворянствъ: С.-Петербургскому генералъ-губернатору, отъ 5 декабря, Нижегородскому военному губернатору, отъ 24 декабря 1857 г., и Московскому генералъ-губернатору, отъ 16 января 1858 года.

Первымъ моимъ дѣломъ по возвращеніи въ Петербургъ было, разумѣется, появленіе въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ для представленія краткаго отчета о моемъ путешествіи и сдачи собранныхъ мною матеріаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я представилъ вице-предсѣдателю Общества, графу Ѳ. П. Литке, составленный мною, еще во время моего пребыванія въ Барнаулѣ и Омскѣ, проектъ новаго путешествія въ Центральную Азію для полнаго изслѣдованія Тянъ-Шанской горной системы, такъ какъ я считалъ свое путешествіе 1856—57 года не болѣе, какъ предварительной рекогносцировкой никому еще невѣдомой обширной страны, постепенно подпадавшей подъ русское владычество.

Возвратясь въ дорогое и родное мнѣ Географическое Общество, я снова очутился въ той средѣ, въ которой съ самаго его учрежденія теплилась, вмѣстѣ съ глубокимъ патріотизмомъ, самая сильная и сознательная любовь къ русскому народу, а со времени окончанія доблестной, но несчастной для Россіи, крымской войны, глубокое сознаніе, что Россія нуждается для своего дальнѣйшаго и, притомъ, самостоятельнаго развитія въ полномъ обновленіи своего общественнаго и государственнаго строя, чему главнымъ препятствіемъ служило то, что весь русскій народъ былъ скованъ крѣ-

постною зависимостью, все болѣе и болѣе принимавшею за последнее столѣтіе характеръ рабства.

Къ этому убѣжденію привело лучшихъ дѣятелей Русскаго Географическаго Общества многолѣтнее уже, внимательное, добросовѣстное и умѣлое изученіе русскаго народнаго быта и живое, непосредственное общеніе съ народомъ тѣхъ членовъ Общества, которые, по своей принадлежности къ дворянскому или духовному сословію, имѣли глубокіе корни въ русской землѣ разныхъ губерній имперіи, гдѣ они были или уроженцами, или помѣщиками, а въ постоянныхъ или временныхъ жителей столицы превратились только по своему воспитанію или по состоянію на государственной службѣ [1]).

Конецъ ноября и весь декабрь 1857 г. я посвятилъ обстоятельному ознакомленію съ положеніемъ дѣла освобожденія крестьянъ и съ настроеніемъ по этому предмету всей столичной интеллигенціи. При всемъ разнообразіи высказываемыхъ взглядовъ, для меня, однакожъ, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что большинство этой интеллигенціи, принадлежавшей въ это время, главнымъ образомъ, къ служилому и только отчасти къ помѣстному дворянству (такъ какъ совершенно „свободныхъ профессій“ въ то время среди столичной интеллигенціи почти не существовало), относилось съ сочувствіемъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ, въ полномъ сознаніи, что при доказанной крымскою войною несостоятельности русскаго государственнаго и общественнаго строя и необходимости полнаго его обновленія на первой очереди стоитъ вопросъ объ освобожденіи русскаго народа изъ крѣпостной зависимости. Хотя во главѣ большей части министерствъ, такъ же, какъ и въ составѣ высшихъ государственныхъ учрежденій, находились люди или не сочувствующіе предпринятой Государемъ реформѣ, или индиферентные къ ней, однакожъ въ каждомъ министерствѣ и вѣдомствѣ можно было набрать хотя небольшія ополченія изъ должностныхъ лицъ, готовыхъ отдать всѣ свои силы великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Въ

---

[1]) Приступая къ редакціи своихъ воспоминаній, относящихся къ періоду великой реформы освобожденія крестьянъ (1857—1861 гг.), я составилъ для себя полный списокъ тѣхъ дѣятелей, которые играли болѣе или менѣе видную роль въ дѣлѣ великой реформы Царя-Освободителя, въ эпоху 1857—61 гг. При этомъ оказалось, что изъ 50 внесенныхъ мною въ списокъ именъ не менѣе 20 были до того времени болѣе или менѣе видными научными или общественными дѣятелями въ средѣ Русскаго Географическаго Общества.

провинціи этихъ лицъ клеймили названіемъ „бюрократовъ“ и упрекали ихъ въ незнакомствѣ съ мѣстными условіями русской жизни. Но упреки эти имѣли въ себѣ много несправедливаго. Въ департаментахъ министерствъ, такъ же, какъ и въ гвардейскихъ полкахъ, былъ собранъ цвѣтъ русскаго дворянства. Большинство этого служилаго дворянства родилось не въ Петербургѣ, а въ помѣстьяхъ своихъ родителей въ провинціи сохранило связи съ деревней и имѣло по своему землевладѣнію глубокое знаніе этой деревни и вообще русской земли, дававшей всегда лучшихъ своихъ представителей столицамъ.

Главнымъ центромъ дѣятельности и сношеній со всей Россіей по крестьянскому дѣлу было, конечно, министерство внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго, къ счастью, стоялъ уже въ это время человѣкъ высокой честности и искренно сочувствовавшій великодушнымъ намѣреніямъ своего Государя по дѣлу освобожденія крестьянъ,—Сергѣй Степановичъ Ланской.

Родившійся еще въ 1787 г. и получившій домашнее воспитаніе въ изысканно культурной средѣ вѣка Екатерины II, С. С. Ланской получилъ окончательное развитіе въ началѣ царствованія Александра I, въ то самое время, когда молодой Императоръ старался, по собственному выраженію Его манифеста, „управлять Богомъ ввѣреннымъ Ему народомъ по закону и по сердцу покойной Государыни“ (Екатерины II) и направлялъ всѣ свои усилія къ гуманитарнымъ преобразованіямъ. Когда же, послѣ окончанія славной отечественной войны (1812 — 1815 гг.), преобразовательная дѣятельность Императора Александра I прекратилась, а развившееся, отчасти подъ вліяніемъ гуманныхъ намѣреній Государя, а отчасти подъ вліяніемъ болѣе близкаго ознакомленія съ цивилизаціей западной Европы, стремленіе русской интеллигенціи приняло новое, гуманитарное направленіе, Ланской не остался чуждымъ этому движенію. Въ это время онъ уже былъ сначала мастеромъ провинціальной масонской ложи, а въ 1818 г. былъ введенъ А. Н. Муравьевымъ въ „союзъ благоденствія“. Пока союзъ этотъ оставался вѣрнымъ своей первоначальной цѣли: „подвизаться всѣми силами на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства, препятствовать всякому злу и обличать злоупотребленія чиновниковъ и безчестные поступки частныхъ лицъ, а самимъ быть людьми безъ страха и упрека“, Ланской съ увлеченіемъ сталъ въ ряды этого

тайнаго общества, но когда, послѣ 1821 г., онъ замѣтилъ, что оно перешло на политическую почву и стало задумывать государственный переворотъ путемъ революціи, онъ вышелъ изъ этого союза. Въ царствованіе Императора Николая I Ланской прошелъ всѣ степени высшей служебной іерархіи, былъ губернаторомъ въ двухъ центральныхъ губерніяхъ (Владимірской и Костромской), а въ 1850 г. былъ уже назначенъ членомъ государственнаго совѣта.

Замѣчательно, что пережитая Ланскимъ въ 25-лѣтіе, предшествовавшее его назначенію въ государственный совѣтъ, эпоха косности и обскурантизма не заглушила въ немъ ни его просвѣщенныхъ воззрѣній, ни его гуманныхъ стремленій, и что при этомъ онъ въ своихъ дѣйствіяхъ оставался дѣйствительно человѣкомъ „безъ страха и упрека". Несмотря на совершенное отсутствіе сильной воли въ проведеніи усвоенныхъ имъ государственныхъ соображеній, Ланской обнаруживалъ большую стойкость въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ и своихъ отношеніяхъ къ людямъ, заслужившимъ полное его довѣріе. Такою устойчивостью въ своихъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ взглядахъ во все время своей служебной дѣятельности въ высшихъ чинахъ Ланской былъ, конечно, обязанъ, между прочимъ, близкому и почти ежедневному общенію съ однимъ изъ самыхъ образованныхъ и гуманныхъ людей этого періода, княземъ Владиміромъ Ѳеодоровичемъ Одоевскимъ, который былъ женатъ на родной сестрѣ Сергѣя Степановича. Дѣятельность князя Одоевскаго, какъ ученаго и какъ мецената, въ самомъ лучшемъ и обширномъ смыслѣ этого термина, какъ друга лучшихъ и талантливѣйшихъ людей русской земли и какъ активнаго ревнителя просвѣщенія русскаго народа, пріобрѣла себѣ всеобщую извѣстность, и мнѣ остается замѣтить здѣсь только то, что, хотя Одоевскій и не принималъ никакого участія въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, но во всю великую эпоху этого освобожденія (1857—1861) былъ неизмѣннымъ другомъ и союзникомъ лицъ, работавшихъ по этому дѣлу, а послѣ 19 февраля 1861 г., восторженнымъ поклонникомъ великой реформы.

Возвращаясь къ характеристикѣ одного изъ главныхъ дѣятелей великой эпохи, С. С. Ланского, я долженъ, однакоже, замѣтить, что достигавшій въ то время 70-лѣтняго возраста Ланской не обладалъ, однакоже, многими изъ качествъ, необходимыхъ для той роли, на которую онъ былъ призванъ волею Царя-Освободителя

еще нѣсколько ранѣе того, какъ рѣшимость освободить крестьянъ окончательно созрѣла въ душѣ самого Государя. Это было, когда по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1855 г., Императоръ Александръ II смѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова, по личному къ нему нерасположенію, хотя Бибиковъ имѣлъ большія заслуги по крестьянскому дѣлу еще въ царствованіе Николая I введеніемъ ограничивающихъ крѣпостную зависимость инвентарныхъ правилъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ онъ былъ генералъ-губернаторомъ, и по своей энергіи и личнымъ качествамъ могъ бы быть полезнымъ сотрудникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Послѣ отставки Бибикова, Императоръ Александръ II назначилъ временно управляющимъ министерствомъ С. С. Ланского, какъ одного изъ наиболѣе почтенныхъ и заслуженныхъ членовъ государственнаго совѣта, но окончательно удержалъ его на этомъ мѣстѣ, когда убѣдился въ глубокомъ сочувствіи его дѣлу освобожденія крестьянъ и въ стойкой честности его убѣжденій. Однако, самъ Государь сознавалъ, что Ланскому недоставало многаго для той роли, къ которой онъ былъ призванъ. Ни творчествомъ мысли, ни ясностью и опредѣленностью взглядовъ государственнаго человѣка, ни твердостью воли въ исполненіи принятыхъ имъ рѣшеній Ланской не обладалъ, и при такихъ условіяхъ онъ не могъ быть не только самостоятельнымъ руководителемъ предпринимаемой Государемъ великой реформы, но даже и могущественнымъ проводникомъ началъ или положеній, выработанныхъ болѣе способными государственными дѣятелями ввѣреннаго ему министерства. Такъ же мало могъ Ланской провести хорошо усвоенные имъ взгляды въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и вообще въ высшихъ сферахъ, такъ какъ не обладалъ ни даромъ слова, ни ясностью мысли, вслѣдствіе чего и не пользовался достаточнымъ авторитетомъ въ средѣ своихъ коллегъ [1]).

[1]) Мое личное знакомство съ Ланскимъ началось только съ начала 1859 г., вслѣдствіе частыхъ личныхъ съ нимъ сношеній въ качествѣ члена, завѣдывающаго дѣлами Редакціонныхъ Коммиссій, но дѣятельность его по крестьянскому дѣлу была мнѣ уже хорошо извѣстна съ начала 1858 г. изъ отзывовъ о немъ Я. И. Ростовцова и Н. А. Милютина. Весь же нравственный его обликъ выяснился мнѣ послѣ его увольненія отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ (съ возведеніемъ въ графское достоинство) въ 1861 г., когда графъ Ланской пожелалъ сблизиться со мною съ тѣмъ, чтобы въ рядѣ бесѣдъ передать мнѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для освѣщенія той роли, которую онъ сыгралъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Но я, однакоже, въ то время уклонился отъ при-

Такимъ образомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ нуждалось въ эту эпоху въ человѣкѣ, который могъ бы быть дѣйствительно руководителемъ всей предпринятой реформы и вынести на своихъ плечахъ все тяжелое бремя, возложенное Александромъ II на министерство внутреннихъ дѣлъ. Казалось съ перваго взгляда, что такую роль можетъ выполнить назначенный въ началѣ 1857 г., въ этихъ видахъ, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, бывшій въ министерствѣ графа Киселева директоромъ департамента сельскаго хозяйства и хорошо знакомый съ экономическимъ бытомъ крестьянъ, Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ.

А. И. Левшинъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Родившись еще въ послѣднемъ году XVIII-го вѣка, онъ, окончивъ высшее образованіе въ Харьковскомъ университетѣ и поступивъ на службу въ управленіе государственныхъ имуществъ, уже съ молодыхъ лѣтъ сдѣлался основательнымъ изслѣдователемъ южной и въ особенности юго-восточной Россіи и составилъ себѣ имя въ русской научной литературѣ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, имѣвшихъ серьезный научный характеръ [1]). Административныя свои способности онъ проявилъ съ 1830 г. на должности Одесскаго градоначальника (до 1837 г.), гдѣ ему пришлось съ перваго уже года своего управленія выдержать тяжелую борьбу съ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ—холерой 1831 г., надвинувшейся на всю Россію чрезъ ввѣренный его управленію городъ. По окончаніи холеры Левшинъ обнаружилъ свою просвѣтительную дѣятельность основаніемъ въ Одессѣ журнала „Одесскій Вѣстникъ“ и Публичной Библіотеки. По окончаніи своей службы въ Одессѣ, онъ переѣхалъ въ Петербургъ и въ 1845 г. былъ однимъ изъ учредителей Русскаго Географическаго Общества и въ то же время однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ графа Киселева, въ качествѣ директора департамента сельскаго хозяйства, въ томъ самомъ министерствѣ, которое, по выраженію Императора Николая I, должно

нятія на себя какихъ бы то ни было обязательствъ по разработкѣ исторіи крестьянскаго дѣла, чувствуя, что разносторонніе запросы на мою дѣятельность поглотятъ все мое время, а что когда на закатѣ моихъ дней, въ будущихъ своихъ запискахъ я захочу изложить свои воспоминанія о великой эпохѣ освобожденія, то я не долженъ быть нравственно связанъ въ своихъ сужденіяхъ о дѣятельности главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой эпохи.

[1]) Его Письма изъ Малороссіи были напечатаны въ 1816 г., Статистическое Обозрѣніе Уральскихъ казаковъ—въ 1823 г., а классическое сочиненіе—Описаніе Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей,—въ 1834 г.

было служить Ему подъ начальствомъ Киселева „главнымъ штабомъ" по крестьянской части [1]).

Хотя предпринятая Императоромъ Николаемъ I война противъ крѣпостного права, по выраженію одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей Его штаба, т.-е. министерства государственныхъ имуществъ (А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго), совершавшаяся не по одному общему заранѣе обдуманному плану, имѣла характеръ „партизанской войны" и кончилась безуспѣшно, а самый штабъ съ начала послѣдующаго царствованія былъ расформированъ, въ особенности послѣ назначенія въ 1857 г. министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, все же многолѣтняя дѣятельность графа Киселева во главѣ министерства дала великой эпохѣ 1857—61 гг. не мало самыхъ полезныхъ дѣятелей.

Однимъ изъ нихъ и былъ А. И. Левшинъ, принявшійся за дѣло по новой своей должности сначала, повидимому, съ большой энергіей. Прежде всего, онъ составилъ для Государя краткій историческій обзоръ крѣпостного права въ Россіи, а затѣмъ много способствовалъ, черезъ посредство Ланского, учрежденію (подъ предсѣдательствомъ самого Государя) Секретнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, въ началѣ 1858 г. превращеннаго въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Вообще вліяніе Левшина на весь ходъ крестьянскаго дѣла по министерству внутреннихъ дѣлъ въ теченіе 1857 г. было очень велико, и ко времени обнародованія знаменитаго рескрипта Царя-Освободителя, отъ 20 ноября 1857 года, достигло своего апогея. Но въ этотъ рѣшительный моментъ А. И. Левшинъ обнаружилъ справедливость французской поговорки: „telle étoile qui brille au second rang s'éclipse au premier". Онъ оказалъ свою неспособность къ творчеству въ великомъ государственномъ дѣлѣ и къ первой роли въ предстоящей реформѣ. Не было у него ни смѣлости мышленія, ни опредѣленности въ воззрѣніяхъ, ни стойкости въ убѣжденіяхъ. Съ одной стороны, онъ опасался смутъ между крестьянами, съ другой—неудовольствія помѣщиковъ,

[1]) Близкія мои отношенія къ А. И. Левшину начались уже съ 1854 г., когда онъ былъ избранъ помощникомъ предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества. Къ характеристикѣ благородной личности А. И. Левшина и его отношенія къ Географическому Обществу, я могу привести то, что, когда въ 1873 г. я былъ избранъ вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества, Левшинъ не оставилъ своей скромной должности и продолжалъ свою работу въ качествѣ моего помощника, несмотря на свое высокое положеніе въ служебной іерархіи и преклонные годы.

а съ третьей—боялся вступать въ борьбу съ вліятельными лицами, окружавшими Государя.

Естественно, что по обнародованіи перваго рескрипта, когда отъ руководителя министерства внутреннихъ дѣлъ требовалось болѣе рѣшительности и опредѣленности въ направленіи, вліяніе Левшина на министра внутреннихъ дѣлъ падало съ каждымъ днемъ и должно было уступить мѣсто вліянію другого дѣятеля министерства, несомнѣнно обладавшаго болѣе сильною волею и самыми блестящими качествами государственнаго человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ беззавѣтно преданнаго великодушнымъ намѣреніямъ Государя.

Лицомъ этимъ былъ директоръ хозяйственнаго департамента Н. А. Милютинъ. Высокія дарованія и вся исторія развитія этого дѣятеля должны были неминуемо привести его къ первой роли въ созданіи въ періодъ 1858—61 гг. законопроекта объ освобожденіи крестьянъ.

Н. А. Милютинъ родился въ 1818 г. и получилъ прекрасное воспитаніе въ очень культурной дворянской семьѣ своихъ родителей, жившей въ Москвѣ. Предокъ его отца былъ возведенъ въ дворянское достоинство Петромъ Великимъ за устройство въ Москвѣ первой шелковой фабрики, которая обогатила семейство Милютиныхъ, построившихъ въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, нѣсколько домовъ, въ которыхъ они устроили цѣлый рядъ лавокъ, отдаваемыхъ въ наймы и сохранившихъ еще и донынѣ названіе „Милютиныхъ лавокъ". Но богатство Милютиныхъ, какъ это часто случается въ семьяхъ русскихъ людей, удержалось только въ немногихъ поколѣніяхъ, и уже дѣдъ Николая Алексѣевича оказался сильно разорившимся. Онъ, однакоже, успѣлъ дать своему сыну прекрасное образованіе и опредѣлить его на гражданскую службу въ самое модное изъ тогдашнихъ государственныхъ учрежденій „иностранную коллегію", гдѣ Алексѣй Михайловичъ Милютинъ довольно рано дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Мать Дмитрія и Николая Алексѣевичей, рожденная Киселева, родная сестра графа Павла Дмитріевича, была женщиною выдающеюся по своему уму и образованію. Она вступила въ бракъ въ 1815 г., когда А. М. Милютинъ былъ уже бездѣтнымъ, впрочемъ, вдовцомъ [1]). Родители Николая Алексѣевича очень заботи-

[1]) Первою женою А. М. Милютина была Лук. Петр. Бланкъ, старшая сестра моей матери отъ перваго брака И. К. Бланка (см. главу 2-ую т. I Мемуаровъ).

лись о воспитаніи своихъ пятерыхъ дѣтей и, по свидѣтельству самого Николая Алексѣевича, имѣли на нихъ самое благотворное вліяніе, хотя только самый старшій изъ нихъ (Дмитрій) оказался человѣкомъ вполнѣ уравновѣшеннымъ. Два старшіе сына (которые лѣтъ на 8—10 были старше третьяго) были помѣщены родителями въ лучшее въ то время въ Москвѣ среднее учебное заведеніе—Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ они сразу обнаружили свои необыкновенно блестящія дарованія. Въ то время способнѣйшіе изъ воспитанниковъ пансіона оканчивали въ немъ полный курсъ наукъ въ 17-лѣтнемъ возрастѣ, и родители, обыкновенно довольствуясь полученнымъ ихъ дѣтьми среднимъ образованіемъ, спѣшили опредѣлить ихъ на государственную службу, для того, чтобы они, въ погонѣ за чинами, не потеряли ни одного служебнаго года. Иначе не могли поступить и родители Милютиныхъ, хотя и по другой причинѣ. Обладая очень скромнымъ состояніемъ и имѣя на рукахъ еще троихъ дѣтей, уже достигавшихъ учебнаго возраста, они вынуждены были стремиться къ тому, чтобы ихъ старшіе сыновья достигли скорѣе такого служебнаго положенія, въ которомъ бы уже не нуждались въ матеріальной помощи родителей.

Поэтому Д. А. Милютинъ, родившійся въ 1816 г., уже въ 1833 г. поступилъ вольноопредѣляющимся въ гвардейскую артиллерію, а Н. А. въ 1835 г.—въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Первые годы прохожденія низшихъ ступеней служебной іерархіи были очень тягостны для обоихъ братьевъ. Они должны были пробивать себѣ жизненный путь исключительно своей трудоспособностью и талантливостью. Чуждый по принципу всякаго непотизма—ихъ высокопоставленный дядя, П. Д. Киселевъ, исключительно преданный высокому служенію государственнымъ интересамъ, не обладалъ душевною теплотою и стоялъ очень далеко отъ семейныхъ интересовъ ближайшихъ своихъ родныхъ, вслѣдстіе чего онъ приблизилъ къ себѣ своихъ племянниковъ не ранѣе начала 1850-хъ годовъ, когда Дмитрій Алексѣевичъ, будучи уже профессоромъ Военной Академіи, прославилъ себя нѣсколькими прекрасными сочиненіями по военной исторіи и статистикѣ, а Николай Алексѣевичъ, уже въ должности директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, сдѣлался извѣстнымъ своими умными и смѣлыми реформами въ городскомъ управленіи.

Первыя пять лѣтъ служебной дѣятельности Николая Алексѣевича въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ были самымъ тяжелымъ и безотраднымъ періодомъ его жизни. Служебная дѣятельность выдающагося своими талантами молодого человѣка ограничивалась въ это время канцелярскою перепискою, не шедшею далѣе сочиненія малосодержательныхъ бумагъ, по указанію начальниковъ отдѣленій министерства. Съ этою „канцелярскою хріею", какъ ее называлъ Н. А. Милютинъ, онъ ознакомился очень скоро и проявилъ въ ней не только ясность, но и виртуозность изложенія и даже нѣкоторое творчество, которое обратило на себя въ 1841 г. вниманіе тогдашняго просвѣщеннаго министра, графа А. С. Строганова, въ дошедшей до него запискѣ Милютина о голодѣ. Но канцелярская дѣятельность не могла удовлетворить высокимъ стремленіямъ Николая Алексѣевича. Онъ употреблялъ свои досуги на пополненіе своего еще недостаточнаго образованія чтеніемъ серьезныхъ иностранныхъ сочиненій, которое облегчалось даннымъ ему тщательнымъ домашнимъ образованіемъ и знаніемъ двухъ иностранныхъ языковъ. Всего болѣе интересовали его книги, относящіяся къ новѣйшей французской исторіи, политической экономіи, статистикѣ и соціологіи. Чтеніе этихъ книгъ выработало изъ него ревностнаго поклонника общественной и политической свободы государствъ западной Европы и тонкаго знатока ихъ государственнаго устройства.

Но одна кабинетная дѣятельность не могла удовлетворить пылкой и страстной природы Николая Алексѣевича. Живой и общительный по своему характеру, онъ быстро сближался съ даровитыми людьми и легко дѣлался душою всякой дружеской бесѣды, увлекая своихъ собесѣдниковъ своею живостью и остроуміемъ. Да и порывовъ „юности мятежной" онъ не въ силахъ былъ сдерживать въ эти годы и одинаково увлекалъ не только своихъ серьезныхъ идейныхъ союзниковъ, но и веселыхъ своихъ собутыльниковъ. Однакоже, замѣчательно, что и между послѣдними онъ всегда умѣлъ подобрать людей, выдающихся своей тонкой культурностью и талантливостью. Достаточно назвать между ними В. П. Боткина, съ которымъ онъ даже совершилъ въ 1846 г. поѣздку въ Испанію, дозволившую ему взглянуть на европейскую цивилизацію, съ которой онъ имѣлъ до того времени только книжное знакомство; Н. А. Некрасова, съ которымъ его сблизила ихъ общая любовь

къ народу; высококультурнаго И. П. Арапетова, который сдѣлался впослѣдствіи самымъ преданнымъ ему другомъ; очень популярнаго въ самомъ высшемъ петербургскомъ обществѣ М. Н. Лонгинова, не чуждаго, впрочемъ, и серьезнымъ научнымъ работамъ; извѣстнаго своими литературными работами И. И. Панаева и, наконецъ, выдававшагося своею остроумною веселостью, М. А. Языкова, бывшаго другомъ Бѣлинскаго до самой его кончины.

Возвращаясь постоянно отъ порывовъ мятежной юности къ своимъ высокимъ идеальнымъ стремленіямъ, Н. А. Милютинъ въ особенности сочувствовалъ великимъ государственнымъ планамъ своего знаменитаго дяди, графа Киселева, относительно освобожденія крестьянъ, но, не имѣя еще личныхъ съ нимъ сношеній, старался ознакомиться съ ними чрезъ посредство его близкихъ сотрудниковъ и, въ особенности, чрезъ ближайшаго изъ нихъ—А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, бывшаго уже въ началѣ 40-хъ годовъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ братьями Милютиными, а въ 1841 г. совершившаго, по секретному порученію графа Киселева, объѣздъ разныхъ губерній Россіи съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ великороссійскихъ губерній. Въ этомъ объѣздѣ принялъ негласное участіе и Н. А. Милютинъ, безъ сомнѣнія, не безъ вѣдома графа Киселева, который, впрочемъ, не входилъ по этому поводу ни въ какія личныя сношенія съ своимъ племянникомъ.

Эта первая поѣздка Милютина по Россіи, совершенная подъ руководствомъ такого умнаго и опытнаго изслѣдователя, какимъ былъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, чрезвычайно расширила кругозоръ Николая Алексѣевича и сдѣлала его окончательно страстнымъ сторонникомъ высокой идеи его дяди объ освобожденіи крестьянъ, а его сотрудничество съ такимъ опытнымъ редакторомъ, который впослѣдствіи, уже въ бытность статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта, былъ всѣми признаваемъ обладающимъ государственнымъ перомъ, значительно усовершенствовало Н. А. Милютина въ ясности изложенія предметовъ государственнаго значенія. И дѣйствительно, когда въ 1841 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ А. Г. Строгановъ, поручилъ ему составить для него записку по поводу предположеній о проведеніи въ Россіи первыхъ желѣзныхъ дорогъ, Милютинъ блистательно исполнилъ это порученіе, хотя задача была не легкая, такъ какъ Строгановъ былъ против-

никомъ желѣзныхъ дорогъ, и Милютину пришлось подбирать доводы о вредѣ, отъ нихъ ожидаемомъ. Милютинъ справился съ этой задачей, при всей ея парадоксальности, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ Жанъ-Жакъ Руссо въ подборѣ своихъ доказательствъ о вредѣ народнаго образованія въ сочиненіи, увѣнчанномъ, несмотря на парадоксальность вывода, присужденіемъ установленной Парижской Академіей Наукъ преміи.

Записка Николая Алексѣевича о желѣзныхъ дорогахъ вывела его на болѣе широкій путь государственной дѣятельности. Онъ былъ назначенъ начальникомъ городского отдѣленія хозяйственнаго департамента министерства и на этомъ мѣстѣ могъ уже самостоятельно предпринять смѣлую реформу городского управленія и хозяйства на почвѣ общественнаго самоуправленія, которое въ теченіе немногихъ лѣтъ провелъ съ замѣчательною умѣлостью и полнымъ успѣхомъ.

Съ 1845 г., по учрежденіи Русскаго Географическаго Общества, братья Милютины явились оба въ рядахъ самыхъ раннихъ его дѣятелей. Отдавшись, какъ и всегда, страстно этой новой дѣятельности, особливо въ періодъ 1845—52 гг., Н. А. Милютинъ въ значительной мѣрѣ пополнилъ здѣсь недостаточныя еще свои научныя знанія не только серьезными занятіями въ богатой библіотекѣ Общества, но и сближеніемъ со многими свѣтилами русской науки, сгруппированными въ Обществѣ. Обладая необыкновенною живостью и общительностью, онъ очень скоро успѣлъ сгруппировать вокругъ себя юныхъ дѣятелей русской науки, которые, съ развитіемъ своихъ умственныхъ силъ и знаній, начинали уже тяготиться зависимостью отъ своихъ нѣмецкихъ учителей, стоявшихъ въ это время во главѣ Общества. Всѣ эти молодые русскіе люди жаждали не только сближенія съ русскимъ народомъ и изученія его быта и національныхъ особенностей, но и освобожденія его отъ крѣпостной зависимости. Необыкновенныя способности выказалъ Николай Алексѣевичъ въ созданной имъ же самимъ роли лидера антинѣмецкой партіи, которую онъ успѣлъ организовать въ Обществѣ и дисциплинировать на борьбу, окончившуюся трудно достигнутою побѣдою. На мѣсто должностныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ нѣмецкой національности, были избраны русскіе кандидаты: на должность вице-предсѣдателя (М. Н. Муравьевъ на мѣсто графа Литке) и предсѣдателей отдѣленій: физической гео-

графіи (А. Д. Озерскій на мѣсто Г. П. Гельмерсена), этнографіи (Н. И. Надеждинъ на мѣсто К. М. Бэра) и статистики (А. П. Заблоцкій-Десятовскій на мѣсто П. И. Кеппена).

Семилѣтняя кипучая дѣятельность Милютина въ Географическомъ Обществѣ была для него, можно сказать, эквивалентомъ высшаго академическаго образованія. Цѣлый рядъ слышанныхъ имъ въ Обществѣ научныхъ бесѣдъ и сообщеній, личныя сношенія съ первоклассными русскими учеными и пользованіе обширной библіотекой вполнѣ замѣнили ему чтеніе профессорскихъ лекцій, а предпринятыя имъ собственныя научныя работы помогли ему усвоить строгіе научные методы изслѣдованій. Наконецъ, лидерство, стремящееся къ опредѣленной партійной цѣли, дало ему крылья для предстоящей ему въ будущемъ политической борьбы въ интересахъ русскаго народа, разумѣя подъ народомъ совокупность всѣхъ сословій русскаго государства [1]).

---

[1]) Первое мое сближеніе съ Н. А. Милютинымъ произошло именно въ эту эпоху на почвѣ совмѣстной дѣятельности по Географическому Обществу, гдѣ я, благодаря произведенному имъ перевороту, сдѣлался уже однимъ изъ видныхъ дѣятелей, въ качествѣ помощника предсѣдателя отдѣленія физической географіи. Но въ особенности расположился ко мнѣ Н. А. Милютинъ ко времени возвращенія моего въ 1855 г. изъ трехлѣтняго пребыванія за границей, гдѣ я находился въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ его рано умершимъ, чрезвычайно талантливымъ братомъ, Вл. Ал. Милютинымъ, бывшимъ секретаремъ Географическаго Общества и профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Отъ него Н. А. зналъ о моемъ глубокомъ сочувствіи дѣлу освобожденія крестьянъ и о томъ, что я дѣятельно готовился за границей къ участію въ этомъ дѣлѣ. Еще болѣе близкія и даже дружескія отношенія возникли между нами во время нашихъ почти трехлѣтнихъ ежедневныхъ работъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ убѣдился, что я служу надежною живою связью между руководимою имъ главною лабораторіею Комиссій — хозяйственнымъ ихъ отдѣленіемъ—и предсѣдателемъ Я. И. Ростовцовымъ, который, по своимъ неизмѣннымъ отношеніямъ къ Царю-Освободителю, служилъ главнымъ проводникомъ выработанныхъ, благодаря Милютину, основаній предстоящей реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Милютинъ считалъ меня полезнымъ цементомъ и въ самой средѣ сгруппировавшагося около него большинства Комиссій. Послѣ кончины Ростовцова, Милютинъ, крайне взволнованный назначеніемъ предсѣдателемъ графа Панина, былъ, однакоже, чрезвычайно признателенъ мнѣ за содѣйствіе, оказанное устройству отношеній между новымъ предсѣдателемъ и большинствомъ Комиссій, на которое Царь-Освободитель возложилъ окончаніе законопроекта—совершенно независимо отъ новаго предсѣдателя. Вслѣдствіе установившихся между нами отношеній, Милютинъ возлагалъ на меня большія надежды въ то время, когда онъ еще разсчитывалъ, что приведеніе въ исполненіе Положенія 19 февраля 1861 г. не уйдетъ изъ его рукъ. Когда же, послѣ обнародованія Положенія, всѣ участники въ его составленіи сдѣлались уже ветеранами крестьянскаго дѣла, никто такъ отъ души не радовался моему вступленію въ бракъ съ юною дочерью старѣйшаго изъ этихъ ветерановъ, Е. А. Заблоцкою-

Въ 1852 г. Милютинъ былъ назначенъ на еще болѣе самостоятельную должность директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ 1856 г., по заключеніи Парижскаго мира, онъ, какъ истинно государственный человѣкъ, пришелъ къ глубокому убѣжденію, что при доказанной несчастнымъ окончаніемъ крымской войны несостоятельности общественнаго и государственнаго строя Россіи, наступила пора его полнаго обновленія, а что первымъ актомъ этого обновленія должно было быть освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Въ эту-то эпоху Н. А. Милютину, при его государственномъ умѣ и обаятельныхъ общественныхъ качествахъ, не трудно было сдѣлаться настоящимъ лидеромъ собиравшейся около него партіи, которая стремилась къ освобожденію крестьянъ и состояла не только изъ лучшихъ дѣятелей Географическаго Общества, но и изъ лицъ, бывшихъ на службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ разныхъ другихъ вѣдомствахъ и государственныхъ учрежденіяхъ, а также и при двухъ великокняжескихъ Дворахъ (Великой Княгини Елены Павловны и Великаго Князя Константина Николаевича).

Между этими лицами высокое мѣсто по своимъ блестящимъ дарованіямъ, глубокому знанію бытовой исторіи русскаго народа и пламенной, страстной и полной самоотверженія преданности идеѣ освобожденія крестьянъ занималъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ, связанный тѣсною и неизмѣнною дружбой не только съ Н. А. Милютинымъ, но и со старѣйшимъ его другомъ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ. Хотя Кавелинъ и не принималъ непосредственнаго и, такъ сказать, оффиціальнаго участія въ законодательныхъ рабо-

---

Десятовскою, такъ какъ этотъ бракъ въ его глазахъ былъ союзомъ, совершившимся какъ бы въ семьѣ участниковъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. На первомъ же обѣдѣ въ память 19 февраля 1861 года Н. А. Милютинъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ высказалъ какъ бы завѣтъ своимъ сотоварищамъ по Редакціоннымъ Коммиссіямъ: „Отнынѣ ежегодно, въ великій день 19 февраля, надлежитъ собираться Членамъ Редакціонныхъ Коммиссій для чествованія сего дня. И когда, одинъ за однимъ, сойдутъ въ могилу Члены Редакціонныхъ Коммиссій и останется въ живыхъ хотя одинъ изъ нихъ, да подыметъ онъ, въ день 19 февраля, бокалъ въ память своихъ сотоварищей и выпьетъ за благоденствіе Россіи и за великое дѣло, совершенное 19 февраля 1861 года. И только этотъ обѣдъ да будетъ послѣднимъ обѣдомъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ“. На мою долю выпало быть послѣднимъ исполнителемъ завѣта Н. А. Милютина. (Этотъ завѣтъ былъ въ точности выполненъ П. П. Семеновымъ, провозгласившимъ традиціонные тосты въ послѣдній разъ 19 февраля 1914 года, за недѣлю до своей кончины).

тахъ по освобожденію крестьянъ, но услуга, оказанная имъ этому великому дѣлу, такъ велика, что она дѣлаетъ его имя незабвеннымъ въ исторіи этой эпохи.

Разъясненіе этой услуги и характеристика его личности, заслужившей всеобщія симпатіи современниковъ, представляются мнѣ здѣсь какъ нельзя болѣе умѣстными.

К. Д. Кавелинъ родился, какъ и Милютинъ, въ 1818 г., принадлежалъ къ древней дворянской фамиліи и выросъ въ помѣстьи своихъ родителей, посреди тяжелыхъ условій крѣпостного права. Уже въ юношескіе годы пылкая душа Константина Дмитріевича и пытливый его умъ, на развитіе котораго повліялъ одинъ изъ раннихъ его учителей, В. Г. Бѣлинскій, представили ему окружающее его крѣпостное право въ самомъ неприглядномъ видѣ и выработали изъ него страстнаго его противника.

Окончилъ онъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ въ 1839 г., подъ руководствомъ цѣлой плеяды бывшихъ тамъ въ то время блестящихъ профессоровъ, по юридическому факультету, получивъ золотую медаль за первую ученую работу о римскомъ землевладѣніи, написанную, очевидно, подъ вліяніемъ его высокоталантливаго учителя, профессора Крылова, и напечатанную въ 1841 г. Въ 1844 г. Кавелинъ, будучи уже магистромъ, получилъ каѳедру въ Московскомъ университетѣ по исторіи русскаго законодательства. Его воодушевленныя и изящныя лекціи и бесѣды о юридическомъ бытѣ древней Руси привлекали къ нему многочисленныхъ слушателей и почитателей, но въ 1848 г. его страстный и неуравновѣшенный характеръ вызвалъ рѣзкое столкновеніе съ его знаменитымъ учителемъ, профессоромъ Крыловымъ, и заставилъ его оставить университетъ и, по переѣздѣ въ Петербургъ, искать здѣсь средствъ къ существованію, такъ какъ онъ въ это время уже былъ семейнымъ человѣкомъ.

Здѣсь онъ возвратился въ среду любимыхъ друзей, пріобрѣтенныхъ имъ во время его прежняго пребыванія въ Петербургѣ (1841 — 43 г.) [1]. Старѣйшій изъ нихъ, В. Г. Бѣлинскій, въ то время былъ уже близокъ къ смерти, а остальные встрѣтили Кавелина не только привѣтливо, но и доставили ему новыхъ друзей [2],

[1]) В. Г. Бѣлинскій, Кульчицкій, И. И. Панаевъ, О. И. Тютчевъ, И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ.

[2]) Д. А. и Н. А. Милютины, А. И. Заблоцкій-Десятовскій и А. К. Гирсъ.

съ которыми онъ быстро и близко сошелся на дорогой имъ идеѣ освобожденія крестьянъ, въ то время еще не принявшей опредѣленнаго характера.

Введенный своими новыми друзьями въ составъ Русскаго Географическаго Общества, онъ принялъ живое участіе въ затѣянной въ то время подъ вліяніемъ Милютина борьбѣ русской партіи противъ нѣмецкой и много способствовалъ побѣдѣ, одержанной этой партіей и повлекшей за собой замѣну нѣмецкихъ руководителей Общества русскими [1]). Переворотъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ то, что новые дѣятели Общества обратили усиленное вниманіе на изученіе русскаго народнаго быта и аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, несомнѣнно подготовившее великую реформу послѣдующаго царствованія. Самъ Кавелинъ принялъ, конечно, живое участіе въ этихъ работахъ [2]).

---

[1]) М. Н. Муравьевъ, К. И. Арсеньевъ, А. Д. Озерскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій и Н. И. Надеждинъ.

[2]) Эти работы познакомили меня съ Константиномъ Дмитріевичемъ, такъ какъ я, окончивъ въ то время курсъ въ университетѣ, былъ уже должностнымъ лицомъ въ Обществѣ, исполняя принятыя на себя добровольно обязанности его библіотекаря. Но сблизилъ меня съ Кавелинымъ на всю жизнь слѣдующій по существу ничтожный случай, подтвердившій справедливость отзыва о немъ, приведеннаго однимъ изъ его достойныхъ біографовъ (профессоромъ Дьяконовымъ) о томъ, что Кавелинъ, со свойственною ему пылкостью души, умѣлъ безпредѣльно любить и ненавидѣть. Въ 1849 г. отправлялась на пребываніе въ Москву къ своимъ братьямъ молодая супруга Константина Дмитріевича, Антонина Дмитріевна (рожденная Коршъ), съ двухлѣтнимъ сыномъ Митей, прелестнымъ и обожаемымъ своимъ отцомъ ребенкомъ. Желѣзныхъ дорогъ въ то время не существовало, а подобныя поѣздки совершались въ мальпостахъ. Билеты брались заранѣе, и каждому изъ переѣзжающихъ лицъ предстояло быть на три дня запертымъ въ тѣсномъ двухмѣстномъ купэ съ неизвѣстнымъ ему попутчикомъ. Понятно, что Кавелинъ, не могшій по обстоятельствамъ сопровождать свое семейство въ Москву и сильно озабоченный его спокойствіемъ, наводилъ предварительныя справки о томъ попутчикѣ, котораго пошлетъ судьба его семьѣ. Къ большому своему удовольствію онъ нашелъ въ записи знакомое ему мое имя. Конечно, онъ еще мало зналъ меня, но, руководствуясь теплымъ отзывомъ обо мнѣ своихъ друзей Милютина и Гирса, онъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ и рекомендовалъ моимъ, какъ онъ выразился, заботамъ и покровительству свою жену и обожаемаго имъ ребенка. Я охотно взялся за такое порученіе и обѣщалъ ему, что сумѣю охранить его семейство отъ всякихъ тревогъ, непріятностей и даже излишней усталости, и, конечно, сдержалъ свое обѣщаніе. А. Д. Кавелина оказалась женщиною нѣжнаго сложенія и слабаго здоровья. Такъ какъ купэ представляло тѣсное помѣщеніе даже для двухъ лицъ, то двухлѣтній ребенокъ долженъ былъ оставаться на рукахъ матери, что лишило бы ее сна на три ночи, вслѣдствіе чего я взялъ его себѣ на руки, приготовивъ ему удобное ложе для сна на своихъ колѣняхъ. На главныхъ станціяхъ, на которыхъ приходилось оставаться часа по два, были другія затрудненія. Въ довольно обширной

После сближенія Кавелина съ Милютинымъ и въ особенности въ концѣ крымской войны, всѣ помыслы обоихъ были направлены

но всегда одной комнатѣ для проѣзжающихъ, лишенной малѣйшаго комфорта, мнѣ приходилось устраивать въ лучшемъ углу комнаты что-то въ родѣ импровизованной палатки для матери и ребенка, заботиться о ихъ питаніи и ограждать ихъ отъ вторженія къ нимъ часто очень грубыхъ проѣзжихъ. Къ счастью, все окончилось благополучно, и Антонина Дмитріевна могла засвидѣтельствовать, что она съ Митей никогда не дѣлала переѣзда въ Москву съ большимъ комфортомъ. Такая ничтожная услуга расположила ко мнѣ Кавелина на всю жизнь, и онъ трогательно вспоминалъ о ней даже черезъ 12 лѣтъ, уже послѣ кончины своего горячо любимаго сына. Но истинно дружеское наше сближеніе съ К. Д. Кавелинымъ началось только съ 1861 г., когда мы оба были уже ветеранами эпохи освобожденія крестьянъ, такъ какъ во все продолженіе этой эпохи нашему сближенію препятствовала моя близость къ Ростовцову, котораго онъ продолжалъ упорно ненавидѣть по недоразумѣнію, несмотря на то, что его воображаемый врагъ принесъ сознательно въ жертву свою жизнь созданной Кавелинымъ идеѣ земельнаго освобожденія крестьянъ и созданію крестьянской земельной собственности, путемъ правительственнаго выкупа надѣльныхъ земель. Дружескому сближенію нашему съ Кавелинымъ способствовало въ особенности вступленіе мое въ маѣ 1861 г. въ семью ближайшаго его въ то время друга, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, на старшей дочери котораго я женился. Въ нашей семьѣ нашелъ онъ теплое участіе при двухъ обстоятельствахъ, произведшихъ полный переворотъ въ его жизни: горестной потерѣ подававшаго самыя отрадныя надежды его четырнадцатилѣтняго сына и выхода его вмѣстѣ съ товарищами (А. Н. Пыпинымъ, М. М. Стасюлевичемъ, В. Д. Спасовичемъ и Б. И. Утинымъ) изъ профессоровъ университета, послѣ происшедшихъ тамъ извѣстныхъ волненій. Сходились мы съ Кавелинымъ во взглядахъ на будущность земскихъ учрежденій, но въ особенности въ перенесеніи на практическую почву нашихъ заботъ о благосостояніи крестьянъ. Онъ сталъ часто посѣщать свое имѣніе въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, ввелъ тамъ многополье и травосѣяніе, поднялъ скотоводство, завелъ сыровареніе, и все это для того, чтобы дать примѣръ интенсивнаго хозяйства крестьянамъ, для которыхъ завелъ сельскій банкъ и двѣ школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ явился ихъ вѣрнымъ другомъ и просвѣщеннымъ совѣтчикомъ и руководителемъ. Само собою разумѣется, что такая дѣятельность вполнѣ заслужила ихъ довѣріе и трогательную привязанность. Съ удовольствіемъ дѣлился онъ со мною своими деревенскими впечатлѣніями и наблюденіями и съ радостью знакомилъ меня съ пріѣзжавшими къ нему въ Петербургъ самыми интеллигентными изъ крестьянъ, въ свою очередь радуясь, когда я принималъ участіе въ интересныхъ съ ними бесѣдахъ. Но и въ столичной своей дѣятельности, кромѣ упорнаго своего труда, онъ искалъ и находилъ забвеніе въ своихъ горестяхъ и сколько-нибудь радостное впечатлѣніе въ организаціонныхъ и практическихъ трудахъ по общественной благотворительности. Въ 1868 г. онъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ и неизмѣннымъ другомъ А. П. Заблоцкимъ и прекраснымъ по своимъ душевнымъ качествамъ Д. С. Протопоповымъ затѣялъ учредить на территоріи Андреевскаго прихода, въ которомъ мы жили, благотворительное Общество для пособія всѣмъ нуждающимся (безъ различія вѣроисповѣданія), живущимъ въ предѣлахъ прихода. Самое дѣятельное участіе въ составленіи устава этого Общества приняли А. П. Заблоцкій и К. Д. Кавелинъ. Поставили мы его подъ хоругвь приходской церкви съ цѣлью привлечь къ нему, съ одной стороны, приходское духовенство, а съ другой всѣхъ достаточныхъ лицъ, вышедшихъ изъ среды народа и жи-

на дѣло освобожденія крестьянъ, которое они оба считали первою и самою необходимою реформою при обновленіи русскаго государственнаго строя. Но при обсужденіи этого вопроса въ кругу сочувствующихъ ему лучшихъ людей столичной интеллигенціи Кавелину безспорно принадлежитъ первенство въ установленіи принципа земельнаго, а не безземельнаго освобожденія крестьянъ. Указаніе

вущихъ въ предѣлахъ прихода, имѣвшаго уже въ то время около 50 тысячъ жителей. Въ мартѣ 1869 г. Общество уже было открыто, просвѣщенное духовенство съ большимъ сочувствіемъ отозвалось на нашъ призывъ, а достаточное купечество Андреевскаго рынка пошло въ наше Общество сначала только изъ любопытства, желая видѣть, какъ пойдетъ „барская затѣя". Затѣмъ Кавелинъ сдѣлался скоро душою всего дѣла и такъ сумѣлъ привлечь къ нему сердца малокультурныхъ, вышедшихъ изъ народа людей, что они влюбились въ организованное нами дѣло христіанскаго милосердія и благотворительности. Составилось попечительство о бѣдныхъ; вся территорія прихода была раздѣлена на участки между попечителями, изъ которыхъ каждый принялъ на себя заботы о бѣдныхъ своего участка. Кавелинъ съ увлеченіемъ посѣщалъ всѣхъ бѣдныхъ своего участка и вникалъ въ обстановку ихъ жизни и причины ихъ бѣдности. Затѣмъ мы очень часто собирались подъ предсѣдательствомъ А. П. Заблоцкаго для обсужденія способовъ подачи помощи неимущимъ. Средствъ мы вначалѣ никакихъ не имѣли, кромѣ добровольныхъ приношеній. При всемъ томъ мнѣ удалось настоять, чтобы пособія разысканнымъ нами бѣднымъ не имѣли характера случайныхъ подачекъ, а производились въ формѣ хотя бы очень скромныхъ ежемѣсячныхъ пособій; вмѣстѣ съ тѣмъ была нанята удобная квартира для призрѣнія престарѣлыхъ женщинъ, живущихъ въ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ, и круглыхъ сиротъ, находимыхъ нами въ предѣлахъ прихода. Сначала Кавелинъ, со свойственными ему пессимистическими воззрѣніями, сильно опасался принять на Общество по отношенію къ бѣднымъ обязанности, на исполненіе которыхъ у насъ не было никакихъ опредѣленныхъ средствъ, но когда ему пришлось извлечь престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду женщинъ изъ грязныхъ угловъ, въ которыхъ онѣ доживали свой вѣкъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, и принять изъ рукъ умирающей матери первыхъ круглыхъ сиротъ, нами найденныхъ въ предѣлахъ прихода, то онъ отнесся къ нашей задачѣ съ обычной душевной теплотой. Когда черезъ три года мы, имѣя уже нѣсколько тысячъ рублей, принялись за постройку собственнаго дома, и намъ удалось построить этотъ домъ (нынѣ цѣнимый въ 200.000 рублей) съ остаткомъ въ 21.000 рублей, то Кавелинъ сказалъ намъ, что только теперь онъ увѣровалъ въ Евангельское повѣствованіе о чудѣ умноженія хлѣбовъ. Когда же въ 1881 г. скончался первый предсѣдатель Андреевскаго приходскаго благотворительнаго Общества, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, то попечители Общества единогласно избрали предсѣдателемъ К. Д. Кавелина, внушившаго имъ полное довѣріе и преданность не только своею самоотверженною дѣятельностью на пользу ближнихъ, но и душевною теплотою. Однако Кавелинъ, по своей скромности, не принялъ на себя этой должности, а настоялъ на моемъ избраніи, усиливъ еще свою дѣятельность на пользу созданнаго имъ Общества въ послѣдніе четыре года своей жизни. Онъ скончался въ 1885 году, унося съ собою столько горячей любви всѣхъ его близко знавшихъ и въ особенности своихъ сотрудниковъ и учениковъ, сколько не доставалось на долю ни одному изъ первостепенныхъ дѣятелей великой эпохи.

на то, что это можетъ быть достигнуто только путемъ правительственнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, принадлежитъ также К. Д. Кавелину и составляетъ его безсмертную заслугу въ исторіи великой эпохи.

Идеи свои по этому предмету Кавелинъ выразилъ впервые въ запискѣ, написанной имъ еще въ мартѣ 1855 г., ходившей по рукамъ въ началѣ царствованія Императора Александра II, сблизившей его съ лучшими дѣятелями эпохи освобожденія (въ особенности съ Н. А. Милютинымъ, А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ и княземъ В. А. Черкасскимъ) и обратившей на него вниманіе Великой Княгини Елены Павловны. Послѣдняя поручила ему вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ составить положеніе для освобождаемыхъ Великой Княгиней изъ крѣпостной зависимости собственныхъ ея крестьянъ помѣстья Карловки, Константиноградскаго уѣзда Полтавской губ., что и было имъ исполнено въ 1857 г. Будучи уже профессоромъ С.-Петербургскаго университета, онъ былъ приглашенъ къ преподаванію правовѣдѣнія Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу.

Наибольшій контингентъ лицъ, способныхъ для служенія великому дѣлу освобожденія крестьянъ, приготовило, конечно, изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій то министерство, которое Императоръ Николай I называлъ своимъ „главнымъ штабомъ" по крестьянскому дѣлу, а именно министерство государственныхъ имуществъ. Хотя партизанская война, которую Императоръ Николай I велъ противъ крѣпостного права со времени учрежденія министерства (1837—1848 гг.), прекратилась вслѣдствіе того, что Государь отказался отъ своего великодушнаго намѣренія, но на министерствѣ осталась еще забота объ улучшеніи быта государственныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого, когда графъ П. Д. Киселевъ покидалъ свое министерство въ 1856 году, онъ оставилъ послѣ себя цѣлую плеяду сравнительно молодыхъ дѣятелей, прекрасно подготовленныхъ для активнаго участія въ великихъ реформахъ царствованія Императора Александра II.

Безспорно, самымъ талантливымъ и опытнымъ между ними былъ ближайшій сотрудникъ Киселева именно въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Этотъ дѣйствительно выдающійся по своему уму и талантамъ человѣкъ родился въ 1807 г. въ Сѣверской Руси (Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ

Черниговской губерніи). Фамилія его принадлежала къ древнему малороссійскому дворянскому роду. Его отецъ, получившій высшее образованіе въ лучшемъ въ то время высшемъ учебномъ заведеніи въ Малороссіи—Кіевской духовной академіи, остался, вслѣдствіе полнаго разоренія своей осиротѣвшей родительской семьи, какъ старшій братъ, во главѣ ея, долженъ былъ съ учебной скамьи непосредственно обратиться къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ и, выработавъ изъ себя очень скоро дѣльнаго агронома, занялъ мѣсто управляющаго обширнымъ имѣніемъ въ одномъ изъ богатѣйшихъ помѣстій Черниговской губерніи. Это обстоятельство поставило его въ близкія ежедневныя отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ и дало возможность его дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ непосредственно знакомиться съ бытомъ малороссійскихъ крестьянъ. Старшій изъ его сыновей, Андрей Парѳеновичъ, окончивъ среднее образованіе въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, поступилъ, по желанію отца, въ Московскій университетъ, гдѣ его замѣчательныя дарованія обратили на себя особенное вниманіе профессоровъ и дали ему возможность окончить высшее образованіе въ 1831 г. съ дипломомъ магистра математическихъ наукъ. Переѣхавъ въ Петербургъ, Заблоцкій-Десятовскій поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ очень скоро его математическія и въ особенности замѣчательныя редакторскія способности обратили вниманіе начальства, и на него были возложены сначала первыя самостоятельныя работы по статистикѣ населенія всей имперіи, а затѣмъ редакція журнала министерства внутреннихъ дѣлъ.

По учрежденіи въ 1837 году министерства государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ привлекъ его въ свое министерство уже въ качествѣ опытнаго редактора и очень скоро оцѣнилъ его способности въ такой степени, что, кромѣ возложенной на него редакціи журнала министерства государственныхъ имуществъ, Заблоцкій-Десятовскій сдѣлался „перомъ“ графа Киселева во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось ясное и отчетливое изложеніе по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Такой близкій сотрудникъ былъ тѣмъ необходимѣе для графа Киселева, что, при необыкновенной ясности и опредѣленности своего истинно-государственнаго ума, графъ всегда любилъ самъ набрасывать сжатый конспектъ того, что онъ желалъ высказать по существу дѣла въ своихъ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ разными мѣстами и лицами и въ особенности въ сво-

ихъ предписаніяхъ и распоряженіяхъ; между тѣмъ онъ, при менѣе совершенномъ владѣніи (какъ это зачастую случалось въ то время въ высшихъ сферахъ) русскимъ, чѣмъ французскимъ языкомъ, нѣсколько затруднялся въ правильномъ изложеніи своихъ мнѣній и намѣреній на родномъ языкѣ. При возникшихъ вслѣдствіе того частыхъ и близкихъ сношеніяхъ графа Киселева съ Заблоцкимъ-Десятовскимъ, послѣдній сдѣлался постепенно ближайшимъ его конфидентомъ и совѣтчикомъ по живо интересовавшему не только ихъ обоихъ, но и Императора Николая I вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Когда былъ учрежденъ еще въ 1839 г., подъ предсѣдательствомъ самого Государя, Секретный Комитетъ для разсмотрѣнія предположеній Киселева объ ограниченіи крѣпостного права, встрѣчавшихъ постоянный и сильный отпоръ со стороны ближайшихъ совѣтчиковъ Государя, графъ Киселевъ поручилъ Заблоцкому-Десятовскому въ 1841 г. объѣхать внутреннія губерніи Россіи для собранія необходимыхъ ему свѣдѣній объ экономическомъ положеніи не только государственныхъ крестьянъ, но попутно и крестьянъ помѣщичьихъ.

Результатомъ этой командировки была замѣчательная записка Заблоцкаго-Десятовскаго: „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи", законченная и представленная графу Киселеву въ 1842 году. Записка эта впервые затронула глубоко и разносторонне (со стороны сельскохозяйственной, политической и нравственной) вопросъ о необходимости будущаго освобожденія крестьянъ. Къ сожалѣнію, противодѣйствіе, встрѣченное графомъ Киселевымъ въ Секретномъ Комитетѣ со стороны всѣхъ остальныхъ совѣтчиковъ Государя по дѣлу освобожденія крестьянъ, было такъ велико, что графъ не рѣшился представить Государю записки Заблоцкаго-Десятовскаго, а къ концу 1840-хъ годовъ Государь окончательно отказался отъ своихъ благихъ намѣреній, и графу Киселеву оставалось ограничиться заботами объ улучшеніи быта состоявшихъ въ исключительномъ вѣдѣніи его министерства государственныхъ крестьянъ. Въ этомъ дѣлѣ Заблоцкій-Десятовскій оказался самымъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ, облекая въ ясную и опредѣленную редакціонную форму всѣ инструкціи и распоряженія министра государственныхъ имуществъ и даже вносимые на разсмотрѣніе государственнаго совѣта законопроекты, относящіеся къ государственнымъ крестьянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Заблоцкій-Десятовскій много заботился объ откры-

тіи сельскихъ школъ и распространеніи просвѣщенія между государственными крестьянами, а когда сильно началъ чувствоваться недостатокъ книгъ для народнаго чтенія, то Заблоцкій-Десятовскій вмѣстѣ со своимъ просвѣщеннымъ другомъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, издалъ въ 1843 г., подъ названіемъ „Сельское Чтеніе“, первую популярную книгу для крестьянъ, которая такъ удовлетворила тогдашнимъ потребностямъ народа, что разошлась въ первые два года своего изданія въ 30.000 экземплярахъ.

Впослѣдствіи Заблоцкій-Десятовскій въ теченіе многихъ лѣтъ редактировалъ другое популярное изданіе по сельскому хозяйству— „Земледѣльческую газету“. Въ то же самое время Андрей Парфеновичъ, избранный въ 1848 г. въ предсѣдатели статистическаго отдѣленія Русскаго Географическаго Общества, явился не только прекраснымъ изслѣдователемъ русскаго народнаго быта, но и руководителемъ другихъ изслѣдователей. Нѣтъ сомнѣнія, что многолѣтнее общеніе съ такимъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ, какимъ былъ графъ Киселевъ, вмѣстѣ съ научными занятіями по изслѣдованію русскаго народа въ Географическомъ Обществѣ, выработали изъ Заблоцкаго-Десятовскаго истинно-государственнаго человѣка.

Будучи, послѣ назначенія А. П. Левшина товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, избранъ графомъ Киселевымъ на должность директора департамента сельскаго хозяйства, Заблоцкій-Десятовскій не только въ этой должности, но и вообще въ теченіе своей 20-лѣтней дѣятельности въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и Географическомъ Обществѣ (1838—1858 гг.) оказалъ громадное вліяніе, въ качествѣ самаго талантливаго инструктора, на подготовку полезнѣйшихъ дѣятелей для великой эпохи реформъ Императора Александра II [1]). Достаточно назвать между ними

[1]) Къ этому времени относится мое первое знакомство съ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ. Онъ постоянно привлекалъ меня къ обсужденію въ отдѣленіяхъ статистики и этнографіи Географическаго Общества различныхъ вопросовъ, относящихся къ изученію быта и экономическаго положенія русскаго народа въ разныхъ частяхъ имперіи и подготовлявшихъ разрѣшеніе великаго вопроса освобожденія крестьянъ. Онъ также сильно способствовалъ порученію мнѣ Обществомъ, совмѣстно съ Н. В. Ханыковымъ и В. В. Григорьевымъ, перевода Риттеровой Азіи и составленія къ ней обширныхъ дополненій. Затѣмъ А. П. Заблоцкій еще болѣе сблизился со мною по возвращеніи моемъ въ 1855 г. изъ трехлѣтняго пребыванія за границею и горячо поддерживалъ осуществленіе завѣтной моей мечты о снаряженіи, подъ покровительствомъ Императорскаго

Н. А. Милютина, Н. И. Арапетова, Я. А. Соловьева и К. И. Домонтовича по крестьянскому дѣлу, К. С. Веселовскаго и В. П. Безобразова по статистикѣ и политической экономіи, по которымъ они оба были избраны въ члены Академіи Наукъ (а первый изъ нихъ, какъ отличный редакторъ, и въ непремѣнные секретари Академіи), В. И. Вешнякова и братьевъ Щепкиныхъ по сельскому хозяйству, Е. И. Ламанскаго, А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Куломзина, С. А. Ольхина и мн. другихъ по государственнымъ финансамъ. Съ назначеніемъ Заблоцкаго-Десятовскаго директоромъ департамента сельскаго хозяйства на мѣсто А. И. Левшина, особенное значеніе было придано въ министерствѣ государственныхъ имуществъ работамъ кадастровымъ въ различныхъ губерніяхъ Россіи. Между чиновниками, работавшими по этой части подъ руководствомъ А. П. Заблоцкаго, самыя большія услуги оказалъ впослѣдствіи дѣлу освобожденія крестьянъ Я. А. Соловьевъ.

Я. А. Соловьевъ родился въ 1820 г. въ Петербургѣ, въ дворянской семьѣ, принадлежавшей не къ помѣстному провинціальному, а къ городскому служилому дворянству, окончилъ высшее образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ 1843 году поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ замѣчательная его трудоспособность была оцѣнена очень скоро. Случай пополнить то, чего ему болѣе всего недоставало, а именно знакомство съ русскою землею, въ которой онъ не имѣлъ корней, скоро представился. Послѣ канцелярскихъ работъ въ департаментѣ земледѣлія, дѣятельность Соловьева была обращена на кадастровыя работы подъ руководствомъ А. П. Заблоцкаго, сначала во Владимір-

Русскаго Географическаго Общества, смѣло задуманной мною экспедиціи во внутреннюю Азію для изслѣдованія невѣдомой Тянь-Шанской горной системы, долженствовавшей подпасть подъ русское владычество. Послѣ же возвращенія моего въ 1857 г. изъ этой экспедиціи, сношенія мои съ А. П. Заблоцкимъ получили уже совершенно дружескій характеръ, на почвѣ совмѣстныхъ нашихъ работъ въ средѣ Редакціонныхъ Коммиссій и связанныхъ съ ними почти ежедневныхъ сношеній, которыя завершились, по счастливомъ окончаніи ихъ въ началѣ 1861 г., моимъ бракомъ съ 18-лѣтнею его дочерью и вступленіемъ въ его семейство. Съ тѣхъ поръ вся остальная, въ высшей степени полезная для Россіи общественная и государственная дѣятельность А. П. Заблоцкаго (въ качествѣ сначала статсъ-секретаря, затѣмъ члена государственнаго совѣта, а также чрезвычайно вліятельнаго гласнаго городской думы и предсѣдателя приходскаго благотворительнаго общества) проходила на моихъ глазахъ до самой кончины этого признаваемаго всѣми истиннаго мудреца, принадлежавшаго къ блестящей плеядѣ дѣятелей великой эпохи 1857 — 1861 гг.

ской, а потомъ въ Смоленской губерніяхъ. Результатомъ этихъ работъ, занявшихъ нѣсколько лѣтъ, была „Сельскохозяйственная статистика Смоленской губерніи“, сочиненіе, обратившее на себя вниманіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, удостоившаго автора одною изъ своихъ высшихъ наградъ: „Жуковской преміи“. Что еще важнѣе, кадастровыя работы Соловьева въ Смоленской губерніи ознакомили его съ экономическимъ положеніемъ какъ государственныхъ, такъ попутно и помѣщичьихъ крестьянъ этой губерніи, еще не успѣвшихъ даже и въ то время оправиться отъ постигшаго ихъ разоренія послѣ отечественной войны 1812 года.

Въ 1857 г. Я. А. Соловьевъ, уже какъ знатокъ экономическаго быта крестьянъ, былъ приглашенъ А. И. Левшинымъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду разраставшейся переписки по крестьянскому дѣлу со всею Россіею. Дѣлопроизводство всего министерства по крестьянскому дѣлу было возложено на особый отдѣлъ Центральнаго статистическаго комитета, во главѣ котораго былъ поставленъ Я. А. Соловьевъ, сдѣлавшійся, такимъ образомъ, главнымъ офиціальнымъ докладчикомъ министра по крестьянскимъ дѣламъ.

Выборъ Соловьева нельзя было признать неудачнымъ: онъ соединялъ въ себѣ нѣкоторыя неоцѣнимыя качества для предстоявшей ему роли правителя дѣлъ исполнительной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ по быстро развивающемуся крестьянскому вопросу, а именно — необыкновенную трудоспособность, стойкость въ неуклонномъ исполненіи ясно формулированныхъ ему предначертаній правительства и практическое знакомство, если не съ обычнымъ правомъ, регулировавшимъ въ то время отношенія между крѣпостными крестьянами и ихъ помѣщиками, то, по крайней мѣрѣ, съ экономическимъ бытомъ крестьянскаго сословія (особливо государственныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ нечерноземныхъ губерній Россіи). Но для роли болѣе или менѣе самостоятельнаго вершителя судебъ крестьянскаго сословія или законодателя по крестьянскому дѣлу Соловьеву недоставало многихъ качествъ и, прежде всего, широкаго взгляда государственнаго человѣка и творческаго генія. Высоко честный, прямолинейный и даже радикальный въ своихъ убѣжденіяхъ, беззавѣтно преданный великому дѣлу освобожденія крестьянъ, Соловьевъ въ своихъ сношеніяхъ съ равными себѣ часто обнаруживалъ самое мелочное самолюбіе и упрямство, а въ

своихъ сношеніяхъ съ подчиненными — высокомѣріе, излишнюю и притомъ мелочную требовательность, раздражительность, иногда и сухой формализмъ, а слѣдовательно, совершенную неспособность воодушевить своихъ сотрудниковъ къ выпадавшему на нихъ долю тяжелому труду подобно тому, какъ это умѣлъ дѣлать Милютинъ [1]).

При такихъ свойствахъ Соловьевъ могъ быть, однакоже, крайне полезнымъ въ данное время дѣятелемъ, но не иначе, какъ подъ руководствомъ человѣка, обладающаго всѣми тѣми качествами, которыхъ онъ не имѣлъ, и въ особенности государственнымъ умомъ и творческимъ геніемъ. Такого человѣка Соловьевъ не имѣлъ ни въ своемъ министрѣ С. С. Ланскомъ, ни въ его товарищѣ А. И. Левшинѣ. Но, къ счастью, всѣ эти качества, необходимыя для твердаго руководителя крестьянскаго дѣла, нашлись въ Н. А. Милютинѣ, обаятельному вліянію котораго Соловьевъ подчинился очень скоро, несмотря на то, что не состоялъ къ нему ни въ какомъ служебномъ подчиненіи; въ немъ онъ нашелъ твердую точку опоры

[1]) Я познакомился впервые съ Я. А. Соловьевымъ только въ 1855 г., участвуя въ присужденіи ему Географическимъ Обществомъ Жуковской преміи за его замѣчательное для того времени сочиненіе по сельскохозяйственной статистикѣ Смоленской губ. Полное же наше сближеніе произошло въ 1859 г., по открытіи дѣйствій Редакціонныхъ Коммиссій, когда намъ пришлось дружески размежевать между собою обширный и тяжелый трудъ по разработкѣ необходимаго для составленія нашего законопроекта матеріала, стекавшагося къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи. Такъ какъ мы находились оба въ совершенно независимомъ другъ отъ друга положеніи, то между нами, при нашихъ ежедневныхъ сношеніяхъ, никакихъ столкновеній не произошло, несмотря на тяжелый и раздражительный характеръ Соловьева; этому способствовала правильная постановка раздѣленія между нами труда и взаимное сознаніе той пользы, которую каждый изъ насъ приносилъ одинаково дорогому намъ дѣлу освобожденія крестьянъ. По обнародованіи Положенія 19 февраля 1861 г., Соловьевъ былъ однимъ изъ немногихъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссіи, оставшихся „у своего дѣла". Съ 1861 г. я былъ, въ качествѣ ближайшаго его коллеги, какъ директоръ Центральнаго статистическаго комитета, свидѣтелемъ его полезной дѣятельности по приведенію въ исполненіе новаго закона. Онъ дѣйствительно стоялъ на стражѣ правильнаго осуществленія закона 19 февраля 1861 г. Но цѣльность его характера и стойкость убѣжденій не позволили ему долго сохранить свое выдающееся положеніе. Въ 1864 г. онъ не согласился подписать одного изъ представленій министра внутреннихъ дѣлъ въ Главный Комитетъ, сдѣланнаго въ угоду одному изъ великихъ міра сего. Соловьевъ, усматривая въ этомъ представленіи несогласіе съ закономъ, сообщилъ частнымъ образомъ въ Главный Комитетъ справки, необходимыя для того, чтобы отвергнуть представленіе министра и, вслѣдствіе того, былъ вынужденъ подать въ отставку. Къ счастью, уже въ томъ же 1864 году онъ былъ назначенъ членомъ учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, и ему было поручено управленіе крестьянскимъ дѣломъ во всемъ Царствѣ, а въ 1867 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи дожилъ до 1876 года.

передъ слабымъ и колеблющимся министромъ внутреннихъ дѣлъ. Къ чести Соловьева должно замѣтить, что преданность его дѣлу освобожденія крестьянъ была такъ велика, что она исключала въ немъ всякую зависть къ вліянію Милютина, которое онъ при своихъ личныхъ докладахъ министру старался не только не подрывать, а, напротивъ, поддерживать. Это было тѣмъ болѣе полезно и даже необходимо, что Милютинъ, со свойственною ему ясностью государственнаго ума, понялъ (какъ разъ въ это время), что дѣло освобожденія крестьянъ не было такъ просто, какъ оно представлялось въ то время въ высшихъ сферахъ, и что за вопросомъ о личной свободѣ, неразрывно связанной съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости и освобожденіемъ народнаго труда, стоитъ болѣе грозный *аграрный вопросъ*,—вопросъ о необходимости обезпеченія быта и существованія крестьянъ земельнымъ пользованіемъ,—вопросъ, во имя котораго крестьяне и помѣщики были связаны въ каждомъ помѣстьи неразрывными узами выработавшагося вѣками обычнаго права, дѣлавшаго крестьянъ крѣпкими землѣ, на которую они всегда сохраняли безспорное право пользованія при полномъ личномъ подчиненіи помѣщику. Разрубить эти вѣковыя узы безъ правильнаго разграниченія правъ помѣщика и крестьянъ на землю ихъ кондоминіума, называемаго помѣстьемъ, было невозможно, и это сознаніе привело большинство столичной интеллигенціи, группировавшейся около Н. А. Милютина, какъ около своего лидера, къ глубокому убѣжденію о необходимости земельнаго, а не безземельнаго освобожденія крестьянъ. Въ этомъ смыслѣ была написана уже въ концѣ 1856 г., по инціативѣ Милютина, другомъ его К. Д. Кавелинымъ замѣчательно талантливая записка, которая ходила по рукамъ въ 1857 г. между лицами, сочувствовавшими великому дѣлу, и извлеченіе изъ которой онъ имѣлъ мужество напечатать въ началѣ 1859 г., что навлекло на него цѣлый рядъ гоненій и непріятностей.

Во всякомъ случаѣ, когда я рѣшился въ январѣ 1857 года отправиться на родину для изученія положенія крестьянскаго дѣла въ черноземныхъ губерніяхъ Россіи, послѣ обнародованія Высочайшихъ рескриптовъ, побѣда идеи, усвоенной Кавелинымъ, Заблоцкимъ-Десятовскимъ и Милютинымъ, о земельномъ освобожденіи крестьянъ въ средѣ столичной интеллигенціи была уже вполнѣ подготовлена.

ГЛАВА II.

Положеніе крестьянскаго вопроса въ концѣ 1857 и началѣ 1858 гг. Первые адресы великороссійскихъ дворянъ (нижегородскихъ и московскихъ) Имп. Александру II о желаніи ихъ освободить крестьянъ. Высочайшіе рескрипты Нижегородскому и Московскому дворянствамъ.—Что я нашелъ на своей родинѣ (въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ) по возвращеніи моемъ туда послѣ продолжительнаго отсутствія, въ январѣ 1858 г. Исторія моего развитія и подготовки къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ.—Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ до эпохи освобожденія. Вліяніе на мѣстныхъ передовыхъ людей крымской войны, а на всѣхъ дворянъ-помѣщиковъ — Высочайшихъ рескриптовъ, и признаніе ими безповоротности предпринятой Государемъ реформы. Мнѣнія наиболѣе просвѣщенныхъ и передовыхъ помѣщиковъ нашего края. А. С. Хомяковъ, Самарины. А. И. Кошелевъ, А. Н. Поповъ, А. В. Головнинъ, Н. Н. Шишковъ, Афанасьевъ, кн. С. В. Волконскій—въ Рязанской губ.; Б. Н. Чичеринъ, П. А. Булгаковъ, Н. А. Павловъ, С. М. Ліонъ—въ Тамбовской губ. Взгляды на дѣло освобожденія самихъ крѣпостныхъ крестьянъ.- Провинціальные слухи о томъ, что происходитъ въ столичныхъ высшихъ сферахъ по крестьянскому дѣлу. Слухъ о возрастающемъ вліяніи на это дѣло ген.-ад. Ростовцова.

Къ концу 1857 г. крестьянское дѣло перешло въ новый фазисъ.

Нижегородскій военный губернаторъ А. Н. Муравьевъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ постановленіе дворянства Нижегородской губ., отъ 17 декабря 1857 г., въ которомъ оно, выслушавъ въ своемъ губернскомъ собраніи Высочайшіе рескрипты, данные Императоромъ Александромъ II Виленскому и С.-Петербургскому генералъ-губернаторамъ по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской и С.-Петербургской, „съ благоговѣніемъ и глубокою признательностью усмотрѣло изъ нихъ то высокое довѣріе, которое Государь Императоръ оказалъ дворянамъ этихъ губерній. Всегда стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ предначертаніямъ воз-

люблeннаго своего Монарха, дворянство Нижегородской губерніи изъявило *единодушно* желаніе принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его святую волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству угодно указать".

Постановленіе это было подписано губернскимъ предводителемъ дворянства Н. Котлубицкимъ, 11 уѣздными и всѣми 115-ю дворянами, присутствовавшими на дворянскомъ собраніи 17 декабря 1857 года [1]).

Отвѣтный рескриптъ Государя Императора на имя Нижегородскаго военнаго губернатора, съ Высочайшимъ повелѣніемъ объ открытіи Комитета подъ предсѣдательствомъ Нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства, для составленія подробнаго проекта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, былъ подписанъ Государемъ 24 декабря 1857 года.

Такимъ образомъ, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ „по манію Царя" былъ перенесенъ въ центральныя губерніи Россіи и рѣшенъ безповоротно для всей имперіи, такъ какъ Московское дворянство очень скоро послѣдовало за Нижегородскимъ, и его постановленіе о готовности упрочить бытъ своихъ крестьянъ было подписано болѣе чѣмъ 500 дворянами къ началу января 1858 г. [2]).

---

[1]) Вотъ фамиліи Нижегородскихъ дворянъ, добровольно отказавшихся отъ своихъ правъ на владѣніе крѣпостными крестьянами: Аверкіевы, Александровы, Алексѣевы, Андреевы, Анненковы, Антоновы, Аристовы, Астафьевы, Бабкины, Баженовы, Беклемишевы, Боборыкины, Болтины, Бѣлавины, Бѣлокрылыцовы, Веселовскіе, Вешняковы, Виноградовы, Вонлярскіе, князья Гагарины, Голубевы, Гриневичи, Гусевы, Демидовы, Долинскіе, Жадовскіе, Загарины, Затыкевичи, Звенигородскіе, Зыбины, Калугины, графы Каменскіе, Карамзины, Каратѣевы, Карауловы, Карпатскіе, Климовы, Козловы, Козляниновы, Кондратьевы, Краснопольскіе, Крюковы, Кубаровскіе, Купреяновы, Лагоды, Левашевы, Лико-Литомчины, Лихутины, Лишевы, Лодыженскіе, Лѣнивцевы, Махотины, Медовщиковы, Мельниковы, Менделѣевы, Мертваго, Мессинги, Милины, Мошневы, князья Мустафины, Назимовы, Нартовскіе, Нестеровы, Обрѣзковы, Панютины, Писаревы, Погуляевы, Подревскіе, Полушкины, Польцы, Потемкины, Пятовы, бароны Розены, Розинги, Русановы, Саломыковы, Симашки, Скворниковы, Соловьевы, Стевены, Стремоуховы, Сущевы, Тарховы, Тенековы, Топырпины, Трескины, Турчаниновы, Улыбушевы, Ульяновы, Ушаковы, Ханыковы, Хотяинцевы, Чегодаевы, Чирковы, Чичерины, Шебуевы, Шереметьевы, Юрловы и Ящуровы.

[2]) Вотъ фамиліи Московскихъ дворянъ, отказавшихся добровольно въ январѣ 1858 г. отъ своихъ правъ на владѣніе крѣпостными людьми: Акинфіевы, Аксаковы, Александровы, Алмазовы, Альфонскіе, Андреевы, Андросовы, Аникіевы, Арсеньевы, Арцыбашевы, Астафьевы, Багдадовы, Багриновы, Банины, Бармины, Барсовы, Бартоломеи, Беклемишевы, Березины, Бибиковы, Бахичи, Бобровы, Бове, Богошевы, бароны Боде, Бороздины, Броккары, фонъ Бруновы, Булыгины, Бурковскіе, Бутурлины, Булавины, Бѣлаго, Бѣляевы, Вадковскіе, Вагнеры, Валуевы, Варже-

Во всѣхъ остальныхъ центральныхъ губерніяхъ и, между прочимъ, въ родныхъ мнѣ Рязанской, Тамбовской и Тульской, дворянства тоже зашевелились, а я, пользуясь рождественскими праздниками и будучи уже совершенно au courant того, что происходило въ средѣ

невскіе, Васильевы, Васильчиковы, Вейденгаммеры, Вельяминовы, Вельяминовы-Зерновы, Венюковы, Волацкіе, князья Волконскіе, Волоцкіе, Воскобойниковы, Воскресенскіе, Всеволожскіе, Вырубовы, Высоцкіе, князья Вяземскіе, князья Гагарины, Гогины, Гвоздевы, Гессе, Гильдебранты, Гильфердинги, Глазенапы, Глѣбовы-Стрѣшневы, князья Голицыны, Головины, Гомзиковы, Гончаровы, Грамотины, Грассы, Гренеры, Грогорьевы, Грузиковы, Давыдовы, Даниловы, Дашковы, Дельсали, Дембскіе, Демидовы, Дивовы, Дмитревскіе, князья Долгоруковы, Дохтуровы, Дубровины, Дубровскіе, Дурасовы, Дурново, Духонины, Емельяновы, Еропкины, Ершовы, Есиповы, графы Ефимовскіе, Ефремовы, Жарковы, Жерарды, Жеребцовы, Житовскіе, Жуковы, графы Закревскіе, Заливскіе, Замятины, Засѣцкіе, Захаровы, Зайцевы, Земскіе, Зміевы, Зубковы, Зыбины, Зыковы, Ивановскіе, Ивинскіе, Ильины, Іохемзины, Кадышевы, Казаковы, Калайдовичи, Калашниковы, Камынины, Каразины, Каринскіе, Карѣевы, Кастрицы, Катунцевы, Кашинцовы, Кашкаровы, Квашнины-Самарины, Кикины, Кильдишевы, Кирѣевы, Кистеры, Классены, Клеповскіе, Клименковы, Кожины, Колмаковы, Колокольниковы, Колосовы, Кондратьевы, Коншины, Коробьины, Коротковы, Корсаковы, Косыловскіе, князья Кропоткины, Кривецкіе, Кромины, Кругликовы, Кургановскіе, Куртьяновы, Кустаревскіе, Лаврентьевы, Ладыженскіе, Ламакины, Ларіоновы, Лайкевичи, Лебедевы, Левентали, Левшины, Лельковскіе, Леманы, князья Ливены, Лики, Литвиновы, Лихаревы, князья Лобановы-Ростовскіе, Лужины, Лухины, Лутковскіе, князья Львовы, Любимовы, Лясотовичи, Макаровы, Максимовы, Малаховы, Мамонтовы, Мантейфели, Мануковы, Маньковскіе, Марченки, Марьяновскіе, князья Масальскіе, Майлевскіе, Медвѣдскіе, Мельгуновы, бароны Менгдены, князья Меньшиковы, князья Мещерскіе, Микулины, Милевскіе, бароны Мирбахи, Митьковы, Михайловы, Можаровы, Молчановы, Морозовы, Мосоловы, Мусины-Пушкины, Мѣщаниновы, Нагобины, Надеждины, Насѣкины, Нееловы, Некрасовы, Немиры, Нероновы, Нечаевы, Нейдгардты, Новиковы, Новицкіе, Новосильцевы, князья Оболенскіе, Обресковы, Обуховы, Оверы, Огаревы, Одинцовы, Озеровы, Оленины, Осиповы, Павловы, Палладіевы, Пальчиковы, Пафнутьевы, Пашковы, Полозовы, Петровскіе, Писаревы, Подпалые, Поливановы, Поляковы, Поповы, Похвисневы, Протопоповы, Пузыревы, Путиловы, Путятины, Ровинскіе, графы Растопчины, Рахмановы, Рекки, Римскіе-Корсаковы, Рославлевы, Ростовцевы, Рубужи, Рукины, Рюмины, Рябинины, Рязановы, Сабуровы, Савеловы, Савельевы, Саверьяновы, Сакены, Самарины, Самсоновы, Свербеевы, Свиньины, Свинцовы, Свѣчины, Свѣшниковы, Севастьяновы, Серебряковы, Силины, Синицыны, Скорняковы, Скрипицыны, Скуратовы, Смирновы, Соколовы, графы Сологубы, Сорохтины, Соймоновы, Спечинскіе, Спиридоновы, Стафопуло, Степановы, Степурины, Стоговы, Столповскіе, Страшиловы, Стрекаловы, графы Строгановы, Султановы, Сушковы, Суцинскіе, Сысоевы, Таненберги, Таракановы, Татищевы, Тверитины, Телѣгины, Толбузины, графы Толстые, Томашевскіе, Троповы, Тучковы, Тюрины, графы Уваровы, Ульяниновы, князья Урусовы, Устиновы, Федотовы, Флейшеры, фонъ Визины, Фриши, Фроловы, Хозиковы, Хомутовы, Цвѣтковы, Цытовичи, Чарторижскіе, Чекмаревы, Чилищевы, Чельцовы, Черевины, князья Черкасскіе, Черкасовы, Чертковы, князья Четвертинскіе, Чириковы, Чуфуревы, Шаповаловы, Шиллинги, Шлипе, графы Шуваловы, князья Щербатовы, Эттингены, Юначевы, Юрьевы, Языковы, Якимовы, Яковы и Яснискіе.

столичной интеллигенціи, поспѣшилъ въ эти губерніи, съ цѣлью, послѣ двухлѣтняго отсутствія, ознакомиться съ настроеніемъ не только родственнаго мнѣ дворянства этихъ губерній, но и со взглядами на это дѣло крестьянскаго сословія черноземныхъ губерній.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ изложенію этихъ взглядовъ, я считаю умѣстнымъ разсказать здѣсь на немногихъ страницахъ о томъ, какія исключительныя обстоятельства моей юности способствовали моей собственной подготовкѣ къ участію въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ [1]).

Родился и выросъ я въ деревнѣ, посреди крѣпостного права, въ помѣстьи очень культурной дворянской семьи южной, черноземной части Рязанской губерніи. Отецъ мой, совершивъ съ Измайловскимъ полкомъ, въ составѣ котораго находился, весь походъ 1812—1815 гг., послѣ Кульмскаго сраженія попалъ въ плѣнъ къ французамъ и, пройдя пѣшкомъ часть Германіи и всю южную Францію, вернулся въ свое отечество уже послѣ взятія нашими войсками Парижа. Въ южной Франціи онъ близко ознакомился съ бытомъ французскихъ земледѣльцевъ и аграрными отношеніями, установившимися между ними и дворянами-землевладѣльцами послѣ революціи. Знакомство это пополнило въ значительной мѣрѣ все его міровоззрѣніе, и онъ сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ улучшенія быта крестьянъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ въ 1817 году вступилъ въ „союзъ благоденствія“ и другія тайныя общества, имѣвшія цѣлью поддерживать благія мѣры Императора Александра I, направленныя къ развитію благосостоянія русскаго народа.

Выйдя въ отставку въ 1822 г., т.-е. ранѣе того времени, когда „союзъ благоденствія“ началъ задумывать насильственный государственный переворотъ, отецъ мой поселился въ деревнѣ.

Во время десятилѣтняго управленія своимъ помѣстьемъ (1822—1832), онъ посвятилъ всю свою дѣятельность заботамъ объ улучшеніи быта своихъ крестьянъ и старался упорядочить аграрныя отношенія между собою и крестьянами, на строгомъ основаніи завѣщаннаго ему традиціями предковъ обычнаго права.

Послѣ преждевременной и внезапной кончины отца, помѣстья его перешли въ пожизненное владѣніе моей матери—женщины высокаго ума, образованія и гуманности, но, къ сожалѣнію, поражен-

[1]) Подробнѣе см. о томъ же въ т. I Мемуаровъ.

ной со дня кончины отца психическимъ недугомъ, принимавшимъ иногда удручающіе размѣры. Особенно ухудшилось положеніе больной послѣ того, какъ она, помѣстивъ двухъ старшихъ дѣтей въ столичныя учебныя заведенія, уединилась вмѣстѣ со мною для безвыѣзднаго пребыванія въ нашемъ родовомъ помѣстьи на пять лѣтъ (1836—1842 гг.).

Здѣсь, въ годы самой нѣжной моей юности (съ 10 до 15-лѣтняго возраста), вмѣсто гимназическаго образованія, судьба натолкнула меня на такую дѣятельность, которая послужила мнѣ лучшей подготовкой къ участію въ святомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Съ перваго же года моего полнаго одиночества въ родномъ помѣстьи выяснилось мое предназначеніе быть единственнымъ посредникомъ между произволомъ психически больной женщины и полнымъ по закону безправіемъ крѣпкаго землѣ крестьянскаго населенія. Я почувствовалъ, что при условіяхъ, въ которыхъ находилось наше помѣстье, непосредственная завиcимость крестьянъ отъ помѣщичьей власти сдѣлалась бы скоро совершенно невыносимою для всего крѣпостного населенія помѣстья и могла бы повести къ какой-нибудь ужасной катастрофѣ. Роль моя, какъ посредника между неразумными проявленіями помѣщичьей власти и здравымъ смысломъ долготерпѣливаго народа, указана была мнѣ самою судьбою и, къ счастію, облегчалась, съ одной стороны, никогда не покидавшимъ мою мать чувствомъ любви къ своему отроку и юношѣ-сыну, уже способному окружать ее нѣжными заботами о ней самой, а съ другой стороны—довѣріемъ и преданностью молодому „барченку" крестьянъ, неизмѣннымъ и находчивымъ заступникомъ которыхъ онъ всегда являлся. Я чувствовалъ, что мое нравственное вліяніе, одинаково необходимое для обѣихъ сторонъ, увеличивалось съ каждымъ годомъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ послѣ ухода отъ насъ опытнаго стараго управляющаго (изъ крѣпостныхъ) я очутился единственнымъ вершителемъ судебъ крѣпостного населенія нашего помѣстья.

Мнѣ приходилось не только умиротворять порывы моей матери и необузданное раздраженіе ея противъ всѣхъ крѣпостныхъ людей, попадавшихся ей на глаза во время ея припадковъ, но и отмѣнять на свой страхъ всѣ ея рѣшенія, не согласовавшіяся съ тѣмъ обычнымъ правомъ, которое неизмѣнно признавалось моимъ отцомъ и дѣдомъ и крѣпко жило въ понятіяхъ крестьянскаго „суда

старпковъ". Съ этимъ обычнымъ правомъ я быстро ознакомился на практикѣ, при помощи оставшагося, послѣ ухода стараго управляющаго, посредникомъ между мною и крестьянами сельскаго старосты Платона, одного изъ самыхъ опытныхъ и умныхъ крестьянъ помѣстья, по своему положенію одинаково близкаго интересамъ помѣщика, такъ же, какъ и интересамъ крестьянъ, его односельцевъ.

Къ концу своей, необычной для мальчика въ возрастѣ отъ 11 до 15 лѣтъ, дѣятельности, я уже могъ очень ясно для себя формулировать, изъ чего, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, слагалось то обычное право, на которомъ были основаны въ нашей мѣстности аграрныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, т.-е. не писанная, но вѣрно хранимая въ нашихъ сердцахъ и преданіяхъ конституція помѣстья. Вотъ какъ я и мои предки понимали эту конституцію.

Очевидно, первоначально земля наша не знала другихъ хозяевъ, кромѣ первыхъ ея насельниковъ, преимущественно славянскаго племени, занимавшихся исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Никто никогда не думалъ оспаривать ни исконной связи крестьянъ съ землею, на которой они распространились вдоль теченія рѣкъ, ни исконныхъ ихъ правъ на землю, ими обрабатываемую на свое прокормленіе. Съ развитіемъ государственности водворилась сначала верховная власть князей, пребывавшихъ въ городахъ со своими дружинами, а затѣмъ явилась и потребность обложенія первоначальныхъ насельниковъ страны, свободныхъ еще земледѣльцевъ, нѣкоторыми повинностями, необходимыми для обороны государства и поддержанія административной и судебной власти князей. Повинности эти были отчасти натуральныя, а отчасти денежныя. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія государственныхъ потребностей, въ особенности послѣ возникновенія Московской Руси, постепенно поглотившей всѣ другія независимыя русскія княжества и даже переставшей признавать вотчинныя права медіатизированныхъ русскихъ удѣльныхъ князей, Московскіе государи стали превращать болѣе или менѣе обширныя населенныя земли въ „помѣстья", передавая служилымъ дворянамъ свои права на населенныя земли, взамѣнъ жалованья за ихъ службу государству. Но само собою разумѣется, что Московскіе государи не думали передавать создаваемымъ ими помѣщикамъ тѣхъ правъ на земли помѣстій, какихъ они сами не признавали за собою, а именно правъ

фактическаго пользованія и эксплоатаціи тѣхъ земель, которыя всегда безспорно принадлежали первымъ земледѣльческимъ ихъ насельникамъ. Московскіе государи передавали своимъ боярамъ и дворянамъ только свои права на взиманіе съ крестьянъ въ предѣлахъ ихъ помѣстій натуральныхъ и денежныхъ повинностей. Такимъ образомъ каждое помѣстье, по переходѣ его во владѣніе служилаго дворянства, оказывалось состоящимъ изъ трехъ элементовъ: а) строго ограниченнаго пространства земли; б) населяющихъ эту землю крестьянъ, эксплоатирующихъ въ свою пользу необходимую для ихъ прокормленія часть земли помѣстья, и в) дворянина-помѣщика, собирающаго въ свою пользу, за свою службу государству, тѣ повинности, права на которыя признавалъ за собою самъ Государь.

Въ обширной, безпредѣльной Сарматской равнинѣ, постоянно опустошаемой набѣгами кочевниковъ во весь Днѣпровскій и Московскій періодъ русской исторіи, въ землѣ недостатка не было, а, наоборотъ, ощущался большой недостатокъ въ рабочихъ силахъ, т.-е. въ людяхъ, нещадно истребляемыхъ то набѣгами иноплеменниковъ, то народными бѣдствіями. Поэтому всѣ усилія помѣщиковъ были направлены не столько на эксплоатацію свободныхъ и еще пустопорожнихъ земель своихъ помѣстій, сколько на удержаніе въ ихъ предѣлахъ и привлеченіе къ нимъ земледѣльческаго населенія, постоянно стремившагося уйти туда, гдѣ оно находило болѣе приволья, простора и свободы. Въ тѣ времена главная стоимость помѣстья состояла не въ землѣ, которая не горѣла и не тонула, а въ рабочихъ рукахъ, которыя гибли или исчезали при всякихъ иноземныхъ вторженіяхъ и народныхъ бѣдствіяхъ.

Московскіе государи также были заинтересованы въ сохраненіи въ предѣлахъ созданныхъ ими помѣстій земледѣльческаго населенія, которое, въ случаѣ своего ухода за предѣлы государства, вступало въ свободныя общины „казаковъ“ и дѣлалось врагами отечества и его разорителями, а потому не только старались прикрѣпить крестьянъ къ помѣстьямъ, но, наконецъ, сдѣлали ихъ крѣпкими къ землѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне помѣстій сдѣлались окончательно *крѣпостными* (особливо послѣ отмѣны Юрьева дня), помѣщики уже старались и со своей стороны ввести въ свои аграрныя отношенія къ крестьянамъ такіе порядки, которые были вы-

работаны и завѣщаны намъ нашими предками и составили признаваемое нами во всѣхъ нашихъ помѣстьяхъ обычное право.

Основою этого права было безспорное владѣніе крестьянами тѣмъ количествомъ земли помѣстья, какое было по общему сознанію необходимо для прокормленія крестьянъ и обезпеченія ихъ повинностей передъ помѣщикомъ и государствомъ.

Повинности эти, кромѣ личной службы помѣщику, а вмѣстѣ съ нимъ и государству, взятыхъ во дворъ людей, состояли въ томъ, что крестьянинъ-земледѣлецъ долженъ былъ обрабатывать въ пользу помѣщика столько же пахотной земли, сколько и самъ получалъ въ свое пользованіе. Отсюда и произошелъ, внесенный впослѣдствіи Императоромъ Павломъ I въ письменное законодательство, *законъ о трехдневной барщинѣ*: три дня въ недѣлю для работъ на себя, три дня для работъ на помѣщика, а седьмой день—Господу Богу. Отсюда проистекала для насъ, помѣщиковъ, обязанность давать всѣмъ вновь возникающимъ рабочимъ единицамъ (тягламъ) столько земли, на сколько мы, помѣщики, хотѣли увеличить свою запашку.

Такимъ образомъ распредѣленіе земель помѣстій между помѣщиками и крестьянами было совершенно правомѣрно: подъ крестьянскими и помѣщичьими посѣвами было всегда одинаковое количество земли, сверхъ которой крестьянамъ отводились еще земли подъ ихъ постройки, огороды, выгоны и покосы, а изъ помѣщичьихъ лѣсовъ отпускалось крестьянамъ то количество строительнаго матеріала, которое было необходимо для постройки новыхъ зданій или возобновленія и починки старыхъ. Вся остальная затѣмъ земля помѣстья представляла собою запасъ, изъ котораго должны были надѣляться прибылыя души и тягла и увеличиваться помѣщичья запашка въ размѣрѣ, равномъ увеличенію крестьянской пашни. Когда же запасъ земель помѣстья истощался, помѣщикъ или выселялъ часть своихъ крестьянъ въ свое другое, болѣе многоземельное помѣстье, или переселялъ ихъ на вновь пріобрѣтаемыя имъ пустопорожнія земли, или продавалъ крестьянъ, какъ рабочую силу, „на свозъ" такимъ дворянамъ-помѣщикамъ, въ помѣстьяхъ которыхъ было еще много свободныхъ земель, съ условіемъ, чтобы новый помѣщикъ, переселивъ купленныхъ, всегда за дешевую цѣну, крестьянъ въ свое помѣстье, перенималъ на себя относительно нихъ всѣ обязанности прежняго помѣщика. Обязан-

ности эти заключались въ снабженіи прибылыхъ душъ землею, въ прокормленіи всѣхъ крестьянъ во время голода, въ снабженіи ихъ строительными матеріалами, рабочимъ инвентаремъ и т. д.

Но бывали также случаи, когда помѣщикъ, истощивъ свободные запасы земель своего помѣстья, но не желая лишаться своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, продолжалъ надѣлять прибылыя души землею уже изъ собственныхъ пахотныхъ земель и въ такомъ случаѣ уменьшалъ свои запашки, замѣняя причитающіяся съ крестьянъ натуральныя повинности (барщину) денежнымъ оброкомъ.

Только во время отправленія барщины помѣщикъ признавалъ за собою неограниченную дисциплинарную власть надъ крестьянами и кромѣ того пользовался обычнымъ правомъ брать людей изъ крестьянскихъ семей на барскій дворъ въ личное услуженіе, которое собственно соотвѣтствовало рекрутской повинности населенія по отношенію къ Государю.

Помѣщикамъ принадлежала также нѣкоторая административная и судебная власть надъ крестьянами въ своемъ помѣстьи, но этой властью помѣщики рѣдко пользовались и охотно передавали ее народному суду стариковъ, т.-е. „затяглыхъ" крестьянъ, получившихъ, по своему возрасту, свободу отъ всякихъ обязательныхъ работъ, умудренныхъ опытомъ вѣрныхъ хранителей обычнаго права и бытовыхъ народныхъ воззрѣній. Къ числу такихъ стариковъ принадлежалъ и мой мудрый совѣтчикъ, сельскій староста Платонъ, при помощи котораго я, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, могъ не только справиться со своимъ положеніемъ рабовладѣльца, поставленнаго Провидѣніемъ въ качествѣ вершителя судебъ нѣсколькихъ сотъ христіанскихъ душъ, но могъ ознакомиться и со всѣмъ тѣмъ, что было *ужаснаго* въ положеніи помѣстныхъ крестьянъ, признаваемыхъ письменнымъ закономъ, по мѣткому выраженію Императора Николая I, только за „вещь, принадлежащую другому" [1]).

Въ 1842 г. я покинулъ наше дворянское гнѣздо для того,

[1]) Это выраженіе было употреблено Императоромъ Николаемъ I въ разговорѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ по слѣдующему случаю. Когда графъ Киселевъ во время партизанской войны, которую Государь велъ противъ крѣпостного права, предложилъ Ему предоставить помѣщичьимъ крестьянамъ право покупать земли и недвижимыя имущества, которыя они въ то время по закону покупали на имя своихъ помѣщиковъ, *на свое имя*, Государь возразилъ: „могу ли Я давать право собственности людямъ до тѣхъ поръ, пока они по закону представляютъ собою не болѣе, какъ *вещь, принадлежащую другому*".

чтобы посвятить себя всецѣло своему образованію, ограничивавшемуся до тѣхъ поръ только основательнымъ изученіемъ русской грамоты, ариѳметики и свободнымъ владѣніемъ тремя иностранными языками, при помощи которыхъ я въ длинные осенніе и зимніе вечера перечитывалъ не разъ всѣ книги нашей довольно обширной библіотеки, сначала русскія и французскія, а потомъ нѣмецкія и англійскія, начиная отъ Ломоносова, Державина, Пушкина, Карамзина, Расина, Корнеля, Мольера и Вольтера, и кончая Шиллеромъ, Гёте, Байрономъ и даже Шекспиромъ, вникая въ особенности въ историческое содержаніе трагедій послѣдняго. Уѣзжая въ Петербургъ для поступленія въ военно-учебное заведеніе, къ обученію въ которомъ я былъ предназначенъ съ дѣтства, я явился сюда юношей, съ чрезвычайно развитой силой воли, чувствомъ независимости и глубокимъ несочувствіемъ къ крѣпостному праву, темныя стороны котораго такъ поразили мою впечатлительную душу.

Въ три года я кончилъ курсъ наукъ въ одномъ изъ наиболѣе привилегированныхъ въ то время военно-учебныхъ заведеній; въ слѣдующіе три года, выдержавъ сначала пріемный экзаменъ, прошелъ полный курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а на восьмомъ году своего уже вполнѣ систематическаго обученія получилъ дипломъ на званіе магистра физико-математическаго факультета. Служебными правами своими я не воспользовался: душевный инстинктъ тянулъ меня къ сельской жизни и къ изученію отечества, его природы и русскаго народа. Значительную часть года я проводилъ въ провинціи и тутъ управлялъ совершенно самостоятельно наслѣдованнымъ мною послѣ кончины матери (съ 1846 г.) помѣстьемъ. Въ особенности въ это время я присмотрѣлся еще ближе ко всѣмъ темнымъ сторонамъ и недостаткамъ крѣпостного права въ средѣ своихъ сосѣдей и родныхъ и сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Но теплое юношеское сочувствіе и состраданіе къ бѣдствіямъ русскаго народа приняло форму глубокаго убѣжденія во время крымской войны, когда я пробылъ три года за границей для завершенія своего разносторонняго образованія.

Враждебное къ намъ отношеніе всей Западной Европы въ разгаръ крымской войны пробудило во мнѣ самыя пылкія патріотическія чувства. Сначала я хотѣлъ возвратиться въ составъ хорошо знакомой мнѣ, по моему военному воспитанію, русской арміи.

Но прослушавъ мимоходомъ, въ самомъ началѣ своего пребыванія за границей, нѣсколько прекрасныхъ лекцій по военнымъ наукамъ въ средѣ общегерманскихъ войскъ въ первоклассной крѣпости германскаго союза — Майнцѣ, я убѣдился въ томъ, что мы страшно отстали отъ Западной Европы не только въ нашемъ государственномъ устройствѣ, но и въ воинскомъ строѣ, и что это исключало всякую надежду на нашу побѣду надъ врагомъ, несмотря на геройство русскихъ воиновъ. Единственнымъ средствомъ возвратить Россіи ея прежнее могущество былъ, по моему убѣжденію, цѣлый рядъ самыхъ коренныхъ преобразованій, изъ которыхъ впереди всѣхъ стояло на очереди освобожденіе русскаго народа отъ крѣпостной зависимости, которой была объявлена еще Императоромъ Николаемъ I война, не имѣвшая пока, къ сожалѣнію, никакого успѣха.

Вотъ этой-то борьбѣ противъ рабства русскаго народа, а не безнадежной войнѣ крѣпостной Россіи противъ цивилизованной Европы я рѣшился посвятить свои силы во время трехлѣтняго пребыванія за границей и, рядомъ со спеціальной подготовкой къ задуманному мною путешествію въ невѣдомыя страны центральной Азіи, я принялся и за приготовленіе къ участію въ самомъ настоятельномъ патріотическомъ дѣлѣ—освобожденіи крестьянъ.

Для такого приготовленія я въ теченіе моего пребыванія въ разныхъ странахъ Западной Европы изучилъ не только книжнымъ путемъ исторію освобожденія крестьянъ въ Пруссіи и Франціи, но и на практикѣ экономическій и сельскохозяйственный бытъ сельскаго населенія Пруссіи, средней и южной Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи и условія входившаго тогда въ моду хуторскаго интенсивнаго хозяйства въ обѣихъ его формахъ: собственнаго крестьянскаго владѣнія и арендаторства.

Когда я вернулся въ Россію въ 1855 г., послѣ кончины Императора Николая I, я нашелъ, что необходимость возрожденія Россіи и обновленія всего ея государственнаго строя входила уже въ глубокое сознаніе русской интеллигенціи. Но время для первой стоявшей на очереди реформы, а именно освобожденія крестьянъ, еще не наступило, такъ какъ все вниманіе молодого Государя было направлено пока исключительно на необходимое умиротвореніе отечества.

Времени до непосредственнаго участія въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ оставалось еще довольно, и я поспѣшилъ вы-

полнить сначала первую половину задуманной мною во время пребыванія за границей программы и предпринялъ свое путешествіе въ глубь Тянъ-Шаня.

Когда же, по возвращеніи моемъ, я засталъ великое дѣло въ полномъ ходу и быстро ознакомился съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ средѣ столичной интеллигенціи, то вслѣдъ за этимъ я поспѣшилъ изучить это настроеніе и на моей родинѣ, гдѣ я имѣлъ глубокіе корни въ землѣ, а затѣмъ уже почувствовалъ себя окончательно готовымъ для того, чтобы стать въ ряду дѣятелей, столь необходимыхъ для разрѣшенія труднаго вопроса освобожденія крестьянъ.

Хотя я пробылъ въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ не болѣе трехъ недѣль въ январѣ 1858 г., но этого времени было достаточно для того, чтобы, при моемъ знакомствѣ съ экономическимъ положеніемъ и народнымъ бытомъ этого края, составить себѣ полное понятіе о настроеніи въ пламенно интересовавшемъ меня вопросѣ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословія этихъ губерній.

Дворянство было въ это время сильно возбуждено, и большинство его не только не сочувствовало поднятому по манію Царя нѣкоторыми передовыми дворянами вопросу объ освобожденіи крестьянъ, но даже прямо относилось къ этому дѣлу враждебно, а на сторонѣ освобожденія было сначала только небольшое число наиболѣе просвѣщенныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Но по мѣрѣ выясненія вопроса число это постепенно возрастало, такъ какъ дворянство съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сознавало, что послѣ инниціативы, принятой на себя Нижегородскимъ и Московскимъ дворянствами, и послѣ рескриптовъ Государя отъ 25 декабря 1857 г. и 17 января 1858 г., дѣло освобожденія крестьянъ въ глазахъ ихъ самихъ, а тѣмъ болѣе крестьянъ и всей Россіи было уже рѣшено безповоротно. Оставалось только опредѣлить условія освобожденія крестьянъ съ наименьшими потерями для помѣщиковъ. Большое успокоеніе между послѣдними вносило порученіе составить законопроекты по этому предмету, возложенное Государемъ на губернскіе комитеты, составленные *исключительно* изъ дворянъ этихъ губерній. Первоначальное раздраженіе дворянства было обращено на всѣхъ тѣхъ, кого они разумѣли подъ именемъ правительства, но потомъ оно перешло на такъ называемую „петербургскую

бюрократію", а затѣмъ и на то либеральное меньшинство дворянскаго сословія, которое было обвиняемо враждебнымъ освобожденію большинствомъ въ революціонныхъ стремленіяхъ и клеймилось прозваніемъ *красныхъ*.

Но когда дворянство само пришло къ убѣжденію, что дѣло освобожденія крестьянъ неизбѣжно, оно перешло на практическую почву и устремилось къ осуществленію этого освобожденія на наиболѣе выгодныхъ для дворянства условіяхъ, при чемъ во мнѣніяхъ самого дворянства явились разныя теченія, обусловленныя не только различіемъ личныхъ взглядовъ, но и различіемъ мѣстныхъ условій даже въ предѣлахъ одной губерніи. Такъ какъ въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ двѣ южныя трети ихъ пространства принадлежатъ къ черноземной области Россіи, а одна (сѣверная) треть къ нечерноземной, то это различіе имѣло послѣдствіемъ то, что въ сѣверной трети обѣихъ губерній помѣщики почти совсѣмъ не занимались земледѣліемъ и держали своихъ крестьянъ на оброкѣ, а въ южныхъ двухъ третяхъ губерній, наоборотъ, они извлекали всѣ свои доходы изъ собственныхъ запашекъ, обрабатываемыхъ обязательнымъ трудомъ ихъ крестьянъ (барщиною).

Понятно, что помѣщикамъ оброчныхъ имѣній не особенно трудно было разстаться съ крѣпостнымъ трудомъ. Ихъ крестьяне пользовались и безъ того достаточною свободою, располагая своимъ трудомъ, направленнымъ только отчасти на земледѣліе, для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, а гораздо болѣе на промыслы, изъ которыхъ они извлекали для себя доходы и прибыли, дававшіе имъ возможность платить довольно высокіе оброки своимъ помѣщикамъ. Для этихъ же помѣщиковъ, рѣдко пользовавшихся обязательнымъ трудомъ крестьянъ, весь вопросъ при уничтоженіи крѣпостного права сводился къ тому, чтобы не потерять ничего изъ своихъ оброчныхъ доходовъ и сверхъ того удержать за собою всю ту землю помѣстья, которой не эксплоатировали крестьяне. Самымъ выгоднымъ разрѣшеніемъ вопроса казались помѣщикамъ оброчныхъ имѣній: немедленный выкупъ правительствомъ крестьянскихъ оброковъ, скорѣйшее личное освобожденіе крестьянъ съ оставленіемъ за ними ихъ усадебъ и обрабатываемыхъ ими пахотныхъ земель, а за помѣщиками—всѣхъ остальныхъ земель помѣстья, не состоявшихъ непосредственно въ пользованіи крестьянъ, и въ особенности цѣнныхъ поемныхъ луговъ (по Окѣ и ея притокамъ), лѣсовъ и

пустопорожнихъ, никогда не обрабатывавшихся залежей. При такихъ условіяхъ помѣщики оброчныхъ имѣній были готовы свести на самые короткіе сроки временно-обязанныя отношенія къ нимъ крестьянъ.

Совершенно иначе относились къ вопросу освобожденія крестьянъ помѣщики издѣльныхъ (барщинныхъ) имѣній. Помѣщики эти привыкли жить въ своихъ помѣстьяхъ и заниматься сами эксплоатаціей земли въ свою пользу при помощи обязательнаго труда своихъ крестьянъ и, въ качествѣ помѣстныхъ дворянъ, считали, можно сказать, самихъ себя крѣпкими своимъ помѣстьямъ. Лучшіе изъ помѣщиковъ этого типа, оставаясь вѣрными свято соблюдаемому ими „обычному праву", признавали жалованныя имъ московскими царями за ихъ службу государству и населенныя съ давнихъ временъ крѣпкими землѣ крестьянами земли не за личную собственность, а за кондоминіумъ, неразрывно связывающій ихъ съ своими крѣпостными крестьянами; права послѣднихъ на обрабатываемую ими на свои нужды землю всегда признавались какъ государями, такъ и помѣщиками, которымъ московскіе цари передали свои права на эти помѣстья и въ особенности на обязательный трудъ закрѣпленныхъ на нихъ крестьянъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ помѣщикамъ барщинныхъ имѣній было тяжело добровольно разстаться съ тѣми правопорядками, съ которыми они свыклись. Возможность извлекать для себя доходъ изъ жалованныхъ имъ помѣстій безъ обязательнаго труда (барщины) казалась многимъ изъ нихъ немыслимою. Такіе помѣщики, конечно, подходили подъ данное имъ въ то время прозваніе *крѣпостниковъ*, но въ ихъ крѣпостничество входило не только признаніе ими своихъ правъ на крѣпостной трудъ крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшія традиціи крѣпостного права, а именно признаніе правъ крестьянъ на пользованіе землею помѣстья въ одинаковомъ размѣрѣ съ землею помѣщичьихъ пашенъ, на что указывала узаконенная трехдневная барщина.

Поэтому, придя къ убѣжденію, что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ рѣшенъ уже окончательно, большинство дворянъ-помѣщиковъ барщинныхъ имѣній Тамбовской и Рязанской губерній, въ сознаніи, что разорвать вѣковую связь крестьянъ съ землею невозможно, пришло къ нижеслѣдующему способу рѣшенія аграрнаго вопроса:

1) Продлить сколь возможно долго крѣпостной трудъ крестьянъ и во все время его существованія сохранить дисциплинарную власть помѣщика, въ формѣ предоставленія ему права на вотчинную полицію.

2) По прекращеніи обязательнаго труда и признаніи полной личной свободы крестьянъ, дать имъ, уступая требованію правительственной программы, право на выкупъ ихъ усадебной осѣдлости по такой цѣнѣ, которая вознаградила бы помѣщика за утрату имъ права на крѣпостной трудъ крестьянъ.

3) Признать право крестьянъ на безсрочное пользованіе ими только такимъ небольшимъ количествомъ пахотной земли помѣстья, которое было бы необходимо для ихъ прокормленія „только впроголодь" (нищенскій надѣлъ), для того, чтобы поставить крестьянъ въ экономическую зависимость отъ помѣщика и заставить ихъ наниматься на работы на помѣщичьихъ поляхъ за предложенную имъ цѣну, и

4) Всѣ остальныя земли помѣстья признать *полною собственностью* помѣщиковъ, снявъ съ нихъ всѣ лежавшія на нихъ, въ силу обычнаго права, обязанности, а именно: а) снабженіе крестьянъ строительными матеріалами и отчасти топливомъ изъ лѣсовъ помѣстій; б) возобновленіе крестьянскихъ построекъ въ случаѣ пожаровъ и рабочаго инвентаря въ случаѣ его утраты; в) прокормленіе крестьянъ и снабженіе ихъ посѣвными сѣменами въ голодные годы; г) надѣленіе всѣхъ вновь возникающихъ тяглъ (вслѣдствіе естественнаго прироста населенія) земельными надѣлами изъ земельныхъ запасовъ помѣстья и д) отвѣтственность за отправленіе крестьянами ихъ повинностей въ пользу государства.

Однакоже, въ средѣ дворянства двухъ губерній было не мало такихъ просвѣщенныхъ и великодушныхъ помѣщиковъ, которые, будучи проникнуты глубокимъ патріотизмомъ, убѣдились, по окончаніи крымской войны, въ полной несостоятельности существовавшаго государственнаго и общественнаго строя и въ крайней необходимости радикальныхъ въ немъ реформъ, которыхъ исходною точкою должно было быть освобожденіе всего русскаго народа отъ крѣпостной зависимости, все болѣе и болѣе принимавшей характеръ рабства, и въ замѣнѣ тягостной для крестьянъ и ненавистной имъ барщины свободнымъ трудомъ, при непремѣнномъ условіи обезпеченія имъ ихъ земельнаго пользованія.

Входившіе въ составъ этого меньшинства высоко просвѣщенные и зажиточные помѣщики горячо стояли за земельное освобожденіе крестьянъ и за скорѣйшій переходъ ихъ къ свободному труду. Самые выдающіеся изъ этихъ помѣщиковъ—А. С. Хомяковъ, А. И. Кошелевъ, братья Самарины и А. Н. Поповъ,—были тѣсно связаны между собою принадлежностью въ Московской славянофильской партіи.

А. С. Хомяковъ, одинъ изъ главныхъ вождей этой партіи, глубоко проникнутый патріотическимъ убѣжденіемъ въ необходимости земельнаго освобожденія крестьянъ, представилъ впослѣдствіи, по открытіи Редакціонныхъ Комиссій (въ началѣ 1859 г.). Я. И. Ростовцову записку, въ которой предлагалъ скорое и полное освобожденіе крестьянъ посредствомъ одновременнаго выкупа во всей Россіи части крестьянскихъ надѣловъ. Не менѣе горячимъ, но еще болѣе радикальнымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ былъ А. И. Кошелевъ, проводившій свои взгляды въ своихъ изданіяхъ славянофильской „Русской Бесѣды“ и болѣе популярномъ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ и выразившій особенно ярко свои воззрѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „скорѣе рѣка пойдетъ противъ своего обычнаго теченія, чѣмъ русскій крестьянинъ согласился оторваться отъ земли, орошенной его потомъ“.

Не менѣе горячими сторонниками земельнаго освобожденія крестьянъ изъ рязанскихъ дворянъ-помѣщиковъ были Д. Ѳ. Самаринъ (младшій братъ незабвеннаго героя эпохи освобожденія, Юрія Ѳеодоровича) и А. Н. Поповъ. Изъ нихъ А. С. Хомяковъ, къ сожалѣнію, не дожилъ до великаго дня 19 февраля 1861 г., такъ какъ онъ скончался въ сентябрѣ 1860 г.; А. И. Кошелевъ и Д. Ѳ. Самаринъ горячо ратовали на земельное освобожденіе въ рязанскомъ губернскомъ комитетѣ, гдѣ они состояли въ 1859 г. членами отъ правительства, а А. Н. Поповъ былъ приглашенъ впослѣдствіи въ члены Редакціонной Комиссіи и принималъ видное участіе въ редакціи проекта Положенія 19 февраля 1861 г.

Горячо и непоколебимо убѣжденнымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ изъ коренныхъ дворянъ-помѣщиковъ Рязанской губерніи былъ также бывшій первымъ секретаремъ Русскаго Географическаго Общества съ самаго его основанія Александръ Васильевичъ Головнинъ. Уроженецъ Пронскаго уѣзда (род. въ 1820 г.), сынъ извѣстнаго всей Россіи адмирала, прославив-

шаго себя описаніемъ своего плѣна въ Японіи и первыми любопытными свѣдѣніями объ этой въ то время совершенно недоступной для иностранцевъ странѣ, А. В. Головнинъ, окончивъ, послѣ кончины своего отца, блистательно свой курсъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, своимъ развитіемъ былъ обязанъ въ особенности своей дѣятельности въ средѣ Географическаго Общества, а въ 1857 г. былъ уже лицомъ, очень близкимъ Великому Князю Константину Николаевичу, котораго сопровождалъ въ его путешествіяхъ въ качествѣ секретаря. Это обстоятельство воспрепятствовало Головнину принять какое-либо непосредственное участіе въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ и работахъ дворянъ-помѣщиковъ Рязанской губерніи по крестьянскому дѣлу; оно же не позволило ему и впослѣдствіи оффиціально принять участіе въ законодательныхъ работахъ Редакціонныхъ Комиссій по составленію законопроекта объ освобожденіи крестьянъ, но зато А. В. Головнинъ, связанный тѣсною дружбою съ Н. А. Милютинымъ и другими членами Географическаго Общества, ставшими въ ряды самыхъ видныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, игралъ крупную, хотя невидимую роль въ великую эпоху 1857—1861 гг. и сослужилъ незабвенную службу дѣлу, будучи ближайшимъ соратникомъ Великаго Князя Константина Николаевича въ той борьбѣ за освобожденіе, которую Великому Князю приходилось вести впослѣдствіи въ предсѣдательствуемомъ имъ Главномъ Комитетѣ.

Изъ другихъ дворянъ-помѣщиковъ Рязанской губерніи, сочувствовавшихъ земельному освобожденію крестьянъ, можно было назвать почтеннаго Н. П. Шишкова, имѣвшаго громкую извѣстность въ качествѣ одного изъ лучшихъ сельскихъ хозяевъ губерніи; мнѣніе его было тѣмъ болѣе цѣнно, что онъ, при своемъ преклонномъ возрастѣ, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ лично велъ свое образцовое хозяйство, при крѣпостномъ трудѣ своихъ крестьянъ, въ одномъ изъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи (Данковскомъ) и тѣмъ не менѣе высказывалъ убѣжденіе о необходимости *земельнаго* освобожденія крестьянъ, вслѣдствіе чего и былъ впослѣдствіи приглашенъ къ участію въ работахъ Редакціонныхъ Комиссій.

Ревностнымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ явился также въ то время дворянинъ-помѣщикъ самаго промысловаго уѣзда Рязанской губ. (Егорьевскаго), въ которомъ обязательнаго труда (барщины), такъ же, какъ и въ сосѣдней Московской

губ., почти не существовало, именно А. Афанасьевъ, впослѣдствіи избранный представителемъ Егорьевскаго уѣзда въ Рязанскій губернскій комитетъ. Въ качествѣ представителя онъ энергично доказывалъ Рязанскому дворянству, что самый важный источникъ благосостоянія крестьянъ есть *свободный трудъ*, и что обязательныя работы крестьянъ, какъ начало и источникъ крѣпостной ихъ зависимости, „должны быть уничтожены, елико возможно скорѣе, и замѣнены денежнымъ оброкомъ, при оставленіи за крестьянами состоящихъ въ ихъ пользованіи земельныхъ угодій"; оброки же эти должны быть выкуплены государствомъ, съ предоставленіемъ способа этого выкупа, безо всякаго предрѣшенія ихъ и безконтрольно самому правительству.

Независимо отъ поименованныхъ лицъ, примыкали къ земельному освобожденію крестьянъ еще нѣкоторые помѣщики издѣльныхъ имѣній, долго ими владѣвшіе и извлекавшіе изъ нихъ хорошіе доходы, при помощи обязательнаго труда своихъ крестьянъ, а потому считавшіеся въ прежнее время энергическими „крѣпостниками". При всемъ томъ, руководимые многолѣтнею опытностью и своимъ несомнѣннымъ здравымъ смысломъ, они пришли къ глубокому убѣжденію, что прежняя барщина, поддерживаемая неумолимыми дисциплинарными взысканіями (розгами), совершенно несовмѣстима съ провозглашенною съ высоты Престола личною свободою крестьянъ и можетъ только поставить оба сословія въ самыя опасныя для государства враждебныя отношенія между собой. Поэтому они желали скорѣйшаго прекращенія обязательнаго труда путемъ немедленнаго выкупа у помѣщиковъ не только крестьянской усадебной осѣдлости, но и небольшого количества пахотныхъ земель лишь въ томъ размѣрѣ, который могъ бы скудно обезпечивать существованіе крестьянъ и вынуждалъ бы ихъ наниматься на обработку помѣщичьихъ запашекъ за возможно низкую цѣну. Къ такимъ предусмотрительнымъ помѣщикамъ принадлежали избранные въ Рязанскій губернскій комитетъ Раненбургскимъ дворянствомъ князь С. В. Волконскій [1]) и В. М. Сафоновъ, которые

[1]) За два года до освобожденія крестьянъ неумолимая требовательность князя Волконскаго на крестьянскихъ работахъ, превышавшая даже порядки обычнаго права, чуть не довела крестьянъ до убійства своего помѣщика. Въ критическую минуту крестьяне, однакоже, пощадили его, взявъ съ него слово, что онъ не будетъ преслѣдовать ихъ самоуправства, а тѣмъ болѣе мстить глав-

остались такъ же, какъ и А. Афанасьевъ, при составленіи проекта положенія Рязанскаго комитета при особыхъ мнѣніяхъ.

Въ средѣ дворянства Тамбовской губерніи было еще меньше лицъ, сознававшихъ желательность и необходимость не только оставленія за освобожденными крестьянами земельныхъ ихъ надѣловъ, но даже вообще освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Среди убѣжденныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ изъ дворянъ-помѣщиковъ Тамбовской губ. самымъ просвѣщеннымъ и талантливымъ былъ въ то время безспорно Б. Н. Чичеринъ (род. въ 1829 г.), пользовавшійся тогда уже большою извѣстностью, какъ юристъ-историкъ и какъ блестящій представитель обще-европейской мысли. Онъ занималъ каѳедру государственнаго права въ Московскомъ университетѣ и при своихъ частыхъ пріѣздахъ въ Петербургъ примкнулъ къ кружку лицъ столичной интеллигенціи, наиболѣе сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ и находившихъ себѣ самую живую поддержку во дворцѣ Великой Княгини Елены Павловны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщая ежегодно въ лѣтнее время имѣніе своихъ родителей въ Кирсановскомъ уѣздѣ, онъ имѣлъ глубокіе корни въ родной землѣ и былъ знакомъ не только съ бытомъ, но и съ экономическимъ и нравственнымъ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ своей родины. Не имѣвъ еще въ то время случая управлять родительскимъ помѣстьемъ, Б. Н. Чичеринъ, при всей своей обширной эрудиціи въ исторіи русскаго права, не былъ еще тогда достаточно знакомъ съ тѣми традиціями обычнаго народнаго права, которыя, при переходѣ помѣстій по наслѣдству, передавались на практикѣ отъ отца къ сыну и одинаково соблюдались какъ крестьянами, такъ и помѣщиками.

Казалось бы, что при высокихъ качествахъ и талантахъ Б. Н. Чичерина и его пламенномъ сочувствіи великому дѣлу освобожденія крестьянъ, онъ не могъ быть обойденъ при подборѣ дѣятелей по крестьянскому вопросу и долженъ былъ попасть въ первые ихъ ряды на своей родинѣ или въ Петербургѣ. Если большинство дворянства губерніи, стремившееся къ обезземеленію крестьянъ по прошествіи срочно-обязаннаго періода, но желавшее сохранить за собою какъ можно долѣе обязательный трудъ крестьянъ, не могло поми-

нымъ виновникамъ бунта. Князь Волконскій не только сдержалъ свое княжеское слово, но сдѣлался полезнымъ дѣятелемъ въ исторіи освобожденія крестьянъ.

риться съ слишкомъ радикальными воззрѣніями Б. Н. Чичерина на человѣческую свободу, то правительство должно было бы видѣть въ немъ самаго убѣжденнаго сторонника личной свободы всего русскаго народа и самаго рѣшительнаго противника обязательнаго труда (барщины), считавшаго позоромъ для дворянства не только требованіе выкупа личности крѣпостныхъ крестьянъ, но даже и какого бы то ни было вознагражденія (прямого или косвеннаго) за потерю барщины. Къ сожалѣнію, въ то время мало были извѣстны взгляды Б. Н. Чичерина на необходимость земельнаго освобожденія крестьянъ [1]) и такимъ образомъ ни одна изъ сторонъ, готовившихся

---

[1]) Въ мартовской книжкѣ 1858 г. журнала „Атеней“ была напечатана принадлежащая перу Б. Н. Чичерина одна изъ лучшихъ статей русской публицистики по крестьянскому вопросу, въ которой съ большой ясностью мысли излагались причины невозможности безземельнаго освобожденія крестьянъ въ Россіи. Вотъ въ существѣ та замѣчательная для своего времени profession de foi, которую высказалъ дальновидный авторъ статьи.

Многіе полагаютъ, что крестьянина можно отпустить на волю безъ земли, и что черезъ это богатѣйшіе изъ нихъ обратятся въ фермеровъ, которые будутъ нанимать землю у помѣщиковъ, а остальные останутся работниками (на положеніи батраковъ, какъ это и было въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ). Между тѣмъ улучшенное фермерское хозяйство на нанимаемыхъ у помѣщиковъ земляхъ еще недоступно для нашихъ крестьянъ, тогда какъ цѣлая масса народонаселенія, пущенная на волю безъ земли и осужденная питаться ежедневнымъ трудомъ, безъ сомнѣнія впадетъ въ бѣдственное положеніе.

При всеобщей бѣдности нашихъ крестьянъ поземельное владѣніе, по мнѣнію Б. Н. Чичерина, должно быть для нихъ не отдаленной цѣлью усиленныхъ трудовъ, а постоянной опорою ихъ существованія и исходной точкою ихъ свободнаго развитія. Русскій мужикъ это понимаетъ и готовъ отказаться отъ такой свободы, которая лишила бы его земли. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ доводамъ присоединяются государственныя соображенія первостепенной важности. Имѣть народонаселеніе осѣдлое или бродячее, привязанное поземельнымъ владѣніемъ къ существующему порядку или всегда готовое взволноваться вслѣдствіе самой шаткости своего положенія, —вотъ двоякая перспектива, которая представляется намъ въ настоящую минуту. Насчетъ выбора не можетъ быть сомнѣній.

Но если крестьянинъ въ хозяйственныхъ и государственныхъ видахъ долженъ получить извѣстное право на землю, то каково должно быть это право? Будетъ ли оно равняться полной собственности, или оно можетъ совмѣщаться съ правомъ помѣщика на землю? Послѣднее, въ видѣ переходной мѣры, не можетъ не быть одобрено.

Но иначе представляется вопросъ, когда мы имѣемъ въ виду отдаленную цѣль, то нормальное положеніе экономическихъ условій, къ которому должно стремиться государство. Въ этомъ отношеніи нельзя не сказать, что одна *свободная собственность* можетъ удовлетворить экономическимъ и юридическимъ требованіямъ народа. По мнѣнію Б. Н. Чичерина, и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, и для всего государства будетъ выгодно, если земля, которая отводится въ пользованіе крестьянамъ, будетъ съ теченіемъ времени совершенно выкуплена послѣдними.

Б. Н. Чичеринъ, какъ видно изъ этой его статьи, былъ однимъ изъ пер-

войти между собою въ рѣшительную борьбу, при образованіи Тамбовскаго губернскаго комитета не избрала Б. Н. Чичерина въ члены комитета.

Къ тому же Б. Н. Чичеринъ, по самому складу своего ума, не могъ быть признанъ, по крайней мѣрѣ въ то время, удобнымъ дѣятелемъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Его мышленіе отлича-

---

выхъ русскихъ публицистовъ, ясно сознававшихъ, что цѣль, къ которой должно стремиться при отмѣнѣ крѣпостного права, состоитъ не только въ освобожденіи труда и въ личной свободѣ крестьянъ, но и въ созданіи изъ обширныхъ земель помѣстій свободной и полной собственности какъ для крестьянъ, такъ и для самихъ помѣщиковъ. Достигнуть этого можно было, конечно, только путемъ выкупа у помѣщиковъ ихъ помѣстныхъ правъ, но автора статьи не смущала и принудительная форма выкупа у помѣщиковъ крестьянскихъ надѣловъ, которую онъ не считалъ нарушеніемъ права собственности, дарованной русскимъ дворянамъ государственной властью за ихъ службу отечеству, такъ какъ частная собственность всегда уступаетъ мѣсто государственнымъ требованіямъ. При этомъ справедливость требовала только того, чтобы дворяне, собственники помѣстій, получили полное вознагражденіе за утраченную ими часть ихъ помѣстныхъ правъ и земель, поступающихъ въ собственность освобождаемаго сословія. Съ другой стороны, Б. Н. Чичеринъ находилъ, что на основаніи естественной справедливости, которая, принадлежа къ юридической области, выходитъ, однакоже, изъ предѣловъ буквы закона, нельзя не признать за крестьяниномъ несомнѣннаго права на ту землю, на которую онъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ полагалъ свой трудъ и съ которой сроднился на основаніи давности, эксплоатируя ее для обезпеченія своего существованія. Она составляла для него единственное вознагражденіе за всѣ тягости долголѣтняго служенія отечеству и помѣщику, за которымъ онъ былъ закрѣпощенъ: не лишать же его этого достоянія.

Въ заключеніе своей замѣчательной статьи, обнаруживавшей въ авторѣ какъ глубокое знаніе государственнаго права и исторіи Россіи, такъ и дальновидный государственный умъ, Б. Н. Чичеринъ смѣло высказывалъ, что дворянинъ, который преслѣдуетъ только личныя свои цѣли, не достоинъ своего званія, а потому онъ надѣется, что въ предстоящемъ великомъ дѣлѣ подобные примѣры встрѣтятся рѣдко, и дворянство, руководимое государственной властью, „живя въ согласіи съ крестьянами, приведетъ великое дѣло къ желанному концу". Б. Н. Чичеринъ не ошибся въ своемъ предвидѣніи. Въ мировые посредники перваго призыва пошли лучшіе люди изъ дворянства русской земли, и они-то, согласно его выраженію, какъ достойные представители высшаго сословія въ государствѣ, заботились не только о выгодахъ своего сословія, но и о пользѣ всѣхъ сословій и отечества и привели въ немного лѣтъ введеніемъ уставныхъ грамотъ все великое дѣло къ желанному концу.

Къ сожалѣнію, замѣчательная статья Б. Н. Чичерина была напечатана, какъ было сказано выше, въ мало распространенномъ журналѣ „Атеней" въ концѣ марта 1858 г. и уже послѣ выбора и Высочайшаго утвержденія членовъ-экспертовъ Редакціонныхъ Комиссій, такъ что она не дошла своевременно до Я. И. Ростовцова, который, конечно, не задумался бы избрать Б. Н. Чичерина въ члены-эксперты Комиссій, какъ одного изъ самыхъ лучшихъ въ крестьянскомъ вопросѣ представителей современной печати, и, конечно, отдалъ бы ему преимущество передъ совершенно неудачно избраннымъ, какъ оказалось впослѣдствіи, А. Д. Желтухинымъ, не обнаружившимъ, подобно Чичерину, широкихъ и великодушныхъ взглядовъ на крестьянское дѣло.

лось крайнимъ доктринерствомъ и необыкновенною догматичностью. Признавая вмѣстѣ съ Гегелемъ, что мысль не можетъ создавать вещей, а создаетъ только образы, онъ въ своемъ мышленіи не хотѣлъ итти далѣе этихъ образовъ, т.-е. отвлеченныхъ принциповъ, на которые онъ смотрѣлъ уже какъ на догматы, не допуская въ нихъ никакихъ отступленій, необходимыхъ для созданія вещей, т.-е. конкретныхъ предметовъ, и не шелъ ни на какіе компромиссы съ мнѣніями другихъ лицъ. Благодаря этому онъ не былъ и не могъ быть ни лидеромъ, ни сторонникомъ какой бы то ни было партіи и вообще не имѣлъ достаточнаго вліянія на людей, ему сочувствовавшихъ, но несогласныхъ съ его слишкомъ догматическими убѣжденіями, которымъ недоставало практической почвы. Такимъ только образомъ и можно объяснить, почему одинъ изъ самыхъ талантливыхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ могъ остаться за флагомъ не только въ періодъ обсужденія крестьянскаго дѣла въ губернскихъ комитетахъ, но и въ періодъ окончательнаго разрѣшенія вопроса въ центральныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Среди убѣжденныхъ сторонниковъ земельнаго освобожденія крестьянъ самымъ выдающимся по своей энергіи и общественному положенію изъ дворянъ-помѣщиковъ Тамбовской губ. былъ П. А. Булгаковъ, который еще въ концѣ 40-хъ годовъ, во время своего многолѣтняго управленія губерніею, основательно ознакомился съ экономическимъ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ и отношеніемъ къ нимъ помѣщиковъ. Въ совѣщаніяхъ дворянскихъ съѣздовъ въ 1857—58 гг. онъ не могъ принимать участія, такъ какъ занималъ въ это время высокое служебное положеніе въ Петербургѣ въ качествѣ генералъ-провіантмейстера и статсъ-секретаря Его Императорскаго Величества, но, будучи впослѣдствіи привлеченъ въ члены Редакціонной Коммиссіи для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, онъ сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей великой эпохи 1858—1861 годовъ.

Что же касается меньшинства Тамбовскихъ дворянъ-помѣщиковъ, болѣе или менѣе сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ, то такія лица встрѣчались во всѣхъ уѣздахъ губерніи [1]), но, къ

[1]) Сюда также принадлежалъ помѣщикъ южныхъ черноземныхъ уѣздовъ губерніи престарѣлый П. А. Павловъ, который, сознавая возможность и желательность освобожденія крестьянъ, еще въ царствованіе Императора Николая I, вмѣстѣ

сожалѣнію, только немногія изъ нихъ попали въ Тамбовскій губернскій комитетъ, такъ какъ крѣпостническое большинство дворянства клеймило ихъ названіемъ „красныхъ“ и не выбирало въ члены комитета.

Изъ числа немногихъ дворянъ-помѣщиковъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ и попавшихъ, однакоже, въ губернскій комитетъ, самымъ виднымъ по своему положенію былъ Тамбовскій губернскій предводитель дворянства С. М. Ліонъ, сдѣлавшійся, въ силу своего положенія, предсѣдателемъ комитета, но потерявшій впослѣдствіи всякое вліяніе на дворянство своей губерніи, вслѣдствіе нѣсколько легкомысленнаго отношенія къ управленію своимъ собственнымъ хозяйствомъ и дѣлами, ему ввѣренными, которое привело его къ полному разоренію. Кромѣ него, изъ дворянъ, стремившихся по своимъ убѣжденіямъ къ освобожденію крестьянъ, попали еще въ составъ комитета: избранный дворянствомъ Кирсановскаго уѣзда Г. Ѳ. Петрово-Соловово, а также дворяне Ѳ. А. Хвощинскій и А. П. Трофимовъ, назначенные членами комитета отъ правительства министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по рекомендаціи губернатора Данзаса, какъ наиболѣе сочувствовавшіе дѣлу освобожденія крестьянъ. Вообще, во время моего посѣщенія Тамбовской губерніи въ январѣ 1858 года, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, при сильномъ разномысліи въ средѣ дворянства, находился еще въ очень неопредѣленномъ и невыясненномъ положеніи. Послѣ же глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго Высочайшими рескриптами, вызванными инициативою Нижегородскаго и Московскаго дворянствъ, Тамбовское дворянство, подъ вліяніемъ своего губернскаго предводителя и нѣкоторыхъ передовыхъ дворянъ, уже готовилось къ представленію всеподданнѣйшаго адреса объ учрежденіи Тамбовскаго губернскаго комитета.

Вполнѣ ознакомившись съ настроеніемъ въ началѣ 1858 года дворянствъ двухъ губерній моего края по животрепещущему и безповоротно поставленному Императоромъ Александромъ II вопросу

со своимъ шуриномъ, умнымъ и дальновиднымъ Н. А. Бунинымъ, былъ вѣрнымъ и разумнымъ проводникомъ въ Тамбовской губерніи идей графа П. Д. Киселева. Изъ сѣверныхъ же оброчныхъ уѣздовъ -такимъ былъ Эм. Дм. Нарышкинъ, который, при своей преданности родному ему Царскому дому, послѣдовалъ манію Царя и, признавая, что noblesse oblige, заявлялъ, что дворянство не должно останавливаться ни передъ какими жертвами для того, чтобы осуществить великодушное намѣреніе Царя-Освободителя.

объ освобожденіи крестьянъ всей имперіи изъ крѣпостной зависимости, я немедленно обратился къ уясненію для себя отношенія къ этому дѣлу и тогдашняго настроенія самихъ крестьянъ центральныхъ черноземныхъ губерній.

Прежде всего меня поразило ихъ полное спокойствіе и замѣчательная сдержанность, ими обнаруживаемая. Вмѣсто волненій, которыхъ такъ сильно опасались въ правительственныхъ сферахъ и въ средѣ помѣстныхъ дворянствъ, оказалось, что съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне прониклись убѣжденіемъ, что самъ Царь желаетъ дать имъ волю, они отнеслись съ самымъ полнымъ довѣріемъ къ Царю-Освободителю, которому вручали беззавѣтно свою судьбу, а съ другой стороны, обнаруживали необыкновенное спокойствіе въ своихъ отношеніяхъ даже къ самымъ нелюбимымъ изъ своихъ помѣщиковъ. Повторявшіяся изъ года въ годъ, въ послѣднее десятилѣтіе, убійства помѣщиковъ совершенно прекратились, такъ же, какъ и случаи неповиновенія и тѣмъ болѣе бунта противъ помѣщиковъ. Со свойственнымъ русскому народу здравымъ смысломъ, помѣщичьи крестьяне поняли, что они не могутъ быть призваны наравнѣ со своими господами, уже согласившимися на ихъ освобожденіе, къ обсужденію вопроса объ условіяхъ этого освобожденія ни въ губернскіе комитеты, ни въ центральныя правительственныя учрежденія. Поэтому они съ глубокимъ довѣріемъ вручили свою судьбу Царю-Освободителю, въ увѣренности, что избранные Имъ въ качествѣ народныхъ трибуновъ „господа“ будутъ въ этихъ учрежденіяхъ лучшими защитниками интересовъ народа, чѣмъ какіе бы то ни было малоопытные и малограмотные ихъ избранники.

Но при этомъ сущность своего воззрѣнія на условія своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости крестьяне выражали съ необыкновенной ясностью и твердостью въ своихъ бесѣдахъ съ тѣми изъ помѣщиковъ, отъ которыхъ они не терпѣли никакихъ обидъ и къ которымъ относились съ истинною любовью и патріархальною преданностью.

Вотъ въ какихъ словахъ они выражали свои взгляды на прошедшія и будущія свои отношенія къ помѣщикамъ и ихъ помѣстьямъ, съ которыми они были связаны крѣпостными узами.

„Мы — *ваши*, а земля, которая кормила нашихъ предковъ и которой мы всегда были крѣпки, — *наша*. Мы по волѣ Царя мо-

жемъ быть или *барскими*, или *царскими*, но земля, наша кормилица, отъ насъ отойти не можетъ“.

И это простое убѣжденіе крестьянъ, на которое они смотрѣли, какъ на незыблемую аксіому, не требующую дальнѣйшихъ доказательствъ, было гораздо яснѣе и убѣдительнѣе всѣхъ высказываемыхъ большинствомъ дворянъ-помѣщиковъ притязаній на право *полной* собственности на всю землю помѣстій, пожалованныхъ московскими царями въ качествѣ населенныхъ земель, — со всѣми опредѣленными обычнымъ правомъ обязанностями и сервитутами по отношенію къ крѣпкому землѣ исконному ихъ населенію, права котораго на пользованіе землею сами цари всегда признавали въ то время, когда крестьяне были еще „царскими“.

Такимъ образомъ положеніе крестьянскаго вопроса въ центральныхъ великороссійскихъ губерніяхъ въ началѣ 1858 г. представлялось мнѣ въ полной ясности. Дворяне великороссійскихъ губерній, сочувствовали ли они, или не сочувствовали великодушнымъ намѣреніямъ Царя-Освободителя, *вполнѣ убѣдились*, что послѣ Царскихъ рескриптовъ Нижегородскому и Московскому дворянствамъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ глазахъ всего русскаго народа рѣшено было безповоротно; что только обсужденіе условій этого освобожденія передано было пока всецѣло въ руки помѣстныхъ дворянствъ каждой губерніи, безъ всякаго участія въ этомъ обсужденіи какихъ бы то ни было представителей интересовъ крестьянскаго сословія, охрану которыхъ правительство удерживало исключительно за собою.

При этомъ нельзя было не предвидѣть, что интересы дворянства въ губернскихъ комитетахъ будутъ весьма сильно охраняемы выборными исключительно отъ этого сословія, а что, наоборотъ, интересы крестьянъ будутъ весьма слабо защищаемы двумя только голосами (изъ 20—30) членовъ отъ правительства, назначенныхъ имъ изъ тѣхъ же помѣстныхъ дворянъ по указанію губернаторовъ, большинство которыхъ также принадлежало къ числу дворянъ-помѣщиковъ тѣхъ же или другихъ губерній имперіи.

Между тѣмъ, самые дальновидные изъ дворянъ-помѣщиковъ великороссійскихъ губерній очень хорошо понимали, что центръ тяжести отданнаго на ихъ обсужденіе дѣла состоялъ не въ опредѣленіи личныхъ и имущественныхъ правъ переходящихъ въ свободное сословіе крестьянъ, и что права эти, по уничтоженіи крѣпост-

ной зависимости, будучи определяемы общими законами имперіи, могутъ быть ограничены только на сравнительно непродолжительный періодъ переходнаго времени; что этотъ центръ тяжести находился также не въ административномъ устройствѣ уже существовавшихъ крестьянскихъ обществъ, которыя могли лишь до нѣкоторой степени, и притомъ временно, оставаться еще въ зависимости отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ. Наоборотъ, весь центръ тяжести крестьянскаго дѣла находился, въ глазахъ дворянъ-помѣщиковъ и самихъ крестьянъ, въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, а именно въ опредѣленіи правъ обоихъ доселѣ неразрывно связанныхъ между собою крѣпостными узами сословій на земли ихъ кондоминіума, называемаго помѣстьемъ, на которыя оба эти сословія заявляли свои неотъемлемыя, по ихъ мнѣнію, права.

Заранѣе можно было предвидѣть, что губернскіе комитеты, по крайней мѣрѣ большинствомъ своихъ членовъ, выскажутся за признаніе ихъ полными собственниками всѣхъ земель кондоминіума и только въ случаѣ такого признанія откажутся отъ вознагражденія за личность ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Если же правительство не согласится на такое полное обезземеленіе крестьянъ, то дворяне-помѣщики будутъ настаивать на такомъ раздѣлѣ земли помѣстій между обоими сословіями, при которомъ за крестьянами было бы признано право на земельный надѣлъ изъ состава помѣстья только въ необходимомъ для обезпеченія ихъ существованія, самомъ минимальномъ размѣрѣ, прозванномъ крестьянами „нищенскимъ надѣломъ", а вся остальная львиная доля земли помѣстья была бы признана полною собственностью дворянъ-помѣщиковъ. При этомъ они желали еще получить, въ той или иной формѣ, вознагражденіе и за потерю крѣпостного труда, при чемъ самою удобною для того формою правительственная программа подсказывала имъ отдѣльный, и притомъ обязательный для крестьянъ выкупъ крестьянской усадебной осѣдлости по возможно высокой оцѣнкѣ.

Для наиболѣе дальновидныхъ помѣщиковъ было, однакоже, очевидно, что правительство, считая себя блюстителемъ интересовъ неправоспособнаго еще крестьянскаго сословія, такъ же, какъ и вообще государственныхъ интересовъ всего русскаго народа, не согласится на утвержденіе мѣстныхъ законопроектовъ по крестьянскому дѣлу, составленныхъ исключительно въ интересахъ дворянскаго сословія, и перенесетъ весь аграрный вопросъ въ централь-

ныя государственныя учрежденія, гдѣ и будетъ окончательно разрѣшенъ возникающій и могущій принять опасный для государственнаго спокойствія характеръ конфликтъ во взглядахъ и притязаніяхъ обоихъ главныхъ сословій государства на земельныя ихъ права въ составѣ каждаго изъ помѣстій государства. Поэтому оба сословія со страхомъ и надеждою лихорадочно старались слѣдить за тѣмъ, что происходило въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и разгадать, при чьемъ содѣйствіи и подъ чьимъ вліяніемъ будетъ выработано окончательное положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости.

Дворянство центральныхъ губерній считало самыми главными врагами своихъ интересовъ министерство государственныхъ имуществъ, призванное еще Императоромъ Николаемъ I къ борьбѣ противъ крѣпостного права, а также и министерство внутреннихъ дѣлъ, уже обнаружившее стремленіе къ земельному освобожденію крестьянъ со времени обнародованія перваго рескрипта Царя-Освободителя Виленскому генералъ-губернатору. Въ значительной мѣрѣ помѣстныя дворянства были успокоены сначала почетнымъ удаленіемъ (въ 1857 г.) изъ Петербурга стоявшаго такъ долго, еще въ предыдущее царствованіе, во главѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ графа П. Д. Киселева, а въ началѣ 1858 г. слухами о томъ, что министерство Ланского потеряло въ послѣднее время свой кредитъ по крестьянскому дѣлу въ глазахъ самого Государя. Всѣ надежды дворянъ-помѣщиковъ, стремившихся въ губернскіе комитеты для того, чтобы при разработкѣ крестьянскаго вопроса отстоять интересы своего сословія, возлагались на высшихъ сановниковъ государства, наиболѣе близкихъ престолу и, какъ хорошо было извѣстно мѣстнымъ поборникамъ крѣпостного права, въ большинствѣ своемъ готовыхъ свести на-нѣтъ всѣ благія намѣренія Государя, уже направляемыя къ земельному освобожденію крестьянъ. Изъ нихъ особенною популярностью въ средѣ дворянъ-помѣщиковъ трехъ мною посѣщенныхъ губерній пользовались: князь А. Ф. Орловъ, князь А. С. Меньшиковъ, князь П. П. Гагаринъ, гр. Клейнмихель, гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, гр. С. Г. Строгановъ и сенаторъ А. М. Безобразовъ, а изъ министровъ и главноуправляющихъ: графъ В. Ф. Адлербергъ, князь В. А. Долгоруковъ, графъ В. Н. Панинъ и недавно назначенный министромъ государственныхъ имуществъ — М. Н. Муравьевъ.

Генералъ-Адъютантъ

Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ.

Съ маслянаго портрета, принадлежащаго Графу Я. Н. Ростовцову.

Но на всѣхъ устахъ въ началѣ 1858 г. появилось новое имя,—имя Я. И. Ростовцова, признаваемаго всѣми за новое свѣтило, показавшееся на горизонтѣ исторіи крестьянскаго дѣла. Впрочемъ, никто не брался опредѣлить, должно ли это свѣтило сдѣлаться постоянною звѣздою, или только мимолетною кометою. Тѣмъ менѣе могли предвидѣть въ провинціальныхъ кружкахъ, какое направленіе приметъ Я. И. Ростовцовъ, вліяніе котораго на крестьянское дѣло уже начало обнаруживаться, но казалось еще совершенно загадочнымъ, тѣмъ болѣе, что никто не могъ усмотрѣть никакой связи между его прежней, хорошо извѣстной всей Россіи, многолѣтней дѣятельностью въ качествѣ начальника военно-учебныхъ заведеній и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ.

Хотя личный характеръ, а также свойства и воззрѣнія Я. И. Ростовцова не были для меня загадкой, такъ какъ я зналъ его съ моего дѣтства и пользовался его вниманіемъ и расположеніемъ въ юношескіе годы, я все-таки на вопросъ любопытныхъ и близкихъ мнѣ дворянъ-помѣщиковъ нашего края о томъ, какое можетъ, по моему мнѣнію, направленіе принять Я. И. Ростовцовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, могъ только отвѣтить, что я увѣренъ, что направленіе это будетъ лишь логическимъ развитіемъ намѣреній Императора Александра II, которому всецѣло принадлежитъ иниціатива освобожденія крестьянъ, совершаемаго дворянствомъ добровольно, „по манію Царя“.

ГЛАВА III.

Что я нашелъ въ Петербургѣ по возвращенiи моемъ изъ поѣздки на родину въ концѣ января 1858 г. Рѣшительное влiянiе, полученное Ростовцовымъ на все крестьянское дѣло, и враждебное къ нему отношенiе столичной интеллигенцiи. —Личность Ростовцова и его прошедшее. Полная его изолированность. Преданность его дѣлу освобожденiя и старанiе ознакомиться съ существомъ крестьянскаго вопроса. -Влiянiе, оказанное на него старымъ его прiятелемъ М. П. Позеномъ.—Характеристика этой крупной личности и отрицательная его роль въ исторiи великой эпохи. -Конфликтъ въ Главномъ Комитетѣ между министерствомъ внутр. дѣлъ и Ростовцовымъ, достигшiй своего апогея послѣ проведенiя имъ Позеновской программы для руководства возникающихъ губернскихъ комитетовъ. Характеристика этой программы и ожидаемыя отъ нея послѣдствiя. - Распря между лицами, призванными Провидѣнiемъ къ первенствующей дѣятельности по разрѣшенiю аграрнаго вопроса.—Политическiя ошибки обѣихъ сторонъ, вступившихъ между собою въ борьбу, какъ мнѣ казалось, только по недоразумѣнiю.—Начало моей активной дѣятельности по вопросу объ освобожденiи крестьянъ и моя попытка помирить обѣ враждующiя стороны.

Возвратился я въ Петербургъ уже послѣ обнародованiя Высочайшаго рескрипта отъ 16 января 1858 года Московскому генералъ-губернатору.

Всѣ четыре Высочайшихъ рескрипта, безповоротно разрѣшившiе вопросъ объ освобожденiи крестьянъ во всей имперiи, по предложенiю Великаго Князя Константина Николаевича, назначеннаго членомъ Секретнаго Комитета по крестьянскому дѣлу (переименованнаго съ 8 января 1858 г. въ Главный Комитетъ), были напечатаны и разосланы министерствомъ Ланского съ необыкновенной быстротой во всѣ губернiи Россiи. Послѣдствiемъ этой разсылки были, конечно, новыя ходатайства дворянствъ нѣкоторыхъ губернiй объ учрежденiи и у нихъ губернскихъ комитетовъ для составленiя законопроектовъ объ освобожденiи крестьянъ. Вслѣдъ затѣмъ министерство Ланского, подъ влiянiемъ Н. А. Милютина, ходатайство-

вало передъ Государемъ о томъ, чтобы учрежденіе губернскихъ комитетовъ было обращено въ общую мѣру особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, форма и мотивировка котораго была бы возложена на министра внутреннихъ дѣлъ. Но это предложеніе встрѣтило сильное противодѣйствіе въ Главномъ Комитетѣ со стороны Я. И. Ростовцова, очевидно вошедшаго въ роль ближайшаго и пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Государя совѣтчика его по крестьянскому дѣлу. Ростовцовъ, какъ я узналъ отъ него впослѣдствіи, отговорилъ Императора Александра II отъ такой рѣшительной и, по мнѣнію Ростовцова, несвоевременной мѣры, смѣло ручаясь передъ Государемъ за то, что до конца текущаго (1858) года дворянства всѣхъ губерній заявятъ одно за другимъ объ ихъ желаніи освободить крестьянъ „по манію Царя". По его мнѣнію, несправедливо и оскорбительно было бы лишить этого ореола дворянства губерній, по случайнымъ обстоятельствамъ замедлившія присоединиться ко всеобщему движенію, и тѣмъ заклеймить ихъ въ глазахъ всего русскаго народа. Государь не согласился на предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Всегда страстный въ проведеніи своихъ взглядовъ, истинный авторъ этого предложенія Н. А. Милютинъ предпринялъ съ этихъ поръ рѣшительную борьбу противъ очевидно усилившагося вліянія Ростовцова на крестьянское дѣло; борьба эта еще болѣе обострилась съ тѣхъ поръ, какъ Ростовцовъ сдѣлался безсознательнымъ проводникомъ записки М. П. Позена, подъ видомъ сочувствія дѣлу освобожденія крестьянъ предлагавшей такія мѣры, которыя могли привести къ полному ихъ обезземеленью.

Въ февралѣ 1858 г. я нашелъ сильное раздраженіе противъ ожидаемаго усиленія вліянія Я. И. Ростовцова во всей сочувствовавшей дѣлу освобожденія крестьянъ группѣ столичной интеллигенціи, которой лидеромъ былъ, несомнѣнно, Н. А. Милютинъ и которая находила себѣ опору въ двухъ великокняжескихъ дворцахъ. Такимъ образомъ возникла между этой группой и стоявшимъ совершенно одиноко, по сильнымъ безграничнымъ къ нему довѣріемъ Государя Я. И. Ростовцовымъ ожесточенная со стороны Н. А. Милютина и его друзей борьба, направленная къ тому, чтобы дискредитировать Ростовцова не только въ глазахъ всей русской интеллигенціи, но и въ глазахъ самого Государя; „Колоколъ" Герцена сдѣлался главнымъ органомъ этой борьбы. Поводомъ къ са-

мой безпощадной диффамаціи личности Ростовцова было избрано давно прошедшее, а именно та роль, которую онъ игралъ за 33 года до того въ исторіи декабрьскаго бунта 1825 г., такъ какъ въ послѣдующей дѣятельности Ростовцова нельзя было найти къ тому никакихъ поводовъ.

Но для немногихъ, близко знакомыхъ съ нравственнымъ обликомъ Я. И. Ростовцова, было ясно, что вся предпринятая противъ него борьба не достигнетъ своей цѣли и не подорветъ довѣрія къ нему Государя, знавшаго его гораздо ближе, чѣмъ лица, обратившіяся въ его враговъ по недоразумѣнію.

Я. И. Ростовцовъ родился въ 1803 г., воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и, окончивъ тамъ полный курсъ наукъ, поступилъ въ лейбъ-егерскій полкъ. Уже съ 1823 года онъ былъ членомъ „Союза благоденствія“ и другихъ тайныхъ обществъ, въ которыя охотно вступали офицеры лучшихъ гвардейскихъ полковъ. Съ юношескимъ увлеченіемъ принималъ онъ на себя, при вступленіи въ эти общества, обязанности „подвизаться всѣми силами на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства, препятствовать всякому злу и обличать злоупотребленія и безчестные поступки, а самому быть безъ страха и упрека“. Но когда онъ узналъ въ 1825 г., что общества, въ которыхъ онъ принималъ участіе, задумали государственный переворотъ по поводу вступленія на престолъ, за отказомъ Цесаревича Константина Павловича, Императора Николая I, и что насильственный этотъ переворотъ грозитъ истребленіемъ всей, въ то время малочисленной, Императорской Фамиліи, то онъ быстро рѣшился предупредить, черезъ доступнаго ему Великаго Князя Михаила Павловича, Государя объ угрожающей имъ обоимъ опасности, которая и была избѣгнута быстрыми и мужественными дѣйствіями ихъ обоихъ.

Этотъ эпизодъ легъ тяжкимъ бременемъ на всю дальнѣйшую жизнь Ростовцова. Хотя Императоръ Николай I, узнавъ во-время о томъ, съ какой стороны (отъ какихъ полковъ) грозила ему опасность, и справившись съ нею, не спрашивалъ Ростовцова о какихъ бы то ни было подробностяхъ заговора и тѣмъ менѣе о личностяхъ, въ нихъ участвовавшихъ, а Великій Князь Михаилъ Павловичъ не придавалъ поступку Ростовцова другого значенія, кромѣ простого исполненія долга службы и присяги, Ростовцовъ чувствовалъ, что онъ уже не можетъ остаться въ своемъ полку, и при-

нялъ предложеніе Великаго Князя о причисленіи его къ штабу военно-учебныхъ заведеній, котораго главнымъ начальникомъ былъ Великій Князь, назначившій Ростовцова только впослѣдствіи своимъ адъютантомъ. По кончинѣ Великаго Князя Михаила Павловича въ 1849 г., Ростовцовъ, бывшій въ то время уже начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній, сохранилъ эту должность и при назначеніи главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Наслѣдника Престола, Великаго Князя Александра Николаевича. Сначала Цесаревичъ отнесся не только съ недовѣріемъ, но и съ предубѣжденіемъ къ Ростовцову. При своей неопытности въ управленіи первымъ серьезнымъ государственнымъ дѣломъ (обширное вѣдомство военно-учебныхъ заведеній), Ему всецѣло порученнымъ Державнымъ Родителемъ, Цесаревичъ опасался встрѣтить въ Ростовцовѣ приставленнаго къ Нему, какъ бы въ качествѣ инструктора, суроваго и бездушнаго формалиста, не способнаго понять живое и гуманное чувство, теплившееся въ душѣ будущаго Царя-Освободителя, зажженное тою стороною воспитанія Его, которая внесена была вліяніемъ незабвеннаго В. А. Жуковскаго.

Шестилѣтнія, можно сказать, ежедневныя сношенія Цесаревича съ начальникомъ Его штаба по военно-учебнымъ заведеніямъ (1849—1855 гг.) убѣдили Его въ томъ, что Онъ имѣетъ въ Ростовцовѣ ту же чуткую ко всякому добру, пламенную душу, которую Онъ такъ высоко цѣнилъ въ своемъ воспитателѣ В. А. Жуковскомъ, и превратили предубѣжденіе Государя Наслѣдника къ Ростовцову въ полное къ нему довѣріе и теплую дружбу. Вслѣдствіе этого, по вступленіи своемъ на Престолъ, Императоръ Александръ II не только назначилъ его на свое мѣсто главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, но и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ его членомъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, а послѣ заключенія Парижскаго мира ему первому довѣрилъ задуманное Имъ по собственной иниціативѣ и безъ всякихъ постороннихъ внушеній великое дѣло освобожденія крестьянъ. Въ немъ одномъ изъ своихъ приближенныхъ Государь нашелъ горячее и нелицемѣрное сочувствіе своему великодушному намѣренію и готовность отдать всѣ силы на служеніе „въ крѣпкой правдѣ, безъ корысти и безо лжи“ Государю и отечеству въ великомъ дѣлѣ.

Конечно, Ростовцовъ совершенно не былъ подготовленъ къ законодательнымъ работамъ по освобожденію крестьянъ, до такой

степени, что онъ первоначально не представлялъ себѣ даже, что центръ тяжести крестьянскаго вопроса лежалъ не въ личномъ освобожденіи крестьянъ, а въ установленіи опредѣленныхъ закономъ аграрныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками въ каждомъ изъ дворянскихъ помѣстій,—отношеній, связывавшихъ крѣпостными узами оба земледѣльческія сословія государства. По впослѣдствіи Ростовцовъ такъ усердно стремился къ ознакомленію съ существомъ крестьянскаго дѣла, что со свойственною ему проницательностью быстро усваивалъ себѣ всѣ доходившія до него свѣдѣнія по этому дѣлу. Къ сожалѣнію, онъ не могъ искать себѣ инструкторовъ ни въ кружкахъ петербургской интеллигенціи, сильно противъ него возбужденной выходками Герценовскаго „Колокола", ни въ встрѣчаемыхъ имъ въ Петербургѣ помѣстныхъ дворянахъ, въ которыхъ онъ находилъ только сильное недоброжелательство къ задуманному Государемъ дѣлу освобожденія крестьянъ.

Только одинъ изъ пріѣзжихъ въ Петербургъ провинціальныхъ дворянъ-помѣщиковъ, будучи старымъ пріятелемъ Ростовцова совершенно на другой почвѣ, явился къ нему въ мартѣ 1858 г. со своею запискою „Объ освобожденіи крестьянъ" и представился ему не только какъ большой знатокъ сельскаго хозяйства и быта малороссійскихъ крестьянъ и убѣжденный сторонникъ освобожденія ихъ, но и какъ опытный финансистъ, способный организовать, какъ онъ на то указывалъ, выкупъ необходимаго количества крестьянскихъ земель, для удержанія ихъ на мѣстѣ.

Это былъ Михаилъ Павловичъ Позенъ, уже очень богатый къ тому времени помѣщикъ Полтавской губ., который, по своему уму и административной опытности, былъ дѣйствительно выдающеюся личностью.

М. П. Позенъ родился въ Кіевской губ. въ 1798 г. Его еврейская по происхожденію національность, со всѣми ея крупными достоинствами и недостатками, несомнѣнно выказывалась и въ его типѣ, и во всемъ складѣ его ума, и во многихъ чертахъ его характера, но онъ уже былъ христіаниномъ (лютеранскаго вѣроисповѣданія) во второмъ поколѣніи, такъ какъ отецъ его состоялъ на государственной службѣ, на которой и получилъ дворянское званіе. Отецъ М. П. Позена очень заботился о воспитаніи двухъ своихъ сыновей, далъ имъ хорошее среднее образованіе и при первой возможности опредѣлилъ ихъ на государственную службу.

М. П. Позенъ началъ эту службу „копіистомъ“ въ канцеляріи военнаго министерства. Здѣсь онъ скоро обнаружилъ свою замѣчательную трудоспособность, необыкновенную сообразительность и природныя дарованія по счетной части, весьма важной для канцеляріи военнаго министерства, потому что въ ней сосредоточивались денежные отчеты всѣхъ отдѣльныхъ управленій министерства, необходимые для сведенія ихъ въ общій отчетъ военнаго министра Государю Императору, а также для составленія общаго бюджета военнаго министерства. Позенъ сдѣлался постепенно самымъ необходимымъ для подобныхъ работъ и самымъ опытнымъ чиновникомъ канцеляріи. Это ввело его въ личныя сношенія съ тогдашнимъ военнымъ министромъ гр. А. И. Чернышевымъ, возымѣвшимъ къ нему полное довѣріе и превратившимъ его въ близкаго и необходимаго сотрудника, что̀ и создало для Позена небывалую карьеру. Не служивъ никогда въ военной службѣ и не имѣя военнаго чина, онъ менѣе чѣмъ въ 25 лѣтъ службы сдѣлался изъ копіиста директоромъ канцеляріи военнаго министерства и, по представленію гр. А. И. Чернышева, былъ возведенъ Императоромъ Николаемъ I въ высокое званіе статсъ-секретаря Е. И. В.

Такой неимовѣрный успѣхъ заставилъ Позена увѣровать въ свою геніальность, и эту увѣренность ему удалось сообщить многимъ изъ своихъ близкихъ знакомыхъ и очень малочисленнымъ своимъ друзьямъ.

Къ этому времени (1844—1848 гг.) относится сближеніе М. П. Позена съ Я. И. Ростовцовымъ. Оно было основано на томъ, что Ростовцову часто приходилось, въ качествѣ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, имѣть сношенія съ военнымъ министромъ, которыя шли преимущественно черезъ его канцелярію и, во всякомъ случаѣ, при ея посредствѣ.

Въ этихъ случаяхъ дальновидный директоръ канцеляріи М. П. Позенъ являлся не только необыкновенно доброжелательнымъ и предупредительнымъ исполнителемъ желаній главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, Вел. Кн. Михаила Павловича, и самого Ростовцова, но и дѣловитымъ его совѣтчикомъ при опредѣленіи направленія, которое слѣдовало дать тѣмъ или другимъ представленіямъ по вѣдомству этихъ заведеній. При этомъ, зная близость отношеній Ростовцова къ Великому Князю, Позенъ старался войти

съ первымъ въ пріятельскія отношенія, что и увѣнчалось успѣхомъ, такъ что, когда надъ Позеномъ въ концѣ сороковыхъ годовъ стряслась бѣда, то ему удалось убѣдить всегда безукоризненнаго и безкорыстнаго, а потому довѣрчиваго Ростовцова въ своей полной невиновности въ дѣлѣ, за которое онъ такъ сильно пострадалъ.

Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ. Въ эпоху венгерской кампаніи (1849 г.) самъ Императоръ Николай I въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Москву обнаружилъ сильныя злоупотребленія по коммиссаріатскому вѣдомству. Сильно взволнованный этимъ, Онъ разжаловалъ одного состоявшаго въ чинѣ генералъ-лейтенанта кригскоммиссара въ солдаты и потребовалъ строгаго разслѣдованія по дѣлу снабженія арміи предметами ея обмундированія. Оказалось, что и канцелярія военнаго министерства не была чужда обнаруженнымъ злоупотребленіямъ. Это очень огорчило Государя. Онъ уволилъ директора канцеляріи Позена въ отставку, лишивъ его званія статсъ-секретаря Е. И. В. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ свое неудовольствіе и военному министру, но зная, что гр. А. И. Чернышевъ, герой отечественной войны 1813 г., стоялъ выше всякихъ подозрѣній и, конечно, не могъ быть причастенъ къ злоупотребленіямъ, устранилъ его, однакоже, очень деликатно отъ непосредственнаго управленія министерствомъ, возложивъ отвѣтственное хозяйственное управленіе на товарища министра; но Онъ оставилъ Чернышева въ званіи министра (до 1852 г.), а вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его предсѣдателемъ государственнаго совѣта и возвелъ, за его долговременныя заслуги, изъ графскаго достоинства въ княжеское, съ титуломъ Свѣтлѣйшаго [1]). М. П. Позенъ, получивъ полную отставку въ 1848 г., удалился въ свое значительное имѣніе въ Полтавской губ., гдѣ и проживалъ, занимаясь успѣшно сельскимъ хозяйствомъ, почти безвыѣздно до 1857 г., разыгрывая тамъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ роль опальнаго боярина.

Какъ только онъ прочелъ въ октябрѣ 1857 г. Высочайшій рескриптъ Царя-Освободителя Виленскому дворянству, онъ поспѣшилъ войти въ сношенія со своими сосѣдями, дворянами-помѣщиками Полтавской губ., и, убѣдившись въ ихъ расположеніи пойти на-

---

[1]) Свѣтлѣйшій князь А. И. Чернышевъ скончался въ 1857 г

встрѣчу желаніямъ Государя относительно освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, принялся за составленіе своей хитроумной записки по этому дѣлу и явился съ нею къ своему старому пріятелю Я. И. Ростовцову, въ увѣренности, что тотъ, получивъ вліяніе на крестьянское дѣло, пожелаетъ использовать административную опытность и финансовую геніальность своего стараго пріятеля, признаетъ его своимъ ближайшимъ сотрудникомъ, реабилитируетъ его въ глазахъ Государя и будетъ способствовать его назначенію на тотъ постъ, къ которому Позенъ стремился въ продолженіе всей своей жизни, а именно на должность министра финансовъ.

Записка Позена обворожила Ростовцова, еще совершенно неопытнаго въ крестьянскомъ вопросѣ. Съ одной стороны, она шла навстрѣчу пламеннымъ желаніямъ Государя освободить крестьянъ, а съ другой—совершенно соотвѣтствовала осторожнымъ стремленіямъ Ростовцова къ *постепенности* въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ, предлагая очень продолжительный срочно-обязанный періодъ (12 лѣтъ), въ теченіе котораго сохранился бы трудъ срочно-обязанныхъ крестьянъ и полная зависимость ихъ отъ помѣщиковъ. На этотъ срокъ за крестьянами оставлялись ихъ надѣльныя земли, и въ то же время, чтобы привязать ихъ къ помѣстьямъ и предупредить ихъ блужданіе по окончаніи 12-лѣтняго періода, Позенъ предлагалъ установить *обязательный* для крестьянъ—отдѣльный *выкупъ ихъ усадебной осѣдлости*. Выкупъ этотъ, въ угоду матеріальнымъ интересамъ помѣщика, долженъ былъ быть произведенъ по такой оцѣнкѣ усадебъ, которая заключала бы въ себѣ вознагражденіе помѣщиковъ за потерю ими обязательнаго труда. Организацію этого выкупа, обезпеченнаго выкупными платежами крестьянъ, Позенъ считалъ весьма возможною для талантливаго министра финансовою операціей.

Такимъ образомъ сущность проекта заключалась въ возможно продолжительномъ удержаніи за помѣщиками слегка облегченнаго крѣпостного права, а по окончаніи обязательнаго періода, въ прикрѣпленіи крестьянъ къ помѣстью путемъ выкупа усадебъ вмѣстѣ съ личностью крестьянъ. Это должно было, наконецъ, привести къ полному обезземеленію крестьянъ возвращеніемъ ихъ земельныхъ надѣловъ въ полную собственность помѣщика, но все это было, конечно, такъ искусно маскировано въ запискѣ Позена, что Ростов-

цовъ не могъ усмотрѣть этого результата и рѣшился представить, по настоянію Позена, его записку непосредственно самому Государю, съ оговоркою, что она составлена однимъ изъ опытнѣйшихъ сельскихъ хозяевъ Полтавской губ., бывшимъ статсъ-секретаремъ Позеномъ, хорошо знакомымъ съ бытомъ малороссійскихъ крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень талантливымъ финансистомъ; что онъ, Ростовцовъ, по своему незнакомству съ бытомъ крестьянъ даже великороссійскихъ губерній, не рѣшается высказать какого бы то ни было опредѣленнаго взгляда на способъ осуществленія освобожденія крестьянъ во всей Россіи, мнѣніе же Позена нравится ему, потому что оно принимаетъ за исходную точку распоряженія правительства 1803 и 1842 гг. и, расширяя ихъ, старается все-таки установить полную постепенность въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Государь передалъ записку Позена на разсмотрѣніе Главнаго Комитета, гдѣ она, можетъ быть, осталась бы безъ особыхъ послѣдствій, если бы тамъ въ это время (въ мартѣ 1858 г.) министерство внутреннихъ дѣлъ не возбудило вопроса о томъ, что, по случаю открытія новыхъ комитетовъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, было бы необходимо и своевременно для объединенія ихъ дѣйствій дать всѣмъ имъ одну общую программу для ихъ работъ. Главный Комитетъ единогласно согласился съ этимъ предложеніемъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ возложилъ составленіе этой програмы на Я. А. Соловьева, а Ростовцовъ, также сознавая пользу этой програмы, но по совершенной изолированности своего положенія, не имѣя никакого свѣдущаго совѣтчика по крестьянскому дѣлу, кромѣ Позена, рѣшился поручить ему, по его вызову, составленіе проекта такой програмы. Позенъ быстро исполнилъ порученіе Ростовцова и составилъ ему программу совершенно въ духѣ своей записки.

Когда же вслѣдъ за тѣмъ и министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ Главный Комитетъ вмѣстѣ съ запиской Соловьева составленную имъ программу, исправленную Милютинымъ, то Ростовцовъ возсталъ противъ этой програмы, находя ее слишкомъ императивною и слишкомъ стѣсняющею свободу выраженія мнѣній въ средѣ лицъ, хорошо знающихъ мѣстныя условія, а потому могущей раздражить дворянское сословіе, призванное довѣріемъ Государя только къ предварительному обсужденію важнѣйшаго изъ современныхъ государственныхъ вопросовъ. Затѣмъ Ростовцовъ предложилъ на обсужденіе Главнаго Комитета программу Позена, поставленную, какъ

казалось Ростовцову, болѣе широко и дающую болѣе простора мнѣніямъ мѣстныхъ дворянствъ.

При обсужденіи обѣихъ программъ почтенный С. С. Ланской, конечно, не сумѣлъ отстоять внесенной имъ программы, дѣйствительно имѣвшей недостатки въ бюрократическомъ стремленіи къ слишкомъ мелочной опекѣ надъ предварительнымъ выраженіемъ мнѣній и пожеланій мѣстныхъ дворянствъ. Главный Комитетъ отвергъ составленную Соловьевымъ програму и принялъ рекомендованную Ростовцовымъ програму Позена, тѣмъ болѣе, что въ Главномъ Комитетѣ, повидимому, никто не предвидѣлъ вреда, который она вносила въ крестьянское дѣло и который обнаружился только впослѣдствіи.

М. П. Позенъ, ободренный успѣхомъ, поспѣшилъ вернуться въ свое помѣстье Хорольскаго уѣзда, гдѣ онъ былъ немедленно избранъ въ члены губернскаго комитета, предсѣдателемъ котораго ему и удалось сдѣлаться. Затѣмъ онъ вернулся въ Петербургъ и попалъ, какъ онъ желалъ, въ члены того центральнаго учрежденія, которое было образовано для составленія окончательнаго законопроекта объ освобожденіи крестьянъ (Редакціонныхъ Комиссій), въ качествѣ депутата отъ Полтавскаго дворянскаго губернскаго комитета. Такимъ образомъ ему удалось осуществить болѣе половины своихъ честолюбивыхъ замысловъ, а для осуществленія остальныхъ ему оставалось, оказавъ крупныя услуги интересамъ высокопоставленныхъ столичныхъ сановниковъ, достигнуть при ихъ помощи главной цѣли, къ которой онъ стремился,—сдѣлаться министромъ финансовъ.

Однакоже, по осуществленіи значительной части этого хитроумнаго плана, оказалось, что одновременное поклоненіе Господу Богу и золотому тельцу несовмѣстимо. Дѣйствія Позена въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, а еще болѣе внѣ ихъ, вызвали только негодованіе противъ него Царя-Освободителя, который поспѣшилъ уволить его (одного изъ всѣхъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій) изъ ихъ состава, такъ что Позенъ долженъ былъ вернуться въ свое Хорольское имѣніе, къ прежней своей роли „опальнаго боярина“ и скончался въ 1871 г. въ Висбаденѣ. Замѣчательно, что, хотя онъ былъ похороненъ съ честью въ своемъ имѣніи, которое поставлено было имъ въ положеніе богатаго родового помѣстья, но „струны громкія баяновъ не стали говорить о немъ“. И до сихъ поръ его, во вся-

комъ случаѣ, крупная и не лишенная достоинствъ личность еще не нашла себѣ біографа.

Утвержденіе Позеновской программы, проведенной Ростовцовымъ въ Главномъ Комитетѣ, было съ его стороны крупною политическою ошибкою, такъ какъ оно доводило конфликтъ между нимъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ до своего апогея. Государственный умъ Н. А. Милютина не могъ помириться съ тѣмъ направленіемъ, которое эта программа давала всему крестьянскому дѣлу. Для Милютина было ясно, что срочно-обязанный періодъ сохранитъ крѣпостное право и обязательный трудъ съ небольшимъ облегченіемъ еще на 12 лѣтъ, что въ это время начнется отдѣльный и притомъ обязательный для крестьянъ выкупъ крестьянской усадебной осѣдлости, дающей помѣщикамъ возможность включить въ него и выкупъ ихъ личности, что этотъ дорогой выкупъ поглотитъ всѣ средства крестьянъ на продолжительное время, а что по прошествіи 12-лѣтняго періода, когда крестьяне уже дѣйствительно выйдутъ изъ крѣпостной зависимости, они останутся прикрѣпленными къ землѣ помѣстья своею усадебною собственностью, всѣ же полевыя ихъ земли и остальныя угодья возвратятся въ полную собственность помѣщика; дальнѣйшее же пользованіе крестьянами ихъ бывшими надѣльными землями *по вольному найму* поставитъ освобожденныхъ крестьянъ въ экономическую зависимость отъ помѣщиковъ, которая будетъ для нихъ тяжелѣе крѣпостного права, введеннаго въ юго-западныхъ губерніяхъ (Днѣпровской Руси) только во время польскаго владычества, а въ удержавшей свою національную свободу Малороссіи—въ XVIII вѣкѣ.

Такое направленіе, приданное крестьянскому дѣлу Позеновской программою, окончательно возстановило противъ Ростовцова не только Милютина и всю его партію, но и все министерство внутреннихъ дѣлъ, словомъ, всѣхъ окончательно усвоившихъ себѣ необходимость земельнаго освобожденія крестьянъ. Высоко справедливая идея освобожденія крестьянъ съ землею нашла себѣ выраженіе въ печати впервые въ апрѣлѣ 1858 г. въ статьѣ друга Милютина, К. Д. Кавелина, который отважно выступилъ сначала въ ходившей по рукамъ запискѣ своей, а потомъ и въ печати съ предложеніемъ объ обращеніи крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ ихъ собственность путемъ выкупа. Статья Кавелина возбудила неудовольствіе Государя, только-что утвердившаго программу для комитетовъ, и

имѣла послѣдствіемъ предписаніе цензурѣ пропускать только статьи, не противорѣчившія духу и направленію програмы, утвержденной Главнымъ Комитетомъ; самъ же Кавелинъ былъ удаленъ отъ занимаемой имъ должности преподавателя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Эта послѣдняя мѣра была приписана Милютинымъ и Кавелинымъ вліянію Ростовцова и усилила вражду ихъ противъ него.

Впрочемъ, обвинять Ростовцова въ участіи его въ увольненіи Кавелина было, какъ я впослѣдствіи убѣдился, совершенно несправедливо. Ростовцовъ, оцѣнивая искреннюю честность убѣжденій Кавелина въ крестьянскомъ дѣлѣ, не находилъ ничего предосудительнаго въ его статьѣ и явился горячимъ его заступникомъ передъ Государемъ. Но на ходатайство Ростовцова объ оставленіи Кавелина въ должности преподавателя Цесаревича Государь отвѣтилъ, что имѣетъ на увольненіе его другія, болѣе важныя причины. Въ рукахъ Государя находились достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что матеріалы для статей Герцена, сильно осуждавшихъ дѣйствія правительства по крестьянскому дѣлу и диффамирующихъ личности сотрудниковъ Государя и въ особенности самого Ростовцова, доставлялись въ редакцію „Колокола" Кавелинымъ при участіи Милютина. По мнѣнію Государя, невозможно было допустить, чтобы лицо, находившееся въ такихъ сношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ, занимавшимся антиправительственною пропагандою, могло быть преподавателемъ Наслѣдника Престола. Доказательства же непосредственнаго участія Кавелина и даже Милютина въ статьяхъ Герценовскаго „Колокола" были секретно препровождены Ростовцову въ подлинникѣ, по Высочайшему повелѣнію, шефомъ жандармовъ княземъ В. А. Долгоруковымъ.

Во всякомъ случаѣ походъ, предпринятый въ такой формѣ (при посредствѣ Герценовскаго „Колокола") Милютинымъ и Кавелинымъ противъ Ростовцова, былъ съ ихъ стороны не менѣе крупной политической ошибкою, чѣмъ безсознательное проведеніе Ростовцовымъ Позеновской програмы, такъ какъ диффамація личности Ростовцова не достигала своей цѣли, а только увеличивала недовѣріе Царя-Освободителя къ лицамъ, наиболѣе способнымъ осуществить Его великія намѣренія.

Вся эта распря, происходившая весною 1858 г., между людьми, которые были предназначены самимъ Провидѣніемъ къ тому, чтобы

оказать наибольшія услуги великому дѣлу освобожденія крестьянъ, безповоротно предпринятому Царемъ-Освободителемъ, производила на меня удручающее впечатлѣніе, такъ что въ апрѣлѣ 1858 г. я рѣшился принять уже активное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ, чувствуя въ себѣ и необходимую для него подготовку, и нравственную силу для роли посредника и миротворца между людьми, которыхъ обстоятельства и ихъ таланты вывели на первыя роли въ дѣлѣ, къ осуществленію котораго и я такъ страстно стремился въ теченіе многихъ лѣтъ.

Принялся я за активное участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ тою любовью къ нему, которая теплилась въ моей душѣ съ отроческихъ лѣтъ.

Первымъ моимъ дебютомъ было письмо Я. И. Ростовцову, посланное въ концѣ апрѣля. Въ немъ я сообщилъ ему, что я изучилъ бытъ крестьянъ (съ точки зрѣнія своевременности ихъ освобожденія) въ Россіи, Сибири и за границей, какъ во время 12-лѣтняго управленія своимъ помѣстьемъ, такъ и во время путешествій; что по возвращеніи своемъ изъ послѣдняго, въ концѣ 1857 г., я съѣздилъ на свою родину, въ Рязанскую и Тамбовскую губерніи, откуда нынѣ вернулся, ознакомившись въ подробности съ настроеніемъ какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословій въ провинціи послѣ Императорскихъ рескриптовъ Литовскому, С.-Петербургскому, Нижегородскому и Московскому дворянствамъ, и думаю, что сообщенія мои заинтересуютъ Якова Ивановича. Въ отвѣтѣ Я. И. Ростовцова я не могъ сомнѣваться. Онъ зналъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ по нѣкоторымъ родственнымъ связямъ и съ интересомъ слѣдилъ за моимъ развитіемъ въ то время, когда трехлѣтнее воспитаніе въ военно-учебномъ заведеніи дисциплинировало это развитіе, происходившее бо́льшею частью въ условіяхъ полной свободы на вольномъ воздухѣ, сначала въ деревнѣ посреди народа, потомъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи и за границей, а затѣмъ въ путешествіяхъ среди русскихъ крестьянъ и инородческихъ кочевниковъ. Ростовцову хорошо было извѣстно, что я былъ горячимъ патріотомъ и сторонникомъ освобожденія крестьянъ, въ необходимости и своевременности котораго я былъ глубоко убѣжденъ.

При изолированности положенія Я. И. Ростовцова, который не принадлежалъ ни къ какой политической партіи, стоялъ совершенно одиноко у престола своего Государя, а отъ столичной ин-

теллигенціи былъ совершенно отчужденъ тяжкими обвиненіями, возводимыми на него русскою заграничною печатью, ему было интересно выслушать мнѣнія и впечатлѣнія по крестьянскому вопросу совершенно независимаго по своему общественному положенію человѣка, въ чистосердечіи котораго онъ не сомнѣвался, такъ же, какъ и въ его знакомствѣ съ разнообразными мѣстными условіями русскаго народнаго быта.

Приглашеніе къ Я. И. Ростовцову я получилъ на другой же день послѣ отправленія моего письма. Онъ видѣлся со мною въ первый разъ послѣ моего азіатскаго путешествія и встрѣтилъ меня со свойственною ему привѣтливостью и душевною теплотою, прося сообщить ему откровенно всѣ мои впечатлѣнія по хорошо извѣстному мнѣ крестьянскому вопросу и въ особенности познакомить его съ существующимъ нынѣ въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ настроеніемъ какъ дворянъ-помѣщиковъ, такъ и крестьянъ.

Вотъ въ какомъ духѣ я отвѣтилъ ему на его вопросы.

Большинство дворянъ-помѣщиковъ опасается предстоящей реформы, не сочувствуетъ ей и, конечно, неохотно разстается съ крѣпостнымъ правомъ, а кромѣ того ожидаетъ полнаго разоренія отъ потери крѣпостного труда. Зато передовое и просвѣщенное меньшинство дворянъ-помѣщиковъ уже со времени крымской войны пришло къ полному убѣжденію въ необходимости и своевременности освобожденія крестьянъ. Притомъ же Высочайшіе рескрипты, и въ особенности Нижегородскому и Московскому дворянствамъ, придали всему дѣлу новый характеръ. По прочтеніи четырехъ рескриптовъ всѣ безъ исключенія дворяне нашихъ губерній убѣдились, что дѣло освобожденія крестьянъ въ глазахъ всего русскаго народа ужъ рѣшено окончательно, и что удержать крестьянъ въ крѣпостной зависимости совершенно невозможно. Однакоже, дворяне въ значительной мѣрѣ успокоились тѣмъ, что обсужденіе условій, на которыхъ должно произойти освобожденіе крестьянъ, предоставляется въ каждой губерніи исключительно самимъ дворянамъ, а не ненавистнымъ имъ чиновникамъ, которыхъ они клеймятъ названіемъ „красныхъ“ и возводятъ на нихъ чудовищныя обвиненія въ томъ, что они будто бы стремятся къ насильственному государственному перевороту путемъ кровавой революціи.

Что же касается до самыхъ условій освобожденія крестьянъ, то здѣсь мнѣнія дворянъ-помѣщиковъ являются крайне разнообразными.

Вотъ что думаютъ самые просвѣщенные и благомыслящіе изъ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами непосредственно управляютъ своими имѣніями и хорошо знакомы съ бытомъ крестьянъ и аграрными ихъ къ себѣ отношеніями. Хотя по закону крестьяне, живущіе въ помѣстьяхъ, были до сихъ поръ, по выраженію Императора Николая I, „вещью, принадлежащею другому", и письменный законъ ничѣмъ не ограничивалъ произвола помѣщика, кромѣ закона Императора Павла I о трехдневной барщинѣ, все-таки взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ регулировались *обычнымъ правомъ*, то-есть цѣлымъ рядомъ традицій, передаваемыхъ намъ отъ тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которымъ наши помѣстья были дарованы Московскими царями за ихъ службу государству.

Дворянскія помѣстья переходили изъ рукъ въ руки въ теченіе многихъ поколѣній, отчасти путемъ наслѣдства, отчасти путемъ купли-продажи, но въ послѣднемъ случаѣ—по закону—не иначе, какъ въ руки такихъ дворянъ, которые перенимали на себя при покупкѣ всѣ права и обязанности бывшихъ владѣльцевъ помѣстья, регулируемыя рѣдко нарушаемымъ обычнымъ правомъ. По этому *обычному праву* земли помѣстья, которыя съ незапамятныхъ временъ состояли въ пользованіи крестьянъ и обезпечивали ихъ бытъ, никогда отъ нихъ не отбирались, а, наоборотъ, каждое возникающее вновь крестьянское *тягло*, т.-е. брачная пара „съ будущими", получало изъ земель помѣстья столько пахотной земли, сколько ему, по мѣстному обычаю, необходимо было для посѣва, съ цѣлью обезпеченія существованія нарождающейся семьи; за пользованіе же ею тягло обязано было обработать въ западѣльныхъ помѣщичьихъ поляхъ столько же земли, сколько само получало. Это истекало также и изъ письменнаго закона о трехдневной барщинѣ (три дня въ недѣлю на обязательныя работы помѣщику, три дня на себя, а „седьмой день — Господу Богу"). Затѣмъ отводились еще крестьянскимъ сельскимъ обществамъ земли подъ покосы, выгоны, огороды и усадьбы, и крестьяне снабжались строевыми матеріалами при возникновеніи новыхъ дворовъ и возобновленіи старыхъ. Затѣмъ исключительно на помѣщикахъ, а не на государствѣ лежало прокормленіе ихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ голодные годы. Что же касается до обезпеченія земельными надѣлами прироста населенія и вновь нарастающихъ тяглъ, то этотъ сервитутъ, лежащій на помѣстьяхъ, былъ легокъ и выгоденъ для многоземельныхъ помѣстій, умножая ихъ доходы, въ малоземель-

ныхъ же помѣстьяхъ онъ былъ самымъ тягостнымъ изъ лежащихъ на помѣщикахъ сервитутовъ.

При такихъ аграрныхъ условіяхъ освобожденіе крестьянъ должно произвести полный переворотъ, затрагивающій интересы обоихъ главныхъ сословій государства, и на правительствѣ лежитъ трудная обязанность, при дарованіи полной свободы крестьянамъ, установить между ними и помѣщиками такія закономѣрныя отношенія, которыя охраняли бы одинаково интересы обоихъ сословій. Для этого, конечно, необходимо прежде всего въ каждомъ помѣстьи раздѣлить земли между помѣщиками и крестьянами такъ, чтобы, признавъ за послѣдними право на неотъемлемое въ будущемъ пользованіе землею въ количествѣ, необходимомъ для обезпеченія ихъ быта и исполненія государственныхъ повинностей, остальную землю признать уже *полною собственностью* помѣщика, снявъ съ этой собственности всѣ лежащіе на ней сервитуты, а кромѣ того вознаградить помѣщиковъ въ той или другой формѣ за потерю ихъ права на обязательный трудъ крестьянъ. Такою представляется лучшимъ изъ помѣщиковъ задача правительства при освобожденіи крестьянъ, но, такъ какъ невозможно призвать безправныхъ по закону и безграмотныхъ крестьянъ къ обсужденію устройства ихъ аграрныхъ отношеній къ помѣщикамъ, то, разумѣется, между тѣми изъ сихъ послѣднихъ, которые признаютъ необходимость раздѣла земель помѣстья между помѣщиками и крестьянами (т.-е. земельное, а не безземельное освобожденіе крестьянъ), все-таки можетъ возникнуть стремленіе получить при предстоящемъ раздѣлѣ львиную долю, а такъ какъ представителемъ интересовъ освобождаемыхъ крестьянъ является исключительно одно правительство, то конфликтъ на этой почвѣ между дворянствомъ и правительствомъ неизбѣженъ и можетъ быть разрѣшенъ безпристрастно только верховною властью.

Я. И. Ростовцовъ высказалъ мнѣ откровенно, что онъ до сихъ поръ ни отъ кого не слышалъ такого простого и яснаго изложенія всего существа крестьянскаго вопроса. Но въ заключеніе нашей бесѣды онъ просилъ меня объяснить ему еще все, что я знаю о взглядахъ на предстоящее дѣло самихъ крестьянъ.

На это я отвѣтилъ ему, что прежде всего меня поразило необыкновенное спокойствіе крестьянъ. Въ прежнее время не проходило ни одного года безъ того, чтобы до насъ не доходили слухи объ убійствѣ въ нашей мѣстности крестьянами того или другого

помѣщика, а съ тѣхъ поръ, какъ крестьянамъ стало извѣстно, что Царь желаетъ освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости, слухи эти совершенно прекратились, такъ же, какъ и всякія серьезныя столкновенія между крестьянами и помѣщиками. Крестьяне ожидаютъ будущаго съ полнымъ довѣріемъ къ своему Государю. Взгляды же свои и пожеланія относительно предстоящаго будущаго они выражаютъ совершенно откровенно передъ тѣми помѣщиками, къ которымъ имѣютъ довѣріе послѣ ихъ многолѣтняго управленія, въ слѣдующей чрезвычайно опредѣленной формѣ: „мы *ваши*, а земля, которая насъ всегда кормила, даже и тогда, когда мы были царскими,— *наша*. Теперь по волѣ Царя мы можемъ или остаться *барскими*, или опять сдѣлаться *царскими*, но земля, насъ всегда кормившая и которой мы всегда останемся крѣпки, отъ насъ отойти не можетъ".

Отсюда я вывелъ заключеніе, что безземельное освобожденіе крестьянъ *невозможно*. Что же касается условій освобожденія, то крестьяне спокойно и безпрекословно подчинятся волѣ Царя, и только въ случаѣ отнятія у нихъ земли никакія административныя мѣры, подобно учрежденію уѣздныхъ начальниковъ или временныхъ генералъ-губернаторовъ съ самыми обширными полномочіями, не удержатъ ихъ отъ повсемѣстныхъ волненій, вызванныхъ отчаяніемъ, и, въ такомъ случаѣ, лучше ужъ удержать крѣпостную зависимость въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она доселѣ существовала, ограничивъ только возможность рѣзкихъ злоупотребленій помѣщичьею властью.

Затѣмъ, уже при второмъ моемъ свиданіи съ Ростовцовымъ, я рѣшился высказать ему, что составленная Позеномъ и разосланная въ губернскіе комитеты программа можетъ принести большой вредъ крестьянскому дѣлу, такъ какъ она, при продолжительности временнообязаннаго періода, даетъ возможность удержать на слишкомъ продолжительное время крѣпостное право въ формѣ ненавистной народу барщины и предоставляетъ помѣщику вотчинную полицію; въ особенности же потому, что она очень хитроумно направлена къ обезземеленію крестьянъ, такъ какъ, съ одной стороны, даетъ крестьянамъ право пользованія земельными надѣлами только на срочнообязанный періодъ, а съ другой—устанавливаетъ отдѣльный обязательный выкупъ усадебной осѣдлости по непосильной для крестьянъ цѣнѣ, заключающей въ себѣ выкупъ личности; этотъ же послѣдній, поглотивъ всѣ средства крестьянъ, сдѣлаетъ выкупъ ихъ полевыхъ земель уже совершенно невозможнымъ.

Все, что было высказано мною Ростовцову, произвело на него, повидимому, сильное впечатлѣніе, благодаря его ясному и здравому уму и присущему ему свойству вдумчивости въ живо интересующій его вопросъ. Но свойственная ему осторожность препятствовала ему придти къ какому бы то ни было поспѣшному непосредственному заключенію. Разставаясь со мной, онъ благодарилъ меня за сообщеніе свѣдѣній по крестьянскому дѣлу, которыя явились для него совершенно новыми, и сообщилъ мнѣ, что, уѣзжая въ началѣ лѣта за границу на лѣченіе, онъ будетъ имѣть тамъ достаточно досуга, чтобы передумать вновь все дѣло, которое теперь представляется ему уже въ совершенно новомъ видѣ.

Узнавъ отъ меня, что я собираюсь провести лѣто въ предѣлахъ трехъ центральныхъ черноземныхъ губерній (Рязанской, Тульской и Тамбовской), онъ поручилъ мнѣ собрать подробныя свѣдѣнія о томъ, что будетъ происходить въ трехъ мѣстныхъ комитетахъ этихъ губерній и насколько измѣнится настроеніе обоихъ сословій за это время, а также просилъ представить ему осенью могущія возникнуть у меня новыя соображенія по крестьянскому дѣлу.

Я уѣхалъ изъ Петербурга на родину уже въ концѣ мая, а Ростовцовъ оставался тамъ еще до іюля.

Въ это время въ правительственныхъ сферахъ только-что началъ возникать вопросъ о томъ, какъ будутъ разсматриваемы и утверждаемы законопроекты, постепенно представляемые отдѣльными губернскими комитетами. Согласно съ господствовавшими въ этихъ комитетахъ и въ правительственныхъ сферахъ предположеніями, каждое изъ составленныхъ комитетами положеній должно было разсматриваться и утверждаться особо, при помощи вызванныхъ изъ губернскихъ комитетовъ „депутатовъ", и только немногія изъ статей этихъ законопроектовъ, имѣющія общій характеръ, могли быть обращены въ общее для всей имперіи положеніе.

Въ виду же затруднительности разсмотрѣнія каждаго законопроекта въ полномъ составѣ Главнаго Комитета, была выдѣлена изъ его состава 15 іюля 1858 г. особая комиссія изъ четырехъ членовъ Комитета—Ланского, графа Паниня, Муравьева и Ростовцова, для предварительнаго разсмотрѣнія „положеній губернскихъ комитетовъ", и вмѣстѣ съ тѣмъ каждому губернскому комитету было предоставлено прислать по два депутата, которые по вызову учрежденной комиссіи должны были являться въ Петербургъ для пред-

ставленія ей необходимыхъ свѣдѣній и разъясненій. Такъ какъ „положенія губернскихъ комитетовъ“ еще не получались, то Ростовцовъ имѣлъ возможность выѣхать въ концѣ іюля изъ Петербурга на лѣченіе за границу. Оттуда онъ, на досугѣ передумывая весь крестьянскій вопросъ, написалъ Государю четыре письма съ изложеніемъ новыхъ соображеній, возникшихъ въ его умѣ за это время.

Эти четыре письма, отправленныя Ростовцовымъ Государю изъ-за границы, вполнѣ выясняютъ ту эволюцію, которая произошла въ умѣ Ростовцова въ теченіе его трехмѣсячнаго, совершенно одинокаго пребыванія за границей [1]).

---

[1]) Сенаторъ Фишеръ, бывшій пріятель одного изъ рѣшительныхъ противниковъ освобожденія крестьянъ, свѣтлѣйшаго князя Меньшикова, и едва не проведенный имъ и другими противниками освобожденія въ министры финансовъ въ 1861 г., въ своихъ недавно опубликованныхъ запискахъ утверждаетъ, что Ростовцовъ совсѣмъ не сочувствовалъ освобожденію крестьянъ до тѣхъ поръ, пока его „родственнику“ П. П. Семенову, *сопровождавшему* его во время его поѣздки за границу въ 1858 г., не удалось привести его къ совершенно противоположному его прежнимъ взглядамъ мнѣнію. Насколько ошибочно это показаніе сенатора Фишера, явствуетъ изъ того, что вышеизложенными двумя свиданіями съ Ростовцовымъ, происходившими въ маѣ 1858 г., ограничились всѣ мои сношенія съ нимъ до поздней осени 1858 г., и что въ поѣздку за границу я его никогда не сопровождалъ, а находился во время этой поѣздки на родинѣ, въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ участвовалъ въ мѣстныхъ дворянскихъ совѣщаніяхъ по крестьянскому дѣлу.

ГЛАВА IV.

Настроеніе въ высшихъ сферахъ въ началѣ эпохи освобожденія. Распространенная легенда о томъ, что освобожденіе крестьянъ было завѣщано Имп. Александру II Его державнымъ Родителемъ на смертномъ одрѣ. Ея объясненіе.—Какъ сознаніе необходимости обновленія русскаго государственнаго строя вошло въ сознаніе русской интеллигенціи.—Предпринятая еще Имп. Николаемъ I борьба противъ крѣпостного права и ея органы. Значеніе, которое Имп. Николай I придавалъ министерству государственныхъ имуществъ и его министру, гр. Киселеву. Введеніе инвентарей и инвентарныхъ правилъ въ юго-западномъ краѣ.—Старанія противниковъ освобожденія при вступленіи на престолъ Имп. Александра II удалить отъ Него опытныхъ совѣтниковъ по крестьянскому дѣлу. Отставка Д. Г. Бибикова и назначеніе посломъ въ Парижъ гр. П. Д. Киселева.—М. Н. Муравьевъ, характеристика его направленія и дальнѣйшаго его отношенія къ крестьянскому дѣлу, сначала отрицательнаго, а потомъ положительнаго, и объясненіе этого кажущагося противорѣчія.—Кажущаяся побѣда въ „высшихъ сферахъ" противниковъ освобожденія къ концу 1856 г.—Намѣреніе освободить крестьянъ созрѣло совершенно самостоятельно въ душѣ Царя-Освободителя. Первое выраженіе Его стремленія и первыя конфиденціи Его.—Начало участія Ростовцова въ качествѣ совѣтника Государя по крестьянскому дѣлу въ апрѣлѣ 1856 г. Уклончивый отвѣтъ Государя на представленіе С. С. Ланского.—Учрежденіе Секретнаго Комитета и мнѣніе его членовъ по порученному имъ вопросу.—Поѣздка Имп. Александра II лѣтомъ 1857 г. за границу и свиданія тамъ съ Вел. Княг. Еленой Павловной и гр. Киселевымъ.—Переписка Вел. Княгини съ Вел. Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и назначеніе его членомъ Секретнаго Комитета. Переименованіе этого Комитета въ Главный. Неудовольствіе Государя противъ А. И. Левшина и начало вліянія Н. А. Милютина на ходъ крестьянскаго дѣла.—Продолжительный конфликтъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ Ростовцовымъ.—Отъѣздъ Ростовцова въ іюлѣ 1858 г. за границу. Его письма Государю и поѣздка Государя по Россіи, сдѣлавшая Его уже непоколебимымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ.

Уже съ самаго начала моей активной дѣятельности по освобожденію крестьянъ мнѣ хотѣлось выяснить для своихъ соображеній весь характеръ эволюціи, происходившей въ высшихъ сферахъ до начала 1858 г. и приведшей Императора Александра II къ рѣши-

мости осуществить великую реформу государственнаго и общественнаго строя, необходимость которой быстро входила въ сознаніе всей Россіи.

Хотя весь ходъ крестьянскаго дѣла до начала 1858 г. выяснился для меня только впослѣдствіи, послѣ окончательнаго моего сближенія съ Я. И. Ростовцовымъ и Великой Княгиней Еленой Павловной, удостоившей меня своего полнаго довѣрія только послѣ кончины Ростовцова, однакоже, я нахожу умѣстнымъ изложить здѣсь все, что мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ только впослѣдствіи, такъ какъ это даетъ ключъ къ уразумѣнію всего происходившаго по крестьянскому дѣлу въ теченіе 1858 г.

Въ началѣ царствованія Императора Александра II была очень распространена легенда о томъ, что Императоръ Николай I на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему сыну и Наслѣднику осуществленіе неудавшагося Ему намѣренія освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Я могу смѣло утверждать, что легенда эта лишена основанія. По свидѣтельству Я. И. Ростовцова, стоявшаго во время кончины Императора Николая I ближе всѣхъ къ Наслѣднику Цесаревичу, Императоръ Александръ II въ самыхъ интимныхъ съ нимъ бесѣдахъ о крестьянскомъ дѣлѣ отрицалъ эту легенду, да и не въ характерѣ Императора Николая I было бы возложить, умирая, на своего сына, въ которомъ Онъ не усматривалъ особой твердости воли, такія обязательства, какія Онъ самъ, несмотря на всю силу своего характера, не рѣшился принять на Себя.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно то, что до Императора Александра II дошли, но только уже впослѣдствіи, слова Его Родителя, высказанныя Имъ въ горестную минуту, еще до предсмертной Его болѣзни, но въ предвидѣніи кончины, которая должна была оставить Россію въ самомъ критическомъ положеніи; въ словахъ этихъ Императоръ Николай I высказалъ, что, можетъ быть, его преемнику удастся совершить то, чего Ему не удалось, а именно освобожденіе русскаго народа отъ крѣпостной зависимости. Императоръ Александръ II, однакоже, несмотря на свое расположеніе къ Я. И. Ростовцову, не сообщилъ ему, черезъ кого и когда дошли до Него эти слова.

Этотъ интересный вопросъ выяснился для меня уже послѣ кончины Я. И. Ростовцова. Неожиданный оборотъ крымской войны,

кончившейся паденіемъ Севастополя, произвелъ на Императора Николая I самое удручающее впечатлѣніе. Онъ призналъ полную несостоятельность того государственнаго и общественнаго строя, которому приписывалъ силу и мощь Россіи. Онъ убѣдился въ необходимости коренныхъ реформъ въ этомъ строѣ и вспомнилъ, что первой изъ нихъ должна быть та, къ которой онъ стремился въ теченіе многихъ лѣтъ до 1848 г.; но Государь ясно сознавалъ также, что такая реформа была Ему уже не по силамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ пришелъ къ убѣжденію, что Ему оставалось только умереть, передавъ заботы о благѣ отечества своему Преемнику, такъ какъ чувствовалъ, что самъ не въ силахъ будетъ пережить неблагопріятный исходъ войны.

Всѣ пережитыя Имъ въ этотъ послѣдній періодъ Его жизни страданія и сомнѣнія Онъ чувствовалъ потребность передать комунибудь изъ близкихъ людей, но такую, хотя бы минутную, слабость Онъ не хотѣлъ обнаруживать ни передъ искренне любящей Его и любимой Императрицею, ни передъ Наслѣдникомъ, ни тѣмъ менѣе передъ кѣмъ-либо изъ своихъ подданныхъ. Только передъ одною Особой своего царственнаго дома Онъ не побоялся высказать все, что тяготило Его душу, и даже обнаружить хотя бы минутное безсиліе и сомнѣнія Свои относительно будущности Россіи, которой, по собственному выраженію, Онъ признавалъ Себя только первымъ слугою.

Такою особой была Великая Княгиня Елена Павловна. Съ нею Онъ былъ связанъ самой искренней и многолѣтней дружбой съ тѣхъ поръ, какъ своимъ великодушнымъ участіемъ въ ея семейныхъ огорченіяхъ Онъ помогъ ей примириться съ ея, казавшимся ей безвыходнымъ, положеніемъ. Онъ создалъ для нея высокіе духовные интересы, сообщивъ ей о своихъ намѣреніяхъ освободить крестьянъ и приблизивъ къ ней своего ближайшаго сотрудника въ этомъ дѣлѣ графа П. Д. Киселева, выдававшагося по своему тонкому уму и высокой культурности. Единственную отраду въ своемъ безвыходномъ горѣ Императоръ Николай I находилъ въ ежедневномъ почти посѣщеніи Великой Княгини и только передъ нею и передъ нею одной рѣшался высказать все, что̀ Онъ чувствовалъ,— предчувствіе, что Онъ не переживетъ неблагополучнаго исхода войны и что, оставляя своему сыну тяжелое наслѣдіе въ критическую минуту, Онъ ищетъ себѣ утѣшенія въ надеждѣ, что, можетъ быть,

Его Наслѣднику удастся совершить то, чего Ему самому не удалось. Желаніе Его освободить крестьянъ отъ крѣпостного ига, обращавшаго, по выраженію самого Государя, большинство русскаго народа въ „вещь, принадлежащую другому“, было хорошо извѣстно Великой Княгинѣ и встрѣчало ея теплое сочувствіе. Быть можетъ, самая конфиденція Императора Николая I Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ была вызвана тѣмъ, что Онъ предвидѣлъ въ ней надежную точку опоры для не обладающаго, по Его мнѣнію, большою силою воли Цесаревича, въ то время, когда въ немъ пробудится предвидимое его Родителемъ стремленіе къ освободительной реформѣ.

Во всякомъ случаѣ Императоръ Николай I нашелъ въ чуткой и отзывчивой ко всему высокому душѣ Великой Княгини самое горячее сочувствіе своему безпредѣльному и безвыходному горю. Со свойственнымъ ей тактомъ она сумѣла найти слова любви и утѣшенія, оживившія въ Немъ лучъ надежды на лучшее будущее Россіи, которое составляло единственный предметъ Его предсмертныхъ заботъ.

Да и сама Великая Княгиня съ этихъ поръ почувствовала себя самой вѣрной хранительницею великой идеи освобожденія крестьянъ и укрѣпилась въ намѣреніи перейти, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, къ болѣе активной роли въ неминуемомъ обновленіи Россіи путемъ цѣлаго ряда реформъ. Слова же Императора Николая I, относившіяся къ освобожденію крестьянъ, могли быть переданы Великою Княгиней Императору Александру II не ранѣе лѣта 1857 г., т.-е. уже тогда, когда Онъ, принявъ по собственной инициативѣ намѣреніе освободить крестьянъ, искалъ сближенія съ той Особою Императорскаго дома, которая, какъ Ему было извѣстно, была ближе всѣхъ знакома съ великодушными намѣреніями Его Родителя.

При самомъ вступленіи своемъ на родительскій престолъ (19 февраля 1855 г.) Императоръ Александръ II еще не думалъ объ осуществленіи идеи освобожденія крестьянъ. На немъ прежде всего лежала тяжелая отвѣтственность въ рѣшеніи важнѣйшаго государственнаго вопроса: продолжать ли войну или заключить миръ. Такое рѣшеніе было для него тѣмъ болѣе тягостно, что сторонниками продолженія войны были самые горячіе патріоты, въ душѣ которыхъ запечатлѣлся стихъ Аксакова:

Пока одинъ изъ насъ родное слово слышитъ,
До тѣхъ поръ длиться будетъ бой,
До тѣхъ поръ договоръ постыдный не подпишетъ
Европа русскою рукой.

Иначе думали опытные и компетентные по своему положенію совѣтники молодого Государя: министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде, министръ военный—старый генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, министръ финансовъ Брокъ, выражавшій мнѣніе всего русскаго финансоваго міра съ барономъ Штиглицемъ во главѣ, и, наконецъ, самый выдающійся по дружбѣ къ нему покойнаго Государя изъ преданныхъ ему сановниковъ, князь А. Ѳ. Орловъ. Всѣ они считали дальнѣйшее продолженіе войны невозможнымъ, какъ по несостоятельности нашей военной организаціи, отсутствію удовлетворительнаго вооруженія и боевыхъ припасовъ, такъ и вслѣдствіе полнаго разстройства нашихъ финансовъ, не выходившихъ во все время предшествовавшаго царствованія изъ дефицитовъ, которые достигли ужасающихъ размѣровъ. Мнѣніе это, конечно, одержало верхъ, и Государь рѣшился на вступленіе въ переговоры о мирѣ, уполномочивъ на нихъ князя Орлова.

Между тѣмъ, сознаніе несостоятельности всего русскаго государственнаго и общественнаго строя и необходимости его обновленія распространилось во всемъ образованномъ русскомъ обществѣ, и общественное мнѣніе большинства столичной и меньшинства провинціальной интеллигенціи указывало на то, что предстоящія реформы могутъ начаться только съ освобожденія крестьянъ. Въ то же время, при вступленіи на престолъ Императора Александра II, рѣшительными противниками великой реформы было не только большинство помѣстнаго провинціальнаго дворянства, но и бо́льшая часть стоящихъ у престола старѣйшихъ государственныхъ сановниковъ съ княземъ Орловымъ, княземъ Меньшиковымъ, графомъ Адлербергомъ, княземъ Гагаринымъ и графомъ Панинымъ во главѣ.

Энергическими сторонниками освобожденія крестьянъ были, однакоже, при вступленіи на престолъ Императора Александра II, оставленные Ему Родителемъ, въ качествѣ двухъ важнѣйшихъ для крестьянскаго дѣла министровъ: государственныхъ имуществъ — графъ П. Д. Киселевъ и внутреннихъ дѣлъ — Д. Г. Бибиковъ,

бывшіе дѣятельными сподвижниками Императора Николая I въ Его борьбѣ противъ крѣпостного права.

Хотя Императоръ Николай I, пораженный общимъ революціоннымъ движеніемъ въ Европѣ въ 1848 г., совершенно отказался отъ своего намѣренія провозгласить освободительный актъ, Онъ все же не отказался отъ партизанской войны противъ крѣпостного права, путемъ ограниченія власти и произвола помѣщиковъ надъ крестьянами. Въ особенности не могъ Онъ помириться съ помѣщичьею властью и ея произволомъ въ губерніяхъ Кіевскаго генералъ-губернаторства, гдѣ „вещью, принадлежащею другому", были милліоны русскихъ людей, а ихъ господами—мятежное польское дворянство, побѣжденное Имъ въ 1830 г., но продолжавшее пользоваться неограниченною властью надъ русскимъ народомъ. Поэтому Императоръ Николай I началъ ограниченіе правъ дворянъ-помѣщиковъ съ трехъ юго-западныхъ губерній и поставилъ тамъ генералъ-губернаторомъ сильнаго волею, энергичнаго генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова. По мысли графа Киселева, единственнымъ вѣрнымъ средствомъ оградить безправный русскій народъ отъ ига польскихъ помѣщиковъ и разоренія было составленіе „инвентарей", опредѣляющихъ всѣ повинности, которыми русскіе крестьяне были обязаны своимъ польскимъ помѣщикамъ, съ укрѣпленіемъ за крестьянами всѣхъ тѣхъ земель, которыми они владѣли еще до польскаго владычества. Въ 1844 г. были уже по Высочайшему повелѣнію учреждены губернскіе комитеты для введенія инвентарей, а изъ-за крайней неудовлетворительности и непланомѣрности ихъ составленія, были выработаны энергичнымъ генераломъ Бибиковымъ, при содѣйствіи незабвеннаго Ю. Ѳ. Самарина, общія инвентарныя правила; эти послѣднія были Высочайше утверждены Императоромъ Николаемъ I 26 мая 1847 г. и торжественно обнародованы. Затѣмъ инвентари каждаго имѣнія, на основаніи сихъ правилъ, были просмотрѣны въ губернскихъ комитетахъ и утверждены окончательно въ сентябрѣ 1852 г., а самъ Бибиковъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, въ надеждѣ, что при его энергическомъ содѣйствіи возможно будетъ и въ литовскихъ, и даже въ великороссійскихъ губерніяхъ ограничить произволъ помѣщиковъ надъ ихъ крестьянами, состоявшими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, установляя надъ ними сильную и болѣе непосредственную власть правительства.

Что же касается министерства государственных имуществъ, въ вѣдѣніи котораго состояла другая половина сельскаго податного населенія (государственные крестьяне), то Императоръ Николай I предоставилъ полный просторъ графу Киселеву, стремившемуся съ Его вѣдома къ такому улучшенію быта, благосостоянія и благоустройства крестьянъ, которое могло бы служить примѣромъ для достиженія такого же благосостоянія и у помѣщичьихъ крестьянъ до тѣхъ поръ, пока еще не могло осуществиться полное освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Къ сожалѣнію, всѣ заботы Императора Николая I о благѣ русскаго народа, будучи парализованы опасеніемъ революціи, съ 1848 г. были окончательно прерваны политическими событіями, приведшими къ турецкой войнѣ, а для Императора Александра II, по вступленіи Его на престолъ 19 февраля 1855 г., другими заботами, стоявшими для Него на первомъ планѣ, а именно потребностью скорѣйшаго заключенія мира. Этими обстоятельствами воспользовались противники освобожденія крестьянъ, а „имя имъ было легіонъ“. Они, опасаясь, что молодой Императоръ все-таки рано или поздно придетъ къ мысли о своевременности предстоящей реформы, старались удалить отъ Него всѣхъ тѣхъ совѣтчиковъ, при помощи которыхъ Онъ могъ бы приняться за это великое дѣло.

Съ однимъ изъ этихъ совѣтчиковъ, Д. Г. Бибиковымъ, справиться имъ было не особенно трудно. Всѣмъ было извѣстно, что онъ не пользовался расположеніемъ молодого Государя, и что Александръ II имѣлъ противъ него какія-то предубѣжденія и даже личное неудовольствіе, еще будучи Цесаревичемъ.

Польскіе дворяне-помѣщики юго-западнаго края не могли помириться съ утратою власти надъ милліонами русскихъ людей въ трехъ исконныхъ русскихъ губерніяхъ Днѣпровской Руси (Кіевской, Подольской и Волынской), которыхъ при крѣпостномъ правѣ они считали уже совершенно полонизированными, и представили молодому Государю свой протестъ противъ введенія инвентарныхъ правилъ, сильно ограничивавшихъ ихъ власть. Протестъ этотъ, поддержанный кровными русскими сановниками, близкими престолу, имѣлъ послѣдствіемъ, на третій мѣсяцъ царствованія Императора Александра II (14 мая 1855 г.), отмѣну Бибиковскихъ инвентарей и предоставленіе составленія новыхъ не правительственнымъ комитетамъ, а выбраннымъ исключительно польскими дворянами. Такимъ

образомъ, въ самую тяжелую для Россіи минуту, еще до окончанія крымской войны, русскій народъ юго-западнаго края былъ „выданъ головою" своимъ польскимъ властелинамъ въ самый годъ 25-лѣтія побѣды, одержанной надъ ними Императоромъ Николаемъ I. Вслѣдъ за тѣмъ и вѣрный сподвижникъ Императора Николая I въ борьбѣ Его съ революціоннымъ по отношенію къ Россіи польскимъ дворянствомъ, Д. Г. Бибиковъ, былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ въ чистую отставку (1855 г.).

Справиться съ графомъ Киселевымъ противникамъ освобожденія крестьянъ было гораздо труднѣе. Но и здѣсь былъ скоро придуманъ способъ, болѣе деликатный и безобидный для самаго тонкаго по своему уму государственнаго дѣятеля предшествующаго царствованія.

Когда князь Орловъ возвратился изъ Парижа съ заслуженнымъ имъ ореоломъ заключенія, хотя и тяжелаго, но „не постыднаго" для Россіи Парижскаго мира, то онъ, какъ первый изъ сановниковъ русскаго государства, доложилъ Государю, жаждавшему заключенія мира для предстоящаго ему обновленія Россіи, что для обезпеченія продолжительности этого мира необходимо назначить посломъ въ Парижъ такого человѣка, который соединялъ бы въ себѣ выдающіяся дипломатическія способности съ тонкостью истинно-государственнаго ума, обширнымъ образованіемъ и дальновидностью. Такимъ человѣкомъ, въ глазахъ князя Орлова, былъ только одинъ графъ П. Д. Киселевъ, и Государь, не колеблясь, назначилъ его посломъ въ Парижъ. Такимъ образомъ самый опасный изъ вліятельныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ былъ надолго и даже, какъ оказалось впослѣдствіи, навсегда удаленъ изъ Петербурга, и оставалось только подыскать ему подходящаго для противниковъ освобожденія крестьянъ преемника, который обладалъ бы достаточною силою воли и энергіею для того, чтобы уничтожить то гнѣздо освободительнаго движенія, которое было создано Императоромъ Николаемъ I въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

На такую роль пошелъ, не колеблясь, крайне честолюбивый и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающійся по своему уму и энергіи М. Н. Муравьевъ, бывшій до тѣхъ поръ сенаторомъ, начальникомъ межевого управленія, вице-предсѣдателемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и, наконецъ, членомъ государственнаго совѣта. Назначенный по настоянію предсѣдателя государственнаго

совѣта, князя Орлова, министромъ государственныхъ имуществъ на мѣсто графа Киселева, онъ началъ свою дѣятельность съ того, что въ угоду лицамъ, которыя провели его въ министры, представилъ Государю въ 1856 г. частную записку о томъ, что въ освобожденіи крестьянъ нѣтъ никакой настоятельной необходимости. Затѣмъ, со свойственною ему непреклонною энергіею и характеризующею его разрушительной силою, онъ принялся уничтожать во ввѣренномъ ему министерствѣ все то, что было создано многолѣтними трудами графа П. Д. Киселева и его достойныхъ сподвижниковъ, въ смыслѣ улучшенія быта и благосостоянія государственныхъ крестьянъ распространеніемъ между ними грамотности и сельско-хозяйственныхъ и другихъ практическихъ знаній.

Хотя М. Н. Муравьеву не удалось принять впослѣдствіи непосредственное участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, онъ, однакоже, игралъ очень видную роль въ исторіи великаго дѣла; эта роль въ періодъ законодательныхъ работъ по освобожденію крестьянъ (1857—1861 гг.) была совершенно *отрицательною*, такъ какъ онъ всѣми силами старался противодѣйствовать осуществленію великой реформы. Наоборотъ, въ 1863—65 гг., въ бытность его Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, роль эта сдѣлалась совершенно *положительною*, такъ какъ онъ съ необычайною энергіею и силою воли провелъ въ жизнь въ сѣверо-западномъ краѣ Положеніе 19 февраля 1861 г. и достигъ въ этомъ краѣ (6 западныхъ губерніяхъ) полнаго земельнаго освобожденія крестьянъ, въ условіяхъ, въ цѣлой имперіи наиболѣе для нихъ выгодныхъ.

М. Н. Муравьевъ родился въ 1796 г., окончилъ высшее образованіе въ Военной Академіи и уже въ молодые годы обратилъ на себя вниманіе своими геодезическими работами на восточномъ прибрежьѣ Каспійскаго моря. Въ концѣ царствованія Императора Александра I онъ былъ штабъ-офицеромъ главнаго штаба въ южной арміи и принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ политическихъ организацій, которыя, будучи распространены на югѣ Россіи, задумывали насильственный государственный переворотъ. Къ этимъ организаціямъ принадлежали многіе изъ членовъ талантливой и прекрасно образованной семьи Муравьевыхъ, и потому послѣ 25 декабря 1825 г. М. Н. Муравьевъ, заподозрѣнный въ участіи въ заговорѣ, обнаруженномъ въ южной арміи, былъ арестованъ и по Высочай-

шему повелѣнію привезенъ въ Петербургъ. Заключенный въ Петропавловскую крѣпость, онъ былъ подвергнутъ допросу, но такъ какъ ни крупныхъ обвиненій, ни серьезныхъ уликъ противъ него не оказалось, то онъ былъ освобожденъ, и арестъ его даже не имѣлъ никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для его дальнѣйшей служебной дѣятельности, такъ что уже въ 30-хъ годахъ онъ, въ чинѣ генералъ-маіора главнаго штаба, былъ назначенъ Курскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ проявилъ неустанную дѣятельность, замѣчательную энергію и неимовѣрную требовательность по отношенію къ своимъ подчиненнымъ во всѣхъ 15 уѣздахъ ввѣренной ему губерніи [1]).

Въ 1845 г. М. Н. Муравьевъ былъ призванъ къ присутствію въ Правительствующемъ Сенатѣ и, какъ опытный геодезистъ, назначенъ управляющимъ межевымъ корпусомъ. Въ своемъ управленіи межевою частью онъ проявилъ обычную энергію и не только предпринялъ, но и добился исполненія нѣсколькихъ выдающихся работъ, какъ, напримѣръ, составленія и изданія межевыхъ атласовъ Тверской и Рязанской губерніи. Избранный въ члены совѣта Русскаго Географическаго Общества, онъ явился въ немъ сторонникомъ русской или, лучше сказать, антинѣмецкой партіи, которая, со своимъ лидеромъ Н. А. Милютинымъ во главѣ, провела Муравьева въ вице-предсѣдатели Общества. Въ роли этого послѣдняго Муравьевъ обнаружилъ также свою обычную энергію и неустанную дѣятельность и оказалъ крупныя услуги Обществу, въ

---

[1]) Слѣдующій анекдотъ характеризуетъ крайнюю строгость взглядовъ М. Н. Муравьева на исполненіе служебныхъ обязанностей. Когда, по случаю назначенія его Курскимъ губернаторомъ, ему представлялись всѣ чины губерніи, онъ узналъ въ одномъ изъ нихъ того самаго жандармскаго офицера, который имѣлъ порученіе арестовать его и привезти въ Петербургъ для сдачи въ Петропавловскую крѣпость. Переѣздъ изъ южной арміи до Петербурга продолжался нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ жандармскій оберъ-офицеръ обращался съ арестованнымъ имъ штабъ-офицеромъ очень гуманно, предоставляя ему при остановкахъ на станціяхъ достаточную свободу, которою Муравьевъ пользовался весьма охотно. Узнавъ этого жандармскаго офицера на своемъ губернаторскомъ пріемѣ, Муравьевъ подошелъ къ нему и сказалъ, что онъ, конечно, не забылъ тѣхъ личныхъ услугъ, которыми онъ отъ него пользовался въ то время, когда онъ состоялъ у него подъ арестомъ въ качествѣ заподозрѣннаго въ государственномъ преступленіи, но, встрѣчаясь съ нимъ уже въ качествѣ губернатора, онъ считаетъ долгомъ заявить ему, что онъ служить съ нимъ въ качествѣ его начальника не желаетъ, такъ какъ опасается съ его стороны такихъ же послабленій служебныхъ обязанностей, какія онъ обнаружилъ во время перваго ихъ знакомства.

особенности своимъ умѣніемъ пріискивать средства для осуществленія полезныхъ предпріятій Общества, а именно ученыхъ экспедицій и изданій, такъ что семилѣтнее его предсѣдательство осталось далеко не безъ результатовъ для географической науки. Конечно, положеніе вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сослужило службу его честолюбію. По примѣру графа Литке, онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и, сблизившись тамъ съ предсѣдателемъ совѣта княземъ Орловымъ и другими вліятельными противниками освобожденія крестьянъ, онъ, примкнувъ къ нимъ, достигъ назначенія въ министры государственныхъ имуществъ.

Очень скоро по вступленіи въ должность М. Н. Муравьевъ обнаружилъ, какъ уже сказано, не только несогласіе съ высокими государственными взглядами своего предшественника, но и стремленіе сокрушить все то, что было предпринято послѣднимъ въ интересахъ улучшенія быта крестьянъ и освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости.

Вотъ въ чемъ заключалось полное непримиримое различіе во взглядахъ обоихъ министровъ государственныхъ имуществъ.

Графъ П. Д. Киселевъ, за невозможностью во время своего управленія министерствомъ сокрушить крѣпостное право и вывести одновременно все русское крестьянство изъ крѣпостной зависимости, стремился, по крайней мѣрѣ, къ улучшенію быта ввѣренныхъ его управленію государственныхъ крестьянъ и къ предоставленію имъ возможной свободы какъ личной, такъ и въ распоряженіи предоставленными имъ въ неотъемлемое пользованіе, за опредѣленныя повинности, надѣльными землями. По отношенію къ государственнымъ крестьянамъ гр. Киселевъ уже не допускалъ мысли, чтобы они были „вещью, принадлежащею другому". Во все время своего управленія онъ признавалъ человѣческія права государственныхъ крестьянъ и постоянно заботился объ улучшеніи ихъ быта и распространеніи между ними элементарнаго образованія и полезныхъ практическихъ знаній, желая тѣмъ самымъ подготовить ихъ постепенно къ разумному пользованію тою свободою, которая должна была быть дана впослѣдствіи всѣмъ податнымъ сословіямъ русскаго государства.

Совершенно иначе смотрѣлъ на задачи министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ. Въ его глазахъ всякій крестья-

нинъ, какъ безправный по закону, былъ не болѣе, какъ „вещью. принадлежащею другому“, и въ этомъ отношеніи онъ не дѣлалъ никакого различія между „барскими“ и „царскими“ крестьянами, т.-е. помѣщичьими и государственными, которыхъ помѣщикомъ былъ первый дворянинъ Россійской имперіи—Государь Императоръ. Министръ же государственныхъ имуществъ, по мнѣнію Муравьева, долженъ былъ быть умнымъ приказчикомъ перваго дворянина-помѣщика русскаго государства, заботиться только объ увеличеніи Его доходовъ, а, слѣдовательно, и доходовъ всего государства, и содержать въ порядкѣ и удовлетворительномъ состояніи помѣстья, Ему принадлежащія и составляющія главный источникъ доходовъ Государя и государства. Въ соотвѣтствіи съ этимъ взглядомъ было и его убѣжденіе о несвоевременности освобожденія крестьянъ.

Пока управленіе государственными имуществами руководствовалось его принципами, дворяне-помѣщики всей Россіи могли быть спокойны: объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости не могло быть и рѣчи. М. Н. Муравьеву оставалось только привести государственныхъ крестьянъ къ одному знаменателю съ помѣщичьими, и тогда гармонія, нарушенная освободительными стремленіями Императора Николая I и Его сподвижника гр. П. Д. Киселева, была бы возстановлена. Но, конечно, въ этомъ стремленіи Муравьевъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны „главнаго штаба“ Императора Николая I въ Его борьбѣ противъ крѣпостного права, а именно со стороны сподвижниковъ графа Киселева, самыми видными изъ которыхъ были—товарищъ министра, управлявшій министерствомъ по отъѣздѣ графа Киселева и до его назначенія, Д. П. Хрущовъ, и директоръ департамента сельскаго хозяйства А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Назначенные на свои должности по Высочайшимъ повелѣніямъ, тепло рекомендованные граф. Киселевымъ самому Государю и имѣвшіе сильную точку опоры въ близко знакомой со всею дѣятельностью министерства Киселева Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, они представлялись несокрушимыми для новаго министра государственныхъ имуществъ.

Но М. Н. Муравьевъ не стѣснялся въ средствахъ для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей. Идти на открытую борьбу со своимъ товарищемъ Хрущовымъ ему не предстояло надобности: онъ легко обошелъ его, занимаясь самъ со свойственною ему трудоспособностью всѣми важными дѣлами министерства, направляя къ

своему товарищу только тѣ ничтожные доклады, которые требовали не разрѣшенія, а только министерской подписи. Что же касается до директора департамента сельскаго хозяйства, Заблоцкаго-Десятовскаго, оставшагося непоколебимо вѣрнымъ направленію графа Киселева и пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ и авторитетомъ въ министерствѣ, то онъ рѣшился избавиться отъ него во что бы то ни стало и прибѣгъ для достиженія своей цѣли къ слѣдующему средству. Онъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ Государю о совершенной безполезности для министерства государственныхъ имуществъ департамента сельскаго хозяйства, такъ какъ заботы объ успѣхахъ земледѣлія связаны съ заботами о благосостояніи главныхъ хлѣбныхъ производителей государства—помѣщиковъ, подчиненныхъ не ввѣренному ему министерству, а министру внутреннихъ дѣлъ, и добился упраздненія департамента и учрежденія взамѣнъ его новаго департамента государственныхъ имуществъ, необходимаго для исполненія одной изъ болѣе важныхъ, по его мнѣнію, министерскихъ задачъ по непосредственному управленію самими государственными имуществами и извлеченію изъ нихъ наивозможно большихъ доходовъ. Такимъ образомъ несокрушимый для Муравьева Заблоцкій-Десятовскій остался за штатомъ и былъ приглашенъ дальновиднымъ государственнымъ секретаремъ В. П. Бутковымъ, предвидѣвшимъ „неизбѣжность освобожденія крестьянъ", въ статсъ-секретари государственнаго совѣта, въ виду необходимости имѣть въ составѣ государственной канцеляріи такихъ знатоковъ крестьянскаго дѣла, какимъ былъ Заблоцкій.

Съ уходомъ этого послѣдняго изъ министерства, Муравьевъ могъ безпрепятственно стремиться къ сокрушенію всего того, что было создано Киселевымъ, и къ превращенію министерства государственныхъ имуществъ изъ „штаба Императора Николая I", предназначеннаго Имъ для борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, въ вѣрнаго союзника сильныхъ по своему положенію противниковъ освобожденія крестьянъ [1]).

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ мы не разъ встрѣтимся съ отрицательною дѣятельностью М. Н. Муравьева въ исторіи освобожденія крестьянъ. Но здѣсь я считаю умѣстнымъ исчерпать въ краткихъ словахъ характеристику этой замѣчательной, выдающейся личности и разъяснить кажущееся противорѣчіе въ его дѣятельности 1856—1861 гг. и 1863—1865 гг. Когда М. Н. Муравьевъ въ 1856 г. убѣдился, что задушить идею освобожденія крестьянъ, вошедшую въ общее сознаніе русской интеллигенціи, какъ первую изъ реформъ

Возвращаюсь къ своему повѣствованію о томъ, какъ развилось въ душѣ Царя-Освободителя рѣшительное намѣреніе освободить крестьянъ.

Къ концу 1856 г. побѣда противниковъ освобожденія кре-

необходимыхъ для обновленія Россіи, невозможно, и что молодой Государь рано или поздно придетъ къ убѣжденію въ необходимости уничтоженія крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, онъ уже не выступалъ рѣшительнымъ противникомъ реформы, а ограничился только заявленіемъ о несвоевременности этой мѣры. Когда же составленіе законопроекта по этому предмету было ввѣрено Я. И. Ростовцову, Муравьевъ старался войти въ его довѣріе и забрать все дѣло въ свои руки. Хотя это совершенно ему не удалось, несмотря на частыя посѣщенія имъ Ростовцова, онъ особенно участилъ эти посѣщенія и превратилъ ихъ даже въ ежедневныя во время предсмертной болѣзни Ростовцова, въ надеждѣ, что добьется того, что Ростовцовъ укажетъ Государю на него, какъ на своего преемника. Когда же и это не удалось, и преемникомъ Ростовцова назначенъ былъ графъ В. Н. Панинъ, Муравьевъ уже явился яростнымъ противникомъ законопроекта Редакціонныхъ Комиссій; онъ старался всѣми силами сначала затормозить его, а, наконецъ, и окончательно сокрушить, силясь доказать въ Главномъ Комитетѣ неприменимость и ненадобность законопроекта Редакціонныхъ Комиссій.

Когда же и это не удалось, и законопроектъ Редакціонныхъ Комиссій превратился въ Положеніе 19 февраля 1861 г., то при введеніи его въ исполненіе въ 1863 -1865 гг. въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края М. Н. Муравьевъ явился уже его исполнителемъ въ качествѣ генералъ-губернатора этихъ шести губерній и здѣсь оказалъ безсмертную услугу Россіи энергичнымъ и неуклоннымъ приведеніемъ въ исполненіе Положенія 19 февр. 1861 г., несмотря на такія непреодолимыя для всякаго другого препятствія, какія представляло революціонное движеніе всего польскаго дворянства этихъ губерній; оно было подавлено рѣшительными и даже жестокими мѣрами Муравьева. Результатомъ этихъ мѣръ было то, что крестьяне всего ввѣреннаго ему края были освобождены въ наиболѣе для нихъ выгодныхъ условіяхъ. Такое кажущееся противорѣчіе въ дѣйствіяхъ М. Н. Муравьева въ два разныхъ періода его исторической дѣятельности не было, однакоже, непослѣдовательностью въ его цѣльномъ, непоколебимомъ характерѣ и не было также внушено ему какими бы то ни было личными соображеніями или разсчетами, кромѣ развѣ высокой формы честолюбія, которое побуждало его сослужить въ рѣшительную минуту историческую службу своему отечеству. Несомнѣнно, что при всѣхъ нравственныхъ недостаткахъ Муравьева, а именно отсутствіи всякаго человѣколюбія и убѣжденіи, что цѣль оправдываетъ средства, онъ былъ глубоко-русскимъ человѣкомъ, преданнымъ своему отечеству и строго и неуклонно исполнявшимъ все то, что считалъ своею обязанностью. Муравьевъ допускалъ, что русскій крестьянинъ можетъ быть „вещью, принадлежащею другому", но онъ полагалъ, что этотъ другой можетъ быть только русскимъ дворяниномъ, и не мирился съ мыслью, чтобы этотъ другой былъ инородцемъ или иноплеменникомъ, не признающимъ даже русскаго государства на исконной русской землѣ. Не могъ онъ примириться и съ съ тѣмъ, чтобы польское иго надъ русскимъ и литовскимъ народомъ могло продолжаться подъ покровительствомъ русскихъ законовъ и русскихъ властей еще цѣлое столѣтіе послѣ того, какъ Россія, цѣною крови своего народа, освободила Днѣпровскую и Литовскую Русь изъ-подъ польскаго ига. Завершеніе освобожденія бѣлорусскаго и литовскаго народа отъ польскаго ига искупило всѣ грѣхи Муравьева въ исторіи освобожденія крестьянъ.

стьянъ въ высшихъ сферахъ казалась полною, и они были убѣждены, что вокругъ Государя уже не было ни одного человѣка, могущаго помочь Ему въ осуществленіи идеи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ счастію, противники освобожденія крестьянъ не сумѣли разгадать, гдѣ таится та несокрушимая для нихъ сила, которая неминуемо склонитъ побѣду на сторону великаго дѣла. Имъ были слишкомъ мало извѣстны тѣ высокія качества, которыя съ юношескихъ лѣтъ жили въ душѣ новаго русскаго Самодержца.

Съ рѣдкою природною добротою Александръ II соединялъ глубокое человѣколюбіе, развитое въ Немъ гуманнымъ вліяніемъ такого чистаго душою и идеальнаго наставника, какимъ былъ незабвенный русскій поэтъ и патріотъ В. А. Жуковскій. При такихъ свойствахъ Александръ II едва ли могъ сочувствовать государственному строю, въ которомъ большинство Богомъ ввѣреннаго Ему народа признавалось самому себѣ не принадлежащимъ. Что и Императоръ Николай I не былъ сторонникомъ этого принципа, допускаемаго русскимъ законодательствомъ, было хорошо извѣстно Александру II, такъ какъ, будучи еще Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Онъ былъ призванъ въ 1846 г. державнымъ своимъ Родителемъ къ предсѣдательству въ Секретной Комиссіи, которой было поручено разсмотрѣніе записки тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Л. А. Перовскаго „Объ уничтоженіи крѣпостного права“. Цесаревичу было, конечно, памятно, что порученное Ему дѣло не увѣнчалось успѣхомъ, потому что встрѣтило самый энергическій отпоръ не только со стороны помѣстнаго дворянства, но и со стороны вліятельнѣйшихъ сановниковъ государства, которые, впрочемъ, по обычаю всегда держались далеко отъ Цесаревича и Его воззрѣній.

Весь ходъ и результатъ неуспѣшной крымской войны обнаружили передъ мыслящею Россіею, такъ же, какъ и передъ ея царственнымъ вождемъ, полную несостоятельность тогдашняго государственнаго строя и не могли не привести молодого Императора къ *самостоятельному* убѣжденію въ необходимости обновленія Россіи.

Когда же Парижскій миръ положилъ конецъ самымъ тяжкимъ тревогамъ и заботамъ Александра II, то первый вопросъ, который представился Его уму *безъ всякихъ постороннихъ совѣтовъ*, состоялъ

въ томъ, не слѣдуетъ ли начать обновленіе Россіи съ освобожденія крестьянъ, и Онъ мало-по-малу совершенно самостоятельно разрѣшилъ въ своемъ умѣ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

Уже въ своемъ манифестѣ 19 марта 1856 г., по случаю заключенія Парижскаго мира, Александръ II высказалъ свое сочувствіе законамъ, „равно для всѣхъ справедливымъ и равно всѣмъ покровительствующимъ", что вызвало не малую тревогу въ средѣ высшаго и наиболѣе привилегированнаго дворянства. Въ томъ же мѣсяцѣ (мартѣ 1856 г.) Государь, при проѣздѣ своемъ черезъ Москву, заявилъ встрѣтившимъ Его въ первопрестольной столицѣ депутатамъ отъ дворянства, что Онъ еще не собирается, какъ Ему приписываютъ, въ настоящее время приступить къ освобожденію крестьянъ, но что Онъ вообще не противъ этого освобожденія, что время къ нему постепенно приводитъ и что когда это со временемъ случится, лучше, чтобы это произошло не снизу, а сверху. Такимъ образомъ, Александръ II уже въ мартѣ 1856 г. по собственной душевной потребности достаточно опредѣленно высказалъ свой взглядъ на освобожденіе крестьянъ, но по деликатности своей души желалъ, чтобы дѣло совершилось „по манію Царя", но не иначе, какъ по иниціативѣ самихъ дворянъ-помѣщиковъ.

Послѣ прямодушнаго выраженія своихъ мыслей объ освобожденіи крестьянъ передъ цѣлою Россіей, весьма естественно было Александру II искать кругомъ Себя, въ комъ бы то ни было изъ близкихъ Ему сановниковъ, пользовавшихся Его довѣріемъ и расположеніемъ, точку опоры въ своихъ уже опредѣлившихся стремленіяхъ и въ то же время лицо, которому можно было бы сообщить все, что было у Него на душѣ.

Но такого лица Александръ II не нашелъ въ средѣ окружавшихъ Его государственныхъ людей. Два передовые министра, ратовавшіе противъ крѣпостного права при Императорѣ Николаѣ I, были уже устранены отъ всякаго общенія съ Государемъ, а остальные государственные люди предшествовавшаго царствованія, оставленные Императоромъ Николаемъ I въ наслѣдіе своему Преемнику, были Ему очень далеки до вступленія Его на престолъ, да и большинство ихъ относилось враждебно къ только-что высказаннымъ Имъ стремленіямъ и было совершенно чуждо Его идеаламъ.

Въ теченіе послѣдняго шестилѣтія до вступленія на престолъ

Александра II, только два лица уже пожилого возраста, имѣвшія близкія къ Нему отношенія по своему служебному положенію, заслужили себѣ, по своимъ качествамъ, полное Его довѣріе, и имъ-то Государь нашелъ возможнымъ повѣрить все то, что волновало Его душу и въ чемъ Онъ не находилъ себѣ отзыва въ близкихъ державному Его Родителю сановникахъ. Лица эти были—генералъ-адъютантъ Назимовъ, бывшій военнымъ инструкторомъ Цесаревича до своего назначенія Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, а еще болѣе генералъ-адъютантъ Ростовцовъ, бывшій начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній во все время управленія ими Цесаревича. Генералъ-адъютанту Назимову Государь сообщилъ свои стремленія къ освобожденію крестьянъ по тому поводу, что на немъ, какъ на Виленскомъ генералъ-губернаторѣ, лежала обязанность введенія инвентарей въ сѣверо-западномъ краѣ и инвентарныхъ правилъ, ограничивающихъ власть польскихъ помѣщиковъ надъ литовскимъ и бѣлорусскимъ народомъ. Назимовъ, проникнувшись взглядами Государя на крѣпостное право, первый сообщилъ Ему, что дворянство литовскихъ губерній, хорошо знакомое съ положеніемъ крестьянъ въ сосѣднихъ остзейскихъ и польскихъ губерніяхъ, уже не относится враждебно къ мысли объ освобожденіи своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ особенности, если ему самому будетъ предоставлено установить условія этого освобожденія; оно даже охотно приметъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, если будетъ знать, что послѣднее соотвѣтствуетъ желаніямъ Государя. Сообщеніе это было принято Государемъ съ особымъ удовольствіемъ и по отъѣздѣ Назимова служило предметомъ неоднократныхъ разговоровъ съ другимъ Его конфидентомъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ, въ которомъ Онъ нашелъ уже вполнѣ все то, чего искалъ,— умную и энергическую поддержку въ своихъ стремленіяхъ и полную готовность отдать всѣ свои силы на служеніе Государю въ этомъ дѣлѣ.

Ростовцовъ отдался беззавѣтно и со свойственнымъ ему энтузіазмомъ высказанной ему Государемъ идеѣ освобожденія крестьянъ, которая была идеаломъ его юношескихъ лѣтъ, когда, вступая въ союзъ благоденствія, онъ далъ обѣтъ поддерживать всѣ благія намѣренія правительства, имѣвшія цѣлью благо народа. Какъ же онъ могъ иначе отвѣтить на призывъ своего Государя, какъ не отдавъ

всѣ свои силы и даже свою жизнь на служеніе „безъ корысти, безо лжи и въ крѣпкой правдѣ“ великому дѣлу, задуманному Царемъ-Освободителемъ? Такое служеніе оправдывало въ его собственныхъ глазахъ ту тяжкую роль, которую онъ принялъ на себя 30 лѣтъ тому назадъ, руководимый несомнѣнно не какими бы то ни было личными интересами, а глубокимъ своимъ убѣжденіемъ въ томъ, что въ случаѣ успѣха задуманнаго насильственнаго переворота отечество подвергается крайней опасности. Единственное личное соображеніе, бывшее однимъ изъ стимуловъ дѣятельности Ростовцова въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, заключалось въ томъ, что если онъ сослужитъ отечеству послѣднюю, самую крупную службу, принеся сознательно ей въ жертву свою жизнь, то онъ передъ Россіей и потомствомъ найдетъ себѣ оправданіе въ лежавшемъ на немъ тяжкимъ бременемъ суровомъ общественномъ приговорѣ современниковъ надъ его прошедшимъ.

Императоръ Александръ II своею чуткою душою угадалъ все то, что происходило въ душѣ Ростовцова. Онъ понялъ, что нашелъ, наконецъ, человѣка, который способенъ служить предпринятому Имъ великому дѣлу „безъ корысти и безо лжи“. Вотъ почему Александръ II избралъ Ростовцова окончательно своимъ главнымъ сподвижникомъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, даровавъ ему свое безпредѣльное довѣріе и дружбу; дружба эта служила со стороны Государя живымъ протестомъ противъ диффамаціи, которой Ростовцовъ подвергался со стороны многихъ лучшихъ людей отечественной интеллигенціи.

Только въ апрѣлѣ 1856 г. Я. И. Ростовцовъ явился впервые совѣтникомъ Государя по крестьянскому дѣлу, въ трудную для Монарха минуту, когда Ему пришлось разрѣшить первый конкретный вопросъ по этому дѣлу, представленный на Его благоусмотрѣніе исполнительнымъ по крестьянскому дѣлу органомъ Его власти, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Вопросъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: министръ Ланской, по настоянію своего товарища А. И. Левшина, представилъ на разрѣшеніе Государя, слѣдуетъ ли ограничиться по вопросу объ освобожденіи крестьянъ принятіемъ нѣкоторыхъ постепенныхъ и частныхъ мѣръ, или заняться составленіемъ одного общаго систематическаго плана по этому дѣлу.

Резолюція Государя на докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 9 апрѣля 1856 г. была, впрочемъ, совершенно въ характерѣ

самого Государя и окончательно не разрѣшала возбужденнаго вопроса. Въ ней было сказано: „постепенныя мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть предпринимаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться и общимъ планомъ, дабы дѣйствовать систематически и съ большой осторожностью".

Очевидно, Государь выжидалъ, что дворяне-помѣщики сами примутъ на себя иниціативу освободительной реформы. Еще яснѣе выразились Его ожиданія въ Его отвѣтѣ на дошедшее до Него 26 октября 1856 г. предложеніе Великой Княгини Елены Павловны освободить своихъ крестьянъ Полтавскаго имѣнія (Карловки) отъ крѣпостной зависимости. Условія этого освобожденія были очень великодушно выработаны Великой Княгиней при помощи Н. А. Милютина, К. Д. Кавелина и по совѣщаніи съ нѣкоторыми благомыслящими помѣщиками, ея сосѣдями по Полтавской губ., какъ, напримѣръ, съ Кочубеемъ. Въ отвѣтѣ своемъ Государь объяснилъ, что Онъ желаетъ, чтобы эти благомыслящіе помѣщики сами высказали, въ какой степени они полагаютъ возможнымъ улучшить участь своихъ крестьянъ на началахъ, для обѣихъ сторонъ не отяготительныхъ и человѣколюбивыхъ, а до тѣхъ поръ Онъ не можетъ дать общихъ указаній для руководства по этому дѣлу.

Озабочиваясь, однакоже, своевременною выработкою общаго плана по улучшенію быта крестьянъ, Императоръ Александръ II учредилъ 7 января 1857 г. особый Секретный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя государственнаго совѣта князя Орлова: въ составъ Комитета были призваны изъ лицъ, сочувствовавшихъ освобожденію крестьянъ, — С. С. Ланской, графъ Д. Н. Блудовъ, К. В. Чевкинъ и Я. И. Ростовцовъ; изъ лицъ, довольно индифферентныхъ къ дѣлу,—баронъ М. А. Корфъ, справедливо считавшійся „государственнымъ перомъ", а изъ противниковъ освобожденія крестьянъ — князь П. П. Гагаринъ, а впослѣдствіи гр. В. Н. Панинъ.

Вновь учрежденный Комитетъ на вопросъ Государя о своевременности великой реформы, отвѣтилъ, что онъ считаетъ ее своевременною, но не будучи еще подготовленъ къ опредѣленію общаго ея плана, поручилъ предварительную разработку вопроса своимъ членамъ: князю Гагарину, барону Корфу, Я. И. Ростовцову и министру внутреннихъ дѣлъ.

Мнѣніе о своевременности освобожденія крестьянъ дѣйстви-

тельно было принято единодушно и окончательно, но въ средствахъ его осуществленія произошло полное разногласіе.

Князь Гагаринъ, явившійся самымъ энергичнымъ защитникомъ крѣпостного права, настаивалъ на томъ, чтобы помѣщикамъ было предоставлено право освобождать своихъ крестьянъ цѣлыми селеніями, безъ какихъ бы то ни было закономъ опредѣленныхъ условій и безъ земли. Баронъ Корфъ предлагалъ пригласить прежде всего дворянство каждой губерніи высказать свое мнѣніе о соотвѣтствующихъ мѣстнымъ обстоятельствамъ условіяхъ освобожденія крестьянъ. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Левшинъ, за своего министра, предлагалъ взять за образецъ освобожденія крестьянъ то, что уже было сдѣлано въ остзейскихъ губерніяхъ, а именно: признать право собственности на всю землю помѣстья за помѣщикомъ, а право пользованія опредѣленнымъ количествомъ земли предоставить крестьянамъ; для того же, чтобы они, получивъ свободу, не превратились въ бродягъ, предоставить имъ право собственности на усадебную осѣдлость, т.-е. жилища, хозяйственныя постройки, огороды и небольшіе выгоны для мелкаго скота, за такой выкупъ, при содѣйствіи правительства, который представилъ бы помѣщику достаточное вознагражденіе за потерю обязательнаго труда, а ежегодную плату помѣщику за крестьянскую землю (Bauerland) предоставить добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами. Притомъ Левшинъ находилъ невозможнымъ ввести новое устройство крестьянъ одновременно во всей Россіи и предлагалъ вводить его постепенно, начиная съ западныхъ губерній. Наконецъ, Ростовцовъ, еще совершенно не подготовленный къ возникавшему аграрному вопросу и находившійся въ то время совершенно подъ вліяніемъ своего стараго пріятеля, хитроумнаго дѣльца и опытнаго помѣщика Полтавской губ., бывшаго статсъ-секретаря М. П. Позена, рекомендовалъ Секретному Комитету его записку, какъ разрѣшающую самымъ удовлетворительнымъ образомъ разсматриваемый Комитетомъ вопросъ, потому что она, принимая за исходную точку прежнія распоряженія правительства по крестьянскому дѣлу, устанавливала такую постепенность въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, которая вполнѣ обезпечивала государство отъ волненій и безпорядковъ.

Лѣтомъ 1857 г. Императоръ Александръ II, при проѣздѣ своемъ на воды за границу (въ Киссингенъ, черезъ Вильну, гдѣ Онъ видѣлся съ генераломъ-адъютантомъ Назимовымъ), былъ обрадованъ

извѣстіемъ, что дворянство сѣверо-западныхъ губерній, призванное генералъ-губернаторомъ къ обсужденію вопроса о введеніи инвентарныхъ правилъ, склоняется къ тому, чтобы пойти навстрѣчу желаніямъ Государя предложеніемъ объ освобожденіи своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По прибытіи своемъ въ Киссингенъ, Императоръ Александръ II въ первый разъ послѣ воцаренія встрѣтился и сошелся во взглядахъ съ пламенною сторонницею освобожденія крестьянъ и носительницею идей по этому предмету Императора Николая I, Великою Княгинею Еленой Павловной, которая пробыла за границею всю зиму 1856 г. и почти весь 1857 годъ.

Въ это-то время Великая Княгиня со свойственной ей живостью и деликатностью передала Александру II все, что происходило на душѣ ея покойнаго друга, Императора Николая I, посѣщавшаго ее въ тяжелое для Него время крымской войны, исхода которой Онъ не въ силахъ былъ пережить; также передала она Александру II, какъ Его незабвенный Родитель горевалъ о томъ, что Онъ оставляетъ своему сыну почти непосильныя для него заботы о благосостояніи Россіи, но что, можетъ быть, послѣднему все-таки удастся совершить то, чего не удалось совершить Ему, Императору Николаю I, несмотря на всѣ Его стремленія.

Великая Княгиня пригласила въ Киссингенъ графа П. Д. Киселева, которому Государь охотно сообщилъ записки князя Гагарина, барона Корфа и Левшина по крестьянскому вопросу. Киселевъ категорически высказался противъ всѣхъ трехъ записокъ: на записки князя Гагарина и Корфа онъ возразилъ, что всегда полагалъ, что крестьянская земля (надѣльная) должна остаться въ полной и неотъемлемой собственности крестьянъ съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи правительства; на записку Левшина графъ Киселевъ замѣтилъ, что выкупъ личности, хотя бы и въ формѣ выкупа усадебъ, совершенно неудобенъ, а что начинать всю реформу только съ западныхъ губерній было бы несправедливо.

Во все время своего пребыванія за границей Великая Княгиня находилась въ оживленномъ общеніи (черезъ баронессу Э. Ѳ. Раденъ и А. В. Головнина) съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, на участіе котораго въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ она возлагала большія надежды. Но

Великій Князь, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ іюнѣ 1857 г., положительно высказывалъ свое намѣреніе устранить себя отъ всякаго непосредственнаго участія въ крестьянскомъ дѣлѣ и только въ началѣ августа 1857 г., по настоянію самого Государя. принялъ назначеніе въ члены Секретнаго Комитета.

Оживленный присутствіемъ Великаго Князя, Комитетъ, наконецъ, рѣшился пойти навстрѣчу желаніямъ Государя и высказать хотя бы въ общихъ чертахъ свой планъ предстоящихъ реформъ. По мнѣнію Комитета, въ настоящее время еще невозможно было приступить къ общему освобожденію крестьянъ, къ которому не подготовлены ни помѣщики, ни крестьяне, ни даже само правительство, а все дѣло должно быть произведено постепенно, съ раздѣленіемъ всего его хода на три періода. Въ *первомъ*, подготовительномъ. слѣдовало разрѣшить помѣщикамъ входить во всякаго рода сдѣлки съ крестьянами по ихъ освобожденію—по возможности цѣлыми селеніями, на добровольныхъ условіяхъ, не стѣсняясь двумя существовавшими въ законѣ формами относительно этихъ сдѣлокъ, а правительство должно было собирать всѣ свѣдѣнія и матеріалы, необходимые для установленія обязательныхъ правилъ по вопросу объ освобожденіи. Во *второмъ* періодѣ предполагалось на основаніи происшедшихъ сдѣлокъ и собранныхъ матеріаловъ выработать уже обязательныя правила для опредѣленія отношеній между крестьянами, выходящими изъ крѣпостной зависимости, и помѣщикомъ. *Третій* же періодъ долженъ былъ быть посвященъ окончательной развязкѣ всего дѣла путемъ выкупа обязательствъ, лежавшихъ на крестьянахъ.

Хотя сроки этимъ періодамъ опредѣлены не были и вопросъ объ аграрныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ, какъ могущій возбудить сильныя несогласія въ средѣ мѣстныхъ комитетовъ, былъ осторожно обойденъ, все же этотъ журналъ Комитета былъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Государь остался доволенъ журналомъ Комитета, утвердилъ его 18 августа 1857 г. и въ своей резолюціи выразилъ благодарность Комитету и воззваніе къ помощи Божіей.

Къ счастію, въ октябрѣ пріѣхалъ въ Петербургъ Виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ съ собой ожидаемое Государемъ ходатайство дворянъ сѣверо-западныхъ губерній о до-

зволеніи имъ освободить крестьянъ въ принадлежащихъ имъ помѣстьяхъ отъ крѣпостной зависимости.

Дальнѣйшій ходъ дѣла, происходившаго уже на моихъ глазахъ, по возвращеніи моемъ изъ путешествія въ ноябрѣ 1857 г., былъ мною описанъ выше.

Высочайшіе рескрипты Нижегородскому губернатору, отъ 24 декабря 1857 г., и Московскому генералъ-губернатору, отъ 16 января 1858 г., окончательно убѣдили всю Россію въ томъ, что дѣло освобожденія крестьянъ было рѣшено волею Царя-Освободителя безповоротно, и соотвѣтственно этому Секретный Комитетъ распоряженіями отъ 8 января и 18 февраля 1858 г. былъ превращенъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Составъ Комитета остался тотъ же, но новыми его членами явились: М. Н. Муравьевъ, какъ министръ государственныхъ имуществъ, и В. Н. Панинъ, какъ министръ юстиціи, несмотря на то, что оба они были завѣдомыми противниками освобожденія крестьянъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ исполнительный органъ правительства по крестьянскому дѣлу, принялось за него съ тѣмъ большею энергіей, что вліяніе А. И. Левшина совершенно пало послѣ того, какъ ему удалось ввести въ Высочайшіе рескрипты идею объ отдѣльномъ выкупѣ усадебъ съ цѣлью вознагражденія помѣщиковъ за потерю обязательнаго труда, что̀ составляло маскированный выкупъ личности освобождаемыхъ крестьянъ; въ особенности же пало это вліяніе послѣ того, какъ при объѣздѣ въ началѣ лѣта 1858 г. вновь учрежденныхъ комитетовъ, онъ высказалъ передъ представителями Орловскаго дворянства, что они могутъ быть спокойны, такъ какъ крестьянскій вопросъ еще очень далекъ отъ разрѣшенія, и что самое обсужденіе этого вопроса въ губернскихъ комитетахъ не вызоветъ со стороны правительства никакихъ окончательныхъ мѣръ по его разрѣшенію. Это заявленіе дошло до Императрицы Маріи Александровны и, хотя Она вообще неохотно принимала участіе въ сужденіяхъ по дѣлу освобожденія крестьянъ, тутъ, однакоже, выразила свое негодованіе на заявленіе Левшина. Послѣднее въ такой степени дискредитировало его въ глазахъ Государя, что уже осенью 1858 г. онъ ходатайствовалъ о своемъ увольненіи, въ особенности убѣдившись, что все вліяніе на Ланского по крестьянскому дѣлу перешло съ начала 1858 г. въ руки Н. А. Милютина.

Обновленное такимъ образомъ министерство внутреннихъ дѣлъ стало дѣйствовать рѣшительнѣе и вступило въ открытую борьбу со всѣми лицами, вліяніе которыхъ оно считало вреднымъ и опаснымъ для крестьянскаго дѣла, и въ особенности съ усиливавшимся вліяніемъ Я. И. Ростовцова. Самымъ дѣятельнымъ органомъ этой борьбы явилось заграничное русское періодическое изданіе „Колоколъ“ Герцена, избравшее себѣ орудіемъ самую страстную диффамацію личности Ростовцова. Но этотъ способъ борьбы, усиливавшійся по мѣрѣ новыхъ конфликтовъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ Ростовцовымъ, не могъ достичь своей главной цѣли и былъ крупною ошибкой со стороны талантливаго лидера освободительной партіи, такъ какъ онъ не только не дискредитировалъ Ростовцова въ глазахъ Государя, но и возбудилъ его неудовольствіе противъ министерства внутреннихъ дѣлъ и противъ руководимой Милютинымъ освободительной партіи, которую противники освобожденія крестьянъ заклеймили прозваніемъ „красныхъ“ и на которую возвели нелѣпое обвиненіе въ намѣреніи достичь своей цѣли насильственнымъ и кровавымъ переворотомъ. Къ сожалѣнію, столь пагубная для великой реформы распря между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и Ростовцовымъ продолжалась до самаго его отъѣзда за границу въ іюлѣ 1858 г.

Только тамъ, при успокоительномъ отдыхѣ отъ волненій, вызванныхъ упорными на него нападками, Ростовцовъ имѣлъ возможность разобраться въ основныхъ вопросахъ реформы и пришелъ къ убѣжденію, что освобождаемые крестьяне могутъ быть „царскими“ или „барскими“, но что земля, которая ихъ кормила, отойти отъ нихъ не можетъ.

Такъ, по мѣрѣ того, какъ Ростовцовъ въ полномъ одиночествѣ передумывалъ вопросъ объ условіяхъ освобожденія крестьянъ, настоятельная необходимость окончательнаго разрѣшенія аграрнаго вопроса путемъ земельнаго освобожденія крестьянъ все глубже и глубже западала въ его душу, и онъ сдѣлался рѣшительнымъ противникомъ желаемаго большинствомъ его коллегъ въ Главномъ Комитетѣ безземельнаго освобожденія крестьянъ, которому онъ самъ придумалъ характерное названіе „птичьей свободы“.

Однакоже, въ первомъ своемъ письмѣ Государю отъ 17 августа 1858 г. Ростовцовъ еще не имѣлъ смѣлости вполнѣ отрѣшиться отъ мнѣнія Позена, котораго считалъ великимъ финансистомъ, ука-

зывая на него даже, какъ на самаго способнаго кандидата въ будущіе министры финансовъ обновленной Россіи; онъ полагалъ еще вмѣстѣ съ Позеномъ, что выкупъ крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ (кромѣ усадебъ) представляется совершенно невозможнымъ въ финансовомъ отношеніи. Въ послѣднемъ же письмѣ отъ 3 сентября Ростовцовъ уже явился самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ совершенной необходимости земельнаго освобожденія крестьянъ и высказался, хотя и очень осторожно, за выкупъ крестьянскихъ надѣловъ при дѣятельномъ содѣйствіи правительства.

Письма Ростовцова Государю (17 августа—3 сентября) сослужили крестьянскому дѣлу великую историческую службу. Царь-Освободитель передумалъ также на досугѣ все великое дѣло освобожденія крестьянъ и послѣ впечатлѣній, полученныхъ Имъ лѣтомъ во время поѣздки по Россіи, и личныхъ сношеній съ Ростовцовымъ въ концѣ сентября 1858 г., окончательно убѣдившись, что „птичья свобода" для крестьянъ немыслима, сдѣлался навсегда рѣшительнымъ и совершенно непоколебимымъ сторонникомъ *земельнаго* освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

ГЛАВА V.

Что происходило на моей родинѣ лѣтомъ 1858 г. Характеръ дворянскаго совѣщанія въ Липецкомъ уѣздѣ Тамбовской губ.—Три законопроекта, возникшіе въ Рязанскомъ губернскомъ комитетѣ. Лидеръ большинства этого комитета О. С. Офросимовъ и его характеристика. Проекты двухъ меньшинствъ. Проекты большинства и меньшинства Тульскаго губернскаго комитета. Авторъ проекта меньшинства кн. В. А. Черкасскій, сдѣлавшійся тѣмъ дѣятелемъ эпохи освобожденія крестьянъ, которому принадлежитъ наибольшее творчество въ разрѣшеніи всего крестьянскаго вопроса и въ составленіи Положенія 19 февраля 1861 г.

Лѣто 1858 года я провелъ на родинѣ; выѣхалъ я туда въ концѣ мая, съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ началѣ осени, и провелъ лѣто въ разъѣздахъ по тремъ губерніямъ: Рязанской, гдѣ я имѣлъ главную свою осѣдлость, Тамбовской, гдѣ находилось то родовое имѣніе, которымъ я владѣлъ уже 14 лѣтъ при крѣпостномъ правѣ, и Тульской, гдѣ я посѣтилъ нѣкоторыхъ изъ моихъ родственниковъ.

Въ Тамбовской губерніи я принялъ участіе въ совѣщаніяхъ дворянъ Липецкаго уѣзда, которые сочли полезнымъ, по желанію избранныхъ ими въ члены губернскаго комитета дворянъ, снабдить ихъ письменною инструкціей для предстоящей имъ дѣятельности. Совѣщаніе это поразило меня тѣмъ, что, при всей чистосердечности желанія избранныхъ членовъ исполнить возлагаемую на нихъ задачу согласно съ убѣжденіями ихъ избирателей, они не могли этого сдѣлать по той простой причинѣ, что этимъ избирателямъ никакого желанія формулировать не удалось. У большинства участвовавшихъ въ съѣздѣ дворянъ не было никакого опредѣленнаго взгляда на то, какъ должно произойти освобожденіе крестьянъ; всѣ они очень неохотно разставались съ крѣпостнымъ правомъ,

не представляя себѣ, какъ они смогутъ хозяйничать безъ барщины, и опасались полнаго разоренія, а потому очень заботились о томъ, чтобы обязательныя работы крестьянъ были удержаны на весь предположенный 12-лѣтній переходный (срочно-обязанный) періодъ. При разногласіи же мнѣній по крестьянскому дѣлу и непривычкѣ къ систематизаціи ихъ, собравшіеся дворяне-помѣщики потерялись въ самыхъ несущественныхъ мелочахъ и никакой инструкціи выработать не смогли. Къ отдѣльному выкупу крестьянскихъ усадебъ они всѣ выразили несочувствіе, но, въ виду заявленнаго правительственною программою требованія этого выкупа, они не рѣшились возражать на него письменно, а только изъявили желаніе, чтобы усадьбы были оцѣнены сколь возможно дороже, и чтобы ихъ выкупъ служилъ возмѣщеніемъ въ случаѣ потери ими барщины и былъ выкупомъ принадлежащей имъ личности крестьянъ.

Когда же я обратилъ вниманіе присутствующихъ на то, что самымъ существеннымъ вопросомъ, подлежащимъ обсужденію Главнаго Комитета, будетъ раздѣленіе земель помѣстья на тѣ, которыя будутъ закрѣплены навсегда въ надѣлъ крестьянамъ, и тѣ, которыя будутъ признаны полною собственностью помѣщика съ освобожденіемъ отъ лежащихъ нынѣ на земляхъ помѣстій сервитутовъ, то помѣщики Липецкаго уѣзда стали утверждать, что на основаніи Высочайшихъ рескриптовъ вся земля помѣстья была признана полною собственностью помѣщиковъ; что они изъявили свое согласіе на отдачу нѣкоторой части этой земли въ пользованіе крестьянамъ только на тотъ 12-лѣтній періодъ, въ теченіе котораго будетъ удержанъ обязательный трудъ крестьянъ (барщина); что послѣ того, какъ крестьянамъ будетъ предоставлено право отказываться отъ этой барщины, всѣ земли помѣстья должны возвратиться къ нимъ, помѣщикамъ, и впредь могутъ быть отдаваемы въ наемъ крестьянамъ, выкупившимъ свои усадьбы, только на добровольныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, наше совѣщаніе не привело насъ ни къ чему, кромѣ выясненія взглядовъ большинства помѣщиковъ моего уѣзда.

Въ Рязанской губерніи, гдѣ уже дѣйствовалъ губернскій комитетъ, мнѣнія знакомыхъ мнѣ членовъ его были такъ различны, что должно было ожидать составленія трехъ совершенно несходныхъ между собою законопроектовъ.

Лидеромъ перваго изъ нихъ, сгруппировавшимъ около себя

большинство членовъ комитета (16 изъ 21), былъ помѣщикъ Пронскаго уѣзда Ѳеодоръ Сергѣевичъ Офросимовъ.

Человѣкъ выдающагося ума, изъ древняго дворянскаго рода Рязанской губ., окончившій курсъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, онъ принадлежалъ по своему развитію къ типу столичной интеллигенціи, такъ какъ, прослуживъ 15 лѣтъ въ департаментѣ юстиціи, гдѣ достигъ должности начальника отдѣленія, онъ провелъ все десятилѣтіе 1840 — 1850 гг. въ высшей общественной средѣ столицы; все же онъ сохранилъ корни въ русской землѣ, съ которою никогда не разрывалъ связей, потому что его родители владѣли въ Рязанской губерніи помѣстьемъ, которое онъ посѣщалъ нерѣдко.

Въ началѣ 50-хъ годовъ Ѳ. С. Офросимовъ, войдя по наслѣдству во владѣніе имѣніемъ своихъ предковъ, вышелъ въ отставку и, поселившись въ деревнѣ, занялся тамъ сельскимъ хозяйствомъ и управленіемъ своимъ, хотя и не обширнымъ, но достаточнымъ имѣніемъ. Опытнаго сельскаго хозяина и знатока народнаго быта онъ изъ себя еще не успѣлъ выработать до внезапнаго для него наступленія эпохи освобожденія крестьянъ, но явился хорошимъ администраторомъ и, во всякомъ случаѣ, корректнымъ помѣщикомъ, хотя и ставившимъ свои помѣщичьи интересы выше интересовъ ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ крѣпостныхъ крестьянъ. Во всякомъ случаѣ, какъ человѣкъ просвѣщенный, онъ не могъ сочувствовать тому произволу и безотвѣтственности помѣщичьей власти, которые онъ нашелъ при своемъ водвореніи въ родовомъ помѣстьи среди большинства своихъ сосѣдей и въ особенности среди распространенныхъ тамъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, находя въ этомъ безотвѣтственномъ произволѣ и порождаемыхъ имъ злоупотребленіяхъ самую темную сторону крѣпостного права.

Какъ просвѣщенный юристъ, убѣжденный въ преимуществѣ правовыхъ порядковъ надъ полицейскими въ государственномъ строѣ, Ѳ. С. Офросимовъ не могъ помириться съ окружавшими его злоупотребленіями крѣпостного права и къ концу крымской войны пришелъ. одновременно съ передовыми людьми русской земли, къ убѣжденію въ необходимости и своевременности отмѣны крѣпостной зависимости, вслѣдствіе чего въ 1857 г. былъ однимъ изъ первыхъ, подписавшихъ адресъ Рязанскаго дворянства Государю съ ходатайствомъ объ учрежденіи губернскаго комитета по вопросу

объ освобожденіи крестьянъ, вызваннымъ, впрочемъ, по собственному признанію Рязанскаго дворянства, совершенно неожиданно для него Высочайшимъ рескриптомъ Нижегородскому и Московскому дворянствамъ.

При всемъ томъ, когда комитетъ былъ открытъ, Ѳ. С. Офросимовъ явился самымъ энергичнымъ и умнымъ адвокатомъ сословныхъ дворянскихъ интересовъ, и законопроектъ, имъ составленный и привлекшій къ себѣ большинство членовъ комитета, далеко не соотвѣтствовалъ видамъ высшаго правительства, сильно затемненнымъ данною комитетамъ правительственною програмою и выяснившимся только къ осени 1858 года.

Вотъ сущность законопроекта Рязанскаго большинства, какъ она уже опредѣлилась къ началу этой осени.

Крайне опасаясь немедленнаго предоставленія крестьянамъ „свободнаго труда", большинство Рязанскаго комитета приняло для срочно-обязаннаго періода (въ которомъ еще не допускалось уничтоженіе барщины) двѣнадцатилѣтній срокъ, какъ самый продолжительный изъ дозволяемыхъ правительствомъ сроковъ. На все это время законопроектъ не допускалъ ни выхода крестьянъ изъ помѣстій въ другія общества, какъ сельскія, такъ и городскія, ни даже временныхъ отлучекъ безъ согласія помѣщика, т.-е. оставлялъ крестьянъ крѣпкими землѣ помѣстья.

Въ видахъ же государственной пользы, согласно законопроекту, большинство Рязанскихъ дворянъ-помѣщиковъ, признавая исключительно за собою право полной собственности на всю землю помѣстья, уступали „для общественнаго спокойствія" (см. Положеніе Рязан. губернск. комит., стр. 60) часть земель своихъ въ пользованіе крестьянамъ.

Но это обезпеченіе крестьянъ „въ видахъ общественнаго спокойствія" земельнымъ надѣломъ, и притомъ не въ томъ размѣрѣ, въ которомъ они имъ всегда пользовались, а въ значительной степени уменьшенномъ, допускалось законопроектомъ только на 12-лѣтній періодъ, т.-е. на то время, въ теченіе котораго крестьяне помѣстій оставались еще крѣпкими землѣ и на обязательномъ трудѣ, т.-е. полукрѣпостными; по истеченіи же 12-лѣтняго періода всѣ условія пользованія отведенною крестьянамъ при ихъ освобожденіи землею, равно какъ и самая обязанность помѣщика надѣлять крестьянъ землею *прекращались*, а новыя условія пользованія крестьянъ

землею могли возникать лишь изъ свободнаго соглашенія помѣщика съ сельскимъ обществомъ или съ отдѣльнымъ домохозяиномъ.

Такимъ образомъ „положеніе", составленное большинствомъ Рязанскаго комитета, приводило крестьянъ по истеченіи 12-лѣтняго періода къ полному обезземеленію, да и въ теченіе этого періода уменьшало существующіе крестьянскіе надѣлы на 40%.

Вмѣстѣ съ тѣмъ большинство Рязанскаго комитета, справедливо доказывавшее неудобство для помѣщиковъ указаннаго правительственною программою отдѣльнаго выкупа крестьянскихъ усадебъ, требовало откровенно присоединенія къ этому выкупу еще и выкупа крѣпостного права; оно ссылалось на то, что до эпохи освобожденія люди безъ земли покупались и продовались отъ 30 до 50 рублей за душу, и что такая продажа людей не только была дозволена закономъ, но даже само правительство, въ силу 1188 ст. IX т. Св. Зак., выдавало опредѣленныя суммы за отходящихъ въ казенное вѣдомство крѣпостныхъ безъ земли, т.-е. участвовало само въ куплѣ-продажѣ крѣпостныхъ людей, какъ вещи, принадлежащей другому.

Но при всей непріемлемости законопроекта большинства Рязанскаго комитета, онъ имѣлъ то достоинство, что стремился дѣйствительно къ освобожденію крестьянъ, а не къ маскированному удержанію крѣпостной зависимости въ видѣ патримоніальной власти помѣщика. Вступая въ борьбу съ безотвѣтственнымъ произволомъ помѣщиковъ, законопроектъ Рязанскаго дворянства стремился къ образованію изъ крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такихъ самостоятельныхъ сельскихъ обществъ, которыя пользовались бы самоуправленіемъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ безо всякаго вмѣшательства въ нихъ не только бывшихъ помѣщиковъ, но и тѣмъ болѣе мѣстныхъ чиновниковъ, кромѣ *мировыхъ судей*, избираемыхъ по мѣстнымъ округамъ (частямъ уѣздовъ) собраніями землевладѣльцевъ изъ числа потомственныхъ дворянъ [1].

[1]) Лидеръ большинства Рязанскаго комитета О. С. Офросимовъ остался вѣренъ изложеннымъ имъ въ составленномъ имъ „положеніи" убѣжденіямъ до конца своей жизни. Во время прохожденія дѣла освобожденія крестьянъ въ столичныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ, онъ явился талантливымъ, но страстнымъ и одностороннимъ защитникомъ дворянскихъ интересовъ, энергически упрекавшимъ въ своихъ печатныхъ отзывахъ какъ Редакціонныя Коммиссіи, такъ и высшее правительство въ „споліаціи" дворянской собственности. Когда же, по Высочайшемъ утвержденіи Положенія 19 февраля 1861 г., онъ возвратился на родину и былъ избранъ членомъ Рязанскаго губернскаго по крестьянскимъ

Второй законопроектъ, выработанный въ средѣ Рязанскаго комитета, принадлежалъ двумъ членамъ его, бывшимъ представителями Раненбургскаго уѣзда, князю С. В. Волконскому и В. М. Сафонову, и отличался своей простотою и рѣшительностью, исходя изъ слѣдующихъ соображеній: а) что предоставленіе крестьянамъ, согласно правительственной программѣ, на выкупъ однѣхъ усадебъ безъ смежныхъ съ ними полевыхъ земель, обезпечивающихъ существованіе крестьянъ, не принесетъ никакого существеннаго улучшенія ихъ быта, а помѣщикамъ нанесетъ непоправимый вредъ, вырывая изъ сердца ихъ хозяйствъ самыя цѣнныя земли, и б) что срочно-обязанное положеніе, замѣняя на долгій (12-лѣтній) періодъ времени крѣпостное право, усилитъ только антагонизмъ обоихъ сословій, и безъ того уже достаточно возбужденный, и не принесетъ никакой пользы ни помѣщикамъ, ни крестьянамъ. Исходя изъ этихъ соображеній, составители законопроекта предложили, съ согласія всѣхъ своихъ избирателей (дворянъ-помѣщиковъ Раненбургскаго уѣзда), устроить аграрныя отношенія между помѣщиками и освобожденными крестьянами слѣдующимъ образомъ:

1) Предоставить крестьянамъ въ собственность на каждую ре-

дѣламъ присутствія отъ дворянства губерніи, онъ немедленно началъ свою упорную и нѣсколько страстную борьбу противъ произвола губернской администраціи, которую продолжалъ и тогда, когда былъ избранъ на должность Рязанскаго городского головы. Борьба эта со стороны такого умнаго и опытнаго юриста была такъ непріятна администраціи, что одинъ изъ Рязанскихъ губернаторовъ настойчиво ходатайствовалъ передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ удаленіи Офросимова изъ Рязани и административной его ссылкѣ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Вятской губерніи. И мнѣ, въ качествѣ Рязанскаго дворянина, занимавшаго одну изъ высокихъ должностей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ большимъ трудомъ удалось убѣдить генералъ-адъютанта Тимашева, бывшаго тогда министромъ, въ томъ, что Офросимовъ былъ во всякомъ случаѣ человѣкъ вполнѣ благонадежный, что административная его ссылка глубоко оскорбила бы все Рязанское дворянство, котораго уваженіемъ онъ пользуется въ теченіе многихъ лѣтъ, и что осторожнѣе было бы, въ виду уже состоявшагося назначенія въ Рязанскую губернію новаго губернатора, спросить его мнѣнія по вопросу о предполагаемой ссылкѣ Офросимова. Генералъ-адъютантъ Тимашевъ согласился съ моимъ мнѣніемъ и на запросъ свои новому губернатору Н. С. Абазѣ получилъ отвѣтъ, что Офросимовъ—человѣкъ очень умный и корректный, пользуется всеобщимъ уваженіемъ среди дворянства и, по знакомству своему съ мѣстными условіями губерніи и по основательнымъ юридическимъ познаніямъ, крайне полезенъ ему, губернатору, въ качествѣ совѣтчика во всѣхъ дѣлахъ управленія губерніей. Такимъ образомъ почтенный О. С. Офросимовъ имѣлъ утѣшеніе умереть черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого инцидента въ роднѣ, въ родовомъ своемъ помѣстьи, никакой спoліаціи и никакому ожидаемому имъ въ эпоху освобожденія крестьянъ разоренію не подвергшемся.

визскую душу отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 десятинъ усадебной и полевой земли въ одномъ, для каждаго помѣстья особо отведенномъ, отрубномъ участкѣ, съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ получилъ за уступаемую имъ въ полную собственность крестьянъ помѣстья землю полное добросовѣстное вознагражденіе (по 60 руб. за десятину) [1]).

2) Тотчасъ по введеніи новаго порядка прекратить всѣ обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками.

3) Предоставить крестьянамъ ихъ усадебныя и другія строенія и все ихъ движимое имущество въ полную собственность безвозмездно.

4) Въ числѣ означеннаго въ первомъ пунктѣ количества земли предоставить крестьянамъ въ собственность старыя усадебныя мѣста только тамъ, гдѣ ихъ отчужденіе изъ состава помѣстья не будетъ наносить ущерба цѣнности и выгодамъ дачи, остающейся въ собственности помѣщика. Въ противномъ случаѣ переносъ крестьянскихъ усадебъ долженъ быть для крестьянъ обязателенъ, если только вновь назначаемое помѣщикомъ для усадебъ мѣсто будетъ удобно для сего назначенія.

Несомнѣнно, наиболѣе достоинствъ изъ трехъ составлявшихся къ осени 1858 г. въ Рязанскомъ губернскомъ комитетѣ законопроектовъ имѣлъ проектъ двухъ членовъ отъ правительства, А. И. Кошелева и Д. Ѳ. Самарина [2]).

Прежде всего, законопроектъ, ими составленный, справедливо и великодушно признавалъ все движимое и недвижимое имущество, пріобрѣтенное крестьянами до ихъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, хотя бы и на имя помѣщика, полною ихъ собственностью; большинство же Рязанскаго комитета не хотѣло признать этого.

Далѣе, законопроектъ Кошелева и Самарина не призналъ никакой необходимости въ продолжительномъ (12-лѣтнемъ) срочно-

---

[1]) Цѣнность земли въ Ранепбургскомъ уѣздѣ была опредѣлена Положеніемъ 19 февраля 1861 года въ 55 рублей за десятину, но надѣлъ былъ оставленъ въ каждомъ помѣстьи существующій, если онъ не превышалъ $2^{3}/_{4}$ десятинъ усадебной, луговой, выгонной и пахотной земли на ревизскую душу мужск. п.

[2]) Объ А. И. Кошелевѣ см. выше, стр. 43. Д. Ѳ. Самаринъ былъ на десять лѣтъ моложе своего брата, одного изъ самыхъ блестящихъ дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ, Ю. Ѳ. Самарина, имѣвшаго съ нимъ несомнѣнное сходство въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, чего Дмитрій Ѳедоровичъ, впрочемъ, не признавалъ по свойственной ему скромности и по убѣжденію въ превосходствѣ надъ собою брата.

обязанномъ періодѣ и, стремясь къ скорѣйшему выкупу крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, какъ къ окончательной развязкѣ предпринятой реформы, не назначилъ никакого срока для временно-обязаннаго положенія крестьянъ; онъ призналъ только, что оно должно продолжаться до составленія выкупного договора, т.-е. договора о выкупѣ не однѣхъ только усадебъ, но и полевыхъ угодій, входящихъ въ составъ крестьянскихъ надѣловъ.

Что же касается аграрныхъ отношеній, то авторы законопроекта, признавая давно освященное обычнымъ правомъ участіе крѣпкихъ помѣстью крестьянъ въ пользованіи землею помѣстья, опредѣлили то различіе, которое всегда существовало въ помѣстьяхъ между землею *владѣльческою* и *мірскою*.

Вмѣстѣ съ Высочайшими рескриптами признавая права собственности помѣщика на всѣ земли помѣстья, законопроектъ Кошелева и Самарина впервые доказалъ, что право это всегда имѣло и должно было имѣть различное примѣненіе по отношенію къ двумъ родамъ земель помѣстья, и что по отношенію къ *владѣльческимъ* землямъ оно было правомъ *полной* собственности, а по отношенію къ *мірскимъ* землямъ—правомъ собственности *неполной*, такъ какъ оно всегда было ограничено правомъ крестьянскихъ обществъ пользоваться этими землями.

Затѣмъ составители законопроекта съ полною точностью опредѣлили, въ чемъ должны заключаться помѣщичьи права неполной собственности на мірскія земли помѣстья въ продолженіе обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока мірскія земли не будутъ обращены въ полную собственность крестьянъ путемъ ихъ выкупа на условіяхъ, опредѣленныхъ правительствомъ и при его содѣйствіи.

Правами помѣщика на мірскія земли до ихъ выкупа законопроектъ двухъ членовъ призналъ:

а) право закладывать, отдавать въ аренду, продавать и инымъ способомъ отчуждать мірскія земли въ ихъ совокупности, какъ вмѣстѣ съ владѣльческими землями, такъ и отдѣльно отъ оныхъ;

б) право получать съ крестьянъ за пользованіе мірскою землею устанавливаемыя законопроектомъ повинности;

в) право надзора за тѣмъ, чтобы крестьяне соблюдали на мірскихъ земляхъ установленный порядокъ полеводства и не измѣняли онаго безъ согласія помѣщика.

Съ другой стороны, по мнѣнію составителей законопроекта, помѣщики, имѣя только неполное (ограниченное) право собственности на мірскія земли, *не должны были*:

а) лишать крестьянъ, поселенныхъ на сихъ земляхъ, права пользованія оными;

б) пользоваться сами этими землями, хотя бы путемъ пастьбы на нихъ господскаго скота, или мѣнять ихъ на другія земли безъ согласія общества;

в) измѣнять безъ согласія общества повинности, отбываемыя или платимыя крестьянами за пользованіе этою землею;

г) дробить эти земли при закладѣ, отдачѣ въ аренду, продажѣ и всякомъ отчужденіи оныхъ.

Самая же большая заслуга законопроекта, составленнаго А. И. Кошелевымъ и Д. Ѳ. Самаринымъ, состояла въ томъ, что проектъ этотъ первый изъ проектовъ положеній, составленныхъ въ губернскихъ комитетахъ, призналъ сохраненіе за крестьянами нынѣшнихъ ихъ земельныхъ надѣловъ *мѣрою необходимою* и заявилъ, что только при соблюденіи этого условія можно было надѣяться на мирное окончаніе начатой реформы. По удостовѣренію Кошелева и Самарина, крестьяне охотнѣе согласятся нести нелегкія для нихъ повинности, чѣмъ уступить часть своей мірской земли и нести легкія и сильно уменьшенныя повинности. Крестьяне справедливо говорятъ: „повинности—дѣло проходящее, а земля—*дѣло вѣчное*: тѣ отбудешь, да и забудешь, а безъ земли плохо, и міру взять ее неоткуда. Теперь дѣло устраивается навсегда: если мы нынѣ будемъ обдѣлены землею, то впослѣдствіи помочь этой бѣдѣ уже будетъ нельзя“ [1]).

Вотъ въ какомъ положеніи я нашелъ крестьянское дѣло осенью 1858 г. въ Рязанской губерніи; въ Тульской же губерніи, которую я посѣтилъ въ концѣ своего пребыванія въ родной черноземной области, я засталъ это дѣло болѣе выяснившимся. Тамъ уже произошло окончательное разногласіе между большинствомъ и довольно сильнымъ меньшинствомъ комитета, и выработались два законопроекта, представленные, впрочемъ, правительству въ окончательномъ видѣ только 30 мая 1859 года.

[1]) Въ этихъ словахъ крестьянъ, здѣсь приведенныхъ и слышанныхъ многими изъ насъ, рязанскихъ помѣщиковъ, ярко выражалась вѣра крестьянъ въ прочность и правомѣрность аграрныхъ отношеній, устанавливаемыхъ Царемъ-Освободителемъ между помѣщиками и крестьянами.

Готовившійся законопроектъ большинства Тульскаго комитета былъ крайне невыгоденъ для крестьянъ. Въ этомъ законопроектѣ дворяне Тульской губерніи выражали свое согласіе даровать своимъ крестьянамъ личную свободу такъ же, какъ и права, и преимущества, присвоенныя закономъ податнымъ сословіямъ государства, а также отдавали въ даръ своимъ крестьянамъ движимое ихъ имущество, которому, при составленіи акта освобожденія, должны были быть сдѣланы описи. Затѣмъ помѣщики требовали сложенія съ нихъ обязанностей: продовольствовать крестьянъ, отвѣчать за неплатежъ ими государственныхъ податей и повинностей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соглашались на замѣну прежняго названія крестьянъ крѣпостными названіемъ—*временно-обязанные*. Кромѣ того, большинство Тульскаго комитета проектировало цѣлую главу о поземельныхъ правахъ помѣщика, въ которой должны были быть установлены его полныя права собственности на всѣ безъ изъятія земли помѣстій.

Относительно усадебнаго устройства крестьянъ законопроектъ большинства подчинялся требованіямъ правительственной программы и допускалъ отдѣльный выкупъ каждымъ крестьянскимъ дворомъ своей осѣдлости, но не иначе, какъ по оцѣночной стоимости усадебъ, устанавливаемой на слѣдующихъ основаніяхъ: за каждую квадратную сажень земли въ помѣстьяхъ, не представляющихъ никакихъ промысловыхъ мѣстныхъ выгодъ, назначалось по 25 фунтовъ ржи, т.-е. по тогдашней ея цѣнности 20 коп., а оцѣнка строеній каждой усадьбы должна была быть произведена самимъ помѣщикомъ, и только въ томъ случаѣ, если она превышала 150 рублей, она подлежала провѣркѣ членами комитета. Такимъ образомъ выходило, что каждая десятина усадебной земли, при выкупѣ крестьянами ихъ усадебъ, стоила 480 руб., т.-е. въ 15 разъ дороже существовавшихъ въ то время цѣнъ на земли. Выкупъ же каждой отдѣльной крестьянской осѣдлости обошелся бы домохозяину въ 750 руб., т.-е. дороже, чѣмъ впослѣдствіи обошелся крестьянамъ по Положенію 19 февраля 1861 г. выкупъ ихъ полныхъ земельныхъ существующихъ надѣловъ. Вслѣдствіе этого, крестьяне, справившіеся по Положенію 19 февраля 1861 г. съ выкупомъ всѣхъ своихъ земель въ теченіе полустолѣтія, не справились бы по законопроекту большинства Тульскаго комитета въ этотъ періодъ времени съ выкупомъ однѣхъ своихъ усадебъ и были бы совершенно обезземелены. Еще менѣе выгодно для успѣха ве-

ликой реформы было разрѣшеніе большинствомъ Тульскаго губернскаго комитета вопроса о надѣленіи крестьянъ пахотной землею и другими угодіями. Законопроектъ установлялъ надѣлъ крестьянъ пахотными землями изъ земель помѣстій по числу тяголъ (брачныхъ паръ не свыше 55-лѣтняго возраста, съ будущими), въ количествѣ по одной десятинѣ въ полѣ на каждое тягло, а всего три десятины на тягло, и слагалъ съ помѣщика навсегда обязанность надѣлять вновь возникающія тягла, т.-е. увеличивать поземельный надѣлъ по мѣрѣ прироста населенія.

Совершенно иначе отнеслось къ разрѣшенію аграрнаго вопроса просвѣщенное и великодушное меньшинство Тульскаго губернскаго комитета [1]). Прежде всего, проектъ меньшинства призналъ всѣ крестьянскія строенія какъ въ чертѣ селенія, такъ и внѣ оной, полною собственностью крестьянъ, безъ всякаго выкупа, такъ же, какъ и все ихъ движимое имущество. Что же касается усадебной земли, то меньшинство оцѣнило ее, въ случаѣ отдѣльнаго ея выкупа, въ 200 руб. за десятину, кромѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ самое положеніе крестьянскихъ усадебъ сопряжено съ особыми промысловыми или торговыми выгодами. Вообще же меньшинство Тульскаго комитета высказалось противъ отдѣльнаго выкупа усадебъ, признавъ его невыгоднымъ для обѣихъ сторонъ, и настаивало на скорѣйшемъ выкупѣ всѣхъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ совокупности. Что же касается входящихъ въ ихъ составъ полевыхъ земель, то проектъ меньшинства призналъ, что, хотя вся земля помѣстья была признаваема по закону (подтвержденному Высочайшимъ рескриптомъ) собственностью дворянъ-помѣщиковъ, но на практикѣ полевыя земли раздѣлялись на земли, состоящія въ полной собственности помѣщика, и на земли, никогда не выходившія изъ пользованія крестьянъ, крѣпкихъ землѣ помѣстья, а, слѣдовательно, состоявшія за помѣщиками на правахъ ограниченной собственности. Относительно этихъ послѣднихъ земель проектъ меньшинства обязывалъ помѣщиковъ въ имѣніяхъ, признанныхъ много- или среднеземельными, оставить въ пользованіи крестьянъ всѣ земли, которыми они нынѣ пользуются, если

---

[1]) Вотъ имена дворянъ-помѣщиковъ Тульской губ., входившихъ въ составъ этого меньшинства: Михаилъ Бибиковъ, Николай Елагинъ, Левъ Карбоньеръ, Иванъ Пушкинъ, Михаилъ Тихменевъ, баронъ Владиміръ Менгденъ, баронъ Иванъ Черкасовъ и князь Владиміръ Черкасскій.

онѣ не превышаютъ въ среднеземельныхъ имѣніяхъ двухъ десятинъ, а въ многоземельныхъ $2^1/_2$ десятинъ на душу мужского пола; въ малоземельныхъ же имѣніяхъ обязательное надѣленіе землею не должно было превышать $1^1/_2$ десятины на душу мужского пола.

Авторомъ „Положенія меньшинства Тульскаго губернскаго комитета" былъ кн. В. А. Черкасскій, который, вслѣдъ за своею дѣятельностью въ Тульскомъ комитетѣ, будучи призванъ въ члены Редакціонныхъ Комиссій, обнаружилъ тамъ не только свои блестящія дарованія, но и наибольшее творчество въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса и въ составленіи Положенія 19 февр. 1861 г.

Князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій родился въ 1824 г. въ Черномъ уѣздѣ Тульской губерніи и принадлежалъ къ древнему роду князей Черкасскихъ, давшему въ XVI вѣкѣ Московскому государству Царицу Марію Темрюковну, супругу Іоанна Грознаго, а въ XVII—бывшему въ близкомъ родствѣ съ боярами Романовыми, еще до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича. Князь В. А. Черкасскій окончилъ высшее образованіе по юридическому факультету въ Московскомъ университетѣ, гдѣ занимался особенно усердно подъ руководствомъ профессоровъ Погодина и Крылова и наиболѣе интересовался исторіей русскаго права; такъ какъ онъ, будучи связанъ глубокими корнями съ русской землей, родился и выросъ въ деревнѣ, то онъ уже съ юношескихъ лѣтъ заинтересовался крестьянскимъ вопросомъ и написалъ въ 1844 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: „Очерки исторіи сельскаго сословія въ Россіи", за которое былъ удостоенъ университетомъ медали. По окончаніи университетскаго курса, князь Черкасскій рѣшился посвятить свою дѣятельность не служебной карьерѣ, а сельскому хозяйству и управленію своимъ родовымъ помѣстьемъ.

Здѣсь онъ близко ознакомился съ бытомъ крестьянъ, стараясь въ отношеніяхъ къ нимъ руководствоваться лучшими традиціями обычнаго права. Живя въ своемъ имѣніи Веневскаго уѣзда, въ 40-хъ годахъ князь Черкасскій постепенно, но совершенно самостоятельно пришелъ къ убѣжденію въ необходимости всеобщаго освобожденія крестьянъ и даже сдѣлалъ частную попытку освобожденія своихъ крѣпостныхъ, которая, впрочемъ, доказала ему, что такіе частичные опыты не могутъ принести государственной пользы; поэтому, пользуясь своими близкими отношеніями съ тогдашнимъ передовымъ по своимъ политическимъ взглядамъ Туль-

скимъ губернаторомъ, будущимъ графомъ Амурскимъ,—Н. Н. Муравьевымъ, князь Черкасскій сумѣлъ сплотить около себя кружокъ дворянъ-помѣщиковъ, стремившихся составить проектъ освобожденія крестьянъ. Къ сожалѣнію, отъѣздъ Н. Н. Муравьева въ Сибирь на назначенную ему должность генералъ-губернатора и перемѣна въ 1848 г. направленія Императора Николая I по вопросу объ освобожденіи крестьянъ пріостановили работы Тульской группы дворянъ-помѣщиковъ, сплотившейся вокругъ князя Черкасскаго. Въ 1850 г. князь Черкасскій, переѣхавъ на жительство въ Москву, по своимъ общественнымъ связямъ примкнулъ къ славянофильской культурной группѣ и въ 1850—1851 гг. принялъ въ этой средѣ дѣятельное участіе въ живо его интересовавшемъ крестьянскомъ вопросѣ. Для „Московскаго Сборника" онъ приготовилъ статью „Юрьевъ день", которая, не будучи пропущена цензурою, навлекла на автора серьезныя гоненія и ограниченія въ правѣ пользованія печатнымъ словомъ.

Когда же во время крымской войны лучшіе люди какъ столичной, такъ и провинціальной интеллигенціи пришли къ окончательному убѣжденію въ несостоятельности русскаго государственнаго и общественнаго строя, статьи князя Черкасскаго по крестьянскому вопросу снова появились въ печати, а именно во вновь возникшемъ журналѣ „Русская Бесѣда", въ редакціи котораго князь Черкасскій принялъ дѣятельное участіе съ самаго начала царствованія Императора Александра II. Въ началѣ 1857 г. князь Черкасскій написалъ свою извѣстную записку: „О лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного права", которая, распространившись въ рукописи, обратила на себя вниманіе въ высшихъ сферахъ. Особенно заинтересовалась этою запискою всегда вѣрная своимъ убѣжденіямъ, еще со времени Императора Николая I, носительница идеи освобожденія крестьянъ, Великая Княгиня Елена Павловна, вступившая черезъ просвѣщенную и выдающуюся по своему высокому уму баронессу Эд. Ѳед. Раденъ въ письменныя сношенія съ княземъ Черкасскимъ. Князь Владиміръ Александровичъ поспѣшилъ для такой высокой союзницы въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ написать свою вторую записку; выѣхавъ за границу, онъ въ Римѣ былъ представленъ баронессою Раденъ Великой Княгинѣ и очень скоро пріобрѣлъ ея полное расположеніе. Къ концу 1857 г. князь Черкасскій поспѣшилъ возвратиться на родину и немедленно былъ

назначенъ, по инициативѣ Великой Княгини и черезъ посредство Н. А. Милютина, членомъ отъ правительства въ Тульскій губернскій комитетъ. Здѣсь, сдѣлавшись лидеромъ меньшинства комитета, онъ составилъ одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ законопроектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, содержаніе котораго и различіе отъ проекта большинства Тульскаго дворянства мною изложено выше.

Законопроектъ этотъ, весьма естественно, открылъ князю въ началѣ 1858 г. дорогу во вновь учрежденное правительствомъ законодательное учрежденіе, на которое было возложено составленіе законопроекта объ освобожденіи крестьянъ. Здѣсь, рядомъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ, онъ уже явился одною изъ самыхъ яркихъ звѣздъ первой величины въ блестящей плеядѣ дѣятелей великой реформы Царя-Освободителя.

Съ самыхъ первыхъ дней его участія въ работахъ Редакціонныхъ Коммисій и знакомства съ ихъ членами князь Черкасскій обнаружилъ въ полномъ блескѣ свои высокія дарованія: творчество истинно-государственнаго ума, блестящую діалектику, замѣчательную находчивость, необыкновенную эластичность мышленія и способность примѣняться ко всѣмъ условіямъ пространства и времени и къ самымъ неожиданнымъ обстоятельствамъ. Эти свойства обезпечили князю Черкасскому первостепенное мѣсто между законодателями 19 февраля 1861 г. и дали ему возможность оказать наибольшее содѣйствіе въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ аграрныхъ вопросовъ въ пользу народа, насколько они могли быть разрѣшены современнымъ законодательнымъ актомъ.

По обнародованіи Положенія объ освобожденіи крестьянъ на долю Черкасскаго выпала роль удалившагося отъ дѣлъ Цинцината. Оказавъ своему великому отечеству безсмертную услугу, князь Черкасскій вернулся на родину, чтобы занять скромную должность мирового посредника; при исполненіи послѣдней ему удалось осуществить съ полнымъ успѣхомъ законопроектъ, въ составленіи котораго онъ принималъ столь блестящее участіе, и тѣмъ доказать непосредственно благотворныя послѣдствія великой реформы Царя-Освободителя.

Вспомнили о князѣ Черкасскомъ его товарищи по Редакціоннымъ Коммисіямъ въ 1863 г., когда историческое теченіе событій заставило обновить внутреннее устройство Польскаго края. Послѣ не удавшагося мятежа польскаго дворянства Н. А. Милютинъ, на

котораго было возложено это государственное дѣло, съ соизволенія Государя призвалъ къ возложенному на него дѣлу самыхъ блестящихъ своихъ сотрудниковъ по крестьянскому вопросу,—Самарина и князя Черкасскаго, изъ которыхъ послѣдній былъ назначенъ на должность главнаго директора правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго. На этомъ министерскомъ, по отношенію къ Царству Польскому, мѣстѣ князь Черкасскій обнаружилъ совершенно выдающіяся административныя дарованія.

Но, къ сожалѣнію, мѣткое замѣчаніе, высказанное впослѣдствіи Королемъ Шведскимъ Оскаромъ II, о томъ, что въ русскихъ высшихъ сферахъ не знаютъ цѣны людямъ [1]), вполнѣ оправдалось въ примѣненіи къ личности князя Черкасскаго, такъ какъ послѣ тяжкой болѣзни, постигшей Н. А. Милютина въ 1866 г., на мѣсто министра статсъ-секретаря Царства Польскаго было назначено лицо, далеко не имѣвшее высокихъ талантовъ и заслугъ князя Черкасскаго; послѣдній же счелъ себя вынужденнымъ вновь возвратиться „къ своимъ пенатамъ“.

Черезъ два года общественное мнѣніе оцѣнило, впрочемъ, таланты и заслуги князя Черкасскаго, и онъ былъ избранъ московскимъ городскимъ головою; однако, и здѣсь независимость его мнѣній

---

[1]) Въ 1874 году мнѣ случилось быть въ Швеціи, по приглашенію высокопросвѣщеннаго Короля Оскара II, во главѣ предсѣдательствуемой мною международной статистической коммиссіи, состоявшей изъ лицъ, руководившихъ административной статистикою всѣхъ европейскихъ государствъ и Америки. Король Оскаръ II, зная мое участіе въ законодательныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, высказалъ мнѣ свое пламенное сочувствіе великому дѣлу освобожденія многомилліоннаго населенія и свое благоговѣніе передъ личностью Александра II, такъ успѣшно свершившаго великій подвигъ въ исторіи христіанскаго міра. Король Оскаръ сообщилъ мнѣ о своемъ желаніи посѣтить Россію въ слѣдующемъ 1875 году для того, чтобы принести дань своего уваженія и благоговѣнія Царю-Освободителю. Король сдержалъ свое слово и въ слѣдующее же лѣто былъ въ Петербургѣ. Ознакомившись ближе съ условіями освобожденія крестьянъ, Король былъ пораженъ величіемъ мірового событія, стройностью дѣла, совершеннаго безъ всякихъ волненій и съ неимовѣрнымъ экономическимъ успѣхомъ Россіи въ 14-лѣтіе, прошедшее послѣ освобожденія. Но не умолчалъ Оскаръ II и о тѣхъ недостаткахъ, которые онъ замѣтилъ въ высшихъ сферахъ русской жизни и которые отражались на всемъ государственномъ строѣ. Недостаткомъ, болѣе всего поразившимъ Оскара II, было то, что Россія, по крайней мѣрѣ въ то время, еще не знала въ достаточной степени цѣны ни деньгамъ, ни времени, ни, что̀ еще важнѣе, людямъ и ихъ талантамъ, столь полезнымъ и необходимымъ въ эпохи быстраго прогрессивнаго движенія на пути человѣческой цивилизаціи. Замѣчаніе Оскара II было тѣмъ болѣе мѣтко, что только теперь, черезъ полвѣка послѣ великой эпохи освобожденія крестьянъ, мы начинаемъ понемногу излѣчиваться отъ этихъ замѣченныхъ имъ недостатковъ.

скоро положила предѣлъ его высоко-полезной дѣятельности. Смѣлыя слова, введенныя имъ въ адресъ города Москвы Царю-Освободителю въ 1870 г., получили крайне неблагопріятное истолкованіе со стороны его старыхъ политическихъ враговъ, и князь Черкасскій вынужденъ былъ сложить съ себя званіе Московскаго городского головы.

Только въ 1877 г., при своемъ отправленіи на Восточную войну, Императоръ Александръ II вспомнилъ заслуги князя Черкасскаго по крестьянскому дѣлу; вспомнилъ также, что Я. И. Ростовцовъ на смертномъ одрѣ тепло рекомендовалъ его, какъ способнѣйшаго изъ государственныхъ людей, созданныхъ законодательною работою по освобожденію крестьянъ. Императоръ Александръ II пригласилъ князя В. А. Черкасскаго въ свой походъ подъ Плевну въ качествѣ главноуполномоченнаго Краснаго Креста, но еще болѣе въ качествѣ совѣтника и организатора по политическому и общественному устройству освобождаемаго Болгарскаго народа; вмѣстѣ съ тѣмъ Государь сообщилъ ему конфиденціально о своемъ намѣреніи по возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій приняться вновь за не оконченныя реформы въ Россіи, о планѣ которыхъ Онъ намѣренъ былъ переговорить съ княземъ Черкасскимъ во время войны, чтобы затѣмъ возложить на него управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Мнѣ одному князь Черкасскій рѣшился довѣрительно сообщить при нашихъ свиданіяхъ въ Петербургѣ о намѣреніяхъ Царя-Освободителя, потому что мы оба, князь Черкасскій и я, были горячо рекомендованы Государю Ростовцовымъ на его смертномъ одрѣ, а я, по своей 13-лѣтней непрерывной службѣ на одной изъ высокихъ должностей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ близко знакомъ со всею дѣятельностью министерства по крестьянскому дѣлу и съ его личнымъ составомъ; въ неизмѣнности же дружескихъ моихъ чувствъ къ нему со времени нашей совмѣстной ежедневной работы въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ князь Черкасскій не сомнѣвался.

На этотъ разъ уже сама судьба рѣшила иначе. Князь Черкасскій и въ Болгаріи обнаружилъ свои великія организаторскія способности и свой истинно-государственный умъ и, конечно, былъ бы лучшимъ по своимъ дипломатическимъ способностямъ представителемъ русскихъ и славянскихъ интересовъ при заключеніи всеобщаго мира, если бы переутомленіе отъ перенесенныхъ имъ трудовъ и заботъ не унесло его въ могилу въ самый день заключенія Санъ-

Стефанскаго договора... Несомнѣнно, исторія великой эпохи отдастъ ему должное; я же, въ качествѣ ближайшаго очевидца лучшей эпохи его дѣятельности, являюсь здѣсь со своими свидѣтельскими показаніями о тѣхъ его заслугахъ, которыя, какъ это было установлено обычаемъ въ Египтѣ при такъ называемомъ общественномъ „судѣ фараоновъ", давали государственнымъ дѣятелямъ право на благодарность потомства, выражавшуюся въ сооруженіи имъ достойныхъ памятниковъ.

ГЛАВА VI.

Возвращеніе мое въ Петербургъ въ концѣ сентября 1858 г. и частыя свиданія съ Ростовцовымъ.—Совѣщанія Государя съ Ростовцовымъ и Ланскимъ.—Засѣданія Главнаго Комитета въ октябрѣ и декабрѣ 1858 г. въ Гатчинѣ подъ предсѣдательствомъ самого Государя.—Поступленіе къ Государю первыхъ „положеній губернскихъ комитетовъ“, передаваемыхъ Имъ Ростовцову. Составляемыя мною для Государя, по порученію Ростовцова, записки по каждому изъ этихъ положеній.—Возникновеніе вопроса о порядкѣ разсмотрѣнія и утвержденія „положеній губернскихъ комитетовъ“. Доклады по этому вопросу, представленные Государю Ростовцовымъ непосредственно и Ланскимъ черезъ Главный Комитетъ.—Согласіе Государя на учрежденіе Редакціонныхъ Комиссій. Предложеніе Государя Ростовцову быть предсѣдателемъ этихъ Комиссій; колебанія и сомнѣнія Ростовцова и, наконецъ, его согласіе. Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Комиссій подъ предсѣдательствомъ Ростовцова и расширеніе, вслѣдствіе того, компетенціи Комиссій и значенія, имъ приданнаго. Три первоприглашенные по Высочайшему повелѣнію члена Редакціонныхъ Комиссій.

Я возвратился въ Петербургъ въ концѣ сентября, вскорѣ по возвращеніи Ростовцова, и поспѣшилъ представить ему обстоятельныя свѣдѣнія о направленіи и ходѣ работъ губернскихъ комитетовъ въ трехъ посѣщенныхъ мною губерніяхъ. При этомъ я объяснилъ Ростовцову, что во всѣхъ губерніяхъ центральной черноземной области идетъ усиленная борьба между сторонниками земельнаго освобожденія крестьянъ, къ которымъ принадлежатъ только меньшинства комитетовъ, и его противниками. Я нашелъ Ростовцова уже совершенно убѣжденнымъ сторонникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ. Онъ называлъ освобожденіе крестьянъ, безъ дарованія имъ правъ на вѣчное пользованіе земельными надѣлами и безъ возможности ихъ выкупа, „птичьей свободою“. Я. И. Ростовцовъ показалъ мнѣ копіи съ четырехъ писемъ, писанныхъ имъ Государю изъ заграницы. Хотя эти письма далеко не разрѣшали крестьянскаго вопроса, но они произвели сильное впечатлѣніе на Государя своей душевной теплотою

и выражавшейся въ нихъ беззавѣтной преданностью Ростовцова задуманному Царемъ-Освободителемъ великому дѣлу.

Государь, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, сталъ призывать Ростовцова, а потомъ и Ланского въ свою осеннюю резиденцію Гатчино для предварительныхъ совѣщаній по крестьянскому дѣлу, а затѣмъ началъ собирать и Главный Комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ на засѣданія, происходившія 18, 19, 24 и 26 октября и 4 декабря 1858 г. Въ этотъ періодъ времени, т.-е. начиная отъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1858 г., въ министерства и непосредственно къ Государю начали уже поступать представляемые губернскими комитетами первые ихъ законопроекты; Государь отсылалъ ихъ Ростовцову. Естественно возникъ вопросъ, кѣмъ и какимъ образомъ эти проекты должны быть разсматриваемы. Вопросъ этотъ еще очень мало былъ обдуманъ въ правительственныхъ сферахъ, и въ нихъ распространено было мнѣніе, что законопроектъ каждой губерніи будетъ разсматриваемъ и утверждаемъ *отдѣльно* отъ другихъ. Такъ думало, между прочимъ, еще осенью 1858 г. и большинство Главнаго Комитета, и четверо его членовъ, выдѣленные въ учрежденную 15 іюля 1858 г. особую комиссію, на которую собственно и возложенъ былъ весь этотъ трудъ.

Мнѣ, однакоже, удалось убѣдить Ростовцова въ полной невозможности такого порядка разсмотрѣнія и утвержденія „положеній губернскихъ комитетовъ“. Приводя въ примѣръ законопроекты Тульскаго и Рязанскаго большинства, я высказалъ убѣжденіе, что такой же характеръ будутъ имѣть „положенія“, составленныя большинствами почти всѣхъ губернскихъ комитетовъ, слѣдовательно, они окажутся совершенно неприемлемыми. Если же правительство рѣшится утверждать ихъ отдѣльно одно отъ другого, хотя бы и послѣ частныхъ поправокъ, то все-таки „положенія“ эти, напримѣръ, въ 9 очень однородныхъ по своимъ экономическимъ условіямъ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ представятъ собою разнорѣчіе, причины котораго не будутъ понятны мѣстному населенію и которое послужитъ источникомъ сильныхъ волненій.

Ростовцовъ, благодаря замѣчательной ясности своего ума и здравому смыслу, скоро былъ убѣжденъ этими доводами и не согласился даже на внесенное Ланскимъ въ Главный Комитетъ предложеніе Я. А. Соловьева, состоявшее въ томъ, чтобы, разработавъ юридическую и административную сторону крестьянскаго дѣла, со-

ставить одно общее для всѣхъ губерній положеніе; для разработки же хозяйственныхъ условій раздѣлить всю Россію на предложенныя имъ 9 полосъ или областей и для каждой изъ нихъ составить отдѣльное мѣстное положеніе на основаніи законопроектовъ губернскихъ комитетовъ, при участіи назначенныхъ ими депутатовъ, а разработку каждаго изъ этихъ мѣстныхъ положеній возложить на особую правительственную комиссію, учрежденную при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Ростовцовъ нашелъ этотъ проектъ слишкомъ сложнымъ и неудобоисполнимымъ. При девяти комиссіяхъ, хотя бы и собранныхъ въ одномъ министерствѣ и дѣйствующихъ подъ общимъ руководствомъ управляющаго земскимъ отдѣломъ (Соловьева), по независимо одна отъ другой, можно было ожидать большихъ разномыслій даже въ основныхъ ихъ взглядахъ; да и Главному Комитету при отдѣльномъ утвержденіи каждаго изъ 9 положеній было бы очень трудно убѣдиться, вызываются ли особенности этихъ положеній различіемъ мѣстныхъ условій, или же просто различіями взглядовъ членовъ и предсѣдателей отдѣльныхъ комиссій,—лицъ, принадлежавшихъ преимущественно къ столичной бюрократіи.

Итакъ, предложеніе Соловьева не было принято, и вопросъ о томъ, кому и какъ разсматривать „положенія губернскихъ комитетовъ“, остался открытымъ.

Съ половины октября 1858 г., т.-е. съ открытія засѣданій Главнаго Комитета подъ предсѣдательствомъ самого Государя, я понялъ, что сдѣлался необходимымъ и ежедневнымъ сотрудникомъ-добровольцемъ Я. И. Ростовцова по крестьянскому дѣлу: получая отъ Государя представляемые Ему проекты положеній губернскихъ комитетовъ, Ростовцовъ считалъ своимъ долгомъ по каждому изъ нихъ представлять Государю записку съ изложеніемъ существа этихъ проектовъ и ихъ оцѣнкою, составленіе же этихъ записокъ возложилъ на меня. Это сдѣлало необходимыми ежедневныя мои съ нимъ совѣщанія о самомъ существѣ „положеній губернскихъ комитетовъ“, съ которыми Ростовцовъ знакомился по моимъ разъясненіямъ столь основательно, что такой добросовѣстной подготовки для обсужденія крестьянскаго дѣла въ Главномъ Комитетѣ никто кромѣ него, конечно, не имѣлъ.

Пользуясь авторитетомъ близкаго знакомства со всѣми проектами положеній губернскихъ комитетовъ, я могъ уже настоятельно

высказать Ростовцову, что считаю отдѣльное разсмотрѣніе Главнымъ Комитетомъ или даже его комиссіей изъ четырехъ членовъ, а тѣмъ болѣе отдѣльное утвержденіе положеній губернскихъ комитетовъ—невозможнымъ, такъ какъ оно произвело бы страшный хаосъ въ крестьянскомъ дѣлѣ по всей Россіи. Поэтому я полагалъ, что законопроектъ объ освобожденіи крестьянъ долженъ быть одинъ для всей имперіи, но что онъ можетъ состоять изъ трехъ частей: *юридической*, опредѣляющей права крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, какъ личныя, такъ и имущественныя; *административной*, опредѣляющей административное устройство и управленіе освобождаемыхъ крестьянъ, и, что всего важнѣе, *хозяйственной*, устанавливающей поземельныя (аграрныя) отношенія между крестьянами и помѣщиками. Только въ отношеніи послѣдней я полагалъ возможнымъ допустить нѣкоторыя различія въ разныхъ частяхъ Россіи, вызванныя мѣстными особенностями каждой. Конечно, основнымъ матеріаломъ при составленіи общаго, единаго для всей Россіи крестьянскаго Положенія должны были служить труды губернскихъ комитетовъ, но при этомъ не слѣдовало стѣсняться тѣмъ, что предположенія мѣстныхъ дворянствъ исходятъ или отъ большинства, или отъ меньшинства призванныхъ къ обсужденію предстоящей реформы дворянъ-помѣщиковъ; стѣсняться этимъ не слѣдовало и потому, что при обсужденіи крестьянскаго дѣла въ губернскихъ комитетахъ интересы крестьянъ никѣмъ представлены не были, кромѣ тѣхъ немногихъ великодушныхъ дворянъ-помѣщиковъ, которые, подобно тому, какъ это было въ Римской исторіи, будучи по своему рожденію патриціями, являлись трибунами плебеевъ, а потому могли составить только меньшинство въ составѣ исключительно дворянскихъ учрежденій.

Я. И. Ростовцовъ, сознавая, что отдѣльное утвержденіе проекта каждаго губернскаго комитета, даже и со значительными исправленіями, совершенно немыслимо, пришелъ къ заключенію, что и составленіе 9 законопроектовъ 9 особыми комиссіями также можетъ повести къ нежелаемымъ результатамъ; въ виду этого онъ согласился съ тѣмъ, что правительственное учрежденіе, состоящее изъ лицъ, хорошо и спеціально знакомыхъ съ бытомъ крестьянъ и обладающихъ основательными юридическими познаніями, должно составить одинъ законопроектъ для всей имперіи; законопроектъ этотъ долженъ быть раздѣленъ по различію предметовъ, которыхъ

касаются реформы, и, сверхъ того, необходимо особую часть его посвятить вопросу выкупа крестьянами земель, закрѣпленныхъ въ ихъ пользованіе.

Послѣ продолжительнаго обсужденія этого вопроса Ростовцовъ поручилъ мнѣ составить для него записку о предполагаемомъ мною порядкѣ составленія общаго для всей имперіи законоположенія объ освобожденіи крестьянъ и устройствѣ ихъ быта; записка эта должна была послужить ему матеріаломъ для выраженія передъ Государемъ Императоромъ его окончательнаго мнѣнія по этому предмету, тѣмъ болѣе, что онъ ожидалъ, что подобная же записка будетъ представлена Государю и министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Съ увлеченіемъ взялся я за возложенныя на меня Ростовцовымъ работы, отдавъ имъ всѣ свои знанія и всю свою трудоспособность.

Записки съ изложеніемъ содержанія проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ изготовлялись мною очень быстро, по мѣрѣ ихъ полученія. Въ нихъ излагалось очень кратко, по каждой губерніи въ отдѣльности, что̀ предлагало большинство и меньшинство комитетовъ, а также разъяснялось и то, какъ осуществленіе этихъ „положеній“ можетъ отразиться на благосостояніи крестьянъ съ точки зрѣнія экономической и хозяйственной. Никакихъ сравненій законопроектовъ между собою и никакихъ обобщеній у меня не было, да и не могло быть, потому что число поступившихъ проектовъ было еще очень невелико. Ростовцовъ дополнялъ иногда мое изложеніе своими мѣткими замѣчаніями. Государь съ удовольствіемъ читалъ краткое и ясное, благодаря простотѣ изложенія, содержаніе каждаго проекта, и представленіе этихъ записокъ продолжалось непрерывно до февраля 1859 г. Собственноручныя объясненія и замѣтки Ростовцова принесли особенную пользу крестьянскому дѣлу, такъ какъ Государь быстро усвоилъ Себѣ взглядъ Ростовцова на главные предстоявшіе разрѣшенію правительства вопросы. По мѣрѣ ознакомленія Государя съ главнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ, а именно съ вопросомъ объ обезпеченіи крестьянъ землею, росло и вліяніе Ростовцова въ Главномъ Комитетѣ. Журналы Комитета отъ 18, 19, 24 и даже 26 октября являлись еще преимущественно отголоскомъ тѣхъ соображеній, которыя Ростовцовъ высказалъ Государю въ своихъ письмахъ, и только въ журналѣ 4 декабря выразился болѣе опредѣленно полный поворотъ взглядовъ Ростовцова

въ пользу необходимости земельнаго освобожденія крестьянъ путемъ выкупа ими, при содѣйствіи правительства, закрѣпленныхъ въ ихъ пользованіе земельныхъ надѣловъ.

Только въ декабрѣ 1858 г. я представилъ Ростовцову составленную мною записку о порядкѣ разсмотрѣнія законопроектовъ губернскихъ комитетовъ. Въ этой запискѣ я доказывалъ съ глубокимъ убѣжденіемъ:

1) что проекты губернскихъ комитетовъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы и утверждаемы отдѣльно для каждой губерніи, ни даже отдѣльно по 9 группамъ губерній, какъ было предложено Соловьевымъ;

2) что разсмотрѣніе законопроектовъ губернскихъ комитетовъ должно начаться съ составленія полнаго ихъ свода попредметно и съ собранія въ самомъ непродолжительномъ времени необходимыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ наиболѣе важными представлялись собранныя по однообразнымъ для цѣлой Россіи программамъ свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ;

3) что затѣмъ дóлжно приступить къ составленію одного для цѣлой Россіи законопроекта объ освобожденіи крестьянъ, при чемъ, конечно, можетъ быть допущено раздѣленіе его на слѣдующія части: общее положеніе, относящееся къ юридическому опредѣленію правъ крестьянъ и административному ихъ устройству, и отдѣлъ частный или мѣстный, заключающій въ себѣ устройство хозяйственнаго быта крестьянъ, отношеніе ихъ къ землѣ, закрѣпленной въ ихъ пользованіе, и установленіе ихъ повинностей помѣщикамъ до выкупа крестьянскихъ земель въ ихъ собственность, при чемъ правила этого выкупа могутъ составить отдѣльную часть законопроекта;

4) что составленіе общаго для всей имперіи положенія объ освобожденіи крестьянъ слѣдуетъ возложить на особое внѣвѣдомственное учрежденіе, въ составъ котораго должны входить не одни чиновники, назначенные подлежащими министерствами, къ предметамъ вѣдомства которыхъ относится крестьянское дѣло, но въ неменьшемъ количествѣ и свѣдущія лица, знакомыя съ бытомъ крестьянъ и взятыя преимущественно изъ тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые обнаружили свое безпристрастіе и свое сочувствіе великому дѣлу освобожденія крестьянъ;

5) такое временное учрежденіе должно естественно составить низшую инстанцію существующаго уже законодательнаго учрежденія

по крестьянскому дѣлу, т.-е. Главнаго Комитета, но во время исполненія своей задачи должно работать совершенно самостоятельно и быть обезпечено отъ всякаго вмѣшательства высшей инстанціи и отдѣльныхъ ея членовъ, не входящихъ въ составъ предполагаемой Комиссіи;

6) только по составленіи общаго законопроекта объ освобожденіи крестьянъ могутъ быть вызваны представители какъ отъ большинства, такъ и отъ меньшинства губернскихъ комитетовъ для представленія своихъ замѣчаній на законопроектъ, который, по пересмотрѣ, исправленіи и окончательномъ редактированіи его, долженъ быть внесенъ на утвержденіе Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта.

Эта записка, представленная мною Ростовцову еще до 1 января 1859 г., въ значительной степени соотвѣтствовала его новымъ взглядамъ, но въ особенности понравилось ему высказанное мною предложеніе о томъ, чтобы комиссія, на которую должно быть возложено составленіе законопроекта положенія объ освобожденіи крестьянъ, состояла не изъ однихъ только чиновниковъ, но на половину и изъ свѣдущихъ лицъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи и взятыхъ по преимуществу изъ состава губернскихъ комитетовъ, а также, чтобы исходной точкою составленія одного общаго для цѣлой Россіи положенія объ освобожденіи крестьянъ служилъ составленный комиссіей систематическій (попредметный) сводъ положеній губернскихъ комитетовъ.

Ростовцову моя записка послужила матеріаломъ для составленія его собственной, которую онъ подалъ Государю въ январѣ 1859 г. и которую онъ пополнилъ предложеніемъ образовать для составленія одного общаго положенія объ освобожденіи крестьянъ двѣ комиссіи: одну, которая опредѣлила бы юридическія права и административное устройство освобождаемыхъ крестьянъ, и другую для составленія законоположеній, касающихся хозяйственнаго быта крестьянъ, надѣленія ихъ землею, ихъ обезпечивающею, и ихъ повинностей помѣщикамъ до выкупа ихъ надѣльныхъ земель, осуществленіе котораго могло бы быть въ свою очередь возложено на особую комиссію.

Записка эта была написана съ тою простотою и ясностью, которая характеризовала всѣ собственноручныя записки Ростовцова Государю, и была удержана Имъ, съ цѣлью передать ее свое-

временно на обсужденіе Главнаго Комитета, такъ какъ Государь уже ранѣе того разрѣшилъ министру внутреннихъ дѣлъ подать Ему записку по тому же предмету,—записку, которую теперь ожидалъ и Ростовцовъ.

Докладная записка министра внутреннихъ дѣлъ была составлена и редактирована всецѣло Н. А. Милютинымъ, и хотя составители обѣихъ записокъ, представленныхъ Государю по этому предмету, не сходились и даже не видѣлись другъ съ другомъ, но въ общихъ чертахъ ихъ соображенія имѣли между собою поразительное сходство. Обѣ записки настаивали на необходимости выработки одного общаго для всей Россіи законопроекта объ освобожденіи крестьянъ и полагали возложить составленіе этого законопроекта на внѣвѣдомственную комиссію, которая состояла бы въ равномъ числѣ изъ представителей подлежащихъ министерствъ, назначенныхъ министрами, и изъ свѣдущихъ людей (членовъ-экспертовъ) изъ числа дворянъ-помѣщиковъ, не состоящихъ на государственной службѣ и вызванныхъ отъ имени Государя изъ разныхъ концовъ Россіи.

Обѣ составленныя Государю въ январѣ 1859 г. докладныя записки объ образованіи Комиссій для составленія положенія объ освобожденіи крестьянъ отличались, однакоже, одна отъ другой тѣмъ, что записка Ростовцова не пріурочивала этихъ Комиссій, во все время ихъ работъ, непосредственно къ какому бы то ни было учрежденію, а записка Милютина пріурочивала ихъ къ Главному Комитету и предполагала поставить ихъ подъ предсѣдательство завѣдывающаго дѣлами Комитета, статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго, къ которому долженъ былъ быть присоединенъ, въ качествѣ непремѣннаго члена, Я. А. Соловьевъ, управлявшій исполнительнымъ органомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, земскимъ отдѣломъ. Такимъ образомъ Н. А. Милютинъ, разсчитывая обезпечить успѣхъ представленія Ланского своими близкими и дружескими отношеніями съ нарѣченнымъ предсѣдателемъ Комиссій—С. М. Жуковскимъ—и кромѣ того предварительнымъ согласіемъ на всю эту комбинацію государственнаго секретаря Буткова,—былъ увѣренъ, что ему удастся удержать всю судьбу крестьянскаго дѣла въ рукахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и что онъ самъ, будучи назначенъ членомъ Комиссій отъ этого министерства, будетъ принимать самое вліятельное участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу, въ качествѣ лидера партіи, сочувствующей великой задачѣ.

Записка Милютина была представлена Ланскимъ предварительно въ Главный Комитетъ, которымъ была одобрена 4 февраля 1859 г., и затѣмъ дошла до Государя въ февралѣ 1859 г., т.-е. въ то время, когда записка Ростовцова уже находилась въ рукахъ Его. Прочтя внимательно записку Ланского и убѣдившись, что обѣ записки весьма мало расходятся въ предлагаемомъ ими способѣ разсмотрѣнія крестьянскаго дѣла, Государь рѣшился утвердить одобренную Главнымъ Комитетомъ записку Ланского, но призвалъ предварительно къ себѣ Я. И. Ростовцова и сказалъ ему, что Онъ готовъ утвердить представленіе министра внутреннихъ дѣлъ и Главнаго Комитета, но лишь въ томъ случаѣ, если Я. И. Ростовцовъ согласится быть председателемъ Редакціонныхъ Коммиссій.

Ростовцовъ отвѣтилъ Государю, что, не будучи достаточно знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ, онъ чувствуетъ себя не довольно подготовленнымъ для принятія на себя такого труднаго и многосложнаго дѣла, столь неожиданно предложеннаго ему Государемъ, и что, во всякомъ случаѣ, проситъ дать ему три дня на размышленіе, прежде чѣмъ отвѣтить окончательно Государю на Его предложеніе. Государь согласился и сказалъ, что будетъ ожидать окончательнаго отвѣта Ростовцова къ 15 февраля 1859 года.

12 февраля до полудня я былъ удивленъ тѣмъ, что Ростовцовъ пришелъ самъ ко мнѣ въ мою скромную квартиру, находившуюся во 2-й линіи у Большого проспекта, слѣдовательно, недалеко отъ мѣстожительства Ростовцова (дома главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній въ Кадетской линіи, противъ Большого проспекта). Онъ мнѣ передалъ дословно весь свой разговоръ съ Государемъ и прибавилъ, что онъ, какъ мнѣ извѣстно, не имѣетъ рѣшительно никого, кому онъ могъ бы, кромѣ меня, по установившимся между нами отношеніямъ, сообщить всѣ тяжелыя для него сомнѣнія, препятствующія ему принять предложеніе Государя. Поэтому онъ и пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я былъ совершенно пораженъ такимъ необыкновеннымъ довѣріемъ Ростовцова въ самую рѣшительную для него минуту и только тутъ понялъ, что сдѣлался для Ростовцова, въ силу его одиночества, тѣмъ же, чѣмъ онъ самъ былъ для Государя. Тогда для меня стало яснымъ все, что происходило у него на душѣ.

Прежде чѣмъ высказать требуемое отъ меня мнѣніе, я просилъ Ростовцова сказать мнѣ, какія онъ самъ чувствуетъ сомнѣнія и въ

чемъ онъ видитъ препятствія къ принятію предложенія Государя. Онъ прежде всего указалъ на полное свое незнакомство съ крестьянскимъ бытомъ, а потому и незнаніе всего того, что̀ можетъ обезпечить истинную свободу и экономическое благосостояніе крестьянъ. Затѣмъ онъ указалъ мнѣ на свою неопытность въ предсѣдательствованіи собраніемъ людей, отъ него независимыхъ, изъ которыхъ почти каждый явится болѣе опытнымъ и компетентнымъ, чѣмъ онъ, въ подлежащихъ разрѣшенію вопросахъ. Вотъ почему онъ не можетъ рѣшиться принять на свою отвѣтственность передъ Государемъ и всею Россіей руководство такимъ великимъ дѣломъ, отъ котораго надолго будетъ зависѣть судьба русскаго народа.

Послѣ этого объясненія я рѣшился высказать Ростовцову свое личное мнѣніе.

Такъ какъ въ настоящее время уже съ полной ясностью опредѣляется самостоятельная роль будущихъ Редакціонныхъ Комиссій въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, то не особенно трудно опредѣлить и то, что̀ выпадаетъ въ ней на долю ихъ предсѣдателя.

Отъ него требуется, прежде всего, совершенно самостоятельное служебное положеніе. Онъ не долженъ принадлежать ни къ какому министерству или вѣдомству въ качествѣ подчиненнаго лица, а также не долженъ стоять во главѣ какого бы то ни было министерства, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находится нынѣ крестьянское сословіе. Далѣе, отъ него требуется беззавѣтная преданность великому дѣлу освобожденія крестьянъ и, наконецъ, всего болѣе,— полное знакомство со стремленіями и намѣреніями Царя-Освободителя и полное Его довѣріе, безъ котораго вся работа Редакціонныхъ Комиссій не можетъ принести никакой пользы.

Конечно, весьма важно было бы, чтобы предсѣдатель Комиссій обладалъ полнымъ знаніемъ крестьянскаго быта и обширными юридическими, историческими и финансовыми свѣдѣніями.

Если бы имѣлся въ виду въ настоящее время въ Россіи человѣкъ, вполнѣ подходящій подъ всѣ эти условія, то я не сомнѣваюсь, что Яковъ Ивановичъ указалъ бы на него при первыхъ же переговорахъ по этому дѣлу съ Государемъ, но такого человѣка, къ сожалѣнію, не существуетъ. Всего болѣе подходилъ бы подъ упомянутыя условія графъ П. Д. Киселевъ, но, по своей старости и служебному положенію, онъ, конечно, какъ извѣстно Государю, не возьмется за это дѣло. Всѣ же другія лица прямо не подхо-

дятъ подъ высказанныя условія. Комбинація же, предполагаемая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не выдерживаетъ критики. Она поставила бы все учрежденіе, на которое возлагается совершенно самостоятельная законодательная работа, въ полную зависимость отъ государственнаго секретаря, которому подчиненъ непосредственно статсъ-секретарь Жуковскій, и не ограждала бы Редакціонныхъ Коммиссій отъ безпрестаннаго вмѣшательства отдѣльныхъ членовъ Главнаго Комитета во все время работъ, которыя должны рѣшить участь русскаго народа.

Основываясь на всемъ вышесказанномъ, я высказалъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что Я. И. Ростовцову не слѣдуетъ отказываться отъ предложенія Государя, тѣмъ болѣе, что отъ него будетъ зависѣть дополнить недостатокъ своихъ знаній хорошимъ выборомъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, изъ которыхъ бо̀льшая половина должна состоять изъ свѣдущихъ людей, не зависящихъ ни отъ какихъ вѣдомствъ, и оградить этихъ лицъ отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ работу какихъ бы то ни было правительственныхъ лицъ и учрежденій. Такимъ образомъ предсѣдатель Коммиссій явится не въ роли составителя законопроекта, а въ роли регулятора работъ вполнѣ компетентнаго коллегіальнаго учрежденія и, что всего важнѣе, въ роли посредника между нимъ и Царемъ-Освободителемъ, которому будетъ принадлежать послѣднее слово въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Бесѣда наша съ Яковомъ Ивановичемъ продолжалась часа два; онъ сдѣлалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ и высказалъ со свойственной ему простотою и чистосердечіемъ всѣ свои сомнѣнія, но разговоръ нашъ окончился тѣмъ, что онъ рѣшился принять предложеніе Государя и отдать всѣ свои силы служенію великому дѣлу, въ полной увѣренности, что, при его впечатлительности и тревожномъ характерѣ, онъ не переживетъ окончанія принимаемой имъ на себя задачи. При этомъ онъ еще оговорился, что приметъ на себя возлагаемое на него тяжкое бремя только при одномъ условіи: чтобы и я послѣдовалъ его примѣру и, пожертвовавъ своей свободою и независимостью, принялъ бы на себя обязанности правителя дѣлъ Редакціонныхъ Коммиссій.

Настала моя очередь высказать свои сомнѣнія; я сказалъ, что хотя я и признаю свое знакомство съ бытомъ крестьянъ и экономическими условіями различныхъ частей нашего обширнаго отече-

ства, но, съ другой стороны, совершенно неопытенъ въ канцелярскомъ дѣлѣ, такъ какъ до сихъ поръ никогда не состоялъ на государственной службѣ ни въ какомъ министерствѣ; поэтому я прошу Ростовцова дать мнѣ хотя бы одинъ день на размышленіе, въ виду того, что его предложеніе для меня совершенно неожиданно. Ростовцовъ согласился на это, тѣмъ болѣе, что у него самого было еще въ запасѣ два дня, и въ это время ему хотѣлось и самому обдумать все и собраться съ силами, въ виду близкаго свиданія и окончательныхъ переговоровъ съ Государемъ.

Когда Ростовцовъ ушелъ отъ меня, я, не медля, отправился къ графу Ѳ. П. Литке, съ цѣлью устранить единственное препятствіе къ выраженію мною согласія на предложеніе Я. И. Ростовцова. Препятствіе это заключалось въ слѣдующемъ. Я внесъ въ совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества проектъ новой экспедиціи для болѣе полнаго изслѣдованія Тянъ-Шана въ китайскихъ предѣлахъ, доказывая, что такая экспедиція совершенно осуществима, согласно признанному китайскимъ правительствомъ праву доступа русскихъ въ застѣнную часть Китайской имперіи. Проектъ экспедиціи былъ поставленъ мною столь же широко, какъ впослѣдствіи проекты смѣлыхъ экспедицій Н. М. Пржевальскаго. Вопросъ мой, обращенный къ графу Литке, состоялъ въ томъ, какъ относится къ моему предложенію совѣтъ И. Р. Г. О. и его предсѣдатель. Графъ Литке отвѣтилъ мнѣ съ полной опредѣленностью, что какъ совѣтъ Общества, такъ и онъ самъ отнеслись къ моему предложенію съ полнымъ сочувствіемъ и, конечно, желали бы поставить меня во главѣ преполагаемой экспедиціи, если бы Географическое Общество имѣло возможность снарядить ее въ непродолжительномъ времени. Но, къ сожалѣнію, въ настоящее время къ снаряженію экспедиціи встрѣчаются непреодолимыя препятствія, во-первыхъ, потому что оно встрѣтитъ сильное возраженіе со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ, которое боится всякихъ осложненій въ своихъ отношеніяхъ къ китайскому правительству, а во-вторыхъ, потому что Общество, не имѣя собственныхъ свободныхъ средствъ на снаряженіе такой экспедиціи, вынуждено будетъ обратиться за средствами къ министерству финансовъ, которое, ссылаясь на свои громадные дефициты, едва ли согласится на ассигнованіе Обществу необходимыхъ средствъ. Въ виду всего этого, графъ Литке не находилъ возможности снаряженія предлагаемой

мною грандіозной экспедиціи не только въ 1859 и 1860 гг., но и вообще въ ближайшемъ будущемъ. Категорическій отвѣтъ графа Литке развязалъ мнѣ руки, и на другой день въ 8 час. утра я былъ уже у Я. И. Ростовцова съ изъявленіемъ согласія на его предложеніе. На слѣдующій день Ростовцовъ былъ у Государя и выразилъ свое согласіе на назначеніе его предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій.

17 февраля 1859 г. Императоръ Александръ II на представленіи Ланского объ учрежденіи Редакціонныхъ Комиссій по крестьянскому дѣлу положилъ свою резолюцію: „Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы предсѣдателемъ ихъ былъ Я. И. Ростовцовъ“. Представленіе Ланского съ резолюціею Государя было возвращено въ Главный Комитетъ, которымъ оно было предварительно одобрено, и попало для исполненія въ руки умнаго и опытнаго государственнаго секретаря В. П. Буткова, который со свойственнымъ ему тактомъ увидѣлъ, что при назначеніи предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій лица, столь близкаго Государю, какимъ былъ Я. И. Ростовцовъ, ихъ компетенція должна расшириться, и все учрежденіе во время исполненія порученной ему задачи должно стать въ совершенно независимое отъ какихъ бы то ни было государственныхъ учрежденій положеніе. Въ этомъ смыслѣ Бутковъ и составилъ всеподданнѣйшій докладъ, утвержденный непосредственно самимъ Государемъ. Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Редакціонныхъ Комиссій и назначеніи ген.-ад. Ростовцова ихъ предсѣдателемъ, если, какъ значилось въ Высочайшемъ повелѣніи, „онъ на то будетъ согласенъ“, было сообщено Ростовцову предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта кн. Орловымъ; отвѣтный отзывъ Ростовцова кн. Орлову былъ имъ представленъ Государю. Императоръ Александръ II сдѣлалъ на этомъ отзывѣ слѣдующую собственноручную помѣтку, которая характеризовала отношеніе Государя къ избранному Имъ предсѣдателю Комиссій и къ крестьянскому дѣлу: „Искренно благодарю его, что онъ принялъ на себя эту тяжелую обузу. Къ благороднымъ его чувствамъ Я давно привыкъ. Да поможетъ ему Богъ оправдать Мое довѣріе и Мои надежды“.

Такимъ образомъ возникло доселѣ небывалое въ Россіи временное законодательное учрежденіе, которое было поставлено на время составленія законопроектовъ объ освобожденіи крестьянъ внѣ всякой зависимости отъ главнаго въ Россіи законодательнаго

учрежденія—Государственнаго Совѣта и отъ Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, бывшаго какъ бы департаментомъ Государственнаго Совѣта; притомъ оно было составлено преимущественно изъ призванныхъ изъ разныхъ частей Россіи свѣдущихъ людей (членовъ-экспертовъ) и дополнено представителями немногихъ министерствъ. Это временное учрежденіе подчинялось предсѣдателю, назначенному вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ начальникомъ Комиссій и имѣвшему по ихъ дѣламъ личные доклады у самого Государя. Названный же въ докладѣ Ланского статсъ-секретарь Жуковскій и управляющій земскимъ отдѣломъ Соловьевъ были назначены непремѣнными членами Комиссій, а на меня было возложено все дѣлопроизводство послѣднихъ, въ качествѣ завѣдывающаго дѣлами Комиссій; вслѣдъ затѣмъ я былъ приглашенъ Ростовцовымъ отъ имени Государя и въ члены-эксперты оныхъ.

Назначая меня на мою должность по представленію Ростовцова, Государь заявилъ ему, что предоставляетъ ему не только выборъ члена-дѣлопроизводителя Комиссій, но и вообще выборъ всѣхъ членовъ-экспертовъ, которыхъ разрѣшаетъ ему приглашать въ составъ Комиссій отъ имени самого Государя. Что же касается членовъ, назначенныхъ подлежащими министрами (внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, Императорскаго двора и удѣловъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и главноуправляющихъ II и IV отдѣленіями Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи), то по Высочайшему повелѣнію они должны были назначаться по соглашенію этихъ министровъ и главноуправляющихъ съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій.

Первою заботою только-что назначеннаго предсѣдателя было формировать, какъ можно скорѣе, составъ Редакціонныхъ Комиссій.

Всѣ трое первоприглашенныхъ Высочайшими повелѣніями въ составъ Редакціонныхъ Комиссій были близко извѣстны Я. И. Ростовцову. Съ Жуковскимъ онъ очень сблизился во время своей прежней дѣятельности въ Главномъ Комитетѣ, съ Соловьевымъ онъ познакомился, возражая противъ его предложеній, вносимыхъ въ Главный Комитетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ, а меня онъ самъ привлекъ съ осени 1858 г., съ особымъ довѣріемъ, въ ближайшіе свои сотрудники по крестьянскому дѣлу.

С. М. Жуковскій оказался впослѣдствіи однимъ изъ самыхъ крупныхъ дѣятелей въ исторіи освобожденія крестьянъ, и характери-

стика его личности является здѣсь умѣстною. Родился онъ въ 1818 г. въ Витебской губерніи въ помѣстьи своихъ родителей, принадлежавшихъ къ польскому дворянскому роду. Съ юношескихъ лѣтъ онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ воспитывался въ благородномъ пансіонѣ С.-Петербургскаго университета. Окончивъ тамъ среднее образованіе, онъ поступилъ на службу, сначала въ канцелярію намѣстника Царства Польскаго, затѣмъ въ канцелярію комитета министровъ и, наконецъ, въ государственную канцелярію.

Воспитаніе и двадцатилѣтнее пребываніе Жуковскаго въ Петербургѣ, гдѣ онъ вращался въ средѣ столичной интеллигенціи, выработало изъ него совершенно русскаго человѣка, сохранившаго только свою католическую религію. Но при этомъ, посѣщая нерѣдко свое Витебское помѣстье, онъ удержалъ корни въ своей родной бѣлорусской землѣ, внимательно изучивъ тамъ бытъ крестьянъ, и къ окончанію крымской войны сдѣлался уже вмѣстѣ съ лучшими людьми русской интеллигенціи убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Замѣчательная трудоспособность Жуковскаго обратила на него вниманіе Главнаго Комитета, въ канцелярію котораго онъ былъ назначенъ на помощь государственному секретарю Буткову, для дѣлопроизводства. Вотъ почему Жуковскій и былъ представленъ членомъ Комитета, министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ, по соглашенію съ предсѣдателемъ онаго, княземъ А. Ф. Орловымъ, Императору Александру II въ качествѣ кандидата на должность предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій.

Когда же этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ Государемъ иначе, и предсѣдателемъ Комиссій былъ назначенъ Ростовцовъ, то Жуковскій, войдя въ составъ Комиссій въ качествѣ непремѣннаго члена ихъ, былъ назначенъ Ростовцовымъ предсѣдателемъ юридическаго отдѣленія.

Во время своихъ двухлѣтнихъ занятій въ этомъ качествѣ Жуковскій принесъ большую пользу великому дѣлу, къ которому былъ призванъ. Онъ, конечно, не имѣлъ ни дальновидности и проницательности Ростовцова, ни широкаго государственнаго ума и геніальности соображеній Милютина, ни обширнаго образованія и философскаго ума Самарина, ни глубокаго знанія быта и исторіи русскаго народа и геніальной находчивости князя Черкасскаго, но, будучи умнымъ и просвѣщеннымъ бюрократомъ, онъ, стоя во главѣ

работъ юридическаго отдѣленія, умѣлъ вносить въ нихъ свой полезный трудъ, съ одной стороны, опираясь на глубокія познанія двухъ лучшихъ юристовъ Комиссій, М. Н. Любощинскаго и Н. В. Калачова, а съ другой стороны, идя все время рука объ руку съ высокоталантливымъ лидеромъ нашихъ Комиссій Н. А. Милютинымъ, обаятельному вліянію котораго онъ подчинялся, оставаясь во всѣхъ критическихъ случаяхъ его вѣрнымъ другомъ. Но главная заслуга Жуковскаго въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ началась со времени перехода этого дѣла въ Главный Комитетъ. Здѣсь Жуковскому и его помощнику К. П. Домонтовичу удалось съ беззавѣтной преданностью великому дѣлу и самоотверженіемъ охранить выработанный со столь героическими усиліями законопроектъ отъ всякихъ попытокъ противниковъ земельнаго освобожденія крестьянъ сокрушить или исказить его.

Наконецъ, и послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г. Жуковскій въ теченіе 16 лѣтъ стоялъ вѣрно и непоколебимо на стражѣ происходившаго въ это время великаго процесса освобожденія крестьянъ, въ качествѣ статсъ-секретаря, управляющаго дѣлами Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, до самой своей кончины, происшедшей въ 1877 г. Исторія крестьянскаго дѣла сохранитъ благодарное воспоминаніе объ его всегда безукоризненной дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Подборъ Ростовцовымъ членовъ отъ правительства въ Редакціонныя Комиссіи и соглашенія его по этому предмету съ министрами и главноуправляющими.—Представители министерствъ и главныхъ управленій: отъ министерства внутр. дѣлъ Н. А. Милютинъ и А. К. Гирсъ; отъ министерства юстиціи М. Н. Любощинскій и Н. П. Семеновъ; отъ министерства финансовъ Ю. А. Гагемейстеръ и Е. И. Ламанскій; отъ департамента госуд. экономіи Государственнаго Совѣта А. П. Заблоцкій-Десятовскій и впослѣдствіи К. П. Домонтовичъ; отъ министерства госуд. имуществъ Н. Н. Павловъ и В. И. Булыгинъ; отъ II отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества Н. В. Калачовъ и А. Н. Поповъ; отъ министерствъ двора и удѣловъ П. П. Арапетовъ; отъ IV отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества Н. А. Христофари.—Характеристика всѣхъ этихъ дѣятелей.

Свою дѣятельность по формированію Редакціонныхъ Комиссій Я. И. Ростовцовъ началъ съ совѣщаній съ подлежащими семью министрами и главноуправляющими о назначеніи въ Комиссіи членовъ отъ правительства. Всѣ семь, не называя своихъ кандидатовъ, обратились къ Ростовцову съ вопросомъ, кого онъ желалъ бы имѣть членами Комиссій изъ состава ихъ министерствъ или вѣдомствъ. Не желая облечь переговоры по этому щекотливому вопросу въ форму письменныхъ сношеній, Ростовцовъ рѣшился командировать меня, какъ завѣдывающаго дѣлами Комиссій, къ каждому изъ министровъ и главноуправляющихъ для словесныхъ переговоровъ.

На первой очереди было министерство внутреннихъ дѣлъ. По отношенію къ нему Ростовцовъ безо всякихъ колебаній поручилъ мнѣ категорически заявить С. С. Ланскому, что онъ не только желаетъ, но и считаетъ необходимымъ назначеніе въ Комиссіи членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютина, какъ потому, что онъ, Ростовцовъ, признаетъ его самымъ талантливымъ

изъ извѣстныхъ ему сторонниковъ освобожденія крестьянъ, такъ и потому, что онъ увѣренъ, что при дѣятельномъ участіи Милютина въ законодательной работѣ, Комиссіи будутъ идти рука объ руку съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. При этомъ Ростовцовъ выразилъ мнѣ свое убѣжденіе въ томъ, что Милютинъ, ставя выше всего успѣхъ великаго дѣла, перестанетъ быть его смертельнымъ врагомъ, какимъ онъ былъ доселѣ лишь по недоразумѣнію.

На выраженное мною сомнѣніе въ дѣйствительности враждебныхъ дѣйствій Милютина противъ Якова Ивановича, послѣдній подтвердилъ свою увѣренность, передавъ мнѣ на разсмотрѣніе секретныя данныя, сообщенныя ему по Высочайшему повелѣнію шефомъ жандармовъ княземъ В. А. Долгоруковымъ, устанавливавшія участіе Милютина и въ особенности Кавелина въ диффамаціи личности Ростовцова, проводившейся на страницахъ „Колокола". Но, разумѣется, не въ характерѣ людей, отдавшихъ беззавѣтно свои силы великому дѣлу освобожденія крестьянъ, было помнить о своихъ бывшихъ враждебныхъ отношеніяхъ въ ту минуту, когда дѣло шло о достиженіи общей и святой для нихъ цѣли.

Что же касается выбора второго члена Редакціонныхъ Комиссій отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то Ростовцовъ спросилъ моего мнѣнія по этому предмету, такъ какъ я ближе него былъ знакомъ съ составомъ министерства; я, не колеблясь, указалъ на старшаго чиновника особыхъ порученій при министрѣ, А. К. Гирса, выдающагося по своему уму, образованію, трудоспособности и душевнымъ качествамъ. Ростовцовъ, впрочемъ, уже давно зналъ А. К. Гирса съ лучшей стороны и съ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе, и я немедленно поѣхалъ къ С. С. Ланскому съ предложеніемъ этихъ двухъ кандидатовъ отъ имени предсѣдателя Комиссій.

Удивленіе и удовольствіе почтеннаго старика было совершенно трогательно, такъ какъ онъ зналъ о непримиримыхъ, повидимому, враждебныхъ отношеніяхъ между Милютинымъ и Ростовцовымъ и не ожидалъ отъ послѣдняго такого великодушнаго отношенія къ своему врагу, да и самъ Милютинъ, вовлеченный во вражду къ Ростовцову своею страстностью и стремленіемъ къ высокой цѣли, былъ глубоко тронутъ великодушіемъ послѣдняго и побѣжденъ силою его христіанской любви и такою же, какъ и у Милютина,

беззавѣтной готовностью отдать съ самозабвеніемъ всю свою жизнь на служеніе отечеству и русскому народу.

Относительно второго кандидата отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Ланской принялъ предложеніе предсѣдателя Комиссій съ особымъ удовольствіемъ, потому что былъ высокаго мнѣнія о качествахъ А. К. Гирса и зналъ его, какъ друга Милютина, вслѣдствіе чего былъ увѣренъ, что, согласно желанію Я. И. Ростовцова, Редакціонныя Комиссіи и министерство внутреннихъ дѣлъ будутъ пребывать отнынѣ въ неразрывномъ союзѣ, который поможетъ имъ побѣдить всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ великаго дѣла земельнаго освобожденія крестьянъ. Такимъ образомъ Н. А. Милютинъ и А. К. Гирсъ были назначены членами Редакціонныхъ Комиссій, а Яковъ Ивановичъ поспѣшилъ выразить полное довѣріе своему новому и высокоталантливому сотруднику Милютину, назначивъ его предсѣдателемъ хозяйственнаго отдѣленія Редакціонныхъ Комиссій, которое служило главною лабораторіею работъ, долженствовавшихъ разрѣшить самый главный и сложный вопросъ, возложенный на Комиссіи, а именно *аграрный*.

Характеристику Милютина я уже имѣлъ случай изложить въ I-й главѣ моихъ записокъ (стр. 9—15). Что же касается характеристики А. К. Гирса, оказавшагося однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ Комиссій, то я нахожу, что она будетъ здѣсь умѣстна.

А. К. Гирсъ родился въ 1815 г. на Галицкой границѣ, въ Радзивиловѣ, гдѣ его отецъ занималъ въ это время должность начальника Радзивиловской таможни, одной изъ двухъ главнѣйшихъ на нашей западной границѣ. Онъ принадлежалъ къ обрусѣвшей шведской фамиліи, родоначальникъ которой былъ капитаномъ шведской службы и Карломъ XII былъ возведенъ въ дворянское достоинство; два раза онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими, а именно въ 1704 г. подъ Ригой и въ 1709 г. подъ Полтавой. и подъ конецъ своей жизни переселился со своимъ семействомъ въ Россію. Мать А. К. Гирса была родною сестрой знаменитаго русскаго мореплавателя, адмирала, а впослѣдствіи графа, Ѳ. П. Литке, бывшаго воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича и вице-предсѣдателемъ Русскаго Географическаго Общества.

А. К. Гирсъ получилъ образованіе вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Н. К. Гирсомъ (бывшимъ впослѣдствіи, при Импе-

раторѣ Александрѣ III, министромъ иностранныхъ дѣлъ) въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ окончилъ съ большимъ успѣхомъ курсъ наукъ въ 1835 г. Любимыми предметами его занятій были науки историческія, юридическія, но всего болѣе экономическія, въ области которыхъ онъ пріобрѣлъ уже въ первое десятилѣтіе своей дѣятельности нѣкоторую извѣстность своею печатной статьею „О поземельной собственности въ Россіи".

Въ 1836 г. А. К. Гирсъ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ въ началѣ 40-хъ годовъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ. Корней въ русской землѣ онъ не имѣлъ, но старался ознакомиться съ бытомъ русскаго народа при почти ежегодныхъ командировкахъ въ разныя губерніи Россіи. Войдя въ близкія, товарищескія отношенія съ Н. А. Милютинымъ, онъ сдѣлался впослѣдствіи его добровольнымъ и чрезвычайно трудоспособнымъ сотрудникомъ по составленію задуманнаго имъ послѣднимъ новаго городового положенія. Въ 1845 г. А. К. Гирсъ вступилъ въ составъ Русскаго Географическаго Общества, основаннаго въ это время знаменитымъ дядею его, адмираломъ Ѳ. П. Литке, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ русскихъ ученыхъ; съ 1849 г. Гирсъ сдѣлался секретаремъ Общества, оставаясь въ этой должности въ теченіе двухъ лѣтъ. Годы дѣятельности А. К. Гирса въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ (1845—1851 гг.) имѣли сильное вліяніе на развитіе его кругозора и познанія имъ Россіи, такъ какъ онъ, въ качествѣ секретаря Общества, вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ тогдашними свѣтилами русской науки и вообще со многими изъ лучшихъ дѣятелей русской земли. Эти сношенія привили ему любовь къ русскому народу и, наконецъ, въ эпоху крымской войны пробудили въ немъ сознаніе необходимости полнаго обновленія Россіи.

Поэтому Гирсъ съ радостью принялся за работы въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, найдя самое полезное примѣненіе своимъ силамъ въ административномъ отдѣленіи, котораго предсѣдателемъ Ростовцовъ назначилъ статсъ-секретаря Булгакова, какъ старѣйшаго изъ членовъ Комиссій по своему служебно-іерархическому положенію.

Здѣсь Гирсъ сдѣлался дѣятельнымъ и любимымъ всѣми редакторомъ административнаго отдѣленія, несмотря на то, что не ему и не предсѣдателю отдѣленія Булгакову, а такимъ высокота-

мыслящимъ и свѣдущимъ членамъ-экспертамъ, какими были князь Черкасскій и Самаринъ для великороссійскихъ губерній и Тарновскій—для малороссійскихъ, принадлежала главная роль при разрѣшеніи вопросовъ, относящихся къ административному устройству освобождаемыхъ крестьянъ. Всѣ мы, товарищи Гирса, любили его одинаково за его неустанное трудолюбіе и за тѣ сдержанность, спокойствіе и объективное безпристрастіе, съ которыми онъ умѣлъ, принося въ жертву свое самолюбіе и даже личные взгляды, излагать истину, которая часто съ полной ясностью обнаруживалась лишь при страстномъ столкновеніи самыхъ различныхъ мнѣній и интересовъ.

Цѣнимый за эти свойства, А. К. Гирсъ по окончаніи работъ Редакціонныхъ Комиссій, одновременно со мною, привлекался къ участію во всѣ безъ исключенія междувѣдомственныя комиссіи, гдѣ, по примѣру Редакціонныхъ Комиссій, вырабатывались законопроекты, вошедшіе въ составъ всякаго рода реформъ Императора Александра II и дѣйствительно приведшіе къ обновленію государственнаго и общественнаго строя Россіи.

Самымъ многолѣтнимъ и капитальнымъ трудомъ, совершеннымъ одною изъ этихъ комиссій (податною) подъ предсѣдательствомъ А. К. Гирса, была 20-томная работа о преобразованіи всей податной системы въ Россіи, для настойчиваго проведенія которой у Гирса не хватило силы воли, но которую одинъ изъ самыхъ ученыхъ и основательныхъ русскихъ финансистовъ, Н. Х. Бунге, остроумно называлъ „фармакопеей“ финансоваго вѣдомства, въ которой каждый изъ русскихъ министровъ финансовъ могъ находить цѣлый рядъ прекрасно и умѣло составленныхъ рецептовъ для излѣченія отъ одолѣвающихъ русскіе финансы недуговъ. А. К. Гирсъ умеръ въ 1880 году, въ должности товарища министра финансовъ и сенатора, не достигнувъ высшаго положенія въ служебной іерархіи, но заслуживъ не только уваженіе и любовь всѣхъ его знавшихъ, но и благодарную память въ исторіи великой эпохи освобожденія крестьянъ.

Возвращаюсь къ разсказу о выборѣ и назначеніи членовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Соглашеніе предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, достигнутое благодаря его примиренію съ главнымъ дѣятелемъ по существу крестьянскаго вопроса—

Н. А. Милютинымъ, было полное. Министерство внутреннихъ дѣлъ отдало законодательной Комиссіи лучшія свои силы. Непремѣнный членъ Я. А. Соловьевъ привлекъ весь составъ управляемаго имъ земскаго отдѣла къ собиранію по всей Россіи необходимыхъ для разрѣшенія крестьянскаго вопроса свѣдѣній, а Н. А. Милютинъ привлекъ и другое, столь же хорошо составленное учрежденіе министерства,—центральный статистическій комитетъ, съ его директоромъ, почтеннымъ А. Г. Тройницкимъ во главѣ, къ весьма важной для Редакціонныхъ Комиссій работѣ, а именно къ точному исчисленію количества крѣпостныхъ людей въ Россіи, на основаніи данныхъ заканчивавшейся въ то время X-й ревизіи. Работа эта, благодаря трудоспособности просвѣщеннаго А. Г. Тройницкаго и прекрасному составу комитета, была закончена своевременно и сослужила крупную службу всему крестьянскому дѣлу.

На второй очереди у Я. И. Ростовцова было сношеніе съ министерствомъ юстиціи. Не будучи достаточно знакомъ съ его составомъ, Ростовцовъ спросилъ моего совѣта по поводу выбора членовъ отъ этого министерства. При этомъ требованія, которыя Ростовцовъ предъявлялъ къ этимъ будущимъ членамъ, были слѣдующія: безукоризненная этика, основательныя юридическія познанія, сочувствіе дѣлу земельнаго освобожденія крестьянъ и довольно почетное служебное положеніе въ министерствѣ.

Изъ лицъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ и вполнѣ подходившихъ подъ желаемыя условія, я могъ указать двухъ. Однимъ былъ пользовавшійся довольно громкою репутаціей оберъ-прокуроръ 1-го департамента правительствующаго сената — М. Н. Любощинскій; вторымъ подходящимъ, по моему мнѣнію, кандидатомъ былъ другой оберъ-прокуроръ сената Н. И. Стояновскій, на котораго мнѣ указалъ мой братъ, бывшій также оберъ-прокуроромъ въ одномъ изъ департаментовъ сената, Н. П. Семеновъ. Двухъ первыхъ по моимъ отзывамъ Ростовцовъ принялъ въ кандидаты, поручивъ мнѣ поѣхать къ графу В. Н. Панину съ извѣщеніемъ, что выборъ его палъ на этихъ двухъ лицъ.

Графъ Панинъ, предупрежденный Ростовцовымъ о моемъ появленіи, встрѣтилъ меня по-своему привѣтливо, если слово „привѣтливость“ можетъ быть вообще признано совмѣстимымъ съ природою графа. Во всякомъ случаѣ, въ его искреннемъ расположеніи къ Я. И. Ростовцову и желаніи сдѣлать ему пріятное нельзя было

сомнѣваться. Графъ Панинъ внимательно разспросилъ меня, кого Я. И. Ростовцовъ желаетъ имѣть членами Редакціонныхъ Коммиссій, и на мой отвѣтъ замѣтилъ, что на назначеніе Любощинскаго онъ дастъ немедленное согласіе, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ не придумалъ бы лучшаго кандидата отъ министерства юстиціи; что же касается Стояновскаго, то, считая его также однимъ изъ лучшихъ оберъ-прокуроровъ сената, тѣмъ не менѣе, послѣ того какъ онъ уже принялъ одного кандидата безпрекословно, согласно желанію Якова Ивановича, онъ позволитъ себѣ назначить другого по своему личному выбору, который, впрочемъ, какъ онъ увѣренъ, будетъ пріятенъ Якову Ивановичу; сообщить же объ этомъ выборѣ Якову Ивановичу черезъ меня онъ не можетъ, а сдѣлаетъ это письменно. Вслѣдъ затѣмъ графъ Панинъ, на этотъ разъ привѣтливо, протянулъ мнѣ руку, что было для него совершенно необычайно при первомъ знакомствѣ съ лицомъ, не занимавшимъ до сихъ поръ *никакого* положенія въ служебной іерархіи.

Когда я возвратился къ Ростовцову съ отвѣтомъ графа Панина, то оказалось, что меня обогнала записка послѣдняго, посланная съ курьеромъ, въ которой Панинъ извѣщалъ Ростовцова о томъ, что онъ, не теряя времени, поспѣшилъ назначить членами Коммиссій отъ министерства юстиціи двухъ изъ лучшихъ оберъ-прокуроровъ сената: М. Н. Любощинскаго, на котораго указалъ Яковъ Ивановичъ, и Н. П. Семенова, въ увѣренности, что онъ будетъ пріятнымъ Ростовцову кандидатомъ.

Ростовцовъ, передавая мнѣ содержаніе полученной отъ графа Панина записки, со свойственнымъ ему чистосердечіемъ просилъ меня, въ виду его довѣрія къ моему знанію людей, сообщить ему откровенно, считаю ли я своего брата Н. П. Семенова вполнѣ подходящимъ подъ принятыя нами условія назначенія въ члены Редакціонныхъ Коммиссій. Я отвѣтилъ, что очень затрудняюсь произнести сужденіе, которое, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ быть безпристрастнымъ, такъ какъ я отъ всей души люблю и уважаю своего единственнаго и притомъ старшаго брата, котораго, впрочемъ, достаточно знаетъ съ его юношескихъ лѣтъ и самъ Яковъ Ивановичъ, хотя и не съ точки зрѣнія интересовъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ; мои же разъясненія только съ этой стороны могли бы быть полезны Ростовцову.

До сихъ поръ мой братъ не обнаруживалъ особаго сочув-

ствія дѣлу освобожденія крестьянъ и даже нѣсколько опасался его, раздѣляя убѣжденіе большинства помѣстныхъ дворянъ въ томъ, что оно нанесетъ крупный ущербъ ихъ интересамъ и поведетъ къ разоренію многихъ изъ нихъ, но, конечно, братъ мой понимаетъ, что рано или поздно освобожденіе крестьянъ должно произойти, и что желательно, чтобы оно произошло не путемъ революціи, а „по манію Царя“; онъ сознаетъ также, что крестьяне, при ихъ освобожденіи, отъ земли оторваны быть не должны, и что обязательный трудъ, т.-е. барщина, послѣ обнародованія акта освобожденія долго просуществовать не можетъ. Подъ предъявляемыя столь справедливо Ростовцовымъ членамъ Редакціонныхъ Комиссій условія безукоризненнаго прошедшаго мой братъ, какъ хорошо извѣстно и самому Ростовцову, подходитъ безусловно. Владѣя болѣе 12 лѣтъ своимъ помѣстьемъ, онъ былъ всегда совершенно безукоризненнымъ помѣщикомъ и не только не позволялъ себѣ никакихъ злоупотребленій помѣщичьей властью, но и никогда не отступалъ въ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами отъ очень стойкихъ въ нашей мѣстности добрыхъ традицій *обычнаго права*, хорошо ему практически извѣстнаго. Затѣмъ я высказалъ увѣренность, что мой братъ, несмотря на свой крайній консерватизмъ и приверженность помѣщичьимъ интересамъ, со свойственною ему душевною теплотою и какъ прирожденною, такъ и традиціонно-развитою воспитаніемъ гуманностью, полюбитъ святой христіанскій подвигъ освобожденія крестьянъ и сдѣлается навсегда вѣрнымъ его сторонникомъ.

При всемъ томъ, вслѣдствіе нѣкоторой односторонности всегда оригинальнаго способа мышленія моего брата, онъ, несмотря на хорошо извѣстныя Якову Ивановичу литературныя дарованія свои, не могъ бы сдѣлаться достаточно полезнымъ для Комиссій редакторомъ ихъ коллективныхъ работъ: для этого ему недостаетъ той объективности, того забвенія своего *я*, которое характеризуетъ цѣнимыхъ нами общественныхъ редакторовъ, какъ, напримѣръ, А. К. Гирса, А. П. Заблоцкаго и Н. А. Милютина. Но хотя при самомъ разрѣшеніи предстоящихъ вопросовъ мой братъ, по свойству своего характера и по своему консерватизму, неминуемо попадетъ въ оппозицію, онъ все-таки будетъ полезенъ, такъ какъ внесетъ въ обсужденіе дѣла свои основательныя юридическія познанія, знаніе быта русскаго народа и полное знакомство съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ сѣверо-западномъ краѣ, съ ихъ инвен-

тарными отношеніями къ польскимъ помѣщикамъ и экономическими—къ евреямъ, такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ былъ прокуроромъ въ Вильнѣ.

Выслушавъ меня внимательно, Ростовцовъ придумалъ для брата наиболѣе полезную дѣятельность въ средѣ Редакціонныхъ Комиссій. Онъ всегда озабочивался тѣмъ, чтобы въ составѣ Комиссій былъ кто-нибудь, кто бы постоянно и охотно записывалъ все, что происходитъ въ засѣданіяхъ общихъ собраній, собиралъ бы всѣ матеріалы, имѣющіе историческій интересъ, и сдѣлался бы хроникеромъ эпохи освобожденія крестьянъ. За такую роль я, конечно, не могъ взяться, такъ какъ на мнѣ уже лежало подавляющее количество самыхъ разнообразныхъ работъ и обязанностей по самому существу разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Брату же, при его аккуратности и наблюдательности, роль хроникера Комиссій пришлась бы совершенно по сердцу. Самъ Ростовцовъ былъ очень доволенъ пришедшею ему идеей, принялъ предложенную графомъ Панинымъ кандидатуру и просилъ моего брата принять на себя обязанности хроникера Комиссій, на что тотъ охотно согласился.

Здѣсь, въ дополненіе къ характеристикѣ моего брата, на которую я былъ вызванъ Ростовцовымъ, я считаю умѣстнымъ привести еще о немъ, какъ объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей Редакціонныхъ Комиссій, нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія.

Николай Петровичъ Семеновъ родился въ 1823 г. въ Раненбургскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, въ старомъ помѣстьи нашихъ родителей. Послѣ прекраснаго домашняго воспитанія, онъ получилъ образованіе въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ кончилъ съ успѣхомъ курсъ наукъ въ 1842 г. и немедленно поступилъ на службу въ министерство юстиціи, въ которомъ и оставался въ теченіе 62 лѣтъ, т.-е. всю свою жизнь. Первые три года своей службы онъ находился въ департаментѣ министерства, затѣмъ онъ прослужилъ около 10 лѣтъ въ провинціи: въ Ярославлѣ—въ должности товарища председателя уголовной палаты, и въ Вильнѣ—въ должности губернскаго прокурора, нерѣдко заглядывая въ свое родовое помѣстье въ Рязанской губерніи, гдѣ онъ имѣлъ глубокіе корни въ родной землѣ. Въ 1853 г. онъ перешелъ на службу въ правительствующій сенатъ, а съ 1855 г. былъ уже оберъ-прокуроромъ; въ 1858 г. онъ былъ назначенъ членомъ Редакціонныхъ Комиссій, гдѣ вошелъ въ составъ административнаго

отдѣленія, которое выбрало его однимъ изъ своихъ редакторовъ. Къ сожалѣнію, въ этой роли онъ скоро разошелся съ своими коллегами. По убѣжденіямъ своимъ онъ глубоко сочувствовалъ земельному освобожденію крестьянъ и пріобрѣтенію ими общинной земельной собственности путемъ даже обязательнаго выкупа; но слишкомъ большая субъективность и своеобразность его всегда оригинальныхъ, но нѣсколько одностороннихъ взглядовъ не позволяла ему подчиниться выработанному послѣ нѣсколькихъ страстныхъ преній (въ которыхъ онъ всегда оставался въ меньшинствѣ) мнѣнію большинства его коллегъ, почему онъ постепенно сталъ въ оппозицію противъ быстро сплотившагося большинства Комиссій и остался до нѣкоторой степени чуждымъ основнымъ работамъ по составленію законопроекта, принимая живое участіе лишь при обсужденіи его въ общихъ собраніяхъ. Здѣсь самымъ полезнымъ и основнымъ трудомъ его было то, что онъ, присутствуя на всѣхъ почти 130 засѣданіяхъ общаго собранія, прилежно записывалъ все, что̀ на нихъ происходило. Эта работа моего брата, возложенная на него самимъ предсѣдателемъ Комиссій, была облегчена ему тѣмъ, что я, по распоряженію Ростовцова, доставлялъ брату всѣ дѣла нашего печатнаго дѣлопроизводства и притомъ въ корректурныхъ экземплярахъ, по которымъ онъ могъ слѣдить за всѣми перемѣнами, происходившими въ нашихъ докладахъ по мѣрѣ ихъ разсмотрѣнія и исправленія въ общемъ собраніи. Независимо отъ того, я сообщалъ ему для свѣдѣнія всѣ письменные документы нашей канцеляріи и передавалъ на храненіе тѣ, которые могли служить интереснымъ историческимъ матеріаломъ, какъ, напр., баллотировочные листки и краткія записки, составляемыя во время засѣданій. Послѣ кончины Ростовцова семейство его, съ Высочайшаго соизволенія, дало брату моему доступъ ко всѣмъ матеріаламъ кабинета покойнаго, оставшимся собственностью его семьи.

Въ 1868 г. мой братъ былъ возведенъ въ званіе сенатора и съ тѣхъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ посвящалъ часы своего досуга обработкѣ и напечатанію вышедшаго въ 1890—1892 гг. труда въ трехъ обширныхъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Освобожденіе крестьянъ въ Царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности Комиссій по крестьянскому дѣлу Н. П. Семенова“. Только во время своей многолѣтней исторической работы мой братъ такъ оцѣнилъ и полюбилъ великое дѣло освобожденія кре-

стьянъ, что окончательно помирился съ убѣжденіями большинства Редакціонныхъ Комиссій, противъ которыхъ такъ часто и страстно возражалъ, и, наконецъ, сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ закона 19 февраля 1861 г. Замѣчательно, что интересный трудъ моего брата былъ изданъ родившимся въ крѣпостной зависимости, бывшимъ ярославскимъ крестьяниномъ, въ 1898 г. уже достигшимъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, достойнымъ Меркуріемъ Еліазаровичемъ Комаровымъ, который желалъ этимъ изданіемъ принести свою дань признательности и вѣрноподданнической преданности Царю-Освободителю. Сочиненіе это, увѣнчанное Академіей Наукъ преміею Симбирскаго дворянства, составило достойный памятникъ Н. П. Семенову, который, пробывъ сенаторомъ 36 лѣтъ, скончался въ 1904 г. на своей родинѣ, въ своемъ любимомъ помѣстьи, посреди созданнаго имъ цвѣтущаго сада, окруженный любовью людей, близко его знавшихъ, которыхъ онъ привлекалъ своей сердечной теплотою и своей всегда остроумной истинно-демокритовской веселостью.

Перехожу къ характеристикѣ другого представителя министерства юстиціи въ составѣ Редакціонныхъ Комиссій—Марка Николаевича Любощинскаго. До 1858 г. я зналъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, только какъ свѣтскаго знакомаго, человѣка очень культурнаго и имѣвшаго заслуженную репутацію хорошаго юриста съ обширными теоретическими и практическими познаніями, но весь нравственный его обликъ выяснился для меня послѣ двухлѣтнихъ, почти ежедневныхъ товарищескихъ сношеній во время нашихъ совмѣстныхъ работъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ. Хотя дружескія мои отношенія къ М. Н. Любощинскому продолжались до конца его жизни (1889 г.), но исторія его развитія въ дѣтскіе и отроческіе годы его осталась для меня мало извѣстною. Знаю только, что онъ родился въ 1819 г. въ Витебской губерніи и принадлежалъ къ очень культурной дворянской польской семьѣ. Въ отроческіе годы онъ попалъ въ Петербургъ, будучи, вѣроятно, уже сиротою, учился въ одной изъ Петербургскихъ гимназій, а окончилъ высшее образованіе въ Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету, вслѣдствіе чего и сдѣлался совершенно русскимъ, такъ что говорилъ по-русски безъ малѣйшаго польскаго акцента. Утративъ, вѣроятно, вслѣдствіе своего сиротства всѣ свои связи съ родиною, онъ обнаруживалъ свое польское

происхожденіе только принадлежностью къ католическому вѣроисповѣданію. По окончаніи курса въ 1840 г. онъ поступилъ на службу въ министерство юстиціи, гдѣ, несмотря на отсутствіе связей и покровительства, обратилъ на себя всеобщее вниманіе благодаря своимъ выдающимся способностямъ, ясному уму и основательнымъ юридическимъ познаніямъ, такъ что, находясь на службѣ въ правительствующемъ сенатѣ, онъ уже ранѣе 40-лѣтняго возраста достигъ должности оберъ-прокурора 1-го департамента и здѣсь, пользуясь большимъ довѣріемъ графа Панина къ его познаніямъ, составилъ себѣ репутацію своимъ дѣльнымъ разборомъ проекта устава гражданскаго судопроизводства, составленнаго графомъ Блудовымъ.

Выборъ Любощинскаго въ члены Редакціонныхъ Комиссій оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Онъ сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ ихъ и однимъ изъ трудоспособнѣйшихъ работниковъ въ юридическомъ отдѣленіи, въ которомъ, конечно, сдѣлался бы предсѣдателемъ, если бы Ростовцовъ не считалъ долгомъ деликатности назначить на эту должность своего бывшаго конкурента по назначенію въ предсѣдатели Комиссій, статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, управляющаго дѣлами Главнаго Комитета С. М. Жуковскаго. Не въ характерѣ М. Н. Любощинскаго было мелкое самолюбіе, и ему въ голову не приходило мѣстничать съ лицомъ, которое не стояло выше его ни по своему служебному положенію, ни по познаніямъ своимъ, ни по талантамъ. Онъ былъ доволенъ по существу дѣла своимъ назначеніемъ въ члены Редакціонныхъ Комиссій и охотно пошелъ на вторую роль въ юридическомъ отдѣленіи, отдавая беззавѣтно всѣ свои силы великому дѣлу работы по составленію законопроекта объ освобожденіи крестьянъ. Высокія нравственныя качества его были оцѣнены всѣми его товарищами, въ особенности когда они подверглись тяжелому испытанію при назначеніи предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій, уже на второй годъ ихъ дѣятельности, его прямого начальника, графа В. Н. Панина, убѣжденія котораго по крестьянскому вопросу были хорошо извѣстны М. Н. Любощинскому; несмотря на то, что смѣлость и гражданское мужество не были прирожденными свойствами послѣдняго, его душевныя качества и высоко-гуманныя воззрѣнія взяли верхъ: онъ не измѣнилъ великому дѣлу, которому служилъ съ такою

пользою уже въ теченіе цѣлаго года. Ни въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ, ни въ засѣданіяхъ юридическаго отдѣленія онъ не отступилъ отъ своего прекраснаго направленія; правда, въ общихъ собраніяхъ Коммиссій, въ которыхъ предсѣдательствовалъ графъ Панинъ, внушавшій неимовѣрный страхъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ въ министерствѣ юстиціи и даже въ сенатѣ, Любощинскій не рѣшался оспаривать высказываемыхъ графомъ Панинымъ взглядовъ и нерѣдко даже считалъ себя вынужденнымъ присоединяться къ выражаемому имъ мнѣнію, но онъ считалъ это не имѣющимъ особаго значенія для существа дѣла, такъ графъ Панинъ въ своихъ разномысліяхъ съ большинствомъ Коммиссій почти всегда оставался въ немногочисленномъ меньшинствѣ. Впрочемъ, нельзя не отдать справедливости благородству характера и великодушію графа Панина. Не допускавшій обыкновенно никакихъ возраженій со стороны своихъ подчиненныхъ по службѣ, онъ допускалъ полную свободу ихъ мнѣній въ такомъ независимомъ и исключительномъ учрежденіи, какимъ были Редакціонныя Коммиссіи, и не только не озлобился на М. Н. Любощинскаго, но возымѣлъ къ нему еще большее довѣріе и уваженіе [1]). Въ годы, послѣдовавшіе за освобо-

[1]) Довѣріе это выразилось впослѣдствіи въ слѣдующемъ интересномъ эпизодѣ. Послѣ подписанія Высочайшаго манифеста, Высочайше утвержденное Положеніе 19 февраля 1861 г. было препровождено для обнародованія въ I департаментъ правительствующаго сената, въ которомъ оберъ-прокуроромъ былъ М. Н. Любощинскій. По закону, данному еще Петромъ Великимъ, сенатъ имѣлъ право пріостановить обнародованіе всякаго Высочайше утвержденнаго закона или Царскаго указа и манифеста, представивъ Государю свои соображенія относительно неудобства или опасности обнародованія законодательнаго акта или вреда, который можетъ принести государству введеніе самаго закона, и ходатайствовать объ его отмѣнѣ до его обнародованія; въ случаѣ же, если тотъ же законъ вторично будетъ присланъ Государемъ для обнародованія, сенатъ обязанъ безпрекословно подчиняться Царской волѣ. При Петрѣ Великомъ сенатъ нерѣдко пользовался этимъ правомъ. Про первоприсутствующаго сенатора, князя Якова Долгорукаго не только ходили легенды, но даже были производимы доносы Петру Великому, что онъ рвалъ въ присутствіи сената Царскіе указы. Но легенды эти и доносы были далеко неточны. Князь Я. Долгорукій, на основаніи права, предоставляемаго сенату самодержавнымъ Царемъ, предлагалъ нерѣдко общему собранію воспользоваться этимъ правомъ, и если общее собраніе большинствомъ голосовъ соглашалось на это, то всеподданнѣйшее донесеніе о неисполненіи указа и представленіе сената объ отмѣнѣ закона писалось въ самомъ засѣданіи и посылалось Петру Великому немедленно, а такъ какъ отвѣтъ Государя могъ замедлиться на нѣсколько дней, то въ концѣ засѣданія князь Я. Долгорукій надрывалъ въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ не исполненный Царскій указъ (какъ уже утратившій свое значеніе впредь до присылки новаго); дѣлалъ онъ это для того, чтобы указъ не могъ попасть въ постороннія руки и послужить для какой-нибудь смуты. Законъ Петра Великаго, насколько извѣстно, не примѣнялся при

жденіемъ крестьянъ, М. Н. Любощинскій принялъ дѣятельное участіе въ составленіи судебныхъ уставовъ и послѣ ихъ введенія, по пред-

---

его преемникахъ; по крайней мѣрѣ въ 30-лѣтнее царствованіе Императора Николая I сенатъ ни разу не воспользовался предоставленнымъ ему закономъ правомъ. Между тѣмъ, при обнародованіи закона 19 февраля 1861 г. въ мартѣ того же года, случилось, что нѣсколько сенаторовъ, враждебныхъ освобожденію крестьянъ, съ первоприсутствовавшимъ А. М. Безобразовымъ (который былъ женатъ на сестрѣ князя Орлова) во главѣ, сговорились возбудить вопросъ о неудобствѣ обнародованія Царскаго манифеста, о вредѣ самаго закона и о представленіи Государю объ отмѣнѣ и пересмотрѣ Положенія 19 февраля 1861 г. Слухи объ этомъ распространились въ высшихъ кругахъ и дошли до графа Панина. Онъ вызвалъ Любощинскаго и спросилъ его, можетъ ли онъ ручаться, что большинство сенаторовъ отвергнетъ предложеніе Безобразова и его сообщниковъ. Любощинскій отвѣтилъ, что не только не можетъ ручаться, но, напротивъ, опасается, что большинство сенаторовъ примкнетъ къ предложенію, если оно будетъ сдѣлано безпрепятственно. Графъ Панинъ отвѣтилъ, что онъ пріѣдетъ противъ своего обыкновенія самъ въ присутствіе I департамента, и объяснилъ Любощинскому въ подробности, какъ онъ, по его распоряженію, долженъ доложить сенату все дѣло. До начала засѣданія графъ Панинъ явился въ сенатъ и молча занялъ закономъ указанное ему мѣсто. Присутствіе генералъ-прокурора и его видимое спокойствіе дали поворотъ всему дѣлу. Всѣмъ извѣстно, какой страхъ Панинъ внушалъ своимъ подчиненнымъ по службѣ, а большинство сенаторовъ до ихъ назначенія были его подчиненными. Участвовавшіе въ соглашеніи убѣдились, что ихъ предложеніе успѣха имѣть не будетъ, и ни одинъ изъ нихъ, не исключая и сенатора А. М. Безобразова, никакихъ вопросовъ не возбуждалъ, и дѣло прошло обычнымъ порядкомъ, безъ всякихъ возраженій. Любощинскій пріобрѣлъ еще болѣе авторитета, такъ какъ онъ предупреждалъ многихъ изъ сенаторовъ о несостоятельности предпринимаемой ими попытки.

Но блестящее участіе Любощинскаго въ судебной реформѣ еще болѣе усилило ненависть къ нему противниковъ преобразованій Царя-Освободителя, которые не могли помириться съ полнымъ успѣхомъ великой реформы 19 февраля 1861 г., такъ скоро и безповоротно и притомъ безъ всякихъ смутъ вырвавшей крѣпостное право изъ жизни народной и призвавшей, по выраженію манифеста, Божіе благословеніе на свободный трудъ русскаго народа. Враги всѣхъ реформъ Императора Александра II, опасавшіеся столь же успѣшнаго дальнѣйшаго ихъ развитія, подняли, начиная съ 1861 г., ретроградную борьбу противъ этого развитія и рѣшительное гоненіе на лицъ, по ихъ партійному выраженію, „замѣшанныхъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ 1858—1861 гг.“. Борьба эта продолжалась во все послѣдующее десятилѣтіе. Ростовцова уже не было на свѣтѣ; Ланской, получившій графскій титулъ, былъ съ почетомъ удаленъ отъ всякой политической дѣятельности; Милютинъ, не будучи утвержденъ въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, на которую онъ съ такой настойчивостью былъ проводимъ Ростовцовымъ, находился за границею въ почетномъ изгнаніи; Соловьевъ недолго удержался при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ въ дѣятельной и вліятельной должности управляющаго земскимъ отдѣломъ; князь Черкасскій и Самаринъ, несмотря на ярко обнаруженные ими творческіе государственные таланты, не были призваны ни къ какимъ государственнымъ должностямъ и удалились истинными „цинцинатами“ на родину, ограничившись самоотверженной дѣятельностью по приведенію въ исполненіе Положенія 19 февраля 1861 г., одинъ въ качествѣ мирового посредника перваго призыва, другой — члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

ставленію гр. Панина, былъ назначенъ сенаторомъ. Въ 1872 г. Любощинскій, въ качествѣ предсѣдателя особой комиссіи, оказалъ

Врагамъ великихъ реформъ оставалось только воздвигнуть гоненіе на тѣхъ изъ составителей Положенія 19 февраля 1861 г., которые еще оставались у дѣлъ и могли явиться опасными кандидатами на высшія государственныя должности. Таковыми оказались назначенные въ эпоху приведенія въ исполненіе Положенія 19 февраля статсъ-секретарями Его Величества А. П. Заблоцкій-Десятовскій и С. М. Жуковскій и назначенный сенаторомъ М. Н. Любощинскій: первый въ самомъ началѣ этого періода провелъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ ту реформу, которая была какъ бы завѣщана Царю-Освободителю Ростовцовымъ, а именно уничтоженіе откуповъ, имѣвшее цѣлью положить предѣлъ позорнымъ злоупотребленіямъ, которыми кормилось большинство низшихъ и высшихъ провинціальныхъ чиновниковъ, получая отъ откупщиковъ болѣе щедрое содержаніе, чѣмъ отъ правительства; второй въ Главномъ Комитетѣ стоялъ съ успѣхомъ на стражѣ законнаго приведенія въ исполненіе Положенія 19 февраля 1861 г.; третій, работая со свойственной ему талантливостью въ комиссіи судебныхъ уставовъ, стремился къ тому, чтобы введеніемъ судовъ „правыхъ и скорыхъ" преобразовать постепенно Россію изъ государства полицейскаго въ государство правовое. Жуковскаго сторонникамъ крѣпостного права не удалось сокрушить, такъ какъ, поддержанный Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, государственнымъ секретаремъ Бутковымъ и прогрессивнымъ большинствомъ Главнаго Комитета, онъ не подавалъ повода къ навѣтамъ на него, а противъ двухъ остальныхъ, Заблоцкаго и Любощинскаго, было воздвигнуто гоненіе со стороны получавшаго съ 1866 г. все большее и большее вліяніе, самаго талантливаго представителя быстро развивавшейся реакціи противъ совершавшихся реформъ, гр. П. А. Шувалова. При ежедневныхъ докладахъ у Государя, графу Шувалову удалось дискредитировать этихъ двухъ почтенныхъ дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ въ глазахъ Государя, указывая на нихъ, какъ на самыхъ вредныхъ противоправительственныхъ агитаторовъ: одного — въ городской думѣ, гдѣ онъ былъ по выбору старшиною дворянскаго сословія, а другого — въ дворянскомъ собраніи, гдѣ онъ былъ членомъ. Шефъ жандармовъ приводилъ Государю выдержки изъ рѣчей, имѣвшихъ въ его интерпретаціи революціонную окраску. Рѣчи М. Н. Любощинскаго въ дворянскомъ собраніи была придана Шуваловымъ окраска, возбудившая Государя противъ него до такой степени, что при первомъ же докладѣ министра юстиціи Онъ потребовалъ отъ него увольненія слишкомъ вольнодумнаго сенатора. Министромъ юстиціи былъ въ это время Замятнинъ, не имѣвшій репутаціи человѣка съ государственными способностями и твердой воли. Но это былъ человѣкъ, обладавшій высокими душевными качествами, и онъ имѣлъ гражданское мужество напомнить Государю, что по закону сенаторы не могутъ быть смѣняемы безъ суда. Когда Государь возразилъ, что, конечно, для правительственной власти министровъ сенаторы несмѣняемы, но что „воля Государя при самодержавномъ правленіи есть законъ", Замятнинъ доложилъ Государю, что для самодержавной власти Государя смѣна сенатора можетъ быть достигнута только отмѣною закона о несмѣняемости сенаторовъ, съ опубликованіемъ такого отдѣльнаго Высочайшаго повелѣнія черезъ сенатъ. Докладъ Замятнина имѣлъ последствіемъ то, что Государь, побѣдивъ свой гнѣвъ, не захотѣлъ настаивать на увольненіи сенатора или отдачѣ его подъ судъ и только приказалъ министру объявить Любощинскому о крайнемъ неудовольствіи Государя. Переданныя министромъ Любощинскому слова Государя, хотя и избавляли его отъ незаслуженнаго и небывалаго позора *увольненія* сенатора отъ службы по Высочайшему по-

еще послѣднюю услугу крестьянскому дѣлу основательнымъ изслѣдованіемъ волостныхъ судовъ. Только въ 1881 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и скончался въ 1893 г., окруженный уваженіемъ своихъ коллегъ и лицъ, близко его знавшихъ.

Послѣ назначенія въ Редакціонныя Коммиссіи членовъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, самое большое значеніе Ростовцовъ придавалъ назначенію двухъ членовъ отъ министерства финансовъ, такъ какъ одною изъ важнѣйшихъ работъ, возложенныхъ на Коммиссіи, онъ признавалъ составленіе законопроекта о выкупѣ при содѣйствіи правительства крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ полную собственность сельскихъ обществъ. Ростовцовъ, уполномочивая меня на переговоры съ министромъ финансовъ о назначеніи 2 членовъ отъ министерства въ Коммиссіи, высказалъ желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ по своему іерархическому положенію пользовался вліяніемъ въ министерствѣ, а другой былъ бы вполнѣ компетентнымъ финансистомъ. По совѣщаніи со мною, выборъ Ростовцова остановился на пользовавшемся въ то время большимъ вліяніемъ въ министерствѣ по своей

велѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагали на него нравственную обязанность просить Государя о своемъ увольненіи. Но при такомъ увольненіи положеніе Любощинскаго становилось критическимъ. Собственнаго состоянія онъ не имѣлъ, здоровье его слабѣло, онъ былъ человѣкъ семейный и, будучи женатъ на вдовѣ, имѣвшей дѣтей, конечно, не хотѣлъ жить на счетъ чужого ему семейства. Онъ передалъ министру Замятину свою просьбу объ увольненіи, но, въ виду своего безвыходнаго положенія, рѣшился поѣхать къ графу Шувалову, жертвуя чувствомъ собственнаго достоинства, и смиренно ходатайствовалъ передъ своимъ политическимъ врагомъ о докладѣ Государю объ его тяжеломъ положеніи. Графъ Шуваловъ, убѣдившись такимъ образомъ, что одинъ изъ его политическихъ враговъ находится „надъ бездною моря", пощадилъ его и въ своемъ новомъ личномъ докладѣ представилъ Государю рѣчь Любощинскаго въ дворянскомъ собраніи въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ. При сердечной добротѣ Государя отъ гнѣва Его не осталось и слѣда. Что же касается статсъ-секретаря Заблоцкаго, то онъ впалъ въ немилость у Государя по обвиненію въ возбужденіи городского самоуправленія противъ правительства и удержался на своемъ вліятельномъ мѣстѣ статсъ-секретаря департамента государственной экономіи, на которомъ онъ слылъ лучшимъ перомъ для изложенія важнѣйшихъ журналовъ Государственнаго Совѣта, только благодаря великодушному и смѣлому за него заступничеству назначеннаго въ эту эпоху министромъ юстиціи и извѣстнаго своимъ рыцарскимъ благородствомъ графа К. И. Палена. Однакоже, реакціонное вліяніе графа Шувалова, продолжавшееся съ 1866 по 1874 гг., не допустило ни одного изъ составителей Положенія 19 февраля въ члены Государственнаго Совѣта, такъ что Заблоцкій-Десятовскій и Любощинскій были призваны на эти должности лишь послѣ удаленія графа Шувалова, назначеннаго въ 1874 г. посломъ въ Лондонъ.

репутаціи опытнаго и ученаго финансиста директорѣ кредитной канцеляріи Ю. А. Гагемейстерѣ и возвращавшемся тогда изъ-за границы молодомъ финансистѣ Е. И. Ламанскомъ, представлявшемъ собою, по всеобщему убѣжденію, восходящее свѣтило въ русской финансовой наукѣ.

Министромъ финансовъ, къ которому меня послалъ Ростовцовъ для переговоровъ, былъ А. М. Княжевичъ. Опытный въ своемъ служебномъ дѣлѣ, умный и дѣльный чиновникъ, онъ не былъ государственнымъ человѣкомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова. Къ Я. И. Ростовцову Княжевичъ питалъ не только уваженіе, но и искреннюю признательность за поддержку при назначеніи его министромъ финансовъ, а потому безпрекословно согласился на назначеніе двухъ предложенныхъ ему Ростовцовымъ кандидатовъ, несмотря на то, что Ламанскій въ то время еще не былъ на службѣ въ министерствѣ финансовъ; при этомъ онъ вызвался командировать въ распоряженіе канцеляріи Комиссій еще и тѣхъ чиновниковъ своего министерства, которые могли бы быть имъ полезными. Такимъ образомъ въ составъ Комиссій вошли Ю. А. Гагемейстеръ и Е. И. Ламанскій.

Здѣсь мѣсто охарактеризовать какъ личности этихъ двухъ дѣятелей, такъ и роль, которую каждый изъ нихъ сыгралъ въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Ю. А. Гагемейстеръ родился въ Ригѣ въ 1806 г., принадлежалъ къ старой дворянской остзейской фамиліи и получилъ высшее образованіе въ Дерптскомъ университетѣ; по окончаніи курса наукъ онъ поступилъ на службу въ министерство финансовъ и скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность нѣкоторыми печатными трудами, которые проложили ему дорогу къ высшимъ должностямъ въ министерствѣ, такъ что въ эпоху освобожденія крестьянъ онъ уже былъ директоромъ кредитной канцеляріи. Тридцатилѣтнее пребываніе въ Петербургѣ основательно ознакомило Гагемейстера съ русскимъ языкомъ и съ мало-по-малу развивавшейся русской научной литературою, но корней въ русской землѣ онъ не имѣлъ и былъ знакомъ съ нею только изъ книгъ, вообще въ эрудиціонномъ порядкѣ. Какъ человѣкъ просвѣщенный и высокихъ нравственныхъ качествъ, Гагемейстеръ, конечно, сочувствовалъ освобожденію крестьянъ, но былъ глубоко убѣжденъ, что оно не можетъ быть совершено иначе, какъ по строгому образцу существующаго уже въ

остзейскихъ губерніяхъ аграрнаго строя; онъ полагалъ, что выкупъ земель, признанныхъ крестьянскими (Bauerland), можетъ быть произведенъ отнюдь не въ видѣ государственной операціи, а лишь въ видѣ частныхъ сдѣлокъ, по добровольному соглашенію и только при помощи развитія общихъ кредитныхъ учрежденій. Въ своихъ спеціально финансовыхъ соображеніяхъ Ю. А. Гагемейстеръ не обнаруживалъ никакого самостоятельнаго творчества и не шелъ дальше рутины, которая была выработана во время пребыванія министромъ графа Канкрина и болѣе или менѣе успѣшно поддерживалась его преемниками графомъ Вронченко, Брокомъ и Княжевичемъ.

Высокоталантливый Милютинъ, поставленный Ростовцовымъ во главѣ финансоваго отдѣленія Комиссій, уважая нравственныя качества Гагемейстера, былъ не особенно высокаго мнѣнія о его финансовыхъ способностяхъ. Поэтому, когда въ 1860 г., уже послѣ кончины Ростовцова, Редакціонныя Комиссіи, уступая настояніямъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, рѣшились повысить первоначально установленную въ законопроектѣ Комиссій всеобщую для Россіи высшую цифру оброка за высшій душевой надѣлъ съ 8 руб. до 9, то Милютинъ въ присутствіи Гагемейстера замѣтилъ общему собранію, что онъ считаетъ 9-рублевый размѣръ оброка съ душевого участка земли непосильнымъ для крестьянъ, но полагаетъ возможнымъ согласиться на такую уступку единодушнымъ желаніямъ депутатовъ только потому, что увѣренъ, что предпринимаемыя Юліемъ Андреевичемъ Гагемейстеромъ совмѣстно съ министромъ финансовъ операціи доведутъ кредитный рубль, уже показывающій склонность къ понижению, до стоимости 50 к., и тогда податное бремя крестьянъ дѣйствительно облегчится, тѣмъ болѣе, что ущерба отъ паденія цѣнности пищевого хлѣба крестьяне не потерпятъ, такъ какъ они его не продаютъ, а покупаютъ.

Ю. А. Гагемейстеръ не принесъ, впрочемъ, никакого вреда дѣлу освобожденія крестьянъ, такъ какъ старался придерживаться мнѣній большинства Комиссій, но и не оказалъ ему существенной пользы, такъ какъ принималъ мало участія въ составленіи выкупного проекта, держась вышеприведеннаго взгляда относительно выкупа крестьянскихъ земель.

Совершенно иными свойствами обладалъ другой представитель министерства финансовъ, привлеченный Ростовцовымъ въ составъ

Редакціонныхъ Комиссій. Это былъ человѣкъ, почти на 20 лѣтъ моложе Гагемейстера, не занимавшій тогда еще никакого положенія въ служебной іерархіи, но зато по своей талантливости и научнымъ трудамъ уже представлявшійся знакомымъ съ нимъ лицамъ восходящей звѣздою въ области финансовыхъ наукъ.

Е. И. Ламанскій родился въ Петербургѣ въ 1825 г. въ русской дворянской семьѣ, принадлежавшей не къ помѣстному, а къ столичному служилому дворянству; его отецъ, уроженецъ одной изъ сѣверныхъ губерній, былъ директоромъ кредитной канцеляріи министерства финансовъ [1]), а мать, рожденная Малоземова, сестрою директора другого департамента. Всѣ восемь сыновей И. И. Ламанскаго получили прекрасное воспитаніе и большинство ихъ оказалось замѣчательно талантливыми людьми.

Евгеній Ивановичъ окончилъ образованіе въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ и съ увлеченіемъ посвятилъ себя экономическимъ и финансовымъ наукамъ: съ особенной любовью занялся онъ изученіемъ экономическаго положенія русскаго народа, чему способствовало его вступленіе въ ряды Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которое оказало самое благопріятное вліяніе на развитіе талантливаго молодого человѣка. Не имѣя по своему рожденію и воспитанію непосредственной связи съ русской деревней, онъ въ столицѣ сдѣлался патріотомъ и, пользуясь прекрасною библіотекой Общества и общеніемъ со свѣтилами русской экономической науки и вообще съ лучшими представителями русской интеллигенціи, онъ здѣсь же, въ „Извѣстіяхъ" Общества напечаталъ подъ руководствомъ мудраго предсѣдателя отдѣленія статистики Заблоцкаго-Десятовскаго свой первый и капитальный трудъ по исторіи денежнаго обращенія. Избранный въ 1855 г. въ секретари Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на мѣсто умершаго за границей В. А. Милютина, Ламанскій въ 1856 г. былъ командированъ Обществомъ за границу, гдѣ завершилъ свое научное образованіе, и вернулся прекрасно подготовленнымъ къ тому труду, къ которому привлекъ его Ростовцовъ.

Однакоже, при назначеніи Е. И. Ламанскаго въ члены Редакціонныхъ Комиссій встрѣтились неожиданныя препятствія, въ особенности при назначеніи его членомъ отъ правительства. Шефъ

[1]) А впослѣдствіи сенаторомъ.

жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ сообщилъ Ростовцову, что во время своего пребыванія за границею Е. И. Ламанскій посѣщалъ Герцена. Яковъ Ивановичъ по своему прямодушію, черезъ меня прямо спросилъ Ламанскаго, справедливы ли эти слухи, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, поручилъ мнѣ съѣздить къ шефу жандармовъ и передать ему, что на государственной службѣ во время своего посѣщенія Герцена Ламанскій не состоялъ, революціонеромъ никогда не былъ, а нынѣ назначается членомъ Редакціонныхъ Комиссій отъ министерства финансовъ по соглашенію предсѣдателя съ министромъ, какъ очень талантливый финансистъ, необходимый Комиссіямъ для составленія законопроекта о выкупѣ крестьянскихъ земель. Ростовцовъ доложилъ обо всемъ этомъ Государю, и его вліяніе было настолько велико, что къ принятію Ламанскаго въ члены Редакціонныхъ Комиссій министерство финансовъ препятствій не встрѣтило. Ламанскій оказался однимъ изъ самыхъ полезныхъ дѣятелей при составленіи законопроекта о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ и по обнародованіи Положенія 19 февраля 1861 г., какъ лучшій въ Россіи знатокъ вопросовъ, относящихся къ государственному кредиту, былъ назначенъ сначала товарищемъ управляющаго, а потомъ и управляющимъ государственнымъ банкомъ, оказавшимъ Россіи крупную услугу организаціей обществъ взаимнаго кредита [1]).

Назначеніе двухъ членовъ отъ министерства финансовъ въ составъ Редакціонныхъ Комиссій не могло, однакоже, удовлетворить Ростовцова, такъ какъ при учрежденіи Комиссій одною изъ первыхъ заботъ ихъ предсѣдателя и самого Царя-Освободителя было не только обезпеченіе крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, земельными надѣлами, но и организація выкупа надѣловъ въ собственность крестьянъ при дѣятельномъ содѣйствіи государства.

Ростовцовъ пришелъ къ убѣжденію, что для обезпеченія успѣха этого дѣла къ составленію законопроекта о выкупѣ слѣдовало еще привлечь достойнаго представителя отъ двухъ особенно компетентныхъ учрежденій по государственнымъ финансамъ, а именно отъ департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта и

[1]) Е. И. Ламанскій былъ также основателемъ нѣсколькихъ крупныхъ частныхъ банковъ и дважды былъ избираемъ предсѣдателемъ отдѣленія статистики Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

отъ негласной верховной финансовой комиссіи. Такимъ представителемъ являлся естественно главный дѣлопроизводитель обоихъ учрежденій,—статсъ-секретарь департамента государственной экономіи А. П. Заблоцкій-Десятовскій, который, сверхъ того, былъ почтеннымъ ветераномъ въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ и достойнымъ сотрудникомъ графа Киселева въ его работахъ по этому вопросу еще въ царствованіе Императора Николая I.

Ростовцовъ, не колеблясь, направилъ меня къ государственному секретарю Буткову для немедленныхъ переговоровъ о назначеніи А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго въ составъ Комиссій въ качествѣ члена отъ правительства и спеціальнаго представителя государственной канцеляріи въ выкупномъ и хозяйственномъ отдѣленіяхъ Комиссій. Бутковъ съ удовольствіемъ согласился на желаніе Ростовцова; въ особенности же былъ доволенъ этимъ назначеніемъ Н. А. Милютинъ, какъ одинъ изъ лучшихъ друзей Заблоцкаго. Онъ признавалъ за работами А. П. Заблоцкаго въ составѣ главной лабораторіи Комиссій—хозяйственномъ отдѣленіи—такую важность, что, когда Заблоцкій въ іюнѣ 1859 г. вынужденъ былъ по болѣзни уѣхать на два мѣсяца за границу, то Милютинъ ходатайствовалъ передъ Ростовцовымъ о временномъ замѣщеніи Заблоцкаго его помощникомъ по департаменту государственной экономіи, К. И. Домонтовичемъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи также однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій.

Характеристика почтеннаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, игравшаго такую видную и первостепенную роль въ исторіи освобожденія крестьянъ, была уже приведена мною выше, въ главѣ 1-й: здѣсь же я нахожу умѣстнымъ охарактеризовать личность его достойнаго помощника.

К. И. Домонтовичъ принадлежалъ, какъ и Заблоцкій, къ малороссійской національности. Предокъ его Ив. Мих. Домонтовичъ былъ во второй половинѣ XVII вѣка запорожскимъ войсковымъ генеральнымъ судьею и однимъ изъ депутатовъ, посланныхъ запорожскимъ войскомъ къ Царю Алексѣю Михайловичу. К. И. Домонтовичъ родился въ 1820 г. въ Петербургѣ и окончилъ высшее образованіе сначала на юридическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго (въ 1840 г.), а потомъ и Гейдельбергскаго университетовъ; въ 1842 г. онъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, гдѣ, обнаруживъ свои выдающіяся дарова-

нія, подъ умѣлымъ руководствомъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго выработалъ изъ себя полезнаго и замѣчательно трудоспособнаго работника по крестьянскому дѣлу. Съ бытомъ крестьянъ онъ ознакомился сначала въ Пензенской, а потомъ въ Курской и Саратовской губерніяхъ, во время своихъ командировокъ въ 1844 г. для упорядоченія повинностей государственныхъ крестьянъ и для мѣстныхъ кадастровыхъ работъ. Привлеченный въ 1848 г. къ должности предсѣдателя центральной коммиссіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, онъ, по идеѣ и подъ руководствомъ Заблоцкаго-Десятовскаго, положилъ начало полезному изданію „Памятной книжки для сельскихъ хозяевъ“. Въ 1858 г. онъ былъ уже начальникомъ статистическаго отдѣленія министерства государственныхъ имуществъ, а въ 1859 г. былъ приглашенъ Заблоцкимъ-Десятовскимъ на должность помощника статсъ-секретаря департамента государственной экономіи.

Привлеченный въ составъ Редакціонныхъ Коммиссій сначала временнымъ замѣстителемъ А. П. Заблоцкаго, а потомъ и постояннымъ ихъ членомъ, онъ сдѣлался въ нихъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ и любимыхъ редакторовъ хозяйственнаго отдѣленія. Онъ охотно проводилъ безсонныя ночи надъ редакціонными работами, въ которыхъ проявлялъ не только необычайную трудоспособность и быстроту, но и замѣчательную объективность. По окончаніи работъ Редакціонныхъ Коммиссій К. И. Домонтовичъ перешелъ въ Главный Комитетъ, гдѣ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ помощникомъ С. М. Жуковскаго. Ему преимущественно принадлежитъ работа по обширному журналу Главнаго Комитета, замѣнившему собою не составленную, вслѣдствіе закрытія Коммиссій, подробную объяснительную записку къ законопроекту. Записка эта вмѣстѣ съ журналомъ Коммиссій была передана изъ Главнаго Комитета въ Государственный Совѣтъ и много содѣйствовала тому, что законопроектъ Редакціонныхъ Коммиссій не подвергся тамъ почти никакимъ измѣненіямъ.

Будучи назначенъ въ іюнѣ 1865 г. директоромъ департамента окладныхъ сборовъ министерства финансовъ, Домонтовичъ оказалъ еще двѣ крупныя услуги крестьянскому дѣлу, принявъ самое дѣятельное участіе, совмѣстно со мною, въ двухъ проведенныхъ, благодаря инищіативѣ министра финансовъ Н. Х. Бунге (бывшаго члена Редакціонныхъ Коммиссій), важныхъ для народнаго благосо-

стоянія мѣръ: пониженія выкупныхъ платежей и отмѣны подушныхъ сборовъ (1880—1882 гг.) Этотъ достойный представитель эпохи освобожденія крестьянъ умеръ въ званіи сенатора въ 1889 году.

Возвращаюсь къ своему разсказу о назначеніи членовъ отъ правительства въ составъ Редакціонныхъ Комиссій.

Послѣ назначенія членовъ отъ министерства финансовъ и государственной канцеляріи стояли на очереди сношенія по этому предмету съ министромъ государственныхъ имуществъ Муравьевымъ, отношеніе котораго къ дѣлу освобожденія крестьянъ еще далеко не выяснилось, такъ какъ, съ одной стороны, онъ былъ проведенъ въ министры противниками освобожденія, въ угоду которымъ онъ пошелъ на сокрушеніе въ ввѣренномъ ему министерствѣ всего того, что было выработано въ пользу крестьянскаго дѣла его предшественникомъ графомъ Киселевымъ, а съ другой стороны, искалъ сближенія съ Я. И. Ростовцовымъ, въ надеждѣ, получивъ на него вліяніе, захватить въ свои руки уже безповоротное, въ его глазахъ, дѣло освобожденія крестьянъ и дать ему такое направленіе, котораго онъ и самъ въ то время не предусматривалъ и которое было бы обусловлено исключительно его личными инстинктами и соображеніями.

Ростовцовъ со свойственнымъ ему тактомъ прекрасно понималъ настроеніе Муравьева, а потому старался, избѣгая всякихъ съ нимъ сближеній, выторговать у него только двухъ полезныхъ представителей министерства въ составъ Редакціонныхъ Комиссій. По совѣщаніи со мною выборъ Ростовцова остановился на двухъ лицахъ: вліятельномъ по своему положенію въ министерствѣ товарищѣ министра Д. П. Хрущовѣ и, по рекомендаціи моей, на предсѣдателѣ Московской палаты государственныхъ имуществъ П. Н. Павловѣ, какъ человѣкѣ прекраснаго образа мыслей по крестьянскому вопросу, хорошо знакомомъ съ бытомъ крестьянъ Московской промышленной области, такъ какъ онъ былъ долгое время помѣщикомъ Московской губерніи, уѣзднымъ предводителемъ дворянства и членомъ Московскаго губернскаго комитета.

Уполномоченный Ростовцовымъ, я поѣхалъ съ предложеніемъ этихъ двухъ лицъ въ кандидаты къ Муравьеву, который близко зналъ меня по Географическому Обществу и принялъ очень любезно, въ надеждѣ, что я помогу желаемому имъ сближенію его съ Ростовцовымъ.

Относительно кандидатуры Д. П. Хрущова никакая дипломатія моя помочь не могла. Хрущовъ былъ близкимъ сотрудникомъ графа Киселева по вопросу объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ и улучшеніи быта государственныхъ; онъ слишкомъ хорошо былъ знакомъ съ темными сторонами управленія Муравьева, чтобы быть для него persona grata при назначеніи на такой постъ, который, при покровительствѣ Великой Княгини Елены Павловны, расположенной къ нему по рекомендаціи графа Киселева, могъ служить Хрущову ступенью къ занятію имъ должности министра. Поэтому Муравьевъ категорически заявилъ мнѣ, что онъ никакъ не можетъ согласиться на назначеніе Д. П. Хрущова, объясняя, что Хрущовъ необходимъ ему въ министерствѣ, въ качествѣ его товарища; на назначеніе же Н. Н. Павлова онъ съ удовольствіемъ соглашается, считая его совершенно подходящимъ кандидатомъ, а такъ какъ два члена должны быть по Высочайшему повелѣнію назначены по соглашенію его съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій, то справедливость требуетъ, чтобы второй кандидатъ былъ выбранъ министромъ; со своей стороны онъ предлагаетъ В. П. Булыгина, пользующагося его полнѣйшимъ довѣріемъ, умнаго и дѣльнаго человѣка, занимающаго почетное мѣсто въ служебной іерархіи министерства.

Ростовцовъ, по сообщеніи мною отвѣта Муравьева и получивъ отъ меня справку насчетъ Булыгина,—о томъ, что онъ пользуется очень хорошею репутаціей въ министерствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ состоитъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ, будучи его родственникомъ, согласился на принятіе его кандидатуры, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ выразился, онъ успокоенъ тѣмъ, что блестящее по своему составу министерство государственныхъ имуществъ временъ графа Киселева уже достойно представлено въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ почтеннымъ ветераномъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ — А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ.

Здѣсь будутъ умѣстны нѣсколько словъ о Павловѣ и Булыгинѣ, ревностно вступившихъ въ свои обязанности членовъ Комиссій.

Н. Н. Павловъ принадлежалъ къ зажиточной помѣстной Московской дворянской фамиліи и родился въ 1822 г. въ помѣстьи своихъ родителей въ Серпуховскомъ уѣздѣ; онъ закончилъ высшее образованіе въ 1842 г. въ офицерскихъ классахъ Артиллерійскаго училища (нынѣ Артиллерійская академія); выйдя въ отставку, онъ

занялся управленіемъ своихъ помѣстій и, пробывъ нѣсколько лѣтъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, былъ приглашенъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ на должность предсѣдателя Московской палаты. Будучи назначенъ, при образованіи Московскаго губернскаго дворянскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ составъ этого комитета въ качествѣ члена отъ правительства, онъ, какъ человѣкъ выдающихся способностей и глубоко сочувствующій дѣлу освобожденія крестьянъ, сдѣлался лидеромъ либеральнаго меньшинства комитета.

Въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ онъ оказался весьма полезнымъ членомъ, работая въ особенности въ хозяйственномъ отдѣленіи, гдѣ на него была возложена редакція всѣхъ докладовъ, относящихся къ усадебному устройству крестьянъ, съ которымъ онъ былъ особенно хорошо знакомъ, такъ какъ въ Московской губерніи усадьбы, по ихъ промысловому значенію, играли и при крѣпостномъ правѣ важную роль въ благосостояніи крестьянъ. Н. Н. Павловъ былъ однимъ изъ любимыхъ редакторовъ хозяйственнаго отдѣленія, вносившимъ въ дѣло безпристрастную объективность и желаніе разрабатывать вопросы въ строгомъ соотвѣтствіи съ мнѣніями, выраженными большинствомъ членовъ. Въ частности, большинство хозяйственнаго отдѣленія приняло его предложеніе о допущеніи отдѣльнаго до-срочнаго погашенія домохозяевами всего числящагося на ихъ надѣльномъ земельномъ участкѣ выкупного долга и обращеніи его затѣмъ въ личную собственность, съ правомъ немедленнаго выхода изъ круговой поруки и выдѣла изъ состава сельскаго общества; это дало поводъ ко внесенію въ законопроектъ Коммиссій знаменитой послѣдствіями **165 ст. полож. о выкупѣ.**

Н. Н. Павловъ, со свойственною ему твердостью и благородствомъ характера, неуклонно держался мнѣній большинства Коммиссій и не дѣлалъ никакихъ уступокъ требованіямъ своего министра, желавшаго, чтобы онъ проводилъ въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ Коммиссій его личныя мнѣнія, такъ что Павловъ остался независимымъ въ своихъ работахъ по святому дѣлу, къ которому былъ призванъ.

По окончаніи работъ Коммиссій Н. Н. Павловъ вернулся, какъ и большинство членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, къ своимъ пенатамъ, на мѣсто предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ, которое по Высочайшему повелѣнію не могло быть занято, пока

онъ работалъ надъ составленіемъ законопроекта объ освобожденіи крестьянъ. Но свойства Н. Н. Павлова, его талантливость, стойкость и независимость его убѣжденій и рыцарское благородство характера, не допускавшее его ни до какого искательства, не благопріятствовали достиженію имъ высшихъ государственныхъ должностей. Н. Н. Павловъ умеръ въ 1882 г., не подвинувшись въ служебной іерархіи, но унося съ собою уваженіе людей, его знавшихъ, и заслуженную имъ добрую память объ его полезной дѣятельности въ великую эпоху русской исторіи.

Совершенно иначе дѣйствовалъ другой представитель министерства государственныхъ имуществъ, Василій Ивановичъ Булыгинъ.

Онъ принадлежалъ къ древней фамиліи помѣстныхъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1818 г. въ Москвѣ, получилъ прекрасное образованіе и, въ эпоху учрежденія Московскаго губернскаго дворянскаго комитета по устройству быта крестьянъ, былъ избранъ въ составъ его Верейскимъ дворянствомъ. Ни въ своей дѣятельности въ комитетѣ, ни тѣмъ болѣе въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ Булыгинъ не обнаруживалъ никакого крѣпостническаго направленія и вообще пользовался очень хорошею репутаціей, но по своимъ семейнымъ отношеніямъ стоялъ близко къ М. Н. Муравьеву и, принявъ назначеніе въ члены Редакціонныхъ Коммиссій отъ министерства государственныхъ имуществъ, находился въ полной отъ него, такъ сказать, личной зависимости и не могъ представлять ни интересовъ крестьянъ, въ пользу которыхъ предпринималась великая реформа, ни интересовъ того министерства, которое Императоръ Николай I учредилъ для борьбы съ крѣпостнымъ правомъ. Булыгинъ вынужденъ былъ пойти на роль исполнителя воли своего министра, которому необходимъ былъ вѣрный соглядатай того, что дѣлалось въ Коммиссіяхъ,—человѣкъ, который съ умомъ и знаніемъ дѣла могъ бы дѣйствовать въ средѣ Коммиссій такъ, какъ Муравьевъ по своимъ личнымъ соображеніямъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, счелъ бы для себя полезнымъ.

Въ началѣ дѣятельности Редакціонныхъ Коммиссій Муравьевъ не стѣснялъ своего представителя никакими инструкціями, и Булыгинъ принялъ полезное для Коммиссій участіе въ ихъ работахъ; Муравьевъ же, слѣдя за ними при содѣйствіи Булыгина, искалъ сближенія съ Ростовцовымъ и, идя навстрѣчу желаніямъ Государя,

вызывался даже пріискать новые доходы по ввѣренному ему министерству для обращенія ихъ на выкупъ земельныхъ надѣловъ помѣщичьихъ крестьянъ, о чемъ и дѣлалъ сообщеніе Ростовцову черезъ того же Булыгина. Но когда Муравьевъ убѣдился, что ни довѣрія Ростовцова, ни довѣрія Государя къ своимъ дѣйствіямъ по крестьянскому дѣлу онъ пріобрѣсти не можетъ, онъ поручилъ Булыгину поддерживать депутатовъ въ ихъ борьбѣ съ Редакціонными Коммиссіями, а затѣмъ, когда послѣ кончины Ростовцова ему не удалось ни попасть на его мѣсто, ни пріобрѣсти вліяніе на назначеннаго предсѣдателемъ графа Панина, онъ избралъ Булыгина орудіемъ борьбы для сокрушенія законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій. Честный душою Булыгинъ оказался недостаточно способнымъ на такую борьбу и, хотя онъ принесъ болѣе вреда, чѣмъ пользы великому дѣлу освобожденія крестьянъ, у пишущаго исторію великой эпохи едва ли поднимется рука, чтобы бросить камень обвиненія въ честнаго человѣка, который, какъ мы увидимъ ниже, помирившись со своей совѣстью, прожилъ еще десять лѣтъ по освобожденіи крестьянъ и умеръ въ 1871 г.

Когда дѣло дошло до назначенія члена отъ II (кодификаціоннаго) отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, то при встрѣчѣ Ростовцова съ главноуправляющимъ II отдѣленія, почтеннымъ Блудовымъ, послѣдній просилъ его принять въ члены Коммиссій отъ II отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества старшаго чиновника отдѣленія, профессора Н. В. Калачова, извѣстнаго историка-юриста, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и дворяниномъ-помѣщикомъ Саратовской губерніи.

На вопросъ Ростовцова о Калачовѣ я отвѣтилъ, что знаю Калачова какъ лично, такъ и со стороны его прекрасной научной дѣятельности, между прочимъ въ Географическомъ Обществѣ, и, сверхъ того, знаю, что онъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ дѣлу освобожденія крестьянъ. Ростовцовъ немедленно поручилъ мнѣ отправиться къ графу Д. Н. Блудову и сообщить ему о согласіи его на назначеніе Калачова. Почтенный старикъ, видѣвшій меня въ первый разъ, встрѣтилъ меня очень привѣтливо; онъ глубоко сочувствовалъ великому дѣлу освобожденія крестьянъ и сказалъ мнѣ, что возлагаетъ большія надежды на законодательныя работы учрежденія, составъ котораго, безъ сомнѣнія, будетъ блестящій, при той тщательности, съ которой Я. И. Ростовцовъ ве-

детъ подборъ его; Блудовъ разспрашивалъ меня о томъ, какъ будетъ вестись подборъ членовъ-экспертовъ, и сказалъ еще, что хотя въ настоящую минуту достаточно одного члена отъ II отдѣленія, но при дальнѣйшихъ работахъ, особливо когда начнется окончательная редакція законопроекта, онъ полагаетъ, что полезно было бы, чтобы отъ II отдѣленія въ Коммиссіи былъ назначенъ еще одинъ чиновникъ. На это я отвѣтилъ, что если графъ уже имѣетъ въ виду достойнаго по своимъ знаніямъ и направленію кандидата, то хорошо было бы, если бы онъ сдѣлался членомъ Коммиссій съ начала ихъ занятій, такъ какъ будущему кодификатору необходимо слѣдить за постепеннымъ развитіемъ каждой идеи, внесенной въ законопроектъ. Графъ Д. Н. Блудовъ очень обрадовался моему предложенію и сказалъ, что онъ особенно рекомендуетъ Я. И. Ростовцову младшаго чиновника II отдѣленія А. Н. Попова, уже пріобрѣтшаго извѣстность своимъ прекраснымъ патріотическимъ направленіемъ, своими историческими трудами и хорошо владѣющаго перомъ.

Н. В. Калачовъ и А. Н. Поповъ оказались впослѣдствіи очень полезными членами Редакціонныхъ Коммиссій.

Н. В. Калачовъ родился въ 1819 г., воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, окончилъ высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ въ 1840 г. по юридическому факультету и выработалъ изъ себя очень основательнаго историка-юриста; будучи вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ 40-хъ годовъ, онъ по гуманности своего характера уже за 20 лѣтъ до освобожденія крестьянъ занялся устройствомъ быта крестьянъ въ родовыхъ своихъ имѣніяхъ Саратовской губерніи.

Возвратившись въ Москву послѣ пятилѣтняго пребыванія въ деревнѣ, гдѣ онъ основательно ознакомился съ бытомъ русскаго народа и изучилъ на практикѣ основанныя на обычномъ правѣ отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, онъ вынесъ оттуда глубокое убѣжденіе въ необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Защитивъ въ Москвѣ диссертацію о „русской правдѣ“, онъ въ 1848 г. занялъ каѳедру исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ, послѣ ухода съ этой каѳедры К. Д. Кавелина Во время своей профессуры онъ заслужилъ авторитетное имя въ наукѣ не только своими прекрасными изслѣдованіями по исторіи русскаго права, какъ, напримѣръ, „О значеніи

Кормчей книги въ системѣ русскаго права", но и по изданію „Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній о Россіи". При этомъ Н. В. Калачовъ не ограничился дѣятельностью кабинетнаго ученаго, но еще совершилъ поѣздку въ центральную черноземную Россію съ археологической цѣлью. Привлеченный просвѣщеннымъ графомъ Блудовымъ на службу въ Петербургъ, гдѣ II отдѣленіе Собственной Канцеляріи Его Величества поручило ему редакцію третьяго изданія гражданскихъ законовъ, онъ отсюда и былъ назначенъ, по соглашенію графа Блудова съ Ростовцовымъ, членомъ Редакціонныхъ Комиссій, гдѣ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ работниковъ юридическаго отдѣленія. Возложенный на него докладъ отдѣленія о прекращеніи крѣпостного права привлекъ къ нему симпатіи всѣхъ его товарищей, и съ тѣхъ поръ онъ пользовался среди нихъ заслуженнымъ авторитетомъ по вопросамъ, относящимся въ особенности къ исторіи русскаго законодательства. Поэтому, при разработкѣ историческо-юридической стороны крестьянскаго вопроса, Калачовъ принесъ большую пользу законодательной работѣ Редакціонныхъ Комиссій, но что касается разрѣшенія важнѣйшихъ аграрныхъ условій освобожденія крестьянъ, Калачовъ не внесъ никакого особеннаго творчества въ дѣло; зато своею гуманностью, патріотизмомъ, любовью къ русскому народу и высокой честностью своихъ убѣжденій онъ заслужилъ всеобщее уваженіе среди своихъ товарищей. Онъ пережилъ эпоху освобожденія крестьянъ на 24 года (скончался въ 1885 г.) и въ эту четверть столѣтія успѣлъ принести еще много пользы наукѣ и отечеству, особенно своей дѣятельностью въ средѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Археологическаго Института, котораго онъ былъ первымъ директоромъ.

Александръ Николаевичъ Поповъ, горячо рекомендованный Ростовцову почтеннымъ графомъ Д. Н. Блудовымъ, оказался не менѣе полезнымъ членомъ Комиссій, чѣмъ Калачовъ. Родился онъ въ 1821 г. въ Рязанской купеческой семьѣ и блистательно окончилъ свое обученіе въ Рязанской гимназіи, а высшее образованіе въ Московскомъ университетѣ. Умный, талантливый отъ природы и достаточно ознакомленный съ народнымъ бытомъ, онъ сдѣлался другомъ народа, патріотомъ въ душѣ и страстнымъ изслѣдователемъ русской исторіи, по которой онъ напечаталъ (1847 — 1858 гг.) нѣсколько интересныхъ трудовъ, помѣщенныхъ въ Московскомъ

Сборникѣ, Русскомъ Вѣстникѣ и „Архивѣ“ Калачова; вступивъ въ кружокъ славянофиловъ, онъ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся среди нихъ.

Своими трудами по русской исторіи и интересною перепиской со Стаховичемъ, Кошелевымъ, Елагинымъ, Бѣляевымъ, Ундольскимъ и Катковымъ онъ обратилъ на себя вниманіе графа Блудова, который, принявъ его на службу во II отдѣленіе Собственной Канцеляріи Его Величества, сталъ возлагать на него значительныя кодификаціонныя работы по своду законовъ и рекомендовалъ его Ростовцову, какъ опытнаго редактора, живо сочувствующаго освобожденію крестьянъ. Выборъ графа Блудова оказался очень счастливымъ какъ со стороны нравственныхъ качествъ А. Н. Попова, такъ и по его глубокому патріотизму и искреннему сочувствію дѣлу освобожденія крестьянъ. Онъ явился вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ преданнымъ помощникомъ лучшаго по высокимъ душевнымъ качествамъ дѣятеля эпохи освобожденія, Ю. Ѳ. Самарина. Поповъ пережилъ эпоху освобожденія, несмотря на сравнительно нестарые свои годы, только на 16 лѣтъ, успѣвъ еще оказать нѣкоторыя услуги отечеству своими кодификаціонными, а наукѣ—своими историческими работами.

Послѣ такого счастливаго подбора представителей отъ II отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества Ростовцовъ вошелъ въ сношенія съ министромъ Двора и удѣловъ графомъ В. Ѳ. Адлербергомъ, такъ какъ въ вѣдѣніи его министерства находились всѣ удѣльные крестьяне. Переговоры по вопросу о выборѣ представителей отъ министерства съ графомъ Адлербергомъ, какъ съ однимъ изъ высшихъ сановниковъ государства и притомъ далеко не сочувствовавшимъ освобожденію крестьянъ, Ростовцовъ принялъ на себя лично и поѣхалъ самъ къ графу Адлербергу съ просьбою о назначеніи въ члены Редакціонной Комиссіи отъ министерства Двора и удѣловъ человѣка, наиболѣе знакомаго съ экономическимъ положеніемъ и бытомъ удѣльныхъ и горнозаводскихъ крестьянъ. Графъ Адлербергъ послѣ посѣщенія Ростовцова уже письменно предложилъ въ члены Комиссіи правителя дѣлъ своего министерства Н. Н. Арапетова.

Ростовцовъ, не зная лично Арапетова, обратился ко мнѣ за справками о немъ и объ его направленіи. Я успокоилъ Ростовцова отвѣтомъ, что я хорошо знаю Арапетова, какъ дѣятельнаго члена

Русскаго Географическаго Общества, человѣка блестящихъ способностей и европейскаго образованія, очень либеральнаго по своему направленію и преданнаго друга Н. А. Милютина; я замѣтилъ при этомъ, что Арапетовъ по своему положенію въ министерствѣ Двора имѣетъ несомнѣнное вліяніе на графа Адлерберга, какъ благодаря своему знанію крестьянскаго быта, такъ и вслѣдствіе своей прежней службы въ министерствѣ графа Киселева, а какъ дворянинъ-помѣщикъ Калужской губерніи и участникъ по наслѣдству въ горнозаводскихъ Лазаревскихъ имѣніяхъ Пермской губерніи, онъ можетъ быть очень полезенъ при обсужденіи устройства и улучшенія быта горнозаводскихъ и удѣльныхъ крестьянъ. Ростовцовъ безо всякихъ колебаній рѣшился принять Арапетова въ члены Комиссій.

И. П. Арапетовъ родился въ 1811 г., принадлежалъ къ армянской дворянской фамиліи, состоялъ въ близкомъ родствѣ съ Лазаревыми, Деляновымъ и княземъ Абамелекомъ. Учился онъ въ Лазаревскомъ институтѣ, а высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ; въ 1837 г. онъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ вскорѣ по его учрежденіи, развился въ своей служебной дѣятельности подъ руководствомъ „Нестора“ крестьянскаго дѣла, основательнаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, и сдѣлался пылкимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Человѣкъ блестящаго ума, живой и остроумный, обладавшій тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, онъ попалъ рано въ среду русскихъ литераторовъ и сталъ другомъ Н. А. Некрасова, В. П. Боткина, И. И. Панаева, Дружинина, Тургенева, а вмѣстѣ съ ними— М. Н. Лонгинова, Н. А. Милютина и К. Д. Кавелина. Въ Милютинѣ онъ сумѣлъ оцѣнить будущаго истинно-государственнаго человѣка и сдѣлался его поклонникомъ и самымъ вѣрнымъ другомъ, а тамъ, гдѣ Милютину предстояла борьба,—и его вѣрнымъ оруженосцемъ. Сдѣлавшись въ 1851 г. членомъ Русскаго Географическаго Общества, онъ примкнулъ къ антинѣмецкой партіи, которой лидеромъ былъ Н. А. Милютинъ, и очень содѣйствовалъ побѣдѣ этой партіи. Еще болѣе сильнымъ и рѣшительнымъ союзникомъ Милютина явился Арапетовъ съ 1856 г., когда началось крестьянское дѣло. По вступленіи своемъ въ члены Редакціонныхъ Комиссій отъ министерства Двора и удѣловъ въ 1859 г., онъ, конечно, примкнулъ къ большинству Комиссій, лидеромъ котораго былъ Н. А. Милю-

тии, и былъ чрезвычайно полезенъ Коммисіямъ не столько въ ихъ работахъ по составленію законопроекта, сколько въ борьбѣ за нихъ въ общественныхъ сферахъ. Не менѣе полезнымъ оказалось его вліяніе на устройство быта удѣльныхъ и заводскихъ крестьянъ; его знакомство съ бытомъ и экономическимъ положеніемъ Уральскихъ горнозаводскихъ крестьянъ также принесло большую пользу Редакціоннымъ Коммисіямъ.

Наименьшую важность изъ всѣхъ назначеній въ члены Редакціонныхъ Коммисій отъ правительства имѣло въ глазахъ Ростовцова назначеніе члена отъ IV отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, требовавшееся только потому, что вѣдомство Императрицы Маріи имѣло своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Но такъ какъ количество этихъ крестьянъ, доставшихся вѣдомству по духовнымъ завѣщаніямъ, было очень невелико, да и мѣстонахожденіе завѣщанныхъ помѣстій случайно, то, очевидно, ихъ положеніе не представляло никакихъ особенностей, и на нихъ можно было распространить законопроектъ, примѣняемый къ другимъ помѣстьямъ тѣхъ же губерній. Поэтому Ростовцовъ желалъ только, чтобы представителемъ вѣдомства было назначено такое лицо, которое не препятствовало бы работамъ Коммисій.

Назначеніе члена отъ IV отдѣленія въ Редакціонныя Коммисіи зависѣло отъ соглашенія съ Ростовцовымъ главноуправляющаго вѣдомствомъ Императрицы Маріи, Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Такъ какъ основными свойствами Принца были его сердечная доброта, гуманность и безпредѣльная преданность Государю, то въ сочувствіи его освобожденію крестьянъ не было возможности сомнѣваться; впрочемъ, направленія работъ Коммисій онъ очень боялся, опасаясь, что онѣ могутъ привести къ народнымъ волненіямъ и даже къ революціи. Потому Ростовцовъ не рѣшился обратиться прямо къ Принцу съ просьбою о назначеніи члена Редакціонныхъ Коммисій отъ ввѣреннаго ему вѣдомства, а поручилъ мнѣ переговорить предварительно объ этомъ предметѣ съ статсъ-секретаремъ Шторхомъ, ближайшимъ помощникомъ Принца. Ростовцовъ просилъ меня передать Шторху, что, если въ ихъ вѣдомствѣ найдется человѣкъ, знакомый съ народнымъ бытомъ и экономическимъ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ и сочувствующій ихъ освобожденію, то онъ, Ростовцовъ, проситъ Принца о назначеніи этого лица; если же таковаго не окажется, то желательно было бы

имѣть какого-нибудь немудраго человѣка, который не мѣшалъ бы работамъ другихъ.

Назначенъ былъ старшій чиновникъ IV отдѣленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Антоновичъ Кристофари, грекъ по происхожденію, не владѣвшій никакимъ недвижимымъ имуществомъ. Умственныя и нравственныя его качества и личныя его мнѣнія такъ и остались никому изъ насъ неизвѣстными, такъ какъ онъ, хотя почти и не манкировалъ въ засѣданіяхъ общихъ собраній Комиссіи, но ни разу не произнесъ ни одного слова, вотируя во всѣхъ случаяхъ съ либеральнымъ большинствомъ Комиссіи, чѣмъ и возбудилъ къ себѣ расположеніе этого большинства.

ГЛАВА VIII.

Избраніе членовъ-экспертовъ. Условія, отъ нихъ требуемыя. Лица, на которыя палъ выборъ Ростовцова, и ихъ приглашеніе. Характеристика этихъ лицъ: Ю. Ѳ. Самаринъ и А. Н. Татариновъ; В. В. Тарновскій и Г. П. Галаганъ; Н. П. Желѣзновъ, Н. Х. Бунге, А. Д. Желтухинъ, П. А. Булгаковъ.

Во время оживленныхъ переговоровъ съ подлежащими министрами и главноуправляющими о назначеніи ими, по соглашенію съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій, членовъ въ эти Комиссіи отъ ввѣренныхъ имъ учрежденій, Я. И. Ростовцовъ былъ сильно озабоченъ Высочайше возложеннымъ на него порученіемъ избрать *членовъ-экспертовъ*, которые должны были быть приглашены въ составъ Комиссій отъ имени самого Государя. Задача была нелегкая. Нужно было собрать со всей Россіи не менѣе 15 лицъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству, слѣдовательно, совершенно независимыхъ отъ какихъ бы то ни было служебныхъ отношеній или подчиненій и добровольно идущихъ „по зову Государя“ на самоотверженную работу по великому дѣлу освобожденія крестьянъ.

Я. И. Ростовцовъ, призвавъ пока только меня одного себѣ на помощь въ этомъ трудномъ дѣлѣ, объяснилъ мнѣ, что онъ при организаціи Комиссій придаетъ самое большое значеніе избранію членовъ-экспертовъ, такъ какъ на нихъ, какъ на мѣстныхъ людяхъ, близко знакомыхъ съ бытомъ, потребностями и мѣстными экономическими условіями русскаго народа, будетъ лежать большая часть работъ по разрѣшенію крестьянскаго дѣла и въ особенности земельнаго устройства крестьянъ. Ростовцовъ справедливо заключалъ, что при такихъ условіяхъ отвѣтственность за избраніе

членовъ-экспертовъ, приглашенныхъ именемъ самого Государя, падающая всецѣло на насъ обоихъ, чрезвычайно велика.

Въ отвѣтъ на слова Якова Ивановича я предложилъ ему опредѣлить заблаговременно, какимъ условіямъ должны отвѣчать подлежащіе избранію его члены-эксперты, на что онъ изъявилъ полное согласіе.

Установлено было между нами, что прежде всего избираемыя лица должны имѣть вполнѣ *безукоризненное прошлое* и совершенно независимое положеніе, быть убѣжденными сторонниками земельнаго освобожденія крестьянъ и, наконецъ, что они должны быть дѣйствительными *экспертами*, т.-е. или истинными знатоками крестьянскаго быта и аграрныхъ условій той или другой области обширнаго русскаго государства, или учеными и основательными спеціалистами по одному изъ прикладныхъ къ экономической жизни народа знаній.

Лицъ, соотвѣтствующихъ этимъ условіямъ, слѣдуетъ искать преимущественно въ средѣ губернскихъ комитетовъ, какъ уже участвовавшихъ въ обсужденіи крестьянскаго вопроса, или, по крайней мѣрѣ, въ средѣ помѣстнаго дворянства, занимавшагося въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени сельскимъ хозяйствомъ и управленіемъ крестьянами въ своихъ помѣстьяхъ.

Этимъ и закончилось наше первое по выбору членовъ-экспертовъ совѣщаніе; Ростовцовъ назначилъ второе на слѣдующій же день, прося меня, какъ уже основательно изучившаго всѣ поступившіе законопроекты (такъ называемыя „положенія губернскихъ комитетовъ“), составить для него предварительный списокъ тѣхъ лицъ изъ состава губернскихъ комитетовъ, которыхъ я могъ бы ему рекомендовать въ члены-эксперты Коммиссіи, какъ соотвѣтствующихъ опредѣленнымъ на нашемъ совѣщаніи условіямъ.

При составленіи этого предварительнаго списка я старался, по возможности, чтобы каждая изъ крупныхъ областей Россіи, заключающихъ въ себѣ много помѣстій, населенныхъ подлежащими освобожденію крѣпостными людьми, была въ немъ представлена однимъ или двумя экспертами.

Въ мой списокъ вошли изъ членовъ губернскихъ комитетовъ слѣдующія лица, большею частью лидеры и составители лучшихъ законопроектовъ, выработанныхъ меньшинствами губернскихъ комитетовъ:

А) По Центральной черноземной области:

1) князь В. А. Черкасскій, составитель законопроекта меньшинства Тульскаго комитета,

2) А. И. Кошелевъ, составитель законопроекта меньшинства Рязанскаго комитета.

Б) По Волжской черноземной области:

3) Ю. Ѳ. Самаринъ, составитель законопроекта меньшинства Самарскаго комитета,

4) А. Н. Татариновъ, составитель законопроекта меньшинства Симбирскаго Комитета.

В) По Малороссійской области:

5) В. В. Тарновскій и

6) Г. П. Галаганъ, составители законопроекта меньшинства Черниговскаго комитета.

Г) По Московской промышленной области:

7) А. М. Унковскій, Тверской губернскій предводитель дворянства, составитель законопроекта большинства Тверского комитета [1]).

Д) По Озерной области (С.-Петербургской, Новгородской, Псковской и Олонецкой губерніямъ) я предложилъ:

8) Графа П. П. Шувалова, предводителя С.-Петербургскаго дворянства, оговорившись, впрочемъ, что при его несомнѣнномъ сочувствіи земельному освобожденію крестьянъ можно, однакоже, ожидать отъ него опаснаго для пользы дѣла разномыслія со взглядами большинства будущихъ членовъ Комиссіи, такъ какъ идеаломъ аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами гр. Шуваловъ считалъ остзейское крестьянское положеніе.

Признавая необходимымъ имѣть кромѣ того членовъ-экспертовъ отъ Сѣверо-западнаго и Юго-западнаго края, я предложилъ Я. И. Ростовцову повременить съ ихъ выборомъ до окончанія на мѣстѣ работъ общихъ сводныхъ коммиссій, Кіевской и Виленской.

На второмъ нашемъ совѣщаніи вопросъ о выборѣ членовъ-экспертовъ былъ въ значительной мѣрѣ разрѣшенъ Ростовцовымъ.

Изъ предложенныхъ мною кандидатовъ два — кн. Черкасскій

---

[1]) Вторымъ членомъ-экспертомъ отъ Московской области былъ бы мною предложенъ членъ Московскаго губернскаго комитета Н. Н. Павловъ, если бы онъ не былъ уже назначенъ въ члены Комиссіи отъ министерства государственныхъ имуществъ.

и Самаринъ—были имъ немедленно приняты, такъ какъ они пріобрѣли уже громкую извѣстность работами по крестьянскому дѣлу, и Ростовцовъ былъ самаго высокаго мнѣнія объ ихъ талантахъ и нравственныхъ достоинствахъ. На приглашеніе А. Н. Татаринова, В. В. Тарновскаго и Г. П. Галагана Ростовцовъ также съ удовольствіемъ согласился, опираясь на мой отзывъ объ ихъ нравственныхъ качествахъ и свойствахъ ихъ дѣятельности въ губернскихъ комитетахъ, и поручилъ мнѣ немедленно заготовить письма (за его подписью) съ приглашеніемъ этихъ пяти лицъ отъ имени Государя къ участію въ работахъ Комиссій въ качествѣ членовъ-экспертовъ.

На приглашеніе А. И. Кошелева предсѣдатель Комиссій не изъявилъ согласія. Онъ нашелъ, что Кошелевъ не подходитъ подъ первое изъ установленныхъ нами условій, такъ какъ онъ составилъ себѣ огромное состояніе откупами, противъ которыхъ Я. И. Ростовцовъ велъ рѣшительную борьбу, считая ихъ однимъ изъ самыхъ вредныхъ и развращающихъ элементовъ русскаго государственнаго строя.

Не согласился Ростовцовъ и на приглашеніе въ составъ Комиссій А. М. Унковскаго, считая его слишкомъ пылкимъ и неумѣреннымъ политическимъ агитаторомъ, который непремѣнно будетъ возбуждать въ Комиссіяхъ вопросы, выходящіе изъ предѣловъ непосредственной нашей задачи,—составленія проекта освобожденія крестьянъ.

Также не согласился Ростовцовъ и на приглашеніе въ члены-эксперты графа П. П. Шувалова, опасаясь, что онъ, сгруппировавъ около себя сильную при Дворѣ остзейскую партію, явится рѣшительнымъ противникомъ выкупа крестьянскихъ надѣльныхъ земель.

Вызовъ членовъ-экспертовъ изъ Сѣверо-западнаго и Юго-западнаго края былъ, согласно моему предложенію, отложенъ, и мы перешли къ избранію такихъ членовъ-экспертовъ, которые могли быть особенно полезными какъ по научнымъ и практическимъ познаніямъ своимъ, такъ и по своей прежней дѣятельности.

Прежде всего Ростовцовъ желалъ, чтобы въ составѣ Комиссій были лица, хорошо знакомыя съ наукою и практикою сельскаго хозяйства.

Въ качествѣ лица, удовлетворяющаго первому условію, я

предложилъ извѣстнаго академика и профессора сельскаго хозяйства Н. П. Желѣзнова, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ безукоризненнымъ помѣщикомъ Новгородской губерніи и членомъ отъ правительства въ Новгородскомъ губернскомъ комитетѣ. Предложеніе мое Ростовцовъ принялъ съ видимымъ удовольствіемъ, такъ какъ болѣе патентованнаго представителя сельско-хозяйственной науки трудно было найти; при выборѣ же лица, хорошо знакомаго съ практикою сельскаго хозяйства, Я. И. Ростовцовъ остановился на Данковскомъ помѣщикѣ Н. П. Шишковѣ, пользовавшемся общимъ уваженіемъ среди Рязанскаго дворянства и громкой извѣстностью, въ качествѣ одного изъ лучшихъ сельскихъ хозяевъ въ центральной черноземной Россіи.

Затѣмъ Ростовцовъ нашелъ необходимымъ имѣть въ составѣ Комиссій свободнаго представителя политической экономіи, статистики или финансовыхъ наукъ изъ профессоровъ университетовъ. Я рекомендовалъ ему профессора Кіевскаго университета Н. Х. Бунге, какъ въ высшей степени достойнаго представителя этихъ наукъ, высоко стоявшаго по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ и просвѣщеннаго сторонника освобожденія крестьянъ, и онъ былъ охотно принятъ Ростовцовымъ въ члены-эксперты Комиссій.

Затѣмъ Ростовцовъ самъ предложилъ въ члены-эксперты, въ качествѣ человѣка, обладающаго большими практическими финансовыми способностями, уже извѣстнаго изъ предыдущаго изложенія М. П. Позена, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и опытнымъ сельскимъ хозяиномъ, и помѣщикомъ Полтавской губерніи, пользовавшимся большимъ довѣріемъ дворянства этой губерніи.

Я, хотя и не зналъ лично М. П. Позена, со своей точки зрѣнія горячо возражалъ противъ выбора его въ члены Редакціонныхъ Комиссій, находя, что направленіе, принятое имъ въ крестьянскомъ дѣлѣ въ Малороссійскихъ губерніяхъ, совершенно несовмѣстимо съ великодушнымъ направленіемъ въ этомъ дѣлѣ лучшихъ представителей крупной поземельной собственности въ Малороссіи,—Тарновскаго и Галагана, несовмѣстимо и съ тѣмъ направленіемъ, которое создано для Юго-западнаго края работами по инвентарнымъ правиламъ истиннаго русскаго патріота Ю. Ѳ. Самарина. Кромѣ того, я напомнилъ Ростовцову, что М. П. Позенъ не менѣе Кошелева не соотвѣтствуетъ первому поставленному Яко-

вомъ Ивановичемъ для выбора въ члены-эксперты Коммиссій условію, такъ какъ общественное мнѣніе признаетъ, что Позенъ составилъ себѣ очень крупное состояніе участіемъ въ казенныхъ поставкахъ въ то время, когда онъ былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Яковъ Ивановичъ, по чистотѣ своей души, не хотѣлъ вѣрить этому, но желая оставаться вѣрнымъ поставленному имъ самимъ условію, обратился за справкою по этому предмету къ лицу, которое по рекомендаціи Позена, при его выходѣ въ отставку, было взято Ростовцовымъ на должность письмоводителя и которое было самымъ близкимъ Позену довѣреннымъ лицомъ во всѣхъ его частныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ. Лицо это, спрошенное неожиданно Ростовцовымъ, объяснило ему съ достаточной ясностью весь ходъ этихъ частныхъ дѣловыхъ сношеній, и Ростовцовъ пришелъ къ убѣжденію, что Позенъ не подходитъ подъ условія, имъ требуемыя отъ члена-эксперта Редакціонныхъ Коммиссій, при чемъ отложилъ вопросъ о выборѣ Позена до начала работъ финансоваго отдѣленія Коммиссій, гдѣ его присутствіе могло быть признано необходимымъ самимъ Государемъ.

Вслѣдъ затѣмъ Ростовцовъ нашелъ полезнымъ пригласить въ составъ Коммиссій и одного изъ представителей развившейся уже въ то время публицистики по крестьянскому дѣлу. Выборъ его палъ на Алексѣя Дмитріевича Желтухина, прилежно издававшаго въ то время Журналъ Землевладѣльцевъ, добросовѣстно стремившійся къ соглашенію интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Наконецъ, Я. И. Ростовцовъ счелъ необходимымъ привлечь въ члены-эксперты Коммиссій еще одно лицо, по своей опытности и практическимъ познаніямъ могущее быть крайне полезнымъ въ средѣ Коммиссій и глубоко сочувствовавшее освобожденію крестьянъ. Это былъ статсъ-секретарь Н. А. Булгаковъ, занимавшій въ то время должность генералъ-провіантмейстера и знакомый въ подробности съ вопросомъ о снабженіи арміи хлѣбомъ. Вопросъ этотъ служилъ главнымъ аргументомъ противъ освобожденія труда, такъ какъ противники освобожденія крестьянъ всѣми силами старались доказать, что съ уничтоженіемъ барщины армія надолго останется безъ хлѣба, котораго главными производителями и поставщиками всегда были помѣщики, а не крестьяне. Присутствіе Н. А. Булгакова въ качествѣ члена-эксперта въ Коммиссіяхъ, по мнѣнію Ростовцова, должно было принести пользу еще и потому, что онъ былъ круп-

нымъ помѣщикомъ Тамбовской губерніи и опытнымъ администраторомъ, управлявшимъ съ большою энергіей Тамбовскою губерніей въ теченіе многихъ лѣтъ, и за время своей служебной дѣятельности пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную репутацію безукоризненнаго человѣка.

Этимъ окончилось наше двухдневное совѣщаніе, и на слѣдующій же день по его окончаніи я заготовилъ одиннадцать писемъ къ избраннымъ Ростовцовымъ лицамъ съ приглашеніемъ ихъ отъ имени Государя членами-экспертами Редакціонныхъ Комиссій и повелѣніемъ явиться для того въ Петербургъ возможно скорѣе.

Письма эти (въ томъ числѣ и письмо Ростовцова ко мнѣ), предварительно доложенныя Государю на личномъ докладѣ Ростовцова, были черезъ три дня разосланы въ разные концы Россіи, и только одинъ изъ приглашенныхъ, Н. П. Шишковъ, отвѣтилъ, что его старость и слабость силъ препятствуютъ его переѣзду въ Петербургъ, но что онъ отдастъ себя въ распоряженіе предсѣдателя Комиссій, если отъ него потребуютъ какія-либо свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, интересующимъ Комиссіи. Остальныя 9 лицъ поспѣшили прибыть въ Петербургъ для того, чтобы по манію Царя отдать самоотверженно всѣ свои силы на служеніе великому дѣлу.

Я считаю умѣстнымъ дать здѣсь, вмѣстѣ съ ихъ характеристикою, необходимою для исторіи крестьянскаго дѣла, и краткія о нихъ біографическія свѣдѣнія, такъ какъ каждый изъ нихъ сыгралъ свою болѣе или менѣе видную роль въ исторіи великой эпохи.

Кн. Черкасскій уже былъ охарактеризованъ мною выше. Перехожу къ характеристикѣ и къ своимъ свидѣтельскимъ показаніямъ о заслугахъ другого члена-эксперта—Ю. Ѳ. Самарина, бывшаго одною изъ самыхъ яркихъ звѣздъ въ созвѣздіи, которому суждено было разрѣшить участь русскаго народа на цѣлые полвѣка.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ родился въ Москвѣ въ 1816 г., принадлежалъ къ знатной и богатой дворянской семьѣ и окончилъ высшее образованіе на филологическомъ факультетѣ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ съ увлеченіемъ занимался изученіемъ философскихъ ученій Гегеля. Принадлежа по своимъ связямъ къ высшей Московской интеллигенціи, Ю. Ѳ. Самаринъ примкнулъ къ славянофильскому направленію и сдѣлался однимъ изъ самыхъ выдающихся его представителей. Послѣ защиты своей замѣчательной магистерской диссертаціи „О Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеоѳанѣ Про-

коновичѣ" въ Московскомъ университетѣ, Самаринъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ 1-й департаментъ правительствующаго сената. Блестящія его способности обратили на него вниманіе его ближайшаго начальника, чиновника стараго закала, считавшагося однимъ изъ самыхъ умныхъ и дѣльныхъ оберъ-секретарей правительствующаго сената. И дѣйствительно, этотъ оберъ-секретарь сразу оцѣнилъ талантливость Ю. Ѳ. Самарина и его высокое образованіе и, опредѣливъ его на должность секретаря сената, поручилъ ему въ видѣ опыта составленіе сенатскаго опредѣленія по одному изъ самыхъ важныхъ и сложныхъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ 1-го департамента. Самаринъ, изучивъ это дѣло со свойственной ему основательностью, приготовилъ опредѣленіе, исчерпывающее дѣло и дающее ему самое правильное по закону и прекрасно мотивированное разрѣшеніе по существу.

Заслуженный оберъ-секретарь, привыкшій держать себя очень величественно со своими подчиненными, прочтя проектъ сенатскаго опредѣленія, составленный Самаринымъ, призвалъ его къ себѣ и обратился къ нему со слѣдующимъ замѣчаніемъ: „я знаю, что ты уменъ и ученъ, и вижу, что ты превосходно разобралъ трудное дѣло по существу, но что̀ и для кого ты писалъ и что̀ представилъ мнѣ по начальству? Это умная и ученая диссертація, за которую университетъ можетъ тебя удостоить степени доктора, но не проектъ сенатскаго опредѣленія; ты забылъ самое главное, а именно, что сенаторъ глупъ и его не пойметъ, а вотъ посмотри, какъ я передѣлаю твою работу, и тогда всякій дуракъ ее пойметъ". И дѣйствительно, оберъ-секретарь привелъ работу Самарина къ формѣ той канцелярской хріи, которая была выработана опытными сенатскими „шрейберами", присоединенными Петромъ Великимъ къ несомнѣнно умнымъ, но неопытнымъ въ письменномъ дѣлѣ сенаторамъ, Имъ назначаемымъ.

Цѣлыхъ три года, т.-е. не меньше времени, чѣмъ геніальный по своему государственному уму Н. А. Милютинъ, посвятилъ Самаринъ изученію этой канцелярской хріи, которая не могла понравиться ему, потому что при служебныхъ занятіяхъ отъ чиновниковъ требовался одинаковый трудъ какъ въ самомъ важномъ, такъ и въ самомъ ничтожномъ дѣлопроизводствѣ.

Ю. Ѳ. Самаринъ не остался на службѣ въ сенатѣ: его тянуло на русскія окраины, ему, какъ истинному патріоту, хотѣлось озна-

комиться съ условіями экономическаго и общественнаго быта окраинъ и съ положеніемъ тамъ русскаго дѣла. Въ 1847 г. Самаринъ, перейдя въ министерство внутреннихъ дѣлъ, отправился въ Ригу въ качествѣ дѣлопроизводителя комиссіи, на которую была возложена ревизія тамошняго городского управленія, а по окончаніи работъ комиссіи былъ оставленъ въ Ригѣ, въ качествѣ состоящаго при генералъ-губернаторѣ Е. А. Головинѣ. Во время двухлѣтняго пребыванія въ Ригѣ Самаринъ прилежно изучилъ Рижскій архивъ, написалъ напечатанную въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ замѣчательную книжку: „Общественное устройство города Риги", и писалъ своимъ друзьямъ письма изъ Риги, въ которыхъ обсуждалъ отношенія къ Россіи прибалтійскаго дворянства. Письма эти, получивъ въ 1849 г. въ рукописномъ видѣ распространеніе въ средѣ столичной интеллигенціи, вызвали въ высшихъ правительственныхъ сферахъ такое сильное неудовольствіе, что Самаринъ былъ посаженъ въ крѣпостное заключеніе и привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ разглашеніи служебныхъ тайнъ.

Дѣло дошло до Императора Николая I, который такъ заинтересовался имъ, что призвалъ 30-лѣтняго Самарина для личныхъ объясненій изъ крѣпостного заключенія. Ю. Ѳ. Самаринъ, со свойственными ему прямодушіемъ, патріотизмомъ и душевной чистотою, имѣлъ мужество объяснить Государю, что по прибытіи своемъ по служебнымъ обязанностямъ въ Остзейскій край онъ былъ, какъ вѣрноподданный русскаго Государя, пораженъ тѣмъ, что въ теченіе 140 лѣтъ по отдѣленіи Остзейскаго края отъ Швеціи и окончательномъ присоединеніи его къ Россіи русская политика была направлена къ тому, чтобы подчинить отторгнутый отъ Швеціи эстскій и латышскій народъ вліянію и даже владычеству остзейскаго, исключительно нѣмецкаго дворянства и такимъ путемъ онѣмечить край; конечно, лояльность балтійскихъ нѣмцевъ не подлежитъ сомнѣнію, и отъ нихъ нельзя ожидать такихъ мятежей, какіе возникаютъ въ Западномъ краѣ среди польскаго дворянства, но что постепенно онѣмеченный край при неблагопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ можетъ „отвалиться" (собственное выраженіе Самарина) отъ Россіи. Высокая честность и глубокій патріотизмъ убѣжденій Самарина произвели благопріятное впечатлѣніе на Державнаго русскаго патріота, и Императоръ Николай I приказалъ освободить Самарина изъ заключенія, но послалъ его на службу въ Симбир-

скую губернію подъ надзоръ тамошняго губернатора; впрочемъ, въ томъ же году онъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова.

На новомъ мѣстѣ онъ былъ еще болѣе пораженъ аграрною политикой, которая велась тамъ еще со времень послѣдняго раздѣла Польши въ теченіе 70 лѣтъ и состояла въ томъ, что, освободивъ отъ польскаго владычества всю Днѣпровскую Русь, правительство все еще поддерживало въ ней иго, подъ которымъ находился русскій православный народъ у прежнихъ его польскихъ завоевателей. Съ небывалою энергіей и талантливостью поддерживалъ Самаринъ генералъ-губернатора Бибикова въ его стремленіи положить конецъ такому непатріотическому направленію русской политики въ Западномъ краѣ и хотя бы нѣсколько ограничить власть польскихъ помѣщиковъ надъ русскимъ православнымъ людомъ узаконеніемъ уже существующихъ инвентарей и введеніемъ инвентарныхъ правилъ.

Основательное изученіе аграрныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ въ Юго-западномъ краѣ, гдѣ Самаринъ сослужилъ такую крупную службу Россіи этими мѣрами, привело его къ убѣжденію въ необходимости полнаго освобожденія крестьянъ, т.-е. не только тамъ, гдѣ они такъ долго продолжали находиться подъ властью польскихъ помѣщиковъ, но и во всей Россіи. Въ 1853 г. онъ вышелъ въ отставку для того, чтобы, проживая подолгу въ своемъ обширномъ имѣніи Самарской губерніи, изучить аграрныя отношенія при крѣпостномъ правѣ въ великороссійскихъ губерніяхъ, а затѣмъ, побывавъ за границей, онъ основательно ознакомился съ исторіей освобожденія крестьянъ въ Западной Европѣ.

Во время крымской войны Самаринъ уже печаталъ результаты своихъ изслѣдованій въ журналахъ „Сельское Благоустройство“ и „Русская Бесѣда“, принадлежа къ той части столичной (Московской) интеллигенціи, которая постепенно приходила къ убѣжденію, что необходимое для Россіи обновленіе государственнаго и общественнаго строя должно начаться съ освобожденія крестьянъ.

По обнародованіи Высочайшихъ рескриптовъ Нижегородскому и Московскому дворянствамъ въ концѣ 1857 и началѣ 1858 гг. Ю. Ѳ. Самаринъ, живя въ Самарѣ, былъ, конечно, въ первомъ ряду дворянъ губерніи, рѣшившихся подать, по манію Царя, адресъ о своемъ желаніи освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

При сформированіи губернскаго комитета просвѣщенный Самарскій губернаторъ К. К. Гротъ (другъ Н. А. Милютина), подъ полицейскимъ надзоромъ котораго по распоряженію шефа жандармовъ князя В. А. Долгорукова находился Ю. Ѳ. Самаринъ, во время своихъ объѣздовъ губерніи близко познакомился съ нимъ и, оцѣнивъ его таланты и высокія нравственныя качества, пригласилъ его въ члены отъ правительства въ Самарскій губернскій комитетъ, гдѣ онъ и сдѣлался авторомъ законопроекта меньшинства, давшаго ему, на-ряду съ его остальными работами по крестьянскому дѣлу, неоспоримое право на приглашеніе въ члены-эксперты Редакціонныхъ Комиссій.

Дѣятельность Самарскаго губернскаго комитета началась только съ сентября 1858 г. Самаринъ нашелъ, что составъ комитета лучше, чѣмъ онъ ожидалъ. Дворянство убѣдилось въ неизбѣжности освобожденія крестьянъ; Самарскіе помѣщики не настаивали ни на созданіи въ ихъ пользу какихъ бы то ни было патримоніальныхъ правъ, ни на сохраненіи за собою несостоятельной по дарованіи крестьянамъ личной свободы барщины и вообще не настаивали на сохраненіи старыхъ повинностей. Они считали неизбѣжнымъ раздѣлъ земель помѣстья между помѣщиками и крестьянами и заботились только объ уменьшеніи существующихъ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, т.-е. о полученіи при раздѣлѣ земель помѣстья львиной доли.

Наоборотъ, крестьяне всего болѣе боялись уменьшенія своихъ надѣловъ и настаивали на скорѣйшемъ введеніи денежнаго оброка, лишь бы этотъ оброкъ не былъ для нихъ слишкомъ обременителенъ. Такимъ образомъ весь крестьянскій вопросъ перешелъ уже въ это время, въ глазахъ помѣщиковъ и крестьянъ, съ правъ помѣщиковъ на личность крестьянъ исключительно на почву аграрныхъ отношеній между ними.

Когда Самаринъ принялся за свою работу, подобно патрицію, принявшему на себя роль трибуна самыхъ насущныхъ интересовъ плебеевъ, онъ скоро убѣдился, что не можетъ идти рука объ руку съ большинствомъ комитета, которое стремилось если не къ полному обезземеленію крестьянъ, то, по крайней мѣрѣ, къ окончательному захвату бо́льшей части земель помѣстій и соглашалось на уступку только такого количества земли, которое обезпечивало бы существованіе крестьянъ впроголодь, для того, чтобы имѣть въ нихъ дешевыхъ работниковъ.

Самарину удалось сгруппировать около себя меньшинство комитета [1]) и составить при его помощи замѣчательно либеральный и гуманный законопроектъ объ освобожденіи крестьянъ. По этому законопроекту, крестьянамъ со дня обнародованія положенія объ ихъ освобожденіи предоставлялось, вмѣстѣ съ личными правами свободныхъ людей, право пріобрѣтать личную недвижимую собственность и владѣть ненаселенными землями; не менѣе важно для крестьянъ было, по законопроекту меньшинства комитета, право переходить съ издѣльной повинности или обязательной службы помѣщику на денежный оброкъ, безъ его согласія. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне получали не существовавшее доселѣ право жалобы на притѣсненія, терпимыя ими отъ помѣщика, и право иска на земли, пріобрѣтенныя ими на собственныя деньги при крѣпостномъ правѣ на имя помѣщика. При всемъ томъ, крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, въ предупрежденіе ихъ легкомысленнаго ухода изъ помѣстій, признавались еще крѣпкими землѣ на весь срочно-обязанный періодъ, не могущій ни въ какомъ случаѣ продолжаться болѣе 12 лѣтъ.

Но самымъ важнымъ въ проектѣ меньшинства Самарскаго комитета было то, что крестьяне надѣлялись изъ земель помѣстій очень широко такимъ количествомъ земли, которое вполнѣ могло обезпечить ихъ независимое существованіе. Для этой цѣли Самарская губернія была раздѣлена законопроектомъ меньшинства на 6 полосъ, и въ каждой изъ нихъ были приняты слѣдующіе нормальные надѣлы: въ 1-й полосѣ—8 дес. на тягло, во 2-й—12, въ 3-й—13, въ 4-й—15, въ 5-й—17, а въ 6-й—22 дес. казенной мѣры, что вполнѣ соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ обезпеченія быта крестьянъ и отправленія ими какъ государственныхъ, такъ и помѣщичьихъ повинностей.

За эти опредѣленные уставными грамотами надѣлы на крестьянъ начислялись въ опредѣленномъ размѣрѣ натуральныя повинности тамъ, гдѣ онѣ существовали, а при разрѣшенномъ законопроектомъ переходѣ крестьянъ на оброкъ начислялся этотъ оброкъ въ однообразномъ размѣрѣ, по 23 руб. за нормальный тягловой надѣлъ.

---

[1]) Это доблестное меньшинство состояло, кромѣ Самарина, изъ слѣдующихъ лицъ: члена отъ Бугульминскаго уѣзда Дм. Рычкова, отъ Бугурусланскаго уѣзда – Ал. Шишкова, отъ Ставропольскаго уѣзда — Ив. Лазарева и отъ Новоузенскаго уѣзда—Александра Лазарева.

Особенно умѣло было разрѣшено въ проектѣ меньшинства Самарскаго комитета административное устройство крестьянскихъ сельскихъ обществъ, да и вообще проектъ Самарскаго меньшинства былъ однимъ изъ лучшихъ во всей имперіи проектовъ губернскихъ комитетовъ.

Когда же Самаринъ былъ приглашенъ къ участію въ законодательной дѣятельности Редакціонныхъ Комиссій, то въ средѣ ихъ онъ оказался не только однимъ изъ трехъ самыхъ полезныхъ и вліятельныхъ ихъ членовъ, но, вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ, обнаружилъ и наибольшее творчество при изысканіи лучшихъ способовъ разрѣшенія крестьянскаго дѣла и въ особенности установленія правильныхъ аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. По высокимъ же нравственнымъ качествамъ человѣка „безъ страха и упрека", непреклоннаго въ своихъ убѣжденіяхъ и не допускающаго ни въ какихъ случаяхъ сдѣлокъ со своей совѣстью, Ю. Ѳ. Самарину принадлежитъ безспорно *первое мѣсто* среди лучшихъ дѣятелей великой эпохи освобожденія крестьянъ.

Послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г., онъ возвратился „къ своимъ пенатамъ", принявъ въ Самарской губ. должность члена отъ правительства въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, и работалъ тамъ три года по приведенію въ исполненіе Положенія 19 февраля 1861 г. Только въ 1864 г. Ю. Ѳ. Самаринъ отозвался на призывъ Н. А. Милютина къ принятію, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими ветеранами освобожденія крестьянъ, участія въ необходимыхъ реформахъ, послѣдовавшихъ на нашей передовой западной окраинѣ послѣ польскаго мятежа. Впрочемъ, Самаринъ не принялъ на себя въ этой реформаторской группѣ никакой оффиціальной должности, но, благодаря своему глубокому знакомству съ государственными русскими интересами на Польской окраинѣ, явился вѣрнымъ ихъ стражемъ и охранителемъ, т.-е. тѣмъ же, чѣмъ онъ не переставалъ быть и для Остзейской окраины, доказывая это цѣлымъ рядомъ своихъ историческихъ изслѣдованій о Лифляндіи, издававшихся подъ заглавіемъ „Окраины Россіи" за границею и въ Россіи въ 1868—76 гг. Въ 1865 г., при введеніи земскихъ учрежденій въ Россіи, Ю. Ѳ. Самаринъ былъ призванъ къ предсѣдательству однимъ изъ первыхъ земскихъ собраній, именно Самарскимъ.

Самаринъ, подобно Милютину, былъ убѣжденнымъ сторонни-

комъ постепеннаго расширенія мѣстнаго самоуправленія, особливо въ кругу практической хозяйственной дѣятельности. Оба они заботились о предоставленіи созданнымъ по идеѣ Милютина земскимъ учрежденіямъ наибольшаго количества функцій въ народномъ хозяйствѣ, какъ, напримѣръ: организаціи взаимнаго страхованія, народнаго продовольствія, устройства мѣстныхъ проселочныхъ дорогъ, охраненія народнаго здравія, въ особенности же участія земства въ народномъ образованіи. Самаринъ, конечно, не сомнѣвался въ той пользѣ, которую можетъ принести впослѣдствіи участіе представителей земства въ общей государственной законодательной дѣятельности; но при всемъ томъ онъ, предсѣдательствуя съ присущими ему талантомъ и умѣлостью въ одномъ изъ первыхъ земскихъ собраній въ Россіи, высказалъ мнѣніе, что пора призванія представителей земства къ обсужденію общихъ государственныхъ вопросовъ въ 1865 г. еще не наступила. Написанное имъ, со свойственными ему логичностью и убѣдительностью, письмо къ одному изъ его коллегъ по крестьянскому дѣлу (Н. П. Арапетову) дошло черезъ посредство Великой Княгини Елены Павловны, бывшей одной изъ горячихъ цѣнительницъ высокихъ нравственныхъ качествъ Самарина, до Царя-Освободителя и удержало Его отъ согласія на легкомысленно выработанную въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ и шефомъ жандармовъ гр. П. А. Шуваловымъ олигархическую конституцію, совершенно не соотвѣтствовавшую истинно народнымъ интересамъ. Послѣднее десятилѣтіе своей жизни (1866—1876 гг.) Самаринъ пользовался огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ не только во всѣхъ земскихъ и общественныхъ собраніяхъ цѣлой Россіи, но и во всѣхъ слояхъ русскаго общества, работая, какъ глубокій мыслитель, надъ развитіемъ и истинной охраною началъ, выработанныхъ въ эпоху великихъ реформъ, въ которыхъ онъ принималъ такое дѣятельное участіе. Онъ умеръ въ апогеѣ своей дѣятельности на пользу Россіи и русскаго народа въ 1876 г.

Перехожу къ характеристикѣ другихъ, болѣе скромныхъ дѣятелей, выбранныхъ въ члены-эксперты Редакціонныхъ Комиссій.

А. Н. Татариновъ былъ приглашенъ въ составъ Редакціонныхъ Комиссій Я. И. Ростовцовымъ вслѣдствіе нашего заочнаго знакомства съ его полезной дѣятельностью въ Симбирскомъ губернскомъ комитетѣ, гдѣ онъ, будучи авторомъ законопроекта либе-

ральнаго меньшинства комитета, состоявшаго изъ пяти членовъ [1]), внесъ въ свою работу, вмѣстѣ съ глубокимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ, еще и гуманную заботливость о благосостояніи своихъ „меньшихъ братьевъ“.

Въ законопроектѣ большинства Симбирскаго комитета Симбирское дворянство единодушно отказывалось отъ крѣпостного права, но оставляло изъ земель, состоявшихъ при крѣпостномъ правѣ въ пользованіи освобождаемыхъ крестьянъ, только по $1^1/_2$ десятины на ревизскую душу для обезпеченія ихъ быта, да и то только на 12-лѣтній срочно-обязанный періодъ, въ который сохранялся еще обязательный трудъ крестьянъ (барщина); по истеченіи же 12 лѣтъ прекращалось всякое право крестьянъ на пользованіе землею, и за ними оставалась только усадебная осѣдлость, изъ которой, впрочемъ, строенія и движимость признавались крестьянской собственностью *безвозмездно*, а усадебная земля выкупалась обязательно для крестьянъ по 480 руб. за десятину, да и эта цѣна могла быть еще повышена, если положеніе усадьбы представляло какія-либо особыя выгоды. Процентная плата съ этой оцѣнки поглощала въ значительной мѣрѣ средства крестьянъ до окончанія ихъ правъ на пользованіе землею. Противъ такого рѣшенія крестьянскаго вопроса возстало доблестное меньшинство комитета, примкнувшее къ А. Н. Татаринову. По законопроекту, имъ составленному, освобожденнымъ крестьянамъ предоставлялось въ пользованіе то количество земли, которое въ Симбирской губерніи, по обычному праву, считалось необходимымъ для обезпеченія ихъ быта, а именно отъ 2 до 3 десятинъ пахотной земли въ каждомъ полѣ на тягло; каждому двору оставлялась вся его усадебная осѣдлость, какъ она была, съ огородами, коноплянниками и выгономъ. Все это вмѣстѣ взятое составляло не менѣе семи десятинъ на тягло, и все въ *совокупности* предоставлялось крестьянамъ на выкупъ. Только въ случаѣ отдѣльнаго, какъ того требовала ненавистная губернскимъ комитетамъ правительственная (Позеновская) программа выкупа усадебъ, усадебная земля цѣнилась вдвое противъ остальной земли, и при такомъ отдѣльномъ выкупѣ крестьяне были обязаны снимать полевые участки въ оброчное содержаніе за опредѣленную плату.

---

[1]) Членами этими были: Дм. Серг. Пазухинъ, Ал. Ил. Палтусовъ (отъ Курмышскаго уѣзда), Ник. Петр. Ахматовъ, Конст. Ник. Татариновъ (отъ Карсунскаго уѣзда) и Ал. Ник. Татариновъ (отъ Сенгилеевскаго уѣзда).

При этомъ каждому домохозяину предоставлялось право выкупать причитающійся на его долю участокъ, не дожидаясь выкупа другихъ односельцевъ, и по досрочномъ погашеніи своего долга онъ становится полнымъ собственникомъ выкупленной имъ земли. Оцѣнка же земли при выкупѣ по законопроекту составляла отъ 25 до 51 руб. за десятину пахотной земли.

Выборъ А. Н. Татаринова въ члены-эксперты Редакціонныхъ Комиссій оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Почтенный старикъ (ему можно было дать въ то время на видъ не менѣе 60 лѣтъ) принадлежалъ къ древней дворянской фамиліи Симбирской губерніи, окончилъ образованіе въ Морскомъ Корпусѣ, перешелъ потомъ въ гражданскую службу, на которой пробылъ немного лѣтъ и, выйдя въ отставку (въ чинѣ коллежскаго асессора), поселился въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи, гдѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ и управленіемъ своимъ родовымъ помѣстьемъ. Помѣщикомъ и сельскимъ хозяиномъ онъ былъ образцовымъ и своей заботливостью о благосостояніи крестьянъ заслужилъ ихъ привязанность. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ отдалъ всѣ свои силы работамъ по дѣлу освобожденія крестьянъ и обнаружилъ въ нихъ большую трудоспособность, душевную теплоту и гуманную заботливость о благосостояніи крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе къ охранѣ помѣщичьихъ интересовъ, однимъ словомъ, сочувствіе къ стремленіямъ, выраженнымъ Ростовцовымъ въ журналѣ Главнаго Комитета отъ 26 октября 1857 г. и дѣйствительно соотвѣтствовавшимъ намѣреніямъ Царя-Освободителя, а именно:

а) чтобы крестьянинъ, по обнародованіи законопроекта объ его освобожденіи, немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ, и

б) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, почувствовавъ, что интересы его ограждены.

Неуклонно стремясь къ осуществленію второго изъ этихъ положеній, А. Н. Татариновъ нерѣдко съ большой горячностью отстаивалъ интересы помѣщиковъ, стараясь при этомъ никогда не дѣйствовать въ ущербъ интересамъ крестьянъ, и несмотря на то, что эта настойчивость ставила его въ оппозицію противъ большинства Комиссій и заставляла вотировать вмѣстѣ съ принципіальными противниками этого большинства, Татариновъ сохранялъ все-

общее къ себѣ уваженіе, потому что его разногласіе съ большинствомъ не имѣло характера *систематической* враждебной оппозиціи. Между прочимъ, Татариновъ, будучи убѣжденнымъ противникомъ общиннаго владѣнія землею и сторонникомъ развитія между крестьянами личной поземельной собственности, все же охотно подчинился рѣшенію большинства Комиссій, состоявшему въ томъ, что насильственное уничтоженіе общины тамъ, гдѣ она существуетъ по мѣстнымъ обычаямъ, не можетъ быть допущено.

Самоотверженныя и непосильныя для почтеннаго старика работы совершенно подорвали его слабое здоровье, и онъ вынужденъ былъ, незадолго до окончанія дѣятельности Комиссій, отправиться на отдыхъ и лѣченіе за границу. Онъ имѣлъ, однакоже, утѣшеніе вернуться на родину послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г. и увидѣть его осуществленіе; но не на много пережилъ онъ это торжественное для него событіе: онъ скончался въ 1863 г., оставивъ во всѣхъ своихъ сотрудникахъ живое воспоминаніе объ его свѣтлой личности.

Въ составъ Редакціонныхъ Комиссій былъ приглашенъ и другой не менѣе достойный уваженія и сочувствія дѣятель изъ выбранныхъ въ члены-эксперты—В. В. Тарновскій, избранный, подобно Татаринову, вслѣдствіе нашего заочнаго знакомства съ его выдающейся дѣятельностью въ Черниговскомъ губернскомъ комитетѣ.

В. В. Тарновскій родился въ началѣ второго десятилѣтія XIX вѣка и принадлежалъ къ древней дворянской малороссійской фамиліи, не ополячившейся, а оставшейся вѣрною православію во время польскаго владычества. Отецъ В. В. Тарновскаго принадлежалъ, впрочемъ, къ нѣсколько захудалой вѣтви вообще богатой фамиліи Тарновскихъ. Не имѣя самъ никакого состоянія, кромѣ скромнаго хутора, онъ тѣмъ не менѣе старался дать своему сыну хорошее воспитаніе и высшее образованіе. Талантливый юноша окончилъ курсъ наукъ сначала въ Черниговской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ. Въ юношескіе годы, проводимые имъ отчасти на хуторѣ своего отца въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ малорусскими земледѣльцами, онъ ознакомился съ сельскимъ хозяйствомъ и съ бытомъ малорусскаго народа. По окончаніи университетскаго курса В. В. Тарновскій, не желая жить на скудныя средства своей семьи, поступилъ на государственную

провинціальную службу по министерству народнаго просвѣщенія на своей родинѣ въ качествѣ гимназическаго учителя, но уже въ сороковыхъ годахъ положеніе его совершенно измѣнилось. По завѣщанію своего родственника изъ богатой вѣтви семьи Тарновскихъ, онъ внезапно получилъ въ наслѣдство обширныя помѣстья въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ и, выйдя въ отставку, посвятилъ себя управленію этими имѣніями и сельскому хозяйству. Въ новыя свои занятія Тарновскій внесъ какъ свое основательное знакомство съ бытомъ малороссійскаго народа и свои познанія въ его исторіи и въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и всю силу своей теплой и гуманной души. Онъ сдѣлался не только образцовымъ помѣщикомъ, но и горячимъ патріотомъ, стремившимся къ тому, чтобы Днѣпровская Русь послѣ вѣковой борьбы за свою независимость съ продолжительнымъ владычествомъ поляковъ, окончательно сокрушеннымъ при Екатеринѣ II, пошла самостоятельно, но въ единеніи съ великороссійскимъ народомъ по пути своего духовнаго и матеріальнаго развитія, лучшимъ средствомъ для котораго онъ признавалъ повсемѣстное въ Россіи освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ 1856 г. Великая Княгиня Елена Павловна задумала освободить крестьянъ своего обширнаго Карловскаго помѣстья Константиноградскаго уѣзда Полтавской губ. Крестьяне эти были закрѣпощены только во второй половинѣ XVIII вѣка, когда они были водворены на прежнихъ гетманскихъ земляхъ (на которыхъ паслись табуны Мазепы и имѣлъ кратковременное прибѣжище Карлъ XII во время своего совмѣстнаго съ Мазепою бѣгства съ поля Полтавской битвы) и вошли въ составъ помѣстья, учрежденнаго Императрицею Елисаветою и пожалованнаго назначенному Ею въ малороссійскіе гетманы Кир. Разумовскому. Тарновскій, придя уже въ то время къ убѣжденію, что пора обновленія Россіи пришла, поспѣшилъ въ 1857 г. принять участіе въ организованномъ Великою Княгиней частномъ совѣщаніи, составленномъ ею изъ ея сосѣдей, крупныхъ помѣщиковъ Полтавской губерніи, съ цѣлью обсудить возможность и условія освобожденія крестьянъ въ малороссійскихъ губерніяхъ; въ 1858 г. онъ сталъ въ первые ряды Черниговскихъ дворянъ, подписавшихъ адресъ Императору Александру II о своемъ желаніи пойти навстрѣчу намѣреніямъ Царя-Освободителя и освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ,

и вслѣдствіе этого былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ формировавшійся Черниговскій губернскій комитетъ.

Здѣсь онъ энергически отстаивалъ земельное освобожденіе крестьянъ и полное возстановленіе исконной свободы малороссійскаго народа. Горячій украинофилъ, онъ умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть и русскимъ патріотомъ. Когда же отъ имени Царя-Освободителя онъ былъ приглашенъ Я. И. Ростовцовымъ въ члены-эксперты Редакціонныхъ Комиссій, то оказался по своему уму и талантамъ, а также по своему глубокому знанію быта и экономическаго положенія малороссійскихъ крестьянъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ одною изъ крупныхъ личностей въ плеядѣ составителей Положенія 19 февраля 1861 г. Его творчеству принадлежало по преимуществу составленіе мѣстнаго малороссійскаго положенія въ законопроектѣ Редакціонныхъ Комиссій, которымъ онъ сослужилъ крупную службу такъ же, какъ и умѣлымъ участіемъ въ ихъ разсужденіяхъ съ депутатами малороссійскихъ, юго-западныхъ и даже новороссійскихъ губерній. При необыкновенной своей трудоспособности, Тарновскій отдалъ беззавѣтно всѣ свои силы работѣ по освобожденію крестьянъ, такъ что въ теченіе 18 мѣсяцевъ тяжелаго дневного и ночного труда въ неблагопріятныхъ условіяхъ Петербургской жизни и климата онъ совершенно разстроилъ свое здоровье; онъ, однакоже, не хотѣлъ уѣзжать изъ Петербурга до тѣхъ поръ, пока не окончились работы Комиссій. Однажды, когда мнѣ случилось завернуть къ нему во время его болѣзни и застать его за одною изъ послѣднихъ его работъ, подлежавшихъ напечатанію, онъ заявилъ мнѣ, что, конечно, не уѣдетъ изъ Петербурга до окончанія всѣхъ работъ Комиссій, но что послѣ того единственнымъ желаніемъ его будетъ вернуться скорѣе на родину, чтобы увидѣть тамъ свободный трудъ крестьянъ, а затѣмъ завернуться на своей постели въ малороссійскую свитку и умереть посреди свободнаго уже русскаго народа.

Работы Комиссій дѣйствительно окончились при его непрерывномъ участіи, и онъ вернулся на родину, согласившись, впрочемъ, еще послужить великому дѣлу участіемъ въ приведеніи въ исполненіе Положенія 19 февраля 1861 г. въ качествѣ члена Черниговскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; онъ прожилъ еще пять лѣтъ, окруженный любовью своихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и глубокимъ сочувствіемъ всѣхъ,

оцѣнившихъ высокія достоинства этого замѣчательнаго человѣка. Умеръ онъ въ 1866 г., въ отрадномъ сознаніи, что совершилъ въ мірѣ „все земное“, отдавъ свою жизнь на пользу родинѣ и на благо русскаго народа.

Совершенно иной типъ представлялъ собой другой членъ-экспертъ изъ малороссійскихъ дворянъ-помѣщиковъ, Григорій Павловичъ Галаганъ. Родился онъ въ 1819 г., будучи потомкомъ доблестнаго Игнатія Галагана, который, оставшись вѣрнымъ Россіи во время измѣны Мазепы, привелъ Петру Великому два полка передъ самою Полтавской битвою. Этотъ Галаганъ былъ щедро награжденъ Петромъ Великимъ обширными помѣстьями въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ. При гуманномъ управленіи этими помѣстьями родъ Галагановъ еще болѣе разбогатѣлъ, потому что, по странной случайности, у всѣхъ Галагановъ было только по одному сыну, и помѣстья ихъ никогда не дѣлились; такимъ образомъ семейство это сдѣлалось однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Малороссіи. Г. П. Галаганъ получилъ превосходное воспитаніе и, окончивъ высшее образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, вступилъ въ бракъ съ дочерью одного изъ Кочубеевъ. По окончаніи крымской войны онъ сдѣлался пылкимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ и, будучи приглашенъ Великою Княгиней Еленой Павловной на совѣщаніе по поводу ея желанія освободить крестьянъ въ ея Карловскомъ имѣніи, занялся вмѣстѣ со своимъ родственникомъ Кочубеемъ и В. В. Тарновскимъ обсужденіемъ возможныхъ условій этого освобожденія. Вслѣдъ затѣмъ онъ однимъ изъ первыхъ подписалъ адресъ Черниговскаго дворянства Царю-Освободителю и былъ вмѣстѣ съ Тарновскимъ назначенъ членомъ отъ правительства въ Черниговскій губернскій комитетъ. Тамъ онъ шелъ рука объ руку со своимъ другомъ Тарновскимъ при составленіи законопроекта меньшинства Черниговскаго комитета, что̀ и подало поводъ къ его приглашенію въ члены-эксперты Редакціонныхъ Комиссій, тѣмъ болѣе, что гуманныя убѣжденія Галагана и его сочувствіе освобожденію крестьянъ были уже и прежде извѣстны въ высшихъ сферахъ Петербурга. Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ дѣятельность Галагана, несмотря на нѣкоторыя его колебанія въ частностяхъ дѣла, была очень полезна и почтенна. Онъ принималъ очень дѣятельное участіе въ составленіи мѣстныхъ малороссійскаго и юго-западнаго положеній, а въ диспутахъ Комиссій съ польскими

экспертами и депутатами Юго-западнаго края оказалъ рѣшительный отпоръ ихъ опаснымъ для русской народности стремленіямъ. По обнародованіи Положенія 19 февраля 1861 г., Галаганъ вернулся на родину и устроилъ чрезвычайно великодушно бытъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, согласно Положенію 19 февраля; затѣмъ онъ принималъ живое участіе въ работахъ по приведенію его въ исполненіе, въ качествѣ члена Черниговскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а также временной коммиссіи по повѣркѣ уставныхъ грамотъ въ Юго-западномъ краѣ. Впослѣдствіи онъ неустанно работалъ на пользу народнаго образованія, жертвуя на то весьма широко свои собственныя средства, а когда въ юношескомъ возрастѣ скончался его единственный сынъ, онъ учредилъ на пожертвованный имъ крупный капиталъ извѣстную „Коллегію Павла Галагана“.

Назначенный въ 1883 г. членомъ Государственнаго Совѣта, онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни государственной дѣятельности и скончался въ 1888 г., пользуясь до конца уваженіемъ лицъ, его знавшихъ.

Изъ лицъ, избранныхъ въ члены-эксперты Я. И. Ростовцовымъ за ихъ глубокія познанія въ сельскомъ хозяйствѣ, большой извѣстностью пользовался Николай Ивановичъ Желѣзновъ. Родился онъ въ Петербургѣ въ 1816 г.; фамилія его принадлежала не къ помѣстному, а столичному служилому дворянству; среднее образованіе онъ получилъ въ горномъ корпусѣ, а высшее—на физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета; въ 1840 г. онъ получилъ степень магистра, а въ 1842 г.—степень доктора за прекрасныя работы по эмбріологіи растеній. Послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей и двухлѣтняго путешествія по Россіи съ цѣлью изученія сельскаго хозяйства, онъ былъ назначенъ профессоромъ сначала лѣсоводства въ Петербургскомъ, а потомъ—сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ, а въ 1853 г. избранъ въ члены Академіи Наукъ, какъ спеціалистъ по физіологіи растеній. Съ конца сороковыхъ годовъ онъ имѣлъ корни въ русской землѣ, владѣя имѣніемъ въ Новгородской губерніи, полученнымъ имъ въ наслѣдство отъ отца, въ которомъ онъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и лѣсоводствомъ на научныхъ основаніяхъ. Въ 1858 г. онъ былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ Новгородскій губернскій комитетъ, а въ 1859 г. привлеченъ въ

качествѣ члена-эксперта въ Редакціонныя Комиссіи. Онъ пользовался авторитетомъ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ какъ былъ женатъ на сестрѣ одного изъ очень крупныхъ русскихъ дворянъ-помѣщиковъ, генералъ-адъютанта Н. В. Зиновьева, состоявшаго воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

Присутствіе Н. П. Желѣзнова въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ было, конечно, полезно тѣмъ, что онъ былъ убѣжденный сторонникъ земельнаго освобожденія крестьянъ, а также и потому, что онъ былъ настоящимъ членомъ-экспертомъ по вопросамъ, касавшимся сельскаго хозяйства и лѣсоводства. При всемъ томъ онъ не обладалъ ни широкимъ государственнымъ умомъ, ни творчествомъ мысли въ законодательномъ дѣлѣ; въ сужденіяхъ же своихъ обнаруживалъ большую робость и часто терялся въ мелочахъ. По окончаніи работъ комиссій онъ былъ назначенъ директоромъ Петровской земледѣльческой академіи и скончался въ 1877 году.

Другимъ членомъ-экспертомъ, избраннымъ Ростовцовымъ за его практическія познанія въ сельскомъ хозяйствѣ, былъ Н. П. Шишковъ, почтенный сельскій хозяинъ Данковскаго уѣзда Рязанской губерніи. Н. П. Шишковъ по старости и болѣзни не могъ принять непосредственнаго участія въ занятіяхъ Редакціонныхъ Комиссій, но, получая всѣ ихъ журналы и доклады, дѣлалъ время отъ времени нѣкоторыя полезныя замѣчанія по практическимъ вопросамъ, относящимся къ крестьянскому дѣлу.

Приглашенный Ростовцовымъ отъ имени Государя въ члены-эксперты Комиссій, въ качествѣ представителя экономическихъ и финансовыхъ наукъ, профессоръ Кіевскаго университета Николай Христіановичъ Бунге оказался впослѣдствіи однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Хотя по происхожденію своему онъ принадлежалъ къ извѣстной въ ученомъ мірѣ остзейской фамиліи, но по своему рожденію и воспитанію онъ былъ кіевляниномъ. Родился онъ въ 1823 г. въ Кіевѣ, гдѣ его отецъ былъ извѣстнымъ медикомъ; учился Н. Х. Бунге въ кіевской гимназіи, а окончилъ высшее образованіе въ университетѣ Св. Владиміра въ 1845 г. на юридическомъ факультетѣ. По окончаніи курса онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ Нѣжинскій Безбородкинскій лицей, въ 1847 г. получилъ степень магистра за интересное и самобытное „Изслѣдованіе началъ

торговаго законодательства Петра Великаго", а въ 1851 г.—степень доктора политическихъ наукъ за диссертацію „Теорія кредита"; вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ въ университетѣ каѳедру политической экономіи и статистики.

Преподавателемъ какъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ, такъ и въ Кіевскомъ университетѣ Н. Х. Бунге былъ идеальнымъ. Являясь достойнымъ представителемъ европейской науки и цивилизаціи, онъ былъ истиннымъ и гуманнымъ другомъ и руководителемъ учащейся молодежи и имѣлъ даже благотворное вліяніе на всю окружающую его педагогическую среду. Будучи просвѣщеннымъ гуманистомъ, Бунге глубоко сочувствовалъ идеѣ освобожденія крестьянъ, а по окончаніи крымской войны, вмѣстѣ съ лучшими людьми русской интеллигенціи, пришелъ къ убѣжденію о необходимости и своевременности этой мѣры, что и имѣлъ мужество высказывать въ 1858 и 1859 гг. печатно въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ.

Съ радостью отозвался Бунге на приглашеніе Ростовцова и поспѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ до 15 мая 1859 г. Такъ какъ занятія въ финансовой комиссіи, въ которую онъ былъ спеціально вызванъ, еще не начались, то онъ, съ разрѣшенія Ростовцова, съ увлеченіемъ принялъ участіе въ занятіяхъ хозяйственнаго отдѣленія, гдѣ долженъ былъ быть разсмотрѣнъ вопросъ объ аграрныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣли и всѣ работы финансовой комиссіи по выкупу крестьянами ихъ земель.

Скромный и деликатный Н. Х. Бунге не принесъ большой пользы при обсужденіи аграрнаго вопроса. Ему недоставало широкихъ государственныхъ соображеній Н. А. Милютина, смѣлаго творчества и находчивости князя В. А. Черкасскаго, философскаго ума и глубокаго знанія русскаго народа и русской исторіи Ю. Ѳ. Самарина и даже основательныхъ, проявленныхъ другими членами Комиссій, знаній бытовыхъ и экономическихъ условій различныхъ частей обширнаго русскаго государства. Онъ даже мало былъ знакомъ съ бытомъ крѣпостныхъ крестьянъ Днѣпровской Руси и только отчасти познакомился съ условіями хуторскаго хозяйства малороссійскихъ свободныхъ людей (казаковъ). Отсюда возникло его горячее сочувствіе личной собственности; Бунге любилъ повторять извѣстную фразу одного изъ европейскихъ экономистовъ о

томъ, что „земельная собственность способна обратить безплодную скалу въ цвѣтущій садъ". И дѣйствительно, на закатѣ своихъ дней, Бунге обратилъ пріобрѣтенный имъ въ собственность небольшой участокъ земли на крутомъ берегу Днѣпра посреди г. Кіева въ цвѣтущій садъ, хотя, конечно, это произошло не на доходы, получаемые имъ съ этого участка, а на его трудовыя сбереженія, такъ какъ эта прекрасная собственность не давала Н. Х. Бунге никакихъ выгодъ, кромѣ нѣкотораго количества фруктовъ, которыми онъ щедро дѣлился со своими Петербургскими друзьями.

Не сдѣлался Бунге первостепеннымъ дѣятелемъ и въ финансовой комиссіи, гдѣ, при детальномъ обсужденіи вопроса объ условіяхъ выкупа, онъ не обнаружилъ ни смѣлости Евгенія Ивановича Ламанскаго въ кредитномъ дѣлѣ, ни опредѣленной увѣренности въ успѣхѣ грандіозной выкупной операціи Михаила Христофоровича Рейтерна, великодушно принявшаго на себя все практическое выполненіе этой операціи, столь смѣло задуманной Редакціонными Комиссіями

Но зато, примкнувъ къ мнѣніямъ, выработаннымъ большинствомъ Комиссій, Н. Х. Бунге остался вѣренъ имъ до конца своихъ дней и оказалъ безсмертныя услуги дѣлу земельнаго освобожденія крестьянъ только впослѣдствіи, въ самомъ концѣ царствованія Царя-Освободителя; эта остальная дѣятельность Н. Х. Бунге послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г. вполнѣ соотвѣтствуетъ его высокому нравственному облику.

По окончаніи работъ Комиссій онъ скромно вернулся къ своимъ педагогическимъ занятіямъ въ Кіевъ.

Вызванный въ 1863 г. тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ для участія въ обсужденіи новаго университетскаго устава, онъ сослужилъ крупную службу отечеству какъ своими познаніями въ этомъ дѣлѣ, такъ и тѣмъ, что былъ приглашенъ въ то же время преподавателемъ политической экономіи и финансовыхъ наукъ къ Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, котораго, такъ же, какъ и его преемника, Великаго Князя Александра Александровича, ознакомилъ чрезвычайно основательно съ наукою государственныхъ налоговъ по переведенной имъ прекрасной книгѣ Карла фонъ-Гека „Налоги и государственные долги".

По окончаніи занятій въ Петербургѣ, Н. Х. Бунге снова

скромно возвратился къ своимъ пенатамъ. Затѣмъ въ 1880 г. онъ былъ сдѣланъ товарищемъ министра финансовъ А. А. Абазы, а по паденіи министерства Лорисъ-Меликова и Абазы въ 1881 г. былъ назначенъ министромъ финансовъ. Въ этой должности онъ, всегда вѣрный своему характеру, обнаружилъ, какъ свои высокія достоинства, такъ и то, чего ему недоставало.

Не имѣя блестящихъ истинно-государственныхъ дарованій трехъ своихъ преемниковъ [1]), Н. Х. Бунге въ теченіе шестилѣтняго управленія министерствомъ, хотя и не могъ привести въ окончательный порядокъ русскихъ финансовъ, все же своими основательными научными познаніями въ податномъ дѣлѣ и глубоко обдуманными мѣрами приготовилъ путь для послѣдующей, болѣе успѣшной дѣятельности своихъ преемниковъ.

Вѣрный великодушнымъ стремленіямъ Царя-Освободителя не только къ освобожденію, но и къ улучшенію быта крестьянскаго населенія Россіи, Бунге оказалъ великому дѣлу двѣ безсмертныя услуги: во-первыхъ, — пониженіемъ, по совѣту и при самой дѣятельной помощи своихъ бывшихъ коллегъ по Редакціоннымъ Коммиссіямъ [2]), выкупныхъ платежей, а во-вторыхъ,—полною отмѣною подушной подати, въ силу которой навсегда уничтожилось различіе между податными и неподатными сословіями.

И на то, и на другое дѣло государство пожертвовало изъ своихъ ежегодныхъ рессурсовъ громадную для бюджета того времени сумму въ 60 милліоновъ рублей [3]), и Бунге имѣлъ смѣлость рѣшиться на эти мѣры, еще не имѣя возможности пріискать средства, которыя были необходимы для покрытія этого колоссальнаго недобора; онъ рѣшился на нихъ, будучи увѣренъ въ томъ, что, при улучшеніи крестьянскаго быта съ увеличеніемъ благосостоянія народа, всѣ средства, на это употребленныя, возвратятся съ избыткомъ.

По этимъ соображеніямъ, продиктованнымъ ему его научными

---

[1]) И. А. Вышнеградскаго, С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова.

[2]) А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, К. И. Домонтовича и моей.

[3]) Въ томъ числѣ 12 милліоновъ на общее рублевое съ души пониженіе и болѣе 8 милл. на спеціальное пониженіе, которое имѣло цѣлью привести выкупные платежи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они значительно превышали земельную ренту, въ соотвѣтствіе съ этой рентою. Это спеціальное пониженіе, между прочимъ, высоко подняло благосостояніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напр., въ Смоленской, которая при крѣпостномъ правѣ не могла поправиться въ теченіе полувѣка отъ разгрома, испытаннаго ею въ отечественную войну 1812 года.

знаніями и его гуманностью, онъ имѣлъ мужество свести свою первую бюджетную роспись 1881 г. съ небывалымъ дефицитомъ въ 50 милліоновъ рублей и не считалъ возможнымъ выходить изъ дефицита во все время своего управленія министерствомъ, за что подвергался страстнымъ нападкамъ печатнаго слова, въ особенности со стороны „Московскихъ Вѣдомостей".

Убѣжденный, однакоже, какъ я сказалъ выше, въ томъ, что развитіе благосостоянія народа выведетъ впослѣдствіи государство изъ дефицита, Бунге философски относился къ этимъ нападкамъ. Полный самоотверженія, онъ съ самаго назначенія своего министромъ отказался отъ роскошно отдѣланной однимъ изъ его предшественниковъ (генералъ-адъютантомъ Грейгомъ) министерской квартиры и, помѣстившись въ скромной квартирѣ, предназначенной для его правителя канцеляріи, держалъ всѣ лично ему принадлежавшія вещи въ чемоданахъ для того, чтобы, въ случаѣ необходимости, оставить свой высокій постъ и квартиру въ теченіе нѣсколькихъ дней. И дѣйствительно, въ 1886 г., подъ вліяніемъ направленныхъ на него нападокъ, онъ получилъ увольненіе отъ должности министра; впрочемъ, Императоръ Александръ III, имѣвшій къ нему большое личное расположеніе, назначилъ его на почетную, но тогда еще малодѣятельную должность предсѣдателя комитета министровъ. Бунге скончался въ 1895 г., окруженный уваженіемъ и сочувствіемъ своихъ сотрудниковъ и всѣхъ лицъ, близко знакомыхъ съ его свѣтлой и безукоризненной личностью.

Приглашенный Я. И. Ростовцовымъ въ члены-эксперты Коммиссій, въ качествѣ представителя печатнаго слова по крестьянскому дѣлу, Алексѣй Дмитріевичъ Желтухинъ, издававшій съ 1858 г. „Журналъ землевладѣльцевъ" въ Москвѣ (имѣвшій свыше 1.400 подписчиковъ), принадлежалъ къ древнему русскому дворянскому роду, владѣвшему помѣстьями въ Пензенской губерніи. Родился онъ въ 1820 г., получилъ образованіе въ Пензенской гимназіи и послѣ кратковременной государственной службы вышелъ въ отставку, поселившись въ своемъ помѣстьи, гдѣ занялся сельскимъ хозяйствомъ и управленіемъ своими имѣніями въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ.

По самому характеру редактируемаго имъ журнала А. Д. Желтухинъ оказался лицомъ, пристрастнымъ къ интересамъ помѣщиковъ въ ущербъ интересамъ крестьянъ, хотя несомнѣнно чистосердечно желалъ земельнаго ихъ освобожденія. Не вѣря въ благодѣтельный

экономическій переворотъ, ожидаемый отъ освобожденія труда, Желтухинъ, при обремененности своего хозяйства долгами, опасался, наравнѣ съ другими помѣщиками, находившимися въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ, полнаго своего разоренія отъ послѣдствій освобожденія крестьянъ. Притомъ, познакомившись съ однимъ страстнымъ противникомъ законопроекта Редакціонныхъ Комиссій, княземъ П. П. Гагаринымъ, которому было указано на Желтухина, какъ на одного изъ самыхъ свѣдущихъ въ крестьянскомъ вопросѣ оппонентовъ въ средѣ Редакціонныхъ Комиссій, онъ былъ приглашенъ Гагаринымъ для того, чтобы служить ему „перомъ" въ его антиосвободительной дѣятельности въ Главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Правда, Желтухинъ, какъ все-таки сочувствовавшій идеѣ освобожденія крестьянъ безъ лишенія ихъ земельныхъ надѣловъ, приблизившись къ князю Гагарину во время дѣятельности послѣдняго въ Главномъ Комитетѣ и послѣ назначенія князя предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, старался умѣрить его взглядъ на совершившееся уже дѣло освобожденія крестьянъ, убѣдившись и самъ, что опасенія Симбирскихъ помѣщиковъ быть разоренными приведеніемъ въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г. не подтвердились, и что его собственное экономическое положеніе въ Симбирскомъ и Пензенскомъ имѣніяхъ нисколько не ухудшилось. Однакоже, Желтухина удручало потомъ то, что близость его отношеній и близкое сотрудничество съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ сановниковъ, враждебно относившихся къ великому дѣлу, совершенному Царемъ-Освободителемъ, отдалили отъ него всѣхъ лицъ, съ которыми онъ все-таки усердно работалъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ, и онъ ужъ недолго пережилъ обнародованіе Положенія 19 февраля 1861 г.; скончался онъ въ 1865 г., не оставивъ по себѣ особыхъ симпатій между своими бывшими коллегами.

Я. И. Ростовцовъ рѣшился закончить предоставленное ему комплектованіе членовъ-экспертовъ Редакціонныхъ Комиссій выборомъ еще одного лица, которое, по его мнѣнію, могло принести большую пользу Комиссіямъ не только по своему выдающемуся уму, рѣшительному характеру, энергіи и общественному положенію, но и по своимъ практическимъ познаніямъ въ административномъ дѣлѣ и въ управленіи крестьянами и, наконецъ, по своимъ спеціальнымъ знаніямъ условій хлѣбнаго производства Россіи, какъ источника снабженія русской арміи хлѣбомъ.

Лицомъ этимъ былъ упомянутый уже генералъ-провіантмейстеръ русской арміи, статсъ-секретарь Его Императорскаго Величества П. А. Булгаковъ, уже давно бывшій однимъ изъ немногихъ пріятелей Ростовцова.

Родился онъ въ 1806 г. въ Москвѣ, принадлежалъ къ довольно богатой старой дворянской фамиліи, получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, учился въ одномъ изъ среднихъ Московскихъ учебныхъ заведеній, а проходилъ государственную службу въ столичныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Будучи довольно богатымъ помѣщикомъ, онъ имѣлъ корни въ землѣ и часто пребывалъ въ своихъ помѣстьяхъ Тамбовской губерніи, гдѣ хорошо ознакомился съ бытомъ крестьянъ и освоился съ управленіемъ ими. Въ 1848 г. Булгаковъ былъ назначенъ Тамбовскимъ губернаторомъ и въ теченіе семилѣтняго управленія губерніей обнаружилъ замѣчательныя административныя способности. Будучи безукоризненно честнымъ человѣкомъ, не принимавшимъ даже обычныхъ въ то время приношеній откупщиковъ, которые старались тогда держать вмѣстѣ съ виноторговлею на своемъ откупу всю губернскую администрацію, Булгаковъ былъ не только грозою всѣхъ хищниковъ, но даже имѣлъ мужество преслѣдовать въ дворянской средѣ злоупотребленія помѣщичьей властью. Сообразно съ требованіями закона, Булгаковъ при своей энергіи, нерѣдко, впрочемъ, превращавшейся въ неограниченный произволъ, былъ дѣйствительно хозяиномъ губерніи. Копируя Петра Великаго, съ которымъ имѣлъ нѣкоторое наружное сходство, П. А. Булгаковъ считалъ и палку образца начала XVIII вѣка однимъ изъ полезныхъ орудій приведенія къ послушанію жителей ввѣренной ему губерніи и въ особенности замѣченныхъ въ лихоимствѣ подчиненныхъ ему чиновниковъ. Въ 1855 г., во время крымской войны, Булгаковъ былъ назначенъ, какъ образцовый губернаторъ, генералъ-провіантмейстеромъ русской арміи и въ своей новой должности употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы побороть страшныя хищенія и злоупотребленія, растлѣвавшія весь государственный строй Россіи. Въ теченіе крымской войны Булгаковъ, вмѣстѣ съ лучшими людьми русской интеллигенціи, пришелъ къ убѣжденію въ неотложной необходимости обновленія всего государственнаго строя, долженствующаго начаться съ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, почему охотно сталъ въ ряды самыхъ энергичныхъ борцовъ противъ крѣпостного права и, будучи назначенъ Ростовцовымъ чле-

номъ-экспертомъ и предсѣдателемъ административнаго отдѣленія, внесъ въ обсужденіе вопроса объ устройствѣ независимой отъ помѣщиковъ сельской администраціи знаніе крестьянскаго быта и большую административную опытность. При общемъ у него съ Ростовцовымъ недостаткѣ разносторонняго научнаго образованія, онъ такъ же, какъ Ростовцовъ, быстро схватывалъ и ясно понималъ высказываемыя мнѣнія, что̀ въ особенности было полезно, когда ему, по болѣзни Ростовцова, приходилось предсѣдательствовать въ общемъ собраніи Комиссій: здѣсь онъ уже съ большимъ тактомъ шелъ рука объ руку съ Милютинымъ, признавая въ немъ главнаго лидера въ проведеніи реформы крестьянскаго дѣла. Дипломатическихъ способностей Булгакову, конечно, недоставало. Грубая его откровенность переходила иногда въ фамильярную безцеремонность, доходившую даже до цинизма. Но и тутъ онъ имѣлъ достаточно житейскаго такта, чтобы согласовать свое обращеніе со свойствами людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, и только на обѣденныхъ собраніяхъ лишній бокалъ вина выводилъ его изъ предѣловъ, указываемыхъ ему прирожденнымъ тактомъ, какъ это случилось впослѣдствіи на обѣдѣ, данномъ депутатами перваго призыва членамъ Редакціонныхъ Комиссій.

Зато житейскій тактъ Булгакова, преданность его крестьянскому дѣлу и благородство его характера обнаруживались не разъ въ трудныя минуты, когда ему приходилось замѣнять второго предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій, графа В. Н. Панина: такъ, при разногласіи большинства Комиссій съ ихъ вторымъ предсѣдателемъ, онъ постоянно оставался вѣрнымъ своему духовному союзу съ этимъ большинствомъ, котораго онъ, однакоже, никогда не былъ лидеромъ. Такимъ образомъ всѣ дѣятельные составители законопроекта 19 февраля 1861 года сохранили благодарныя воспоминанія объ участіи въ ихъ работахъ П. А. Булгакова, скончавшагося на своей родинѣ въ Тамбовской губерніи въ 1883 году.

ГЛАВА IX.

Дѣятельность оппозиціи, направленная ко введенію въ составъ Редакціонныхъ Комиссій своихъ представителей.—Бесѣда Государя съ Ростовцовымъ и, какъ слѣдствіе ея, приглашеніе въ члены Ред. Ком. гр. П. П. Шувалова, В. В. Апраксина, кн. Б. Д. Голицына и Ѳ. И. Паскевича, кн. Варшавскаго.—Характеристика взглядовъ гр. П. П. Шувалова на освобожденіе крестьянъ—Характеристика князя Паскевича; „флигель-адъютантскій" проектъ.—В. В. Апраксинъ; проекты Орловскаго губерск. комитета.—Открытіе Редакц. Комиссій. Журналъ Главн. Комитета отъ 4 дек., какъ исходная точка ихъ работъ. Программа Ростовцова и опредѣленіе общаго направленія будущихъ работъ.—Разномысліе гр. Шувалова съ Комиссіями. Особое мнѣніе его и кн. Паскевича; ихъ просьба объ увольненіи. Отвѣтъ Комиссій на „особое мнѣніе". Резолюція Государя.

Съ половины февраля до 1 марта 1859 г. Ростовцовъ былъ занятъ исключительно подборомъ такого состава ввѣренныхъ ему Комиссій, который гарантировалъ бы успѣхъ земельнаго (согласно непреклонной уже волѣ Царя-Освободителя) освобожденія крестьянъ.

Дѣло быстро шло на ладъ. Ростовцову къ 1 марта удалось съ полнымъ успѣхомъ подобрать и пригласить до 25 лицъ, вполнѣ подходящихъ подъ принятыя имъ условія назначенія въ члены Комиссій, и хотя не всѣ эти лица успѣли прибыть въ Петербургъ къ началу марта, все же возможность открытія работъ къ этому времени была вполнѣ обезпечена.

Но и оппозиція враждебно относившихся къ земельному освобожденію крестьянъ дворянъ-сановниковъ, которая опиралась на большинство помѣстныхъ дворянъ, работавшихъ тѣмъ временемъ въ составѣ губернскихъ комитетовъ, не дремала.

Она направила на первый разъ всѣ свои усилія на то, чтобы ввести въ составъ Редакціонныхъ Комиссій такіе элементы, которые своею, хотя бы только формальною, оппозиціей затормозили бы дѣятельность Комиссій по составленію законопроекта до предпо-

ложеннаго вызова депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ. Оппозиція надѣялась настоять затѣмъ на принятіи этихъ депутатовъ въ среду Редакціонныхъ Комиссій на одинаковыхъ правахъ съ ея членами и такимъ образомъ, получивъ подавляющее большинство въ средѣ Комиссій, сокрушить возникающій ненавистный имъ проектъ земельнаго освобожденія крестьянъ; въ случаѣ же неудачи, она надѣялась ввести депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ въ составъ высшей законодательной инстанціи—Главнаго Комитета, съ правами совѣщательнаго голоса, что̀ позволило бы имъ воспрепятствовать принятію всего законопроекта, если бы онъ былъ составленъ Редакціонными Комиссіями въ смыслѣ земельнаго освобожденія крестьянъ.

Такой планъ борьбы противъ сторонниковъ земельнаго освобожденія былъ хорошо обдуманъ ихъ противниками и приводился въ исполненіе самыми ревностными и энергичными изъ нихъ; нѣкоторые изъ нихъ были близки ко Двору (такъ, напримѣръ, графъ Ал. Павл. Бобринскій и гр. Андр. Павл. Шуваловъ въ качествѣ флигель-адъютантовъ, а гр. Андр. Петр. Шуваловъ въ качествѣ оберъ-гофмаршала). Лица эти нашли доступъ къ Государю черезъ Императрицу, которая вообще избѣгала всякаго вмѣшательства въ дорогое сердцу Царя-Освободителя крестьянское дѣло, но на этотъ разъ, подъ вліяніемъ письма, полученнаго Ею отъ кн. А. Ѳ. Орлова, рѣшилась передать Государю, что близкіе Престолу сановники оскорблены тѣмъ, что въ составѣ законодательной Комиссіи по дѣлу освобожденія крестьянъ нѣтъ ни одного изъ молодыхъ представителей крупной поземельной собственности, между тѣмъ какъ ихъ сочувствіе великому дѣлу хорошо извѣстно Государю.

Слова Императрицы очень подѣйствовали на Государя, и Онъ, увидѣвъ Ростовцова на большомъ придворномъ балу, сообщилъ ему, что хотя Онъ знаетъ, что подборъ членовъ въ Редакціонныя Комиссіи идетъ успѣшно, но желалъ бы все-таки видѣть въ составѣ Комиссій нѣсколькихъ молодыхъ представителей крупной поземельной собственности. На это Ростовцовъ отвѣчалъ, что избраніе членовъ-экспертовъ онъ началъ съ опредѣленія тѣхъ качествъ, которыми должны обладать эти члены, и что главныя изъ нихъ заключаются въ спеціальномъ знакомствѣ съ бытомъ и экономическимъ положеніемъ крестьянскаго сословія и въ большой трудоспособности; что, кромѣ того, Редакціонныя Комиссіи, какъ рабо-

чія, не должны быть особенно многочисленны, что къ тому же онъ и не знаетъ никого изъ молодого поколѣнія богатыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, обладающаго всѣми нужными качествами и способнаго на тотъ усидчивый и упорный трудъ, который требуется отъ членовъ Комиссій; но что, во всякомъ случаѣ, если Государю угодно будетъ указать на кого-либо изъ молодого поколѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ сочтетъ своимъ долгомъ принять ихъ въ составъ Комиссій.

На это Государь отвѣтилъ, что и Онъ не знаетъ пока такихъ лицъ, но подумаетъ объ этомъ, а Ростовцова просилъ подумать о томъ же и сообщить Ему, на кого онъ, со своей стороны, можетъ указать. Когда Государь отошелъ отъ Ростовцова, послѣдній остановился въ раздумьи и, увидѣвъ между присутствовавшими на балу Н. А. Милютина, обратился къ нему за совѣтомъ.

Милютинъ сообщилъ Ростовцову, что на томъ же балу находятся два лица, достаточно подходящія для исполненія желанія Государя, а именно: С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ и Орловскій губернскій предводитель дворянства Викторъ Владиміровичъ Апраксинъ.

Ростовцовъ немедленно направился къ Государю и доложилъ Ему объ этихъ двухъ кандидатахъ. Государь, видимо, обрадовался и согласился на ихъ приглашеніе въ члены-эксперты Редакціонныхъ Комиссій. Когда же Ростовцовъ доложилъ Государю, что только-что встрѣтилъ еще одно лицо, которое могло бы быть представителемъ крупной поземельной собственности въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ, а именно флигель-адъютанта Паскевича, князя Варшавскаго, то Государь отвѣтилъ, что Паскевича Онъ близко знаетъ: „онъ, конечно, крупный землевладѣлецъ и добрый помѣщикъ, но Я не знаю“, сказалъ Государь, „на какую работу онъ вамъ пригодится? Лучше бы вы взяли другого бывшаго Моего флигель-адъютанта, князя Голицына; онъ также очень крупный землевладѣлецъ, но Я его признаю болѣе способнымъ къ предстоящему вамъ труду“.

Однакоже, выслушавъ отвѣтъ Ростовцова, что указанныя три лица (графъ Шуваловъ, Апраксинъ и князь Голицынъ) будутъ приглашены имъ въ Комиссіи отъ имени Его Величества, Государь, всегда добрый и деликатный, опасаясь, что Его отзывъ о Паскевичѣ какъ-нибудь дойдетъ до него, сказалъ: „ну, возьмите кстати

еще и Паскевича: Я надѣюсь, что онъ никакого вреда вамъ не принесетъ".

На другой день я былъ уполномоченъ Ростовцовымъ приготовить четыре пригласительныхъ письма этимъ лицамъ; письма эти въ тотъ же день были отправлены по назначенію. По отношенію къ князю Голицыну, однако, произошло слѣдующее недоразумѣніе: когда я спросилъ Ростовцова, котораго изъ двухъ Голицыныхъ Государь разумѣлъ, князя Бориса Дмитріевича или князя Сергѣя Павловича (они оба были адъютантами Государя), то Ростовцовъ рѣшилъ, что Государь имѣлъ въ виду князя Сергѣя Павловича, такъ какъ онъ печатно выразилъ свое сочувствіе дѣлу освобожденія крестьянъ въ популярной брошюрѣ „Печатная правда", въ которой старался, хотя и не особенно удачно, объяснить намѣренія правительства относительно предстоящей реформы.

При послѣдовавшемъ личномъ докладѣ Ростовцова Государю, ошибка выяснилась: оказалось, что Государь разумѣлъ князя Бориса Дмитріевича, но по поводу приглашенія князя Сергѣя Павловича Государь также выразилъ свое удовольствіе, сказавъ, что Онъ считаетъ его трудоспособнымъ и не бѣлоручкой и надѣется, что онъ будетъ полезенъ Коммиссіямъ, какъ и оказалось впослѣдствіи.

Затѣмъ Государь объяснилъ Ростовцову, что Государыню старались убѣдить въ томъ, что большинство членовъ Коммиссій должно состоять изъ представителей самаго крупнаго дворянскаго землевладѣнія; что Онъ, конечно, не можетъ согласиться съ этимъ и удовлетворяется пока назначеніемъ пяти уже вызываемыхъ Ростовцовымъ членовъ, но что, можетъ быть, впослѣдствіи Онъ пожелаетъ вызова еще нѣсколькихъ членовъ; впрочемъ, пока Государь не назвалъ никого [1]).

[1]) Противники земельнаго освобожденія крестьянъ очень желали провести въ Редакціонныя Коммиссіи еще графа А. П. Бобринскаго и князя С. Н. Урусова. Первый казался имъ сильнымъ тараномъ, способнымъ сокрушить нарождающійся законопроектъ, основанный на земельномъ освобожденіи крестьянъ, и не оставить въ немъ камня на камнѣ. Второй, входившій уже въ то время въ довѣріе Государя, признавался ими способнымъ свести весь будущій законопроектъ Редакціонныхъ Коммиссій „на-нѣтъ" при самомъ его составленіи, а въ особенности при его прохожденіи черезъ высшія законодательныя инстанціи. И дѣйствительно, князь С. Н. Урусовъ, при его тонкомъ и вкрадчивомъ умѣ, прекрасномъ юридическомъ образованіи и знаніи имъ крестьянскаго дѣла, былъ вполнѣ способенъ на роль, предназначаемую ему противниками земельнаго освобожденія крестьянъ. Государь дѣйствительно предложилъ Ростовцову этихъ двухъ кандидатовъ (гр. А. П. Бобринскаго и кн. С. Н. Урусова) въ члены-

На томъ же докладѣ Ростовцова Государь вспомнилъ еще о М. П. Позенѣ, котораго самъ Ростовцовъ въ свое время такъ горячо рекомендовалъ Ему, какъ талантливаго финансиста, своими познаніями могущаго принести большую пользу при обсужденіи вопроса о выкупѣ.

Относительно Позена Ростовцовъ отвѣтилъ Государю, что послѣ выбора въ члены-эксперты двухъ самыхъ полезныхъ дѣятелей малороссійскихъ комитетовъ и въ то же время самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Малороссіи, Галагана и Тарновскаго, онъ затрудняется поставить на-ряду съ ними Позена при составленіи мѣстнаго Малороссійскаго положенія, такъ какъ взгляды этихъ лицъ на разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Малороссіи и Юго-западномъ краѣ непримиримы; впрочемъ, участіе Позена въ обсужденіи вопроса о выкупѣ крестьянскихъ земель онъ считаетъ попрежнему полез-

эксперты Комиссій, но уже гораздо позже, а именно послѣ конфликта гр. П. П. Шувалова и кн. Паскевича съ большинствомъ Комиссій. Относительно графа А. П. Бобринскаго Ростовцовъ доложилъ Государю, что онъ хорошо знаетъ его и увѣренъ, что хотя онъ несомнѣнно сочувствуетъ освобожденію крестьянъ, но при пылкомъ и необузданномъ его характерѣ ему „море будетъ по колѣно", и онъ внесетъ въ обсужденіе вопроса такую страстность, что затормозитъ всю законодательную работу, возложенную на Комиссіи, а поэтому пусть въ ихъ средѣ, какъ выразился Ростовцовъ, „буду либо я, либо онъ, какъ угодно Государю; оба же мы несовмѣстимы". Государь не настаивалъ и отказался отъ своего предложенія, убѣдившись впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда графъ А. П. Бобринскій былъ уже министромъ путей сообщенія, въ справедливости его характеристики, сдѣланной въ свое время Ростовцовымъ.

Что же касается князя Урусова, то Ростовцовъ отвѣтилъ Государю, что близко знаетъ князя Урусова и, находясь съ нимъ въ свойствѣ, нерѣдко съ нимъ видится, что онъ признаетъ въ немъ много трудоспособности и другихъ достоинствъ, но проситъ Государя позволенія еще до приглашенія Урусова переговорить съ нимъ лично для того, чтобы выяснить его отношеніе къ крестьянскому дѣлу, по которому онъ уже работалъ въ московскомъ губернскомъ комитетѣ.

Переговоры Ростовцова съ княземъ Урусовымъ состоялись съ глазу на глазъ, и Ростовцовъ сообщилъ мнѣ только, что князь Урусовъ отказывается отъ участія въ работахъ Комиссій, не считая себя достаточно подготовленнымъ къ нимъ и могущимъ принести существенную пользу, и проситъ Ростовцова доложить о томъ Государю; послѣднее и было исполнено Ростовцовымъ. Только года три спустя, послѣ кончины Ростовцова, когда я былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ княземъ С. Н. Урусовымъ, послѣдній повѣдалъ мнѣ, что отказъ его отъ участія въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ былъ обусловленъ тѣмъ, что Ростовцовъ совѣтовалъ ему отказаться, считая его дѣятельность тамъ не могущею принести никакой пользы; онъ же не могъ не исполнить желанія Ростовцова, который былъ первымъ и единственнымъ его покровителемъ при его переходѣ на службу въ Петербургѣ изъ оберъ-секретарей сената на мѣсто товарища оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, на которомъ онъ и получилъ доступъ къ Государю.

нымъ и потому вызоветъ его, съ соизволенія Государя, ко времени открытія финансовой выкупной коммиссіи. На это Государь выразилъ свое согласіе.

Изъ всѣхъ членовъ-экспертовъ, призванныхъ уже офиціально въ среду Коммиссій, только одинъ князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ отказался принять участіе въ работахъ Коммиссій, потому что въ то время онъ получилъ по случаю болѣзни отпускъ за границу на продолжительное время: онъ полагалъ пробыть за границей около года. Остальные пять вновь приглашенныхъ поспѣшили явиться на призывъ, и каждый изъ нихъ сыгралъ свою роль въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Изъ этихъ лицъ князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ сдѣлался, по своему сочувствію земельному освобожденію крестьянъ, трудоспособности и знанію крестьянскаго быта, очень полезнымъ членомъ Редакціонныхъ Коммисій. Примкнувъ съ самаго начала работъ Коммисій по убѣжденію къ большинству ихъ, онъ никогда не отставалъ отъ него и, не будучи бѣлоручкой, какъ его охарактеризовалъ самъ Государь, исполнялъ усердно всѣ возлагаемыя на него работы. Во все время своей дѣятельности въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ пользовался уваженіемъ и дружбою своихъ товарищей. Послѣ обнародованія Положенія онъ былъ назначенъ Черниговскимъ губернаторомъ и съ полной преданностью закону, въ составленіи котораго онъ принималъ живое участіе, и съ большимъ знаніемъ приводилъ въ дѣйствіе мѣстное Малороссійское положеніе. Онъ умеръ въ 1888 г. въ своемъ Московскомъ имѣніи, въ званіи генералъ-адъютанта.

Всѣ же остальные члены-эксперты второго призыва оказались впослѣдствіи рѣшительными противниками составленнаго Коммиссіями законопроекта и во всѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ принимали участіе, являлись, вмѣстѣ съ членами-экспертами третьяго призыва, вызванными изъ Сѣверо-западнаго и Юго-западнаго края, и нѣсколькими членами перваго призыва, постоянною оппозиціей, оставаясь въ меньшинствѣ только потому, что не могли придти къ соглашенію въ своихъ взглядахъ и составить сколько-нибудь опредѣленнаго и основательнаго контръ-проекта, который могли бы противопоставить стройному законопроекту большинства Коммиссій.

Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ родился въ 1824 г., получилъ высшее юридическое образованіе въ С.-Петербургскомъ

университетѣ и владѣлъ обширными помѣстьями въ Петербургской и Кіевской губерніяхъ. Онъ былъ чрезвычайно гуманнымъ помѣщикомъ и дѣйствительнымъ, хотя и условнымъ, сторонникомъ освобожденія крестьянъ. Человѣкъ по-европейски разносторонне образованный, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ стоялъ близко къ графу Киселеву [1]) и независимо отъ обще-гуманнаго убѣжденія, что человѣкъ не долженъ быть „вещью, принадлежащею другому", пришелъ къ сознанію, что при освобожденіи крестьянъ нельзя обойти вопроса объ ихъ аграрномъ устройствѣ. Онъ признавалъ, что во всякомъ изъ его помѣстій крестьяне имѣютъ, какъ онъ выразился, „эмфитевтическое право" на вѣчное, неотъемлемое пользованіе той землею, которая обезпечивала ихъ существованіе и которой они были первыми насельниками. Такимъ образомъ эта часть помѣстья, по его мнѣнію, должна была состоять только въ ограниченной собственности помѣщика, а вся остальная земля—въ полной его собственности, но, какъ владѣлецъ всего помѣстья, помѣщикъ долженъ былъ имѣть право вотчинной полиціи надъ всѣмъ населеніемъ, живущимъ въ предѣлахъ помѣстья.

При этомъ графъ П. П. Шуваловъ былъ принципіальнымъ противникомъ всякаго выкупа крестьянскихъ земель, въ особенности сколько-нибудь регулируемаго и поддерживаемаго правительствомъ. Покупку крестьянами ихъ усадебъ и даже полевыхъ и луговыхъ участковъ онъ допускалъ, но не иначе, какъ на добровольныхъ условіяхъ между отдѣльными крестьянами и ихъ помѣщиками. Такимъ образомъ въ своихъ имѣніяхъ въ Петербургской губерніи графъ Шуваловъ желалъ ввести нѣчто подобное остзейскому положенію, но допускалъ, во избѣжаніе произвола помѣщиковъ и въ виду улучшенія быта крестьянъ, вмѣшательство правительства въ опредѣленіе на первый разъ высшаго размѣра повинностей за состоящій въ пользованіи крестьянъ Bauerland. Повинность эта должна была оставаться неизмѣнною на опредѣленное число лѣтъ, а затѣмъ должна была подлежать переоброчкѣ на основаніи повышенія цѣнъ на пудъ ржи.

Въ такомъ духѣ и было составлено положеніе С.-Петербург-

---

[1]) Онъ былъ женатъ на племянницѣ супруги бездѣтнаго графа П. Д. Киселева (графинѣ Потоцкой), къ которой старый графъ Киселевъ привязался, какъ къ родной дочери.

скаго губернскаго комитета, котораго графъ Шуваловъ, въ качествѣ губернскаго предводителя дворянства, былъ предсѣдателемъ.

Инвентарное положеніе Кіевской губерніи, въ которой у графа П. П. Шувалова были громадныя имѣнія, не смущало его. Вѣдь онъ не стремился ни къ какому уменьшенію инвентарныхъ надѣловъ, признавая за крестьянами вѣчное (эмфитевтическое) право на пользованіе землею, онъ готовъ былъ не только подчиниться тому размѣру крестьянскихъ повинностей, которыя были опредѣлены утвержденными правительствомъ инвентарями, но даже готовъ былъ идти на всякія уменьшенія этихъ повинностей, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ: онъ былъ только врагомъ всякаго выкупа крестьянскихъ земель помѣстья, вообще онъ былъ противъ всякаго обращенія крестьянъ въ поземельныхъ собственниковъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самъ помѣщикъ добровольною продажей участка земли обращалъ своего бывшаго крѣпостного въ мелкаго землевладѣльца. Графъ П. П. Шуваловъ требовалъ также, чтобы и при личной свободѣ крестьянъ помѣщикъ сохранилъ надъ ними права вотчинной полиціи. Однимъ словомъ, онъ желалъ, чтобы всякое помѣстье оставалось дворянскимъ на основаніи новыхъ законовъ, но безо всякаго ущерба дворянскимъ привилегіямъ, хотя бы и съ ущербомъ матеріальнымъ интересамъ дворянства. Притомъ же онъ настойчиво заботился о проведеніи своихъ идей, которыя онъ, впрочемъ, не могъ вывести изъ свойственной ему, по складу его ума туманной формы; онъ, однакоже, былъ глубоко убѣжденъ, что форма эта, введенная въ законодательство, должна остаться навсегда ненарушимою.

Совершенно другихъ взглядовъ держался, по крайней мѣрѣ нѣсколько позже, Ѳ. И. Паскевичъ, князь Варшавскій, въ которомъ самъ Государь не признавалъ по существу никакой компетенціи въ крестьянскомъ дѣлѣ. Князь Ѳедоръ Ивановичъ былъ сыномъ знаменитаго фельдмаршала, которому Императоръ Николай I пожаловалъ громадныя помѣстья въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ, между прочимъ, городъ Гомель Могилевской губерніи. Графъ Ѳ. И. Паскевичъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе и образованіе, очень рано былъ записанъ въ гвардію и до наступленія своего совершеннолѣтія былъ уже пожалованъ флигель-адъютантомъ. Единственный сынъ своего отца, онъ, оставшись сиротою, сдѣлался со времени своего совершеннолѣтія пол-

нымъ обладателемъ громадныхъ помѣстій фельдмаршала. Не подготовленный и не привыкшій ни къ какому серьезному труду, онъ, при всѣхъ своихъ природныхъ качествахъ, могъ, конечно, управлять своими помѣстьями только издали, черезъ посредство своихъ управляющихъ, и въ своихъ отношеніяхъ съ крѣпостными крестьянами, съ бытомъ и потребностями которыхъ онъ былъ совершенно незнакомъ, могъ руководиться только практическими совѣтами управляющихъ и теоретическими мнѣніями людей своего круга. Во время неожиданнаго для князя Паскевича назначенія его членомъ-экспертомъ Редакціонныхъ Комиссій у него не было еще и не могло быть никакого установившагося взгляда на крестьянское дѣло, и съ первыхъ дней своей совмѣстной дѣятельности съ графомъ П. П. Шуваловымъ онъ увлекся блестящимъ, хотя и весьма туманнымъ изложеніемъ его взгляда; впослѣдствіи, однако, когда кн. Паскевичъ сталъ ближе вникать въ свои собственные интересы, совѣтоваться со своимъ наиболѣе довѣреннымъ управляющимъ и съ наиболѣе знакомыми съ крестьянскимъ бытомъ и аграрными вопросами товарищами своими (въ особенности съ флигель-адъютантомъ графомъ А. П. Бобринскимъ и съ графомъ А. П. Шуваловымъ), онъ пришелъ къ инымъ убѣжденіямъ. Къ чести князя Паскевича нужно сказать, что онъ избралъ себѣ незадолго передъ тѣмъ самымъ довѣреннымъ лицомъ изъ числа управляющихъ его помѣстьями человѣка съ университетскимъ образованіемъ (А. Н. Филиппова), вполнѣ достойнаго такого довѣрія по своимъ нравственнымъ качествамъ и по своей принадлежности къ молодому поколѣнію людей сороковыхъ годовъ, совершенно невраждебнаго освобожденію крестьянъ; впрочемъ, конечно, изъ-за личной преданности князю Паскевичу, внушенной ему природной добротою и гуманностью князя, Филипповъ соблюдалъ скорѣе настоящіе интересы владѣльца помѣстья, нежели интересы его крестьянъ-бѣлоруссовъ, находившихся до пожалованія помѣстья фельдмаршалу въ несравненно болѣе угнетенномъ состояніи, чѣмъ во время управленія послѣдняго.

Черезъ нѣсколько времени послѣ конфликта Шувалова и Паскевича съ Редакціонными Комиссіями Паскевичъ подалъ Государю, за своей подписью, составленный имъ, при участіи Бобринскаго и А. П. Шувалова, такъ называемый „флигель-адъютантскій“ проектъ, заключавшій въ себѣ идеи, совершенно противоположныя взгля-

дамъ графа П. П. Шувалова на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Проектъ предлагалъ послѣ самаго короткаго переходнаго періода (не свыше трехъ лѣтъ) либо дарственный надѣлъ, либо, въ случаѣ несогласія помѣщика, обязательный выкупъ у него правительствомъ одной десятины земли на ревизскую душу, со включеніемъ усадьбы (безъ отдѣльной оцѣнки), и вслѣдъ за этимъ выкупомъ прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику и полное ихъ освобожденіе. Я не знаю, какъ упомянутый проектъ дошелъ до Императора Александра II, но знаю, кто изъ трехъ вышепоименованныхъ лицъ былъ по преимуществу его авторомъ; во всякомъ случаѣ составители такъ называемаго флигель-адъютантскаго проекта оказались практичнѣе и дальновиднѣе, съ точки зрѣнія своихъ матеріальныхъ интересовъ, чѣмъ великодушный и даже либеральный по отношенію къ крестьянамъ графъ П. П. Шуваловъ.

Четвертымъ членомъ-экспертомъ второго призыва былъ В. В. Апраксинъ. Онъ принадлежалъ къ тому знатному роду бояръ Апраксиныхъ, изъ которыхъ одному брату Петръ Великій далъ графскій титулъ, а другому пожаловалъ громадныя помѣстья въ нынѣшней Орловской губерніи (Сѣвскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ). Единственный наслѣдникъ этихъ помѣстій, Викторъ Владиміровичъ, родился въ 1825 г., получилъ прекрасное и очень гуманное домашнее воспитаніе и образованіе и уже въ очень молодые годы, послѣ кончины отца, вступилъ въ управленіе своими обширными помѣстьями, въ которыхъ старался не допускать никакихъ злоупотребленій, столь обычныхъ при крѣпостномъ правѣ со стороны администраторовъ крупныхъ имѣній (управляющихъ и приказчиковъ). Всѣ имѣнія его находились въ лѣсной нечерноземной части Орловской губерніи и состояли на умѣренномъ оброкѣ. Его крестьяне не знали барщины и имѣли очень значительные земельные надѣлы.

Въ 1855 г. В. В. Апраксинъ былъ избранъ въ губернскіе предводители дворянства Орловской губерніи, а со времени открытія Орловскаго комитета (въ 1858 г.) сдѣлался его предсѣдателемъ. При его гуманности и благородствѣ характера никакихъ крѣпостническихъ тенденцій у него не было, но съ бытомъ и потребностями крестьянъ онъ, завѣдывая своими оброчными имѣніями издали и черезъ посредство управляющихъ, знакомъ не былъ

и, конечно, вынужденъ былъ при обсужденіи аграрныхъ вопросовъ въ Орловскомъ комитетѣ примѣняться ко взглядамъ большинства дворянъ-помѣщиковъ своей губерніи; между тѣмъ, съ имущественными ихъ интересами онъ лично имѣлъ мало общаго, такъ какъ владѣнія его состояли изъ громадныхъ лѣсныхъ площадей, на которыхъ было сравнительно не особенно много крестьянъ. Крестьяне его жили посреди лѣсного пространства многочисленными мелкими поселками, и умѣренные оброки онъ, во исполненіе воли Государя объ улучшеніи ихъ быта, конечно, не имѣлъ намѣренія повышать. Вызванный освобожденіемъ крестьянскаго труда всеобщій государственный прогрессъ, способствуя впослѣдствіи проведенію желѣзныхъ дорогъ, неимовѣрно увеличилъ цѣнность имѣній Апраксина, доставивъ имъ сбытъ лѣса за границу. Что же касается большинства дворянъ Орловской губерніи, получавшихъ свои доходы по преимуществу отъ земледѣлія, то они, конечно, преслѣдовали другіе интересы. Стоя на болѣе практической почвѣ, чѣмъ Петербургское дворянство, они совсѣмъ не желали признавать эмфитевтическаго права крестьянъ и даже признали (весьма, впрочемъ, осторожно) надѣленіе крестьянъ землею обязательнымъ для себя только на 12-лѣтній срочно-обязанный періодъ, въ теченіе котораго намѣревались удержать за собой и барщину, и вотчинную полицію надъ крестьянами, которымъ предоставляли личныя и имущественныя права; немедленнаго же разрѣшенія аграрнаго вопроса они избѣгали. Впрочемъ, благодаря тому, что Орловскіе дворяне-помѣщики въ большинствѣ самостоятельно вели хозяйство, они, конечно, были хорошо знакомы съ обычнымъ правомъ (на основаніи котораго они вели хозяйство въ своихъ помѣстьяхъ) и очень хорошо понимали, что въ теченіе срочно-обязаннаго періода имъ такъ или иначе придется разъ навсегда раздѣлить свое помѣстье на земли крестьянскія и такія, которыя, по снятіи съ нихъ всѣхъ сервитутовъ [1]), они могли бы обратить уже въ полную свою собственность. Большинство Орловскаго дворянства, враждебно относившееся къ отдѣльному выкупу усадебъ (введенному М. П. Позеномъ въ правительственную программу губернскихъ комитетовъ до учрежденія Редакціонныхъ Комиссій), даже

[1]) Самыми тяжкими изъ этихъ сервитутовъ было, конечно, прокормленіе крестьянъ въ голодные годы, а еще болѣе—надѣленіе прибылыхъ душъ изъ земель, не состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ.

сочувствовало правительственному выкупу крестьянскихъ надѣловъ въ совокупности, но при раздѣлѣ земель помѣстья на крестьянскія и на составляющія, по отдѣленіи ихъ и снятіи съ помѣщиковъ всѣхъ сервитутовъ, *уже полную ихъ собственность*, хотѣло, конечно, получить львиную долю и передать затѣмъ земли уже въ полную собственность крестьянъ за возможно дорогой выкупъ.

Въ этомъ духѣ и были составлены оба проекта Орловскаго комитета, изъ коихъ проектъ меньшинства (къ которому принадлежалъ и В. В. Апраксинъ) былъ либеральнѣе проекта большинства, но въ указаніи условій раздѣла земель помѣстья на земли крестьянскія и на остающіяся въ полной собственности помѣщиковъ, а также и въ оцѣнкѣ первыхъ оба проекта были тождественны.

Оба проекта одинаково и весьма значительно уменьшали существовавшіе и освященные обычнымъ правомъ размѣры крестьянскихъ надѣловъ. Усадебные участки они опредѣлили въ 610 кв. саж. на дворъ, ограничивая ихъ только землями, находящимися подъ строеніями и улицами, и выдѣляя изъ нихъ выгоны и обширные коноплянники, усиленно удобряемые крестьянами, называемые ими „присельными землями“ и имѣвшіе большое экономическое значеніе для крестьянскаго хозяйства. Эти присельныя земли оба проекта, конечно, оставляли за крестьянами, но вводили въ разсчетъ полевыхъ земель, для которыхъ опредѣляли нормальный размѣръ надѣла въ двѣ десятины на ревизскую душу, между тѣмъ какъ по обычному праву надѣлъ, даже въ самыхъ густо населенныхъ черноземныхъ уѣздахъ Орловской, Рязанской, Тульской, Тамбовской и Воронежской губерніи, составлялъ отъ 6 до 7½ дес. полевой земли (отъ 2 до 2½ въ полѣ при трехпольной системѣ) на тягло, т.-е. отъ 2¾ до 3 дес. на душу, не считая присельной земли. Такимъ образомъ существующіе надѣлы проектами Орловскаго губернскаго комитета уменьшались болѣе чѣмъ на 40%, что не признавалось мѣстнымъ губернаторомъ (Стефановичемъ) достаточнымъ для обезпеченія быта крестьянъ. Оцѣнка земель, которая по предположенію комитета должна была служить для опредѣленія размѣровъ оброка и выкупа земельныхъ надѣловъ крестьянъ, была также очень высока, но, по крайней мѣрѣ, принципіальныхъ разногласій между мнѣніями В. В. Апраксина и Редакціонными Комиссіями не было, хотя онъ впослѣдствіи мало-по-малу примкнулъ къ той оппозиціи въ средѣ Комиссій, главными представителями

которой были графъ П. П. Шуваловъ и князь Паскевичъ и къ которой примкнулъ также и пятый членъ-экспертъ второго призыва— М. П. Позенъ.

Разумѣется, что только сплотившееся съ самаго начала дѣятельности Комиссій большинство ихъ членовъ сознавало, что, за отсутствіемъ всякой возможности привлечь къ обсужденію аграрныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, выходящими изъ крѣпостной зависимости, какихъ бы то ни было представителей отъ безправныхъ еще и безграмотныхъ крестьянъ, роль трибуновъ за ихъ интересы, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и интересами всего русскаго народа, лежала на призванныхъ въ Комиссіи членахъ-экспертахъ, принадлежавшихъ по рожденію и владѣнію помѣстьями къ сословію патриціевъ. Поэтому большинство Редакціонныхъ Комиссій не могло ни въ какомъ случаѣ согласиться ни на проектъ графа Шувалова, ни тѣмъ менѣе на проектъ, представляемый въ средѣ Комиссій княземъ Паскевичемъ, ни еще менѣе на идеи, коварно проводимыя М. П. Позеномъ.

Такимъ образомъ конфликтъ между членами-экспертами второго призыва, представлявшими крупную земельную собственность, и большинствомъ Комиссій, какъ ни старались предупредить его самые вліятельные члены Комиссій и какъ ни боялся его Ростовцовъ, былъ неизбѣженъ, и счастіемъ для Комиссій было то, что онъ произошелъ въ самомъ началѣ ихъ работъ, такъ какъ это воспрепятствовало введенію внутрь осаждаемыхъ впослѣдствіи со всѣхъ сторонъ Редакціонныхъ Комиссій „Троянской лошади“.

Редакціонныя Комиссіи были открыты 4 марта 1858 года. Направленіе работъ ихъ выяснилось уже съ первыхъ ихъ засѣданій (происходившихъ 4, 5, 9 и 13 марта), въ которыхъ, по выраженію Ростовцова, предсѣдатель и столичные члены Комиссій должны были „спѣваться“ между собою до прибытія иногороднихъ. Исходною точкой нашихъ первыхъ разсужденій былъ прошедшій, согласно личному вліянію Императора Александра II, журналъ Главнаго Комитета отъ 4 декабря 1858 г., изложеніе котораго, при участіи статсъ-секретаря Жуковскаго, принадлежало самому Я. И. Ростовцову. Въ этомъ журналѣ, между прочимъ, въ первый разъ было выражено съ полной ясностью: 1) что права свободныхъ сельскихъ сословій, личныя по преимуществу, и права жалобъ предоставляются помѣщичьимъ крестьянамъ при самомъ обнародованіи Положенія;

2) что крестьяне распредѣляются на сельскія общества, которыя должны имѣть свое (независимое отъ помѣщика) мірское управленіе; 3) что необходимо стараться, *чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками* при содѣйствіи правительства, и 4) что слѣдуетъ опредѣлить условія прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ.

Журналъ 4 декабря, прочитанный въ первомъ засѣданіи Комиссій (4 марта), имѣлъ характеръ Высочайшаго повелѣнія для опредѣленія направленія работъ Редакціонныхъ Комиссій, а во второмъ засѣданіи (5 марта) Ростовцовъ, по праву, данному ему Высочайшимъ повелѣніемъ о его назначеніи, счелъ долгомъ высказать Комиссіямъ и свое предложеніе, которое должно было разъяснить составителямъ общаго для всей Россіи законопроекта ихъ задачи еще съ большей точностью, чѣмъ журналъ Главнаго Комитета 4 декабря. Вотъ, собственно говоря, что̀ Ростовцовъ, по предварительномъ совѣщаніи съ самимъ Государемъ, счелъ долгомъ высказать въ этомъ своемъ предложеніи и въ словесныхъ объясненіяхъ 4 и 5 марта 1858 г.: 1) что крестьяне должны быть освобождены отъ помѣщичьей власти *вмѣстѣ съ землею, обезпечивающею ихъ существованіе*, и со всей землею, состоявшею въ неотъемлемомъ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ; 2) что конечной развязкою ихъ освобожденія долженъ быть выкупъ ихъ надѣловъ у помѣщиковъ; 3) что выкупъ усадебъ долженъ быть по возможности соединенъ съ выкупомъ надѣловъ; 4) что выкупу этому государство должно оказать самое дѣятельное содѣйствіе своимъ посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями и финансовыми операціями; 5) что срочно-обязанный періодъ слѣдуетъ по возможности сократить, не затрудняя его излишними регламентаціями, а барщину, не совмѣстимую съ личной свободою, уничтожить по возможности въ трехлѣтній срокъ; 6) что крестьянамъ должно быть дано такое самоуправленіе, которое, будучи подъ правительственнымъ контролемъ, замѣнило бы собою сильную власть помѣщика (но отнюдь не въ формѣ патримоніальной власти помѣщиковъ).

Къ этому въ засѣданіи 5 марта Ростовцовъ, во избѣжаніе сомнѣній, присоединилъ слѣдующее: 7) что выкупъ надѣльныхъ земель не долженъ быть обязателенъ для помѣщиковъ и отнюдь не долженъ имѣть характера экспропріаціи, и 8) что срочно-обязанный періодъ долженъ быть по возможности сокращенъ, а барщина,

несовмѣстная съ личной свободою крестьянъ, не должна быть продолжительною (напр., не долѣе 3 лѣтъ); въ случаѣ же, если въ теченіе 12 лѣтъ крестьяне не выйдутъ изъ срочно-обязаннаго состоянія путемъ приступа къ выкупу своихъ надѣловъ, свободной купли земель и переселенія на нихъ или выхода въ другія сословія, правительство само опредѣлитъ способы прекращенія срочно-обязаннаго положенія. Когда Ростовцовъ поставилъ свое предложеніе на всеобщее обсужденіе, онъ имѣлъ возможность убѣдиться, что предложенія его въ общихъ чертахъ были приняты наличными членами Комиссій, какъ соотвѣтствующія ихъ убѣжденіямъ, съ полнымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что Ростовцовъ просилъ составителей Положенія не стѣсняться опредѣленностью пунктовъ его предложенія, будучи готовъ отказаться отъ того, что̀ будетъ впослѣдствіи признано неудобнымъ.

Такимъ образомъ все направленіе будущихъ работъ Редакціонныхъ Комиссій по составленію законопроекта опредѣлилось согласно взглядамъ и намѣреніямъ Царя-Освободителя еще до вступленія графа Шувалова въ составъ Комиссій (16 марта 1859 года).

Принципіальное разногласіе графа Шувалова съ предсѣдателемъ и остальными членами Комиссій обнаружилось уже въ первомъ засѣданіи Комиссій, на которомъ онъ присутствовалъ. Тутъ уже Шуваловъ категорически высказался противъ мнѣнія Ростовцова о томъ, что срочно-обязанное положеніе можетъ прекратиться только съ выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ или съ выходомъ крестьянъ въ другія сословія; другими словами, онъ высказался противъ земельнаго освобожденія крестьянъ.

Разномысліе Шувалова съ Комиссіями еще болѣе обострилось въ засѣданіи 6 мая, когда Я. И. Ростовцовъ высказалъ съ еще большей опредѣленностью свой взглядъ на значеніе срочно-обязаннаго періода. По его мнѣнію, періодъ этотъ начнется съ того времени, когда крестьянамъ будетъ дана ихъ личная свобода, и имъ будетъ объявлено, что правительство беретъ на себя посредничество и гарантіи при добровольномъ для помѣщиковъ выкупѣ земель, которыя были отведены въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта при составленіи помѣщиками уставныхъ грамотъ. Срочный періодъ, т.-е. время, въ которомъ крестьяне остаются въ обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, по мнѣнію Ростовцова, долженъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока цѣлое крестьянское обще-

ство не выкупитъ само достаточнаго количества земли для обезпеченія своего быта или, по крайней мѣрѣ, не приступитъ къ этому выкупу при помощи правительства, или, наконецъ, не обратится въ городское сословіе путемъ образованія мѣстечекъ изъ промысловыхъ и торговыхъ селеній. Но при этомъ Ростовцовъ полагалъ необходимымъ опредѣлить одинъ общій срокъ (напр., 12 лѣтъ), послѣ котораго правительство для приведенія срочно-обязаннаго періода къ окончанію приметъ мѣры, согласныя съ обстоятельствами и потребностями того времени.

Противъ этого въ особенности возсталъ графъ П. П. Шуваловъ, вообще стремившійся къ тому, чтобы земельная собственность была исключительно привилегіей дворянскаго сословія, тѣмъ болѣе горячо отстаивалъ свое мнѣніе, что предложеніе предсѣдателя вполнѣ соотвѣтствовало мнѣнію большинства Редакціонныхъ Комиссій.

Ростовцовъ, зная, что высказываемые имъ взгляды, хотя и вполнѣ соотвѣтствовали желаніямъ самого Государя, были совершенно противоположны взглядамъ большинства крупныхъ дворянъ-помѣщиковъ, и желая вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить составителямъ законопроекта свободу не стѣсняться всѣми пунктами его предложенія, созвалъ 8 мая экстренное собраніе Комиссій, на которое пригласилъ всѣхъ наличныхъ членовъ Комиссій (22) для обсужденія происшедшаго разномыслія, которое очень его волновало, несмотря на его увѣренность въ томъ, что Государь раздѣляетъ его убѣжденія. Самъ онъ не хотѣлъ присутствовать на этомъ засѣданіи, такъ какъ ничѣмъ не хотѣлъ стѣснять свободнаго обсужденія вопроса и тѣхъ возраженій, которыя могли бы быть вызваны его предложеніемъ; онъ поручилъ предсѣдательство старшему изъ членовъ Комиссій, статсъ-секретарю П. А. Булгакову, а меня пригласилъ заѣхать къ нему немедленно послѣ засѣданія и сообщить ему о его результатахъ.

Само собою разумѣется, что споры въ засѣданіи 8 мая были свободные и очень оживленные и обнаружили полностью, въ чемъ заключалось коренное разномысліе между взглядами членовъ-экспертовъ второго призыва и взглядами всѣхъ остальныхъ членовъ Комиссій.

Несмотря на свойственную графу П. П. Шувалову туманность его мыслей и изложенія, намъ удалось въ засѣданіи 8 мая вполнѣ

ознакомиться съ его убѣжденіями и противорѣчіями, въ нихъ заключавшимися.

Съ одной стороны, Шуваловъ настойчиво и либерально стоялъ за признаніе эмфитевтическаго права на пользованіе крестьянской землею помѣстья за крѣпкими землѣ крестьянами его, а съ другой стороны, онъ признавалъ эту самую землю все-таки *полной* собственностью помѣщика. Кромѣ того онъ признавалъ, вмѣстѣ съ председательствуемымъ имъ С.-Петербургскимъ губ. комитетомъ, что по выходѣ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости право это послѣ срочно-обязаннаго періода прекращается, и они могутъ пользоваться землею помѣстья только на свободныхъ условіяхъ. Выкупа же земельныхъ угодій въ собственность крестьянъ онъ не допускалъ никакого, кромѣ выкупа усадебъ, уже предрѣшеннаго правительственною программою. Вообще онъ стремился къ тому, чтобы владѣніе землею помѣстій осталось навсегда исключительною привилегіей дворянства и могло бы передаваться другимъ лицамъ только какъ земельная инвеститура, раздаваемая помѣщиками или верховною властью (какъ средневѣковые рыцари передавали рыцарскія права посвященнымъ ими въ рыцарское достоинство). Такимъ образомъ, очевидно, что освобожденіе крестьянъ, предлагаемое Шуваловымъ, было *безземельное* и находилось въ полномъ противорѣчіи съ Высочайшею волей Царя-Освободителя; ни Шуваловъ, ни Паскевичъ, ни группа лицъ, къ нимъ примыкавшая, не знали, въ какой мѣрѣ Императоръ Александръ II принималъ активное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ, составивъ себѣ не только опредѣленныя, но даже совершенно непоколебимыя убѣжденія по этому вопросу [1].

[1] Доказательствомъ этому служило то, что Императоръ Александръ II, горячо стремившійся къ освобожденію крестьянъ съ такимъ количествомъ земли, которое вполнѣ обезпечивало бы ихъ быть, путемъ организованнаго правительствомъ выкупа, не жалѣя на то никакихъ средствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не допускалъ, чтобы этотъ выкупъ явился обязательнымъ для помѣщиковъ и имѣлъ характеръ *экспропріаціи*. Даже и впослѣдствіи, по усмиреніи польскаго возстанія, Императоръ Александръ II согласился на обязательный выкупъ въ Сѣверо- и Юго-западномъ краѣ, только въ видѣ репрессіи противъ мятежнаго польскаго дворянства. По истеченіи же двадцатилѣтняго періода по освобожденіи, когда въ 1880 г. Государь убѣдился въ совершенной невозможности осуществить установленную Положеніемъ 19 февраля 1861 г. переоцѣнку крестьянскихъ повинностей, Онъ до самой своей кончины не захотѣлъ согласиться на предлагаемую Ему министромъ внутреннихъ дѣлъ развязку дѣла путемъ обязательнаго выкупа не подлежавшихъ уже переоцѣнкѣ повинностей, такъ что мѣра эта, уже потерявшая къ тому времени характеръ экспропріаціи, была осуществлена Императоромъ Александромъ III.

Страстные споры съ самыми горячими защитниками земельнаго освобожденія крестьянъ путемъ правительственнаго выкупа, каковыми явились князь Черкасскій, Милютинъ, Соловьевъ, Жуковскій, Заблоцкій, Татариновъ и мы съ братомъ, убѣдили Шувалова, что почти всѣ наличные члены Редакціонныхъ Коммиссій единодушно стоятъ за земельное освобожденіе крестьянъ путемъ правительственнаго выкупа существующихъ ихъ надѣловъ, со включеніемъ въ нихъ усадебъ, и что изъ предложеній Ростовцова встрѣтили возраженіе только тѣ, которыя слишкомъ детально представляли и регламентировали срочно-обязанный періодъ.

Съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ я и пріѣхалъ къ Ростовцову въ 12 часовъ пополуночи; онъ объяснилъ, что всѣ его предложенія имѣли всего лишь характеръ конспекта для будущихъ работъ составителей законопроекта, и, въ виду согласія большинства ихъ со взглядами высшаго правительства, детали и отдѣльныя предложенія предсѣдателя не представляютъ для нихъ ничего обязательнаго, тѣмъ болѣе, что работы отдѣленій будутъ подлежать еще обсужденію общаго собранія Коммиссій, замѣчаніямъ депутатовъ губернскихъ комитетовъ и, въ концѣ концовъ, обсужденію Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта и Высочайшему утвержденію.

Графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ, убѣдившись, что взгляды большинства Коммиссій совершенно противоположны ихъ взглядамъ, рѣшились найти поводъ къ своему выходу изъ Редакціонныхъ Коммиссій и искать себѣ точки опоры въ имѣющихъ быть вызванными депутатахъ губернскихъ комитетовъ. Отыскиваемый поводъ скоро представился.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (13 мая) графъ Шуваловъ представилъ предсѣдателю особое мнѣніе по возникшему разногласію, къ которому присоединился и князь Паскевичъ. Общихъ собраній Коммиссій, со включеніемъ экстреннаго, было уже 14; во всѣхъ вопросахъ, по которымъ были споры, разногласія рѣшались по простому большинству голосовъ, которые собирались всегда письменно, а меньшинство всегда подчинялось рѣшенію большинства; поэтому подача особаго мнѣнія произошла въ первый разъ. На основаніи широкихъ полномочій, данныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ предсѣдателю, какъ „начальнику“ Редакціонныхъ Коммиссій, отъ него всецѣло зависѣло рѣшеніе вопроса о томъ, какъ посту-

пать съ отдѣльными мнѣніями членовъ Комиссій и какой имъ давать ходъ.

Такъ какъ Ростовцовъ ввелъ въ Комиссіяхъ печатное производство, и всѣ журналы Комиссій, вмѣстѣ съ докладами отдѣленій, содержащіе въ себѣ какъ рѣшенія общихъ собраній, такъ и ихъ мотивы, печатались въ 3.000 экземплярахъ и разсылались по всей Россіи для того, чтобы работамъ Комиссій была придана возможная гласность, то онъ счелъ невозможнымъ придать эту гласность разномысліямъ, возникающимъ въ средѣ самымъ Комиссій, и рѣшилъ, что отдѣльное мнѣніе двухъ членовъ будетъ записано, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ, въ отдѣльный, не подлежащій огласкѣ журналъ; что въ краткій печатный журналъ, не заключающій въ себѣ никакихъ дебатовъ, оно внесено быть не можетъ, а что затѣмъ, если члены, несогласные съ рѣшеніемъ большинства, того пожелаютъ, онъ можетъ представить ихъ мнѣнія какъ въ Главный Комитетъ, такъ и на непосредственное разсмотрѣніе самого Государя. Графъ Шуваловъ не пожелалъ такого представленія.

Между тѣмъ Ростовцовъ, не желая принять на себя окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ, какъ поступать съ отдѣльными мнѣніями членовъ, представилъ его на разрѣшеніе самого Государя, которому всѣ печатные журналы и доклады Комиссій посылались по мѣрѣ ихъ отпечатанія, и который съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ работъ Редакціонныхъ Комиссій. Вслѣдъ затѣмъ графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ письмами отъ 22 мая 1859 г. просили Ростовцова ходатайствовать передъ Государемъ объ ихъ увольненіи изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что дальнѣйшее ихъ участіе въ трудахъ Комиссій, при обнаружившемся уже существенномъ различіи между личными ихъ убѣжденіями и воззрѣніями большинства Комиссій, являлось для нихъ весьма затруднительнымъ.

Ростовцовъ отвѣтилъ на другой же день по полученію ихъ писемъ (23 мая), что разномысліе между членами Комиссій, формулированное *подачею особыхъ мнѣній*, а не простою подачей голосовъ, должно быть представляемо всякій разъ на разрѣшеніе высшаго правительства, ибо проявленіе и опубликованіе такого разномыслія въ средѣ учрежденія не сословнаго, а правительственнаго, могло бы причинить большой вредъ ходу всего дѣла, и что

вопросъ этотъ уже разрѣшенъ волею самого Государя, при этомъ была приложена къ отвѣтному письму Ростовцова копія съ Высочайшаго повелѣнія. Самое Высочайшее повелѣніе было объявлено въ засѣданіи Комиссій 27 мая. Въ немъ было указано, что подаваемыя членами Комиссій отдѣльныя отъ большинства мнѣнія не вносятся въ журналъ общаго присутствія Комиссій, печатаемый по уже воспослѣдовавшему прежде Высочайшему повелѣнію и разсылаемый во всеобщее свѣдѣніе, а записываются въ особый, не подлежащій огласкѣ журналъ и вносятся, не нарушая хода работъ Редакціонныхъ Комиссій, предсѣдателемъ (если члены, подавшіе свое особое мнѣніе, того пожелаютъ) въ комиссію Главнаго Комитета (состоявшую изъ Ланского, графа Панина, Муравьева и Ростовцова).

Между тѣмъ графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ въ своихъ письмахъ отъ 26 мая повторили свои просьбы объ ихъ увольненіи и вмѣстѣ съ тѣмъ представили предсѣдателю мнѣніе, уже окончательно ими формулированное и подписанное, конечно, въ томъ неопредѣленномъ и туманномъ видѣ, который характеризовалъ графа П. П. Шувалова. Милютинъ пытался еще уладить разномысліе, которое произвело удручающее впечатлѣніе на членовъ Редакціонныхъ Комиссій, и говорилъ, что два члена не доказали своего мнѣнія о выкупѣ земель и не высказали окончательно, чего они хотятъ; что заключать о возникшемъ между ними и большинствомъ Комиссій непримиримомъ разногласіи было бы еще преждевременно, и что, собственно съ точки зрѣнія ихъ несформулированнаго разномыслія, не было достаточныхъ причинъ къ ихъ выходу изъ Комиссій, и причины эти остаются для членовъ Комиссіи не выясненными.

Но какъ Ростовцову, такъ и самому Государю эти причины были хорошо извѣстны. Оба члена были выдвинуты очень сильною въ высшихъ сферахъ партіей противниковъ земельнаго освобожденія крестьянъ, которая употребляла всѣ возможныя усилія, чтобы обвинить передъ общественнымъ мнѣніемъ всего дворянства и передъ самимъ Государемъ только-что сформированныя Комиссіи въ томъ, что онѣ имѣютъ въ виду, пробудивъ несбыточныя желанія между крестьянами, возбудить волненія и тѣмъ ниспровергнуть весь общественный и государственный строй Россіи. Однимъ словомъ, въ глазахъ противниковъ земельнаго освобожденія большинство

членовъ Комиссій уже давно представлялось „красными“. Конечно, Шуваловъ, да и Паскевичъ, по благородству своихъ характеровъ, не принимали прямого участія въ подобныхъ обвиненіяхъ, но все-таки они не могли и не хотѣли работать въ направленіи, столь противоположномъ взглядамъ сторонниковъ безземельнаго или почти безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Поэтому Ростовцовъ отвѣтилъ Милютину, что хотя окончательно представленное двумя членами мнѣніе дѣйствительно не досказано, а потому туманно и уклончиво, все же въ своихъ письмахъ къ нему Шуваловъ и Паскевичъ прямо выражаютъ свое несогласіе съ мнѣніемъ большинства и несочувствіе направленію Комиссій, до сихъ поръ ни въ чемъ не уклонившихся отъ убѣжденій и воли самого Государя. Поэтому Ростовцовъ призналъ необходимымъ немедленно составить отвѣтъ на мнѣніе отдѣлившихся членовъ со стороны большинства Комиссій и выразить въ немъ съ полной ясностью то направленіе Комиссій, которому не сочувствуютъ отдѣлившіеся члены и которое онъ, какъ предсѣдатель Комиссій, считаетъ вытекающимъ изъ предначертаній самого Государя. Такое объясненіе, по выраженію Ростовцова, могло служить и очищеніемъ намѣреній Комиссій къ общественномъ мнѣніи.

Направленіе Комиссій въ это время (27 мая) уже такъ ясно опредѣлилось, что редакція этого отвѣта была выработана четырьмя членами Комиссій, на которыхъ она была возложена [1]), не болѣе какъ въ полчаса, вызвала очень мало возраженій и была принята съ полнымъ единодушіемъ.

Вотъ какъ было формулировано объясненіе большинства:

„Редакціонныя Комиссіи, неуклонно слѣдуя началамъ, Высочайшею волею указаннымъ, постановили въ своемъ журналѣ даровать немедленно крестьянамъ личную свободу и упрочить поземельные ихъ надѣлы за опредѣленныя повинности.

Но такъ какъ обязательныя отношенія должны имѣть исходъ, указанный Высочайше утвержденнымъ 4 декабря 1858 г. журналомъ Главнаго Комитета, то предположены къ тому слѣдующія средства:

1) покупка крестьянами земель безъ содѣйствія правительства;

2) выкупъ ими земель съ помощью правительства;

[1]) Составителями отвѣта были: Милютинъ, князь Черкасскій, Заблоцкій-Десятовскій и Соловьевъ.

3) обращеніе крестьянскихъ обществъ въ городское сословіе посредствомъ образованія изъ промышленныхъ селеній мѣстечекъ, и

4) дозволеніе крестьянамъ переселяться на земли, помѣщику не принадлежащія.

Ни одно изъ этихъ средствъ не есть *принудительное*, слѣдовательно, могутъ оказаться крестьяне, которые не воспользуются этими предоставленными имъ способами, а потому для приведенія срочно-обязаннаго періода къ окончанію Коммиссіи опредѣлили смыслъ сего періода и общій ему срокъ. Не согласившіеся съ этимъ члены находятъ необходимымъ оставить крестьянамъ поземельный надѣлъ въ безсрочное пользованіе и полагаютъ установить срокъ для прекращенія обязательныхъ отношеній между обоими сословіями, независимо отъ выкупа.

Коммиссіи, отклоняя своими постановленіями всякую мысль о принудительномъ выкупѣ, предлагаютъ независимо отъ выкупа еще и другія мѣры къ прекращенію срочно-обязаннаго періода: онѣ полагаютъ назначить тотъ общій срокъ, о которомъ упоминаютъ два члена. Засимъ, мѣры къ тому могутъ быть весьма разнообразны и должны зависѣть отъ новыхъ экономическихъ отношеній. Опредѣленіе ихъ (нынѣ) не только преждевременно, но можетъ быть даже вредно.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ письменномъ изложеніи отдѣльнаго мнѣнія нѣтъ ничего такого, что могло бы достаточнымъ образомъ объяснить причины заявленнаго разногласія.

Поэтому Коммиссіи не безъ удивленія выслушали сообщенныя имъ председателемъ письма двухъ членовъ отъ 26 мая, въ которыхъ говорится о коренномъ ихъ разногласіи съ воззрѣніями прочихъ членовъ.

Коммиссіи должны были убѣдиться изъ множества ими разсмотрѣнныхъ рукописныхъ проектовъ и мнѣній, что еще и донынѣ нѣкоторыя лица продолжаютъ поддерживать мнѣнія по крестьянскому вопросу, прямо противорѣчащія Высочайше указаннымъ началамъ и клонящіяся въ той или другой формѣ къ окончательному освобожденію крестьянъ безъ земли и къ болѣе или менѣе постепенному образованію изъ нихъ класса свободныхъ, но бездомныхъ и безземельныхъ работниковъ.

Эта послѣдняя цѣль, не всегда выраженная, не всегда равно

сознаваемая даже тѣми, кто ее преслѣдуетъ, можетъ достигаться различнымъ образомъ. Нѣкоторые предлагаютъ прямо освобожденіе крестьянъ безъ земли, другіе указываютъ на косвенныя мѣры, которыя неизбѣжно приведутъ къ тому же. Такъ, напримѣръ, немедленное дарованіе крестьянамъ права отказываться отъ поземельнаго надѣла, безъ указанія имъ дальнѣйшаго правильнаго исхода изъ обязательныхъ отношеній, обратилось бы, безъ сомнѣнія, къ ущербу самихъ крестьянъ. Желая скорѣе освободиться отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній и увлекаясь отдаленными надеждами, иногда даже нелѣпыми слухами, они могутъ безразсчетно покинуть свои поля, къ явному разстройству помѣщичьяго хозяйства; съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля пріобрѣла особенную цѣнность, могутъ быть и со стороны землевладѣльца употребляемы болѣе или менѣе принудительныя мѣры, чтобы, заставивъ крестьянъ отказаться отъ надѣла, воспользоваться онымъ съ большею для себя выгодою. Пока крестьяне не привыкнутъ къ новому своему положенію и не пріобрѣтутъ не только въ законѣ, но и на самомъ дѣлѣ должной самостоятельности, пока не установятся спокойныя и правильныя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами, до тѣхъ поръ правительство не можетъ рѣшеніе важнѣйшаго государственнаго вопроса предоставить случайностямъ и неравной борьбѣ между двумя сословіями.

Подобная ничѣмъ не сдерживаемая борьба (не говоря уже о безусловной несовмѣстимости ея съ правильною государственной жизнью) должна повести къ постепенному водворенію между крестьянами полной безземельности и вмѣстѣ съ нею къ новой, хотя уже не юридической, но не менѣе дѣйствительной матеріальной зависимости, истекающей изъ крайней нужды и необходимости пропитать себя и свое семейство.

Вотъ почему правительство, а съ нимъ и Коммисіи почитаютъ выкупъ крестьянской земли главнымъ исходомъ вопроса и, не дѣлая его обязательнымъ, желали бы обставить его такъ, чтобы въ большей части случаевъ онъ могъ удобно совершиться для обоюдной пользы.

Вотъ почему, съ другой стороны, Коммисіи не могли не придти къ убѣжденію, что даже незначительное, повидимому, уклоненіе отъ указаннаго Высочайшею волей пути въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ можетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи довести до результатовъ самыхъ гибельныхъ.

Если (особое) мнѣніе сколько-нибудь приближается къ которому-либо изъ подобнаго рода воззрѣній на дѣло освобожденія крестьянъ, въ такомъ случаѣ Коммиссіи не могутъ не признать дѣйствительнаго существованія заявленнаго двумя членами коренного разногласія. Въ противномъ случаѣ, они остаются при прежней неизвѣстности насчетъ причинъ возбужденныхъ ими преній".

Этотъ дополнительный журналъ общаго присутствія 27 мая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ этомъ присутствіи, не подлежавшій напечатанію, былъ отлитографированъ и представленъ на другой день (28 мая) Ростовцовымъ Государю вмѣстѣ съ также отлитографированнымъ отдѣльнымъ мнѣніемъ графа Шувалова и князя Паскевича и съ письмами, заключавшими въ себѣ ихъ ходатайство объ увольненіи ихъ изъ членовъ Коммиссій. Государь съ особымъ вниманіемъ прочелъ особое мнѣніе двухъ членовъ, а дополнительный журналъ общаго присутствія 27 мая прочелъ два раза, послѣ чего председателемъ была сдѣлана на журналѣ слѣдующая помѣтка: „Государь Императоръ изволилъ читать постановленіе Коммиссій, одобрить ихъ и вообще всѣ ихъ дѣйствія найти совершенно вѣрными основнымъ началамъ, Высочайше даннымъ Имъ въ руководство". При этомъ Государь высказалъ Ростовцову свои виды на будущее и общіе взгляды на дѣло, изъ которыхъ было видно, что Государь, слѣдя за всѣми журналами Коммиссій, былъ знакомъ съ постепеннымъ развитіемъ крестьянскаго вопроса не менѣе, чѣмъ сами члены Коммиссій.

Относительно же увольненія графа Шувалова и князя Паскевича изъ членовъ Коммиссій Государь, послѣ личнаго съ ними объясненія, потребовалъ отъ нихъ, чтобы они прислали въ Его собственныя руки письменныя разъясненія ихъ мнѣній, а до тѣхъ поръ пожелалъ повременить съ ихъ увольненіемъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Государь выразилъ имъ желаніе, чтобы они остались въ составѣ Коммиссій, но чтобы они присутствовали на ихъ засѣданіяхъ только тогда, когда сами найдутъ это удобнымъ для себя, какъ это было уже допущено относительно князя Б. Д. Голицына.

ГЛАВА X.

Какъ былъ рѣшенъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ (апрѣль—іюль) аграрный вопросъ, предоставленный разрѣшенію главной лабораторіи Редакціонныхъ Комиссій—хозяйственному отдѣленію.—Оставленіе и закрѣпленіе за крестьянами *существующихъ* надѣловъ въ предѣлахъ устанавливаемаго для каждой мѣстности высшаго и низшаго размѣровъ.—Обращеніе занадѣльныхъ земель помѣстья въ личную земельную собственность помѣщика, а надѣльныхъ крестьянскихъ земель сначала въ безсрочное пользованіе, а потомъ и въ собственность (пока общественную) юридическихъ лицъ—сельскихъ обществъ.—Вопросъ объ общинномъ и личномъ владѣніи и предварительное отношеніе къ нему Редакціонныхъ Комиссій.—Установленіе системы крестьянскихъ повинностей, долженствовавшей служить исходной точкою милліардной выкупной операціи.—Отношеніе Ростовцова къ работамъ Комиссій.

Настоящія работы Комиссій по составленію законопроекта начались уже съ конца марта 1859 г. Съ этого времени всѣ три отдѣленія Комиссій начали собираться отъ 3 до 5 разъ въ недѣлю въ ихъ наличномъ составѣ, еще до прибытія всѣхъ членовъ-экспертовъ. Главною лабораторіей Комиссій сдѣлалось сразу состоявшее подъ предсѣдательствомъ Милютина [1]) хозяйственное отдѣленіе, такъ какъ въ немъ должны были рѣшиться способы и условія осво-

---

[1]) Со времени Высочайшаго назначенія предсѣдателемъ Комиссій Ростовцова и вступленія Милютина въ составъ ихъ, вражда между обоими совершенно прекратилась. Предсѣдатель поручилъ своему бывшему врагу предсѣдательство въ хозяйственномъ отдѣленіи Комиссій, а когда въ апрѣлѣ Государь, наконецъ, рѣшился принять отставку Левшина, то Ростовцовъ настойчиво ходатайствовалъ передъ Государемъ о назначеніи Милютина товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Императоръ Александръ II рѣшительно не соглашался на такое назначеніе и только въ видѣ уступки доводамъ Ростовцова, что одинъ Милютинъ можетъ обезпечить успѣхъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ и достигнуть того, чтобы министерство внутреннихъ дѣлъ шло рука объ руку съ Комиссіями, назначилъ Милютина временно исправляющимъ должность товарища министра на все время законодательныхъ работъ Комиссій.

божденія крестьянъ, т.-е. всѣ аграрные вопросы, такъ волновавшіе въ то время Россію.

Хозяйственное отдѣленіе собиралось въ квартирѣ Милютина черезъ день въ 8 час. вечера и работало до 3 и 4 час. ночи, а иногда даже до 6 час. утра, такъ какъ Милютинъ по образу своей жизни былъ *ноктурномъ*, т.-е. работалъ всю ночь и спалъ до 3 или 4 часовъ пополудни.

Собранія наши въ апрѣлѣ и маѣ были еще малочисленны и состояли изъ 11 человѣкъ, — пяти членовъ отъ правительства [1]) и шести членовъ-экспертовъ [2]), и только къ началу іюня прибылъ ожидаемый всѣми нами съ нетерпѣніемъ Ю. Ѳ. Самаринъ.

Уже при первомъ обмѣнѣ мыслей въ трехъ первыхъ засѣданіяхъ всѣ наличные члены хозяйственнаго отдѣленія высказали свое непоколебимое убѣжденіе въ необходимости *земельнаго* освобожденія крестьянъ и въ совершенной невозможности того, чтобы земли помѣстья, къ которымъ крестьяне были прикрѣплены въ теченіе вѣковъ, могли отойти отъ нихъ, а имъ была бы дана только „птичья свобода“.

По обсужденіи способовъ обезпеченія земельнаго освобожденія крестьянъ мы пришли почти единогласно къ слѣдующему заключенію: въ каждомъ помѣстьи часть земли, входящей въ его составъ, должна быть предоставлена въ неотъемлемое (безсрочное) пользованіе крестьянъ этого помѣстья за опредѣленную закономъ повинность: натуральную (обязательный трудъ тамъ, гдѣ онъ существовалъ) или денежную, на которую крестьяне имѣли бы право переходить безъ согласія помѣщика, по истеченіи опредѣленнаго закономъ срочно-обязаннаго періода. Затѣмъ все хозяйственное отдѣленіе въ своемъ наличномъ составѣ высказалось за то, чтобы крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, была предоставлена возможность пріобрѣтать изъ безсрочнаго пользованія въ собственность свои надѣльныя земли путемъ правительственнаго выкупа у помѣщиковъ.

Конечно, при обсужденіи способовъ осуществленія этого едино-

[1]) Н. А. Милютинъ, С. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, Н. Н. Павловъ и Н. Н. Арапетовъ.

[2]) П. П. Семеновъ, князь В. А. Черкасскій, А. Н. Татариновъ, В. В. Тарновскій, Н. Н. Желѣзновъ и князь С. Н. Голицынъ.

душнаго стремленія между нами возникали горячіе споры и существенныя разномыслія, но затѣмъ, когда выясненный со всѣхъ сторонъ и разрѣшенный по большинству голосовъ вопросъ былъ формулированъ въ окончательно редактированномъ докладѣ отдѣленія общему собранію, и назначенный отдѣленіемъ редакторъ доклада, при помощи другихъ членовъ, мотивировалъ заключенія отдѣленія, то члены его, не по какому бы то ни было предварительному условію, но tacito consensu единогласно поддерживали въ общемъ присутствіи этотъ докладъ отдѣленія, дозволяя себѣ, однакоже, въ исключительныхъ случаяхъ, если къ тому побуждала ихъ совѣсть, и предупредивъ заранѣе своихъ товарищей, возражать и вотировать противъ отдѣльныхъ заключеній доклада. Поэтому обсужденіе и прохожденіе заключеній доклада въ общемъ присутствіи имѣло преимущественно характеръ только нѣкоторой mise en scène, такъ какъ все существенное было уже рѣшено въ хозяйственномъ отдѣленіи. Исключеніе составляли только тѣ предлагаемыя въ общемъ собраніи измѣненія, которыя представляли въ глазахъ самихъ членовъ хозяйственнаго отдѣленія очевидное улучшеніе. Въ засѣданіяхъ общаго присутствія вопросы рѣшались простымъ большинствомъ голосовъ, и хотя члены хозяйственнаго отдѣленія не составляли абсолютнаго большинства (12 изъ 36 членовъ Коммиссіи), но при своемъ единогласіи и при постоянномъ единомысліи съ ними еще нѣсколькихъ членовъ Коммиссіи, не принимавшихъ участія въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія, и при полномъ разномысліи и разнорѣчіи остальныхъ членовъ между собою, они почти всегда оставались въ большинствѣ и проводили заключенія хозяйственнаго отдѣленія.

Такимъ образомъ хозяйственное отдѣленіе имѣло рѣшающее вліяніе на весь ходъ составленія законопроекта; хотя оно и воздерживалось отъ какого бы то ни было активнаго вмѣшательства въ автономію другихъ отдѣленій, все же оно вело ихъ, можно сказать, на буксирѣ, въ особенности благодаря тому, что семь членовъ юридическаго отдѣленія и шесть административнаго были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами хозяйственнаго отдѣленія, да и заключенія юридическаго и административнаго отдѣленій не могли бы пройти въ общемъ присутствіи иначе, какъ при сочувствіи хозяйственнаго отдѣленія. Живою связью между хозяйственнымъ отдѣленіемъ и предсѣдателемъ Коммиссіи долженъ былъ явиться членъ — завѣды-

вающій дѣлами Комиссій, и въ качествѣ таковаго я, конечно, старался всѣми мѣрами поддерживать столь необходимое, по сознанію Я. И. Ростовцова, единеніе между нимъ и хозяйственнымъ отдѣленіемъ.

Съ другой стороны, самъ Я. И. Ростовцовъ служилъ живою связью между составителями законопроекта объ освобожденіи крестьянъ и Царемъ-Освободителемъ, который до самой кончины Ростовцова, можно сказать, день за днемъ съ глубокимъ сочувствіемъ великому дѣлу слѣдилъ за работами Комиссій.

Уже съ самыхъ первыхъ дней оживленной дѣятельности хозяйственнаго отдѣленія, съ тѣхъ поръ, какъ мы убѣдились въ полномъ нашемъ единодушіи по вопросу *земельнаго* освобожденія крестьянъ, начали выясняться лежавшія на насъ законодательныя задачи по устройству новыхъ аграрныхъ отношеній, которыя были вызваны въ *каждомъ помѣстьи* уже совершившимся фактомъ освобожденія крестьянъ.

Изъ первыхъ нашихъ разсужденій и объясненій членовъ-экспертовъ выяснилось, что до выраженнаго дворянствомъ всѣхъ губерній имперіи желанія освободить своихъ крестьянъ каждое *помѣстье* состояло изъ связанныхъ крѣпостными узами трехъ элементовъ: 1) изъ населенной земли въ опредѣленныхъ актами или планами границахъ, 2) изъ крестьянъ, бывшихъ ея насельниками большею частью уже ранѣе ея обращенія въ помѣстье, и 3) изъ дворянина-помѣщика, сдѣлавшагося собственникомъ помѣстья или потому, что оно было пожаловано ему государями за его службу государству, или по наслѣдству, или же путемъ купли-продажи у другого дворянина, отъ котораго купившій помѣстье принялъ всѣ права и обязанности, лежавшія на проданномъ имъ помѣстьи.

При крѣпостномъ правѣ, хотя крестьяне и были по закону „вещью, принадлежащей другому“, никто, ни государи, обратившіе населенныя земли въ помѣстья, ни дворяне, которымъ пожалованы были эти помѣстья, *никогда* не отрицали правъ крестьянъ (составлявшихъ всю рабочую силу, а, слѣдовательно, и главную цѣнность помѣстья) на пользованіе тою частью земли, которая всегда ихъ кормила. Поэтому съ той поры, какъ крестьянамъ была дарована съ согласія собственниковъ помѣстій личная свобода, не могло быть, по нашему мнѣнію, и рѣчи о разрывѣ вѣковой связи крестьянъ съ землею, которой они были крѣпки, и объ ихъ обезземеленіи.

Наоборотъ, мы смотрѣли на помѣстье, населенное уже свободными христіанами (крестьянами), но еще принадлежащее по закону помѣщику, какъ на *кондоминіумъ*, подлежащій раздѣлу между обоими живыми элементами помѣстья, крестьянами и помѣщиками. Очевидно, что при этомъ раздѣлѣ за крестьянами должна была быть удержана та часть земли, которая обезпечивала ихъ бытъ и повинности передъ государствомъ и самими помѣщиками, а вся остальная земля помѣстья, въ особенности же та, которая обрабатывалась крестьянами въ пользу помѣщиковъ, могла быть признана *полной личной ихъ собственностью.* Путемъ къ такому обращенію части кондоминіума въ полную личную собственность помѣщиковъ представлялось намъ, конечно, снятіе съ этой помѣщичьей земли и съ самихъ помѣщиковъ *всѣхъ* лежавшихъ на нихъ при крѣпостномъ правѣ сервитутовъ. Что же касается земель помѣстья, закрѣпляемыхъ въ неотъемлемое пользованіе крестьянъ, то по отношенію къ нимъ наша законодательная задача состояла въ организаціи правительственнаго выкупа этой земли изъ состава помѣстій и въ обращеніи ея, по окончаніи смѣлой и трудной выкупной операціи, въ собственность крестьянъ.

Затѣмъ намъ предстоялъ еще одинъ вопросъ первостепенной важности, а именно: какое количество земли изъ состава помѣстья должно быть закрѣплено въ крестьянскомъ пользованіи? До учрежденія Редакціонныхъ Коммиссій вопросъ этотъ разрѣшали въ правительственныхъ сферахъ тѣмъ, что признавали необходимымъ закрѣпить за крестьянами количество земли, достаточное для обезпеченія ихъ быта и отправленія ими государственныхъ и помѣщичьихъ повинностей. Переводя это количество въ цифры десятинъ, губернскіе комитеты разрѣшали этотъ вопросъ весьма различно, но всетаки бо́льшая часть дворянъ-помѣщиковъ, признавая неизбѣжнымъ раздѣленіе между ними и крестьянами земель помѣстья, старалась захватить въ свою уже полную и неотягченную никакими сервитутами собственность львиную долю, соглашаясь отдать крестьянамъ только отъ 1 до 2 дес. на душу. Разумѣется, члены Редакціонныхъ Коммиссій, набранные по преимуществу изъ меньшинства губернскихъ комитетовъ, были великодушнѣе, но и они по большей части не шли далѣе $2\frac{1}{2}$ дес. на душу, со включеніемъ усадебъ.

Иначе смотрѣли на этотъ предметъ представители министерства внутреннихъ дѣлъ, Милютинъ и Соловьевъ. Въ первыхъ же

засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія они стали справедливо доказывать намъ, что вопросъ о размѣрѣ нормальнаго надѣла земли, необходимаго для обезпеченія крестьянскаго быта, поведетъ къ безконечнымъ спорамъ и, при трудности разрѣшенія его однообразно для всей Россіи вслѣдствіе разнообразія мѣстныхъ условій въ разныхъ частяхъ государства, для правильнаго его разрѣшенія потребовались бы многолѣтнія кадастровыя работы, почему, по ихъ мнѣнію, изъ этого вопроса не было другого практическаго выхода, какъ принять за исходную точку *существующіе крестьянскіе надѣлы* и закрѣпить ихъ за крестьянами.

Князь Черкасскій и я, соглашаясь въ принципѣ съ практичностью и даже справедливостью этого, можно сказать, геніальнаго предложенія [1]), возражали, однакоже, противъ него, говоря, что во многихъ имѣніяхъ, и въ особенности въ оброчныхъ, помѣщикъ, не имѣя уже своей запашки и обязательнаго труда, бросалъ всѣ земли помѣстья на произволъ судьбы, не препятствуя крестьянамъ пользоваться ими, но облагая ихъ за то самыми высокими оброками, какіе только крестьяне могли платить ему.

Послѣ продолжительнаго обсужденія этого вопроса, мы, соглашаясь на удержаніе за крестьянами *существующихъ надѣловъ*, настаивали на томъ, чтобы во всякомъ случаѣ надѣлы эти не превышали опредѣленнаго особо для каждой мѣстности Россіи максимальнаго размѣра, а также на томъ, чтобы земли, превышающія этотъ размѣръ, были признаны уже полной собственностью помѣщика. Съ этимъ согласились всѣ члены хозяйственнаго отдѣленія, предвидя, однако, большія затрудненія при опредѣленіи установляемыхъ максимальныхъ размѣровъ надѣловъ въ 700 уѣздахъ Россіи. Впрочемъ, Соловьевъ и я указали, что, къ счастью, основательными матеріалами для этой, конечно, трудной и сложной работы могутъ служить собираемыя уже, по нашей иниціативѣ, свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ; свѣдѣнія эти намъ необходимо было имѣть для того, чтобы могущіе получиться отрѣзки земель изъ существующихъ надѣловъ не только не были многочисленны, но составляли бы рѣдкія исключенія и допускались бы дѣйствительно только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ помѣщикъ по своему великодушію или без-

---

[1]) Оно выработалось исключительно въ умѣ Милютина, можетъ быть, при частыхъ его сношеніяхъ съ Кавелинымъ.

заботности совсѣмъ не пользовался своими землями, оставляя ихъ въ безотчетномъ распоряженіи или пользованіи крестьянъ.

Послѣ очень живого обмѣна мыслей и тщательнаго ознакомленія съ подлинными свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ предложеніе наше было принято единогласно членами отдѣленія; руководство скорѣйшею разработкой этихъ свѣдѣній было возложено на меня и мою канцелярію [1]), а составленіе предположеній отдѣленія о высшихъ надѣлахъ — на Соловьева, князя Черкасскаго и меня же, подъ общимъ наблюденіемъ Милютина.

Затѣмъ возбужденъ былъ среди насъ еще одинъ вопросъ, состоявшій въ томъ, что если мы устанавливаемъ для каждой мѣстности высшій размѣръ надѣла на ревизскую душу и допускаемъ, въ видѣ исключенія, въ пользу помѣщика отрѣзки земель, состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ, свыше высшаго размѣра надѣла, то не слѣдуетъ ли установить и низшій размѣръ надѣла для тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда помѣщикъ, вопреки обычному праву, совсѣмъ или почти совсѣмъ не надѣлялъ крестьянъ землею, а держалъ ихъ на положеніи безземельныхъ батраковъ, не соблюдая даже письменнаго закона о трехдневной барщинѣ. Эти случаи встрѣчались нерѣдко въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, гдѣ дворянинъ-помѣщикъ иногда собственноручно занимался хлѣбопашествомъ. Мы единогласно рѣшили установить вездѣ низшій размѣръ надѣла въ одну треть высшаго; напримѣръ, тамъ, гдѣ высшій размѣръ былъ принятъ въ 3 дес., низшій долженъ былъ составить 1 дес. на душу, а если и такого размѣра крестьяне не имѣли, то помѣщикъ обязанъ былъ довести крестьянскій надѣлъ до этого размѣра изъ земель своего помѣстья, не бывшихъ въ пользованіи крестьянъ.

Такимъ образомъ должно было произойти разъ навсегда раздѣленіе земель кондоминіума, называемаго помѣстьемъ, на дворянскія-помѣщичьи и на крестьянскія земли, при чемъ помѣщику предоставлялось право разверстанія земель между помѣщичьимъ и крестьянскимъ владѣніемъ, съ цѣлью избѣжанія всякой чересполосицы, и приведеніе въ полную ясность тѣхъ частей помѣстья, которыя навсегда должны были остаться полной собственностью по

[1]) Разработка свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ была исполнена главнымъ образомъ Н. Н. Щепкинымъ, трудоспособность котораго была развита подъ вліяніемъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Н. Н. Щепкинъ былъ впослѣдствіи Уфимскимъ губернаторомъ.

мѣщика, и тѣхъ, которыя должны были навсегда поступить сначала въ надѣлъ, а потомъ и въ собственность крестьянъ, путемъ ихъ выкупа.

Затѣмъ возбужденъ былъ вопросъ первостепенной важности о томъ, слѣдовало ли послѣ такого яснаго и навсегда ненарушимаго разграниченія въ каждомъ помѣстьи земель помѣщиковъ и крестьянъ (изъ коихъ каждый долженъ былъ знать „что̀ мое и что̀ твое“) еще удерживать какіе бы то ни было лежавшіе на помѣщичьихъ земляхъ и самихъ помѣщикахъ сервитуты и обязательства въ пользу крестьянъ, такъ какъ только по снятіи этихъ сервитутовъ и обязательствъ возможно было хотя бы только изъ половины дворянскихъ помѣстій (а именно изъ занадѣльныхъ ихъ земель) создать то, чего доселѣ не существовало въ великороссійскихъ губерніяхъ, а именно *личную поземельную собственность*, сначала для дворянъ, а впослѣдствіи (по окончаніи милліардной выкупной операціи) и для крестьянъ.

Несмотря на кратковременную нашу законодательную практику, мы уже усвоили себѣ тотъ принципъ, что только тотъ законъ можетъ быть полезенъ для народа, который принимаетъ за исходную точку существующіе факты и относится со вниманіемъ и уваженіемъ ко всему тому, что уже выработано народной мудростью въ качествѣ обычнаго права.

Намъ, членамъ-экспертамъ Коммиссій, было хорошо извѣстно, что, за полнымъ отсутствіемъ письменныхъ законовъ, регулирующихъ аграрныя отношенія между нами и крестьянами, признавалось нашими предками „обычнымъ правомъ“, и какія наши дѣйствія крестьяне считали нарушеніемъ этого обычнаго права.

Вотъ почему, при дальнѣйшемъ детальномъ установленіи новыхъ аграрныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами въ каждомъ помѣстьи, нѣкоторые изъ членовъ-экспертовъ условились между собою посвятить нѣсколько частныхъ совѣщаній для разъясненія вопроса о томъ, какимъ обычнымъ правомъ руководствовались помѣщики въ нашихъ мѣстностяхъ и, съ другой стороны, какія дѣйствія ихъ, нарушающія это право, въ особенности возбуждали неудовольствіе крестьянъ.

Первою и самою важной обязанностью, налагаемой на помѣщика по отношенію къ его крѣпостнымъ крестьянамъ, признавалось обычнымъ правомъ надѣленіе каждаго изъ ихъ тяглъ (брачной пары съ будущими) землею, входившею въ составъ помѣстья, въ

количествѣ, обезпечивающемъ существованіе тягла. Въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, количество необходимой для того пахотной земли, по обычному праву, составляло по двѣ десятины въ полѣ.

Кромѣ того, въ пользованіи крестьянъ состояли усадебныя земли, огороды, коноплянники и выгоны, такъ что общее количество земли приходилось не менѣе семи десятинъ на тягло.

За пользованіе этой землею помѣстья крестьяне, ей крѣпкіе, обрабатывали изъ остальныхъ земель того же помѣстья въ пользу помѣщиковъ такое же количество земли, какимъ пользовались сами, что и называлось трехдневною (въ недѣлю) барщиной. Во время этой барщины всякій тягловой работникъ состоялъ подъ полной дисциплинарной властью своего помѣщика, и никакая разумная требовательность и строгость не принималась крестьянами за нарушеніе ихъ обычнаго права, между тѣмъ какъ всякое несоотвѣтствіе крестьянскаго надѣла съ количествомъ земли, обрабатываемой на помѣщика, такъ же, какъ и всякое увеличеніе рабочихъ дней противъ трехдневной барщины было для крестьянъ ненавистнымъ нарушеніемъ этого обычнаго права.

Закрѣпленіе за крестьянами въ каждомъ помѣстьи существующихъ надѣловъ, хотя бы и въ предѣлахъ высшаго и низшаго для каждой мѣстности его размѣра, устраняло всякую возможность такого нарушенія обычнаго права [1]) и давало полную возможность снять съ занадѣльныхъ помѣщичьихъ земель самый тягостный изъ лежащихъ на ней сервитутовъ, а именно—надѣленіе землею прибылыхъ, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, тяглъ.

Второй тяжелой для помѣщиковъ обязанностью при крѣпостномъ правѣ было обезпеченіе народнаго продовольствія и прокормленіе крестьянъ въ голодные годы. Обязанность эта, впрочемъ, при безпечности большинства помѣщиковъ и задолженности ихъ имѣній, вынуждавшей ихъ на несвоевременную продажу хлѣба, исполнялась вообще крайне неудовлетворительно, такъ что, при отсутствіи въ помѣстьяхъ достаточныхъ хлѣбныхъ запасовъ, у большинства помѣщиковъ крестьяне въ неурожайные годы ходили искать

[1]) Случаи нарушенія традицій обычнаго права были, конечно, рѣдки, но, при отсутствіи для крестьянъ права жалобы, большею частью вызывали опасныя столкновенія, нерѣдко имѣвшія послѣдствіемъ бунты или, еще чаще, убійства помѣщиковъ или ихъ управляющихъ.

себѣ пропитанія Христовымъ именемъ и питались даже въ самой житницѣ Россіи (центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ) желудями и хлѣбомъ, испеченнымъ изъ мякины и лебеды, иногда съ примѣсью чернозема.

Закрѣпленіе за крестьянами ихъ существующихъ земельныхъ надѣловъ давало полную возможность снять и этотъ сервитутъ съ занадѣльныхъ помѣщичьихъ земель и возложить впослѣдствіи заботы о народномъ продовольствіи на земскія учрежденія и правительство. Мало-по-малу мы единодушно пришли къ убѣжденію въ возможности, по крайней мѣрѣ въ великороссійскихъ губерніяхъ, превратить занадѣльныя земли помѣстья въ дотолѣ не существовавшую полную собственность помѣщиковъ, снявъ всѣ сервитуты съ этой собственности. Горячіе споры возникли между нами только при обсужденіи сервитутовъ, лежавшихъ на лѣсахъ помѣстій (строительные матеріалы и топливо), такъ какъ лѣса не входили въ крестьянскіе надѣлы и были признаны собственностью помѣщика, а снабженіе крестьянъ лѣсными матеріалами всегда входило въ обязанность помѣщика. Споры эти кончились бы въ средѣ отдѣленія нежелательнымъ разногласіемъ, если бы Милютинъ не предложилъ отложить ихъ рѣшеніе до выслушанія мнѣній депутатовъ, что и было единогласно принято.

Впослѣдствіи, къ окончанію редактированія нашего законопроекта, дѣло кончилось тѣмъ, что въ великороссійскомъ и малороссійскомъ положеніяхъ всѣ сервитуты, въ томъ числѣ и лѣсные, были сняты съ помѣщиковъ; они были оставлены только въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ положеніяхъ, гдѣ они существовали въ инвентарныхъ правилахъ, служившихъ основаніемъ этихъ положеній, а затѣмъ, послѣ польскаго возстанія 1863 года, возбуждаемому вопросу объ ихъ отмѣнѣ не давали хода по соображеніямъ политическимъ.

Такимъ образомъ въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія впервые была установлена полная личная земельная собственность въ дворянскихъ помѣстьяхъ великороссійскихъ губерній, конечно, пока только для дворянскаго сословія. Разумѣется, всѣ мы, созванные во временное законодательное собраніе по крестьянскому дѣлу, единодушно стремились создать изъ состава кондоминіумовъ, называемыхъ помѣстьями, такую же полную земельную собственность и для крестьянъ, но послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній по

этому предмету мы признали это въ данное время, т.-е. сразу, невозможнымъ. Дѣлить, по русской пословицѣ, шкуру еще не убитаго медвѣдя было бы предпріятіемъ безумнымъ. Очевидно, первая задача наша состояла въ томъ (что̀ мы и дѣлали въ нашихъ апрѣльскихъ и майскихъ собраніяхъ), чтобы разграничить въ каждомъ помѣстьи крестьянскія и помѣщичьи земли, опредѣливъ навсегда, „что̀ мое, и что̀ твое“, а затѣмъ закрѣпить крестьянскія земли въ безсрочномъ неотъемлемомъ пользованіи крестьянъ помѣстья и обезпечить имъ, при дѣятельной помощи правительства, пріобрѣтеніе этихъ земель въ ихъ собственность.

Къ этому и направлялись всѣ наши усилія, но какое бы названіе мы ни давали неотъемлемымъ крестьянскимъ землямъ, полной личной собственности для отдѣльныхъ крестьянъ мы изъ нихъ сразу создать не могли.

Выкупъ крестьянскихъ земель, на который мы такъ отважно и безо всякихъ колебаній рѣшились за правительство, представлялъ милліардную операцію, которая при трехсотъ-милліонномъ бюджетѣ того времени казалась стоявшему у кормила правленія старому поколѣнію нашихъ финансистовъ безумною. Смѣлость наша объяснялась только тѣмъ, что мы глубоко вѣрили въ то, что со скорымъ паденіемъ барщины свобода труда разовьется очень быстро и дастъ крестьянину состоятельность въ уплатѣ повинностей, капитализація которыхъ и составляла полную сумму выкупного платежа, разсроченнаго на 50 лѣтъ. Но, конечно, ежегодные выкупные платежи должны были быть обезпечены круговою порукой каждаго сельскаго общества (бывшаго помѣстья), безъ которой правительство ни въ какомъ случаѣ не рѣшилось бы предпринять выкупную операцію. Такимъ образомъ со дня перваго приступа къ выкупу мы давали свободнымъ уже крестьянамъ названіе крестьянъ-собственниковъ, все равно, было ли у нихъ по существующимъ обычаямъ пользованіе землею общинное, или подворно-наслѣдственное, тѣмъ болѣе, что не отдѣльному домохозяину, а юридическому лицу—сельскому обществу—помѣщикъ долженъ былъ выдавать свою инвеституру на передающуюся крестьянскую надѣльную землю, сначала въ безсрочное пользованіе (уставныя грамоты), а потомъ и въ собственность (выкупные акты) этого юридическаго лица. Конечно, мы хорошо знали, что права юридическаго собственника—сельскаго общества—не будутъ нарушены до тѣхъ поръ, пока правительство не признаетъ

лежащій на этомъ юридическомъ собственникѣ долгъ погашеннымъ, что и произошло въ 1905 г. Но такъ какъ до этого времени было очень далеко — въ дѣйствительности прошло почти полвѣка, — мы избѣгали преждевременнаго разрѣшенія подобныхъ вопросовъ; мы знали, что они со временемъ должны разрѣшиться согласно наличнымъ обстоятельствамъ и при помощи той народной мудрости, въ которую мы глубоко вѣрили, разумѣя подъ народомъ, конечно, всѣ сословія государства; изъ нихъ же самымъ многочисленнымъ были крестьяне, получавшіе тогда человѣческія права въ законѣ, составленіе котораго намъ и было поручено.

Вотъ по какимъ соображеніямъ подлежащій нашему начертанію законъ, создавъ въ великороссійскихъ губерніяхъ впервые полную личную собственность для дворянства, могъ установить для только-что сдѣлавшихся полноправными гражданами государства крестьянъ еще только неполную собственность, признавъ собственниками не отдѣльныхъ домохозяевъ, а юридическое лицо, получившее названіе сельскаго общества.

Еще одинъ вопросъ, подлежавшій нашему разрѣшенію, состоялъ въ томъ, *должно ли* было стремиться къ тому, чтобы земли, закрѣпленныя въ собственность этого юридическаго лица (сельскаго общества), находились въ общинномъ его пользованіи или же въ подворно-наслѣдственномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ. Вопросъ этотъ, въ то время возбуждавшій самые оживленные, даже страстные споры, казался намъ не практическимъ, а теоретическимъ и даже чисто академическимъ. Большинство Редакціонныхъ Комиссій было уже и въ то время на сторонѣ личной, а не общинной собственности, какъ болѣе способствующей успѣхамъ земледѣлія. За личную собственность стояло большинство членовъ отъ правительства, принадлежавшихъ къ высшей столичной бюрократіи, и почти всѣ члены-эксперты изъ западныхъ и малороссійскихъ губерній, гдѣ общиннаго землевладѣнія никогда не существовало.

За общинное же землепользованіе было только меньшинство правительственныхъ членовъ и большинство великороссійскихъ членовъ-экспертовъ, въ особенности же тѣ изъ нихъ, которые по своимъ убѣжденіямъ примыкали къ славянофильской группѣ. Всѣ мы единодушно утверждали, что за исходную точку великой реформы дѣлжно признавать существующій фактъ; стало быть, разъ 70%

крестьянскаго сословія всей Россіи состояло на общинномъ пользованіи, никто изъ насъ, составителей Положенія объ освобожденіи крестьянъ, не согласился бы на какое бы то ни было измѣненіе и тѣмъ болѣе на насильственный переворотъ въ существующемъ порядкѣ землепользованія, т.-е. на обращеніе общиннаго землепользованія въ подворное. Одинъ изъ самыхъ дальновидныхъ государственныхъ людей въ нашей средѣ, признаваемый tacito consensu лидеромъ нашей групы, европеецъ по своимъ взглядамъ, воспитавшій себя на политико-экономическихъ теоріяхъ Западной Европы Н. А. Милютинъ и другъ его Заблоцкій-Десятовскій, малороссіянинъ родомъ и одинъ изъ лучшихъ авторитетовъ по сельскому хозяйству въ Россіи, глубоко сочувствовали развитію въ ней личной собственности и успѣхамъ хуторскаго хозяйства, но и они оба сознавали необходимымъ сохраненіе въ то время общиннаго землевладѣнія тамъ, гдѣ оно существовало, предоставляя самимъ крестьянамъ переходить отъ общиннаго пользованія къ подворному и наслѣдственному, или даже обратно. Всѣ мы притомъ сознавали, что сельскій сходъ, правильно организованный и тѣсно связанный имущественными интересами, представитъ на первый разъ самый твердый оплотъ противъ послѣднихъ усилій помѣщиковъ сохранить за собою прежнюю власть надъ крѣпкими землѣ крестьянами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣнитъ собою сильную власть помѣщика надъ крестьянами, не привыкшими еще быть свободными хозяевами своей только-что создающейся собственности.

Князь Черкасскій, представлявшій въ нашей средѣ самое счастливое соединеніе государственнаго ума съ чрезвычайно основательнымъ знаніемъ крестьянскаго быта и народныхъ нуждъ и воззрѣній, будучи убѣжденъ, что общинное землепользованіе впослѣдствіи уступитъ мѣсто личному, стоялъ на томъ, чтобы переходъ этотъ совершился безо всякаго насилія по сознанію самого народа.

Наконецъ, самый глубокій мыслитель въ нашей средѣ и самый горячій изъ русскихъ патріотовъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ славянофилъ, стоялъ безусловно за общинное землепользованіе, какъ за форму, самостоятельно выработанную русскимъ народомъ, хотя при этомъ вовсе не желалъ искуственнаго ея распространенія и даже охраненія, будучи увѣренъ, что русскій народъ будетъ самъ упорно сохранять общинную форму до тѣхъ поръ, пока не придетъ къ

убѣжденію въ полезности для него перехода къ личной собственности [1]).

Такимъ образомъ отдѣленіе пришло къ единодушному убѣжденію въ необходимости сохраненія общиннаго землевладѣнія только тамъ, гдѣ оно существуетъ, и подворнаго также тамъ, гдѣ оно существуетъ, и въ необходимости предоставленія всѣмъ крестьянскимъ обществамъ права переходить отъ одного къ другому по мірскому приговору большинства $^2/_3$ голосовъ.

Затѣмъ появился вопросъ, возможно ли допустить выходъ изъ общества отдѣльныхъ домохозяевъ. Само собою разумѣется, что при дарованіи личныхъ правъ никакихъ стѣсненій для выхода крестьянъ изъ сельскаго общества, кромѣ вытекающихъ изъ задолженности за круговою порукой, быть не могло. Но въ виду этой задолженности возникъ возбужденный Н. Н. Павловымъ вопросъ: можетъ ли крестьянинъ погасить весь лежащій на немъ выкупной долгъ единовременно, и въ такомъ случаѣ обращается ли состоящій въ его пользованіи участокъ земли въ его личную собственность? Вопросъ этотъ Н. Н. Павловъ считалъ особенно важнымъ для крестьянъ богатыхъ промышленныхъ селъ Московской, Ярославской, Владимірской и Нижегородской губерній, изъ которыхъ многіе могли, уплативъ единовременно весь лежащій на ихъ земельныхъ участкахъ выкупной долгъ, получить полную свободу и сдѣлаться личными поземельными собственниками.

Всѣ мы согласились съ Н. Н. Павловымъ въ томъ, что такое единовременное погашеніе въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно

---

[1]) Вотъ какъ выражалъ свои убѣжденія по этому вопросу, въ характерной для него формѣ изложенія, предсѣдатель Комиссіи Я. И. Ростовцовъ.

„Въ литературѣ возникли теперь два спорныя мнѣнія, какъ строить бытъ крестьянъ,— міромъ или отдѣльными семействами. Тутъ можно высказать много pro и contra, но, какъ мнѣ кажется, опираясь на историческую жизнь Россіи и мѣстныя условія переходнаго ея состоянія, люди, знакомые съ крестьянскимъ бытомъ, рѣшаютъ вопросъ этотъ очень просто. Общинное устроиство теперь, въ настоящую минуту, въ 1859 г., для Россіи необходимо: народу еще нужна сильная власть, которая на первое время продолжила бы власть помѣщика. Безъ міра помѣщикъ не собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей.

„Вопросъ этотъ или, правильнѣе, переворотъ историческаго крестьянскаго быта не можетъ быть рѣшенъ теоріями: онъ можетъ быть рѣшенъ только исторіей. Если русское общество историческимъ ходомъ своей жизни ощутитъ потребность въ раздробленіи общинной земельной собственности между отдѣльными собственниками, то пособить этому будетъ не трудно“.

доступно для средствъ отдѣльнаго крестьянина, одинаково полезно какъ для его интересовъ, такъ и для интересовъ государства.

Само собою разумѣется, что выкупленный такимъ образомъ участокъ земли, какъ незадолженный, долженъ былъ быть признанъ свободнымъ отъ круговой поруки и не подлежащимъ передѣлу, но все-таки по его положенію въ черезполосицѣ съ мірской землею необходимо было опредѣлить отношеніе его владѣльца къ юридическому собственнику всей земли, отведенной по уставной грамотѣ въ совокупности цѣлому сельскому обществу (общинѣ). При нашихъ разсужденіяхъ выяснилось, что неосторожное разрѣшеніе этого, какъ намъ казалось съ перваго взгляда, ничтожнаго вопроса, въ виду того, что случаи единовременнаго погашенія долга отдѣльными домохозяевами могли встрѣтиться лишь крайне рѣдко, могло имѣть самыя несправедливыя и пагубныя послѣдствія для интересовъ создаваемаго нашимъ законопроектомъ сельскаго общества, потому что установленіе личной крестьянской собственности до окончанія всей колоссальной выкупной операціи было совершенно немыслимо.

Послѣ живого обмѣна мнѣній мы остановились на слѣдующихъ заключеніяхъ. Крестьянинъ, погасившій единовременно весь долгъ, лежавшій на немъ по раскладкѣ выкупного платежа, который несло все общество, могъ быть признанъ выкупившимъ всѣ свои обязательства по выкупному платежу, но не могъ быть признанъ полнымъ собственникомъ выкупленнаго участка, находящагося въ полной черезполосности съ участками его односельцевъ. Все, что можно было сдѣлать въ пользу домохозяина, погасившаго единовременно весь долгъ, лежавшій на его надѣлѣ, это изъять его изъ круговой поруки по выкупному платежу и изъ мірского передѣла въ смыслѣ недопущенія уменьшенія размѣра его надѣла, а не въ смыслѣ обмѣна угодій, вызываемаго нерѣдко перемѣною въ хозяйственныхъ потребностяхъ общества. Независимо отъ того, мы предоставили этому домохозяину право требовать себѣ отрубного выдѣла выкупленнаго имъ участка, который послѣ того уже могъ быть закрѣпленъ за нимъ въ личную собственность. Такъ это и было опредѣлено впослѣдствіи при окончательной редакціи законопроекта [1]). Во

[1]) Въ первое двадцатипятилѣтіе случаи отдѣльнаго выкупа крестьянами земельныхъ участковъ изъ общиннаго землевладѣнія были крайне рѣдки, но въ 1880-хъ годахъ они начали появляться довольно часто, потому что выкупной

всякомъ случаѣ, признавая совершенно свободнымъ переходъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ отъ общиннаго землепользованія къ подворно-наслѣдственному по постановленію $^2/_3$ голосовъ, мы признали разрѣшеніе въ то время вопроса о свободѣ перехода отдѣльныхъ членовъ сельскихъ обществъ отъ общинной собственности къ личной преждевременнымъ до окончанія выкупной операціи, т.-е. до того времени, когда крестьянское общество, погасивъ свой выкупной долгъ, сдѣлается уже полнымъ собственникомъ своей земли; первый вопросъ, который, по нашему мнѣнію, правительство должно будетъ сдѣлать тогда каждому сельскому обществу,—это будетъ: желаютъ ли его члены-домохозяева раздѣлить свою землю между собою и перейти къ личной собственности, или же они хотятъ владѣть ею сообща? Впрочемъ, при составленіи нашего законопроекта вопросъ этотъ казался намъ, конечно, вопросомъ отдаленнаго будущаго. Необходимо было, чтобы опредѣленные уставными грамотами крестьянскіе земельные надѣлы съ согласія помѣщиковъ перешли въ собственность (по выкупнымъ актамъ) юридическаго лица — сельскаго общества, а затѣмъ уже, послѣ погашенія лежавшаго на общественной собственности выкупного долга, и притомъ сообразно съ обстоятельствами того времени, было бы возможно разрѣшать условія раздѣла ея на участки личной собственности.

Естественно, что мы при составленіи законопроекта въ 1859 г. предрѣшили вопросъ о личной поземельной собственности крестьянъ достаточно широко, допуская ея развитіе какъ тѣмъ, что давали крестьянину права пріобрѣтенія личной недвижимой собственности наравнѣ со всѣми другими податными сословіями государства,

---

долгъ, остававшійся за крестьянами, уже значительно уменьшился. Случаи выкупа отдѣльныхъ участковъ, на основаніи ст. 165 Пол. о вык. 19 февраля 1861 г., участились въ особенности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ приволжскихъ губерній, напр., въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губ. При этомъ оказалось, что выкупаютъ свои участки не зажиточные крестьяне, какъ это было въ первое 25-лѣтіе, а самые бѣдные, разорившіеся, бездомные и безлошадные, на чужія деньги, съ тѣмъ, чтобы немедленно послѣ выкупа перепродать свои участки скупщикамъ, дававшимъ имъ деньги на выкупъ ихъ участковъ. Такимъ образомъ началось, сначала, конечно, въ умѣренныхъ размѣрахъ, расхищеніе крестьянскихъ надѣльныхъ земель, озаботившее правительство тѣмъ болѣе, что примѣры подобнаго расхищенія произошли на глазахъ всего міра въ Индіи, гдѣ 80% всѣхъ земель, поступившихъ въ обезпеченіе быта туземнаго земледѣльческаго населенія, было скуплено частью отдѣльными скупщиками, частью цѣлыми компаніями, что обратило большинство земледѣльческаго туземнаго населенія въ пролетаріевъ.

такъ и тѣмъ, что старались закрѣпить за ними пріобрѣтенную ими еще при крѣпостномъ правѣ недвижимую собственность на имя помѣщика, и, наконецъ, тѣмъ, что давали полную свободу сельскимъ обществамъ переходить отъ общинной собственности къ личной.

Обратясь затѣмъ къ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ должно было быть сдѣлано безотлагательно, мы прежде всего старались распутать вопросъ объ усадебной осѣдлости крестьянъ, запутанный, къ сожалѣнію, неудачною программой, данной губернскимъ комитетамъ еще въ то время, когда взгляды правительства на условія освобожденія крестьянъ не вполнѣ выяснились. Въ то время (въ началѣ 1858 г.) какъ правительство, такъ и дворянство опасались, что освобожденные крестьяне оставятъ помѣстья, къ которымъ они были прикрѣплены, и что помѣщики лишатся рабочей силы, а Россія останется безъ хлѣба. Для избѣжанія такого кризиса было придумано средство, вмѣсто мѣръ, способствующихъ оставленію въ пользованіи крестьянъ всѣхъ земель, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ,—предоставить имъ на выкупъ только одну ихъ усадебную осѣдлость. Такая мѣра оказалась совершенно на руку сторонникамъ крѣпостного права; она попрежнему приковывала крестьянъ къ помѣстьямъ, въ которыхъ они были водворены, и давала возможность помѣщикамъ, подъ видомъ выкупа усадебъ, получить выкупъ потери обязательнаго труда (барщины), т.-е. выкупъ личности. Съ другой стороны, оцѣнка усадебной осѣдлости, въ которую помѣщики вводили не только земли подъ усадьбами, но и стоимость строеній, всегда строившихся самими крестьянами изъ матеріаловъ, получаемыхъ изъ лѣсовъ помѣстья, была очень высока; кромѣ того, въ оцѣнку вводили и выгоды положенія крестьянскихъ усадебъ, доставлявшія крестьянамъ удобные заработки или удобныя мѣста сбыта произведеній ихъ труда (близость городовъ, пристаней, торговыхъ селъ и т. п.). Выкупъ однѣхъ усадебъ имѣлъ цѣлью настолько поглотить всѣ платежныя силы крестьянъ, чтобы помѣщики могли отдавать имъ исконныя ихъ надѣльныя земли въ наемъ по выгодной цѣнѣ и нанимать ихъ на свои земледѣльческія работы по низкой цѣнѣ, да и вообще держать ихъ въ полной отъ себя экономической зависимости.

Мы единодушно высказались противъ отдѣльнаго выкупа крестьянскихъ усадебъ и рѣшились, во что бы то ни стало, удержать за крестьянами ихъ существующіе надѣлы полностью, со включе-

ніемъ въ нихъ ихъ усадебъ, что и удалось намъ при системѣ повинности, которую мы приняли. Задача выработки этой системы была возложена на Ю. Ѳ. Самарина и на меня, тогда какъ опредѣленіе высшихъ и низшихъ размѣровъ надѣловъ поглотило всю дѣятельность кн. Черкасскаго и Соловьева. Ю. Ѳ. Самаринъ при его ясномъ умѣ и необыкновенно талантливой діалектикѣ, по всеобщему нашему сознанію, представлялъ собою самый свѣтлый типъ безупречнаго гуманиста и идеальнаго трибуна глубоко понимаемыхъ имъ интересовъ русскаго народа: ему не трудно было убѣдить всѣхъ насъ какъ въ томъ, что опредѣленіе размѣровъ крестьянской повинности въ соотвѣтствіи съ качествомъ земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ (т.-е. предлагавшаяся попытка кадастраціи крестьянскихъ земель), было совершенно неосуществимо, такъ какъ потребовало бы десятки лѣтъ и большихъ затратъ и не привело бы ни къ какимъ практическимъ результатамъ, такъ и въ томъ, что при требуемой современными нуждами государства спѣшности разрѣшенія аграрнаго вопроса необходимо остановиться на несравненно болѣе простой и несложной системѣ повинностей, логически вытекающей изъ принятаго уже нами принципа,—существующаго факта. Разъ мы приняли за основаніе размѣра надѣла существующій фактъ и оставляемъ за крестьянами существующіе надѣлы (въ опредѣленныхъ предѣлахъ), какъ служащіе лучшимъ указателемъ потребностей крестьянъ, то мы должны принять за исходную точку и существующія въ оброчныхъ имѣніяхъ денежныя повинности, лучше всего указывающія на платежныя средства крестьянъ.

Исходя изъ этого соображенія, Самаринъ предложилъ взять для выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ всей Россіи одинъ и тотъ же размѣръ оброчной повинности, соотвѣтствующій принятому для каждой мѣстности высшему размѣру надѣла. Предложеніе Самарина было принято нами единогласно. Что же касается высшаго размѣра оброка съ высшаго душевого участка, то онъ былъ опредѣленъ нами предварительно (до объясненій съ депутатами) въ 8 руб. Мы рѣшили предоставить крестьянамъ право переходить послѣ кратковременнаго (3-лѣтняго) срочно-обязаннаго періода, безъ согласія помѣщика, съ барщины на этотъ оброкъ. Въ помѣстіяхъ же, состоявшихъ уже на оброкѣ при крѣпостномъ правѣ, мы, въ виду необходимости улучшенія быта крестьянъ, рѣшили оставить безъ измѣненія существующіе оброки тамъ, гдѣ они не

превышали этого установленнаго максимума, но уменьшить ихъ тамъ, гдѣ они его превышали.

Такимъ образомъ упрощалась задача регулированія ненавистной для крестьянъ барщины, которая оставалась для нихъ обязательною только въ теченіе трехъ лѣтъ, и отпадали всѣ безвыходные споры губернскихъ комитетовъ объ „урочномъ положеніи", которое сдѣлалось бы источникомъ непрерывныхъ и нежелательныхъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами.

Геніальная простота опредѣленія размѣра денежной повинности крестьянъ за навсегда и безповоротно закрѣпленные за ними существующіе надѣлы имѣла и ту выгоду, что она давала намъ возможность опредѣлить съ достаточной точностью съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ нашей работы размѣры той милліардной операціи, которая не безъ основанія пугала правительство, но на которую мы, какъ истинные члены-эксперты, близко знакомые съ экономическимъ положеніемъ крестьянъ во всѣхъ частяхъ государства, шли такъ отважно.

Оставалось только выработать необходимыя детали нашей системы повинностей, и эта задача выпала исключительно на мою долю.

Такъ какъ земельные надѣлы въ каждомъ помѣстьи оставлялись существующіе (т.-е. безъ измѣненія въ предѣлахъ максимума и минимума), то они представляли большое разнообразіе, и, конечно, однообразную денежную повинность крестьянъ, которой капитализація должна была представлять выкупную сумму, приходилось уменьшать въ помѣстьяхъ, гдѣ существующіе надѣлы крестьянъ не достигали опредѣленныхъ для данной мѣстности высшихъ размѣровъ. Это уменьшеніе, однако, не могло быть пропорціональнымъ, т.-е., напр., въ мѣстности, гдѣ высшій размѣръ надѣла былъ принятъ въ 4 дес. на душу, нельзя было въ томъ случаѣ, когда существующій размѣръ составлялъ только 2 дес. на душу, опредѣлить въ этомъ помѣстьи оброкъ въ 4 руб. вмѣсто 8, такъ какъ въ этихъ двухъ десятинахъ была и усадебная осѣдлость, не подлежавшая отдѣльному выкупу. Поэтому я предложилъ систему градаціи повинностей, придуманную, но мало разработанную въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ членовъ губернскихъ комитетовъ [1]).

---

[1]) Ознакомившись при составленіи свода мнѣній губернскихъ комитетовъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ моихъ коллегъ, со всѣми мнѣніями комитетовъ, я нашелъ въ этихъ мнѣніяхъ цѣлую фармакопею самыхъ полезныхъ и притомъ

По моему предложенію, эта система градаціи повинностей, послѣ живого обмѣна мыслей, была принята хозяйственнымъ отдѣленіемъ единогласно. Она состояла въ томъ, что причитающаяся въ данной мѣстности съ высшаго душевого участка 8 или, какъ впослѣдствіи было окончательно принято, 9-рублевая повинность развертывалась неравномѣрно между десятинами, входящими въ составъ высшаго размѣра участка: такъ, напр., если высшій размѣръ надѣла составлялъ 3 дес. на ревизскую душу, а высшій размѣръ оброка съ душевого участка 9 руб., то эти 9 руб. развертывались между 3 десятинами не поровну, т.-е. не по 3 руб., а на первую десятину относилось 4 рубля, на двѣ же остальныя по 2 руб. 50 к. Такимъ образомъ, если въ данномъ помѣстьи, напр., Козловскаго уѣзда въ пользованіи крестьянъ было не 3 дес., а только 2, то помѣщикъ получалъ не 6 руб. оброка, а 6 руб. 50 коп. (4 р. за первую и 2 р. 50 коп. за вторую десятину), что и было справедливо, такъ какъ въ составъ 2 дес. надѣла входила и усадебная осѣдлость.

Еще болѣе яркій примѣръ представляли промысловыя селенія, напр., въ Нижегородской губ. Тамъ, въ такомъ уѣздѣ, гдѣ высшій размѣръ надѣла составлялъ 4 дес. на ревизскую душу, 9-рублевый оброкъ распредѣлялся между этими десятинами такъ, что на первую падало 5 руб., на вторую — 2, а на третью и четвертую по 1 руб.; слѣдовательно, въ промысловомъ селеніи, гдѣ крестьяне извлекали главныя выгоды изъ своихъ промысловъ, т.-е. изъ первой десятины своего надѣла, вторая, какъ близкая къ усадьбамъ, еще имѣла для нихъ значеніе, тогда какъ двѣ послѣднія были очень малоцѣнны, и въ помѣстьи, гдѣ въ крестьянскомъ надѣлѣ состояло только двѣ десятины, оброкъ былъ назначаемъ не въ 4 р. 50 к., а въ 7 руб.

Работа ночныхъ засѣданій хозяйственнаго отдѣленія шла, несмотря на горячіе споры, такъ быстро и такъ единодушно, что весь аграрный вопросъ по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ (апрѣля, мая, іюня и іюля) можно было считать уже разрѣшеннымъ. Въ трехъ другихъ отдѣленіяхъ (юридическомъ, административномъ и финансовомъ) работы шли такъ же успѣшно, сообразно съ рабо-

---

чрезвычайно практическихъ указаній на способы разрѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ, подлежавшихъ нашему обсужденію.

тами хозяйственнаго отдѣленія, на бушпритѣ котораго они, можно сказать, находились.

Самъ предсѣдатель Комиссій, не принимавшій участія въ работахъ отдѣленій, очень усердно день за днемъ слѣдилъ за работами, въ особенности за работами хозяйственнаго отдѣленія, такъ какъ видѣлся со мною каждое утро, не вмѣшиваясь, однако, въ автономію отдѣленій до тѣхъ поръ, пока они не вносили своего доклада въ общее присутствіе. Къ этимъ-то докладамъ отдѣленій Ростовцовъ являлся всегда прекрасно подготовленнымъ, но, не признавая въ себѣ достаточной опытности для разрѣшенія аграрныхъ вопросовъ по существу, никогда не расходился при окончательномъ разрѣшеніи поставленныхъ на очередь вопросовъ съ организовавшимся большинствомъ; при обсужденіи же ихъ въ общемъ собраніи, онъ не могъ по живости своего характера удержаться отъ выраженія своихъ личныхъ мнѣній по частнымъ вопросамъ, возбуждавшимъ разномысліе; мнѣнія свои онъ считалъ настолько ни для кого не обязательными, что просилъ меня, сидѣвшаго въ засѣданіяхъ по правую его сторону, по его выраженію, „дернуть его за фалдочку", если онъ, увлекшись своими личными взглядами или минутными впечатлѣніями, выскажетъ что-нибудь такое, что можетъ имѣть вредное вліяніе на разрѣшеніе вопроса.

ГЛАВА XI.

Дѣятельность административнаго и юридическаго отдѣленій, закончившихъ вчернѣ всю лежавшую на нихъ работу по законопроекту отъ начала марта до половины августа 1859 года.—Разсмотрѣніе и утвержденіе ихъ докладовъ общимъ присутствіемъ Коммиссій въ его засѣданіяхъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ до прибытія депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ перваго призыва.

Какъ только конфликтъ между двумя вновь назначенными членами-экспертами (гр. Шуваловымъ и кн. Паскевичемъ) и остальными членами Коммиссій былъ разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ Коммиссіямъ ихъ предсѣдателемъ 27 мая 1859 г., общее собраніе могло уже приступить безпрепятственно къ своей нормальной работѣ, а именно къ разсмотрѣнію и утвержденію первыхъ докладовъ административнаго и юридическаго отдѣленій, занявшему пять засѣданій общаго собранія: 30 мая, 3, 6, 10 и 17 іюня.

Первые 4 доклада административнаго отдѣленія, разсмотрѣнные и утвержденные въ засѣданіяхъ 30 мая, 3 и 6 іюня, имѣли предметомъ: 1) общія основанія образованія сельскихъ обществъ; 2) нормальный размѣръ административныхъ единицъ сельскаго управленія, названныхъ нами впослѣдствіи волостями; 3) порядокъ распредѣленія крестьянъ на административныя единицы самоуправленія (волости); 4) общій составъ общественнаго (волостного) управленія.

Административное отдѣленіе, подъ предсѣдательствомъ П. А. Булгакова, первоначально состояло только изъ семи членовъ: двухъ членовъ отъ правительства (А. К. Гирса и Н. П. Семенова) и пяти членовъ-экспертовъ (П. А. Булгакова, кн. С. П. Голицына, А. Д. Желтухина, А. Н. Татаринова и кн. В. А. Черкасскаго),

къ которымъ со 2 іюня присоединился членъ-экспертъ Ю. Ѳ. Самаринъ [1]).

Хотя Н. А. Милютинъ и не принималъ непосредственнаго участія въ занятіяхъ административнаго отдѣленія, но такъ какъ 6 изъ 10 участниковъ въ его работахъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами хозяйственнаго отдѣленія, то понятно, что высокіе государственные взгляды Милютина были усвоены и административнымъ отдѣленіемъ. Однимъ изъ такихъ основныхъ взглядовъ былъ тотъ, что исходной точкою работъ Редакціонныхъ Комиссій должны быть существующіе факты, и что лучшимъ закономъ можно считать законъ, который основанъ на воззрѣніяхъ, выработанныхъ въ теченіе вѣковъ народной мудростью, и согласенъ съ народными обычаями.

Административное отдѣленіе поставило себѣ первою задачей устроить, по выходѣ помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, ихъ общественное самоуправленіе, которое должно было замѣнить сильную власть помѣщика, такъ какъ патримоніальной его власти надъ свободными крестьянами сформировавшееся большинство Комиссій вообще не допускало, соглашаясь только на дисциплинарную власть его надъ крестьянами во время отправленія ими барщины по наряду сельскихъ обществъ.

При разсмотрѣніи докладовъ административнаго отдѣленія въ упомянутыхъ засѣданіяхъ Комиссій, защитниковъ удержанія за помѣщикомъ по освобожденіи крестьянъ вотчинной (патримоніальной) власти не нашлось, кромѣ гр. П. П. Шувалова. Впрочемъ, гр. Шуваловъ поддерживалъ оставленіе за помѣщикомъ права на вотчинную власть въ своемъ помѣстьи только при первомъ разсмотрѣніи доклада административнаго отдѣленія, 9 мая: вслѣдъ затѣмъ гр. Шуваловъ изъ-за своего конфликта съ остальными членами Комиссій перестаетъ посѣщать общія собранія на довольно продолжительное время, и вопросъ этотъ не возбуждался до пріѣзда депутатовъ (въ концѣ августа 1859 г.).

Такъ какъ административное отдѣленіе усвоило себѣ поддержанный кн. Черкасскимъ и поставленный имъ на практическую почву истинно-государственный взглядъ Милютина, приведенный выше, а именно, что исходной точкою организаціи хозяйственнаго

[1]) Сверхъ того, въ засѣданіяхъ отдѣленія нерѣдко принимали участіе непремѣнные члены С. М. Жуковскій и Я. А. Соловьевъ.

и административнаго самоуправленія выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ долженъ быть *существующій фактъ*, то на членахъ-экспертахъ лежала обязанность выяснить какъ въ засѣданіяхъ отдѣленій, такъ и въ общемъ собраніи, въ чемъ заключался этотъ фактъ по отношенію къ существовавшему уже, хотя бы въ зародышѣ, самобытному управленію крестьянъ своими хозяйственными дѣлами.

Вотъ что выяснилось изъ объясненій членовъ-экспертовъ. При крѣпостномъ правѣ совершенно самостоятельною единицей хозяйственнаго управленія крѣпостныхъ крестьянъ служили, конечно, помѣстья, жившія каждое своей до такой степени обособленной жизнью, что между разнопомѣстными крестьянами не могло быть никакихъ сношеній иначе, какъ по почину помѣщиковъ, и даже не существовало смѣшанныхъ браковъ. Тѣмъ не менѣе помѣщикъ, давая на каждое тягло своего помѣстья изъ земель своихъ опредѣленное обычнымъ правомъ количество пахотной земли, предоставлялъ эту землю въ распоряженіе существовавшаго во всякомъ помѣстьи общественнаго управленія—сельскаго схода всѣхъ домохозяевъ помѣстья, называемаго *міромъ*; въ великороссійскихъ губерніяхъ это была *община*, потому что вся надѣльная крестьянская земля въ этихъ губерніяхъ состояла въ общинномъ пользованіи, т.-е. распредѣлялась сельскимъ сходомъ между дворами по числу тяглъ и, не составляя наслѣдственныхъ участковъ, передѣлялась міромъ по мѣрѣ измѣненія состава дворовъ. Такимъ образомъ однопомѣстное селеніе со своимъ сходомъ домохозяевъ (міромъ) и сельскимъ старостою, всегда поставляемымъ помѣщикомъ во главѣ его, было уже при крѣпостномъ правѣ самоуправляющеюся хозяйственной единицей, такъ какъ помѣщикъ почти не вмѣшивался (хотя и имѣлъ на то право) въ то, какъ крестьяне распредѣляютъ между дворами надѣльныя земли помѣстья и какъ они ведутъ на нихъ свои хозяйства.

Въ губерніяхъ малороссійскихъ и западныхъ дѣло было поставлено совершенно иначе. Тамъ крестьяне, попавшіе въ крѣпостную зависимость несравненно позже, чѣмъ въ Московской Руси, владѣли своими земельными участками подворно и наслѣдственно. Но, тѣмъ не менѣе, сплоченные своей принадлежностью къ одному помѣстью и своимъ сожительствомъ (въ трехъ юго-западныхъ и трехъ малороссійскихъ губерніяхъ) въ крупныя селенія, они имѣли столько

общихъ хозяйственныхъ интересовъ, что и у нихъ существовали самоуправляющіяся хозяйственно-административныя единицы,—сельскія общества съ своими сельскими сходами домохозяевъ (міръ, *громада*), которыя могли служить исходной точкою для организаціи крестьянской администраціи.

Основною единицей крестьянскаго самоуправленія могло быть, конечно, только это сельское общество, какъ совокупность крестьянъ, принадлежащихъ къ одному помѣстью, и какъ юридическое лицо, получающее въ свое неотъемлемое пользованіе надѣльныя земли по особому акту владѣнія, который губернскіе комитеты назвали *уставною грамотою*, такъ какъ они желали, чтобы актъ этотъ во всѣхъ губерніяхъ Россіи былъ инвеститурой отъ помѣщиковъ, добровольно отказавшихся отъ крѣпостного права.

Конечно, желаніе это не встрѣтило ни малѣйшаго возраженія въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, которыя и признали сельское общество, какъ юридическое лицо, надѣленное землею, естественной единицей крестьянскаго самоуправленія. Сельское общество имѣло безспорно характеръ хозяйственной единицы тамъ, гдѣ оно было связано существующимъ по искони обычаю общиннымъ владѣніемъ землею, какъ это и было во всѣхъ помѣстьяхъ великороссійскихъ губерній, и потому могло справедливо получить названіе земельной общины. Но даже и тамъ, гдѣ общиннаго владѣнія не существовало, а по искони обычаю въ помѣщичьихъ имѣніяхъ землепользованіе было подворнымъ и наслѣдственнымъ, организація крестьянской хозяйственной единицы самоуправленія, тѣсно связанной интересами совмѣстнаго жительства, не представила для насъ никакого затрудненія.

Несравненно труднѣе было организовать не хозяйственную, а независимую отъ помѣщика административную единицу, самоуправленіе которой, подъ надзоромъ правительственныхъ учрежденій, могло бы замѣнить собою сильную власть помѣщика. Но и это было несравненно легче тамъ, гдѣ такая единица состояла изъ одного крупнаго и притомъ однопомѣстнаго селенія. Тамъ выборный староста могъ одновременно собирать мірскіе сходы для обсужденія всѣхъ дѣлъ, относящихся до землепользованія, дѣлать наряды на барщину и наблюдать за благоустройствомъ и благосостояніемъ въ селеніи. Но тамъ, гдѣ селеніе было разнопомѣстно и состояло болѣе, чѣмъ изъ одной общины,—тамъ, очевидно, должны

были существовать въ разномъ составѣ двѣ единицы: одна—хозяйственная (земельная община), а другая—административная, что мы и должны были признать: послѣ долгихъ колебаній въ наименованіи, мы, наконецъ, выработали эти двѣ единицы: одну хозяйственную, подъ названіемъ сельскаго общества, а другую административную, подъ названіемъ волости.

Сельскимъ обществомъ мы признали совокупность бывшихъ однопомѣстныхъ односельцевъ, связанныхъ между собою одной уставною грамотой и составляющихъ одно юридическое лицо, надѣленное сообща земельнымъ надѣломъ.

Волостью мы назвали низшую административную единицу, иногда однопомѣстную, но чаще разнопомѣстную; сначала мы хотѣли пріурочить эту единицу къ приходу, но это, къ сожалѣнію, намъ не удалось, вслѣдствіе крайней территоріальной неравномѣрности, частью же черезполосности приходовъ, составъ которыхъ обусловливался случайными обстоятельствами, а всего болѣе усердіемъ и возможностью для прихожанъ и помѣщиковъ строить храмы въ своихъ селеніяхъ.

Первая, хозяйственная единица, *сельское общество*, могла состоять изъ крестьянъ, связанныхъ между собою общиннымъ землевладѣніемъ, или изъ крестьянъ, владѣвшихъ подворными (наслѣдственными) участками, но во всякомъ случаѣ принадлежавшихъ одному помѣщику. Въ первомъ случаѣ она являлась (по мірскимъ приговорамъ) безусловною распорядительницей общинной земли, во второмъ—она, хотя, конечно, не могла нарушать личныхъ правъ на землю домохозяевъ, пользовавшихся землею подворно и наслѣдственно, но имѣла право разрѣшать различные хозяйственные вопросы, касающіеся всего сельскаго общества (связаннаго одной уставною грамотой), какъ, напримѣръ: пользованіе общественными выгонами (выпусками), водопоями, наемъ общественныхъ пастуховъ, раскладка повинностей какъ помѣщичьихъ, такъ и государственныхъ между отдѣльными домохозяевами и, наконецъ, наблюденіе за ихъ нарядомъ на барщину.

Другая, административная единица, *волость*, по нашему мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ не должна была составлять инстанцію въ крестьянскомъ самоуправленіи (подобно тому, какъ это было принято въ самоуправленіи государственныхъ крестьянъ): напротивъ, функціи обѣихъ единицъ самоуправленія бывшихъ помѣ-

щичьихъ крестьянъ должны были быть строго разграничены такъ, чтобы волость вѣдала исключительно административныя, полицейскія и даже судебныя дѣла въ своихъ предѣлахъ, отнюдь не вмѣшиваясь въ хозяйственныя дѣла входящихъ въ составъ ея сельскихъ обществъ даже и въ томъ случаѣ, если сельское общество совпадало съ волостью.

О размѣрѣ первой единицы (сельскаго общества) не могло быть и рѣчи, такъ какъ каждое помѣстье, получивъ свою отдѣльную уставную грамоту, какъ бы мало оно ни было, должно было составить отдѣльное сельское общество; но вопросъ о размѣрѣ волостей возникъ самъ собою, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ волость должна была состоять изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ. Мы признали единодушно, что слѣдовало всѣми силами стараться, чтобы волость совпадала съ приходомъ; на случай же, если бы это представило явное неудобство, было опредѣлено, чтобы въ составъ волости входило не менѣе, чѣмъ 300, и не болѣе, чѣмъ 2.000 ревизскихъ душъ, и чтобы селенія, входящія въ составъ волости, не отстояли отъ волостного правленія болѣе, чѣмъ на 12 верстъ.

Послѣ того, какъ общее присутствіе окончательно разработало вопросъ объ учрежденіи двухъ единицъ крестьянскаго самоуправленія—хозяйственной (сельскаго общества) и административной (волости), дальнѣйшіе доклады отдѣленій касались лишь самой организаціи этого самоуправленія въ каждой изъ обѣихъ единицъ.

Утвержденный въ общемъ присутствіи 27 іюня докладъ административнаго отдѣленія № 4 „объ общемъ составѣ общественнаго сельскаго управленія“ содержалъ въ себѣ слѣдующія заключенія:

1) Мірское (сельское) общественное управленіе должно состоять: а) изъ сельскаго схода, б) изъ сельскаго старосты, который въ необходимыхъ случаяхъ (не требующихъ, однако, созыва схода) совѣщается съ лучшими старикамп сельскаго общества.

2) Волостное управленіе должно состоять: а) изъ волостного схода, б) изъ волостного старшины и необходимыхъ въ волости должностныхъ лицъ, в) изъ волостного правленія (или управы) и г) изъ состоящаго при управѣ, но независимаго отъ нея волостного крестьянскаго суда.

3) Третейскій судъ всегда допускается въ спорахъ между

крестьянами, въ случаѣ согласія на оный обѣихъ тяжущихся сторонъ, и на него не принимается никакой апелляціи.

4) Волостной старшина сосредоточиваетъ въ себѣ административную власть и отвѣтствуетъ за успѣшное отправленіе административныхъ дѣлъ. Ему подчиняются сельскіе старосты только въ административныхъ ихъ обязанностяхъ.

5) Волостное правленіе есть совѣщательное при волостномъ старшинѣ учрежденіе, состоящее изъ всѣхъ сельскихъ старостъ волости. Старшина обязанъ совѣтоваться съ ними во всѣхъ дѣлахъ, не требующихъ большой спѣшности.

6) Старшина занимаетъ первое мѣсто на волостныхъ сходахъ, а сельскій староста—на сельскихъ.

7) Сходамъ волостнымъ, въ предѣлахъ волостныхъ дѣлъ, а сельскимъ, въ предѣлахъ дѣлъ мірского общества (хозяйственныхъ), предоставляется право выборовъ должностныхъ лицъ и все хозяйственно-учредительное и вообще главное распоряженіе по всѣмъ дѣламъ, касающимся внутренняго хозяйственнаго устройства.

25 іюля и 5 августа въ двухъ особыхъ докладахъ были разсмотрѣны организація сельскихъ сходовъ и обязанности сельскихъ должностныхъ лицъ. Въ этихъ докладахъ административнаго отдѣленія большинство Комиссій утвердило слѣдующія его заключенія:

1) Сельскій сходъ долженъ состоять изъ сельскихъ должностныхъ лицъ и изъ совершеннолѣтнихъ крестьянъ, по одному изъ каждаго двора, преимущественно самихъ домохозяевъ.

2) Волостной сходъ составляется изъ всѣхъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и изъ выборныхъ отъ крестьянъ селеній, входящихъ въ составъ волости, по одному отъ пяти дворовъ тамъ, гдѣ въ волости менѣе 500 душъ, по одному отъ десяти тамъ, гдѣ въ волости отъ 500 до 1.000, и, наконецъ, по одному отъ 15 дворовъ тамъ, гдѣ въ волости болѣе 1.000 душъ.

3) Первое мѣсто на сходахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ на сельскихъ сходахъ—старостѣ, а на волостныхъ—волостному старшинѣ.

4) Право временно отстранять отъ участія въ сельскихъ сходахъ, но не болѣе, какъ на три года, предоставляется усмотрѣнію самого схода.

5) Предметы вѣдомства сельскаго схода слѣдующіе: а) мірскіе (сельскіе) выборы, б) приговоры объ удаленіи изъ общества вред-

ныхъ членовъ, в) пріемъ новыхъ членовъ, г) назначеніе и утвержденіе опекуновъ къ сиротамъ и провѣрка дѣйствій этихъ опекуновъ, д) разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, е) устройство вообще всѣхъ дѣлъ, относящихся до мірского хозяйства, какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяглъ, разверстка мірскихъ повинностей и т. п., ж) совѣщанія и ходатайства объ общественныхъ пользахъ и нуждахъ, о благоустройствѣ, призрѣніи и распространеніи грамотности, з) принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ черезъ выборныхъ на всѣхъ должностныхъ лицъ, какъ обществомъ избираемыхъ, такъ и назначаемыхъ правительствомъ, а также и на помѣщиковъ, и) назначеніе сборовъ на мірскіе расходы и учетъ должностныхъ лицъ, і) раскладка между членами сельскаго общества всѣхъ повинностей натуральныхъ и денежныхъ, а также и рекрутской повинности тамъ, гдѣ сельское общество будетъ составлять отдѣльный рекрутскій участокъ, к) принятіе мѣръ ко взысканію и предупрежденію недоимокъ, л) назначеніе ссудъ изъ запасныхъ магазиновъ и всякаго рода вспомоществованія изъ мірскихъ средствъ и м) дача довѣренностей на хожденіе по общественнымъ дѣламъ.

6) Предметы вѣдомства волостного схода: а) волостные выборы, б) удаленіе, на основаніи закона, вредныхъ членовъ общества, в) постановленіе о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до управленія волостью, г) мѣры общественнаго призрѣнія, д) принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ черезъ выборныхъ на всѣхъ должностныхъ лицъ, входящихъ въ составъ волостного управленія, а также назначаемыхъ правительствомъ, и на помѣщиковъ, д) назначеніе сборовъ на потребности волостного управленія, е) повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, волостью избираемыхъ, ж) раскладка между сельскими обществами, составляющими волость, всѣхъ общихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, а также и рекрутскихъ тамъ, гдѣ волость совпадаетъ съ рекрутскимъ участкомъ.

Въ томъ же докладѣ было установлено, что всѣ дѣла на сходахъ рѣшаются по простому большинству голосовъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ наиболѣе важныхъ дѣлъ, которыя рѣшаются по письменному приговору двумя третями голосовъ.

Затѣмъ въ засѣданіи 5 августа былъ разсмотрѣнъ докладъ административнаго отдѣленія, который заключалъ въ себѣ перечи-

сленіе учреждаемыхъ въ крестьянскомъ управленіи должностныхъ лицъ и опредѣленіе ихъ правъ и обязанностей.

Должности эти раздѣлялись на тѣ, которыя должны были замѣщаться помощью выборовъ, и тѣ, которыя могли быть замѣщаемы и по найму или по уговору. Къ первымъ относились волостные старшины, сельскіе старосты и сборщики податей, ко вторымъ—смотрители магазиновъ, дворовые, лѣсные и полевые сторожа, смотрители богоугодныхъ и общественныхъ заведеній и, наконецъ, волостные и сельскіе писаря.

При обсужденіи заключеній доклада возникъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли подчинить волостному и сельскому управленію лицъ не-крестьянскаго сословія, проживающихъ въ предѣлахъ или, лучше сказать, на территоріи волостного и сельскаго общества. Коммисіи единогласно пришли къ заключенію о необходимости такого подчиненія всѣхъ лицъ податного состоянія, проживающихъ на территоріи волостей и сельскихъ обществъ.

При этомъ было также единогласно принято, что лица неподатныхъ сословій ни въ какомъ случаѣ не подчиняются волостному и сельскому управленію, хотя бы и проживали на территоріи волости; не подчиняются ему также и лица, хотя бы и податныхъ сословій, проживающія на территоріи помѣщичьихъ усадебъ.

Наконецъ, уже въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій общаго присутствія до совѣщаній съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ, а именно 27 августа, былъ разсмотрѣнъ одинъ изъ важнѣйшихъ докладовъ административнаго отдѣленія, относящійся къ функціямъ волостного правленія и къ устройству разбирательства жалобъ крестьянъ другъ на друга и мелкихъ тяжбъ.

Первый вопросъ, который по поводу этого доклада подлежалъ обсужденію Коммисій, состоялъ въ томъ, возможно ли возложить разборъ мелкихъ крестьянскихъ тяжбъ и судебныхъ дѣлъ на то должностное лицо, которому мы полагали поручить надзоръ за крестьянскими учрежденіями, ближайшее, согласно съ закономъ, опредѣленіе отношеній между крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, и ихъ помѣщиками и разборъ могущихъ происходить между ними споровъ (мирового судью или, какъ впослѣдствіи онъ былъ названъ, *мирового посредника*) [1]. Вопросъ

---

[1]) Вопросъ объ этомъ учрежденіи долженъ былъ быть предварительно обсужденъ въ особой коммисіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, предполо-

этотъ по своей важности былъ предметомъ многократнаго обсужденія во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ и въ общемъ присутствіи, и мы пришли къ единогласному заключенію, что разборъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ и тяжбъ между крестьянами, большею частью истекающихъ изъ ихъ совмѣстнаго жительства и хозяйственныхъ и бытовыхъ отношеній, не можетъ быть возложенъ на то должностное лицо (мирового судью или посредника), на которомъ будетъ лежать вся тягость приведенія въ исполненіе на мѣстахъ Положенія объ освобожденіи крестьянъ, и что они, въ особенности во время составленія и утвержденія уставныхъ грамотъ, да и вообще во весь срочно-обязанный періодъ, будутъ завалены разборомъ споровъ между крестьянами и помѣщиками и стараніемъ согласить обѣ стороны. Если, кромѣ того, еще возложить на нихъ непосильныя работы по разбору мелкихъ крестьянскихъ тяжбъ, то лучшіе мѣстные люди изъ почти единственной мѣстной культурной среды дворянъ-помѣщиковъ не пойдутъ на эти должности, между тѣмъ какъ, наоборотъ, можно надѣяться, что если обязанности мировыхъ посредниковъ, при достаточномъ ихъ количествѣ, будутъ сколько-нибудь посильны, то они привлекутъ къ себѣ, по важности великой реформы, лучшихъ людей Россіи.

Послѣ такого единогласнаго рѣшенія оказалось невозможнымъ возложить разборы мелкихъ крестьянскихъ судебныхъ дѣлъ и на существующія судебныя учрежденія, отстоящія далеко отъ мѣста жительства крестьянъ, связанныя формальностью судебной процедуры и совершенно незнакомыя съ обычнымъ правомъ, на основаніи котораго досёлѣ рѣшались крестьянскіе споры и тяжбы.

По закону, эти споры до освобожденія крестьянъ разрѣшались помѣщикомъ, но онъ самъ пользовался этимъ правомъ лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда судебные споры или жалобы крестьянъ другъ на друга затрогивали его интересы, въ остальныхъ же — поручалъ разборъ этихъ споровъ признаваемому ими и чрезвычайно живучему по обычному праву учрежденію — суду стариковъ, учрежденію, которое не требовало никакихъ расходовъ ни отъ помѣстья, ни отъ крестьянъ и рѣшенія котораго имѣли наибольшія гарантіи правосудія и пользовались полнымъ авторитетомъ тяжущихся. Старики эти не были мірскими выборными.

женія которой должны были быть внесены на соглашеніе въ Редакціонныя Коммиссіи.

Это были просто крестьяне, съ которыхъ помѣщикъ, вслѣдствіе ихъ старости или утраты способности къ тяжелому земледѣльческому труду, снималъ тягло. Они были, слѣдовательно, свободны отъ всякихъ натуральныхъ повинностей и проживали въ своихъ усадьбахъ, которыхъ они были домохозяевами въ настоящее или въ прошедшее время. Отправляли должность судей, конечно, только тѣ, которые были въ здравомъ умѣ и свѣжей памяти; остальные на судъ стариковъ не являлись. Эти старики, умудренные опытомъ, были исконными наслѣдственными носителями обычнаго права и, въ свою очередь, передавали его младшимъ поколѣніямъ. Казалось бы, что это прекрасное учрежденіе и должно было быть сохранено, какъ существующій фактъ. Но, къ сожалѣнію, къ его сохраненію въ прежней формѣ встрѣтились препятствія, которыхъ мы преодолѣть не могли.

Учрежденіе это было пріурочено къ помѣстьямъ, изъ которыхъ, какъ уже было сказано выше, каждое жило своею особой замкнутой жизнью, отгороженное отъ сосѣдняго помѣстья какъ бы китайскою стѣной, такъ что никакихъ взаимныхъ отношеній между крестьянами сосѣднихъ помѣстій не существовало, и даже браки совершались не иначе, какъ въ предѣлахъ одного помѣстья, и только въ случаѣ, когда въ помѣстьи не было ни одной невѣсты, помѣщикъ для того, чтобы образовать новое тягло въ своемъ имѣніи, покупалъ невѣсту у своего сосѣда-помѣщика изъ его помѣстья [1]). Въ мѣлкопомѣстныхъ имѣніяхъ суда стариковъ не существовало, потому что затяглыхъ стариковъ совсѣмъ не было, и каждый крестьянинъ, не имѣвшій даже своего надѣла, а бывшій безземельнымъ батракомъ своего помѣщика, тянулъ свою лямку до конца дней своихъ. Въ помѣстьяхъ же мелкихъ, хотя и не мелкопомѣстныхъ (отъ 20 до 50 душъ, слѣдовательно, отъ 8 до 21 тягла), количество затяглыхъ стариковъ было слишкомъ мало, и вообще въ имѣніяхъ, заключавшихъ менѣе 50 душъ, крестьянскія судебныя дѣла разбирались уже самимъ помѣщикомъ или его старостою. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя отношенія между отдѣльными и въ особенности мелкими помѣстьями сильно измѣнились съ освобожденіемъ крестьянъ. Одни смѣшанные браки между разнопомѣстными крестьянами, доселѣ не существовавшіе, вводили ихъ въ цѣлый рядъ по-

[1]) Такая покупка обходилась отъ 25 до 50 рублей.

выхъ гражданскихъ отношеній между собою. Свободные крестьяне стремились вступать въ браки въ сосѣднихъ селеніяхъ, а потому неудобно было пріурочивать основанные на обычномъ правѣ крестьянскіе суды къ хозяйственнымъ единицамъ самоуправленія одномѣстнаго сельскаго общества, пріурочить же ихъ къ нашей административной единицѣ крестьянскаго самоуправленія—волости, казалось намъ несравненно удобнѣе, чѣмъ къ хозяйственной единицѣ—сельскому обществу. Сначала была сдѣлана попытка составить пріуроченный къ волостной единицѣ крестьянскаго самоуправленія крестьянскій судъ изъ прежнихъ стариковъ всей волости. Но уже самое понятіе о затяглыхъ старикахъ исчезло, такъ какъ единицею надѣленія крестьянъ землею явилось не тягло, а ревизская душа, а единицею землевладѣнія—дворъ.

Редакціонныя Коммиссіи отказались отъ первоначальной своей мысли сдѣлать *стариковъ* членами волостныхъ судовъ. Слѣдовательно, оставалось только создать настоящихъ волостныхъ судей, избираемыхъ изъ крестьянъ, что и было сдѣлано въ слѣдующихъ заключеніяхъ доклада административнаго отдѣленія, утвержденнаго общимъ собраніемъ 27 августа вмѣстѣ съ организаціей волостного правленія въ слѣдующемъ видѣ:

1) Въ составъ волостного правленія, кромѣ сельскихъ старостъ, входятъ еще сборщики податей.

2) Волостное правленіе, составляя лишь совѣщательное при волостномъ старшинѣ учрежденіе, обязано содѣйствовать старшинѣ и выполнять всѣ законныя его требованія. По большинству голосовъ разрѣшаетъ оно только слѣдующаго рода дѣла: а) производство всякаго рода денежныхъ расходовъ, б) утвержденіе торговъ и продажу частнаго крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны, помѣщиковъ и частныхъ лицъ и в) опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму.

3) Судъ въ предѣлахъ волости отправляется выборными крестьянами, имѣющими право участія въ волостномъ сходѣ и еженедѣльно собирающимися на сей предметъ при волостномъ правленіи по воскреснымъ днямъ въ числѣ отъ 6 до 12, по установленной очереди. Какъ очередь эта, такъ и самое число выборныхъ, нужное для дѣйствительности волостного суда, опредѣляется самимъ волостнымъ сходомъ съ утвержденія мѣстнаго учрежденія.

4) Дѣла предлагаются на обсужденіе выборныхъ судей во-

лостнымъ старшиною въ присутствіи подсудимыхъ или тяжущихся: послѣдніе могутъ и сами обращаться къ суду съ просьбою о разборѣ ихъ спора. Но волостной старшина и староста не только не вмѣшиваются въ отправленіе суда выборными, но даже не имѣютъ права присутствовать при ихъ сужденіяхъ о дѣлѣ и являются на мѣсто суда для нужныхъ разъясненій лишь по приглашенію самихъ выборныхъ (судей). Въ случаѣ недостаточности свѣдѣній о дѣлѣ, выборные (судьи) могутъ дополнять оныя собственнымъ дознаніемъ.

5) Приговоръ волостного суда приводится въ исполненіе сельскими старостами подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью волостныхъ старшинъ.

6) За непредложеніе предъявленнаго иска или жалобы на обсужденіе выборныхъ (судей) истецъ имѣетъ право приносить жалобу на старшину.

7) Дѣла какъ въ волостномъ правленіи, такъ и въ волостномъ судѣ производятся словеснымъ порядкомъ, а въ заведенную при волостномъ правленіи книгу вписываются только рѣшенія, принятыя правленіемъ по большинству голосовъ, а при судебномъ разбирательствѣ—имена истца и отвѣтчика и послѣдовавшее рѣшеніе или имя виновнаго, самая вина его и мѣра возложеннаго на него взысканія или наказанія.

10 іюня 1859 г. уже поступили на разсмотрѣніе общаго собранія два первыхъ доклада юридическаго отдѣленія: „о прекращеніи крѣпостного права“ и „о правахъ собственности помѣщиковъ на земли (помѣстья)“.

Въ первомъ изъ этихъ докладовъ ученый редакторъ его Н. В. Калачовъ перечислилъ, съ одной стороны, всѣ существовавшія по закону *права* помѣщиковъ, отмѣняемыя составляемымъ нами законопроектомъ, а съ другой стороны, всѣ существовавшія уже въ силу закона *обязанности* помѣщиковъ по отношенію къ принадлежащимъ имъ крестьянамъ.

Къ первой категоріи относились:

1) право продажи и отчужденія крестьянъ [1]),

2) право переселенія ихъ съ однѣхъ земель на другія,

---

[1]) Право это было уже ограничено нѣкоторыми законодательными распоряженіями Императора Николая I, напримѣръ, запрещеніемъ продажи крѣпостныхъ отдѣльно отъ ихъ семействъ и продажи крестьянъ „на своз“.

3) право требовать отъ крестьянъ работы и оброка [1]),

4) право разбирать и судить ихъ взаимные споры и иски [2])

и 5) право подвергать принадлежащихъ ему крестьянъ взысканіямъ и наказаніямъ и, между прочимъ, отдачѣ въ рекруты внѣ очереди „безъ зачета“ и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе [3]).

Первыя два изъ этихъ правъ отмѣнялись законопроектомъ по иниціативѣ и согласно желанію всѣхъ дворянствъ имперіи.

Третье право —требовать работъ и оброковъ—допускалось впредь до выкупа крестьянскихъ надѣловъ, въ предѣлахъ, узаконяемыхъ мѣстными положеніями новаго законопроекта.

Четвертое право—разбирать взаимные споры и иски крестьянъ—было отвергнуто большинствомъ общаго собранія Коммисій, не признававшимъ патримоніальной власти помѣщиковъ, къ которой стремилось большинство губернскихъ комитетовъ.

Наконецъ, пятое право также отмѣнялось законопроектомъ, и только отложено было до совѣщанія съ депутатами губернскихъ комитетомъ разрѣшеніе вопроса, возможно ли оставить за помѣщиками право дисциплинарныхъ взысканій на переходное время, въ которое будетъ еще существовать натуральная повинность, т.-е. такъ называемая барщина.

Къ категоріи *обязанностей*, лежавшихъ въ силу закона на помѣщикахъ по отношенію къ принадлежащимъ имъ крестьянамъ, въ докладѣ юридическаго отдѣленія были отнесены слѣдующія:

1) Отвѣтственность за уплату крестьянами государственныхъ податей и отправленіе ими натуральныхъ и рекрутской повинностей.

2) Обязанность продовольствія и призрѣнія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей помѣстья.

3) Обязанность снабженія крѣпостныхъ людей помѣстья лѣснымъ матеріаломъ и рабочимъ инвентаремъ (въ силу обычнаго права), а въ Юго- и Сѣверо-западномъ краѣ на основаніи узаконенныхъ въ царствованіе Императора Николая I инвентарей.

4) Обязанность надѣлять вновь прибылыя (путемъ естествен-

---

[1]) Право это было ограничено закономъ Павла I о трехдневной барщинѣ.

[2]) Право это значительно умѣрялось обычаемъ, по которому помѣщикъ принималъ къ своему разбору только тѣ споры крестьянъ, которые такъ или иначе имѣли отношеніе къ его интересамъ, а остальные предоставлялъ суду стариковъ.

[3]) По этому праву никакихъ жалобъ на помѣщиковъ не принималось.

ной прибыли или покупки) души и тягла земельнымъ надѣломъ изъ свободныхъ земель помѣстья.

Первая и вторая изъ этихъ обязанностей отмѣнялась безусловно законопроектомъ по его обнародованіи.

Относительно третьей обязанности выяснилось, что Редакціонныя Комиссіи признавали необходимымъ утвердить неприкосновенность правъ крестьянъ, установленныхъ инвентарными правилами въ юго- и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а рѣшеніе вопроса, не слѣдуетъ ли, по примѣру инвентарныхъ правилъ, ввести и въ великороссійскихъ губерніяхъ нѣкоторые сервитуты, напр., на помѣщичьи лѣса и лѣсныя угодья тамъ, гдѣ крестьяне и во время крѣпостного права пользовались топливомъ и строевымъ матеріаломъ изъ этихъ лѣсовъ, или на пастьбу въ нихъ скота, было отложено до совѣщанія съ депутатами.

Наконецъ, относительно четвертой обязанности Редакціонныя Комиссіи единодушно высказались за сложеніе ея съ помѣщиковъ навсегда, при условіи оставленія за крестьянами въ вѣчное пользованіе и предоставленія имъ на выкупъ ихъ существующихъ надѣловъ, которые впредь до выкупа должны были быть признаны неполной собственностью помѣщиковъ, переходящей послѣ приступа къ правительственному выкупу въ собственность крестьянскихъ сельскихъ обществъ.

Во второмъ докладѣ юридическаго отдѣленія „о правѣ собственности помѣщиковъ на земли“ отдѣленіе это сдѣлало попытку провести необходимое различіе въ правахъ помѣщиковъ на земли, входящія въ составъ крестьянскихъ надѣловъ, и остальныя занадѣльныя земли помѣстья; идея юридическаго отдѣленія и сплотившагося уже большинства Комиссій состояла въ томъ, что право собственности помѣщиковъ на земли, оставленныя Положеніемъ окончательно и безповоротно въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ до предполагаемаго выкупа ихъ при помощи правительства, есть право не полное, а ограниченное правомъ неотъемлемаго пользованія крестьянъ: что же касается земель занадѣльныхъ, то юридическое отдѣленіе и большинство Комиссій желали, наоборотъ, признать *полное* право собственности помѣщиковъ на всѣ земли помѣстья, не поступившія въ пользованіе крестьянъ, и для этого снять съ помѣщика по возможности всѣ сервитуты, лежавшіе по закону и по обычному праву какъ на этихъ земляхъ, такъ и на

самихъ помѣщикахъ (такъ же крѣпкихъ землѣ помѣстья, какъ и крестьяне), и такимъ путемъ создать въ великороссійскихъ губерніяхъ не существовавшую доселѣ полную личную земельную собственность, по крайней мѣрѣ, для одного изъ двухъ главныхъ сельскихъ сословій, а именно для помѣстнаго дворянства.

Вопросъ о полной и неполной собственности возбудилъ разномысліе въ средѣ общаго собранія, но не по существу: всѣ мы сознавали, что земли помѣстья, въ совокупности съ крестьянскимъ населеніемъ, ихъ обитавшимъ, составляли доселѣ безспорную собственность помѣщиковъ, но большинство Комиссій полагало, что земли, въ части своей выдѣляемыя по законопроекту въ безсрочное или безповоротное пользованіе крестьянъ, уже не могли считаться de facto полною собственностью помѣщиковъ; возраженія же нѣкоторыхъ членовъ, какъ, напримѣръ, Апраксина и Позена, были направлены противъ появленія въ законѣ термина *неполной* собственности по отношенію къ какимъ бы то ни было землямъ помѣстья. Споръ этотъ, впрочемъ, не могъ имѣть въ то время какихъ-либо послѣдствій, потому что заключенія отдѣленія еще не были окончательною редакціею будущаго закона.

Остальные доклады юридическаго отдѣленія, разсматривавшіеся въ общемъ присутствіи 3-го (№ 3) и 8-го іюля (№ 4) и заключавшіе въ себѣ, между прочимъ, вопросы о предоставленіи крестьянамъ правъ личныхъ и семейственныхъ, уже не дали повода къ крупнымъ спорамъ и разномысліямъ. Въ докладѣ № 3 обсуждались права помѣщиковъ на хозяйственное устройство принадлежащихъ имъ имѣній и отдачу ихъ въ арендное содержаніе: какъ отдѣленіе, такъ и большинство Комиссій установили право помѣщика отбирать изъ земель крестьянскаго надѣла участки земли, необходимые ему для его хозяйственныхъ предпріятій, съ отводомъ за то равноцѣнныхъ участковъ крестьянамъ и съ вознагражденіемъ крестьянъ за убытки, имъ причиненные, по взаимному соглашенію или по рѣшенію третейскаго суда; если же таковой не состоялся, то размѣръ вознагражденія долженъ былъ быть рѣшенъ тѣмъ уѣзднымъ учрежденіемъ, на которое будетъ возложено разрѣшеніе споровъ между помѣщикомъ и крестьянами. Отдача въ аренду имѣній, состоящихъ на барщинѣ, не была допущена, такъ какъ это было бы отдачею на откупъ человѣческаго труда, но предоставленіе арендатору помѣщичьихъ земель, принадлежащихъ имъ, помѣщикамъ, на правахъ

полной собственности, и собираніе съ крестьянъ оброковъ было допущено.

Въ докладѣ юридическаго отдѣленія № 4 ученый редакторъ его П. В. Калачовъ сдѣлалъ очень обстоятельное перечисленіе даруемыхъ крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, правъ личныхъ (по состоянію свободныхъ сельскихъ обывателей) и семейственныхъ. Перечисленіе это, конечно, основывалось на соотвѣтствующихъ статьяхъ свода законовъ и, между прочимъ, заключало въ себѣ право отлучаться изъ мѣста жительства какъ въ предѣлахъ имперіи, такъ и за границу, поступать по доброму желанію въ военную службу, на службу по учебной части, въ среднія учебныя заведенія безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ ихъ обществъ, поступать для полнаго окончанія курса наукъ въ университеты по увольнительнымъ отъ своихъ обществъ свидѣтельствамъ, съ исключеніемъ изъ податного сословія по опредѣленіи въ учительскія должности или по полученіи ученой степени.

При перечисленіи правъ крестьянъ по союзу брачному, въ докладѣ пришлось оговориться, что для вступленія въ бракъ крестьянъ не требуется согласія помѣщика, хотя на такое согласіе не было нигдѣ въ законѣ никакого положительнаго указанія. Между тѣмъ, de facto священники никогда не вѣнчали ни крѣпостныхъ крестьянъ, ни тѣмъ болѣе дворовыхъ безъ согласія помѣщика, и помѣщики очень дорожили этимъ обычнымъ правомъ, потому что оно было тѣсно связано съ ихъ имущественными правами на крестьянъ, такъ какъ всякій крестьянскій бракъ создавалъ въ его помѣстьи новое тягло, съ одной стороны, дающее ему новую рабочую силу, а съ другой -обязывающее его къ надѣленію новаго тягла земельнымъ надѣломъ изъ общаго запаса земель помѣстья, состоявшаго въ полномъ распоряженіи помѣщика; бракъ же между дворовыми налагалъ на помѣщика обязанность прокормленія возникающей семьи, вообще настолько тягостную, что большинство помѣщиковъ безусловно запрещало своимъ дворовымъ вступать въ браки, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, въ которыхъ помѣщики сами признавали это для себя выгоднымъ. Притомъ же это обычное право помѣщиковъ давало поводъ къ самымъ ненавистнымъ для крѣпостныхъ людей злоупотребленіямъ, такъ какъ помѣщики нерѣдко устраивали браки по принужденію, подбирая брачныя пары по возмутительному произволу, иногда съ цѣлью улучшенія породы, а иногда даже съ цѣлью издѣвательства.

Въ томъ же докладѣ былъ по возможности разработанъ М. Н. Любощинскимъ трудный вопросъ о крестьянской опекѣ, но утвержденіе заключеній по этому предмету было отложено до прибытія депутатовъ.

Въ докладѣ юридическаго отдѣленія № 5 „о правахъ крестьянъ по договорамъ и обязательствамъ“, разсмотрѣнномъ 15 іюля, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости крестьянамъ предоставлялось право какъ въ составѣ обществъ, такъ и отдѣльно, на заключеніе всякихъ закономъ дозволенныхъ договоровъ, обязательствъ и подрядовъ, безъ всякаго ограниченія суммы для договаривающихся сторонъ.

Въ докладѣ юридическаго отдѣленія № 8 „о правахъ крестьянъ по имуществу“ (составленномъ М. Н. Любощинскимъ и К. Н. Домонтовичемъ), утвержденномъ 1 августа, установлены были слѣдующія ихъ права:

1) Крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, дозволяется какъ цѣлыми обществами, такъ и каждому отдѣльно, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества, а также отчуждать сіи имущества, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на сей предметъ для свободныхъ сельскихъ обывателей.

2) Права собственности крестьянъ на земли, ими пріобрѣтенныя, распространяются какъ на поверхность, такъ и на все, внутри сихъ земель находящееся [1]).

3) Мірскому сельскому обществу предоставляется распоряжаться принадлежащими ему на правахъ собственности землями по своему усмотрѣнію. Оно можетъ раздѣлять эти земли между домохозяевами, составляющими общество, предоставивъ каждому участокъ въ полную собственность, или сохранить земли въ общемъ владѣніи [2]) всѣхъ домохозяевъ. Право на участіе въ общемъ владѣніи

[1]) Едва ли можно было сдѣлать что-нибудь большее въ пользу личной поземельной собственности крестьянъ при составленіи Положенія 19 февраля 1861 г.

[2]) Мы не могли не принять въ соображеніе, что въ великороссійскихъ губерніяхъ крестьянское обычное право наслѣдованія не имѣло ничего общаго съ писаннымъ закономъ, имѣвшимъ въ виду главнымъ образомъ наслѣдство дворянскихъ населенныхъ имѣній, т.-е. помѣстій. Потребность оставлять помѣстье въ одномъ родѣ вызвала назначеніе $1/14$ доли для дочерей и $1/7$ для вдовъ, между тѣмъ какъ наслѣдство у крестьянъ выходило совсѣмъ изъ другихъ потребностей, и родовыхъ соображеній въ немъ никакихъ не могло быть, такъ какъ крестьянскій достатокъ былъ большею частью результатомъ труда и накопленія только одного — много двухъ поколѣній. Крестьянинъ-домохозяинъ

собственностью, пріобрѣтенною обществомъ, отдѣльный членъ общества можетъ уступить постороннему лицу, съ согласія общества.

4) За каждымъ членомъ мірского (сельскаго) общества сохраняется право требовать выдѣла своего участка изъ общаго владѣнія; если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить своего члена, желающаго выдѣлиться, денежнымъ вознагражденіемъ, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ. Разборъ возникающихъ по сему предмету споровъ предоставляется крестьянскимъ судамъ.

5) Крестьянамъ, выходящимъ изъ крѣпостной зависимости, не воспрещается руководствоваться при раздѣлѣ наслѣдства мѣстными обычаями.

6) При освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ утверждается за ними право полной собственности на принадлежащее имъ движимое имущество.

7) Земли и дома и вообще недвижимое имущество, пріобрѣтенное крестьянами въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ, поступаетъ въ безспорную собственность пріобрѣтателей или ихъ наслѣдниковъ, но не прежде, какъ по утвержденіи за ними сихъ имуществъ самимъ помѣщикомъ или судебнымъ приговоромъ.

Старанія Комиссій удержать за крестьянами всѣ земли, купленныя ими при крѣпостномъ правѣ на имя помѣщиковъ, привели членовъ Комиссій къ очень оживленнымъ разсужденіямъ. Изъ нихъ выяснилось, что вопросъ этотъ однообразнаго разрѣшенія имѣть не можетъ, такъ какъ уже въ 1848 г. послѣдовалъ Высо-

---

большею частью при жизни выдѣлялъ уже изъ своей семьи тѣхъ изъ своихъ сыновей, которые, образуя тягло (брачную пару съ будущими, т.-е. съ дѣтьми), получали изъ помѣстья самостоятельные тягловые участки, а съ подрастаніемъ своихъ дѣтей получали возможность вести хозяйство независимо отъ своего отца. Дочерей своихъ старикъ-домохозяинъ выдавалъ замужъ въ чужіе дворы и только въ случаяхъ, если у него сыновей не было или они уже выдѣлились, старался принять къ себѣ зятя изъ крестьянъ чужого двора, обращая его въ своего работника или батрака. Въ послѣдніе годы жизни, по выдѣлѣ старшихъ сыновей и выдачѣ дочерей въ чужіе дворы, у стараго домохозяина чаще всего оставались во дворѣ или одинъ только изъ его, разумѣется, семейныхъ сыновей, или дочь со своимъ призятченнымъ мужемъ, между тѣмъ какъ другіе члены его семьи, давно уже выдѣленные, не жили въ его домѣ. На этого оставшагося со старымъ домохозяиномъ сына или зятя, участвовавшаго вмѣстѣ съ нимъ въ умноженіи его богатства, а въ послѣдніе годы бывшаго даже его единственнымъ кормильцемъ, какъ старый домохозяинъ, такъ и обычное право смотрѣли, какъ на единственнаго законнаго наслѣдника, между тѣмъ какъ остальные родные сыновья, какъ уже выдѣлившіеся, никакихъ правъ на наслѣдство не имѣли.

чайшій Указъ Императора Николая I, которымъ крѣпостнымъ дозволено было пріобрѣтать земли въ собственность и на свое имя, но они, по незнакомству своему съ письменными законами, продолжали пріобрѣтать земли на имя своихъ помѣщиковъ. Комиссіи пришли къ заключенію, что относительно земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами на имя помѣщиковъ до 1848 г., нѣтъ практической возможности возстановить права крестьянъ путемъ судебнаго иска, такъ какъ, въ случаѣ спора, никакихъ строго юридическихъ доказательствъ быть не могло. Поэтому Комиссіи ничего не могли сдѣлать въ пользу крестьянъ, кромѣ предоставленія разрѣшенія каждаго возникающаго вопроса о покупкѣ земель на собственныя средства крестьянъ великодушію самихъ помѣщиковъ и облегченія симъ послѣднимъ формальностей и затрудненій въ передачѣ такихъ земель въ собственность крестьянъ.

Что же касается возникшаго вопроса о томъ, должно ли быть предоставлено крестьянамъ право иска земель, пріобрѣтенныхъ ими на имя помѣщиковъ послѣ Указа 1848 г., то вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ большинствомъ 18 голосовъ противъ 4.

Послѣдній докладъ юридическаго отдѣленія, внесенный въ общее собраніе до совѣщанія съ депутатами отъ губернскихъ комитетовъ (№ 11, „о переходѣ срочно-обязанныхъ крестьянъ въ другія общества и сословія“), былъ разсмотрѣнъ общимъ собраніемъ 15 августа 1859 г. и ставилъ этотъ вопросъ вообще очень широко, какъ это видно изъ слѣдующихъ заключеній отдѣленія:

1) Срочно-обязанные крестьяне могутъ переходить цѣлымъ обществомъ въ городскія сословія и переселяться цѣлыми обществами на казенныя или собственныя земли.

2) Срочно-обязанные крестьяне могутъ переходить отдѣльными дворами въ цѣломъ ихъ составѣ или по частямъ въ другія свободныя податныя сословія или въ другія срочно-обязанныя общества. Право, предоставляемое каждому крестьянскому двору въ нераздѣльномъ его составѣ, требовать, по истеченіи девятилѣтняго срока со времени обнародованія Положенія, перехода своего изъ общества распространяется на отдѣльныя семейства и части семейства.

3) Увольнительный приговоръ составляется мірскимъ (сельскимъ) обществомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда на увольненіе изъ общества требуется его согласіе.

Такое согласіе было въ опредѣленныхъ Положеніемъ случаяхъ обусловлено круговою порукой общества по отправленію повинностей помѣщику, пока онѣ существовали, а по переходѣ на выкупъ — круговою же отвѣтственностью по выкупнымъ платежамъ.

ГЛАВА XII.

Разсмотрѣніе основныхъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія и предварительное ихъ утвержденіе въ засѣданіяхъ общаго присутствія Комиссій отъ 17 іюня до 5 сентября. — Возрастающая оппозиція противъ большинства, возбуждаемая и поддерживаемая М. П. Позеномъ. Вопросъ объ обезпеченіи пользованія крестьянъ помѣщичьими лѣсами, возбудившій первое серьезное разномысліе въ средѣ Комиссій. — Дѣйствія М. П. Позена внѣ Комиссій и первый рѣзкій конфликтъ между нимъ и Милютинымъ въ засѣданіи 22 іюля. — Вопросъ о неизмѣнности повинностей. — Общая характеристика дѣятельности Комиссій лѣтомъ 1859 года.

———

Уже выше я имѣлъ случай говорить о томъ, что въ главной лабораторіи Редакціонныхъ Комиссій, хозяйственномъ отдѣленіи, подъ умнымъ руководствомъ Н. А. Милютина весь аграрный вопросъ, т.-е. вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ удержаніемъ за ними ихъ земельныхъ надѣловъ, а впослѣдствіи и съ обращеніемъ ихъ въ земельную собственность юридическихъ лицъ—сельскихъ обществъ, былъ разрѣшенъ, разумѣется, только предварительно и вчернѣ, въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ работъ Комиссій (апрѣль, май, іюнь и іюль). При этомъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса было такъ твердо и безповоротно, что 12 членовъ хозяйственнаго отдѣленія, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное участіе въ этой разработкѣ, уже не отступали отъ того, что̀ ими было выработано, кромѣ нѣкоторыхъ признанныхъ ими полезными измѣненій или необходимыхъ уступокъ справедливымъ замѣчаніямъ и мнѣніямъ остальныхъ членовъ Комиссій или депутатовъ губернскихъ комитетовъ.

Доклады хозяйственнаго отдѣленія (числомъ 17) вносились въ общее присутствіе, начиная съ 17 іюня до 5 сентября, и были разсмотрѣны и утверждены до прибытія депутатовъ губернскихъ ко-

митетовъ 1-го призыва. Председатель Комиссiй, хотя и не принимавшiй непосредственнаго участiя въ работахъ хозяйственнаго отдѣленiя, слѣдилъ съ лихорадочнымъ вниманiемъ за развитiемъ вопроса о земельномъ освобожденiи крестьянъ, къ которому такъ стремился, согласно непреклонной волѣ Царя-Освободителя. Поэтому составившееся въ пользу докладовъ хозяйственнаго отдѣленiя большинство Комиссiй въ своемъ председателѣ находило самую сильную точку опоры въ борьбѣ противъ пытавшейся сплотиться оппозицiи меньшинства. Правда, Я. И. Ростовцовъ совершенно чистосердечно высказывалъ свои сомнѣнiя и дѣлалъ частныя замѣчанiя на тѣ или другiя заключенiя Комиссiй, но, послѣ необходимыхъ разъясненiй и соглашенiй, никогда не присоединялся къ мнѣнiямъ того меньшинства, въ предложенiяхъ котораго онъ, со свойственнымъ его тонкому уму тактомъ, отличалъ тѣ замѣчанiя, которыя были обусловлены различiемъ взглядовъ по существу предмета, отъ тѣхъ, которыя дѣлались по другимъ соображенiямъ и преимущественно изъ желанiя внести рознь въ то учрежденiе, въ составъ котораго авторы ихъ входили, но которое сдѣлалось имъ ненавистнымъ по принятому имъ направленiю.

Уже начиная съ разсмотрѣнiя (17 и 18 iюня) въ общемъ присутствiи перваго доклада хозяйственнаго отдѣленiя „объ основанiяхъ и размѣрѣ надѣловъ“, составленнаго княземъ Черкасскимъ, начала обнаруживаться все болѣе и болѣе обострявшаяся оппозицiя члена Комиссiй М. П. Позена, сдѣлавшагося впослѣдствiи однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ большинства Комиссiй.

Вначалѣ М. П. Позенъ былъ еще очень сдержанъ въ своихъ замѣчанiяхъ, которыя, какъ всѣмъ намъ было ясно, обусловливались не столько существомъ дѣла, сколько другими соображенiями, руководимыми болѣе реальными цѣлями. Онъ стремился къ тому, чтобы сгруппировать около себя значительную часть членовъ Комиссiй и возвратить себѣ то влiянiе на Я. И. Ростовцова, а слѣдовательно, и на весь ходъ крестьянскаго дѣла, которое онъ имѣлъ въ 1857 г. и въ началѣ 1858 г., когда ему удалось провести составленную имъ программу для губернскихъ комитетовъ, имѣвшую весьма вредное влiянiе на разработку крестьянскаго вопроса въ этихъ комитетахъ.

М. П. Позенъ, по своему уму, опытности въ дѣлахъ государственныхъ и общественныхъ и знанiю крестьянскаго быта и экономи-

ческаго положенія малороссійскихъ губерній, могъ бы принести большую пользу работамъ Коммиссій, если бы онъ высказывалъ свои мнѣнія по существу дѣла, желая помочь разработкѣ предстоявшихъ вопросовъ въ смыслѣ непоколебимой цѣли Государя—земельнаго освобожденія крестьянъ. Но для него все его участіе въ работахъ Редакціонныхъ Коммиссій было только ступенью къ достиженію его честолюбивыхъ замысловъ (онъ стремился занять одну изъ высшихъ должностей государства, въ особенности же должность министра финансовъ), а потому онъ старался прежде всего быть адвокатомъ мнѣній тѣхъ лицъ, которыя могли бы своимъ вліяніемъ помочь ему въ достиженіи его личныхъ цѣлей. Сначала такимъ лицомъ онъ считалъ Я. И. Ростовцова, но когда онъ убѣдился въ полной его солидарности съ большинствомъ Коммиссій, то перешелъ на сторону его сильныхъ внѣ-коммиссіонныхъ враговъ и вступилъ въ рѣшительную борьбу съ Ростовцовымъ, употребляя всѣ усилія своего недюжиннаго ума, въ надеждѣ подорвать авторитетъ Ростовцова по крестьянскому дѣлу въ глазахъ Государя. Пріѣздъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, ожидавшійся къ сентябрю 1859 г., и избраніе М. П. Позена въ депутаты отъ Полтавской губерніи въ особенности развязали Позену руки въ этой борьбѣ, объ исходѣ которой я буду говорить ниже.

Здѣсь же остается только замѣтить, что первое столкновеніе Позена съ членами хозяйственнаго отдѣленія (въ особенности съ Милютинымъ, кн. Черкасскимъ и Соловьевымъ) обнаружилось въ общемъ собраніи 17 іюня по поводу сдѣланнаго въ докладѣ отдѣленія справедливаго заявленія о томъ, что большинство Полтавскаго комитета уменьшило существующій надѣлъ крестьянъ почти вдвое [1]). Въ засѣданіи 24 іюня, при разсмотрѣніи доклада хозяйственнаго отдѣленія № 2 „объ опредѣленіи и размѣрѣ усадебъ" (составленнаго Н. Н. Павловымъ), столкновенія Позена съ большинствомъ Коммиссій приняли еще болѣе острый характеръ. Позенъ отстаивалъ право помѣщиковъ на всѣ площади, улицы и промежутки въ чертѣ усадебной осѣдлости крестьянъ, стараясь огра-

---

[1]) Большинство Полтавскаго комитета предположило норму надѣла въ $1\frac{1}{2}$ дес. на рев. душу. Позенъ доказывалъ соотвѣтствіе этой цифры со среднимъ надѣломъ крестьянъ, выведеннымъ комитетомъ въ губерніи. Но ему было замѣчено, что для полученія этого вывода были введены въ разсчетъ такъ называемые пѣшіе (безлошадные) крестьяне, которыхъ Полтавскіе помѣщики лишили всякаго надѣла, заставляя ихъ работать изъ-за „снопа".

ничить размѣръ крестьянскихъ усадебъ землею, состоящею подъ ихъ строеніями и гумнами, а все остальное признать полной собственностью помѣщиковъ, не давая, слѣдовательно, возможности крестьянамъ строить новыя усадьбы въ чертѣ селенія. Но споры и пререканія вскорѣ вышли изъ предѣловъ существа вопроса, такъ какъ Позенъ воспользовался случаемъ высказать прямыя обвиненія противъ тѣхъ дѣйствій и распоряженій министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя не были въ духѣ и тонѣ членовъ, избираемыхъ большинствами губернскихъ комитетовъ въ свои депутаты въ Петербургъ. Споры по существу дѣла кончились тѣмъ, что Позенъ заявилъ о подачѣ имъ особаго мнѣнія, въ надеждѣ на то, что къ его мнѣнію присоединятся и другіе, что дѣйствительно и случилось со многими изъ тѣхъ членовъ, которые въ частныхъ вопросахъ расходились съ мнѣніями большинства. Они-то и начали группироваться около Позена, но оставались вѣрными ему по большей части только до тѣхъ поръ, пока не замѣчали, что Позенъ въ высказываемыхъ имъ мнѣніяхъ руководствуется не столько существомъ дѣла, сколько иными соображеніями.

8, 10 и 15 іюля былъ разсмотрѣнъ 3-ій докладъ хозяйственнаго отдѣленія, трактовавшій объ угодьяхъ, поступающихъ въ надѣлъ крестьянамъ, и о замѣнѣ однихъ угодій другими; докладъ этотъ былъ составленъ кн. Черкасскимъ. При этомъ Позенъ настаивалъ на изъятіи вообще луговъ и покосовъ изъ разсчета существующаго крестьянскаго надѣла, доказывая, что луга нельзя было считать поземельнымъ крестьянскимъ надѣломъ, такъ какъ покосы необходимаго для крестьянъ сѣна производились по указанію помѣщика въ разныхъ мѣстахъ, сообразно съ урожаемъ травы.

Но еще болѣе сильные споры возбудились въ засѣданіи общаго присутствія 15 іюля по поводу предположеннаго въ докладѣ хозяйственнаго отдѣленія безсрочнаго снабженія крестьянъ топливомъ и пользованія лѣснымъ матеріаломъ. Хозяйственное отдѣленіе въ своемъ докладѣ (№ 3) по отношенію къ вопросу о крестьянскомъ пользованіи лѣсами раздѣляло Европейскую Россію на три полосы: малолѣсную, лѣсистую и лѣсную.

Въ *малолѣсной* полосѣ, къ которой должно было считать принадлежащею почти всю черноземную Россію, въ особенности степную ея полосу, отдѣленіе полагало снять съ помѣщиковъ обязанности доставлять крестьянамъ какіе бы то ни было лѣсные мате-

ріалы или дѣлать имъ лѣсные отводы. Рѣшеніе это было основано на томъ, что въ черноземной малолѣсной и степной полосѣ Россіи топливомъ для крестьянъ повсемѣстно служила солома, въ которой у крестьянъ не было недостатка, а въ степной полосѣ, гдѣ было распространено залежное хозяйство,—кизякъ, т.-е. пометъ многочисленныхъ тамъ стадъ; что же касается строительныхъ матеріаловъ, которыми помѣщики снабжали крестьянъ вездѣ, гдѣ имѣли свои лѣса, то хозяйственное отдѣленіе предположило снять этотъ сервитутъ съ занадѣльныхъ помѣщичьихъ земель въ малоземельныхъ мѣстностяхъ какъ потому, что въ этихъ мѣстностяхъ строевыхъ лѣсовъ у помѣщиковъ почти не оставалось, такъ и потому, что тамъ крестьяне уже переставали строить свои жилища изъ лѣса.

Для *лѣсистой* полосы Россіи хозяйственное отдѣленіе, исходя изъ существующаго факта, предполагало удержать за крестьянами право на продолженіе пользованія ими за повинность топливомъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ въ прежнихъ размѣрахъ во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ отпускъ топлива до сихъ поръ производился въ видѣ постояннаго обычая, или гдѣ больше половины помѣстья состояло изъ лѣса.

Впослѣдствіи, такъ какъ удержаніе этого сервитута встрѣтило сильныя возраженія со стороны депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ той полосы, которая могла быть признана лѣсистою, Редакціонныя Коммиссіи отказались отъ этого тяжелаго обязательства для помѣщичьихъ лѣсовъ, и безъ того уже быстро истреблявшихся.

Наконецъ, для *лѣсной* полосы Россіи, гдѣ, сообразно съ существующимъ фактомъ, Коммиссіи старались установить очень высокія цифры для высшихъ размѣровъ надѣловъ (отъ 5 до 8 дес. на рев. душу), вопросъ о лѣсномъ довольствіи крестьянъ былъ разрѣшенъ очень остроумно. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ существующій крестьянскій надѣлъ достигалъ установленнаго для мѣстности высшаго размѣра земельнаго надѣла, не было никакой надобности заботиться о снабженіи крестьянъ топливомъ, такъ какъ тамъ большая часть крестьянскаго надѣла неминуемо состояла изъ лѣсныхъ площадей. Въ тѣхъ же помѣстьяхъ, гдѣ существующій крестьянскій надѣлъ не достигалъ высшаго размѣра, помѣщикъ могъ навсегда избавиться отъ лѣсного сервитута отведеніемъ крестьянамъ изъ лѣсныхъ угодій помѣстья въ пользованіе за повинность всего недостающаго до высшаго размѣра количества земли.

Въ результатѣ Редакціоннымъ Комиссіямъ удалось въ великороссійскомъ и малороссійскомъ положеніяхъ снять съ помѣщика и его занадѣльной земли всѣ лежавшіе на нихъ и очень тяжелые послѣ окончательнаго раздѣла земель кондоминіума сервитуты и обратить дворянскія земли помѣстья въ полную личную земельную собственность дворянъ-помѣщиковъ.

Когда въ общемъ собраніи 15 іюля докладъ по этому предмету возбудилъ оживленные споры, то М. П. Позенъ, со свойственной ему тонкостью ума, сообразилъ, что и въ сплотившемся мнѣніи большинства Комиссій можетъ найтись Ахиллесова пята, и что, хотя вопросъ о лѣсныхъ сервитутахъ по существу своему интересовалъ его очень мало, такъ какъ Полтавская губернія была отнесена къ числу малолѣсныхъ, и въ ней никакихъ лѣсныхъ сервитутовъ на помѣщиковъ наложить и не предполагалось, все же ему слѣдуетъ явиться адвокатомъ противъ лѣсного довольствія крестьянъ, для того, чтобы постепенно сдѣлаться лидеромъ оппозиціи противъ докладовъ Комиссій.

Послѣ долгихъ споровъ Позену и другимъ лицамъ, бывшимъ въ постоянномъ разногласіи съ большинствомъ Комиссій, сплотившимся въ хозяйственномъ отдѣленіи, удалось произвести полное разногласіе по разсматриваемому въ средѣ общаго собранія вопросу; мнѣ же, по обычному уполномочію предсѣдателя, пришлось поставить на баллотировку вопросъ, возбудившій разногласіе, въ слѣдующей формѣ: слѣдуетъ ли, или не слѣдуетъ признать установленное хозяйственнымъ отдѣленіемъ *раздѣленіе Россіи на три полосы* для опредѣленія правъ на дровяное снабженіе?

За предложеніе доклада хозяйственнаго отдѣленія, вмѣстѣ съ докладчикомъ, княземъ В. А. Черкасскимъ, вотировало 13 голосовъ [1]), а противъ него, вмѣстѣ съ М. П. Позеномъ, 12 [2]). Предсѣдатель, подписывавшійся послѣ всѣхъ, замѣтивъ, что при такомъ разногласіи, достигнутомъ, благодаря искусству Позена, голосъ его будетъ имѣть рѣшающее значеніе, отказался подписать баллотировочный листокъ, предлагая членамъ Комиссій придти путемъ компро-

---

[1]) Докладчикъ кн. Черкасскій, Самаринъ, Милютинъ, Арапетовъ, Булгаковъ, Галаганъ, кн. Голицынъ, Жуковскій, Ламанскій, Павловъ, Н. Семеновъ, П. Семеновъ и Тарновскій.

[2]) Позенъ, Апраксинъ, Булыгинъ, Желтухинъ, Желѣзновъ, Кристофари, Татариновъ и изъ лицъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ большинству,—Бунге, Домонтовичъ, Калачовъ, Любощинскій и Соловьевъ.

миссіи къ какому-нибудь соглашенію. Въ виду того, что разсматриваемый вопросъ объ установленіи лѣсныхъ сервитутовъ въ великороссійскихъ губерніяхъ грозилъ привести Редакціонныя Комиссіи къ полному раздору, Н. А. Милютинъ вынужденъ былъ предложить, чтобы разрѣшеніе этого вопроса было отложено до прибытія депутатовъ, что и было принято единогласно.

Во всякомъ случаѣ все это привело Позена къ убѣжденію, что и въ другихъ вопросахъ оппозиція противъ большинства Комиссій можетъ одерживать побѣды, и что самая выгодная для него роль состоитъ въ томъ, чтобы, сдѣлавшись лидеромъ оппозиціи, возникающей въ средѣ Комиссій, и получивъ такое же вліяніе въ средѣ созываемыхъ депутатовъ, сокрушить весь вырабатывающійся законопроектъ Редакціонныхъ Комиссій, при чемъ замѣнить его своимъ собственнымъ контръ-проектомъ, который, будучи искусно составленъ, угождалъ бы всѣмъ тѣмъ сильнымъ міра сего, на поддержку которыхъ Позенъ разсчитывалъ для осуществленія своихъ личныхъ цѣлей.

Въ засѣданіи общаго присутствія 18 іюля разсматривался докладъ хозяйственнаго отдѣленія (№ 5) „объ основаніяхъ и способахъ опредѣленія повинностей“, составленный Ю. Ѳ. Самаринымъ и мною, и такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ только принципіальное разрѣшеніе этого вопроса, то не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій со стороны общаго собранія, отложенныхъ членами до разсмотрѣнія доклада о размѣрѣ повинностей.

Въ засѣданіи 22 іюля былъ разсмотрѣнъ докладъ хозяйственнаго отдѣленія (№ 6) „объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ земель“, составленный княземъ Черкасскимъ. Въ немъ всѣ усилія тонкаго ума князя Черкасскаго и другихъ членовъ-экспертовъ были приложены къ тому, чтобы предупредить столь вредную какъ для помѣщичьихъ, такъ и для крестьянскихъ хозяйствъ черезполосицу, существовавшую при крѣпостномъ правѣ, но долженствовавшую быть устраненною при предстоящихъ отношеніяхъ свободныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, гдѣ каждая изъ разграничиваемыхъ между собою по землепользованію и землевладѣнію сторонъ должна была, въ предупрежденіе всякихъ столкновеній, знать навсегда, „что̀ мое и что̀ твое“.

Предотвращеніе черезполосицы легко могло быть достигнуто, по докладу отдѣленія, благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ происходило самое разрѣшеніе вопроса о крестьянскихъ надѣлахъ.

Такъ какъ надѣлы въ предѣлахъ максимума и минимума были оставлены существующіе, то они на первое время и остались на своихъ мѣстахъ. Спора же о томъ, что входило въ ихъ составъ, не могло быть никакого, такъ какъ крестьяне прекрасно знали какъ размѣры своихъ надѣловъ, такъ и мѣста ихъ нахожденія, а въ рѣдкихъ случаяхъ уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ (превышающихъ установленный для мѣстности maximum) помѣщикъ не отрѣзывалъ и не долженъ былъ отрѣзывать ни пяди земли изъ ихъ пашенъ или изъ черты ихъ селенія, т.-е. ихъ усадебной осѣдлости.

Но такъ какъ надѣлы крестьянамъ при крѣпостномъ правѣ отводились помѣщикомъ изъ его запольныхъ, т.-е. дальнихъ отъ селенія земель, то они въ большей части случаевъ находились въ черезполосицѣ съ помѣщичьими полями и другими угодьями и почти никогда не были пріурочены къ крестьянскимъ усадьбамъ; кромѣ того, такъ какъ помѣщикъ при раздѣленіи помѣстья на крестьянскія надѣльныя земли и земли, находящіяся въ его полной собственности, былъ самъ чрезвычайно заинтересованъ въ томъ, чтобы при этомъ раздѣлѣ не быть въ черезполосицѣ съ бывшими своими крестьянами, то не было никакой причины не допускать полнаго разверстанія угодій по его требованію и указанію, ограждая при этомъ крестьянъ только немногими необходимыми условіями, какъ, напримѣръ: чтобы отводимыя крестьянамъ земли были не хуже качествомъ, чѣмъ прежнія ихъ пахотныя земли, чтобы отъ крестьянъ не отходили унавоженныя ими поля и, наконецъ, чтобы крестьянскіе надѣлы были по возможности пріурочены къ крестьянскимъ селеніямъ. Въ случаѣ невозможности соблюденія этихъ условій, крестьянамъ за отошедшую отъ нихъ при обмѣнѣ угодій десятину земли лучшаго качества давалось большее количество земли, по добровольному соглашенію, достигнутому утверждающими уставную грамоту мировыми посредниками. Въ рѣдкихъ же случаяхъ, указанныхъ закономъ, допускалось и перенесеніе крестьянскихъ усадебъ, но не иначе, какъ на удобныя мѣста на счетъ помѣщиковъ и съ вознагражденіемъ крестьянъ за убытки, ими при этомъ понесенные; само собою разумѣлось, что огражденіе интересовъ крестьянъ, такъ же, какъ и все приведеніе въ исполненіе закона объ освобожденіи крестьянъ, передавалось въ руки мировыхъ посредниковъ, назначаемыхъ изъ тѣхъ же мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ.

Послѣдствія показали, что въ эти мировые посредники такъ называемаго перваго призыва пошли лучшіе люди русской земли, при чемъ съ самыхъ первыхъ дней своей дѣятельности они все-таки были еще готовы наклонять вѣсы правосудія въ пользу интересовъ своего сословія; впрочемъ, ознакомившись очень скоро съ Положеніемъ 19 февраля 1861 г. и убѣдившись, что, ограждая, согласно волѣ Царя-Освободителя, истинные и хорошо понятые интересы помѣщиковъ, оно въ то же время дѣйствительно улучшаетъ бытъ крестьянъ, патриціи эти начали дѣйствовать уже совершенно безпристрастно и стали трибунами плебеевъ, т.-е. освобожденнаго русскаго народа, призвавшаго, согласно словамъ Царя-Освободителя, „Божіе благословеніе на свой свободный трудъ“.

Въ засѣданіи общаго присутствія 22 іюля разсматривался докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 6 „объ отводѣ надѣла и обмѣнѣ угодій“. Докладъ этотъ въ сущности не далъ никакого повода къ существеннымъ разномысліямъ въ средѣ Коммиссіи, такъ какъ онъ весь былъ направленъ къ разверстанію въ каждомъ помѣстьи земель помѣщичьихъ отъ крестьянскихъ, въ интересахъ преимущественно самихъ помѣщиковъ, но съ полнымъ соблюденіемъ интересовъ обѣихъ сторонъ. Какъ бы то ни было, въ засѣданіи 22 іюля разразилось, наконецъ, долго готовившееся столкновеніе между большинствомъ хозяйственнаго отдѣленія и его оппозиціей въ средѣ общаго присутствія, и въ частности между Милютинымъ и Позеномъ, который въ теченіе іюня и въ началѣ іюля еще надѣялся собрать около себя оппозицію и захватить руководство ею въ свои руки, но, убѣдившись, что это ему не удастся, рѣшился вывести всю борьбу съ большинствомъ Коммиссіи за ея предѣлы, стараясь всѣми силами дискредитировать ея дѣятельность въ высшихъ сферахъ и по возможности въ глазахъ Государя [1]).

[1]) Между тѣмъ самые віятельные члены большинства Коммиссіи — Милютинъ, князь Черкасскій и Самаринъ находили себѣ сильную опору во дворцахъ Великой Княгини Елены Павловны и Великаго Князя Константина Николаевича. Меня Великій Князь также зналъ давно по Географическому Обществу, а Великая Княгиня, какъ высокая покровительница наукъ, познакомилась со мною вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ путешествія въ Тянь-Шанъ и по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ изъ-за границы осенью 1858 г., постоянно приглашала меня на свои вечера, получившіе прозваніе „морганатическихъ“, потому что они давались подъ фирмою ея старой гофмейстерины, княжны Львовой; ближайшею же помощницей Великой Княгини во всѣхъ ея сношеніяхъ съ выдающимися дѣятелями по освобожденію крестьянъ была замѣчательная по своему обширному уму и высокимъ нравственнымъ качествамъ баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ.

Слухи о томъ, что замышлялось нашими противниками въ высшихъ сферахъ, конечно, доходили до Милютина, лихорадочно слѣдившаго за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось въ Россіи по крестьянскому дѣлу, — и притомъ доходили ранѣе, чѣмъ они могли дойти до самого Государя, а слѣдовательно, и до Ростовцова. Это вызывало Милютина на отважную борьбу съ оппозиціей, пока она еще не приняла опредѣленной формы, необходимой для того, чтобы дойти до Государя.

Между тѣмъ въ концѣ іюля насталъ для насъ рѣшительный моментъ. Всѣ работы Комиссій по существу дѣла приходили къ окончанію, и ожидался уже пріѣздъ первой половины депутатовъ губернскихъ комитетовъ, такъ какъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣно было вызвать этихъ депутатовъ въ два пріема; это было сдѣлано въ виду того, что работы многихъ губернскихъ комитетовъ еще не были окончены и не были представлены министру, а слѣдовательно, и въ Редакціонныя Комиссіи. На этихъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ цѣлой половины Россіи была возложена вся надежда оппозиціи высшихъ сферъ, которая при ихъ посредствѣ надѣялась сокрушить все, что было выработано Комиссіями и что такъ не нравилось противникамъ земельнаго освобожденія крестьянъ. Позенъ, какъ членъ Редакціонныхъ Комиссій, близко знакомый съ направленіемъ ихъ работъ, и какъ одинъ изъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, былъ самымъ удобнымъ посредникомъ между этой столичною оппозиціей и вызываемыми депутатами. Видя свой неуспѣхъ въ средѣ Редакціонныхъ Комиссій, онъ, конечно, охотно взялся за эту роль, въ увѣренности, что она приведетъ его вѣрнѣе всего къ достиженію

Конечно, намъ, сдѣлавшимся близкими ко дворцу Великой Княгини, было извѣстно все, что происходило въ высшихъ сферахъ по отношенію къ жгучему въ то время крестьянскому вопросу. Со своей стороны, председатель Комиссій Я. И. Ростовцовъ, который намѣренно держался въ сторонѣ отъ высшихъ сферъ и не принадлежалъ ни къ какому политическому кружку или партіи, хорошо зналъ все, что, благодаря происходившей оппозиціи, накоплялось въ этихъ сферахъ противъ направленія, которому мы слѣдовали неуклонно въ нашихъ работахъ по дѣлу освобожденія крестьянъ, и что доходило окольными путями и до Престола. Государь, по полученіи какихъ бы то ни было записокъ, адресовъ и представленій, отсылалъ ихъ немедленно Я. И. Ростовцову и въ тотъ же день получалъ отъ него самыя правдивыя, несложныя и чистосердечныя разъясненія по каждому возбуждаемому вопросу; разъясненія эти укрѣпляли полное довѣріе Государя къ нему не только ихъ простотой и правдивостью, но и сквозившимъ въ нихъ полнымъ знаніемъ дѣла.

ямъ честолюбивыхъ его цѣлей; онъ отдался весь служенію враждебной Редакціоннымъ Комиссіямъ и ихъ предсѣдателю партіи, не стѣсняясь уже въ средствахъ, нужныхъ ему для того, чтобы представить все направленіе работъ Комиссій въ самомъ невыгодномъ для успѣха великаго дѣла свѣтѣ.

Милютинъ, при страстности своего характера, при своей безкорыстной и безпредѣльной преданности великой идеѣ земельнаго освобожденія крестьянъ и ясномъ пониманіи тѣхъ бѣдствій, къ которымъ можетъ привести Россію неправильное разрѣшеніе возникшаго аграрнаго вопроса, пошелъ на предстоящую намъ всѣмъ борьбу съ врагами земельнаго освобожденія крестьянъ прямо и открыто.

Долго готовившееся и накипѣвшее столкновеніе обѣихъ сторонъ произошло, какъ я уже сказалъ, по самому ничтожному поводу. Въ засѣданіи 22 іюля, между прочимъ, обсуждался вопросъ о принадлежности помѣщикамъ права на богатства въ нѣдрахъ земли, заключавшіяся въ предѣлахъ крестьянскихъ надѣловъ до ихъ выкупа въ собственность крестьянскимъ обществомъ. Редакціонныя Комиссіи единогласно признали, что крестьяне до выкупа своихъ земель не имѣютъ права добывать въ нихъ какихъ бы то ни было минеральныхъ богатствъ, а помѣщикамъ должно быть предоставлено пользоваться этимъ правомъ въ предѣлахъ всего помѣстья, вымѣнивая у крестьянъ земли, въ которыхъ обнаружатся подземныя богатства, на другія способныя для культуры земли, съ вознагражденіемъ крестьянъ за убытки, при обмѣнѣ ихъ земель понесенные. Исключеніе изъ этихъ подземныхъ богатствъ составляли лишь песокъ и простая глина, добыча которыхъ крестьянамъ въ предѣлахъ изъ земельныхъ надѣловъ разрѣшалась безпрепятственно.

При обсужденіи этого въ сущности ничтожнаго вопроса произошло даже между членами большинства Комиссій нѣкоторое разномысліе, которымъ Позенъ по своему обыкновенію воспользовался для того, чтобы бросить Комиссіямъ совершенно незаслуженный укоръ въ томъ, что онѣ въ своихъ работахъ не принимаютъ во вниманіе мнѣній, выраженныхъ губернскими комитетами; упрекъ этотъ былъ совершенно несправедливъ, потому что составленіе самаго подробнаго и обстоятельнаго свода мнѣній губернскихъ комитетовъ, приводимаго уже въ то время къ концу, составляло по быстротѣ и мастерской разработкѣ одинъ изъ подвиговъ Комиссій. Каждый

докладъ отдѣленія, по заведенному нами порядку, мы начинали съ самаго обстоятельнаго изложенія мнѣній губернскихъ комитетовъ по данному предмету и затѣмъ уже переходили на почву обсужденія вопроса по существу. Милютинъ, со свойственной ему страстностью, поднялъ перчатку, брошенную всѣмъ намъ Позеномъ, и высказалъ передъ Коммиссіями приблизительно слѣдующее.

На членовъ хозяйственнаго отдѣленія Коммиссій въ послѣднее время, и въ особенности за стѣнами Коммиссій, возводятъ обвиненіе въ томъ, что мы не достаточно принимаемъ въ нашихъ работахъ во вниманіе мнѣнія губернскихъ комитетовъ. Это обвиненіе несправедливо: наши доклады доказываютъ совершенно противоположное. Но мы, конечно, не можемъ руководствоваться всѣми мнѣніями, которыя высказываютъ большинства комитетовъ; мы должны для пользы самаго дѣла принимать высказанныя въ средѣ комитетовъ мнѣнія съ большимъ разборомъ и не можемъ ограничиваться счетомъ голосовъ, поданныхъ въ комитетахъ въ пользу того или другого мнѣнія. Притомъ же мнѣнія, высказываемыя различными комитетами, часто противорѣчатъ одно другому, и нерѣдко въ нихъ встрѣчаются неправильныя показанія самыхъ фактовъ и цифръ, на которыхъ они основаны. Для двухъ сосѣднихъ уѣздовъ разныхъ губерній, состоящихъ въ совершенно одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, мы находимъ совершенно различные законопроекты и неминуемо должны сами дорабатываться до правильнаго разрѣшенія вопроса, а публика, посреди которой злоумышленники распространяютъ о насъ несправедливые и лживые слухи, охотно имъ вѣритъ, вѣритъ даже самымъ поразительно нелѣпымъ и нелѣпымъ отзывамъ о томъ, что мы стремимся къ ниспроверженію существующихъ порядковъ и къ кровавой революціи. Всѣ подобные наговоры парализуютъ нашу дѣятельность: они, несмотря даже на полную гласность нашихъ предположеній, вредятъ правильному ихъ пониманію въ высшихъ сферахъ. Противъ такого способа дѣйствій внѣ стѣнъ Коммиссій онъ, Милютинъ, заявляетъ свой протестъ въ общемъ присутствіи отъ имени всѣхъ отдѣленій.

Позенъ въ большомъ раздраженіи заявилъ Милютину, что онъ знаетъ, что все, сказанное Милютинымъ, было сказано на его счетъ, и обвинилъ общее присутствіе въ томъ, что въ немъ дѣлается все, что захочетъ хозяйственное отдѣленіе. Предсѣдатель, сильно взволнованный происшедшимъ столкновеніемъ, сохранилъ, однакоже, мол-

чаніе во время самыхъ колкихъ объясненій; онъ поспѣшилъ, впрочемъ, предложить общему собранію возвратиться къ „вопросу о глинѣ“, не заслуживающему дальнѣйшихъ споровъ. Согласно предложенію предсѣдателя, я формулировалъ подлежащее баллотировкѣ разногласіе слѣдующимъ образомъ: принимается ли примѣчаніе доклада хозяйственнаго отдѣленія о томъ, что цѣнными ископаемыми не признаются торфъ, простая глина, песокъ и простой камень? Примѣчаніе хозяйственнаго отдѣленія было принято 16 голосами противъ 7. Позенъ коварно расписался съ большинствомъ Комиссій. Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ, но онъ произвелъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, и для всѣхъ выяснилось, что намъ предстоитъ еще ожесточенная борьба со сплотившеюся подъ вліяніемъ внутренней оппозиціи возрастающею внѣшнею и что борьба эта отлагается только до прибытія депутатовъ перваго призыва отъ губернскихъ комитетовъ.

Поэтому въ засѣданіи общаго присутствія 29 іюля, когда разсматривался докладъ хозяйственнаго отдѣленія (№ 7) „о перенесеніи усадебъ“, въ которомъ предоставлялось помѣщику право въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ переносить крестьянскія усадьбы, съ огражденіемъ въ этихъ случаяхъ справедливыхъ интересовъ крестьянъ, то члены, стоявшіе въ болѣе или менѣе постоянной оппозиціи противъ большинства (Позенъ, Апраксинъ, Желтухинъ и отчасти Желѣзновъ), заявили, что они подадутъ свое особое мнѣніе.

Въ засѣданіи общаго присутствія 12 августа разсматривался составленный княземъ Черкасскимъ докладъ хозяйственнаго отдѣленія (№ 8) „о правѣ пользованія крестьянъ отводимымъ имъ надѣломъ“; первая и основная статья заключенія хозяйственнаго отдѣленія была выражена въ этомъ докладѣ очень отчетливо слѣдующимъ образомъ: право крестьянскихъ обществъ и крестьянъ на пользованіе за повинности всѣми землями утвержденнаго за ними надѣла есть право постоянное и безсрочное; оно прекращается только съ прекращеніемъ для самыхъ обществъ или крестьянъ срочно-обязаннаго состоянія.

Противъ этой статьи Позенъ возразилъ, что само правительство, давая губернскимъ комитетамъ программу (составленную Позеномъ), намѣревалось обезпечить крестьянъ землею за опредѣленныя повинности только на 12-лѣтній (переходный) періодъ, и что въ теченіе этого періода крестьянамъ предоставлялось право на выкупъ

только своей усадебной осѣдлости; что же касается полевой земли, то по истеченіи 12-лѣтняго періода она, какъ неотъемлемая собственность помѣщика, должна возвратиться въ его свободное распоряженіе и можетъ быть имъ отдаваема въ пользованіе крестьянъ и на выкупъ только по его усмотрѣнію, вслѣдствіе чего право крестьянъ на пользованіе отведенными имъ на переходное время надѣлами не можетъ быть ни постояннымъ, ни безсрочнымъ.

Противъ уже совершенно открыто высказаннаго Позеномъ мнѣнія особенно горячо говорили Милютинъ, князь Черкасскій, Соловьевъ, я и Жуковскій. Къ счастію, мнѣніе Позена не нашло поддержки ни въ одномъ изъ 25 членовъ собранія. Не встрѣтило оно поддержки и со стороны присутствовавшихъ въ этомъ собраніи первоначальныхъ оппозиціонныхъ членовъ Комиссій, графа Шувалова и князя Паскевича, изъ которыхъ первый, съ характерными для него честностью и устойчивостью въ своихъ убѣжденіяхъ, признавалъ за крестьянами „эмфитевтическое", по его выраженію, право безсрочнаго или вѣчнаго пользованія отведеннымъ имъ надѣломъ. Поэтому мнѣніе Позена, какъ не поддержанное ни однимъ изъ присутствовавшихъ членовъ Комиссій, и не было пущено на голоса.

Такъ какъ въ заключеніяхъ хозяйственнаго отдѣленія устанавливалось, что во время переходнаго 9-лѣтняго періода крестьяне не могли отказываться отъ принятія отведеннаго имъ (существующаго) надѣла, то многіе изъ членовъ общаго присутствія, и въ числѣ ихъ всѣ оппозиціонные члены, предложили, чтобы было дозволено по взаимному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами уменьшать надѣлъ, съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ повинности, не ниже minimum'а. Предложеніе это было отвергнуто большинствомъ только 13 членовъ противъ 11. По истеченіи же 9-лѣтняго срока само хозяйственное отдѣленіе допускало право для крестьянскихъ обществъ въ цѣломъ своемъ составѣ отказываться отъ безсрочнаго пользованія всѣмъ своимъ надѣломъ, но противъ этого было подано особое мнѣніе 4 членовъ (Жуковскаго, Домонтовича, Заблоцкаго-Десятовскаго и Любощинскаго). Всѣ остальныя заключенія доклада были приняты единогласно.

Въ засѣданіи 13 августа былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ 9-ый докладъ хозяйственнаго отдѣленія „объ общихъ свойствахъ повинностей, опредѣленіи хозяйственной единицы, служащей для ихъ

исчисленія, и способѣ ихъ разверстанія", составленный Ю. Ѳ. Самаринымъ и мною.

Заключенія отдѣленія по этому докладу были изложены въ слѣдующемъ видѣ:

1) Повинность, отбываемая крестьянами за отводимую имъ землю, устанавливается безсрочно и опредѣляется рабочими днями или деньгами въ размѣрѣ неизмѣнномъ, независимо отъ возвышенія или пониженія въ будущемъ цѣнности земли и добываемыхъ изъ нея продуктовъ.

Въ общемъ присутствіи возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи этой статьи заключеній: о предоставленіи полной возможности обратить эту не подлежащую измѣненію повинность въ капиталъ и предоставить помѣщику требовать отъ правительства выдачи ему полной выкупной суммы на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ будутъ утверждаться выкупы по взаимному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками. Весь возбужденный вопросъ, встрѣтившій большое сочувствіе Комиссій, былъ переданъ въ финансовую комиссію.

Противъ неизмѣнности повинностей возражалъ главнымъ образомъ А. Н. Татариновъ, а мы, докладчики, со своей стороны, представили общему присутствію слѣдующія соображенія. Разъ Комиссіи признали право крестьянъ на пользованіе укрѣпленными за ними надѣлами постояннымъ и вѣчнымъ, то за исходную точку при опредѣленіи повинностей за находившіяся издавна въ пользованіи крестьянъ земли должно признать существующій фактъ, т.-е. количество оброка или работы, которыми до того времени крестьяне были обложены за пользованіе землями. Количество это вовсе не соразмѣрялось ни съ качествомъ, ни съ цѣнностью земли, а зависѣло преимущественно отъ платежной и рабочей способности крестьянъ и вообще отъ ихъ состоятельности и отъ требовательности помѣщика; вслѣдствіе этого и при крѣпостномъ правѣ правительство стремилось регулировать крестьянскія повинности, какъ это доказываетъ законъ о трехдневной барщинѣ и, еще болѣе, введеніе инвентарей въ помѣстьяхъ Западнаго края.

При освобожденіи же крестьянъ и установленіи навсегда прочныхъ отношеній между ними и помѣщиками, правительству, конечно, предстоитъ урегулировать крестьянскія повинности установленіемъ тѣхъ высшихъ нормъ оброковъ, далѣе которыхъ они идти не могутъ, и которыя должны соотвѣтствовать высшему размѣру надѣла,

и уменьшать на опредѣленномъ закономъ основаніи эти размѣры въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ надѣлы не достигаютъ высшей нормы. Но при этомъ не было никакой практической возможности привести повинности въ соотвѣтствіе съ качествомъ и цѣнностью земли, да и такое приведеніе совершенно нарушило бы существующій фактъ, по которому повинности крестьянъ не находились ни въ какомъ соотвѣтствіи съ цѣнностью земли; кромѣ того, обложена была повинностью собственно не земля, никогда не выходившая изъ пользованія крестьянъ, а ихъ трудъ, какъ земледѣльческій, такъ и промысловый. Урегулированная правительствомъ норма, т.-е. облегченная тамъ, гдѣ она представляется чрезмѣрною, непосильною для крестьянъ или превышающею обычные взимаемые большинствомъ помѣщиковъ размѣры, эта повинность переводится на денежную норму, которая признается навсегда неизмѣнною. Капитализація этихъ нормъ и составляетъ вознагражденіе не только за ту землю, которая навсегда отходитъ къ освобожденнымъ крестьянамъ, но и за тѣ повинности или доходы, которые получали помѣщики съ рабочей силы, связанной крѣпостнымъ правомъ съ землею помѣстій. Разъ регулированную и облегченную для улучшенія быта крестьянъ, но все-таки находящуюся въ соотвѣтствіи съ существующимъ фактомъ норму денежной повинности слѣдуетъ признать неизмѣнною и не подлежащею всегда невыгодной для той или другой стороны переоброчкѣ (которая ни въ какомъ случаѣ на практикѣ не можетъ быть приведена въ соотвѣтствіе съ цѣнностью и доходностью земли),—конечная развязка дѣла путемъ выкупа крестьянами при помощи правительства ихъ надѣловъ можетъ быть безпрепятственно достигнута, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ владѣльцу будетъ выгоднѣе получить сразу капитализацію навсегда неизмѣнной повинности, чѣмъ тянуть, безо всякой для него пользы въ будущемъ, обязательныя къ нему отношенія крестьянъ, оставаясь почти только номинальнымъ собственникомъ земли, состоящей въ постоянномъ и безсрочномъ пользованіи крестьянъ за неизмѣнныя повинности.

Спорный вопросъ о неизмѣнности повинности былъ пущенъ предсѣдателемъ на голоса. Вопросъ былъ формулированъ мною такъ. Съ одной стороны листа я написалъ: „признающіе неизмѣнность повинности съ (основаннымъ на ней) выкупомъ крестьянами земли“, а съ другой стороны: „допускающіе переоцѣнку оброка на основаніи хлѣбной ренты или инымъ способомъ“.

За первое мнѣніе подали свой голосъ 18 членовъ, а за второе только 3: Татариновъ, такъ какъ это было уже заявленное имъ заранѣе мнѣніе, Апраксинъ и князь Паскевичъ. Графъ Шуваловъ воздержался отъ подачи своего голоса, а Позена въ этомъ засѣданіи не было.

Вторая статья заключеній была формулирована слѣдующимъ образомъ:

2) Высшая повинность, установленная за высшій надѣлъ, опредѣленный для каждой мѣстности, разлагается на десятины, причитающіяся на ревизскую душу, не равномѣрно, а въ убывающей прогрессіи, начиная съ первой десятины. Первая десятина облагается повсемѣстно въ 3 р. 50 коп (если будетъ принятъ высшій размѣръ оброка въ 8 руб.), или въ 4 руб. (если будетъ принятъ высшій размѣръ оброка въ 9 руб., что и было окончательно установлено впослѣдствіи, по настоянію депутатовъ губернскихъ комитетовъ), или же соотвѣтственнымъ этимъ суммамъ количествомъ рабочихъ дней. Въ той полосѣ, въ которой уже существуетъ постоянное искусственное удобреніе крестьянскихъ полей, вторая десятина облагается ниже первой, но выше остальныхъ. Въ полосѣ, гдѣ удобреніе вовсе не производится или оно встрѣчается только какъ исключеніе, всѣ десятины, начиная со второй, облагаются повинностью поровну.

Когда эта статья заключеній встрѣтила возраженіе графа Шувалова, то я привелъ въ ея пользу слѣдующія соображенія. При уменьшеніи повинности въ помѣстьяхъ, гдѣ по малоземелью (особливо въ густо заселенныхъ промышленныхъ мѣстностяхъ) надѣлъ не достигаетъ своего maximum'а, повинность не можетъ быть опредѣлена прямо-пропорціонально количеству десятинъ существующаго надѣла. Если бы, напримѣръ, за высшій надѣлъ въ 4 дес. на душу была опредѣлена повинность въ 8 р., то нельзя же было бы при одной десятинѣ надѣла опредѣлить оброкъ всего только въ 2 руб., такъ какъ въ этой одной десятинѣ находится усадьба, со владѣніемъ которой сопряжены всѣ выгоды помѣстья, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ многоземельномъ имѣніи три десятины лишней плохой запольной земли, часто даже не способной къ земледѣльческой обработкѣ, конечно, не учетверяютъ дохода этихъ крестьянъ. Но если не прямо-пропорціональное, а градаціонное уменьшеніе повинности представляется болѣе справедливымъ по отношенію къ интересамъ

помѣщиковъ, особливо промысловыхъ и малоземельныхъ помѣстій, въ пользу которыхъ оно и было придумано губернскими комитетами, и если оно дастъ возможность меньше понижать размѣръ существующихъ оброковъ, которые во всякомъ случаѣ повышены быть не могутъ, то и по отношенію къ крестьянамъ предлагаемая система имѣетъ ту большую выгоду, что она вполнѣ устраняетъ отдѣльный выкупъ крестьянскихъ усадебъ (поглощаемый болѣе выгодною оцѣнкой первой десятины надѣла); этотъ выкупъ при той обстановкѣ, какая ему дана правительственною программой, могъ бы обратиться въ выкупъ личности и привести къ обезземеленію крестьянъ, что̀, истощивъ всѣ ихъ наличныя средства, отодвинуло бы на второй планъ и отсрочило бы на долгое время выкупъ земельныхъ (полевыхъ) надѣловъ.

Въ устраненіе разномыслія по этому важному дѣлу были поставлены на баллотировку два вопроса:

принимается ли правило градаціи повинности? и

принимаются ли предложенныя цифры градаціи?

Первый вопросъ принятъ большинствомъ 15 голосовъ противъ 3, второй—большинствомъ 14 противъ 4.

Затѣмъ въ одномъ изъ заключеній доклада предлагалось усвоенное нами уже съ самаго начала нашихъ работъ въ хозяйственномъ отдѣленіи правило, по нашему мнѣнію необходимое для достиженія одной изъ главныхъ цѣлей, поставленныхъ Царемъ-Освободителемъ, а именно, чтобы сумма повинностей, донынѣ взимавшаяся съ крестьянъ, по распоряженію помѣщика не могла быть ни въ какомъ случаѣ увеличена при введеніи новаго Положенія, хотя бы она и была ниже установленной нашимъ законопроектомъ.

Противъ этого предложенія возражалъ Татариновъ, а поддерживали его Самаринъ и Соловьевъ. На голоса это разномысліе, впрочемъ, пущено не было, потому что сами члены хозяйственнаго отдѣленія, подписавшіе докладъ, не отказываясь отъ своихъ убѣжденій въ необходимости такого правила, считали полезнымъ отложить его принятіе до объясненія съ депутатами губернскихъ комитетовъ въ виду того, что преждевременное оглашеніе подобнаго предположенія могло бы вызвать увеличеніе оброковъ до обнародованія Положенія объ освобожденіи крестьянъ [1]). Правило о неувеличеніи

[1]) Подобное предложеніе объ увеличеніи оброка въ имѣніи графа Шереметева было сдѣлано ему его управляющимъ какъ разъ въ это время. Графъ

размѣровъ существующихъ оброковъ было все-таки принято впослѣдствіи, по обнародованіи Положенія.

Мы особенно торопились съ окончаніемъ всѣхъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія къ пріѣзду депутатовъ перваго призыва, т.-е. къ началу сентября 1859 г., тѣмъ болѣе, что одинъ изъ трехъ главныхъ создателей Положенія объ освобожденіи крестьянъ, нашъ „рыцарь безъ страха и упрека“ Ю. Ѳ. Самаринъ такъ заработался, что его пришлось отвезти на отдыхъ въ Москву, и на меня поэтому было возложено составленіе, при помощи Домонтовича, послѣднихъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія, а именно № 10 „о различныхъ родахъ повинностей, ихъ отношеніяхъ и условіяхъ перехода съ одной на другую“, и № 11 „объ обезпеченіи исправнаго поступленія повинностей въ пользу помѣщика“. Эти два доклада, не встрѣтившіе особыхъ возраженій въ общемъ присутствіи, были утверждены въ его засѣданіяхъ 15 и 17 августа.

Затѣмъ Самаринъ, къ счастью, очень быстро справившійся со своей нервной болѣзнью, вернулся въ засѣданіе общаго присутствія къ разсмотрѣнію доклада хозяйственнаго отдѣленія № 12 „о видахъ натуральной повинности и о способахъ ея отправленія“, составленнаго за его болѣзнью Г. П. Галаганомъ (такъ какъ докладъ этотъ, между прочимъ, касался малороссійской формы натуральныхъ повинностей конныхъ и пѣшихъ дней), К. П. Домонтовичемъ и мною. Изъ заключеній отдѣленія только два встрѣтили нѣкоторыя возраженія въ общемъ присутствіи и были пущены на голоса. Первое разномысліе при формулированіи мною вопроса было поставлено слѣдующимъ образомъ: должно ли (это относилось къ малороссійскимъ губерніямъ) быть предоставлено помѣщику брать конные дни по своему усмотрѣнію? или: должна ли быть (по моему предложенію) между конными и пѣшими днями установлена опредѣленная пропорція? За первое мнѣніе было подано 14 голосовъ, за второе—11.

Второе разномысліе касалось болѣе важнаго вопроса. Отдѣленіе предлагало (въ видѣ улучшенія быта крестьянъ), чтобы „изъ

великодушно отказался отъ него, говоря, что онъ желаетъ, согласно волѣ Государя, не ухудшенія, а улучшенія быта своихъ крестьянъ. Между тѣмъ предположенное управляющимъ 3-рублевое увеличеніе оброковъ съ ревизской души въ Шереметевскихъ помѣстьяхъ дало бы графу, по капитализаціи при выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, два милліона рублей слишкомъ противъ того, что имъ было впослѣдствіи получено.

всего количества рабочихъ дней, слѣдующихъ помѣщику отъ крестьянъ, каждое тягло обязано было сработать въ теченіе недѣли отнюдь не болѣе 2 дней мужскихъ и столько же женскихъ". Такимъ образомъ установленная закономъ трехдневная барщина, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, обращалась въ двухдневную. Нѣкоторые члены возражали противъ такого уменьшенія, находя, что при краткости періода обязанныхъ работъ не слѣдуетъ подрывать хозяйство помѣщика въ переходное время такимъ уменьшеніемъ, и соглашались только на немедленное уменьшеніе женской барщины до двухъ дней.

Вопросъ былъ пущенъ на голоса, и пониженіе трехдневной барщины на двухдневную было принято 17 голосами противъ 7. Замѣчательно, однакоже, что во второмъ періодѣ нашихъ занятій было рѣшено, въ видахъ уступки мнѣнію большей части депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, понизить только женскую барщину съ 3 дней на 2 и удержать мужскую безъ измѣненій.

Въ засѣданіи общаго присутствія 23 августа былъ утвержденъ докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 13 „о правѣ пользованія усадьбою до выкупа и о правѣ собственности на выкупленныя усадьбы", составленный П. П. Павловымъ. Хозяйственное отдѣленіе не приписывало особеннаго значенія этому докладу, такъ какъ отдѣльный выкупъ усадебъ, столь вредный для крестьянъ и столь несимпатичный помѣщикамъ, мы уже считали совершенно устраненнымъ и могущимъ произойти, какъ это показали послѣдствія, въ очень рѣдкихъ и совершенно исключительныхъ случаяхъ. Докладъ не возбудилъ никакихъ разномыслій и былъ утвержденъ съ самыми ничтожными поправками.

Самымъ же интереснымъ въ засѣданіи 23 августа было заявленіе предсѣдателя (Я. И. Ростовцова), что изъ 44 вызванныхъ въ Коммиссіи депутатовъ губернскихъ комитетовъ прибыли уже 32, и что хотя 12 еще не прибыли, но для выигрыша времени, которымъ такъ дорожилъ Ростовцовъ, онъ признаетъ полезнымъ начать занятія съ прибывшими, а потому и пригласилъ ихъ въ общее присутствіе на 25 августа.

Такимъ образомъ Редакціоннымъ Коммиссіямъ, благодаря единодушію большинства ихъ членовъ, удалось, послѣ упорной шестимѣсячной дневной и ночной работы, окончить вчернѣ (въ видѣ заключеній докладовъ отдѣленій) весь возложенный на нихъ законо-

проектъ объ освобожденіи крестьянъ. Весь же остальной годъ нашей дѣятельности намъ пришлось посвятить не столько сводкѣ и мелочной отдѣлкѣ не вполнѣ еще разработанныхъ частей законопроекта, сколько тяжелой борьбѣ съ противниками земельнаго освобожденія крестьянъ, на которую нашъ предсѣдатель отдалъ беззавѣтно и вполнѣ сознательно свою жизнь.

Главнымъ театромъ нашей дѣятельности во время нашихъ весеннихъ и лѣтнихъ работъ въ 1859 г. служила, съ одной стороны, палатка, устроенная Ростовцовымъ въ саду предоставленной ему для жительства собственной Его Императорскаго Величества дачи на Каменномъ островѣ, и съ другой, предоставленная Н. А. Милютину дача министра внутреннихъ дѣлъ на Аптекарскомъ островѣ [1]. Въ палаткѣ, устроенной Ростовцовымъ, мы собирались днемъ (3 раза въ недѣлю) отъ 12 до 5 ч. пополудни въ общее присутствіе всѣхъ Редакціонныхъ Коммиссій, а на дачѣ Милютина черезъ день по ночамъ отъ 9 до 3 и 4 часовъ ночи въ засѣданіяхъ нашихъ главныхъ рабочихъ коммиссій: хозяйственнаго, финансоваго и кодификаціоннаго отдѣленій. Когда же, послѣ безсонной ночи, проведенной въ дружественныхъ, но иногда страстныхъ спорахъ, мы выходили толпою въ прекрасный паркъ Аптекарскаго острова, сосѣдній съ министерскою дачей, то солнце уже всходило на горизонтѣ, и раздавалась звучная пѣсня соловья, предвѣщавшая свободу русскому народу...

Эти два главные пункта нашей дѣятельности занимали на планѣ Петербурга оба фокуса громаднаго эллипсиса, въ предѣлахъ котораго обитали всѣ 26 членовъ Редакціонныхъ Коммиссій. А на полпути между ними, въ самомъ центрѣ эллипсиса, посреди роскошнаго сада на берегу Малой Невы, находился дружественный намъ Каменноостровскій дворецъ Великой Княгини Елены Павловны, во флигелѣ котораго она пріютила самаго выдающагося изъ авторовъ нашего законопроекта, князя В. А. Черкасскаго.

Остальное свободное отъ нашихъ засѣданій время мы проводили днемъ поодиночкѣ или небольшими группами въ нашихъ рабочихъ кабинетахъ за составленіемъ нашихъ докладовъ общему присутствію, за добросовѣстнымъ изученіемъ работъ мѣстныхъ гу-

---

[1]) Эта прекрасная дача была, къ сожалѣнію, разрушена страшнымъ взрывомъ, направленнымъ противъ главнаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу слѣдующаго XX столѣтія.

бернскихъ комитетовъ и составленіемъ сводокъ изъ свѣдѣній, получаемыхъ нами изо всѣхъ мѣстностей Россіи, а ночью—въ типографіяхъ, наблюдая за наборомъ и печатаніемъ нашихъ работъ для внесенія ихъ въ общее присутствіе и разсылки во всѣ мѣстности имперіи.

ГЛАВА XIII.

Отношеніе правительства къ вызову депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ и составленіе для нихъ особой инструкціи министерствомъ внутр. дѣлъ съ Высочайшаго утвержденія. Отношеніе къ этому дѣлу председателя Редакціонныхъ Комиссій и пріемъ имъ депутатовъ.—Первый пріемъ депутатовъ перваго призыва въ общемъ присутствіи Комиссій 25 августа 1859 г. Крайнее неудовольствіе депутатовъ; составленіе ими проекта адреса Государю и представленіе Ему этого проекта черезъ посредство Ростовцова. Непринятіе этого адреса Государемъ и Его неудовольствіе, смягченное Ростовцовымъ. — Офиціальное представленіе Ростовцовымъ депутатовъ Государю 4 сентября и обѣдъ, данный имъ въ Царскомъ Селѣ, благополучно закончившій инцидентъ ихъ столкновенія съ правительственными учрежденіями. -Окончаніе работъ перваго періода Комиссій, заявленное председателемъ въ общемъ собраніи 5 сентября 1859 г. — Послѣдній инцидентъ столкновенія между большинствомъ Комиссій и оппозиціей, вызванный вліяніемъ М. Н. Позена, и удаленіе Позена Государемъ изъ состава Комиссій.

Правительство, какъ и самъ Императоръ Александръ II, не безъ основанія считало моментъ призыва депутатовъ губернскихъ комитетовъ рѣшительнымъ въ исторіи задуманной Государемъ великой реформы освобожденія крестьянъ. Правительству совершенно достовѣрно было извѣстно настроеніе помѣстнаго дворянства во всѣхъ губерніяхъ Россіи, которое уже достаточно ярко выразилось въ составленныхъ 47 дворянскими комитетами законопроектахъ (сверхъ коихъ еще не поступили проекты только изъ 12 губерній). Несомнѣнно было, что во всей Россіи только сравнительное меньшинство помѣщиковъ желало полнаго уничтоженія крѣпостного права и полнаго освобожденія крестьянъ безъ отобранія у нихъ той земли, которою они всегда пользовались и которая обезпечивала ихъ существованіе.

Большинство же дворянства, идя навстрѣчу желаніямъ Царя-Освободителя и принявъ на себя иниціативу въ дѣлѣ освобожденія

крестьянъ, дѣйствовало въ сознаніи, что разъ слово *освобожденіе* было произнесено въ рескриптахъ, обращенныхъ къ первымъ дворянствамъ, его предложившимъ, то оно уже безповоротно. Однакоже, пользуясь тѣмъ, что довѣріемъ Государя само дворянство было призвано къ составленію первоначальныхъ законопроектовъ по освобожденію крестьянъ, большинство членовъ комитетовъ старалось и надѣялось устроить это дѣло такъ, чтобы получить для себя при разрѣшеніи вопроса наибольшія сословныя или матеріальныя выгоды.

Тѣ, которые заботились о сословныхъ выгодахъ, старались не допускать совсѣмъ крестьянскаго землевладѣнія, а сохранить за дворянствомъ навсегда существовавшія привилегіи собственности надъ населенными землями (помѣстьями) и, не отрицая эмфитевтическаго права пользованія крестьянъ землями помѣстья за повинности, удержать за помѣщикомъ сильную патримоніальную власть надъ всѣмъ живущимъ въ помѣстьи населеніемъ. Но еще бо̀льшее число мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, не увлекаясь сохраненіемъ своихъ сословныхъ (патримоніальныхъ) правъ, стояло на болѣе практической почвѣ; руководствуясь уже исключительно своими матеріальными интересами и знаніемъ обычнаго права, они пришли къ убѣжденію, что выходъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости есть уже совершившійся фактъ, и что, такъ или иначе, земли помѣстья должны быть раздѣлены между помѣщиками и крестьянами, и стремились къ тому, чтобы этотъ раздѣлъ съ безправными крестьянами попалъ въ ихъ руки и львиная доля въ раздѣлѣ досталась имъ; притомъ, такъ какъ они во всякомъ случаѣ лишались дарового обязательнаго труда своихъ крестьянъ, то они старались, чтобы вознагражденіе за эту потерю, получаемое ими съ тѣхъ же крестьянъ черезъ посредство и содѣйствіе правительства, было какъ можно болѣе высокое.

При этихъ обстоятельствахъ верховной власти и правительству представлялись еще и другія затрудненія. Депутаты, избранные изъ разныхъ частей Россіи, были созываемы въ первый разъ послѣ земскихъ соборовъ XVII вѣка и Комиссіи Императрицы Екатерины II въ XVIII вѣкѣ. Они, конечно, не могли имѣть большого авторитета въ глазахъ правительства, такъ какъ были созваны по одному спеціальному вопросу и были представителями только одного сословія, т.-е. одной изъ заинтересованныхъ въ великомъ обновленіи Россіи сторонъ, интересы же другой, еще неправоспособной,

находились исключительно на попеченіи правительства. Кромѣ того, верховная власть не могла не имѣть опасенія, что все дворянство, представленное впервые въ столицѣ имперіи депутатами всѣхъ губерній, теряя свои права и свою власть надъ массами русскаго народа, пожелаетъ искать себѣ компенсаціи этой потери на счетъ верховной власти, путемъ ея ограниченія въ пользу сословія, которое оно изъ себя представляло. И такое стремленіе несомнѣнно существовало, если не въ помѣстномъ дворянствѣ губерній, то, во всякомъ случаѣ, въ сферѣ высшаго дворянства, стоявшаго близко къ престолу [1]).

Поэтому Императоръ Александръ II самостоятельно пришелъ къ убѣжденію въ необходимости сильнаго ограниченія опредѣленными рамками дѣятельности вызываемыхъ депутатовъ. По представленіи министромъ Ланскимъ по этому предмету предварительныхъ записокъ, Государь выразилъ ему свое желаніе, чтобы роль депутатовъ, какъ представителей только одного сословія, при разрѣшеніи крестьянскаго дѣла была опредѣлена съ такой точностью, которая устранила бы всякія недоразумѣнія и препятствія къ осуществленію видовъ правительства, въ общихъ чертахъ уже достаточно установившихся, такъ какъ самъ Государь постоянно слѣдилъ за ходомъ работъ въ Комиссіяхъ [2]). Еще въ іюнѣ по докладу, представленному Ланскимъ по соглашенію съ Ростовцовымъ, рѣшено было вызвать депутатовъ не всѣхъ разомъ, а въ двѣ очереди, и начертаніе инструкцій ихъ будущей дѣятельности было возложено на министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію его съ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій.

Проектъ такой инструкціи былъ составленъ Милютинымъ при

---

[1]) Существованіе этой идеи въ средѣ высшихъ дворянъ-сановниковъ, при свойственной русскимъ людямъ откровенности въ минуты ихъ увлеченій интересомъ разговора „по душѣ“, обнаруживалось неоднократно въ разговорахъ графа П. А. Шувалова со своими, завѣдомо ему хорошо извѣстными политическими противниками—Н. А. Милютинымъ (въ 1858 г.) и со мною—тогда (въ 1882 г.), когда онъ, по его собственному выраженію, былъ уже не у дѣлъ. П. А. Шуваловъ прямо говорилъ мнѣ, что онъ совершенно иначе относился бы къ составителямъ Положенія 19 февраля, если бы встрѣтилъ въ нихъ сочувствіе идеѣ высшаго дворянства искать себѣ компенсаціи въ потерѣ своихъ помѣстныхъ (патримоніальныхъ) правъ въ закономѣрномъ расширеніи своего участія въ управленіи государствомъ.

[2]) Всѣ утвержденные общимъ присутствіемъ доклады посылались мною отдѣльно, по распоряженію предсѣдателя Комиссій, прямо въ собственныя руки Государя до самой кончины Ростовцова.

помощи Соловьева, но до представленія его министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю онъ долженъ былъ быть обсужденъ въ секретномъ совѣщаніи слѣдующими лицами: Милютинымъ, непремѣнными членами Коммиссій Жуковскимъ и Соловьевымъ и членами-экспертами Самаринымъ, княземъ Черкасскимъ и мною (Домонтовичъ былъ приглашенъ въ это совѣщаніе въ качествѣ секретаря). Милютинъ просилъ Я. И. Ростовцова принять личное участіе въ этомъ совѣщаніи; Ростовцовъ отклонилъ это ходатайство Милютина, очень рѣшительно объявивъ, что присутствіе его въ этомъ совѣщаніи поставило бы его и другихъ членовъ Коммиссій въ неловкое положеніе, что онъ чувствуетъ себя достаточно представленнымъ въ засѣданіи завѣдующимъ дѣлами Коммиссій П. П. Семеновымъ, которому онъ, впрочемъ, предоставляетъ полную свободу высказывать въ засѣданіяхъ Коммиссій свое личное мнѣніе; не скрывая отъ Милютина, что онъ знаетъ это мнѣніе заранѣе и вполнѣ его раздѣляетъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ долгомъ заявить, что если бы большинство Коммиссій и не согласилось съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, то онъ, Ростовцовъ, ни въ какомъ случаѣ не разойдется съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ уже ранѣе заявилъ, что считаетъ всякое разногласіе Редакціонныхъ Коммиссій съ министромъ внутреннихъ дѣлъ гибелью всего дѣла. Притомъ же принятіе министромъ внутреннихъ дѣлъ на свою отвѣтственность разрѣшенія вопроса о пріемѣ депутатовъ слагаетъ съ него, Ростовцова, по крайней мѣрѣ одну изъ тяжелыхъ отвѣтственныхъ обязанностей передъ Россіей и исторіей, связанныхъ неминуемо съ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса.

Засѣданіе секретнаго совѣщанія произошло 20 августа.

Всѣмъ намъ было хорошо извѣстно, что самые рѣшительные противники освобожденія крестьянъ, возлагая всѣ свои надежды на вызванныхъ депутатовъ, усиленно домогались слиянія прибывающихъ депутатовъ съ членами Редакціонныхъ Коммиссій въ такое общее собраніе, въ которомъ депутаты [1]) имѣли бы одинаковое право голоса съ членами Коммиссій. Это собраніе должно было бы пересмотрѣть всѣ заключенія Коммиссій. Заключенія эти были бо̀льшей частью несогласны съ мнѣніями губернскихъ комитетовъ, и противники освобожденія надѣялись поэтому, что всѣ они будутъ

---

[1]) Общее число ихъ превосходило 90.

отвергнуты, а такъ какъ, по крайнему разнообразію взглядовъ въ этой смѣшанной комиссіи, компромиссовъ не найдется, и никакого общаго законопроекта выработано не будетъ, то все останется по-старому, лишь съ легкими измѣненіями и замѣною названій крѣпостныхъ крестьянъ—обязанными. Предположеніе о принятіи 90 депутатовъ съ правомъ голоса въ составъ Редакціонныхъ Комиссій (состоящихъ изъ 27 наличныхъ членовъ) доводилось и до Императора Александра II, а на Я. И. Ростовцова уже съ іюня производился со всѣхъ сторонъ натискъ въ этомъ смыслѣ, не имѣвшій, впрочемъ, никакого результата.

Тѣмъ не менѣе, Н. А. Милютинъ счелъ долгомъ поставить нашему совѣщанію первый вопросъ: „можно ли допустить соединеніе депутатовъ съ членами Комиссій въ такое общее собраніе, въ которомъ всѣ 90 депутатовъ перваго призыва были бы равноправными членами Комиссій?“

Совѣщаніе *единогласно* отвергло эту комбинацію, которая, по глубокому и единодушному нашему убѣжденію, явилась бы полнымъ крушеніемъ всего дѣла.

Два другіе вопроса, вытекавшіе изъ прочтенія проекта составленной Милютинымъ и Соловьевымъ инструкціи, были встрѣчены нами съ нѣкоторымъ разномысліемъ. Первый изъ этихъ вопросовъ заключался въ слѣдующемъ: слѣдуетъ ли предоставить депутатамъ обсужденіе всѣхъ предположеній Комиссій, или изъять изъ нихъ нѣкоторыя, какъ безспорныя, т.-е. такія, въ которыхъ правительство уже не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ? Сторонники перваго мнѣнія доказывали, что такое ограниченіе никакого практическаго значенія имѣть не будетъ, такъ какъ невозможно запретить депутатамъ оспаривать и тѣ предположенія, которыя правительство считаетъ не подлежащими измѣненіямъ, потому что утвержденіе правительствомъ этихъ предположеній не выразилось еще никакимъ актомъ.

Противъ нашихъ соображеній Милютинъ возражалъ настойчиво и съ обыкновенной своей страстностью, утверждая, что только такимъ ограниченіемъ можно сразу поставить депутатовъ въ опредѣленныя рамки и положить предѣлъ могущественному вліянію на нихъ лицъ, старающихся черезъ ихъ посредство не оставить камня на камнѣ въ зданіи, воздвигаемомъ Комиссіями съ такимъ трудомъ, знаніемъ дѣла и самоотверженіемъ.

Дѣйствительно, борьба, намъ предстоявшая, была очень тяжела и могла принять непосильные для насъ размѣры; поэтому мы пошли на компромиссъ съ Милютинымъ, какъ съ мудрымъ представителемъ, олицетворявшимъ въ данномъ случаѣ министерство внутреннихъ дѣлъ. Мы постановили, чтобы число статей, не подлежащихъ въ засѣданіяхъ Комиссій обсужденію депутатовъ, было какъ можно ограниченнѣе, а Милютинъ въ дополненіе къ этому предложилъ, чтобы послѣднее слово въ выборѣ этихъ статей было предоставлено предсѣдателю Комиссій.

Второй вопросъ, возбудившій горячіе споры въ нашемъ совѣщаніи, состоялъ въ томъ, возможно ли предоставить депутатамъ собираться въ свои общія совѣщанія и представлять коллективно свои мнѣнія.

Предоставленіе этого права депутатамъ горячо отстаивали Самаринъ и я. По нашему убѣжденію, нельзя было стѣснять свободу мнѣній и сужденій представителей того сословія, которому, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ добровольный почипъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ; мы доказывали, что различіе мнѣній между депутатами и Редакціонными Комиссіями можетъ существовать только относительно способа разрѣшенія вопроса, что, конечно, депутаты въ большинствѣ случаевъ будутъ иногда отстаивать и узкіе сословные интересы своихъ довѣрителей, но что, при крайнемъ различіи во взглядахъ самихъ губернскихъ комитетовъ на дѣло освобожденія крестьянъ, они все-таки разойдутся въ своихъ замѣчаніяхъ на труды Комиссій и не будутъ въ состояніи составить цѣльный контръ-проектъ въ противовѣсъ стройному проекту Комиссій. Мы говорили, что въ концѣ концовъ, во всякомъ случаѣ, послѣднее слово остается за правительствомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не приметъ хотя бы и коллективнаго предположенія представителей одного сословія въ дѣлѣ, касающемся всего русскаго государства и народа, интересы безправныхъ сословій котораго правительство представляетъ.

Особенно возражали противъ нашихъ доводовъ представители правительства, т.-е. министерства внутреннихъ дѣлъ—Милютинъ и Соловьевъ—и Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта—Жуковскій. Они высказывали убѣжденіе, что, если меньшинство депутатовъ, сочувствующее земельному освобожденію крестьянъ, и не примкнетъ къ контръ-проекту, то большинство ихъ, какъ извѣстно, весьма враждебно расположенное (хотя и съ нѣсколько различныхъ

точекъ зрѣнія) къ предположеніямъ Редакціонныхъ Комиссій, уже сдѣлавшимся извѣстными всей Россіи, пойдетъ на всевозможные компромиссы между собою, лишь бы только опрокинуть непріятный для нихъ законопроектъ. Внѣ же среды депутатовъ, а именно въ высшихъ сферахъ управленія, какъ намъ всѣмъ извѣстно, найдутся люди, которые воспользуются непріязненнымъ настроеніемъ депутатовъ и организованнымъ ихъ собраніемъ, чтобы сокрушить столь успѣшно начатое дѣло, свести его на-нѣтъ, какъ это было въ царствованіе Императора Николая I, и замѣнить составляемое нами и близкое къ окончанію Положеніе объ освобожденіи крестьянъ общими и неопредѣленными правилами, — словомъ, всѣми силами будутъ способствовать тому, чтобы освобожденіе крестьянъ осталось только на словахъ и не разрѣшило бы самыхъ насущныхъ для русскаго народа экономическихъ (аграрныхъ) вопросовъ, къ какому разрѣшенію стремятся и правительство, и Редакціонныя Комиссіи.

Сознавая справедливость многихъ изъ этихъ опасеній, мы предложили, въ видѣ компромисса, оговориться, что свободныя совѣщанія депутатовъ должны имѣть лишь частный характеръ, но отнюдь не составлять оффиціальныхъ собраній съ журналами и протоколами, и что они не должны имѣть цѣлью составленіе какихъ бы то ни было законопроектовъ, на которое депутаты губернскихъ комитетовъ не уполномочены; цѣлью ихъ должно быть составленіе своихъ замѣчаній на предоставляемые ихъ обсужденію труды Редакціонныхъ Комиссій.

Компромиссъ нашъ, однако, не былъ принятъ остальными членами совѣщанія, и проектъ инструкціи съ нѣкоторыми поправками, смягчающими слишкомъ непріятную для депутатовъ ея рѣзкость, былъ утвержденъ совѣщаніемъ.

Когда я доложилъ предсѣдателю о результатахъ совѣщанія и предупредилъ его о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое неминуемо должно произвести на депутатовъ имѣющая быть предложенной имъ инструкція, Я. И. Ростовцовъ остался вѣренъ мнѣнію, заранѣе высказанному имъ Милютину, что, хотя онъ раздѣляетъ мои убѣжденія, но ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ въ этомъ вопросѣ ни на какія разногласія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ они могутъ имѣть послѣдствіемъ только то, что все великое дѣло земельнаго освобожденія крестьянъ будетъ смято оппозиціей и по-

гибнетъ. Предложить же министру внутреннихъ дѣлъ какія бы то ни было частныя поправки въ инструкціи онъ считаетъ неудобнымъ, потому что это перенесло бы всю нравственную отвѣтственность за пріемъ депутатовъ на Редакціонныя Коммиссіи и на ихъ предсѣдателя, задача и отвѣтственность которыхъ ограничиваются составленіемъ хорошо обдуманнаго и безпристрастнаго законопроекта объ освобожденіи крестьянъ, а не состоятъ въ прінсканіи средствъ борьбы съ противниками осуществленія великой реформы, что составляетъ прямую задачу министерства внутреннихъ дѣлъ.

Проектъ инструкціи былъ внесенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе Государя не непосредственнымъ докладомъ министра, а черезъ законодательную инстанцію—Главный Комитетъ; по Высочайшемъ утвержденіи онъ былъ сообщенъ къ исполненію предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій отношеніемъ государственнаго секретаря Буткова, такъ что весь вопросъ объ инструкціи депутатамъ, согласно желанію Ростовцова, обошелъ его. Впрочемъ, ни самый пріемъ депутатовъ, ни непосредственное наблюденіе за исполненіемъ инструкціи, не могли обойти его, и онъ не могъ даже устранить себя, какъ оказалось впослѣдствіи, отъ роли посредника между депутатами и верховной властью.

Прежде всего выпалъ на долю Я. И. Ростовцова пріемъ депутатовъ, состоявшійся въ засѣданіи общаго собранія Редакціонныхъ Коммиссій 25 августа 1859 г., на которомъ, послѣ краткой привѣтственной рѣчи предсѣдателя депутатамъ, ему и мнѣ, относившимся болѣе или менѣе отрицательно къ составленной, несогласно съ нашими убѣжденіями, Высочайше утвержденной инструкціи, пришлось сообщить ея содержаніе депутатамъ. Инструкція эта объясняла очень опредѣленно цѣль вызова депутатовъ, ограничивая ихъ дѣятельность очень узкими рамками, которыя далеко не соотвѣтствовали ихъ ожиданіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ падали ихъ надежды сдѣлаться полными хозяевами составленія законопроекта, который, по ихъ мнѣнію, при ихъ непосредственномъ участіи долженъ былъ пройти чрезъ Главный Комитетъ и Государственный Совѣтъ. Понятно, какое смущеніе и удручающее впечатлѣніе произвело на депутатовъ мое чтеніе, продолжавшееся не менѣе полутора часовъ. По окончаніи его предсѣдатель обратился еще разъ къ депутатамъ съ краткимъ привѣтствіемъ, въ которомъ онъ старался смягчить вызванное содержаніемъ инструкціи неудовольствіе, и покинулъ

собраніе. Много тяжелыхъ думъ и безсонныхъ ночей доставила ему эта первая встрѣча съ депутатами, тѣмъ болѣе, что на него прежде всего обратилось ихъ неудовольствіе, такъ какъ они считали его главнымъ виновникомъ оскорбительнаго, по ихъ мнѣнію, для нихъ пріема.

Какъ нетрудно было предвидѣть, уже на другой день послѣ ихъ пріема всѣ 90 депутатовъ, прибывшіе въ Петербургъ, такъ же, какъ и уже бывшіе въ Петербургѣ (Шуваловъ и Позенъ), съѣхались на первое (частное) собраніе въ домѣ Шувалова для того, чтобы рѣшить, какъ имъ поступить, чтобы выйти изъ положенія, которое они считали для себя оскорбительнымъ. Результатомъ этого совѣщанія былъ проектъ адреса Государю, при составленіи котораго держалъ перо М. П. Позенъ.

Въ адресѣ этомъ депутаты дворянства прежде всего напоминали Государю, что Онъ будто бы, желая придать разрозненному труду дворянскихъ комитетовъ стройность, приказалъ, чтобы комитеты выбрали по своему усмотрѣнію по два депутата для засѣданія въ Главномъ Комитетѣ и общаго разсмотрѣнія проектовъ положеній губернскихъ комитетовъ по вопросу объ устройствѣ быта крестьянъ. Затѣмъ слѣдовали самыя страстныя жалобы на дѣйствія бюрократовъ (министерство внутреннихъ дѣлъ) и Редакціонныхъ Комиссій. Первые (министерство внутреннихъ дѣлъ) обвинялись „въ постоянномъ искаженіи дѣяній Царя и народа, въ искаженіи всѣхъ лучшихъ Царскихъ мыслей и растравленіи благородныхъ чувствъ", а послѣднія (Редакціонныя Комиссіи) въ проведеніи въ своихъ журналахъ самыхъ „вредныхъ и гибельныхъ началъ, которыя депутаты ясно видятъ, но лишены возможности обличить". Наконецъ, депутаты въ концѣ своего адреса просили дозволенія собраться въ Главномъ Комитетѣ и тамъ приступить къ общему разсмотрѣнію, согласованію и исправленію положеній губернскихъ комитетовъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя или одного изъ членовъ Императорской фамиліи, такъ какъ беззаконныя и недобросовѣстныя дѣйствія отняли у нихъ довѣріе къ лицамъ, распоряжающимся отъ имени правительства по обсуждаемому дѣлу.

Замѣчательно, что послѣ составленія этого адреса, въ которомъ депутаты поднимали такую рѣшительную борьбу противъ Редакціонныхъ Комиссій и министерства внутреннихъ дѣлъ, они не рѣшились подать его прямо Государю, а сообщили проектъ его

Я. И. Ростовцову, съ тѣмъ, чтобы онъ испросилъ у Государя разрѣшенія представить этотъ адресъ самому Государю. Ростовцовъ, какъ и всегда, сообщилъ Государю о желаніи депутатовъ подать Ему адресъ съ приложеніемъ сообщеннаго ему проекта ихъ адреса безъ всякихъ своихъ комментарій. Государь возвратилъ ему проектъ адреса также безъ всякихъ замѣчаній, но съ отмѣткою противъ словъ, въ которыхъ они утверждали, будто Государь приказалъ, чтобы комитеты выбрали по два депутата для засѣданія въ Главномъ Комитетѣ и *общаго разсмотрѣнія проектовъ положеній объ устройствѣ крестьянъ*. Отмѣтка эта состояла изъ одного слова: „*никогда*“.

По поводу отношеній депутатовъ къ Я. И. Ростовцову я не могу не замѣтить, что меня всегда удивляло, какъ мало понимали характеръ Ростовцова и его отношенія къ Государю, а тѣмъ болѣе характеръ Императора Александра II самые выдающіеся сторонники освобожденія крестьянъ (напримѣръ, Милютинъ, Жуковскій, Кавелинъ, Герценъ) такъ же, какъ и самые выдающіеся противники этого освобожденія (Муравьевъ, Позенъ, графъ Шуваловъ, князь Меньшиковъ и т. д.). Они совершенно не сознавали, что вся иниціатива великаго дѣла принадлежала самому Государю, обнаружившему при этомъ устойчивость, которой не ожидали найти въ Немъ тѣ, которымъ былъ чуждъ весь Его нравственный обликъ; въ Ростовцовѣ же они предполагали только честолюбца, занявшагося дѣломъ не для дѣла, а съ цѣлью, получивъ кредитъ въ глазахъ своего Государя, сдѣлаться вліятельнымъ временщикомъ и захватить въ свои руки власть и силу.

Но личность Ростовцова не имѣла ничего общаго со свойствами, которыя ему приписывали лица, имѣвшія сношенія съ нимъ теперь только потому, что сама судьба поставила его случайно и безо всякихъ искательствъ съ его стороны однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, которому онъ всегда глубоко сочувствовалъ. Вся тайна его вліянія на Императора Александра II заключалась въ томъ, что не онъ былъ внушителемъ Государю идеи освобожденія крестьянъ, а что, напротивъ, Государь, задумавъ это освобожденіе по собственному глубокому чувству и собственной иниціативѣ, нашелъ въ Ростовцовѣ среди лицъ, Его окружавшихъ, человѣка, не только сочувствовавшаго этому дѣлу, но и готоваго съ энтузіазмомъ помогать Государю всѣми

силами своего ума и своей души, „не мудрствуя лукаво" и безъ всякихъ предвзятыхъ идей. На эту дѣятельную помощь Государю Ростовцовъ отдалъ беззавѣтно свою жизнь, какъ онъ доказалъ это въ послѣдніе свои дни. Притомъ же Я. И. Ростовцовъ, при своемъ тонкомъ умѣ, имѣлъ еще одно характерное свойство: онъ зналъ одинаково въ своихъ отношеніяхъ съ лицами, какъ выше, такъ и ниже его стоявшими, гдѣ онъ начинался и гдѣ онъ кончался, и никогда не переступалъ этихъ границъ, предоставляя въ своихъ отношеніяхъ съ близкими ему людьми каждому свое. Государь это очень хорошо чувствовалъ и не опасался со стороны Ростовцова хитроумныхъ захватовъ своей власти, къ которымъ иногда могли подать поводъ нерѣшительность Государя и недостатокъ въ Немъ твердой воли. Такого хитроумнаго захвата Онъ опасался еще вначалѣ своего царствованія со стороны графа Киселева, а въ то время, когда Ему старались подставить кандидата на мѣсто покойнаго Ростовцова,—въ лицѣ Муравьева; такому захвату Онъ дѣйствительно подвергся во второй половинѣ своего царствованія со стороны графа П. А. Шувалова.

Возвращаюсь къ своему разсказу.

По возвращеніи Государемъ проекта адреса, Ростовцовъ принялъ нѣкоторыхъ вліятельныхъ депутатовъ и отговорилъ ихъ отъ непосредственнаго или оффиціальнаго обращенія къ Государю, вслѣдствіе чего депутаты во второмъ своемъ собраніи въ домѣ графа Шувалова 28 августа рѣшились обратиться съ просьбою на имя Ростовцова объ исходатайствованіи у Его Императорскаго Величества „дозволенія имъ имѣть общія совѣщанія въ томъ порядкѣ, въ какомъ будетъ благоугодно указать Государю Императору", и о томъ, чтобы всѣ ихъ соображенія какъ по предъявленнымъ имъ вопросамъ, такъ и по существу крестьянскаго Положенія, поступали на судъ высшаго правительства.

Письмо депутатовъ Ростовцову было редактировано, переписано и séance tenante подписано 29 августа наличными членами губернскихъ комитетовъ, а вслѣдъ затѣмъ передано Псковскому депутату Волкову для врученія предсѣдателю Редакціонныхъ Коммисій, что̀ и было исполнено поутру 30 августа. Ростовцовъ, по обыкновенію, послалъ его, немедленно по прочтеніи, Государю, который въ тотъ же день вернулъ его Ростовцову съ отмѣткою: *„не должно быть допускаемо"*. Но на личномъ докладѣ Ростовцова

1 сентября Государь отнесся нѣсколько милостивѣе къ ходатайству депутатовъ, такъ что Ростовцовъ могъ уже 3 сентября 1859 г. особой запискою увѣдомить членовъ губернскихъ комитетовъ о результатахъ своего ходатайства въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Его Императорское Величество прежде и нынѣ не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы члены губернскихъ комитетовъ совѣщались между собою, и изволитъ находить полезнымъ, чтобы они помогали одинъ другому своею мѣстной опытностью, но подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера оффиціальнаго. Затѣмъ Его Императорское Величество изволилъ Высочайше подтвердить, чтобы дальнѣйшія дѣйствія какъ предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, такъ и членовъ губернскихъ комитетовъ неуклонно основывались на инструкціи 11 августа, т.-е. члены губернскихъ комитетовъ, не касаясь общихъ началъ, должны ограничиваться примѣненіемъ оныхъ къ своимъ мѣстностямъ, для чего они и были вызваны въ Петербургъ, и мнѣнія свои они должны представить отдѣльно по каждой губерніи. Въ заключеніе Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣлъ предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій вновь объявить членамъ губернскихъ комитетовъ, что всѣ отвѣты ихъ, безъ исключенія, будутъ представлены на обсужденіе Главнаго Комитета, какъ о томъ и было уже сказано въ инструкціи 11 августа".

4 сентября Ростовцовъ представлялъ депутатовъ въ Царскомъ Селѣ Государю, который въ своей привѣтственной рѣчи высказалъ имъ, что Онъ призвалъ ихъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для Него и для нихъ, и успѣха котораго, Онъ увѣренъ, они одинаково съ Нимъ желаютъ, такъ какъ съ нимъ связано будущее благо Россіи. При этомъ Государь напомнилъ представителямъ дворянства, что Онъ, будучи еще Наслѣдникомъ Престола, считалъ себя первымъ русскимъ дворяниномъ, гордился этимъ и не перестаетъ себя считать въ ихъ сословіи. „Съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ", сказалъ Государь, „Я началъ дѣло освобожденія крестьянъ и съ тѣмъ же довѣріемъ призвалъ васъ сюда". Въ концѣ рѣчи Государь высказалъ еще, что дѣло, конечно, не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны дворянства, но что Онъ желаетъ, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. „Буду стараться", сказалъ Государь, „вамъ помочь и жду вашего содѣйствія, надѣясь, что довѣріе Мое къ вамъ вы оправ-

даете не одними словами, а на дѣлѣ". Депутатъ одной изъ губерній, дворяне которой до тѣхъ поръ высказывали наименѣе сочувствія къ желаніямъ правительства поземельнаго освобожденія крестьянъ, князь Н. В. Гагаринъ отвѣтилъ Государю, что дворяне готовы на жертвы, хотя бы онѣ простирались до трети ихъ состоянія. На это Государь сказалъ еще, что такихъ жертвъ и не потребуется, а что Онъ желаетъ, чтобы великое дѣло совершилось безобидно и удовлетворительно для всѣхъ.

Депутаты обѣдали съ Ростовцовымъ во дворцѣ за гофмаршальскимъ столомъ и два раза пили здоровье Государя. За происшедшими вслѣдъ затѣмъ на этомъ пышномъ обѣдѣ въ царскихъ чертогахъ непринужденными бесѣдами, получившими, благодаря душевнымъ качествамъ Ростовцова, сердечный характеръ, депутаты высшаго въ Россіи сословія почувствовали себя *русскими*, призванными Царемъ-Освободителемъ на работу по созданію свободы и благоденствія всего русскаго народа, и обѣщали Ростовцову сдѣлать со своей стороны все, чтобы внести миръ и согласіе въ то учрежденіе, на которое Государь возложилъ составленіе общаго для Россіи законопроекта объ освобожденіи крестьянъ.

Такимъ образомъ инцидентъ столкновенія депутатовъ съ Редакціонными Комиссіями, имѣвшій послѣдствіемъ столь рѣзкое возбужденіе вопроса о томъ, быть или не быть Редакціоннымъ Комиссіямъ, былъ благополучно исчерпанъ, и мы возвратились къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

На другой день послѣ пріема депутатовъ Государемъ въ общемъ собраніи 5 сентября мы разсматривали еще послѣдній и одинъ изъ важнѣйшихъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія № 17 „о нормальномъ размѣрѣ повинностей". Докладъ этотъ былъ составленъ Самаринымъ и мною, но, къ сожалѣнію, Самаринъ, принимавшій дѣятельное участіе еще въ засѣданіи 2 сентября, въ которомъ обсуждался столь же важный докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 15 „о высшихъ и низшихъ размѣрахъ надѣловъ", уже не присутствовалъ въ засѣданіи 5 сентября. Совершенно истощенный безсонными ночами, проведенными имъ за непосильными работами, а также волненіями и тревогами за судьбу дорогого для него дѣла освобожденія крестьянъ, онъ 4 сентября занемогъ совершенно неожиданно болѣзнью, которая внушала опасеніе за его жизнь, вслѣдствіе чего врачи признали необходимымъ для его спасенія отстра-

нить его совершенно отъ всякихъ занятій, волненій и напряженія силъ и предписали ему немедленную поѣздку за границу.

Между тѣмъ въ докладахъ № 15 и 17 о размѣрахъ высшихъ надѣловъ и высшихъ повинностей способъ исчисленія послѣднихъ тамъ, гдѣ существующіе надѣлы не достигали этихъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ практическую развязку аграрнаго вопроса и возможность опредѣленія размѣра выкупной операціи, основанной на капитализаціи устанавливаемыхъ Положеніемъ для каждаго помѣстья оброковъ. Вопросъ о высшихъ размѣрахъ надѣловъ, тщательно выработанный въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія, былъ настолько детален̄ъ, что даже не могъ быть обсуждаемъ въ болѣе многочисленномъ собраніи общаго присутствія, и послѣ общаго одобренія метода его разработки утвержденіе доклада было благоразумно отложено до полученія письменныхъ отзывовъ депутатовъ по этому предмету.

Такая же участь постигла и составленный Самаринымъ и мною и подписанный 14 членами отдѣленія докладъ о повинностяхъ. Только при разсмотрѣніи этого доклада возникло по самому важному изъ разрѣшенныхъ въ немъ вопросовъ нѣкоторое разномысліе. По счастливой, крайне упрощавшей все дѣло и уже принятой общимъ собраніемъ Редакціонныхъ Коммиссій идеѣ Самарина, былъ предложенъ для цѣлой Россіи одинъ размѣръ денежной повинности, соотвѣтствовавшій въ каждой мѣстности принятому для нея высшему размѣру надѣла, а затѣмъ въ помѣстьяхъ, гдѣ размѣръ существующаго надѣла не достигалъ высшаго, повинность понижалась, но не пропорціонально уменьшенію надѣла, а по правиламъ градаціи. За общій же для всей Россіи размѣръ повинности, соотвѣтствовавшій высшему размѣру надѣла, докладъ отдѣленія (№ 17) принималъ 8 руб. Почтенный А. Н. Татариновъ очень горячо возражалъ противъ этой цифры, говоря, что, хотя онъ вообще и не согласенъ съ основаніемъ доклада, но готовъ бы былъ принять его, если бы цифра 8 руб. была увеличена, такъ какъ въ черноземной полосѣ капитализація 8-рублеваго оброка дастъ оцѣнку земли ниже дѣйствительной ея стоимости. На это Милютинъ, Соловьевъ и князь Черкасскій возразили, что и 8 руб. съ душевого участка для крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ и не привыкшихъ платить оброкъ, будетъ и безъ того повинностью обременительной, а дальнѣйшее увеличеніе предположенной цифры сдѣлаетъ переходъ

съ барщины на оброкъ крайне затруднительнымъ. Татариновъ отвѣтилъ на эти возраженія съ большимъ волненіемъ: рѣчь его прерывалась, онъ задыхался, страдая хронической астмою, и, наконецъ, ему сдѣлалось дурно. Изъ членовъ, подписавшихъ докладъ [1]), Галаганъ также не былъ съ нимъ согласенъ, и для окончательнаго выясненія возбужденнаго разномыслія я выступилъ со своимъ объясненіемъ.

Я заявилъ, что хотя я самъ былъ однимъ изъ двухъ редакторовъ доклада и подписалъ журналъ отдѣленія вмѣстѣ съ другими членами, но нахожу по совѣсти, что А. Н. Татариновъ правъ и что въ черноземной Россіи 8 руб. съ душевого участка высшаго размѣра цифра недостаточная, во-первыхъ, потому, что капитализація ея при высшемъ размѣрѣ душевого надѣла въ 3 дес. даетъ менѣе 45 руб. за десятину, цифру, которая ниже существующихъ въ густо населенныхъ черноземныхъ уѣздахъ продажныхъ цѣнъ на землю, а цѣны эти съ освобожденіемъ труда и сгущеніемъ населенія еще значительно увеличатся къ тому времени, когда будетъ возможно осуществить выкупъ. Притомъ же въ оброчныхъ помѣстьяхъ черноземной полосы, по разрабатываемымъ подъ моимъ руководствомъ свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, средніе оброки составляютъ не 8 руб., а 9 руб. съ душевого участка. Что же касается имѣній, состоящихъ на барщинѣ, то какъ дешево ни оцѣнивать стоимость рабочаго дня, если основывать переходъ на оброкъ по оцѣнкѣ этихъ дней, то получается цифра гораздо болѣе высокая и уже совершенно недоступная для крестьянъ.

Предсѣдатель устранилъ разномысліе между членами Комиссіи предложеніемъ, чтобы общее присутствіе, одобривъ основаніе доклада, не утверждало, какъ это уже было принято при разсмотрѣніи доклада № 15 „о высшихъ размѣрахъ надѣла", никакихъ цифръ до полученія по нимъ отзывовъ вызванныхъ членовъ отъ губернскихъ комитетовъ какъ перваго, такъ и второго призыва [2]).

---

[1]) Арапетовъ, Галаганъ, князь Голицынъ, Домонтовичъ, Желѣзновъ, Жуковскій, Милютинъ, Павловъ, Самаринъ, Петръ Семеновъ, Соловьевъ, Тарновскій, Татариновъ и князь Черкасскій. Докладъ № 15 былъ подписанъ тѣми же членами, кромѣ Татаринова.

[2]) По полученіи этихъ отзывовъ впослѣдствіи, Редакціонныя Комиссіи, уступая настояніямъ членовъ губернскихъ комитетовъ, повысили высшій размѣръ оброка при высшихъ размѣрахъ надѣловъ съ предположенныхъ 8 руб. до 9 руб., кромѣ нѣкоторыхъ самыхъ бѣдныхъ и по почвѣ, и по экономическому

Предложеніе было принято, послѣ чего предсѣдатель заявилъ о полномъ окончаніи перваго періода работъ Комиссій, продолжавшихся 6 мѣсяцевъ.

Велика была наша радость. Благодаря государственному уму Н. А. Милютина, который во все время нашихъ работъ былъ ихъ вдохновителемъ въ главной нашей лабораторіи—хозяйственномъ отдѣленіи, да и не только тамъ, а также благодаря блестящимъ дарованіямъ и основательному знанію быта русскаго народа и русской исторіи членовъ-экспертовъ князя Черкасскаго и Ю. Ѳ. Самарина, необыкновенной трудоспособности и глубокимъ знаніямъ экономическихъ условій Россіи остальныхъ четырехъ главныхъ составителей докладовъ хозяйственнаго отдѣленія и, наконецъ, благодаря основательнымъ научнымъ познаніямъ юристовъ, финансистовъ и сельскихъ хозяевъ, вошедшихъ въ составъ Редакціонныхъ Комиссій, вся ихъ работа была вчернѣ закончена.

Сдѣлано это было такъ основательно, что уже открылась, было, возможность превратить заключенія 47 докладовъ отдѣленій въ одинъ цѣльный законопроектъ какъ общаго Положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и мѣстныхъ великороссійскаго и малороссійскаго положеній. Однакоже, это пришлось отложить изъ-за необходимости выслушать замѣчанія депутатовъ, изучить внимательно ихъ письменные отзывы и на основаніи ихъ и дополучаемыхъ нами проектовъ 22 губерній составить еще дополнительные доклады, въ которые и ввести необходимыя поправки и дополненія; вся эта работа и должна была составить второй періодъ нашихъ занятій, къ концу котораго можно было бы дополнить работу составленіемъ мѣстныхъ положеній для Юго-западнаго и Сѣверо-западнаго края и находящихся въ совершенно исключительныхъ условіяхъ инфляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи.

Почтенному предсѣдателю Комиссій, которому счастливо удалось, со свойственнымъ ему тактомъ, сгладить рѣзкость столкновенія, происшедшаго между представителями мѣстнаго дворянства, съ одной стороны, и состоящимъ подъ его предсѣдательствомъ

положенію губерній (Смоленской и Олонецкой). Милютинъ заявилъ въ шутку, въ присутствіи старшаго представителя министерства финансовъ Ю. А. Гагемейстера, что онъ можетъ согласиться на повышеніе цифры 8 р. до 9 р. только потому, что онъ увѣренъ, что кредитныя мѣры м-ва финансовъ обратятъ русскій рубль въ 60 коп., и крестьяне въ накладѣ не останутся.

правительственнымъ учрежденіемъ, которому Государю угодно было ввѣрить охрану интересовъ освобождаемаго народа, — съ другой, были, конечно, развязаны руки. Онъ могъ съ нѣкоторымъ успокоеніемъ перейти ко второму періоду занятій Комиссій и опредѣлить характеръ ихъ дѣятельности въ этомъ періодѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ въ общемъ собраніи 16 сентября. Планъ Ростовцова состоялъ въ томъ, чтобы, начавъ совѣщанія съ депутатами перваго призыва 30 сентября, окончить ихъ къ 1 ноября и въ то же время, на основаніи получаемыхъ отъ нихъ письменныхъ отзывовъ, составить по каждому изъ докладовъ отдѣленій дополнительные доклады, въ которыхъ, разобравъ представленныя депутатами возраженія, предложить нѣкоторыя дополненія или измѣненія не только въ не утвержденныхъ, но и въ утвержденныхъ заключеніяхъ и одновременно разрѣшить всѣ вопросы, относящіеся до мѣстныхъ положеній малороссійскаго, юго-западнаго, литовскаго и инфляндскаго, при помощи членовъ-экспертовъ юго-западныхъ губерній. Все это, по разсчету Ростовцова, могло быть окончено къ 1 января 1860 г., а затѣмъ остался бы еще только вызовъ депутатовъ второго призыва изъ губерній, разсмотрѣніе ихъ отзывовъ и окончательная редакція законопроекта.

Дѣйствительно, совѣщанія съ депутатами начались съ 30 сентября и были окончены 31 октября, и худой миръ оказался лучше доброй ссоры, такъ что Редакціонныя Комиссіи могли идти впередъ въ своей работѣ довольно безпрепятственно, благодаря согласію бо̀льшей части членовъ Комиссій въ ихъ основныхъ взглядахъ, благородству лучшихъ депутатовъ, неспособныхъ на интригу, и благодушію большинства депутатовъ, которые, видя, что учрежденіе, которому правительство ввѣрило народные интересы, твердо будетъ отстаивать выработанный имъ законопроектъ, старались отстаивать только матеріальные интересы своихъ довѣрителей, выговаривая въ ихъ пользу нѣкоторыя уступки (уменьшеніемъ „на полдесятины на высшемъ надѣлѣ“ и увеличеніемъ „на рубликъ на высшемъ оброкѣ“, какъ выразился одинъ изъ вліятельныхъ депутатовъ).

Но, тѣмъ не менѣе, подъ слоемъ не остывшаго пепла таился еще огонь, который можно было надѣяться раздуть въ пожаръ, и на такую роль пошелъ одинъ изъ принявшихъ на себя званіе члена Редакціонныхъ Комиссій и состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ депу-

татомъ своего губернскаго комитета, М. П. Позенъ. Было ли это вызвано съ его стороны глубиною его убѣжденій и желаніемъ блага Россіи, или же оскорбленнымъ самолюбіемъ по тому случаю, что онъ потерялъ свое вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла, которое онъ имѣлъ при учрежденіи мѣстныхъ комитетовъ и составленіи проекта ихъ дѣйствій, или же, наконецъ, надеждою вернуть себѣ это вліяніе и осуществить свои честолюбивые замыслы, сдѣлавшись лидеромъ представителей губернскихъ комитетовъ, но М. П. Позенъ повелъ искусную атаку на большинство Редакціонныхъ Комиссій и на ненавистнаго ему Н. А. Милютина, котораго онъ признавалъ лидеромъ этого большинства. Однако, планъ похода Позена противъ большинства Редакціонныхъ Комиссій такъ же, какъ и часто маскированное имъ направленіе въ крестьянскомъ дѣлѣ, очень скоро обнаружились.

М. П. Позенъ былъ несомнѣнно сторонникомъ личнаго освобожденія крестьянъ, но, опасаясь, что внезапное и безусловное ихъ освобожденіе можетъ привести ихъ къ броженію и передвиженію, опасному для тѣхъ, кому они принадлежали, какъ вещь, онъ придумалъ средство удержать ихъ, какъ необходимыхъ для помѣщика работниковъ, въ предѣлахъ ихъ помѣстья на продолжительный 9- или 12-лѣтній періодъ, а по прошествіи этого періода окончательно ихъ обезземелить возвращеніемъ ихъ надѣльныхъ земель въ полную собственность помѣщика и превратить ихъ въ батраковъ, живущихъ хотя и въ собственныхъ усадьбахъ, но сильно задолженныхъ. Весь этотъ планъ ему удалось провести въ маскированномъ видѣ въ инструкціи губернскимъ комитетамъ и въ открытомъ видѣ въ законопроектѣ, составленномъ большинствомъ Полтавскаго комитета, отъ котораго онъ былъ избранъ депутатомъ, состоя уже членомъ-экспертомъ Редакціонныхъ Комиссій.

Убѣдившись, однакоже, въ томъ, что при разнообразіи взглядовъ губернскихъ комитетовъ и ихъ представителей на разрѣшеніе крестьянскаго дѣла и аграрныхъ вопросовъ, съ нимъ связанныхъ, онъ не можетъ добиться того, чтобы общій законопроектъ, имъ задумываемый, былъ подписанъ большинствомъ депутатовъ, Позенъ измѣнилъ свою тактику. Онъ объяснялъ депутатамъ, что, конечно, вопросы юридическій и административный должны быть разрѣшены однообразно для всей имперіи, и что заключенія отдѣленій юридическаго и административнаго, въ составѣ которыхъ работали и

опытные юристы, и администраторы, могли бы быть приняты депутатами, если бы они единодушно добились въ нихъ тѣхъ измѣненій, которыя соотвѣтствовали бы интересамъ и взглядамъ большинства дворянства, напримѣръ, если бы вмѣсто проводимаго въ народную жизнь большинствомъ Редакціонныхъ Коммиссій крестьянскаго самоуправленія сохранена была патримоніальная власть помѣщиковъ. Что же касается хозяйственныхъ или аграрныхъ вопросовъ, ближе всего затрагивающихъ имущественные интересы дворянства, то всѣ заключенія хозяйственнаго отдѣленія, какъ невыгодныя для помѣщиковъ, должны быть единогласно отвергнуты всѣми депутатами, а разрѣшеніе вопросовъ о надѣлахъ, повинностяхъ и усадьбахъ въ строгомъ примѣненіи къ мѣстнымъ особенностямъ должно быть предоставлено отдѣльно по каждой губерніи Главному Комитету по непосредственнымъ представленіямъ депутатовъ.

Позенъ не сомнѣвался, что такимъ предложеніемъ ему удастся завоевать полное сочувствіе всѣхъ депутатовъ какъ перваго, такъ и второго призывовъ, и надѣялся даже убѣдить Ростовцова взять на себя проведеніе этого плана въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и тѣмъ самымъ не только избавиться отъ всякихъ нареканій со стороны русскаго дворянства, но и сдѣлаться самымъ популярнымъ между ними человѣкомъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и велъ свои сношенія съ Ростовцовымъ въ теченіе всего августа мѣсяца до самаго дня пріема депутатовъ. Но къ концу перваго періода занятій Коммиссій Позенъ уже убѣдился, что выработанные Ростовцовымъ въ теченіе 6-мѣсячнаго предсѣдательства Редакціонными Коммиссіями взгляды на крестьянское дѣло такъ устойчивы и непоколебимы, что провести при содѣйствіи Ростовцова свой планъ онъ не можетъ, и что долго подготовлявшійся разрывъ между ними неизбѣженъ. Тогда Позенъ снова измѣнилъ свой планъ. Онъ перенесъ центръ тяжести своей дѣятельности изъ Коммиссій въ среду депутатовъ и еще болѣе въ среду лицъ, принадлежавшихъ къ высшимъ сферамъ и враждебно настроенныхъ къ главнымъ дѣятелямъ Коммиссій и ихъ предсѣдателю, и, прекративъ почти совершенно свои посѣщенія Коммиссій въ качествѣ ихъ члена, продолжалъ вести партизанскую войну внутри Коммиссій черезъ находившихся въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ ихъ членовъ.

Результатъ этой дѣятельности самаго хитроумнаго изъ враговъ Коммиссій скоро обнаружился.

Еще 29 августа 1859 г. былъ внесенъ въ общее присутствіе докладъ административнаго отдѣленія № 8 „объ отношеніи помѣщиковъ къ сельскимъ обществамъ", составленный однимъ изъ самыхъ консервативныхъ членовъ Комиссій, княземъ Голицынымъ, и подписанный семью членами отдѣленія [1]). Въ докладѣ этомъ разбирались отношенія помѣщиковъ къ установленнымъ уже другими докладами отдѣленія органамъ крестьянскаго самоуправленія—сельскимъ сходамъ и старостамъ, при чемъ не допускалось, конечно, вмѣшательство помѣщика въ мірскія хозяйственныя дѣла общества, но ограждались интересы помѣщика, и ему предоставлялись покровительственныя права по заступничеству за крестьянскія общества. Восьмой членъ административнаго отдѣленія, В. В. Апраксинъ, большей частью бывшій (какъ графъ Шуваловъ и князь Паскевичъ) въ оппозиціи съ докладами отдѣленій и большинствомъ Комиссій, на этотъ разъ былъ очень доволенъ докладомъ и говорилъ кн. Черкасскому, что это первый докладъ административнаго отдѣленія, который онъ подпишетъ съ удовольствіемъ и противъ котораго уже возразить ничего невозможно. Но когда пришла очередь внесенія доклада въ общее присутствіе, то Апраксинъ не только не подписалъ доклада, но явился въ засѣданіи 29 августа единственнымъ горячимъ его оппонентомъ. Произошло это оттого, что М. П. Позенъ, рѣшившійся уже не присутствовать въ этомъ засѣданіи, разъяснилъ В. В. Апраксину, что докладъ этотъ, устанавливающій полное самоуправленіе крестьянъ и отрицающій патримоніальную власть помѣщика, находится въ совершенномъ противорѣчіи съ воззрѣніями Орловскаго дворянства, и одно опубликованіе его можетъ произвести опасную смуту между крестьянами. Мнѣніе такого опытнаго администратора и помѣщика, какимъ былъ Позенъ, воспламенило В. В. Апраксина, и онъ явился рѣшительнымъ и единственнымъ противникомъ доклада.

Напрасно предсѣдатель отдѣленія статсъ-секретарь Булгаковъ, непремѣнный членъ Комиссій статсъ-секретарь Жуковскій, кн. Голицынъ, кн. Черкасскій и почтенный, опытный и консервативный А. К. Гирсъ старались убѣдить Апраксина въ томъ, что крестьянское мірское самоуправленіе существовало еще и при крѣпостномъ правѣ, а что органы этого самоуправленія были опредѣлены уже

[1]) Это были: Булгаковъ, Жуковскій, кн. Голицынъ, Гирсъ, Самаринъ, князь Черкасскій и Соловьевъ.

при утвержденіи другихъ докладовъ отдѣленій, отвергнувшихъ патримоніальную власть помѣщика, и что опубликованіе докладовъ отдѣленій, печатаемыхъ въ 3.000 экземплярахъ и разсылаемыхъ по всѣмъ губерніямъ, до сихъ поръ въ теченіе полугода существованія Комиссій нигдѣ смутъ не вызывало. Апраксинъ остался одинъ при своемъ мнѣніи, которое и прочелъ съ разрѣшенія предсѣдателя въ общемъ собраніи. Мнѣніе это заключало въ себѣ рѣзкое и страстное осужденіе дѣятельности Комиссій, совершенно не соотвѣтствовало деликатному и благодушному характеру В. В. Апраксина и его прекрасному аристократическому воспитанію, и всѣ мы узнали въ немъ ex ungue leonem—настоящаго ея автора, имя котораго, какъ отсутствовавшаго, никѣмъ произнесено не было.

Докладъ административнаго отдѣленія былъ утвержденъ единогласно общимъ присутствіемъ, постановившимъ при этомъ, что особыя письменныя мнѣнія, которыя могутъ предъявлять гг. члены Редакціонныхъ Комиссій, не согласившіеся съ постановленіемъ общаго присутствія, должны быть предъявляемы предсѣдателю въ 7-дневный срокъ со времени засѣданія, въ которомъ они были прочтены.

В. В. Апраксинъ предъявилъ свое мнѣніе только по истеченіи 10 дней, въ видѣ письма къ предсѣдателю, очевидно, только по настоянію дѣйствительнаго его автора, и при этомъ высказалъ просьбу не разсылать доклада административнаго отдѣленія № 8. Послѣдняя просьба его не была исполнена, такъ какъ 8 сентября докладъ, утвержденный 29 августа, былъ уже повсюду разосланъ, а возвращать разосланный докладъ отовсюду значило обращать на него вниманіе всей Россіи, котораго онъ по существу своему не заслуживалъ. Вручивъ Ростовцову свое запоздалое мнѣніе, въ видѣ письма къ нему, 8 сентября Апраксинъ выѣхалъ въ Орелъ, гдѣ онъ долженъ былъ, какъ губернскій предводитель дворянства, встрѣтить Императора Александра II при проѣздѣ Его черезъ этотъ городъ. Получивъ это письмо, Ростовцовъ спросилъ Апраксина о направленіи, которое онъ желаетъ ему дать, и послѣ объясненія съ нимъ сдѣлалъ на письмѣ надпись: „по собственному желанію В. В. Апраксина хранить въ дѣлахъ Комиссій по секрету", и передалъ его на храненіе мнѣ. Казалось, инцидентъ былъ исчерпанъ. Но при проѣздѣ Государя черезъ Орелъ Апраксинъ доложилъ Государю (какъ онъ впослѣдствіи выразился въ разговорѣ съ Ростовцо-

вымъ, „по посторонним настояніямъ"), что онъ подалъ предсѣдателю Редакціонныхъ Комиссій письмо по поводу своего разногласія съ Комиссіями, но что онъ боится, что письмо это будетъ оставлено безъ послѣдствій.

Государь заинтересовался этимъ заявленіемъ и собственноручной милостивой запискою изъ Орла спросилъ Ростовцова, какое это письмо и что̀ оно содержитъ.

Получивъ записку Государя изъ Орла ко дню засѣданія общаго собранія Комиссій 23 сентября, Ростовцовъ счелъ своимъ долгомъ сообщить для свѣдѣнія общаго присутствія, еще до представленія Государю письма Апраксина съ приложеніемъ опорочиваемаго имъ доклада административнаго отдѣленія и своего объясненія, весь ходъ этого конфликта и вслѣдъ за тѣмъ поручилъ мнѣ прочесть собранію хранившееся у меня письмо Апраксина и объяснилъ общему присутствію, что оно, согласно желанію Апраксина, не было сообщено Редакціоннымъ Комиссіямъ, хранилось у завѣдывающаго дѣлами Комиссій между секретными бумагами, нынѣ же было *выведено изъ секрета* самимъ Апраксинымъ. При этомъ предсѣдатель объяснилъ, почему онъ не имѣлъ возможности исполнить желаніе Апраксина о пріостановкѣ разсылки доклада; при той гласности, которая была дана работамъ Редакціонныхъ Комиссій, возвращеніе и отобраніе утвержденныхъ общимъ присутствіемъ и разосланныхъ уже докладовъ и журналовъ Редакціонныхъ Комиссій было бы дѣломъ небывалымъ въ исторіи этого учрежденія.

Нѣкоторые изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій начали осуждать дѣйствія Апраксина въ этомъ нѣсколько непонятномъ для нихъ конфликтѣ, но предсѣдатель, со свойственнымъ ему великодушіемъ, предложилъ судить о дѣйствіяхъ Апраксина съ тѣмъ уваженіемъ, которое заслуживала его личность, такъ какъ въ основѣ его дѣйствій было только желаніе добра и пользы Россіи. Общему собранію оставалось только принять къ свѣдѣнію сообщеніе предсѣдателя о происшедшемъ между Апраксинымъ и Комиссіями конфликтѣ, а Ростовцовъ при своемъ письмѣ отъ 26 сентября представилъ Государю заинтересовавшее Его письмо Апраксина, докладъ административнаго отдѣленія № 8 и свое очень обстоятельное объясненіе по этому дѣлу. Государь, совершенно удовлетворенный этимъ объясненіемъ, возвратилъ, по своему обыкновенію, Ростовцову его письмо, написавъ на немъ собственноручно свое заклю-

ченіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Дай Богъ *намъ* терпѣнія“. Инцидентъ былъ исчерпанъ, но оставилъ въ Ростовцовѣ тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что онъ зналъ, что деликатный и благодушный Апраксинъ, не имѣвшій въ душѣ никакихъ намѣреній, кромѣ самыхъ лучшихъ, былъ тутъ не при чемъ, а что за нимъ стоялъ самый опасный изъ враговъ дорогого Я. И. Ростовцову великаго дѣла.

По возвращеніи Императора Александра II изъ поѣздки по Россіи, до Государя стало доходить, уже помимо Ростовцова, множество записокъ разныхъ лицъ по крестьянскому дѣлу, заключавшихъ въ себѣ цѣлый рядъ инсинуацій и обвиненій Редакціонныхъ Коммиссій въ ихъ преступной революціонной дѣятельности, стремящейся ниспровергнуть весь существующій государственный строй и замѣнить его, хотя бы при помощи кровавой революціи, другимъ, основаннымъ на самыхъ зловредныхъ, заимствованныхъ у западныхъ революціонеровъ, соціалъ-демократическихъ идеяхъ. Кромѣ того въ этихъ запискахъ нерѣдко попадалась и характеристика главныхъ составителей законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій, дѣятельность которыхъ представлялась будто бы особенно опасною для блага Россіи и сохраненія существующаго строя.

Государь, по своему обыкновенію, препровождалъ Ростовцову всѣ эти записки, которыя, касаясь существа крестьянскаго дѣла, могли быть полезными Ростовцову или требовали съ его стороны разъясненій, необходимыхъ для самого Государя; тѣ же, въ которыхъ Онъ видѣлъ только вражду, ненависть и голословныя обвиненія, внушенныя желаніемъ очернить въ глазахъ Государя всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, призванныхъ къ осуществленію предпринятой Царемъ-Освободителемъ великой реформы, Онъ оставлялъ безъ послѣдствій, предупреждая, однако, Ростовцова относительно лицъ, обнаруживавшихъ непримиримую вражду противъ дѣятельности самого Ростовцова.

Многія изъ дошедшихъ до Государя записокъ, какъ Ему было извѣстно, принадлежали перу Позена, и одна изъ нихъ, заключавшая въ себѣ очень искусно составленную характеристику главныхъ дѣятелей Редакціонныхъ Коммиссій, была препровождена Государемъ къ свѣдѣнію Я. И. Ростовцова, который счелъ долгомъ предупредить нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ о томъ, что вся дѣятельность Коммиссій имѣетъ себѣ рѣшительнаго и опаснаго

врага въ лицѣ М. П. Позена. Предупрежденіе это дошло и до самого Позена, и онъ поспѣшилъ при своемъ краткомъ письмѣ представить ту или, лучше сказать, одну изъ тѣхъ записокъ, которыя онъ представлялъ шефу жандармовъ, главноуправляющему III отдѣленіемъ Канцеляріи Е. И. В. князю Вас. А. Долгорукову; записка эта дошла и до Государя. Ростовцовъ, получивъ письмо Позена и приложенную къ нему копію съ его записки въ моемъ присутствіи, показалъ мнѣ письмо и, не раскрывъ записки, приказалъ запечатать ее въ конвертъ и отправить обратно къ Позену, говоря, что читать ее онъ не желаетъ, да и ничего новаго по ввѣренному ему дѣлу онъ изъ нея узнать не можетъ, потому что все, что нужно ему знать, онъ знаетъ непосредственно отъ Государя, котораго лицо, сообщающее свои записки по крестьянскому дѣлу черезъ шефа жандармовъ, уже поставило, къ счастью, непосредственнымъ судьею всего этого дѣла.

Судъ этотъ обнаружился въ дальнѣйшихъ разговорахъ Государя съ Ростовцовымъ. Послѣдній, впрочемъ, великодушно заступился за Позена, желая оправдать его тѣмъ, что онъ, задумавъ свой проектъ освобожденія крестьянъ и стараясь всѣми силами провести его согласно со своими убѣжденіями, стремился, хотя и совершенно ошибочно, по мнѣнію Ростовцова, ко благу отечества и самого Государя.

Императоръ Александръ II возразилъ на это, что даже если бы цѣль Позена и была, по мнѣнію Ростовцова, благою, то цѣль эта не оправдываетъ средствъ; средства же эти хорошо извѣстны Государю: вотъ почему онъ желаетъ немедленнаго удаленія Позена изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій и только по настоянію Ростовцова соглашается на оставленіе Позена въ Петербургѣ до окончанія его работъ въ качествѣ депутата отъ Полтавскаго губернскаго комитета. Волю свою Государь, по своей деликатности не желая поставить Ростовцова въ тяжелое положеніе, передалъ Позену черезъ князя Вас. А. Долгорукова, вслѣдствіе чего Позенъ уже не появлялся болѣе въ общемъ присутствіи Редакціонныхъ Комиссій до вызова его Ростовцовымъ 21 октября 1859 г., въ качествѣ депутата отъ Полтавской губерніи, и затѣмъ въ концѣ октября представилъ ходатайство о своемъ увольненіи изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій, которое и получилъ немедленно по Высочайшему повелѣнію 5 ноября 1859 года.

Между тѣмъ со второй половины сентября работа второго періода уже была въ полномъ разгарѣ.

Приглашеніе депутатовъ по очереди въ засѣданія общаго присутствія Комиссій и совѣщанія съ ними начались уже съ 30 сентября, такъ что весь октябрь прошелъ въ тяжелой для Комиссій и ихъ предсѣдателя борьбѣ съ противниками уже выработаннаго вчернѣ законопроекта объ освобожденіи крестьянъ. Часть этой борьбы, а именно совѣщаніе съ депутатами, не выходила изъ стѣнъ Комиссій и выпала на ихъ долю, но другая ея часть—борьба съ иногда даже невидимыми врагами народной свободы—происходила въ высшихъ сферахъ, подобно тому, какъ, по дошедшимъ до насъ легендамъ, битва христіанъ съ гуннами, послѣ побѣды первыхъ надъ послѣдними на Каталаунскихъ поляхъ, еще долго и упорно продолжалась въ заоблачныхъ пространствахъ.

ГЛАВА XIV.

Совѣщанія Редакціонныхъ Комиссій съ депутатами перваго призыва до 19 окт. 1859 г. подъ предсѣдательствомъ Ростовцова. Ярославскіе депутаты: Д. В. Васильевъ и П. Н. Дубровинъ. Владимірскіе депутаты: П. В. Парначевъ, Д. П. Гавриловъ и П. С. Безобразовъ. Московскій депутатъ С. С. Волковъ. Тамбовскіе депутаты: П. В. Никифоровъ и Г. Ѳ. Петрово-Соловово. Вятскій депутатъ А. П. Тиховидовъ. Нижегородскіе депутаты: П. Д. Стремоуховъ и Р. Д. Нестеровъ.—Положеніе крестьянскаго дѣла въ Нижегородской губерніи.

Перехожу къ совѣщаніямъ нашимъ съ депутатами губернскихъ комитетовъ, которыя заняли 11 засѣданій общаго присутствія, длившихся въ теченіе всего октября (отъ 30 сентября до 31 октября включительно).

Совѣщанія наши мы начали съ Ярославскихъ депутатовъ, потому что намъ казалось, что они болѣе другихъ приближались въ своихъ мнѣніяхъ къ основаніямъ законопроекта, выработаннаго Редакціонными Комиссіями. Вслѣдствіе этого оба Ярославскіе депутата были приглашены предсѣдателемъ въ засѣданія общаго присутствія 30 сентября и 3 октября 1859 г.

Депутатами этими были—Демосѳенъ Васильевичъ Васильевъ (отъ большинства) и Павелъ Николаевичъ Дубровинъ (отъ меньшинства комитета). Первый изъ нихъ, человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ, (40—45 лѣтъ), несомнѣнно талантливый, принадлежа къ столичной интеллигенціи, провелъ лучшіе годы жизни въ средѣ золотой Петербургской молодежи, во время своего многолѣтняго служенія въ одномъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Выйдя въ отставку ротмистромъ въ началѣ 1850-хъ годовъ, онъ поселился въ своемъ помѣстьи Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда. Здѣсь за управленіемъ этимъ помѣстьемъ и засталъ его вопросъ объ осво-

божденіи крестьянъ, и, будучи избранъ уѣзднымъ дворянствомъ въ члены губернскаго комитета, онъ, благодаря своей талантливости и энергіи, сдѣлался не только лидеромъ многочисленной партіи, но и главнымъ составителемъ законопроекта большинства комитета.

Несравненно скромнѣе была роль депутата меньшинства—П. Н. Дубровина, державшаго, повидимому, перо при составленіи законопроекта меньшинства, очень мало, впрочемъ, отличавшагося отъ проекта большинства. Человѣкъ еще довольно молодыхъ лѣтъ, безъ высшаго образованія, онъ принадлежалъ къ одной изъ очень культурныхъ дворянскихъ фамилій губерніи и былъ хорошимъ практическимъ сельскимъ хозяиномъ. По своимъ личнымъ убѣжденіямъ П. Н. Дубровинъ, повидимому, болѣе сочувствовалъ законопроекту Редакціонныхъ Комиссій, чѣмъ положенію большинства Ярославскаго комитета, но, не желая входить въ разногласіе со своимъ блестящимъ коллегою, онъ, подписавъ всѣ его письменные отвѣты и заявленія, старался совершенно стушеваться передъ нимъ въ засѣданіи 30 сентября, а въ засѣданіе 3 октября уже и вовсе не явился.

Зато въ словесныхъ объясненіяхъ и письменныхъ отзывахъ Д. В. Васильева съ большой ясностью выразилось отношеніе Ярославскаго дворянства къ дѣлу освобожденія крестьянъ въ связи съ особенностями ихъ современнаго экономическаго положенія.

Ни въ одной изъ губерній имперіи крѣпостные крестьяне въ XIX вѣкѣ не пользовались бо̀льшею свободой, чѣмъ въ Ярославской. Огромное большинство помѣстій въ эпоху освобожденія крестьянъ состояло уже не на барщинѣ, а на оброкѣ. Такъ какъ вся губернія была расположена на водномъ пути, связывавшемъ главную жизненную артерію государства — Волгу съ выходомъ этого пути къ морю — Петербургомъ, то ярославскіе крестьяне уже съ самаго начала XVIII в. привыкли искать себѣ прибыльныхъ заработковъ въ столицахъ и изъ этихъ отхожихъ промысловъ, а не изъ мѣстныхъ земледѣльческихъ работъ извлекали тѣ прибыли, которыя позволяли имъ платить высокіе оброки своимъ помѣщикамъ. Такіе отхожіе промыслы и пребываніе въ столицахъ сдѣлали Ярославскихъ крестьянъ самыми развитыми и самыми грамотными изъ всѣхъ крестьянъ Россіи.

При такихъ уже существовавшихъ между крестьянами Ярослав-

ской губ. условіяхъ относительно свободы крестьянскаго труда, съ ними свыклось и просвѣщенное дворянство Ярославской губерніи: оно уже не стояло за сохраненіе крѣпостного права, а, наоборотъ, какъ это выразили его депутаты въ словесныхъ съ нами объясненіяхъ, подтвержденныхъ ихъ письменными отзывами, искренно желало слѣдующаго:

1) чтобы помѣщичьимъ крестьянамъ были дарованы права свободныхъ сословій;

2) чтобы обязательный ихъ трудъ былъ навсегда уничтоженъ;

3) чтобы послѣ освобожденія крестьянъ помѣщичья власть не была удержана ни въ какой формѣ;

4) чтобы крестьянамъ было даровано сельское и волостное самоуправленіе, основанное на свободномъ выборѣ необходимыхъ для того лицъ, съ правомъ общества повѣрять дѣйствія лицъ, ими избранныхъ, и

5) чтобы крестьянамъ была дана возможность самымъ для нихъ легкимъ способомъ пріобрѣтать въ полную собственность не только усадьбы, какъ того требовала правительственная программа, противъ которой энергически возражали Ярославскіе депутаты, но и необходимыя имъ полевыя земли и угодія, путемъ правительственнаго выкупа.

Выкупъ этотъ, по мнѣнію Ярославскихъ депутатовъ, обязательный для крестьянъ, былъ признаваемъ большинствомъ комитета обязательнымъ и для помѣщика.

Такимъ образомъ Ярославское дворянство, очевидно, достаточно единодушно стремилось къ полному немедленному *земельному* освобожденію крестьянъ за правительственный выкупъ, но въ этомъ выкупѣ подразумѣвало не только стоимость земель, находившихся въ крестьянскомъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ, но и капитализацію всѣхъ тѣхъ оброковъ, которые лежали какъ на мѣстныхъ, такъ и на отхожихъ промыслахъ крестьянъ, что̀ и представляло собою выкупъ ихъ личности (признаваемой до сихъ поръ закономъ собственностью помѣщика). При раздѣлѣ же земель и угодій помѣстья на тѣ, которыя должны были поступить въ полную собственность освобождаемыхъ крестьянъ, и тѣ, которыя должны были быть навсегда признаны личной собственностью помѣщика, дворянство Ярославской губерніи желало удержать за собою:

1) всѣ земли, принадлежавшія къ помѣщичьей экономіи тамъ, гдѣ она существовала;

2) всѣ поемные луга и всѣ прибрежныя полосы вдоль рѣкъ и озеръ, могущія принести помѣщику выгоды какъ по сплаву, такъ и по рыболовству;

3) всѣ цѣнные лѣса помѣстья;

4) всѣ базарныя площади и другія незанятыя крестьянскими постройками мѣста, находящіяся въ чертѣ крестьянскихъ селеній.

Все это выяснилось на совѣщаніяхъ съ Ярославскими депутатами 30 сентября и 3 октября 1859 г. и дало мнѣ, по уполномочію Компссій, право заявить въ засѣданіи 30 сентября почтенному представителю Ярославскаго губернскаго комитета Д. В. Васильеву, что между Комиссіями и Ярославскимъ комитетомъ въ способѣ освобожденія крестьянъ принципіальнаго разногласія не существуетъ, что Комиссіи и Ярославскій комитетъ одинаково стремятся къ скорѣйшему прекращенію временно-обязанныхъ отношеній путемъ выкупа и что мы можемъ только радоваться тому, что Ярославское дворянство отказывается отъ барщины, столь тягостной для обѣихъ сторонъ послѣ освобожденія крестьянъ. Въ предположеніяхъ Редакціонныхъ Комиссій и Ярославскаго губернскаго комитета также нѣтъ большой разницы относительно количества земли, имѣющей поступить въ надѣлъ крестьянъ. При достаточно широко опредѣленныхъ комитетомъ размѣрахъ надѣловъ намъ легко придти къ соглашенію съ гг. Ярославскими депутатами относительно размѣровъ предположенныхъ нами высшихъ надѣловъ для различныхъ уѣздовъ губерніи, тѣмъ болѣе, что мы ни въ какомъ помѣстьи не предполагаемъ и не желаемъ увеличенія крестьянскихъ надѣловъ противъ существующихъ, не допуская при этомъ отрѣзокъ отъ земель, находящихся въ постоянномъ пользованіи крестьянъ тамъ, гдѣ эти земли не превышаютъ установляемыхъ нами для каждаго уѣзда высшихъ размѣровъ надѣловъ [1]. Главное же и почти единственное различіе въ предложеніяхъ Редакціонныхъ Комиссій и Ярославскаго комитета заключается въ томъ, что Ярославскій комитетъ слишкомъ высоко оцѣнивалъ при выкупѣ какъ усадьбы,

---

[1] Въ концѣ концовъ цифры высшихъ надѣловъ, принятыя Положеніемъ 19 февраля 1861 г. для Ярославской губерніи, оказались даже ниже предположенныхъ въ 6 уѣздахъ, въ 3 оказались тождественными и только въ одномъ (въ самомъ многоземельномъ и наименѣе плодородномъ, Пошехонскомъ) выше.

такъ и полевыя земли. Усадьбы оцѣнены (по капитализаціи 6 руб. 40 коп., назначенныхъ комитетомъ за пользованіе ими съ рев. души) въ 160 руб. съ души. Такой выкупъ, если бы онъ произведенъ былъ отдѣльно, по нашему мнѣнію, поглотилъ бы всѣ средства крестьянъ и поставилъ бы ихъ въ невозможность выкупать еще и необходимыя имъ полевыя земли, а слѣдовательно, обезземелилъ бы ихъ навсегда. Главное побужденіе, которое могло бы привести Ярославское дворянство къ столь высокой оцѣнкѣ усадебъ, заключалось въ справедливомъ нежеланіи отдѣльнаго выкупа усадебъ, который, съ одной стороны, обезцѣнилъ бы помѣстье, а съ другой—привелъ бы крестьянъ къ ихъ обезземеленью. Поэтому и мы энергически возражаемъ не противъ высокой оцѣнки усадебъ при ихъ отдѣльномъ выкупѣ, который и намъ кажется вреднымъ и нежелательнымъ, а противъ высокой оцѣнки крестьянскихъ надѣловъ въ совокупности ихъ усадебныхъ и полевыхъ земель. Здѣсь Редакціонныя Коммиссіи допускаютъ соотвѣтствующіе высшимъ надѣламъ для Ярославской губерніи оброки до 10 руб. съ душевого участка, и эта самая высокая цифра, допускаемая во всей имперіи только въ двухъ губерніяхъ, Московской и Ярославской, даетъ при высшемъ надѣлѣ по капитализаціи оцѣнку крестьянами душевого участка, состоящаго изъ усадьбы и полевыхъ и другихъ угодій, въ 166 р. 66 к. Далѣе, хорошо зная, что во многихъ, даже выгодно расположенныхъ въ промысловомъ отношеніи помѣстьяхъ существующіе крестьянскіе надѣлы не достигаютъ высшаго размѣра, а, слѣдовательно, оброки подлежатъ уменьшенію, мы уменьшаемъ повинности, но не пропорціонально количеству надѣла, а по системѣ градаціи, которая въ интересахъ помѣщиковъ была впервые предложена Тверскимъ губернскимъ комитетомъ. Различіе же въ предполагаемомъ размѣрѣ оброка и выкупной суммы, составляющей его капитализацію, между Ярославскимъ губернскимъ комитетомъ и Редакціонными Коммиссіями, повидимому, исключаетъ всякое между нами соглашеніе, потому что цифра оброка, соотвѣтствующая высшему размѣру надѣла, исчислена комитетомъ въ 14 руб. 25 коп., а оцѣнка душевого участка составитъ 237 руб. $40\frac{1}{2}$ коп., между тѣмъ какъ 10-рублевый оброкъ дастъ по капитализаціи оцѣнку душевого участка только въ 166 р. 66 коп. Притомъ 10-рублевый оброкъ, по разработаннымъ нами свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ существующимъ оброкамъ Ярослав-

ской губерніи, гдѣ средняя цифра оброка едва превышаетъ 9 руб. съ души, а продажныя цѣны цѣлыхъ помѣстій Ярославской губерніи со всею западѣльной землею даютъ въ среднемъ не свыше 20 руб. на десятину [1]). Выкупная же сумма, предположенная комитетомъ и заключающая въ себѣ, очевидно, выкупъ личности, и притомъ дорогой, будучи непосильна для крестьянъ, не можетъ быть принята правительствомъ и служить основаніемъ и безъ того милліардной, даже по разсчетамъ Редакціонныхъ Комиссій, выкупной операціи.

Ярославскіе депутаты упорно отстаивали вѣрность принятыхъ ими цифръ, и соглашенія съ ними по этому предмету не послѣдовало [2]), что, впрочемъ, было большимъ благомъ для Ярославскихъ крестьянъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они вышли

---

[1]) Супруги нѣкоторыхъ изъ членовъ нашихъ Комиссій имѣли помѣстья въ Ярославской губерніи, которыя при ихъ раздѣлахъ съ братьями и сестрами были принимаемы ими по цѣнѣ, составляющей 150 руб. за душу и 15 руб. за десятину.

[2]) Д. В. Васильевъ не могъ не признать, что онъ не расходится принципіально съ Редакціонными Комиссіями въ своихъ взглядахъ на необходимыя условія освобожденія крестьянъ, но, недовольный тѣмъ, что большинство Комиссій рѣшительно не нашло возможнымъ согласиться на предлагаемые имъ размѣры оброковъ и выкупныхъ платежей для Ярославской губ., демонстративно удалился изъ общаго собранія 3 октября 1859 г. и затѣялъ рѣшительную борьбу съ нами, принявъ участіе въ подачѣ особаго адреса Государю за подписью 5 депутатовъ (см. стр. 346) 16 октября 1859 г. Когда же онъ убѣдился, что эта борьба не имѣла успѣха, то рѣшился возстановить свои отношенія съ Комиссіями и ихъ предсѣдателемъ, представивъ ему 19 октября 1859 г. записку, подписанную имъ и его коллегою П. Н. Дубровинымъ, въ которой старался откровенно выразить стремленія той многочисленной партіи Ярославскаго дворянства, которой онъ былъ лидеромъ. Вотъ что онъ выразилъ въ этой запискѣ.

Рѣшить крестьянское дѣло мирно и правомѣрно возможно лишь, имѣя въ виду два условія, выраженныя въ Высочайшихъ словахъ: „чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшился, а помѣщикъ успокоился, что интересы его ограждены".

Первое можетъ быть достигнуто только тогда, когда крестьяне сдѣлаются поземельными собственниками, а второе осуществится только при условіи немедленнаго денежнаго вознагражденія помѣщикамъ за ихъ собственность непосредственно отъ правительства. Введеніе новаго устройства быта обоихъ сословій исполнимо только при сочувствіи предстоящей реформѣ дворянства и народа. Но для того, чтобы дворянство сочувствовало дѣлу освобожденія крестьянъ, необходимо дать ему вознагражденіе за его собственность и не отрѣшать дворянство отъ участія въ управленіи народомъ, а, напротивъ, призвать его къ этому дѣлу устройствомъ въ губерніяхъ хозяйственно-распорядительнаго управленія, выборнаго отъ всѣхъ сословій; тогда народъ и дворянство, соединясь взаимностью интересовъ, будутъ энергично содѣйствовать интересамъ правительства.

бы на свободу на несравненно болѣе тяжкихъ для нихъ условіяхъ и, конечно, не съ улучшеніемъ, а съ ухудшеніемъ ихъ быта [1]).

Въ засѣданіи 3 октября начались совѣщанія наши съ тремя Владимірскими депутатами: отъ большинства—Пав. Вас. Парначевымъ, отъ одного меньшинства—Дм. Петр. Гавриловымъ и отъ другого—Ив. Серг. Безобразовымъ, продолжавшіяся еще и 7 октября.

Всѣ три Владимірскіе депутата принадлежали къ тремъ совершенно различнымъ типамъ. Пав. Вас. Парначевъ былъ хотя и не богатый, но зажиточный помѣщикъ Юрьевскаго уѣзда, лѣтъ 50, средняго образованія, проведшій лѣтъ 20 на провинціальной государственной службѣ, гдѣ онъ дослужился до чина статскаго совѣтника. Вышелъ онъ въ отставку въ началѣ 50-хъ годовъ и поселился въ родовомъ помѣстьи Юрьевскаго уѣзда. Тамъ, при своемъ практическомъ умѣ и благодушіи, онъ пріобрѣлъ себѣ очень скоро репутацію хорошаго хозяина и расположеніе своихъ сосѣдей. Избранный въ члены губернскаго комитета въ 1857 г., онъ примкнулъ къ мнѣнію большинства и, пользуясь, благодаря своей сговорчивости и благодушію, всеобщимъ расположеніемъ, былъ избранъ въ депутаты большинства комитета.

Дм. Петр. Гавриловъ не принадлежалъ къ родовитому дво-

[1]) Результатъ освобожденія крестьянъ по Положенію 19 февраля вполнѣ объясняетъ, почему Редакціонныя Коммиссіи не могли принять настойчивыхъ предложеній Ярославскихъ депутатовъ. Ярославскіе крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости въ 1861 г. въ числѣ 245 тыс. душъ м. п., удержали за собою всѣ состоявшія въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ земли, не превышавшія установленныхъ для каждаго уѣзда надѣловъ въ общемъ количествѣ 925,000 дес. (въ томъ числѣ 50% пашенъ) за 10-рублевый оброкъ съ душевого участка. Всѣ эти надѣльныя земли обратились въ собственность сельскихъ обществъ, съ согласія помѣщиковъ, въ теченіе 50 лѣтъ за 28 милл. руб. выкупной ссуды, уплаченной правительствомъ постепенно, по мѣрѣ выдачи помѣщиками выкупныхъ актовъ крестьянамъ, которые погасили свой долгъ правительству, при разсрочкѣ на 50 лѣтъ, къ 1905 г.

Дворянство же губерніи удержало за собою въ полную собственность около 800,000 дес. занадѣльной земли, въ томъ числѣ 5% имѣвшихся у нихъ пашенъ и всѣ заливные луга, приречныя полосы и цѣнные лѣса, съ которыхъ были сняты всѣ сервитуты. Между тѣмъ, если бы было принято мнѣніе депутатовъ Ярославскаго комитета, крестьяне получили бы на 20% менѣе, хотя и немедленно въ полную собственность, но путемъ экспропріаціи (обязательнаго для обоихъ сословій выкупа, на который Императоръ Александръ II не хотѣлъ согласиться до самой своей кончины), и притомъ не за 28, а за 56 милліоновъ немедленной правительственной уплаты, которую, конечно, Ярославскіе крестьяне не въ силахъ были бы погасить въ 50 лѣтъ.

рянству и былъ небогатымъ помѣщикомъ самаго промышленнаго уѣзда, Шуйскаго. Человѣкъ лѣтъ 35, съ университетскимъ образованіемъ, онъ, послѣ непродолжительнаго пребыванія и дѣятельности на провинціальной службѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ хозяйничанія въ своемъ имѣніи прекрасно ознакомился съ бытомъ и экономическимъ положеніемъ какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ своей губерніи. По выборѣ его Шуйскимъ дворянствомъ въ губернскій комитетъ, онъ, по своимъ знаніямъ, талантливости и трудоспособности, оказался однимъ изъ передовыхъ въ немъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ, вслѣдствіе чего ему удалось сплотить около себя небольшую группу просвѣщенныхъ дворянъ и сдѣлаться составителемъ наиболѣе либеральнаго законопроекта меньшинства шести членовъ комитета, отъ котораго онъ и явился представителемъ въ Петербургъ.

Наконецъ, третій депутатъ, Ив. Серг. Безобразовъ, избранный членомъ губернскаго комитета отъ дворянства Ковровскаго уѣзда, былъ человѣкъ еще сравнительно очень молодой (менѣе 30 лѣтъ) и принадлежалъ къ родовитому дворянству Московской области. По своему воспитанію въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній Петербурга и своимъ связямъ онъ принадлежалъ къ столичной интеллигенціи и, будучи послѣ кратковременнаго пребыванія въ родовомъ помѣстьи Ковровскаго уѣзда избранъ въ члены губернскаго комитета, онъ примкнулъ къ тому либеральному меньшинству пяти членовъ комитета, въ которомъ состояли оба члена, назначенные отъ правительства (гр. К. К. Толь и А. П. Смирновъ), и отъ котораго онъ и былъ избранъ депутатомъ въ Петербургъ.

Законопроектъ большинства Владимірскаго комитета очень отличался отъ выработанныхъ Редакціонными Комиссіями основаній для разрѣшенія аграрнаго вопроса. Большинство Владимірскаго комитета предоставляло, руководствуясь Позеновской программою, на выкупъ (притомъ обязательно цѣлымъ обществамъ) только однѣ усадьбы и притомъ по весьма высокой и даже недоступной для большинства крестьянъ цѣнѣ, а именно отъ 100 до 160 руб. за строенія, да за землю подъ каждой усадьбою отъ 200 до 360 руб. (а всего отъ 300 до 520 р. на дворъ), что составило бы выкупного долга за однѣ усадьбы отъ 75 до 130 руб. на ревизскую душу, а выкупного платежа до 6 руб. 50 коп. на ревизскую душу.

Что касается полевой и сѣнокосной земли, то большинство Владимірскаго комитета давало крестьянамъ надѣлы въ указанныхъ имъ размѣрахъ (отъ $1^3/_4$ до $2^1/_4$ дес. на ревизскую душу—на глинистыхъ земляхъ и отъ $2^3/_4$ до 3 дес.—на песчаныхъ), и притомъ только въ условное и временное пользованіе (на 9 или 12 лѣтъ). Обязательный трудъ (барщина), слѣдующій за этотъ надѣлъ и исчисленный въ подробности особымъ урочнымъ положеніемъ, сохранялся на весь этотъ срочно-обязанный періодъ, а въ случаѣ перехода крестьянъ, съ согласія помѣщика, на оброкъ, послѣдній былъ исчисленъ въ 6, 4 и не менѣе 2 руб. за дес., съ условіемъ отобранія этой земли у крестьянъ въ случаѣ неуспѣшности мѣръ къ взысканію этого платежа [1]). Такимъ образомъ за надѣлъ, уменьшенный вдвое противъ существующаго, крестьянамъ пришлось бы платить отъ 10 до 17 руб. въ годъ съ душевого участка, кромѣ платы отъ 3 руб. 75 коп. до 6 р. 50 коп. процентовъ съ выкупного долга за усадьбы на дворъ. Затѣмъ, по истеченіи срочно-обязаннаго періода (отъ 9 до 12 лѣтъ), всякія права крестьянъ на пользованіе надѣльной землею (кромѣ усадебной) прекращались: такимъ образомъ, по истеченіи 12-лѣтняго срока, крестьяне, истощенные выкупомъ усадебъ, были бы совершенно обезземелены.

Законопроекты того и другого меньшинства Владимірскаго комитета были построены на началахъ и основаніяхъ, болѣе близкихъ къ принятымъ Редакціонными Комиссіями.

Законопроектъ меньшинства 6 членовъ, составленный Д. М. Гавриловымъ, принималъ за исходную точку то соображеніе, что отдача всѣхъ земель, надѣляемыхъ крестьянамъ въ ихъ собственность за опредѣленный выкупъ, есть лучшая мѣра для обезпеченія ихъ быта и упроченія на вѣчное время положенія новаго сословія. Только этой мѣрою меньшинство комитета полагало возможнымъ навсегда и рѣшительно прекратить всѣ крѣпостныя обязательныя связи крестьянъ и помѣщиковъ.

Составитель положенія этого меньшинства, Д. М. Гавриловъ, оказался прекрасно знакомымъ съ мѣстными экономическими усло-

[1]) Мѣры эти, по § 123 проекта большинства Владимірскаго комитета, состояли: въ заключеніи неисправныхъ плательщиковъ въ сельскую тюрьму, въ наложеніи опеки на неисправнаго плательщика, въ продажѣ не только движимаго, но и недвижимаго его имущества, въ отдачѣ его на общественныя работы, въ сдачѣ его въ рекруты не въ очередь и даже въ административной ссылкѣ.

віями разныхъ частей Владимірской губерніи. Онъ прямо принялъ участіе въ работахъ Редакціонныхъ Коммиссій и помогъ намъ разобраться во всѣхъ неоднородныхъ и, можно сказать, пестрыхъ условіяхъ этой губерніи, гдѣ мѣстами центръ тяжести занятій крестьянъ заключался въ земледѣліи, а мѣстами въ промыслахъ какъ мѣстныхъ, такъ и отхожихъ. Всѣ дѣльныя замѣчанія Гаврилова были приняты при составленіи дополнительныхъ докладовъ Коммиссій.

Что же касается законопроекта, составленнаго вторымъ меньшинствомъ, то въ основаніе ему были положены слѣдующія пять началъ:

1) Необходимость при дарованіи крестьянамъ личной свободы прекратить немедленно всякій обязательный трудъ.

2) Необходимость предоставить крестьянамъ вмѣстѣ съ усадьбами выкупъ и полевыхъ угодій, какъ единственный исходъ предпринятой реформы и какъ юридическое основаніе будущаго владѣнія крестьянами ихъ надѣльными землями, какъ собственностью.

3) Необходимость сохраненія за крестьянами для полнаго обезпеченія ихъ быта современнаго (т.-е. существующаго) ихъ надѣла земельными угодьями.

4) Необходимость сохраненія общиннаго землевладѣнія, такъ глубоко вкоренившагося въ хозяйственномъ быту нашихъ крестьянъ, какъ обезпеченія труда и жизни рабочаго класса.

5) Необходимость прочнаго устройства сельскихъ обществъ, какъ постоянной точки опоры общественнаго и государственнаго управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ твердой основы тому нравственно-политическому значенію дворянства, въ которомъ, ко благу всего народа и государства, оно должно возродиться къ новой жизни [1]).

Депутатъ второго меньшинства Владимірскаго Комитета И. С. Безобразовъ такъ же, какъ и Д. М. Гавриловъ, не явился противникомъ законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій и заявилъ предсѣдателю, что съ общимъ характеромъ предположеній Редакціонныхъ

[1]) Вотъ фамиліи членовъ Владимірскаго комитета, подписавшихъ законопроектъ:

перваго меньшинства: членъ отъ Суздальскаго уѣзда — И. Николаевъ, отъ Шуйскаго — Д. Гавриловъ, Переславскаго — Г. Спиридовъ (потомокъ героя Чесменской битвы), Вязниковскаго уѣзда — В. Шумиловъ, Гороховецкаго уѣзда — Ив. Коноплинъ, Меленковскаго уѣзда — Ал. Дубенскій.

второго меньшинства: Ковровскаго уѣзда — И. С. Безобразовъ, Вязниковскаго уѣзда — Ив. Микулинъ, Ковровскаго уѣзда — Ал. Налетовъ и отъ правительства Ал. Смирновъ и гр. К. К. Толь.

Комиссій и, въ особенности, хозяйственнаго отдѣленія онъ согласенъ и находитъ только, что крестьянамъ должно быть предоставлено право выкупа ихъ существующихъ надѣловъ, если въ полномъ ихъ составѣ они не превышаютъ $4^1/_2$ дес. на рев. душу. Въ числѣ пяти членовъ отъ этого меньшинства состояли и оба члена отъ правительства во Владимірскомъ комитетѣ Владимірскіе помѣщики графъ К. К. Толь и А. П. Смирновъ. Такъ какъ послѣдній по окончаніи своихъ занятій во Владимірскомъ комитетѣ прибылъ въ Петербургъ, то онъ явился дѣятельнымъ сотрудникомъ Редакціонныхъ Комиссій, будучи приглашенъ предсѣдателемъ къ непосредственному постоянному участію въ занятіяхъ Редакціонныхъ Комиссій и ихъ засѣданіяхъ безъ права голоса, и принесъ имъ большую пользу.

Что же касается законопроекта большинства Владимірскаго комитета, то намъ казалось, что у насъ съ представителемъ его никакихъ соглашеній быть не можетъ. Однакоже, почтенный П. В. Парначевъ оказался очень благодушнымъ представителемъ большинства Владимірскаго комитета: онъ высказалъ, что съ заключеніями Комиссій онъ лично готовъ былъ бы согласиться, въ надеждѣ, что съ ними согласилось бы и выбравшее его большинство дворянъ Владимірской губ., если бы Редакціонныя Комиссіи уменьшили для Владимірской губ. свои высшіе надѣлы „на полдесятины" и увеличили высшіе оброки „на одинъ рублякъ" [1].

---

[1]) Примѣненіе Положенія 19 февр. 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ во Владимірской губ. дало слѣдующіе результаты: крестьяне эти, освобожденные въ числѣ 314.000 рев. душъ мужского пола, удержали существующій надѣлъ по уставнымъ грамотамъ въ размѣрѣ 1.131.000 дес. земли (въ томъ числѣ 63% пахотной). Въ полной же собственности дворянъ-помѣщиковъ осталось до 850.000 дес. (15% пахотной) при необязательности выкупа; выкупная операція совершилась путемъ выдачи правительствомъ дворянамъ-помѣщикамъ за крестьянскіе надѣлы 37.000.000 рублей, которые были погашены крестьянами при 50-лѣтней разсрочкѣ до 1905 года. Въ случаѣ же, если бы былъ принятъ законопроектъ большинства Владимірскаго комитета, количество земель, поступившихъ въ надѣлъ крестьянамъ, сократилось бы на половину, за которую на крестьянъ, въ случаѣ выкупа ими этихъ земель, было бы насчитано до 90.000.000 рублей. Понятно, что при такихъ условіяхъ согласія Редакціонныхъ Комиссій на предложеніе большинства Владимірскаго комитета быть не могло, но. при окончательной редакціи Положенія 19 февраля 1861 г., относительно скромныя желанія Парначева были удовлетворены, такъ какъ оброки по всей Россіи были увеличены Редакціонными Комиссіями съ 8 руб. до 9, а въ лучшихъ частяхъ четырехъ уѣздовъ Владимірской губерніи и до 10 руб.; высшіе же размѣры надѣловъ во Владимірской губ. тамъ, гдѣ они предполагались въ 5 и $4^1/_2$ дес. на рев. д., были уменьшены на $^1/_2$ десятины.

Замѣчательно, что всѣ три депутата Владимірскаго комитета, несмотря на различіе своихъ мнѣній по основнымъ вопросамъ, касающимся аграрныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, единодушно возражали противъ предположенія большинства Комиссій о наложеніи на помѣщичьи лѣса Владимірской губерніи, отнесенной къ лѣсистой полосѣ, сервитутовъ по снабженію крестьянъ топливомъ тамъ, гдѣ они имъ пользовались: они доказывали, что лѣса во Владимірской губ. послѣ проведенія Нижегородской жел. дороги возросли въ цѣнѣ до 300%, и что лѣсоистребленіе въ губерніи съ развитіемъ промышленности идетъ и будетъ идти быстрыми шагами. При этомъ Гавриловъ умно полагалъ, что наложеніе сервитута на помѣщичьи лѣса не окажетъ существеннаго вліянія на благосостояніе крестьянъ, а будетъ служить только поводомъ къ неразрѣшимымъ спорамъ и даже враждѣ между двумя уже независимыми другъ отъ друга сословіями и ускоритъ, къ обоюдной невыгодѣ обоихъ сословій, истребленіе лѣсовъ, между тѣмъ какъ Владимірская губернія, какъ одна изъ самыхъ промышленныхъ, нуждается въ правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ. Къ мнѣнію Владимірскихъ депутатовъ присоединился и бывшій въ засѣданіи 3 октября Московскій депутатъ С. С. Волковъ, справедливо доказывавшій, что Московская губернія по вопросу о лѣсѣ и топливѣ находится въ одинаковыхъ условіяхъ съ Владимірскою.

Начиная съ 3 октября, съ согласія предсѣдателя, я былъ выставленъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ для преній съ депутатами по докладамъ этого отдѣленія, наиболѣе затрогивающимъ ихъ интересы; роль эта мнѣ досталась какъ потому, что, будучи руководителемъ при составленіи свода изъ положеній губернскихъ комитетовъ, я былъ ближе всѣхъ знакомъ съ ихъ предположеніями, такъ и потому, что, по общему сознанію членовъ хозяйственнаго отдѣленія, мои совѣщанія съ депутатами дѣйствовали на нихъ менѣе раздражительно, чѣмъ пренія съ другими членами Комиссій.

По данному вопросу роль моя, какъ выставленнаго противъ депутатовъ оппонента, была нѣсколько затруднена тѣмъ, что я самъ въ засѣданіяхъ отдѣленія высказывался принципіально противъ введенія въ законъ объ освобожденіи крестьянъ какихъ бы то ни было сервитутовъ на занадѣльныя земли помѣстій, долженствующія быть обращенными *въ полную личную земельную собственность* дворянъ-помѣщиковъ.

Тѣмъ не менѣе, отвѣчая на замѣчанія трехъ Владимірскихъ и Московскаго депутатовъ по вопросу о надѣленіи крестьянъ лѣсомъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ и о снабженіи ихъ топливомъ въ лѣсистыхъ, я высказалъ имъ свое убѣжденіе въ томъ, что при окончательныхъ работахъ Редакціонныхъ Комиссій едва ли какая-либо часть Московской и Владимірской губерній будетъ причислена къ лѣснымъ мѣстностямъ, а, слѣдовательно, предположеніе Редакціонныхъ Комиссій о дополнительномъ до высшаго размѣра надѣлѣ лѣсными угодьями не будетъ относиться къ Московской и Владимірской губерніямъ. Что же касается лѣсовъ, нынѣ состоящихъ въ постоянномъ крестьянскомъ надѣлѣ, то, такъ какъ, по предположенію Комиссій, надѣлы остаются существующіе, нѣтъ никакихъ основаній изъять изъ надѣловъ крестьянъ то, что, будучи въ ихъ пользованіи и не превышая опредѣленнаго для мѣстности высшаго размѣра надѣла, не подлежитъ отрѣзкѣ. Въ имѣніяхъ же, гдѣ помѣщики предоставляли все свое достояніе въ пользованіе крестьянъ и не проводили опредѣленныхъ границъ между крестьянскими надѣлами и землями владѣльческихъ экономій, они, пользуясь своимъ правомъ отрѣзки земель, превышающихъ высшіе надѣлы, или правомъ оставленія за собою трети всѣхъ земель своего помѣстья, конечно, удержатъ наиболѣе цѣнные и сохранившіеся лѣса, предоставляя крестьянамъ только менѣе цѣнные. Во всякомъ случаѣ, при принятыхъ Комиссіями высшихъ размѣрахъ надѣловъ, тамъ, гдѣ крестьяне имѣли лѣса въ постоянномъ пользованіи, они безъ лѣса не останутся, а какъ они будутъ хозяйничать отведенными имъ въ постоянный надѣлъ и переходящими въ ихъ собственность лѣсами, это покажетъ время.

Затрудненія по лѣсному довольствію представятся только въ тѣхъ имѣніяхъ лѣсистой полосы, гдѣ крестьяне, не будучи надѣлены лѣсными угодьями, получали топливо изъ лѣсовъ владѣльческой экономіи. Въ такихъ помѣстьяхъ, по предположеніямъ Редакціонныхъ Комиссій, крестьянамъ должно отпускаться топливо за опредѣленныя повинности, противъ чего собственно и направлены, главнымъ образомъ, возраженія гг. Владимірскихъ и Московскаго депутатовъ. При окончательномъ разрѣшеніи этого вопроса правительству предстоитъ выборъ между неудобствомъ отнятія у крестьянъ, во имя улучшенія ихъ быта, того, чѣмъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ, и неудобствомъ введенія въ пользу крестьянъ

сервитутнаго права на западѣльныя земли, остающіяся въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ, что до нѣкоторой степени противорѣчитъ и стремленіямъ Редакціонныхъ Комиссій; послѣднія одушевлены желаніемъ провести такую рѣзко опредѣленную черту между тѣмъ, что предоставляется въ пользованіе крестьянъ, и тѣмъ, что остается во владѣніи дворянъ-помѣщиковъ, которая исключала бы всякую возможность нежелательныхъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ окончательно установить раздѣлъ помѣстья на земли, отводимыя въ постоянное безвозвратное пользованіе крестьянъ, и земли, обращаемыя также безповоротно въ полную личную собственность помѣщиковъ, безъ обложенія какими бы то ни было сервитутами. Вотъ почему несомнѣнно то, что важный вопросъ о наложеніи постоянныхъ сервитутовъ на владѣльческіе лѣса будетъ еще пересмотрѣнъ Редакціонными Комиссіями, при чемъ, конечно, заявленія гг. членовъ Владимірскаго и Московскаго губернскихъ комитетовъ будутъ серьезнымъ образомъ приняты во вниманіе.

Милютинъ осторожно замѣтилъ, что этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, истекающіе изъ замѣчаній и возраженій депутатовъ, долженъ быть, конечно, еще предметомъ всесторонняго обсужденія въ соотвѣтствующихъ отдѣленіяхъ Комиссій, но что, въ виду весьма вѣскихъ доводовъ въ пользу того и другого мнѣнія, едва ли спорный вопросъ этотъ можетъ быть предрѣшенъ въ настоящую минуту въ томъ или другомъ смыслѣ [1].

Совѣщанія наши съ Владимірскими депутатами были окончены сравнительно благополучно, и можно было надѣяться, что законопроектъ Редакціонныхъ Комиссій, послѣ нѣкоторыхъ уступокъ въ цифрахъ высшихъ надѣловъ, увеличенія предѣльныхъ оброковъ на одинъ рубль съ душевого участка и совершеннаго снятія съ помѣщичьихъ лѣсовъ всякихъ лѣсныхъ сервитутовъ, будетъ принятъ Владимірскимъ дворянствомъ безъ неудовольствія.

Затѣмъ мы перешли всецѣло къ совѣщаніямъ съ Московскимъ депутатомъ, которыя начались съ 3 октября и окончились 7-го.

[1]) По разсмотрѣніи письменныхъ отзывовъ депутатовъ и пересмотрѣ собственныхъ заключеній въ дополнительныхъ докладахъ, на основаніи приведенныхъ соображеній, Милютинъ окончательно отказался отъ мысли установить какіе бы то ни было сервитуты не только въ лѣсахъ, но и на какихъ бы то ни было земляхъ, обращенныхъ въ полную личную собственность помѣщиковъ въ великорусскихъ и малорусскихъ губерніяхъ.

Единственным депутатом отъ Московскаго дворянства былъ депутатъ отъ большинства комитета, почтенный С. С. Волковъ, такъ какъ депутатъ, избранный меньшинствомъ, А. А. Велицкій, по внезапной болѣзни уѣхалъ за границу и не могъ прибыть въ Петербургъ.

С. С. Волковъ, дворянинъ-помѣщикъ Клинскаго уѣзда, былъ человѣкъ солидный, образованный и уже пожилой. Онъ состоялъ лѣтъ двадцать на службѣ государственной и по выборамъ, слѣдовательно, пользовался уваженіемъ и довѣріемъ Московскаго дворянства. При всемъ томъ положеніе его, какъ депутата губернскаго комитета, было очень затруднительно, такъ какъ въ средѣ комитета мнѣнія членовъ раздѣлились на двѣ почти равныя партіи, а именно партію большинства изъ 15 и меньшинства изъ 14 членовъ; между послѣдними были: губернскій предводитель дворянства П. И. Воейковъ, самый выдающійся по своей талантливости членъ комитета Н. Н. Павловъ, назначенный членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, и князь С. И. Урусовъ. За отсутствіемъ оффиціальнаго депутата отъ этого меньшинства, С. С. Волкову пришлось быть представителемъ обѣихъ партій, да и, сверхъ того, считаться съ мнѣніями входившихъ, хотя почти только номинально, въ составъ Московскаго комитета высшихъ сановниковъ, изъ которыхъ одни, какъ, напримѣръ, свѣтлѣйшій кн. А. С. Меньшиковъ и кн. П. П. Гагаринъ, относились прямо враждебно ко всему дѣлу освобожденія крестьянъ, а другіе, какъ, напр., гр. С. Г. Строгановъ, не сочувствовали земельному освобожденію крестьянъ и желали сохраненія своихъ патримоніальныхъ правъ надъ выходящими изъ крѣпостной зависимости крестьянами. Много нужно было такта избранному большинствомъ Московскаго комитета депутату для того, чтобы выйти изъ своего затруднительнаго положенія.

Большинство Московскаго комитета въ своемъ направленіи наиболѣе расходилось съ направленіемъ, принятымъ Редакціонными Коммиссіями. Такъ какъ бо́льшая часть помѣстій Московской губ. уже состояла на оброкѣ, то, согласившись на предоставленіе крестьянамъ личной свободы, большинство Московскаго дворянства желало удержать за собою всѣ тѣ права надъ своими помѣстьями, которыми оно пользовалось, а въ случаѣ утраты ихъ желало получить дорогое за то вознагражденіе. Поэтому, подчиняясь требованіямъ правительственной программы объ обязательной продажѣ

крестьянамъ ихъ усадебъ, большинство Московскаго комитета стремилось къ тому, чтобы выкупъ усадебъ былъ и выкупомъ личности. Вслѣдствіе этого С. С. Волковъ, когда ему замѣчали, что законопроектъ объ освобожденіи крестьянъ не можетъ допустить выкупа личности, ссылался на ст. 128 устава объ упр. казенн. им. западныхъ и балтійскихъ губерній, которая допускала личные оброки и съ бобылей. Притомъ же проектъ большинства Московскаго комитета относительно полевой земли не соглашался оставить за крестьянами существующихъ ихъ земельныхъ надѣловъ, а, согласно съ правительственной программою, отводилъ имъ надѣлы въ опредѣленномъ размѣрѣ только на 12-лѣтній срокъ съ тѣмъ, чтобы, по истеченіи онаго, обязанность помѣщиковъ надѣлять крестьянъ землею прекратилась, и дальнѣйшее пользованіе крестьянъ бывшею ихъ надѣльною землею и выкупъ ея опредѣлялись исключительно добровольными соглашеніями между крестьянами и помѣщиками. Правда, указанные комитетомъ на 12-лѣтній періодъ надѣлы крестьянъ землею были поставлены довольно широко и приближались къ высшимъ надѣламъ, предположеннымъ Редакціонными Коммисіями, но зато при выкупѣ крестьянами ихъ земельныхъ угодій эти надѣлы уменьшались на половину. Впрочемъ, Волковъ имѣлъ великодушіе заявить, что, при развитіи вопроса о выкупѣ, онъ лично вполнѣ присоединяется къ тому мнѣнію, что выкупъ есть единственный исходъ изъ настоящаго положенія.

Меньшинство Московскаго комитета стояло принципіально несравненно ближе къ основаніямъ, выработаннымъ Редакціонными Коммиссіями. Оно стремилось къ полному освобожденію крестьянъ и къ скорѣйшей развязкѣ крѣпостныхъ отношеній путемъ выкупа не только усадебъ (заключающаго въ себѣ маскированный выкупъ личности крестьянъ), но и земельныхъ надѣловъ, только, къ сожалѣнію, въ слишкомъ уменьшенномъ размѣрѣ противъ существовавшихъ въ Московской губ. крестьянскихъ надѣловъ.

Понятно, до какой степени трудно было Московскому депутату выбраться изъ своего затруднительнаго положенія между тремя теченіями, существовавшими въ средѣ Московскихъ дворянъ-помѣщиковъ, а именно: между желаніемъ однихъ сокрушить законопроектъ, выработанный на глазахъ самого Государя и съ Его согласія, и затормозить все дѣло на неопредѣленное время, между желаніемъ другихъ удержать крестьянъ навсегда въ своей админи-

стративной и экономической зависимости и, наконецъ, стремленіемъ третьихъ къ скорѣйшей развязкѣ всего аграрнаго вопроса путемъ дорогого выкупа личности крестьянъ и небольшого количества земли для обезпеченія ихъ быта и обращенія остальныхъ занадѣльныхъ земель помѣстья въ полную личную собственность дворянскаго сословія [1]).

Послѣ совѣщаній съ Ярославскими, Владимірскими и Московскими депутатами очередь дошла до Тамбовскихъ, которыхъ было два: депутатъ отъ большинства комитета, Темниковскій помѣщикъ, отст. гв. поруч. Н. В. Никифоровъ, и отъ меньшинства комитета— Кирсановскій помѣщикъ камергеръ Г. Ѳ. Петрово-Соловово. Оба они принадлежали къ родовитому дворянству своей губерніи, получили прекрасное воспитаніе и развились въ средѣ столичной интеллигенціи, вращаясь въ Петербургскихъ салонахъ, но въ то же время часто заглядывали въ свои богатыя помѣстья и, несомнѣнно имѣя глубокіе корни въ родной землѣ, были достаточно знакомы съ мѣстными экономическими условіями. Принципіальнаго различія между положеніями, выработанными большинствомъ и меньшинствомъ комитета, не было, а потому оба депутата сошлись между собою и подписали одинъ и тотъ же письменный отзывъ. Да и съ Редакціонными Комиссіями разногласіе Тамбовскихъ депутатовъ было не принципіальное.

Тамбовское дворянство очень неохотно подчинилось требованію правительственной программы относительно обязательнаго для обѣихъ сторонъ выкупа крестьянскихъ усадебъ, но назначило крайне высокія за нихъ оцѣнки съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ отдѣльный выкупъ усадебъ, по справедливому мнѣнію Тамбовскаго дворянства, одинаково невыгодный для обѣихъ сторонъ.

Выкупъ же крестьянскихъ надѣловъ, состоящихъ изъ усадебъ

---

[1]) Послѣ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ уступокъ депутатамъ губернскихъ комитетовъ, законопроектъ Редакціонныхъ Комиссій, обратившійся безъ существенныхъ измѣненій въ законъ 19 февраля 1861 г., имѣлъ для Московской губ. слѣдующія послѣдствія. Въ этой губерніи при освобожденіи крестьянъ было 2.820 помѣстій, въ составъ которыхъ входило 208.000 душъ мужского пола и свыше 1.650.000 дес. земли. Земля эта подѣлена была между помѣщиками и крестьянами такъ, что у послѣднихъ остались въ пользованіи существующіе надѣлы въ количествѣ 850.000 дес. (болѣе 50% пахотной), а за дворянами-помѣщиками закрѣплено было въ полную собственность 800.000 дес. земли (7% пах.); за выкупъ крестьянской надѣльной земли помѣщики получили, съ ихъ на то согласія, 28 милл. руб., которые крестьянами были погашены, при 50-лѣтней разсрочкѣ, къ 1905 г.

и полевыхъ угодій въ совокупности, Тамбовскіе депутаты признавали не только совершенно правильнымъ, но даже единственнымъ исходомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, основаннымъ на правѣ и необходимости, потому что со временемъ онъ одинъ могъ бы привести къ установленію свободнаго труда на правильныхъ и выгодныхъ для обѣихъ сторонъ началахъ. Такой выкупъ Тамбовскіе депутаты предлагали сдѣлать обязательнымъ для крестьянъ, при содѣйствіи правительства, по требованію помѣщиковъ, но не принудительнымъ для сихъ послѣднихъ. На это мы отвѣтили, что, согласно волѣ Царя-Освободителя, ни о какой принудительности выкупа для помѣщиковъ не можетъ быть и рѣчи. Что же касается предоставленія помѣщикамъ права требовать выкупа крестьянскихъ надѣловъ, то требованіе это въ сущности могло бы быть предъявлено не къ крестьянамъ, не имѣющимъ на то никакихъ средствъ, а къ правительству, которое охотно дастъ эти средства, но не иначе, какъ при установленіи имъ самимъ предѣльнаго размѣра повинности и выкупной суммы за *существующіе* крестьянскіе надѣлы безо всякаго ихъ уменьшенія.

Разнорѣчіе между Редакціонными Коммиссіями и Тамбовскимъ дворянствомъ состояло въ томъ, что Коммиссіи не допускали, кромѣ исключительныхъ случаевъ, уменьшенія крестьянскихъ надѣловъ и отрѣзокъ отъ крестьянскихъ земель, уже состоявшихъ въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ, а Тамбовскій комитетъ устанавливалъ нормальный размѣръ надѣла въ многоземельныхъ помѣстьяхъ $1\frac{1}{2}$ дес., въ среднеземельныхъ—$1\frac{1}{4}$, а въ малоземельныхъ—1 дес., что уменьшило бы количество земель, находившихся въ пользованіи крестьянъ по обычному праву, болѣе, чѣмъ на половину. Редакціонныя же Коммиссіи, принимая за основаніе крестьянскихъ надѣловъ существующій фактъ, нигдѣ ихъ не увеличивали, а, устанавливая для каждаго уѣзда высшій размѣръ надѣла, допускали отрѣзки отъ существующихъ надѣловъ только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда крестьянскіе надѣлы превышали эти высшіе размѣры. Въ трехъ наиболѣе населенныхъ черноземныхъ уѣздахъ эти высшіе надѣлы Коммиссіи опредѣляли въ 3 дес., въ пяти—въ $3\frac{1}{2}$, а въ четырехъ сѣверныхъ нечерноземныхъ уѣздахъ—въ 4 дес. на рев. душу. Первыя двѣ цифры, по свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ, очень мало превышали средніе надѣлы, а послѣдняя, хотя и превышала ихъ, но была принята для нечерноземныхъ

уѣздовъ только потому, что высшія цифры надѣловъ служили за основаніе исчисленія повинностей, и невозможно было допустить, чтобы повинности за плохую нечерноземную землю были одинаковы съ повинностями за прекрасную черноземную. Большинство Тамбовскаго губернскаго комитета при ничтожныхъ нормальныхъ надѣлахъ назначало за нихъ 5 руб. за десятину, а меньшинство —4 руб. въ годъ. При переходѣ съ барщины на оброкъ это дало бы или оброкъ, вдвое превосходящій предположенный Комиссіями, или, что еще хуже, уменьшеніе надѣловъ на половину и сдѣлало бы выкупъ крестьянами ихъ надѣльныхъ земель невозможнымъ, а при пользованіи ими неимовѣрно ухудшило бы бытъ крестьянъ.

Особенно горячо отстаивалъ интересы помѣщиковъ въ сѣверныхъ нечерноземныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи депутатъ Никифоровъ, который, хотя и признавалъ, что почва этихъ уѣздовъ гораздо хуже, чѣмъ почва южныхъ черноземныхъ, но говорилъ, что по своему малоземелью и сравнительной густотѣ населенія они должны быть выдѣлены, вмѣстѣ съ сѣверными уѣздами Рязанской и Тульской губерній, въ особую полосу, промежуточную между черноземною нестепной и сѣверо-западнымъ полѣсьемъ. Кн. Черкасскому и мнѣ, какъ помѣщикамъ Тамбовской, Рязанской и Тульской губерній, хорошо знакомымъ съ указываемой имъ переходной полосою и значеніемъ для нея дорогихъ культуръ (пеньки, льна и свекловицы), была ясна совершенная безцѣльность выдѣленія такой полосы.

Затѣмъ, хотя и выяснилось, что принципіальнаго разногласія между Редакціонными Комиссіями и Тамбовскими депутатами не было, все же различіе въ размѣрахъ надѣловъ и повинностей было такъ велико, что ни о какихъ соглашеніяхъ по этому предмету не могло быть и рѣчи.

Разстались мы съ Тамбовскими депутатами, однакоже, не враждебно. Они были видимо успокоены нашимъ заявленіемъ о томъ, что уже и теперь въ Комиссіяхъ возбужденъ вопросъ о повышеніи предѣльной цифры оброка съ душевого участка на одинъ рубль, а что высшія цифры надѣловъ въ четырехъ сѣверныхъ нечерноземныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи будутъ пересмотрѣны и могутъ быть понижены на полдесятины, такъ какъ это почти не вызоветъ отрѣзокъ изъ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ [1]).

[1]) Вотъ какіе результаты для Тамбовской губерніи имѣло примѣненіе закона 19 февраля 1861 г. Въ Тамбовской губерніи въ эпоху освобожденія кре-

Одновременно съ совѣщаніями съ Тамбовскими депутатами, происходившими въ четырехъ засѣданіяхъ и отнявшими у насъ много времени, мы успѣли въ двухъ засѣданіяхъ (7 и 10 октября) окончить, кромѣ того, совѣщанія съ Вятскимъ депутатомъ. По отношенію къ устройству своего губернскаго комитета Вятская губернія, въ которой по небольшому числу дворянъ и дворянскихъ помѣстій совсѣмъ не было дворянскихъ выборовъ, находилась въ особыхъ и исключительныхъ условіяхъ. Вятскій губернскій комитетъ былъ поэтому составленъ изъ членовъ не по выбору, а по назначенію и приглашенію правительства. Въ составъ его вошли малочисленные дворяне-помѣщики, проживавшіе въ своихъ помѣстьяхъ (числомъ 7), и два члена отъ правительства изъ высшихъ мѣстныхъ чиновниковъ [1]), изъ которыхъ одинъ, А. П. Тиховидовъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета и явился въ Петербургѣ единственнымъ депутатомъ отъ Вятскаго губернскаго комитета.

А. П. Тиховидовъ, сдѣлавшійся потомственнымъ дворяниномъ въ то время, когда пріобрѣтенный на службѣ чинъ коллежскаго асессора давалъ право на потомственное дворянство, былъ умнымъ

стьянъ было въ 2.820 дворянскихъ помѣстьяхъ до 2.500.000 дес. земли и до 340.000 рев. душъ. м. п. Изъ земель помѣстій до 850.000 состояло въ пользованіи крестьянъ (82% пахотной земли). Изъ этого количества по уставнымъ грамотамъ, согласно закону 19 февраля 1861 г., было закрѣплено въ пользованіе крестьянъ 830.000 дес. (такъ какъ крестьяне потеряли изъ существующихъ надѣловъ до 20 тыс. дес., въ силу введенной въ Положеніе 19 февраля Государственнымъ Совѣтомъ статьи о даровыхъ надѣлахъ), а въ полную собственность дворянъ-помѣщиковъ поступило 1.670.000 дес. (60% пахотной). За выкупъ поступившей въ безсрочное пользованіе крестьянъ земли помѣщики получили впослѣдствіи до 38 милл. руб., которые, при 50-лѣтней разсрочкѣ, были погашены крестьянами къ 1905 г. Между тѣмъ, если бы было принято положеніе Тамбовскаго губ. комитета, то существующіе надѣлы крестьянъ были бы уменьшены на половину, а отдѣльный дорогой выкупъ крестьянскихъ усадебъ поглотилъ бы во время срочно-обязаннаго періода всѣ средства крестьянъ, и по истеченіи этого періода всѣ земли помѣстій были бы обращены въ *полную* собственность помѣщиковъ, крестьяне же были бы совершенно обезземелены.

[1]) Приглашенными въ составъ комитета были помѣщики: Малмыжскаго уѣзда К. А. Юшковъ, Уржумскаго—П. А. Шебалинъ и Н. П. Депрейсъ, Яранскаго—М. А. Молдавскій, Сарапульскаго—К. Г. Имшенецкій и В. Я. Чайковскій; членами отъ правительства были: А. П. Тиховидовъ и П. А. Зубовъ. Единственный крупный помѣщикъ Вятской губерніи, въ помѣстьяхъ котораго было болѣе 7.000 рев. д. м. п. и 36.000 дес. земли, Пав. Дм. Дурново, женатый на дочери фельдмаршала свѣтл. кн. Волконскаго, жилъ постоянно въ Петербургѣ и, по своей просвѣщенности, не относился враждебно къ дѣлу освобожденія крестьянъ.

и дѣльнымъ чиновникомъ, владѣвшимъ небольшимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ въ Вятской губерніи.

Положеніе, выработанное Вятскимъ губернскимъ комитетомъ, заключалось въ томъ, что Вятскій комитетъ опредѣлилъ только низшіе (наименьшіе) обязательные для помѣщиковъ размѣры надѣловъ въ 2, $2^2/_5$ и $2^4/_5$ дес. на рев. душу, смотря по принадлежности помѣстья къ мало-, средне- и многоземельнымъ, а затѣмъ старался удержать за крестьянами существующіе надѣлы, оставляя ихъ безъ измѣненія въ оброчныхъ имѣніяхъ обязательно для помѣщиковъ, въ издѣльныхъ же имѣніяхъ указывалъ также на оставленіе за крестьянами ихъ существующихъ тягловыхъ надѣловъ, но только на условіяхъ, устанавливаемыхъ добровольными соглашеніями крестьянъ съ помѣщиками; высшихъ же размѣровъ надѣловъ губернскій комитетъ вовсе не опредѣлялъ.

Избранные хозяйственнымъ отдѣленіемъ для совѣщанія съ Вятскимъ депутатомъ члены Редакціонныхъ Коммиссій, Соловьевъ и я, объяснили Тиховидову, что по законопроекту Коммиссій низшіе размѣры ихъ надѣловъ даже ниже опредѣленныхъ Вятскимъ комитетомъ, но Редакціонныя Коммиссіи никогда не отступятъ отъ установляемаго ими принципа обязательнаго для помѣщиковъ оставленія за крестьянами существующихъ надѣловъ, не дѣлая въ этомъ отношеніи различія между имѣніями оброчными и издѣльными, такъ какъ подобное различіе едва ли было бы справедливо. Если же законопроектъ и назначилъ высшіе размѣры надѣловъ въ 5 и 6 десятинъ на рев. душу, то это, конечно, не съ цѣлью увеличенія крестьянскихъ надѣловъ тамъ, гдѣ они превышали 2 дес. на рев. душу, а съ тѣмъ, чтобы дать возможность отрѣзать изъ пользованія крестьянъ всѣ земли, превышавшія эти высшіе размѣры тамъ, гдѣ крестьяне ими пользовались. Поэтому разногласіе между положеніемъ Вятскаго комитета и законопроектомъ Редакціонныхъ Коммиссій заключалось не въ размѣрахъ надѣловъ, которые и Вятскій комитетъ не предполагалъ уменьшать, но въ томъ, что высшіе размѣры надѣловъ служили основаніемъ къ исчисленію повинностей; впрочемъ, и здѣсь разногласіе между Вятскимъ комитетомъ и Коммиссіями не относилось къ оброчнымъ имѣніямъ, въ которыхъ и Вятскій комитетъ, въ виду улучшенія быта, не допускалъ никакого увеличенія оброковъ, а къ издѣльнымъ, гдѣ Редакціонныя Коммиссіи устанавливали высшій размѣръ оброка въ 8 руб.

съ высшаго размѣра душевого участка, а по положенію Вятскаго комитета имъ пришлось бы платить отъ 12 до 24 руб. на душу м. п. Этотъ оброкъ далеко превысилъ бы платежныя средства крестьянъ и цѣнность выкупаемыхъ земель, а, слѣдовательно, заключалъ бы въ себѣ выкупъ личности и притомъ весьма дорогой. Правда, что въ оброчныхъ имѣніяхъ Вятскій комитетъ смягчилъ эти невозможныя цифры тѣмъ, что не допустилъ возвышенія существующихъ оброковъ, но зато назначеніе подобныхъ оброковъ въ имѣніяхъ издѣльныхъ сдѣлало бы невозможнымъ для крестьянъ переходъ на оброки и увѣковѣчило бы невозможную и невыгодную для обѣихъ сторонъ послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости барщину.

Противъ нашихъ доводовъ А. П. Тиховидовъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій, но представилъ свои соображенія противъ отнесенія Вятской губерніи къ лѣсной полосѣ, доказывая, что обширные лѣса этой губерніи принадлежатъ казнѣ, а что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ лѣсовъ очень мало.

Противъ этого возразилъ Соловьевъ, доказывая необходимость въ Вятской губерніи лѣсныхъ надѣловъ для поддержанія крестьянскихъ хозяйствъ, въ которыхъ лѣсные промыслы играютъ важную роль. Я же замѣтилъ, что относительно вопроса о дополнительныхъ лѣсныхъ надѣлахъ и дровяномъ довольствіи крестьянъ взгляды, конечно, могутъ быть весьма различны, но что при достаточно высокихъ размѣрахъ высшихъ надѣловъ помѣщикъ можетъ легко избѣжать дѣйствительно тяжелой обязанности снабженія крестьянъ топливомъ, да и вообще избавиться отъ всякихъ сервитутовъ на свои лѣса дополненіемъ крестьянскихъ надѣловъ до высшаго размѣра, такъ какъ въ такомъ случаѣ во владѣніе крестьянъ будетъ отведено достаточное количество лѣсныхъ площадей для дровяного довольствія. Во всякомъ случаѣ невозможно допустить, чтобы Вятская губернія могла быть исключена изъ лѣсныхъ, такъ какъ тогда едва ли нашлись бы во всей Россіи уѣзды съ помѣщичьими имѣніями, которые можно было бы причислить къ лѣсной полосѣ.

Однакоже, заявленіе депутата изъ лѣсной полосы не осталось безъ послѣдствій. Единодушный протестъ всѣхъ великороссійскихъ депутатовъ противъ сохраненія на занадѣльныхъ лѣсахъ помѣщиковъ лѣсныхъ сервитутовъ убѣдилъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій въ томъ, что при ихъ правильномъ стремленіи раздѣлить земли

помѣстья навсегда на тѣ, которыя, состоя съ незапамятныхъ временъ въ пользованіи крестьянъ, должны быть закрѣплены сначала въ ихъ вѣчномъ и неотъемлемомъ пользованіи, а затѣмъ, при дѣятельномъ содѣйствіи правительства, выкуплены въ собственность сельскихъ обществъ, и тѣ заподѣльныя земли помѣстій, которыя уже навсегда должны быть обращены въ полную личную земельную собственность помѣщиковъ,—собственность эта не можетъ быть правильно установлена иначе, какъ снятіемъ съ помѣщиковъ и съ ихъ личной земельной собственности всякихъ сервитутовъ [1]).

Послѣ окончанія нашихъ совѣщаній съ Тамбовскими и Вятскимъ депутатами, мы перешли къ совѣщаніямъ съ Нижегородскими, которыя заняли у насъ три засѣданія общаго собранія, 10, 14 и 19 октября.

Нижегородскій губернскій комитетъ былъ представленъ двумя депутатами: депутатомъ отъ большинства комитета Н. Д. Стремоуховымъ и депутатомъ отъ меньшинства Г. Д. Нестеровымъ.

Изъ нихъ Стремоуховъ былъ несомнѣнно выдающеюся и талантливою личностью. Принадлежалъ онъ къ древнему дворянскому роду и имѣлъ родовое помѣстье въ Горбатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Родился онъ въ 1828 г. и получилъ блестящее образованіе; окончивъ курсъ наукъ въ 1847 г. въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, онъ дополнилъ свое развитіе въ концѣ 1840-хъ годовъ, вращаясь въ средѣ столичной интеллигенціи, но около 1852 г. вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ помѣстьи Нижегородской губерніи. Очень скоро послѣ того онъ былъ избранъ въ Горбатовскіе предводители дворянства, а 17 декабря 1857 г. былъ однимъ изъ 115 Нижегородскихъ дворянъ, подписавшихъ постановленіе дворянства о томъ, что оно, стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ намѣреніямъ своего возлюбленнаго Монарха по вопросу объ освобожденіи крестьянъ,

[1]) По отношенію къ Вятской губерніи примѣненіе закона 19 февр. 1861 г. дало слѣдующіе результаты. Въ Вятской губерніи при освобожденіи крестьянъ было до 150 дворянъ-помѣщиковъ и въ ихъ помѣстьяхъ 580.000 дес. земли, на которыхъ проживало болѣе 25.000 рев. душъ крестьянъ. Въ силу закона о сохраненіи за ними существующихъ надѣловъ, въ ихъ вѣчное пользованіе поступило по уставнымъ грамотамъ 78.250 дес. земли (изъ нихъ до 70% пахотной). Въ полную же собственность дворянъ-помѣщиковъ было обращено изъ ихъ помѣстій до 500 тыс. дес. Надѣльныя земли крестьянъ, съ согласія помѣщиковъ, были выкуплены правительствомъ приблизительно за 2½ милл. руб., и сумма эта, при 50-лѣтней разсрочкѣ, погашена крестьянами къ 1905 году.

единодушно выражаетъ желаніе принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его святую волю на основаніяхъ, какія Его Величеству будетъ угодно указать.

Въ началѣ октября 1859 г. Стремоуховъ уже прибылъ въ качествѣ депутата въ Петербургъ и принялъ дѣятельное участіе въ нашихъ работахъ своими замѣчаніями о законопроектѣ; хотя онъ и не сошелся съ нами, онъ все же сообщилъ намъ свои интересные взгляды, какъ мѣстный экспертъ по крестьянскому дѣлу [1]), обнаруживъ въ своихъ диспутахъ съ нами тонкое образованіе, даръ слова, знаніе мѣстныхъ экономическихъ условій и діалектику ловкаго адвоката, принявшаго на себя защиту интересовъ лицъ, его выбравшихъ.

По возвращеніи П. Д. Стремоухова въ родное помѣстье, онъ на первыхъ же дворянскихъ выборахъ былъ избранъ Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ назначенъ Рязанскимъ губернаторомъ, но, не имѣя достаточнаго состоянія, не могъ долго удержаться на этой должности [2]) и перешелъ въ Петербургъ, назначенный членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Выйдя въ отставку въ 1880-хъ годахъ, онъ нынѣ [3]) имѣетъ еще утѣшеніе, проживъ полвѣка со дня подписанія адреса Нижегородскихъ дворянъ Царю-Освободителю, благополучно ожидать дня 50-лѣтія Манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Ген. Дм. Нестеровъ такъ же, какъ и Стремоуховъ, великодушно подписавшій актъ Нижегородскаго дворянства 17 декабря 1857 г., принадлежалъ къ дворянской семьѣ Нижегородской губерніи, былъ человѣкъ лѣтъ 30, умный и дѣльный, бывшій членомъ отъ правительства въ Нижегородскомъ губернскомъ комитетѣ, и явился въ Петербургъ депутатомъ отъ меньшинства губернскаго комитета, во главѣ котораго стоялъ почтенный губернскій предводитель дворянства Болтинъ.

Конечно, мы отнеслись съ особеннымъ вниманіемъ къ представителямъ вѣрнаго завѣтамъ своихъ предковъ начала XVII вѣка

---

[1]) См. приложеніе къ трудамъ Редакціонныхъ Коммиссій. Отзывы членовъ губернскихъ комитетовъ. Томъ I. С.-Петербургъ, 1860. Стр. 655—686.

[2]) Послѣ-реформенные губернаторы, лишившись навсегда своихъ „безгрѣшныхъ“ (откупныхъ) доходовъ, могли при 7000 р. содержанія быть на высотѣ своего положенія только въ томъ случаѣ, если они имѣли достаточное собственное состояніе, котораго Стремоуховъ не имѣлъ.

[3]) Фраза эта была написана въ 1910 году. (Прим. изд.).

доблестнаго Нижегородскаго дворянства и, понятно, употребили всѣ свои усилія, чтобы по возможности сойтись съ его представителями во взглядахъ на условія освобожденія крестьянъ, но, къ сожалѣнію, встрѣтили къ тому неодолимыя препятствія.

Совѣщанія наши съ Нижегородскими депутатами продолжались, какъ я уже сказалъ, въ теченіе трехъ засѣданій: 10, 14 и 19 октября. Мы пригласили сначала представителя меньшинства комитета, Г. Д. Нестерова, въ надеждѣ сойтись съ нимъ на компромиссахъ, такъ какъ намъ казалось, что принципіальнаго разногласія между нами не было. Нестеровъ дѣйствительно шелъ намъ навстрѣчу въ нашемъ желаніи сближенія, признавая, какъ онъ выражался, справедливость принятой нами системы надѣла крестьянъ землею и опредѣленія размѣра ихъ повинностей, а въ особенности соглашаясь съ нами относительно признанія того, что обязательныя отношенія крестьянъ въ переходный періодъ не могутъ быть устроены удовлетворительно, и что единственный способъ выйти изъ тягостнаго для обѣихъ сторонъ положенія, которое не можетъ быть исправлено никакими палліативными мѣрами, есть выкупъ обязательныхъ повинностей крестьянъ при дѣятельной помощи правительства. При этомъ Нестеровъ, признавая справедливость направленія Редакціонныхъ Коммиссій, не желавшихъ принуждать помѣщиковъ отдавать на выкупъ состоящую въ пользованіи крестьянъ землю, находилъ, однакоже, что выкупъ этотъ можетъ быть сдѣланъ обязательнымъ для крестьянъ, такъ какъ вопросъ о выкупѣ можетъ быть рѣшенъ за нихъ самимъ правительствомъ. Но вслѣдъ за этимъ выяснилось полное наше разногласіе съ либеральнымъ меньшинствомъ Нижегородскаго дворянства. Нестеровъ находилъ, что предположенные нами высшіе размѣры надѣловъ, служащіе между прочимъ и основаніемъ для исчисленія повинностей въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ существующіе надѣлы не достигаютъ этихъ размѣровъ, чрезмѣрно высоки.

Выставленные Редакціонными Коммиссіями для совѣщанія съ Нижегородскими депутатами члены Коммиссій отвѣчали, что предположенія Коммиссій настойчиво стремятся къ удержанію за крестьянами только существующихъ надѣловъ по возможности безъ измѣненія, и что высшіе размѣры надѣловъ существенно отличаются отъ предположенныхъ большинствомъ Нижегородскаго комитета нормальныхъ (2 дес. на душу м. п.) тѣмъ, что они по отношенію къ

количеству крестьянской земли имѣютъ цѣлью не дополненіе существующихъ крестьянскихъ надѣловъ до этого высшаго размѣра, а, напротивъ, допущеніе отрѣзки отъ этихъ надѣловъ, если они превышаютъ эти высшіе размѣры. Что же касается самыхъ размѣровъ высшихъ надѣловъ, предложенныхъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ Комиссій, различныхъ по уѣздамъ и частямъ уѣздовъ и еще не утвержденныхъ общимъ присутствіемъ до выслушанія отзывовъ гг. депутатовъ, то, конечно, они подлежатъ еще пересмотру и исправленію. При этомъ я высказалъ свое личное мнѣніе, что крайне затруднился бы предложить компромиссы между двумя сторонами, изъ которыхъ одна стремится къ непремѣнному выкупу существующихъ крестьянскихъ надѣловъ, если они не превосходятъ въ однихъ уѣздахъ $3^1/_2$ дес. на душу м. п., а въ другихъ даже 6 дес., а другая сторона, также, впрочемъ, настойчиво стоящая за выкупъ, какъ за самую желательную и полную развязку дѣла, предлагаетъ пока на выкупъ только $1^1/_3$ дес. на рев. душу м. п., какъ это дѣлаетъ меньшинство Нижегородскаго губернскаго комитета съ г. губернскимъ предводителемъ дворянства во главѣ.

Для насъ было очевидно, что скорѣйшая развязка всего крестьянскаго дѣла путемъ обязательнаго для правительства выкупа крестьянскихъ повинностей представлялась столь желанною меньшинству Нижегородскаго комитета, что его представитель Нестеровъ согласился бы пойти на компромиссы съ нашимъ хозяйственнымъ отдѣленіемъ. Однакоже, онъ прежде всего счелъ долгомъ предъявить намъ только-что полученное имъ письмо отъ состоявшаго въ меньшинствѣ комитета почтеннаго Нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства Н. П. Болтина, который, по совѣщаніи съ уѣздными предводителями дворянства и наличными дворянами губерніи, возражалъ противъ надѣловъ, предположенныхъ Комиссіями для Нижегородской губерніи, признавая такіе размѣры надѣловъ для бо́льшей части помѣщиковъ разорительными, а для крестьянъ—не могущими принести той пользы, которой ожидаютъ отъ нихъ Комиссіи. Губернскій предводитель заключалъ свое письмо выраженіемъ общаго желанія дворянъ Нижегородской губерніи, чтобы за норму надѣла крестьянъ для выкупа былъ принятъ проектъ меньшинства Нижегородскаго комитета.

Общее настроеніе дворянства Нижегородской губерніи въ октябрѣ 1859 г. было, слѣдовательно, очевидно. Оно чистосердечно

желало полнаго освобожденія крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не признавать и ихъ правъ на ту землю, которую они со времени нашествія татаръ орошали своей кровью, отстаивая ее отъ владычества иноплеменниковъ, и которою они безспорно и неотъемлемо пользовались съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ XVII вѣка, въ тѣсномъ единеніи съ своимъ дворянствомъ, народъ Нижегородскій освободилъ все Московское государство отъ временнаго ига заполонившихъ его враговъ. Поэтому Нижегородское дворянство въ 1857 г. уже сознавало необходимость при освобожденіи, по его иниціативѣ, крестьянъ своихъ помѣстій, подѣлиться съ ними землями, которыя до сихъ поръ неразрывно связывали оба сословія въ одно помѣстье, одинаково предназначенное Московскими Царями на кормленіе обоихъ сословій, при чемъ крестьяне изъ прежняго своего состоянія царскихъ сдѣлались барскими едва ли ранѣе XV вѣка.

Къ сожалѣнію, раздѣлъ помѣстій между крестьянами и помѣщиками былъ предположенъ Нижегородскимъ комитетомъ въ такомъ размѣрѣ, что крестьяне получали при своемъ неполномъ освобожденіи, по проекту большинства, по 2 дес. на душу, а при полномъ, по проекту меньшинства, по $1^1/_3$ дес., т.-е. лишались въ первомъ случаѣ 37%, а во второмъ—свыше 60% земель, которыми пользовались неотъемлемо со времени существованія Московскаго государства. Само собою разумѣется, что мы единодушно признали, что отрѣзка у крестьянъ до 60% ихъ надѣловъ была бы разорительна для нихъ и ни въ какомъ случаѣ, во имя желаемаго Царемъ-Освободителемъ улучшенія быта, допущена нами быть не можетъ.

Тогда Нестеровъ, очевидно еще желая пойти на компромиссъ, предложилъ, чтобы Коммиссія, не отступая отъ опредѣленной ими системы (удержанія за крестьянами, по возможности, существующихъ надѣловъ), предоставили опредѣленіе высшихъ надѣловъ мѣстнымъ учрежденіямъ, ограничиваясь установленіемъ положительныхъ правилъ для такого опредѣленія. Сверхъ того, Нестеровъ предлагалъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, предоставить имъ право отказа отъ $^1/_3$ обязательнаго надѣла, а помѣщикамъ—право уменьшать крестьянамъ существующіе надѣлы на $^1/_3$, съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ повинностей.

На эти предложенія Н. А. Милютинъ отвѣтилъ, что предоставленіе мѣстнымъ учрежденіямъ опредѣленія размѣровъ надѣловъ не можетъ имѣть мѣста, потому что Нижегородское дворянство выска-

зало, какъ видно изъ письма губернскаго предводителя дворянства, совершенно опредѣленно свой взглядъ на этотъ предметъ, признавая крестьянскіе надѣлы, превышающіе размѣры $1^1/_4$ дес. на рев. душу м. п., безполезными для крестьянъ и могущими служить къ разоренію помѣщиковъ. Что же касается предоставленія помѣщикамъ права уменьшать существующіе крестьянскіе надѣлы на $^1/_3$, то такое право шло бы въ разрѣзъ съ основнымъ началомъ, принятымъ Коммиссіями,—удержать какъ при освобожденіи крестьянъ, такъ и при выкупѣ существующіе надѣлы.

Разногласіе Редакціонныхъ Коммиссій съ представителемъ большинства Нижегородскаго комитета было принципіальное. Стремоуховъ заявилъ, что онъ никакъ не можетъ согласиться съ принципомъ оставленія за крестьянами существующихъ надѣловъ. По мнѣнію Нижегородскаго депутата, существующіе надѣлы образовались при другихъ экономическихъ условіяхъ. Нынѣ же, по сознанію помѣщиковъ и по требованію правительства, крестьяне должны получить только то количество земли, которое необходимо для обезпеченія ихъ быта и исполненія повинностей ихъ помѣщику и государству. Такимъ количествомъ большинство Нижегородскаго комитета признало 5 десятинъ на тягло, или 2 десятины на душу м. п. При этомъ Нижегородскій комитетъ понималъ, что для улучшенія быта крестьянъ необходимо нѣкоторое уменьшеніе ихъ обязательныхъ повинностей, а уменьшать существующія повинности безъ уменьшенія надѣла онъ счелъ для себя невозможнымъ, такъ какъ жертвовать частью своего состоянія могутъ только сами собственники, а не выбранные ими. Затѣмъ, по мнѣнію Нижегородскаго депутата, закрѣпленіе за крестьянами бо́льшаго количества земли, чѣмъ имъ дѣйствительно необходимо для обезпеченія ихъ быта, есть закрѣпленіе въ мертвомъ общинномъ владѣніи обширныхъ частей пространства, занима́емаго помѣстьями, въ ущербъ полной и самостоятельной личной собственности дворянъ. Такое закрѣпленіе повело бы къ недостатку рабочихъ рукъ для обработки помѣщичьихъ полей, питающихъ города, войска и торговлю.

На основаніи этихъ соображеній Стремоуховъ находилъ принятыя Редакціонными Коммиссіями цифры надѣловъ чрезмѣрными и настаивалъ на принятіи для Нижегородской губерніи цифры, указанной большинствомъ губернскаго комитета,—въ 2 дес. на душу м. п., какъ нормальнаго размѣра.

На это князь Черкасскій и я возразили, что если бы высшіе размѣры надѣловъ, устанавливаемые Редакціонными Коммиссіями, имѣли характеръ нормальныхъ или указныхъ надѣловъ и имѣли послѣдствіемъ увеличеніе существующихъ надѣловъ до опредѣленныхъ предѣловъ, то въ такомъ случаѣ мы охотно приступили бы къ совѣщанію о томъ, сколько земли необходимо для обезпеченія быта крестьянъ и исполненія ими ихъ повинностей по отношенію не только къ помѣщику, но и къ государству; тогда мы едва ли бы могли признать достаточнымъ не только количество земли, принятое меньшинствомъ комитета ($1^1/_4$ дес. на душу м. п.), но и цифру, принятую большинствомъ (2 дес.), а указали бы на цифру, признаваемую совершенно необходимою помѣщиками и опытными экспертами изъ лучшихъ по почвѣ уѣздовъ Тульской, Рязанской и Тамбовской губерній, а именно 6 дес. полевой земли (по 2 дес. въ полѣ) на тягло, а съ прибавкою покосовъ, выгоновъ и усадебной земли всего $7^1/_2$ дес. на тягло или 3 дес. на душу м. п.

Но споры на этой почвѣ были бы безконечны, надобности же въ нихъ нѣтъ никакой, разъ мы имѣемъ въ существующемъ надѣлѣ отвѣтъ на этотъ самый важный аграрный вопросъ,—отвѣтъ, который нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не приводитъ къ увеличенію крестьянскихъ надѣловъ, а только служитъ препятствіемъ къ разорительному для крестьянъ ихъ уменьшенію по цифрѣ, принятой большинствомъ Нижегородскаго комитета, на 37%, а по цифрѣ, принятой меньшинствомъ, на 60%.

Вопросъ о надѣлахъ и повинностяхъ въ Нижегородской губ. былъ исчерпанъ пока безо всякихъ осязательныхъ результатовъ, и въ послѣднемъ своемъ выступленіи Нижегородскій депутатъ Стремоуховъ затронулъ еще интересный повинностный вопросъ о круговой порукѣ, что̀ послужило къ выясненію взглядовъ на этотъ вопросъ Редакціонныхъ Коммиссій и Нижегородскаго депутата. Стремоуховъ утверждалъ, что круговая порука совсѣмъ не въ обычаѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и что она встрѣчается только въ нѣкоторыхъ, гдѣ депутатъ допускалъ ее, какъ временное зло, впредь до приведенія въ этихъ имѣніяхъ повинностей въ нормальное отношеніе къ надѣламъ. Стремоуховъ возражалъ также противъ ихъ взысканія по платежу оброковъ, предположенныхъ законопроектомъ, и въ особенности противъ продажи имущества по круговой порукѣ, безъ разбора, кому оно принадлежитъ. По его мнѣнію, единственнымъ

путемъ взысканія съ неисправныхъ плательщиковъ, безъ нарушенія чьихъ-либо правъ, было бы возвращеніе помѣщику участка неисправнаго плательщика; при такомъ порядкѣ накопленіе недоимокъ было бы невозможно.

На это кн. Черкасскій отвѣтилъ обстоятельнымъ изложеніемъ взглядовъ на этотъ предметъ большинства Редакціонныхъ Коммисій. Намъ всѣмъ, сказалъ онъ, хорошо извѣстны всѣ неудобства примѣненія круговой поруки, въ которой исправный плательщикъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за неисправнаго, но другой мѣры для обезпеченія полученія помѣщиками крестьянскихъ повинностей мы предложить не можемъ, такъ какъ мѣра, предлагаемая Нижегородскимъ депутатомъ, гораздо болѣе невыгодна для земледѣльческаго сословія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра повела бы къ быстрому обезземеленію крестьянъ, такъ какъ намъ всѣмъ изъ продолжительнаго владѣнья нашими родовыми помѣстьями хорошо извѣстно, что рѣдкій крестьянскій дворъ въ теченіе 10 лѣтъ хоть одинъ разъ не является недоимщикомъ. Притомъ же круговая порука является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того, что надѣленіе отдѣльныхъ крестьянъ по уставнымъ грамотамъ, а тѣмъ болѣе выкупъ надѣловъ каждымъ изъ нихъ въ личную собственность является невозможнымъ; остается довольствоваться закрѣпленіемъ этихъ надѣловъ по уставнымъ грамотамъ за цѣлымъ обществомъ, все равно, состоятъ ли земли въ общинномъ или подворномъ пользованіи, а затѣмъ по выкупнымъ актамъ пріобрѣтать эти надѣлы пока въ собственность сельскихъ обществъ или общинъ. Такимъ образомъ впредь до погашенія выкупного долга собственникомъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель явится *юридическое лицо*—сельское общество, владѣющее землею по крѣпостному акту и имѣющее право, пока оно владѣетъ или даже пользуется землею въ качествѣ общины, распредѣлять эту землю между своими членами по собственному усмотрѣнію. Круговая порука есть, слѣдовательно, отвѣтственность всего общества, какъ юридическаго собственника, за каждаго изъ своихъ членовъ, и продажа имущества у перваго попавшагося изъ членовъ общества есть только острастка противъ юридическаго лица, уклоняющагося отъ исполненія лежащихъ на немъ повинностей. Конечно, наиболѣе зажиточные крестьяне, имущество которыхъ будетъ продано за неисправность ихъ односельцевъ, сумѣютъ въ свое время взыскать съ нихъ потерянное или, по крайней мѣрѣ, вознаградить себя за понесенные убытки.

Разумѣется, если бы повинности крестьянъ были строго соразмѣрены съ доходностью ихъ земель и не падали бы на личность крестьянъ, то каждый участокъ могъ бы свободно отвѣчать за себя. Но съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, стремящихся къ обезпеченію въ Россіи народныхъ массъ сельскаго населенія отъ пролетаріата, земельный участокъ долженъ бы былъ отвѣчать за себя не передъ помѣщикомъ, а только передъ обществомъ. Другими словами, участокъ, въ случаѣ неисправности плательщика, долженъ былъ бы возвращаться не помѣщику, а обществу, которое безъ труда могло бы пріискать въ своей средѣ на этотъ участокъ исправнаго плательщика, заплативъ помѣщику недоимку временно круговой порукою, въ чемъ бы и не было особой тягости для общества, такъ какъ новый владѣлецъ участка возмѣстилъ бы впослѣдствіи обществу понесенные имъ послѣднимъ убытки; но и такой порядокъ является не вполнѣ состоятельнымъ тамъ, гдѣ повинности крестьянъ превышаютъ выгоды, извлекаемыя ими изъ ихъ надѣловъ, и падаютъ въ значительной мѣрѣ на ихъ личный трудъ. Въ такомъ случаѣ и примѣненіе круговой поруки является особенно тягостнымъ, потому что одинъ человѣкъ своимъ трудомъ или сбереженіями долженъ отвѣчать за безсиліе или праздность другого: здѣсь-то и является печальная необходимость вооружить общество еще и правомъ личнаго взысканія съ тѣхъ, которые уклоняются отъ повинности, падающей на ихъ личный трудъ. Благодаря этому составленный Редакціонными Комиссіями законопроектъ не можетъ допустить чрезмѣрныхъ оброковъ тамъ, гдѣ выгоды, извлекаемыя крестьянами изъ ихъ надѣловъ, не достигаютъ размѣра денежныхъ повинностей, которыми они обложены и которыя падаютъ на личную трудоспособность крестьянъ. Время, конечно, можетъ поправить несоотвѣтствіе при крѣпостномъ правѣ крестьянскихъ повинностей съ доходностью ихъ надѣловъ, которая можетъ возвыситься съ увеличеніемъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія и даже отъ улучшенія пріемовъ сельскаго хозяйства; но скоро это время наступить не можетъ, а пока личная отвѣтственность и круговая порука, какъ пережитокъ крѣпостного права, должны еще обезпечивать поступленіе доходовъ помѣщикамъ; лишь тогда, когда выкупъ, къ которому такъ стремятся Редакціонныя Комиссіи, переставитъ крестьянина изъ временно-обязанныхъ отношеній къ помѣщику въ обязательныя отношенія только къ государству, отъ

послѣдняго будетъ зависѣть измѣненіе системы взысканій съ неисправныхъ плательщиковъ, при непремѣнномъ, однакоже, условіи сохранить если не за отдѣльными крестьянами, то, по крайней мѣрѣ, за крестьянскими обществами пріобрѣтаемые ими, съ несомнѣнными пожертвованіями всѣхъ трехъ сторонъ—крестьянъ, дворянства и цѣлаго государства—земельные ихъ надѣлы.

Такимъ образомъ пламенно желаемаго председателемъ Редакціонныхъ Комиссій соглашенія съ Нижегородскими депутатами не послѣдовало. Между тѣмъ здоровье Ростовцова, подорванное тревогами, вызванными съ конца сентября, т.-е. со времени прибытія депутатовъ, всѣми интригами, направленными не только противъ него лично, но и противъ существованія Комиссій, такъ быстро слабѣло, что въ засѣданіяхъ 10 и 14 октября онъ предсѣдательствовалъ черезъ силу, а въ засѣданіи 19 октября, въ которомъ окончились наши совѣщанія съ Нижегородскими депутатами, онъ уже совсѣмъ присутствовать не могъ.

Намъ, членамъ-экспертамъ Редакціонныхъ Комиссій, было, разумѣется, уже въ то время хорошо извѣстно положеніе крестьянскаго дѣла въ Нижегородской губерніи, но только теперь, черезъ полвѣка, умудренный предпринятою мною въ 1877 г. (когда я стоялъ во главѣ русской статистики) общей переписью поземельной собственности, я могу представить полную картину того, въ какомъ видѣ представлялось крестьянское дѣло въ Нижегородской губерніи въ эпоху освобожденія крестьянъ. Картину эту я считаю умѣстнымъ воспроизвести здѣсь, ибо она можетъ служить объясненіемъ тѣхъ разногласій, которыя существовали между нами и лучшими, по своему направленію и чистотѣ своихъ желаній, депутатами губернскихъ комитетовъ.

Въ Нижегородской губерніи въ эпоху освобожденія крестьянъ было болѣе 3.000 помѣстій, въ составѣ которыхъ находилось 344.000 душъ м. п. крѣпостныхъ крестьянъ и до 2.300.000 десятинъ земли. Земля помѣстій была распредѣлена между крестьянами и помѣщиками такъ, что въ постоянномъ неотъемлемомъ пользованіи крестьянъ было 1.100.000 десятинъ (изъ нихъ 80% пахотной), остальныя же 1.200.000 десятинъ занадѣльныхъ земель (30% пахотной) оставались въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ и состояли изъ земель помѣщичьей экономіи (въ барщинныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщикъ самъ велъ свое хозяйство), изъ лѣсовъ, цѣнныхъ поемныхъ

луговъ и запасныхъ земель, изъ которыхъ помѣщикъ надѣлялъ пахотной землею прибылыя тягла и увеличивалъ соразмѣрно съ этимъ надѣленіемъ и свои запашки. Изъ помѣщичьихъ крестьянъ только 40% состояли на барщинѣ (издѣльной повинности), а 60% на оброкѣ.

Первые (состоявшіе на барщинѣ) у помѣщиковъ благодушныхъ и справедливыхъ управлялись на основаніи хорошо знакомаго обѣимъ сторонамъ обычнаго права, утѣсненій не знали, вѣдались въ своихъ отношеніяхъ между собою или своими сельскими сходами (міромъ), или судомъ стариковъ, безъ вмѣшательства помѣщика тамъ, гдѣ дѣла не касались его собственныхъ интересовъ. Зато при помѣщикахъ суровыхъ, взыскательныхъ до жестокости, а тѣмъ болѣе при отдачѣ помѣщиками полевыхъ и усадебныхъ работъ въ безконтрольное распоряженіе приказчиковъ или управляющихъ, барщина была невыносима и становилась ненавистною для издѣльныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ по закону права жалобы на помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ. При частомъ абсентеизмѣ помѣщиковъ, отсутствіе права и возможности жалобы на ихъ жестокихъ приказчиковъ было уже совершенно невыносимо, тѣмъ болѣе, что для послѣднихъ, не связанныхъ съ крестьянами никакими патріархальными традиціями, крестьяне были уже только исключительно „вещью, принадлежащею другому“.

Зато вторая и нѣсколько болѣе многочисленная (60%) категорія крестьянъ (т.-е. крестьяне оброчные) пользовалась относительною свободой, такъ какъ не знала никакой барщины и, распоряжаясь свободно своимъ трудомъ и отведенными ей надѣлами (которые по обычному праву уже не подлежали измѣненію), обязана была, по тому же праву по отношенію къ помѣщику, только платежомъ ему оброка въ сроки и въ размѣрахъ, имъ опредѣленныхъ. Къ чести помѣщиковъ Нижегородской губерніи нужно сказать, что оброки эти были умѣренные при очень достаточныхъ земельныхъ надѣлахъ, вполнѣ обезпечивавшихъ существованіе крестьянъ, но не дававшихъ средствъ къ уплатѣ помѣщикамъ назначаемыхъ ими оброковъ, каковые падали на личный трудъ крестьянъ и въ особенности на его промысловую дѣятельность, очень развитую между оброчными крестьянами губерніи, болѣе всего около главныхъ промышленныхъ ея центровъ. Обыкновенно эти оброки не превосходили 8 руб. съ души м. п. (20 руб. съ тягла), но у многихъ очень

крупныхъ и богатыхъ помѣщиковъ, какъ, напримѣръ, у гр. Шереметева и гр. Панина, цифры оброка были отъ 5 р. до 5 р. 50 коп. въ среднемъ съ души м. п., что въ нѣкоторой мѣрѣ понижало среднюю цифру оброковъ по всей губерніи [1]).

Зато были и такіе помѣщики, которые повышали оброки въ своихъ помѣстьяхъ до крайнихъ предѣловъ платежной способности своихъ крестьянъ, полагая, что изъ вещи, имъ принадлежащей, они въ правѣ извлекать всѣ возможныя выгоды. Самое же тягостное для оброчныхъ крестьянъ, пользовавшихся фактической свободою труда и обусловленной обычнымъ правомъ неизмѣняемостью въ количествѣ своихъ надѣльныхъ земель, было то, что ихъ относительная свобода и благосостояніе зависѣли не только отъ перехода помѣстья изъ рукъ въ руки по наслѣдству или путемъ купли-продажи, но и отъ перемѣны управляющаго, такъ какъ при каждой изъ такихъ перемѣнъ могли происходить для крестьянъ увеличеніе оброковъ, выселенія или переселенія, для отдѣльныхъ же крестьянъ взятіе ихъ во дворъ, отдача въ рекруты или принужденіе ихъ выкупаться на волю по дорогой цѣнѣ.

Въ послѣднее десятилѣтіе до освобожденія крестьянъ въ губерніяхъ Нижегородской, Владимірской и Ярославской явились даже скупщики заложенныхъ въ опекунскомъ совѣтѣ и просроченныхъ имѣній, которые, скупая небольшія населенныя имѣнія, пріѣзжали туда для того, чтобы извлечь изъ этихъ имѣній сразу весь затраченный на покупку ихъ капиталъ продажею лѣса, отпускомъ на высокіе оброки отдѣльныхъ лицъ, лично способныхъ къ высокимъ заработкамъ, вынужденіемъ ихъ идти на волю путемъ дорогого выкупа своей личности и т. д. Затѣмъ, обративъ въ деньги все, что возможно изъ состава помѣстій, эти скупщики увеличивали общій оброкъ со всего имѣнія до крайняго предѣла платежеспособности крестьянъ и выѣзжали изъ него съ тѣмъ, чтобы на извлеченныя изъ него деньги купить новое помѣстье, поступить съ нимъ такъ же,

[1]) Такіе низкіе оброки были бѣльмомъ на глазу для многихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, старавшихся довести оброки своихъ крестьянъ до крайнихъ предѣловъ ихъ платежной способности; и они, при помощи главноуправляющаго помѣстій Шереметева, старались убѣдить графа въ необходимости повышенія оброковъ; графъ не соглашался на это, говоря, что никогда не возвыситъ оброковъ и не желаетъ, чтобы при выходѣ своемъ на волю крестьяне терпѣли ущербъ въ своихъ матеріальныхъ интересахъ. Графу Панину никто не рѣшался говорить о повышеніи оброковъ въ его помѣстьяхъ, такъ какъ воля Государя *объ улучшеніи быта крестьянъ* была для него священна.

какъ съ прежнимъ, и обратиться въ нѣсколько лѣтъ изъ мелкихъ и недостаточныхъ помѣщиковъ въ богатые, путемъ разоренія своихъ крестьянъ.

Такими скупщиками могли быть только люди, пользовавшіеся правами потомственнаго дворянства, такъ какъ законъ не дозволялъ лицамъ не-дворянскаго сословія владѣть населенными имѣніями. Но это не были потомки тѣхъ нижегородцевъ, которые въ началѣ XVII в. освободили Московское государство отъ ига иноплеменниковъ. Это были по преимуществу тѣ дворяне, которые, по выраженію Императора Николая I, выходили „изъ аптекъ, консисторій и губернскихъ правленій“, пріобрѣтая по закону права̀ дворянскаго сословія производствомъ ихъ въ чинъ коллежскаго асессора за выслугу лѣтъ. Къ тому времени являлись у нихъ средства, необходимыя для покупки имѣній у помѣщиковъ, разорившихся благодаря столь распространенной между столбовымъ дворянствомъ губерній жизни не по средствамъ.

По примѣру этихъ скупщиковъ, въ послѣдніе годы и нѣкоторые разорившіеся коренные дворяне губерніи, владѣвшіе оброчными имѣніями, были вынуждены повышать оброки своихъ помѣстій до крайняго предѣла платежныхъ средствъ своихъ крестьянъ и естественно опасались своего разоренія, когда возникъ вопросъ о пониженіи этихъ быстро повышенныхъ оброковъ до высшаго размѣра денежнаго оброка, допускаемаго законопроектомъ для всей Россіи сначала въ 8, а потомъ въ 9 р. съ душевого участка.

Какъ бы то ни было, возвышенія оброковъ подъ фирмою улучшенія быта крестьянъ Нижегородскіе дворяне и сами не допускали, но депутату большинства Нижегородскаго дворянства, въ интересахъ лицъ, его избравшихъ, пришла въ голову очень оригинальная мысль. Онъ предложилъ слѣдующую хитроумную комбинацію. По его мнѣнію, слѣдовало опредѣлить оцѣнку каждаго душевого участка, поступающаго въ надѣлъ крестьянамъ, по усмотрѣнію дворянскихъ учрежденій и начесть 6% съ этой оцѣнки въ видѣ крестьянскаго оброка съ душевого участка, въ случаѣ же, если этотъ оброкъ не достигаетъ размѣра нынѣшняго, то остальное доплачивать помѣщику ежегодно изъ средствъ казны, а въ случаѣ выкупа дополнить капитализацію крестьянской платы за участокъ еще и капитализаціей дополнительной правительственной платы.

Редакціонныя Коммиссіи не рѣшились предложить правительству такую небывалую финансовую операцію.

Стремясь, однакоже, неуклонно къ установленію правильныхъ и безобидныхъ для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ аграрныхъ отношеній, мы уже при самомъ приступѣ къ возложенному на насъ составленію законопроекта, рѣшили, не допуская во имя улучшенія быта крестьянъ никакого увеличенія ихъ повинностей, прежде всего удержать за крестьянами при освобожденіи ихъ по возможности то количество земли, которымъ они пользовались и которое обезпечивало ихъ бытъ еще при крѣпостномъ правѣ.

Но здѣсь-то намъ и пришлось совершенно разойтись съ Нижегородскими депутатами какъ отъ большинства, такъ и отъ меньшинства комитета.

Депутатъ отъ меньшинства, идя навстрѣчу желаніямъ правительства о возможно скорой и полной развязкѣ крестьянскаго дѣла путемъ уничтоженія барщины и правительственнаго выкупа, требовалъ, чтобы правительство купило эту немедленную свободу крестьянъ не только уплатою всего выкупного долга, но и несравненно болѣе дорогою для крестьянъ цѣною, а именно цѣною отрѣзки отъ нихъ навсегда изъ находившихся при крѣпостномъ правѣ въ неотъемлемомъ ихъ пользованіи земель 620.000 дес. (60%).

Предложеніе же депутата отъ большинства, несмотря на то, что онъ расходился съ нами принципіально по многимъ вопросамъ, было въ сущности гораздо выгоднѣе для интересовъ крестьянъ, такъ какъ послѣдствіемъ принятія его предложенія была бы отрѣзка отъ существующихъ крестьянскихъ надѣловъ только 400.000 десятинъ (менѣе 40%).

Предложенія депутатовъ приняты нами не были, и нашъ законопроектъ устоялъ противъ всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ стремленій противниковъ земельнаго освобожденія крестьянъ. Законъ 19 февраля 1861 г. имѣлъ слѣдующіе результаты по отношенію къ Нижегородской губерніи. За 344.000 душами м. п. крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, были укрѣплены всѣ ихъ существующіе надѣлы по уставнымъ грамотамъ въ количествѣ 1.080.000 дес., а полною личной собственностью помѣщиковъ сдѣлались всѣ остальныя занадѣльныя земли помѣстья въ количествѣ 1.200.000 дес., съ которыхъ, согласно настоянію великороссійскихъ депутатовъ, сняты были всѣ лѣсные и другіе лежавшіе на нихъ сервитуты.

Благородное Нижегородское дворянство, вѣрное выраженному имъ 17 декабря 1857 г. великодушному предложенію освободить своихъ крестьянъ на основаніяхъ, какія угодно будетъ опредѣлить Царю-Освободителю, подчинилось безпрекословно Положенію 19 февраля 1861 г., при чемъ опасенія о разореніи дворянства, къ счастью, не подтвердились, такъ какъ кромѣ полученныхъ помѣщиками, съ ихъ согласія, выкупныхъ платежей за крестьянскіе надѣлы въ количествѣ 35 милл. руб., составлявшихъ капитализацію получаемыхъ дворянствомъ оброковъ, быстрое повышеніе цѣнъ на землю, вслѣдствіе освобожденія труда, придало вновь созданной Положеніемъ 19 февраля въ Нижегородской губ. личной земельной собственности въ количествѣ 1.380.000 дес. небывалую цѣнность.

О Нижегородскихъ депутатахъ мы сохранили свѣтлыя воспоминанія, а исторической заслуги коренного Нижегородскаго дворянства въ великую эпоху освобожденія крестьянъ русская исторія не забудетъ.

ГЛАВА XV.

Борьба Редакціонныхъ Комиссій за существованіе, достигшая своего апогея къ срединѣ октября 1859 г. и усилившаяся въ особенности во время первой болѣзни Ростовцова.—Адресы Государю восемнадцати и пяти членовъ губернскихъ комитетовъ и члена Симбирскаго комитета Шидловскаго; письмо Государю камергера М. А. Безобразова. — Совѣщанія наши въ началѣ болѣзни Ростовцова съ Харьковскими и Малороссійскими депутатами 19 и 21 октября. Окончаніе дѣятельности М. П. Позена въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ Комиссій.

Къ половинѣ октября разыгралась для Редакціонныхъ Комиссій самая опасная борьба за ихъ существованіе, такъ какъ состояніе здоровья Ростовцова сильно ухудшилось. Послѣ засѣданія 14 октября, происходившаго еще подъ его предсѣдательствомъ, онъ уже не въ силахъ былъ ни предсѣдательствовать Комиссіями, ни являться къ Государю съ докладами по крестьянскому дѣлу. Въ это время начали поступать къ Государю всеподданнѣйшіе адресы и частныя записки отчасти отъ депутатовъ, отчасти отъ противниковъ освобожденія крестьянъ, направленные къ тому, чтобы сокрушить уже близкій къ своему окончанію законопроектъ, составленный Редакціонными Комиссіями подъ предсѣдательствомъ Ростовцова на глазахъ самого Государя, и замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ, на чемъ, однакоже, не могли сойтись противники Редакціонныхъ Комиссій.

Въ срединѣ октября былъ представленъ Государю адресъ, подписанный 18 депутатами, въ которомъ они выражали, что предположенія Редакціонныхъ Комиссій не соотвѣтствуютъ общимъ потребностямъ и не приводятъ въ исполненіе тѣхъ основныхъ началъ, которыя дворянство съ благоговѣніемъ и готовностью приняло въ руководство по крестьянскому дѣлу, и просили дозволить имъ пред-

ставить свои соображенія на окончательные труды Редакціонныхъ Коммиссій до поступленія ихъ въ Главный Комитетъ.

Около 16 октября два Ярославскіе, два Харьковскіе и Тверской депутаты, которые, несмотря на свое кажущееся крайне либеральное направленіе въ дѣлѣ крестьянскаго освобожденія, не сошлись во взглядахъ съ Редакціонными Коммиссіями, подали Государю адресъ, въ которомъ всеподданнѣйше просили:

1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность посредствомъ немедленнаго (правительственнаго) выкупа по цѣнѣ и на условіяхъ, неразорительныхъ для помѣщиковъ;

2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ;

3) учредить независимую судебную власть, т.-е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимо отъ администраціи;

4) дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ мѣстнаго управленія.

Одновременно съ этимъ былъ представленъ Государю отдѣльный адресъ депутатомъ Симбирскаго комитета Д. Н. Шидловскимъ, отдѣлившимся отъ 18 членовъ. Въ своемъ адресѣ Шидловскій жаловался на то, что положенія губернскихъ комитетовъ отвергнуты будто бы безо всякихъ доказательствъ Редакціонными Коммиссіями и замѣнены предположеніями, основанными на началахъ, которыя неизвѣстны дворянству и не только не примѣнимы въ большей части Россіи, но и заставляютъ опасаться за счастливый исходъ крестьянскаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шидловскій прямо обвинялъ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій въ видимомъ стремленіи уничтожить сословное и имущественное значеніе дворянства. Онъ утверждалъ также, что предположенія Редакціонныхъ Коммиссій основаны не на положительныхъ практическихъ данныхъ, а на личныхъ воззрѣніяхъ, и что преждевременное обнародованіе печатныхъ трудовъ Коммиссій, разсылаемыхъ въ губерніи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, заставляетъ опасаться за возможность сохраненія необходимаго порядка, который составляетъ залогъ успѣха всякаго правильнаго и мирнаго преобразованія.

Указывая Государю на опасность очевиднаго наплыва зловред-

ныхъ западныхъ идей, стремящихся къ потрясенію порядка въ государствѣ, Шидловскій признавалъ необходимымъ сліяніе самодержавія съ дворянствомъ, долженствующимъ служить первымъ охранителемъ престола и отечества, и, въ заключеніе, предлагалъ Государю призвать къ подножію своего престола нарочито-выбранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончить подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ дѣло, которое должно составить славу царствованія Государя.

Адресъ этотъ, представленный Государю Шидловскимъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ возвращенъ Государемъ Ланскому съ собственноручной Его отмѣткою: „Вотъ новое доказательство, какія мысли продолжаютъ бродить въ головахъ членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ“.

Почти одновременно съ этимъ адресомъ, но уже не изъ среды депутатовъ, а изъ высшихъ сферъ столичнаго дворянства былъ представленъ Государю другой, въ томъ же смыслѣ, но еще болѣе враждебный составителямъ законопроекта и разсчитанный на болѣе сильное впечатлѣніе. Авторомъ его былъ камергеръ Н. А. Безобразовъ, родной племянникъ предсѣдателя Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта князя А. Ѳ. Орлова, называвшій себя Московскимъ дворяниномъ.

Записка Безобразова была подана черезъ посредство помощника шефа жандармовъ и была представлена Государю самимъ шефомъ жандармовъ княземъ В. А. Долгоруковымъ. Записка эта была сплошнымъ обвинительнымъ актомъ противъ дѣйствій правительства и лицъ, работавшихъ въ это время надъ законопроектомъ объ освобожденіи крестьянъ, восходя не только до предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій, но и до самого Государя [1]). Императоръ Але-

---

[1]) Н. А. Безобразовъ, между прочимъ, доказывалъ, что лица, работающія надъ освобожденіемъ крестьянъ, не потому только хотятъ сокрушить крѣпостное право, что оно было хорошею частью нашего государственнаго быта, а потому, что помѣщичья власть была лучшей и сильнѣйшей государственной опорою, что поземельная собственность помѣщиковъ кормила государство и давала матеріальныя и нравственныя силы къ его оборонѣ, и что, слѣдовательно, въ цѣляхъ крамольниковъ ниспровергнуть ее, чтобы было удобнѣе справиться съ государствомъ, что весьма хорошо поняли ищущіе паденія Россіи. Затѣмъ авторъ записки утверждалъ, что сторонники освобожденія крестьянъ, стремясь совершить переворотъ, задумали новое зданіе, котораго цементомъ должна служить кровь, а что переворотъ имъ нуженъ для того, что таковой въ Россіи есть ея распаденіе; правительство же Безобразовъ обвинялъ въ томъ, что оно во все это время шло извилистыми путями.

ксандръ II, прочтя эту записку съ особымъ вниманіемъ, сдѣлалъ на поляхъ не менѣе 15 замѣчаній, весьма нелестныхъ для автора, изъ которыхъ послѣднимъ было слѣдующее: „Онъ Меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическую конституцію“.

Къ счастью, весь походъ, такъ энергично поднятый противъ работъ Редакціонныхъ Комиссій, да и вообще противъ освобожденія крестьянъ, въ теченіе октября 1859 г., не только не сокрушилъ ихъ, но даже имѣлъ совершенно обратное дѣйствіе, и записка, лучше всего выражавшая убѣжденіе защитниковъ крѣпостного права, принадлежавшихъ къ высшимъ сферамъ, окончательно уничтожила ихъ вліяніе на весь ходъ великой реформы.

Единственнымъ важнымъ послѣдствіемъ представленія записки камергера Безобразова было то, что Государь препроводилъ ее въ подлинникѣ со своими замѣчаніями въ Главный Комитетъ съ тѣмъ, чтобы онъ разсудилъ, можно ли подобныя дерзости оставлять безъ вниманія и взысканія. При открытіи засѣданія Комитета, кн. В. А. Долгоруковъ, несмотря на свою опытность, очевидно, совершенно пораженный и огорченный тѣмъ, что записка Безобразова произвела совершенно противоположное впечатлѣніе тому, на которое она была разсчитана, спросилъ у князя П. П. Гагарина, что̀ это будетъ: судъ или осужденіе? На это кн. Гагаринъ осторожно отвѣтилъ, что тамъ, гдѣ есть судъ, можетъ быть и осужденіе. Тогда предсѣдатель Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта князь А. Ѳ. Орловъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не можетъ оставаться въ присутствіи, такъ какъ Безобразовъ приходится ему роднымъ племянникомъ, и, приказавъ подать свою карету, сдалъ предсѣдательство кн. Гагарину, какъ старѣйшему изъ членовъ Главнаго Комитета. Послѣ этого кн. В. А. Долгоруковъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ и онъ долженъ раздѣлить отвѣтственность кн. Орлова, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность представить Государю дерзкое письмо Безобразова. На это кн. Гагаринъ, уже въ качествѣ предсѣдательствующаго, сказалъ Долгорукову: „Мы васъ не судимъ, князь, намъ повелѣно произвести судъ надъ поступкомъ Безобразова“ [1]).

---

[1]) По свидѣтельству очевидца этого засѣданія, директора департамента юстиціи М. И. Топильскаго (см. Н. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ“, т. II, стр. 953—954).

Какія объясненія произошли по поводу записки Безобразова между Государемъ и Орловымъ,—конечно, никому не могло быть извѣстнымъ, но они имѣли прямымъ или косвеннымъ результатомъ то, что кн. Орловъ просилъ увольненія отъ должности предсѣдателя Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта и получилъ его, а кн. Долгоруковъ потерялъ окончательно все свое вліяніе на крестьянское дѣло.

Однако, вся эта борьба за существованіе Редакціонныхъ Комиссій очень дорого обошлась ихъ предсѣдателю, истощенному тревогами, безсонными ночами и засѣданіями, въ которыхъ онъ такъ добросовѣстно старался со вниманіемъ и доброжелательностью относиться къ замѣчаніямъ депутатовъ на статьи законопроекта и шелъ навстрѣчу всѣмъ предложеніямъ, которыя онъ считалъ пріемлемыми. Эти напряженія и волненія имѣли послѣдствіемъ то, что у Ростовцова начала развиваться серьезная болѣзнь, и уже съ половины октября онъ не могъ ѣздить въ засѣданія Комиссій, а въ концѣ мѣсяца здоровье его настолько ухудшилось, что самъ Государь сильно озаботился его болѣзнью и написалъ ему письмо. отъ 25 октября, изъ Гатчины, въ которомъ вполнѣ выразились отношенія Царя-Освободителя какъ къ крестьянскому дѣлу, такъ и къ личности Я. И. Ростовцова.

„Крайне сожалѣю, любезный Яковъ Ивановичъ, что вы, какъ кажется, не на шутку занемогли. Убѣдительнѣйше прошу васъ поберечься и отложить важныя ваши занятія, пока совсѣмъ не оправитесь.

„Обзоръ положенія святого нашего дѣла и различныя мнѣнія гг. членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ совершенно согласны со всѣми свѣдѣніями, которыя до Меня доходятъ со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ. кромѣ Шидловскаго, Я еще получилъ два адреса: отъ 18 и отъ 5 членовъ. Послѣдній въ особенности ни съ чѣмъ не сообразенъ и дерзокъ до крайности. По выздоровленіи вашемъ желаю, чтобы они всѣ были обсужены въ Главномъ Комитетѣ въ Моемъ присутствіи. Если господа эти думаютъ своими попытками Меня испугать, то они очень ошибаются.

„Я слишкомъ убѣжденъ въ правотѣ возбужденнаго нами святого дѣла, чтобы кто-либо могъ Меня остановить въ довершеніи онаго. Но главный вопросъ состоитъ въ томъ, какъ его довершить.

„Въ этомъ, какъ и всегда. надѣюсь на Бога и на помощь

тѣхъ, которые, подобно вамъ, добросовѣстно желаютъ этого столь же искренно, какъ Я, и видятъ въ этомъ спасеніе и будущее благо Россіи.

„Не унывайте, какъ Я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя, и будемъ вмѣстѣ молить Бога, чтобы Онъ насъ наставилъ и укрѣпилъ.

„Обнимаю васъ отъ всей души А.“

Въ то время, какъ Яковъ Ивановичъ уже не могъ лично присутствовать въ общихъ собраніяхъ, мы поспѣшили окончить наши совѣщанія съ депутатами перваго призыва, которыя, несмотря на принципіальныя разномыслія, очень мирно велись уже подъ предсѣдательствомъ Булгакова съ 19 октября.

По окончаніи совѣщаній съ Нижегородскими депутатами, на очереди стояли совѣщанія съ Харьковскими, съ которыми у насъ принципіальнаго разногласія не было, такъ какъ Харьковскій комитетъ въ своемъ проектѣ стремился сдѣлать крестьянъ собственниками, отдѣливъ навсегда крестьянскіе надѣлы отъ помѣщичьихъ земель, и поставить хозяйство обоихъ сословій въ совершенно независимое одно отъ другого положеніе, но былъ убѣжденъ, что достигнуть этой цѣли безъ выкупа земли невозможно.

Харьковскихъ депутатовъ было двое. Одинъ изъ нихъ, небогатый волчанскій помѣщикъ А. Г. Шретеръ, принадлежалъ по своему развитію къ столичной интеллигенціи и занималъ довольно высокое положеніе въ служебной іерархіи (онъ имѣлъ чинъ дѣйств. статск. совѣтника), другой, богатый лебединскій помѣщикъ Дм. Ал. Хрущовъ, принадлежалъ къ древней русской дворянской фамиліи, которой одна почтенная отрасль уже давно водворилась въ Украйнѣ.

Оба прибыли въ Петербургъ въ концѣ сентября, и Шретеръ уже 30 октября имѣлъ совѣщаніе съ нами, но, убѣдившись, что Редакціонныя Коммиссіи никогда не пойдутъ на уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ и на отрѣзку отъ нихъ 200.000 дес. земли, т.-е. 40% всего, чѣмъ они неотъемлемо владѣли при крѣпостномъ правѣ, соединился съ единомышленными съ нимъ Ярославскими и Тверскимъ депутатами и принялъ участіе въ поданномъ Государю 16 октября вышеприведенномъ адресѣ 5 членовъ, произведшемъ на Государя такое неблагопріятное впечатлѣніе; убѣдившись въ полномъ неуспѣхѣ предпринятаго пятью передовыми членами гу-

бернскихъ комитетовъ предпріятія, Шретеръ уже болѣе не посѣщалъ Редакціонныхъ Коммисій, но оставилъ въ насъ впечатлѣніе выдающейся личности, хорошо знакомой съ аграрными отношеніями крестьянъ и помѣщиковъ Харьковской губерніи и вполнѣ усвоившей себѣ узкіе, но существенные интересы дворянъ-помѣщиковъ, которыхъ онъ былъ лидеромъ въ своемъ губернскомъ комитетѣ. Аграрныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ Харьковской губ. были очень хорошо извѣстны и намъ, членамъ-экспертамъ Редакціонныхъ Коммисій.

Вѣдь это была та самая, получившая впослѣдствіи названіе Слободской Украйны, южная окраина Московскаго Государства, которая подверглась въ началѣ XVII в., въ смутный періодъ русской исторіи, полному разоренію со стороны Крымскихъ татаръ и другихъ кочевниковъ и была въ то время совершенно недоступна для осѣдлости и культуры. Только послѣ окончанія пагубнаго для Россіи смутнаго періода избраніемъ въ 1613 г. на царство дома Романовыхъ окраина эта пріобрѣла для Московской Руси небывалое значеніе. На нее обратила вниманіе та Московская боярская дума, на которой лежало тяжкое бремя руководства государственными дѣлами въ первыя семь лѣтъ правленія избраннаго въ 16-лѣтнемъ возрастѣ на царствованіе Михаила Θеодоровича, который въ это время былъ даже лишенъ мудрыхъ совѣтовъ своего родителя—митрополита Филарета, томившагося тогда въ тяжкомъ польскомъ плѣну. Великимъ патріотамъ, спасшимъ русское государство отъ гибели во время смутнаго періода, пришла въ голову геніальная мысль употребить эту окраину на возстановленіе русскаго государственнаго строя. Имъ хорошо было извѣстно, что страшное разореніе Россіи въ смутный періодъ произошло не столько отъ поляковъ, численность которыхъ въ ополченіяхъ самозванцевъ была не особенно велика, сколько отъ несмѣтнаго числа русскихъ пролетаріевъ, пошедшихъ подъ знамена самозванцевъ подъ именемъ казаковъ.

Люди эти по своему происхожденію были русскіе крестьяне и дворовые, разбѣжавшіеся „куда глаза глядятъ" изъ крѣпостной зависимости городскихъ и помѣстныхъ дворянъ во время голода временъ управленія Бориса Годунова, потому что ихъ господа уже рѣшительно не были въ силахъ въ это бѣдственное время выполнить лежавшій на нихъ тяжелый сервитутъ прокормленія своихъ

крѣпостныхъ. Послѣдніе искали спасенія отъ голодной смерти, уходя на южныя окраины Московскаго государства, гдѣ, къ счастью, въ то время голода не было, и входили въ составъ Запорожскаго и Донского казачествъ, принимавшихъ ихъ радушно въ свою среду и прокармливавшихъ, насколько могли.

Такимъ образомъ цѣлыя массы русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей сдѣлались казаками въ то самое время, когда первый русскій самозванецъ съ небольшою польской дружиною предпринялъ свой отважный походъ на Бориса Годунова. Этотъ походъ имѣлъ громадный успѣхъ только потому, что подъ его знаменами собрались многочисленныя полчища импровизованныхъ русскихъ анархистовъ, оставшихся послѣ гибели перваго самозванца достояніемъ его преемниковъ и всѣхъ другихъ отважныхъ авантюристовъ, сокрушившихъ въ началѣ XVII вѣка государственный строй Московскаго государства.

Съ поляками-иноплеменниками русскимъ патріотамъ, вышедшимъ изъ Нижняго, Костромы, Рязани и самой Москвы, справиться было не такъ трудно: побѣжденные, они быстро убрались изъ предѣловъ Московскаго государства восвояси, но страшная по своей численности масса русскихъ пролетаріевъ все еще блуждала по городамъ, селамъ и монастырямъ Московской Руси, производя повсюду страшные грабежи, убійства и разоренія. Противъ нихъ Московская боярская дума выставляла всѣ Царскія войска и, побѣжденные послѣдними, они быстро клали свое оружіе. Предводители ихъ и зачинщики или падали на полѣ битвы, или нещадно гибли на висѣлицахъ, но многочисленныхъ анархистовъ-пролетаріевъ правительству того времени дѣвать было некуда, и вотъ ему пришла геніальная мысль водворить ихъ всѣхъ на южныхъ окраинахъ Московской Руси въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губерніи, поселивъ ихъ въ болѣе или менѣе крупныя слободы и давъ имъ въ обезпеченіе ихъ быта плодородныя земли этой окраины въ неотъемлемое пользованіе. Этимъ импровизованнымъ и разселеннымъ въ слободы казакамъ было предоставлено самимъ защищать не только эти земли, но и всю южную русскую окраину отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ и кочевниковъ и даже добывать себѣ отъ нихъ недостающіе имъ „зипуны“, сначала путемъ привычныхъ имъ набѣговъ и грабежей на Крымское государство, а потомъ и путемъ мирныхъ торговыхъ сношеній съ сосѣдями.

Такимъ образомъ Московское правительство уже вскорѣ послѣ прекращенія смутнаго періода, въ первой трети XVII вѣка, произвело на своей южной окраинѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губерніи, такую успѣшную колонизацію, какой еще не бывало до тѣхъ поръ въ европейской и русской исторіи. Ему удалось сосредоточить на сравнительно необширномъ, но благословенномъ природою пространствѣ, до тѣхъ поръ недоступномъ для осѣдлости и культуры, всѣ безпокойные элементы, принесшіе столько бѣдъ государственному строю Московской Руси.

Въ эту вновь образованную Слободскую Украйну охотно шли не только всѣ положившіе оружіе казаки-анархисты, но и коренные малороссійскіе не-регистровые казаки, жившіе въ предѣлахъ польскаго государства, въ особенности, когда они не уживались съ польскою государственною властью. Такъ это было въ теченіе всего XVII вѣка. Созданная, по геніальной мысли Московскаго правительства временъ первыхъ Романовыхъ, Слободская Украйна, принявъ въ свои полки и слободы не мало и коренныхъ малороссійскихъ казаковъ съ ихъ старшинами, изъ которыхъ образовалось помѣстное дворянство, постепенно превратила всѣ эти безпокойные элементы въ мирное сельское населеніе Слободской Украинской (нынѣ Харьковской) губерніи.

Конечно, съ этими пришлыми безпокойными элементами подчасъ не легко было справиться правительству тишайшаго Царя Алексѣя Михайловича, но все-таки къ концу XVII вѣка Царскому правительству удалось превратить все населеніе Слободской Украйны въ мирныхъ земледѣльцевъ. Когда же знаменитая Полтавская битва въ началѣ XVIII вѣка окончательно закрѣпила за Россіей всю Малороссію, и Слободская Украйна сдѣлалась однимъ изъ драгоцѣнныхъ перловъ Русской Императорской короны, то величайшій русскій стратегъ Петръ Великій, сознавъ, что въ Слободскомъ войскѣ для Россіи уже болѣе не было надобности, постепенно превратилъ казаковъ этого войска въ мирныхъ земледѣльцевъ крестьянскаго сословія, изъ обезземеленныхъ отбросовъ котораго они образовались первоначально. Бо̀льшая часть этихъ крестьянъ сдѣлалась царскими, т.-е. государственными, а меньшая, войдя въ составъ дворянскихъ помѣстій, была признана барскими, т.-е. крѣпостными [1]).

[1]) Самые крупные изъ дворянъ-помѣщиковъ Харьковской губерніи, а именно владѣвшіе болѣе, чѣмъ 1.000 душъ м. п. или 10.000 дес. земли, принадле-

Въ такомъ положеніи застали мы аграрныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ Харьковской губерніи въ 1858 г., когда на нашу долю выпала обязанность устройства и улучшенія быта крестьянъ Харьковской губ., выходившихъ изъ крѣпостной зависимости.

Въ это время всѣ земли Харьковской, бывшей Слободской Украинской губерніи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1) во владѣніи 433.000 душъ мужского пола государственныхъ крестьянъ (бывшихъ слободскихъ казаковъ), жившихъ въ 576 болѣе или менѣе крупныхъ селеніяхъ (слободахъ), было 2.112.000 дес. земли (75% пахотной), которыя и были признаны впослѣдствіи общественной собственностью этихъ *царскихъ*, бывшихъ государственныхъ крестьянъ, достигшихъ высокой степени благосостоянія еще во время разумнаго и гуманнаго управленія графа Киселева;

2) въ составъ 1.424 дворянскихъ помѣстій, населенныхъ 191.000 душами мужского пола крестьянъ барскихъ, т.-е. крѣпостныхъ, входило 1.800.000 дес. земли; изъ нихъ 457.000 были въ постоянномъ неотъемлемомъ пользованіи этихъ крестьянъ, освобожденіе которыхъ было нашей задачею;

3) изъ остальныхъ 520.000 дес. земли 280.000 находились въ личной собственности не-дворянскихъ сословій, а 240.000 во

жали въ эпоху освобожденія крестьянъ къ четыремъ разновременнымъ наслоеніямъ. *Первыми* были получившіе свои помѣстья еще въ XVII вѣкѣ, какъ занимавшіе высшія должности въ слободско-украинскомъ казачьемъ войскѣ. Сюда принадлежали: Донецъ-Захаржевскіе, Задонскіе, Ковалевскіе, Шабельскіе, Богаевскіе-Савичи, Квитки и Куколь-Яснопольскіе. Ко *второму* наслоенію принадлежали помѣщики, предки которыхъ получили помѣстья отъ Петра Великаго, а именно: потомки фельдмаршаловъ: гр. Б. П. Шереметева, кн. М. М. Голицына и кн. И. Ю. Трубецкого, сподвижниковъ Петра Великаго: гр. П. А. Толстого и И. И. Бутурлина, потомки гр. Гендриковой (сестры Екатерины I), знатнаго калмыцкаго выходца князя Юсупова, потомки шафера Петра Великаго при его бракѣ съ Екатериною I — Муханова и, наконецъ, дворянская фамилія Хрущовыхъ. Къ *третьему* наслоенію принадлежали фамиліи, предки которыхъ получили помѣстья отъ Екатерины II: Потемкины (наслѣдники бездѣтнаго кн. Таврическаго), Меллеръ-Закомельскіе (потомки героя, павшаго подъ Очаковымъ), Дмитріевы-Мамоновы (предокъ которыхъ сопровождалъ Екатерину II во время ея путешествія въ Крымъ), Зиновьевы и Капнисты. Наконецъ, къ *четвертому* наслоенію принадлежали дворяне-помѣщики, обладавшіе крупными помѣстьями, отчасти пожалованными имъ Александромъ I и Николаемъ I, какъ напр. Катенины, отчасти пріобрѣтенными путемъ купли-продажи, какъ напр. Базилевскіе и Алферовы.

владѣніи казны, удѣловъ, церквей и монастырей, городовъ и частныхъ обществъ и компаній.

Желаемая Харьковскимъ комитетомъ форма ихъ освобожденія была намъ высказана съ большою опредѣленностью его депутатомъ и лидеромъ Шретеромъ при первомъ же нашемъ знакомствѣ въ началѣ октября 1859 г. По его удостовѣренію, харьковское дворянство, сознавая невозможность удержать въ крѣпостной зависимости водворенныхъ въ его помѣстьяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, живо помнившихъ еще то время, когда они были вольными казаками Слободской Украйны, желало немедленнаго и полнаго ихъ освобожденія при слѣдующихъ, однакоже, условіяхъ:

Земли 1.400 дворянскихъ помѣстій Харьковской губерніи (1.800.000 дес.) должны были быть, по мнѣнію Шретера, раздѣлены между крестьянами и помѣщиками такъ, чтобы изъ существующихъ 500.000 дес. крестьянскихъ надѣловъ 40% (200.000 д.) были отобраны въ пользу помѣщиковъ, а за крестьянами удержано только 300.000 дес., которыя должны были быть признаны собственностью крестьянъ, по обязательному ихъ выкупу правительствомъ по чрезмѣрно высокой цѣнѣ. Такимъ образомъ харьковскіе дворяне-помѣщики продали бы правительству изъ своихъ помѣстій въ пользу выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ 300.000 дес. за тогдашнюю полную продажную стоимость своихъ помѣстій, удержавъ изъ ихъ состава за собою въ полную личную собственность 1.500.000 дес.

Въ совѣщаніяхъ нашихъ съ депутатомъ Хрущовымъ, происходившихъ 19 и 21 октября, вопросъ о непріемлемости съ нашей стороны предложеній харьковскихъ депутатовъ и губ. комитета былъ вполнѣ выясненъ. Объ обязательномъ для помѣщиковъ выкупѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ большинство харьковскаго дворянства и само смотрѣло на обязательный выкупъ, какъ на экспропріацію. А на такую мѣру Царь-Освободитель ни въ какомъ случаѣ согласиться не желалъ. Еще менѣе пріемлемы были условія этой экспропріаціи.

Редакціонныя Коммиссіи, установившія уже безповоротно принципъ оставленія за крестьянами существующихъ надѣловъ, ни въ какомъ случаѣ не могли согласиться на уменьшеніе этихъ надѣловъ въ Харьковской губ. на 40%, что̀ было бы навѣки непоправимымъ ухудшеніемъ быта крестьянъ.

Заплатить же дворянству за предоставляемыя въ собственность крестьянъ 300.000 дес. сумму, превосходящую продажную стоимость всѣхъ дворянскихъ помѣстій, заключавшихъ въ себѣ 1.800.000 дес., правительство ни въ какомъ случаѣ не могло, такъ какъ основанная на подобномъ разсчетѣ выкупная операція была бы для крестьянъ недоступна.

Совершенно иначе разрѣшился крестьянскій вопросъ въ Харьковской губ. по закону 19 февраля 1861 г.

За 190.000 душами м. п. крестьянъ Харьковской губ., освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости, были удержаны, въ предѣлахъ установленныхъ закономъ максимумовъ, существующіе ихъ надѣлы въ количествѣ 460.000 дес., которыя, *съ согласія помѣщиковъ*, были выкуплены правительствомъ въ общественную собственность за 55.000.000 руб. правительственной ссуды. Долгъ этотъ былъ погашенъ крестьянами при 50-лѣтней разсрочкѣ къ 1905 г. Интересы же дворянъ-помѣщиковъ были ограждены, согласно волѣ Царя-Освободителя, не только тѣмъ, что они получили выкупныя суммы, но и тѣмъ, что въ ихъ полную личную собственность было закрѣплено изъ состава ихъ помѣстій 1.340.000 дес. земли, и съ нея были сняты всѣ лежавшіе на помѣщикахъ сервитуты. Къ счастью, цѣнность этой земли, вслѣдствіе освобожденія труда, въ теченіе полувѣка возросла въ 5 — 10 разъ, и вмѣсто ожидаемаго разоренія харьковскіе помѣщики неимовѣрно разбогатѣли.

По мѣрѣ того, какъ приходили къ концу наши объясненія съ харьковскимъ депутатомъ, на очереди у насъ были совѣщанія съ депутатами двухъ малороссійскихъ губерній, Черниговской и Полтавской, по отношенію къ которымъ мы стояли на совершенно твердой почвѣ, такъ какъ имѣли въ своей средѣ такихъ первостепенныхъ знатоковъ Днѣпровской Руси по обѣ стороны Днѣпра, какими были малороссійскіе члены-эксперты Тарновскій и Галаганъ и знатокъ юго-западной Руси Ю. Ѳ. Самаринъ, и благодаря этому уже успѣли выработать мѣстныя малороссійское и юго-западное положенія.

Депутатами отъ Полтавской губ. были: бывшій предсѣдатель Полтавскаго комитета М. П. Позенъ, уже подробно мною охарактеризованный выше (стр. 60—65) и членъ Полтавскаго комитета А. В. Богдановичъ, который, впрочемъ, не проявилъ никакой особой индивидуальности ни въ день нашихъ объясненій съ малорос-

сійскими депутатами, ни въ письменныхъ отзывахъ, подписанныхъ имъ вмѣстѣ съ Позеномъ. Что же касается двухъ черниговскихъ депутатовъ, то одинъ изъ нихъ, В. О. Подвысоцкій, депутатъ отъ большинства комитета, высказалъ довольно опредѣленныя убѣжденія, уклонявшіяся отъ мнѣній Тарновскаго и Галагана и согласныя съ проектомъ малороссійскаго большинства, а другой, А. М. Марковичъ, какъ депутатъ отъ меньшинства и человѣкъ гуманный и просвѣщенный, не отставалъ отъ мнѣній нашихъ малороссійскихъ членовъ-экспертовъ.

Въ особенности тяжело было для насъ засѣданіе 21 октября, вслѣдствіе присутствія на немъ въ качествѣ депутата М. П. Позена, и я могъ только радоваться тому, что Я. И. Ростовцовъ не былъ на этомъ засѣданіи, потому что присутствіе Позена слишкомъ сильно взволновало бы его. Милютинъ также не пріѣхалъ въ это засѣданіе, предвидя, что его присутствіе придастъ нашему совѣщанію слишкомъ острый характеръ, котораго всѣ мы, конечно, желали избѣгнуть. Вслѣдствіе этого Милютинъ просилъ В. В. Тарновскаго и меня вести переговоры какъ съ Позеномъ, такъ одновременно и съ другими малороссійскими депутатами [1].

Замѣститель Я. И. Ростовцова въ предсѣдательствованіи общимъ собраніемъ Редакціонныхъ Комиссій 21 октября П. А. Булгаковъ, въ виду того, что Позену, какъ члену Редакціонныхъ Комиссій, были близко извѣстны всѣ ихъ предположенія, не счелъ нужнымъ предлагать ему какіе бы то ни было вопросы, а попросилъ его высказать свои соображенія по тѣмъ вопросамъ, которые онъ сочтетъ наиболѣе важными.

Позенъ прежде всего высказалъ категорически, что Комиссіи не имѣли будто бы права составлять никакихъ предположеній объ устройствѣ экономическаго быта крестьянъ, ибо это было поручено дворянствамъ губерній: для этого-де созваны были губернскіе комитеты, въ которыхъ дворянство каждой губерніи и опредѣлило, какъ оно, сообразно съ мѣстными условіями своей губерніи, полагаетъ устроить своихъ крестьянъ. Само собою разумѣется, что,

---

[1] Изъ всѣхъ присутствовавшихъ въ засѣданіи 21 октября 1859 г. членовъ Редакціонныхъ Комиссій только одному мнѣ было извѣстно о нежеланіи Государя, чтобы М. П. Позенъ продолжалъ быть членомъ Редакціонныхъ Комиссій, и о томъ, что Ростовцовъ упросилъ Государя, чтобы Позенъ оставался еще хотя бы номинально въ составѣ Комиссій до окончанія ихъ работъ, въ качествѣ депутата.

при разнообразіи этихъ условій, самые способы этого устройства должны были быть весьма различны, и Позенъ полагалъ, что составить одно положеніе для устройства экономическаго быта крестьянъ всей Россіи есть задача невозможная, вслѣдствіе чего, по его мнѣнію, проектъ общаго положенія долженъ былъ заключать въ себѣ только самыя общія основанія освобожденія крестьянъ и опредѣленіе ихъ имущественныхъ правъ и административнаго устройства; только эти послѣдніе вопросы слѣдовало разрѣшить одинаково для всей Россіи. Что же касается устройства экономическаго быта крестьянъ, то Коммиссіи, по мнѣнію Позена, должны были разсматривать каждый губернскій проектъ въ отдѣльности и представлять свои критическія замѣчанія только на тѣ пункты, которые, по ихъ мнѣнію, не находились въ соотвѣтствіи съ предположенными въ ихъ законопроектѣ общими началами или представляли какія-либо особыя неудобства. Затѣмъ, по разсмотрѣніи каждаго губернскаго проекта Главнымъ Комитетомъ и Государственнымъ Совѣтомъ и по обнародованіи Высочайше утвержденныхъ законоположеній, могли быть сообщены губернскимъ комитетамъ, въ разъясненіе закона, нѣкоторыя новыя указанія, на основаніи которыхъ губернскіе комитеты во второмъ періодѣ своихъ занятій должны были составить свои окончательныя мѣстныя положенія.

Выставленный Коммиссіями въ качествѣ оппонента М. П. Позену, я объяснилъ, что по Высочайшему повелѣнію, объявленному княземъ А. Ѳ. Орловымъ, какъ предсѣдателемъ Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта, предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій, составленіе законопроектовъ мѣстныхъ положеній, опредѣляющихъ устройство экономическаго быта крестьянъ, возложено на Редакціонныя Коммиссіи, а не на губернскіе комитеты, второго же періода занятій этихъ послѣднихъ совсѣмъ и не предполагалось; что, вырабатывая по отношенію къ аграрному устройству крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, общее для цѣлой имперіи и мѣстныя положенія,—одно для всѣхъ великороссійскихъ губерній, а другія только для тѣхъ частей имперіи, въ которыхъ великороссійское Положеніе окажется не вполнѣ примѣнимымъ,—хозяйственное отдѣленіе дѣйствовало по указанію предсѣдателя Коммиссій, на котораго, по довѣрію Государя, было возложено руководство всѣми работами Коммиссій. За ходомъ же этихъ работъ самъ Государь не переставалъ слѣдить во все время составленія законопроекта, а по-

тому нельзя сомнѣваться въ томъ, что хозяйственное отдѣленіе, занимаясь составленіемъ законопроекта, точно опредѣляющаго поземельныя и экономическія отношенія между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными, поступало правильно и согласно съ Высочайшей волею. Притомъ же законопроекты, для составленія которыхъ были призваны Редакціонныя Комиссіи, какъ правительственное учрежденіе, служатъ пока только выраженіемъ мнѣнія этихъ Комиссій, такъ же, какъ проекты губернскихъ комитетовъ служили выраженіемъ мнѣній этихъ комитетовъ, и никакой рѣшающей силы не имѣютъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ утверждены Высочайшей властью. Только эта власть и можетъ разрѣшать вопросъ, гдѣ одной стороною представляется помѣстное дворянство, изъ выборныхъ котораго были составлены губернскіе комитеты, а другою—крестьянское сословіе, интересы котораго, при его безправности и недостаточности его развитія, не имѣютъ другого представителя, кромѣ государственной власти, но которое однакоже, по волѣ Самодержца русской земли и согласно единодушному желанію всего русскаго дворянства, уже перестало быть „вещью, принадлежащею другому“.

Въ заключеніе нашего диспута, который вполнѣ выяснилъ разномысліе Редакціонныхъ Комиссій и ихъ предсѣдателя съ Позеномъ, предсѣдательствующій П. А. Булгаковъ очень практично замѣтилъ, что обмѣнъ мыслей о предметахъ, затронутыхъ Позеномъ, ни къ чему повести не можетъ, и что замѣчанія депутатовъ не должны затрагивать хода работъ Комиссій и порядка составленія законопроекта, а могутъ касаться только существа заключающихся въ немъ предположеній.

Тогда Позенъ перешелъ къ ожесточеннымъ возраженіямъ противъ усвоеннаго хозяйственнымъ отдѣленіемъ принципа земельнаго освобожденія крестьянъ путемъ укрѣпленія за ними навсегда существующихъ ихъ надѣловъ.

Позенъ доказывалъ, что надѣленіе крестьянъ землею въ большемъ количествѣ противъ того, которое было признано губернскими комитетами достаточнымъ для обезпеченія ихъ быта, есть со стороны составителей законопроекта „распоряженіе чужою собственностью“, и что такой же характеръ имѣетъ и признаніе крестьянскихъ строеній за неподлежащую выкупу собственность крестьянъ.

На это С. М. Жуковскій и Я. А. Соловьевъ возражали, что

если бы Комиссiи (хотя бы и справедливо) признавали предположенныя губернскими комитетами нормы надѣловъ недостаточными для обезпеченiя крестьянъ, то еще былъ бы какой-нибудь поводъ приписывать имъ попытку распоряжаться чужою собственностью: но Комиссiи избѣгли установленiя какихъ бы то ни было опредѣленныхъ, всегда спорныхъ нормъ надѣловъ, а предложили оставить въ пользованiи крестьянъ только существующiе надѣлы, да и то съ отрѣзками въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ помѣщики по великодушiю или безпечности предоставляли крестьянамъ въ пользованiе земли помѣстiй безъ счета и мѣры, и съ прирѣзками до такихъ только наименьшихъ размѣровъ, которые во всѣхъ случаяхъ ниже предположенныхъ губернскими комитетами. Оставленiе за крестьянами тѣхъ земель, которыми они всегда пользовались при крѣпостномъ правѣ въ то время, когда на помѣщикѣ еще лежалъ самый тягостный изъ сервитутовъ помѣстья, а именно надѣленiе землею прибылыхъ душъ и тяглъ, уже никакъ не можетъ служить къ обвиненiю хозяйственнаго отдѣленiя въ распоряженiи владѣльческой собственностью.

Жуковскiй и Соловьевъ также замѣтили Позену, что едва-ли признанiе крестьянскихъ строенiй не подлежащею выкупу принадлежностью крестьянъ можетъ служить поводомъ къ обвиненiю хозяйственнаго отдѣленiя въ распоряженiи дворянской собственностью. Крестьянскiя строенiя воздвигались всегда самими крестьянами изъ матерiала, даваемаго помѣщиками тамъ, гдѣ крестьяне не имѣли лѣсныхъ надѣловъ, притомъ только въ случаяхъ крайней необходимости, а именно когда избы приходили въ совершенную ветхость или сгорали. Впрочемъ, это снабженiе лѣснымъ матерiаломъ было сервитутомъ, лежавшимъ на помѣстьи въ пользу крѣпкихъ ему крестьянъ, точно такъ же, какъ на владѣльцѣ помѣстья лежало прокормленiе крестьянъ въ голодные годы и снабженiе ихъ рабочимъ инвентаремъ, когда онъ приходилъ въ негодность, и у крестьянъ не было средствъ къ его возобновленiю. Съ освобожденiемъ крестьянъ всѣ эти обязанности и сервитуты, лежавшiе на помѣщикѣ, подлежали сложенiю съ него, и едва-ли матерiальный результатъ ихъ въ крестьянскомъ имуществѣ могъ бы подлежать выкупу.

Когда же Позенъ, по приглашенiю предсѣдательствующаго, перешелъ къ замѣчанiямъ на самый проектъ Положенiя, то онъ прежде всего возразилъ противъ соединенiя хозяйственныхъ крестьянскихъ единицъ-обществъ въ самостоятельныя административ-

ныя единицы-волости и находилъ, что каждое помѣстье должно составлять не только отдѣльную хозяйственную, но и административную единицу, въ которой функцію волостного управленія должна замѣнять патримоніальная власть помѣщика, конечно только до выкупа, и лишь по окончаніи выкупа можно было бы образовать волость изъ вышедшихъ изъ патримоніальной помѣщичьей власти сельскихъ обществъ.

Соловьевъ на это замѣтилъ, что если патримоніальныя права будутъ предоставлены помѣщику въ полной мѣрѣ, хотя бы только до выкупа, а выкупъ, въ свою очередь ничѣмъ не нормированный, будетъ зависѣть только отъ добровольныхъ соглашеній помѣщиковъ и крестьянъ, то освобожденіе крестьянъ произойдетъ только на бумагѣ и по имени, и едва-ли когда-либо управленіе собственными дѣлами перейдетъ въ руки крестьянъ. Я замѣтилъ еще, что выкупъ при тяжелыхъ условіяхъ, предлагаемыхъ Позеномъ и почти недоступныхъ для крестьянъ и для правительства, если и совершится, то во всякомъ случаѣ очень медленно, а такъ какъ нѣтъ причинъ предполагать, что на выкупъ выйдутъ всѣ смежныя селенія, то образованіе волостей будетъ просто неосуществимо, если не соединять въ волости селенія отдаленныя и находящіяся въ черезполосности съ селеніями, еще не вышедшими изъ патримоніальной зависимости.

Наконецъ, Позенъ подъ разными предлогами возражалъ противъ принятой хозяйственнымъ отдѣленіемъ, по предложенію нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, градаціи повинности, т.-е. различія въ обложеніи первой, второй и остальныхъ десятинъ принятой губернскими комитетами душевой единицы надѣла, тѣмъ болѣе, что въ Полтавской губерніи, при однородности черноземной почвы и отсутствіи удобренія, нѣтъ разницы между первою и второю десятинами.

На это я отвѣчалъ Позену, что въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствительно почва достаточно однородна и искусственное удобреніе не имѣло еще распространенія между крестьянами, высшей повинностью облагается только одна первая десятина не потому, чтобы она была лучше другихъ въ отношеніи плодородія своей почвы, а потому, что она заключаетъ въ себѣ болѣе цѣнныя усадебныя земли и болѣе близкія къ усадьбамъ, а слѣдовательно, и наиболѣе удобныя для крестьянской эксплоатаціи пахотныя земли.

Главная же цѣль высшаго обложенія первой десятины крестьянскаго надѣла заключается въ желаніи предупредить безцѣльный и вредный для обѣихъ сторонъ отдѣльный выкупъ усадебной осѣдлости. Проектъ такого выкупа встрѣтилъ полное несочувствіе себѣ не только губернскихъ комитетовъ, но и отдѣльныхъ помѣщиковъ и сильное неудовольствіе крестьянъ. Помѣщики говорятъ, что продать крестьянамъ усадьбы отдѣльно отъ ихъ полевого надѣла все равно, что вырѣзать изъ платья часть его и продать ее отдѣльно. Ни продающему, ни покупающему отъ этихъ кусковъ одного цѣлаго пользы не будетъ, да и цѣлое отъ вырѣзки этихъ кусковъ утратитъ свою цѣнность, чѣмъ только и объясняется непомѣрно высокая оцѣнка усадебъ губернскими комитетами. Съ точки же зрѣнія интересовъ крестьянскаго сословія отдѣльный выкупъ усадебъ, да еще при томъ преувеличеніи въ оцѣнкѣ, въ которое губернскіе комитеты впали невольно, желая воспрепятствовать невыгодной для помѣщиковъ отдѣльной продажѣ усадебъ, представляется совершенно гибельнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Отягченные выкупнымъ платежомъ за усадьбы, представляющимъ собой несомнѣнно косвенный выкупъ личности, крестьяне надолго не будутъ въ состояніи выкупить свои надѣлы и останутся на неопредѣленное время во временно-обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Если же на это время, согласно предложенію Позена, будетъ еще установлена патримоніальная власть помѣщика, то такое положеніе будетъ въ сущности продолженіемъ видоизмѣненнаго крѣпостного права, а тамъ приблизятся сроки требуемыхъ губернскими комитетами переоброчекъ, и тогда выкупъ крестьянскихъ надѣловъ останется совершенною фикціей.

Все это устраняется нераздѣльнымъ выкупомъ усадебъ съ полевыми надѣлами и градаціею повинности, исключающими необходимость преувеличенной отдѣльной оцѣнки усадебъ и только способствующими общему выкупу; крестьянамъ же собственно до разсчета градаціи нѣтъ никакого дѣла. При высшихъ надѣлахъ весь разсчетъ градаціи не имѣетъ никакого примѣненія, такъ какъ за высшій надѣлъ полагается однообразная норма оброка. Только въ случаяхъ, гдѣ существующій надѣлъ ниже высшаго его предѣла, тамъ примѣняется разсчетъ градаціи. Напримѣръ, если въ помѣстьи крестьяне имѣютъ высшій надѣлъ 4 дес., и съ нихъ полагается 9 руб. оброка, то въ помѣстьи того же уѣзда, гдѣ у крестьянъ

только двѣ десятины надѣла, оброкъ будетъ не 4 руб. 50 коп., а 5 руб. 66 коп., потому что и въ томъ и другомъ имѣніи одинаково поступаютъ въ надѣлъ крестьянъ, въ составѣ его, болѣе дорогія усадебныя земли. Но исчисленіе это касается составителей тѣхъ актовъ (уставныхъ грамотъ), которыми на основаніи Положенія будутъ установлены надѣлы и повинности крестьянъ каждаго помѣстья, и не можетъ подать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ со стороны крестьянъ. Градація повинности была предложена въ пользу помѣщиковъ тѣми немногими комитетами, которые полагали предоставить крестьянамъ ихъ существующіе или, по крайней мѣрѣ, достаточные надѣлы на выкупъ, но само собою разумѣется, что о градаціи не могло быть и рѣчи въ тѣхъ комитетахъ, которые, какъ Полтавскій, предложили въ надѣлъ крестьянъ однообразную норму $1^1/_2$ дес. на душу м. п. Въ полуторахъ десятинахъ, конечно, не можетъ быть первой десятины, такъ какъ вторая предоставляется неполною. При такихъ надѣлахъ градація уже не имѣетъ смысла, но при нихъ еще непонятнѣе отдѣльный выкупъ усадебъ.

На это Позенъ возразилъ, что указаніе на отдѣльный выкупъ усадебъ находилось въ программѣ, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ, но тутъ статсъ-секретарь Жуковскій напомнилъ Позену, что ему лучше всѣхъ извѣстно, какимъ образомъ указаніе на обезпеченіе быта крестьянъ выкупомъ только однѣхъ усадебъ попало въ програму, данную Главнымъ Комитетомъ въ руководство губернскимъ [1]).

Затѣмъ Позенъ перешелъ къ критикѣ дополненія къ докладу о высшихъ и низшихъ размѣрахъ надѣловъ, только-что составленному для малороссійскихъ губерній лучшими знатоками народнаго быта въ этихъ губерніяхъ, Г. Н. Галаганомъ и В. В. Тарновскимъ, и еще не утвержденному общимъ присутствіемъ.

Желая оправдать назначеніе большинствомъ Полтавскаго губернскаго комитета нормы надѣла въ $1^1/_2$ дес. на душу м. п., Позенъ смѣло отрицалъ, что у малороссійскихъ крестьянъ были когда-либо земли въ наслѣдственномъ семейномъ пользованіи. Онъ утверждалъ, что наслѣдственно и семейно крестьяне пользовались только землями, которыя они считаютъ своей полной собственностью, на-

[1]) Включеніе этого указанія въ програму при составленіи ея принадлежало мысли и перу именно Позена, призваннаго на совѣщаніе по этому дѣлу Я. И. Ростовцовымъ (см. выше).

зывая ихъ *батьковщиной*, и что кромѣ этихъ собственниковъ, при введеніи въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ крѣпостного права, были прикрѣплены къ землямъ, обращеннымъ въ помѣстья, и безземельные крестьяне, которымъ помѣщики стали отводить надѣлы въ томъ или другомъ размѣрѣ, смотря по способности ихъ къ отбыванію повинности, и такимъ образомъ произошли пѣшіе и тягловые, по выраженію Позена, *скотскіе* надѣлы, которые не были наслѣдственными. Поэтому Позенъ считалъ, что не было надобности установлять обязательные тягловые надѣлы, а достаточно было, какъ это сдѣлалъ Полтавскій комитетъ, принять для всей губерніи одну обязательную общую норму пѣшаго надѣла въ $1\frac{1}{2}$ дес. на душу м. п. Что же касается до *батьковскихъ* земель, то Позенъ предвидѣлъ, что по освобожденіи крестьянъ онѣ сдѣлаются предметомъ споровъ между помѣщиками и крестьянами и могутъ подлежать особому разбору.

Противъ увѣреній М. П. Позена были сдѣланы самыя обстоятельныя возраженія Тарновскимъ и Галаганомъ, изучившими бытъ малороссійскаго народа съ самаго юнаго своего возраста, между тѣмъ какъ Позенъ сдѣлался крупнымъ малороссійскимъ помѣщикомъ уже послѣ десятковъ лѣтъ службы въ столичныхъ канцеляріяхъ, обратившихъ его въ яркій типъ выдающагося дѣльца-бюрократа.

Тарновскій и Галаганъ свидѣтельствовали, что, при сравнительно недавнемъ введеніи крѣпостного права въ Малороссіи, въ составѣ вновь образованныхъ въ XVIII вѣкѣ помѣстій были закрѣпощены безъ разбора и крестьяне, владѣвшіе наслѣдственными семейными участками на правахъ собственности, и безземельные крестьяне. При недостаткѣ рабочихъ рукъ въ новыхъ помѣстьяхъ помѣщики охотно надѣляли послѣднихъ участками, согласно съ ихъ работоспособностью, т.-е. иногда пѣшими, а иногда и тягловыми, но, разъ надѣленные такими участками, эти крестьяне уже по обычному праву пользовались ими подворно, т.-е. семейно и наслѣдственно. Только когда дворъ вымиралъ или отказывался отъ своего наслѣдства, помѣщикъ передавалъ его въ другія руки, но это происходило и съ батьковскими землями, вошедшими въ составъ помѣстій. Нынѣ же помѣщики не знаютъ даже, какіе изъ находящихся въ пользованіи помѣщичьихъ крестьянъ наслѣдственныхъ участковъ принадлежатъ къ батьковскимъ или предковскимъ

и какіе поступили въ надѣлъ безземельныхъ крестьянъ вскорѣ послѣ введенія въ Малороссіи крѣпостного права. Возбуждать споры о каждомъ изъ такихъ участковъ по освобожденіи крестьянъ, какъ полагалъ М. П. Позенъ, Тарновскій и Галаганъ считали крайне нежелательнымъ и совершенно безполезнымъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ крестьяне, не имѣя никакихъ документальныхъ данныхъ о происхожденіи ихъ подворныхъ участковъ, проиграютъ процессы и потеряютъ свои права на участки, которыми всегда пользовались безспорно и наслѣдственно. Такимъ образомъ батьковскія земли неминуемо перейдутъ въ другія руки, а такой аграрный переворотъ едва ли можетъ способствовать установленію добрыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, выходящими въ Малороссіи изъ своей только полуторавѣковой крѣпостной зависимости.

Такимъ образомъ малороссійскіе члены-эксперты Комиссій (Галаганъ, Тарновскій, кн. Голицынъ, Заблоцкій-Десятовскій и Домонтовичъ) настойчиво высказались за удержаніе за крестьянами въ Малороссіи ихъ существующихъ надѣловъ и отвергли принятое большинствомъ Полтавскаго и Черниговскаго комитетовъ приведеніе всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ къ размѣрамъ $1^1/_4$ и $1^1/_2$ дес., а въ безплодныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи—2 дес. надѣловъ [1]).

Совѣщаніе съ М. П. Позеномъ, въ которомъ принималъ дѣя-

---

[1]) Въ двухъ малороссійскихъ губерніяхъ (Черниговской и Полтавской), для которыхъ было составлено Редакціонными Комиссіями особое мѣстное положеніе, Высочайше утвержденное Положеніе 19 февраля 1861 г. имѣло слѣдующія послѣдствія. Тамъ было въ эпоху освобожденія крестьянъ 5.160 помѣстій и въ нихъ 817.000 рев. душъ м. п. и 5.200.000 дес. земли, изъ коихъ въ пользованіи крестьянъ состояло 1.640.000. Вся эта земля, по Положенію 19 февраля, удержалась въ собственности крестьянъ, между тѣмъ какъ по законопроектамъ двухъ губернскихъ комитетовъ (Полтавскаго и Черниговскаго) 34% изъ подворныхъ (наслѣдственныхъ) земель надѣла были бы отрѣзаны у крестьянъ въ пользу помѣщиковъ. Малороссійское положеніе укрѣпило за крестьянскими обществами существующіе надѣлы, если они не превышали установленныхъ высшихъ размѣровъ. За отдѣльными же дворами положеніе укрѣпило участки, состоявшіе въ ихъ пользованіи, опредѣливъ особыми статьями вознагражденіе тѣмъ дворамъ, отъ которыхъ произойдутъ отрѣзки въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ положеніе избѣжало отдѣльныхъ опредѣленій высшихъ размѣровъ тягловыхъ и полутягловыхъ участковъ, ограничившись опредѣленіемъ высшаго размѣра пѣшаго участка. Въ полную же личную собственность помѣщиковъ укрѣплено было 3.600.000 дес. За поступившія крестьянамъ надѣльныя земли помѣщики получили отъ казны отъ 90 до 98 милл. выкупныхъ платежей, которые были погашены крестьянами при разсрочкѣ къ 1905 г.

тельное участіе и представитель большинства Черниговскаго комитета Подвысоцкій, заняло не менѣе 5 час. времени, такъ что на совѣщаніе съ Подвысоцкимъ осталось не болѣе часа; но Подвысоцкій счелъ этотъ срокъ вполнѣ для дѣла достаточнымъ, и это имѣло ту выгодную сторону, что все разногласіе этого депутата съ малороссійскими членами-экспертами выяснилось такъ же, какъ и причины, почему Редакціонныя Комиссіи единодушно отвергли предложенія Полтавскаго и большинства Черниговскаго комитетовъ. Черниговскій депутатъ уже не продолжалъ преній, потому что все, что̀ можно было высказать по предмету нашего разногласія, было высказано, а остальное онъ съ большой подробностью изложилъ въ письменномъ своемъ отзывѣ.

Засѣданіе 21 октября 1859 г. закончило нашу глухую внутреннюю и внѣшнюю борьбу, начавшуюся съ тѣхъ поръ, какъ М. П. Позенъ появился въ средѣ лицъ, получившихъ вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла еще до учрежденія Редакціонныхъ Комиссій. 21 октября 1859 г. онъ появился среди насъ въ послѣдній разъ. Удержанный еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ для подачи своихъ письменныхъ замѣчаній на законопроекты Комиссій, онъ, согласно желанію Государя, переданному ему кн. В. А. Долгоруковымъ, 9 ноября 1859 г. просилъ о своемъ увольненіи изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій и немедленно получилъ его.

ГЛАВА XVI.

Совѣщанія наши въ трехъ послѣднихъ октябрьскихъ общихъ собраніяхъ Редакціонныхъ Комиссій съ рязанскими, воронежскими, саратовскими, симбирскими, псковскими, новгородскими, астраханскимъ и петербургскимъ депутатами.

Въ двухъ предпослѣднихъ нашихъ октябрьскихъ общихъ собраніяхъ (24 и 28 октября), подъ предсѣдательствомъ замѣстителя все еще больного Я. И. Ростовцова—статсъ-секретаря П. А. Булгакова, произошли наши совѣщанія съ депутатами трехъ черноземныхъ великороссійскихъ губерній: Рязанской, Воронежской и Саратовской.

Депутатами отъ Рязанскаго губернскаго комитета были: отъ большинства Ѳ. С. Офросимовъ, отъ перваго меньшинства—кн. С. В. Волконскій и отъ второго—А. И. Кошелевъ. Всѣ три рязанскіе депутата, люди выдающіеся по своимъ способностямъ, энергіи и самостоятельности, были уже мною охарактеризованы выше (стр. 43, 45 и 101—105).

Въ общемъ собраніи 24 октября Офросимовъ объяснилъ, что представляемое имъ большинство губернскаго комитета составило проектъ только на срочно-обязанный 12-лѣтній періодъ, а что касается дальнѣйшаго признало, что всѣ обязательныя отношенія между обѣими сторонами прекращаются, и крестьяне могутъ оставаться на земляхъ помѣстья только на условіяхъ обоюднаго соглашенія. Вотъ почему Офросимовъ болѣе всего возставалъ противъ признанія Комиссіями правъ крестьянъ на безсрочное пользованіе существовавшими при крѣпостномъ правѣ надѣлами за опредѣленныя и неизмѣнныя повинности, тѣмъ болѣе, что разъ

всѣ акты, по которымъ совершается передача имуществъ во владѣніе, по закону срочные, то Коммиссіи были не въ правѣ устанавливать безсрочное ограниченіе права собственности.

Возражавшіе Офросимову за юридическое отдѣленіе члены его, статсъ-секретарь С. М. Жуковскій и оберъ-прокуроръ М. Н. Любощинскій, объясняли, что юридическое отдѣленіе не могло выводить вновь создаваемыя аграрныя отношенія изъ буквы существовавшихъ законовъ. Съ государственной точки зрѣнія составителямъ законоположенія, отмѣняющаго по предложенію всего русскаго дворянства крѣпостное право, прежде всего предстояло разрѣшить вопросы: слѣдуетъ ли обезпечить сельское населеніе опредѣленнымъ надѣломъ земли, или, освободивъ только личность крестьянъ, сдѣлать это освобожденіе безземельнымъ и предоставить все устройство аграрныхъ отношеній въ помѣстьяхъ добровольнымъ соглашеніямъ между помѣщиками и крестьянами? Высочайшіе рескрипты и всѣ распоряженія, исходящія отъ верховной Самодержавной власти, уже предрѣшили этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, и такъ понимала его большая часть губернскихъ комитетовъ, такъ какъ только немногіе изъ нихъ, подобно Рязанскому, признавали надѣленіе землею срочнымъ на 12 лѣтъ. Имѣя же въ виду будущую безсрочность надѣленія крестьянъ землею и неприкосновенность ихъ существующихъ надѣловъ, юридическое отдѣленіе должно было признать оставляемую въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ надѣльную ихъ землю за неполную собственность помѣщика, такъ какъ въ ст. 432 т. X ч. I прямо сказано, что „право собственности бываетъ неполное“, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи или распоряженіи другими посторонними, также неполными на то же самое имущество правами, каковы суть: 1) право участія въ пользованіи и выгодахъ чужого имущества и 2) право угодій въ чужомъ имуществѣ.

На это Офросимовъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, узаконеніе безсрочнаго надѣленія крестьянъ землею было все-таки *споліаціею* права собственности помѣщиковъ, точно такъ же, какъ въ свое время прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, т.-е. введеніе закономъ крѣпостного права было *споліаціею* правъ свободы народныхъ массъ. Конечно, и то и другое предпринималось въ видахъ общественной пользы, но введеніе крѣпостного права поколебало въ Россіи понятіе о правѣ личности и свободы, а предоставленіе крестьянамъ

земель въ безсрочное пользованіе поколеблетъ понятіе о правѣ собственности; а затѣмъ, по мнѣнію Офросимова, возникаетъ, конечно, вопросъ первостепенной государственной важности: возможно ли въ такомъ колоссальномъ земледѣльческомъ государствѣ, какъ Россія, освободить болѣе 20 милліоновъ земледѣльцевъ безъ земли? и на этотъ вопросъ нельзя иначе отвѣтить, какъ отрицательно. Народъ нашъ никогда не пойметъ тѣхъ юридическихъ началъ, въ силу коихъ онъ будетъ пущенъ на всѣ четыре стороны свѣта безъ крова и хлѣба, да и само государство не будетъ въ состояніи удержать безземельное населеніе въ предѣлахъ, необходимыхъ для поддержанія гражданскаго устройства и государственнаго порядка, какъ оно не могло сдѣлать этого въ XVI вѣкѣ, когда оно вынуждено было для предупрежденія анархіи споліировать права личности и свободы людей введеніемъ крѣпостного права, обратившаго человѣка въ вещь, принадлежащую другому. Но если пріобрѣтеніе крестьянами земель, состоявшихъ въ ихъ постоянномъ пользованіи на основаніи обычнаго права, является при освобожденіи крестьянъ государственной необходимостью, то почему же сказалъ Офросимовъ, не стремиться, чтобы пріобрѣтеніе это совершилось на основаніи дѣйствующихъ законовъ, такъ какъ вѣдь ст. 575 т. X ч. I допускаетъ отчужденіе всякой собственности, всякаго недвижимаго имущества за вознагражденіе, если это имущество потребуется для какой бы то ни было государственной или общественной цѣли?

Руководствуясь этимъ, Офросимовъ, а съ нимъ рѣшительный и всегда склонный къ немедленному практическому примѣненію своихъ предположеній кн. Волконскій предложили включить въ Положеніе о крестьянахъ слѣдующіе два пункта:

1) помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ земли помѣстій, но, въ видахъ общей государственной пользы, предоставляютъ часть, Положеніемъ опредѣленную, въ собственность крестьянъ за единовременное за сіи земли вознаграждніе, и

2) правительство обязывается за опредѣленную оцѣнку пріобрѣсти покупкою уступаемую помѣщиками землю въ общественную собственность каждаго селенія.

На замѣчанія и предложенія рязанскихъ депутатовъ Офросимова и князя Волконскаго члены Редакціонныхъ Коммиссій Н. А.

Милютинъ, М. Н. Любощинскій, я и Я. А. Соловьевъ отвѣтили слѣдующее [1]:

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что вообще выкупъ крестьянскихъ надѣловъ представляетъ и государственную необходимость, и единственный возможный исходъ изъ крайне трудной задачи — освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, съ одной стороны, не пуская ихъ, какъ выразился рязанскій депутатъ, „на всѣ четыре стороны свѣта безъ крова и хлѣба", а съ другой стороны, не нарушая правъ собственности и матеріальныхъ интересовъ помѣщиковъ; но выкупъ, представляющій громадную финансовую операцію, не можетъ быть осуществленъ немедленно, да и внезапное осуществленіе его произвело бы слишкомъ рѣзкій кризисъ въ неподготовленныхъ къ такому перевороту помѣщичьихъ хозяйствахъ; верховная же власть, отъ усмотрѣнія которой только и можетъ зависѣть примѣненіе ст. 575, не находитъ надобности прибѣгать къ установленной этою статьей экспропріаціи, въ убѣжденіи, что сами дворяне постепенно предоставятъ опредѣленные Положеніемъ надѣлы на выкупъ крестьянамъ. Отсюда истекаетъ неизбѣжность обезпеченія крестьянскаго быта путемъ регулированія надѣловъ и повинностей, исходя изъ существующаго факта и предоставляя крестьянамъ право пользованія регулированнымъ надѣломъ за регулированныя же повинности. Но такъ какъ выкупъ обусловленъ согласіемъ помѣщика и не стѣсненъ никакими сроками, то и самое право пользованія крестьянъ надѣломъ можетъ быть только *безсрочнымъ*. Если же въ нашемъ законодательствѣ положительный законъ, по буквальному смыслу, допускаетъ отчужденіе владѣльческихъ земель въ видахъ государственной или общественной пользы путемъ экспропріаціи, то нельзя признать противнымъ духу законовъ и ограниченіе правъ собственности, въ видахъ той же государственной пользы. Въ этомъ духѣ поступало государство и въ прошедшее царствованіе въ Юго-западномъ краѣ введеніемъ инвентарей, закрѣпившихъ даже за безправными еще крестьянами право пользованія помѣщичьими землями за опредѣленныя повин-

---

[1]) Сущность нашего отвѣта рязанскимъ депутатамъ въ собраніи 24 октября была записана мною вечеромъ того же дня, такъ какъ братъ мой Н. П. Семеновъ по болѣзни не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, какъ и въ большей части засѣданій въ теченіе октября мѣсяца, въ которыхъ происходили диспуты съ депутатами.

ности и давшихъ крестьянамъ даже сервитутныя права на помѣщичьи лѣса и угодья, обращая послѣдніе тѣмъ самымъ, согласно опредѣленію закона, въ неполную собственность. Не признавалось также противорѣчащимъ духу закона освобожденіе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и Остзейскомъ краѣ, гдѣ установленіе неприкосновенности крестьянскихъ надѣльныхъ земель (Bauerland) узаконило форму неполной дворянской собственности.

Отъ Положенія о выкупѣ Коммиссіи ожидаютъ сравнительно довольно быстраго осуществленія выкупа: отъ правительства всегда будетъ зависѣть разрубить впослѣдствіи гордіевъ узелъ введеніемъ обязательнаго выкупа или примѣненіемъ 575 ст. къ помѣстьямъ, въ коихъ выкупъ еще не осуществился, въ то время, когда уже большинство помѣстій перейдетъ на добровольный выкупъ съ согласія помѣщиковъ. Но все же до тѣхъ поръ для того, чтобы не лишить крестьянъ крова и хлѣба, за ними должно быть обезпечено пользованіе землею, что и составитъ ограниченіе права собственности помѣщика не на вѣчное, но во всякомъ случаѣ на безсрочное время, потому что опредѣлить въ точности срокъ повсемѣстнаго введенія выкупа при тѣхъ условіяхъ, въ которыя нынѣ поставленъ законодатель, не представляется возможности. Во всякомъ случаѣ, въ такомъ, конечно, ограничивающемъ права собственности помѣщика предоставленіи крестьянамъ безсрочнаго пользованія отводимыми имъ согласно Положенію надѣлами члены Коммиссій отступленія отъ духа закона не усматриваютъ.

Вопросъ былъ признанъ исчерпаннымъ. Рязанскіе депутаты, стоявшіе все-таки въ дѣлѣ выкупа за *указные*, а не за существующіе надѣлы, мало-по-малу согласились и на оставленіе при выкупѣ существующихъ надѣловъ, но оспаривали принятыя Коммиссіями цифры высшихъ надѣловъ, требуя ихъ пониженія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и частяхъ уѣздовъ и предлагая болѣе правильное, съ точки зрѣнія самихъ Коммиссій, раздѣленіе губерніи на мѣстности. Признавая правильными принятыя Коммиссіями разверстанія уѣздовъ и частей ихъ между черноземною и нечерноземною полосами, они настаивали на пониженіи высшихъ надѣловъ изъ черноземныхъ уѣздовъ—въ Ранепбургскомъ, Данковскомъ, Михайловскомъ и частяхъ Зарайскаго и Рязанскаго, какъ въ лучшей части губерніи, а въ нечерноземной полосѣ указали, какъ на худшія части, на Касимовскій и заокскую часть Спасскаго, а какъ на лучшія—на заокскую

часть Зарайскаго, на Егорьевскій и на нечерноземную часть Сапожковскаго [1]).

Третій рязанскій депутатъ А. И. Кошелевъ, одинъ изъ главарей славянофильской партіи, имѣвшій большія заслуги по крестьянскому дѣлу, какъ публицистъ и издатель журнала въ Москвѣ, посвященнаго этому дѣлу, имѣлъ съ нами совѣщаніе въ засѣданіи общаго собранія 28 октября, прошедшее безъ особыхъ затрудненій.

Кошелевъ, выразивъ свое сочувствіе предполагаемому Коммисіями административному устройству крестьянъ, высказалъ нѣсколько замѣчаній, касающихся еще большаго обезпеченія самоуправленія крестьянъ въ ихъ хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ на необходимости самостоятельнаго устройства сельскаго быта посредствомъ децентрализаціи среднихъ и низшихъ административныхъ дѣлъ, путемъ передачи ихъ мѣстной общественной дѣятельности въ мѣстныя собранія и учрежденія, устроенныя на выборномъ началѣ, въ которыхъ должны были быть соединены какъ личные землевладѣльцы, дворянскаго и недворянскаго сословій, такъ и крестьяне.

Это и была первая мысль о земскихъ учрежденіяхъ, разработанная предварительно Редакціонными Коммисіями и составлявшая одну изъ особыхъ заботъ Н. А. Милютина, а впослѣдствіи подробно разработанная по его плану, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валуева), его близкимъ сотрудникомъ и преемникомъ, директоромъ хозяйственнаго департамента А. Д. Шумахеромъ и осуществленная Государственнымъ Совѣтомъ въ 1863 г. По отношенію къ предположенію хозяйственнаго отдѣленія Кошелевъ, вполнѣ соглашаясь на оставленіе существующихъ надѣловъ, возражалъ только противъ принятыхъ Коммисіями высшихъ цифръ на-

[1]) Коммисіи впослѣдствіи воспользовались всѣми этими указаніями и понизили высшіе размѣры надѣловъ противъ предположенныхъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ и частяхъ ихъ. Въ Рязанской губ. въ эпоху освобожденія крестьянъ было 4.300 помѣстій и въ нихъ 366.000 душъ м. п. и 2.060.000 дес. земли, которая была подѣлена между помѣщиками и крестьянами почти пополамъ. За крестьянами, за вычетомъ отрѣзокъ свыше высшаго надѣла, было закрѣплено нѣсколько болѣе милліона десятинъ, между тѣмъ какъ по проекту большинства въ пользованіе крестьянъ отведено было бы только 600 тыс. дес., слѣдовательно, по этому проекту отрѣзано было бы у крестьянъ 400 тыс. десятинъ (болѣе 40%) За удержанные за крестьянами ихъ существующіе надѣлы, выкупленные для нихъ правительствомъ съ согласія помѣщиковъ, было выплачено помѣщикамъ свыше 42 милл. руб., которые были погашены крестьянами, при 50-лѣтней разсрочкѣ, къ 1905 г.

дѣловъ, которые онъ полагалъ достаточнымъ въ $1^1/_3$ дес. по южную сторону Оки и въ 2—по сѣверную [1]).

Совѣщанія наши съ двумя воронежскими депутатами происходили 24 октября и были очень непродолжительны, вслѣдствіе полнаго нашего принципіальнаго разномыслія во взглядахъ на крестьянское дѣло. Депутатами этими были князь И. В. Гагаринъ, воронежскій губернскій предводитель дворянства, предсѣдательствовавшій въ губернскомъ дворянскомъ комитетѣ, и членъ этого комитета Ѳ. П. Крашенинниковъ, дворянинъ-помѣщикъ Воронежскаго уѣзда. Послѣдній принадлежалъ къ почтенной фамиліи, прославленной первымъ изслѣдователемъ Камчатки, Степ. Петр. Крашенинниковымъ, принадлежавшимъ къ великой плеядѣ изслѣдователей Евразійскаго материка (Палласа, Гмелина, Гюльденштета, Лепехина и пр.) въ срединѣ и концѣ XVIII вѣка.

Кн. И. В. Гагаринъ по своимъ убѣжденіямъ былъ такимъ же рѣшительнымъ противникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ, какимъ былъ и старѣйшій изъ знаменитой фамиліи князей Гагариныхъ, кн. Пав. Павл. Гагаринъ, тогдашній предсѣдатель Главнаго Комитета.

Впрочемъ, между обоими князьями Гагариными, бывшими между собою только въ дальнемъ родствѣ, было мало сходства. Кн. Пав. Павл. принадлежалъ къ типу столичнаго сановника, проявлявшаго, однакоже, при всей страстности и несдержанности своего характера, не только замѣчательную энергію, но иногда даже и душевное величіе. Крестьянами своими онъ управлялъ издали, бралъ съ нихъ умѣренные оброки и не подвергалъ ихъ никакимъ мелочнымъ притѣсненіямъ. Что же касается кн. И. В. Гагарина, то онъ представлялъ собою типъ богатаго помѣщика, близко стоявшаго къ своимъ помѣстьямъ, изъ которыхъ онъ старался извлечь всевозможныя выгоды, не соблюдая обычнаго права и смотря на крестьянъ исключительно, какъ на вещь, ему принадлежащую, вслѣдствіе чего онъ и не пользовался ихъ любовью. Кн. И. В. Гагаринъ былъ тотъ самый депутатъ, который на представленіи депутатовъ Государю заявилъ о готовности воронежскаго дворянства пожертвовать цѣлой третью своего состоянія для того, чтобы пойти на-

[1]) При такихъ цифрахъ высшихъ надѣловъ отрѣзки отъ крестьянъ составили бы болѣе 230,000 дес. земли, почему предложеніе Кошелева и не могло быть принято Редакціонными Коммиссіями.

встрѣчу желаніямъ Государя объ улучшеніи быта освобождаемыхъ крестьянъ [1]). Въ нашемъ засѣданіи 24 октября кн. Гагаринъ высказалъ, что проекты Воронежскаго комитета и Редакціонныхъ Комиссій настолько расходятся въ своихъ началахъ, что онъ можетъ только заявить о полномъ своемъ несогласіи съ предположеніями Редакціонныхъ Комиссій. Воронежскій губернскій комитетъ, отказываясь отъ принадлежащаго дворянству личнаго крѣпостного права, считалъ необходимымъ надѣлить крестьянъ землею только на переходный срочно-обязанный періодъ въ томъ размѣрѣ, какой былъ признанъ необходимымъ для ихъ быта, а именно $3^1/_2$ дес. на тягло ($1^1/_3$ дес. на душу). Причина, вызвавшая такой проектъ надѣленія землею, состояла въ томъ, что Воронежскій дворянскій комитетъ, смотря на временное ограниченіе гражданскихъ правъ освобожденныхъ крестьянъ, какъ на необходимыя послѣдствія ихъ бывшаго крѣпостного состоянія, нашелъ справедливымъ связать ихъ хотя бы самыми ограниченными надѣлами съ помѣстьями, къ которымъ они принадлежали, для того, чтобы воздержать ихъ отъ вредныхъ увлеченій въ пріисканіи себѣ новыхъ мѣстъ поселеній и новыхъ средствъ къ жизни и доставить имъ возможность продолжать свой земледѣльческій промыселъ только на первое опредѣленное извѣстнымъ срокомъ время за опредѣленныя повинности.

[1]) Не легко было выяснить себѣ, откуда кн. П. В. Гагарину, едва-ли когда-либо принесшему въ жертву хотя одинъ рубль изъ получаемыхъ имъ доходовъ въ пользу улучшенія быта своихъ крестьянъ и не только не потерпѣвшему ни малѣйшаго ущерба отъ освобожденія крестьянъ, а, наоборотъ, сильно разбогатѣвшему отъ послѣдствій крестьянской реформы, пришло въ голову говорить Государю о готовности воронежскаго дворянства жертвовать третью своего достоянія для того, чтобы пойти навстрѣчу желаніямъ Государя. Разсчетъ депутата при этомъ былъ основанъ на слѣдующемъ. Почтенный князь хорошо зналъ, что всякое дворянское помѣстье состояло изъ опредѣленной территоріи и ея населенія и что цѣнность помѣстья слагалась изъ земель, состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ, изъ занадѣльныхъ земель, оставшихся въ распоряженіи помѣщика, и изъ самихъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ помѣстью и составлявшихъ его рабочую силу. Занадѣльныя земли, значительно увеличенныя по положенію Воронежскаго комитета на счетъ крестьянскихъ надѣловъ, поступали въ полную собственность помѣщиковъ; крайне уменьшенные надѣлы крестьянъ выкупались въ ихъ пользу правительствомъ за дорогую цѣну. Что же касается третьяго элемента, т.-е. самихъ крестьянъ, признаваемыхъ княземъ вещью, ему принадлежащею, то онъ умѣренно цѣнилъ ее болѣе, чѣмъ въ треть стоимости всего помѣстья, и вотъ эту-то *треть* дворянство, по его мнѣнію, предлагало въ жертву Государю въ слѣдующемъ § 1 своего положенія: „Дворянство Воронежской губерніи, согласно Высочайшей волѣ, прекращаетъ принадлежащее ему личное крѣпостное право на своихъ крестьянъ какъ на дѣлѣ, такъ и во всѣхъ актахъ“.

Что же касается послѣдующаго періода, то Воронежскій комитетъ не считалъ необходимымъ налагать на дворянство губерніи какія бы то ни было стѣсненія или ограниченія въ распоряженіи своею собственностью. При этомъ князь Гагаринъ находилъ еще, что свободный промысловый трудъ гораздо болѣе обезпечиваетъ нужды рабочаго класса, чѣмъ земледѣліе, которое требуетъ капитала, зависитъ отъ случайности и можетъ быть выгодно только для крупныхъ землевладѣльцевъ. Основывать разрѣшеніе крестьянскаго вопроса на дарованіи крестьянамъ правъ безсрочнаго пользованія ихъ надѣлами, по мнѣнію князя Гагарина, значило бы вводить административнымъ путемъ въ Россію начало коммунизма, и въ такомъ случаѣ, если основывать на столь опасныхъ соображеніяхъ нарушеніе правъ, освященныхъ закономъ, то отъ всего нашего государственнаго зданія не останется камня на камнѣ [1]).

На эти разсужденія Н. А. Милютинъ отвѣтилъ, что, при совершенно непримиримомъ несогласіи взглядовъ представителя Воронежскаго губернскаго комитета съ Редакціонными Коммиссіями, сколько-нибудь подробное совмѣстное обсужденіе предположеній Коммиссій не можетъ принести дѣлу никакой пользы.

Второй воронежскій депутатъ, Ѳ. П. Крашенинниковъ, оказался не столь крайнимъ и болѣе практичнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Прежде всего онъ счелъ долгомъ предложить нѣкоторыя мѣры въ интересахъ крестьянъ, которыя вызвали полное сочувствіе въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, какъ, напримѣръ, *взаимное страхованіе* и рабочія книжки. Затѣмъ онъ выразилъ мнѣніе, что единствен-

[1]) Въ эпоху освобожденія крестьянъ аграрное положеніе Воронежской губерніи было слѣдующее. Въ губерніи было 1.200 помѣстій и въ нихъ 240.000 душъ м. п. (до 500 тыс. об. п.) и до 2 милліоновъ десятинъ земли, изъ которой до 700.000 находились въ пользованіи крестьянъ. Уставными грамотами, на основаніи Положенія 19 февраля 1861 г., за крестьянами закрѣплено только 573 тысячи десятинъ, такъ какъ до 100 тыс. дес. крестьяне потеряли добровольно, согласившись принять отъ своихъ помѣщиковъ такъ называемые нищенскіе даровые надѣлы. Но если бы было принято положеніе Воронежскаго губернскаго комитета, то у крестьянъ было бы отрѣзано всего 380.000 дес., то-есть 54% ихъ надѣловъ, и они вмѣсто 573 тысячъ десятинъ получили бы только 320 тыс. десятинъ. Государственныхъ крестьянъ въ эпоху освобожденія въ Воронежской губ. было 900 общинъ и въ нихъ 560 тыс. душъ м. п. и 3.177.000 дес. За поступившія въ безсрочное пользованіе крестьянъ земли, выкупленныя правительствомъ съ согласія помѣщиковъ, послѣдніе получили болѣе 26 милл. руб., которые при 50-лѣтней разсрочкѣ были погашены крестьянами къ 1905 г. Въ полную же личную собственность помѣщиковъ изъ земель помѣстій поступило 1.500.000 дес., которыя съ тѣхъ поръ удесятерились въ своей цѣнности.

нымъ разумнымъ исходомъ крестьянскаго дѣла онъ признаетъ освобожденіе крестьянъ съ землею путемъ обязательнаго выкупа на основаніи 575 ст. Т. X ч. I, а что до этого выкупа необходимо удержать за крестьянами существующіе надѣлы за установленныя повинности въ томъ или иномъ размѣрѣ, поступленіе коихъ должно быть гарантировано правительствомъ. Крашенинниковъ находилъ достаточнымъ предоставить крестьянамъ на выкупъ 2 дес. на душу м. п. и это пониженіе надѣла противъ существующихъ оправдывалъ опасеніемъ затруднить выкупную операцію выкупомъ земли въ большомъ количествѣ.

Въ томъ же засѣданіи 24 октября произошло наше совѣщаніе съ двумя саратовскими депутатами: губернскимъ предводителемъ дворянства кн. Влад. Алексѣевичемъ Щербатовымъ и Ниломъ Сем. Ознобишинымъ. Первый изъ нихъ былъ младшимъ изъ трехъ братьевъ московской фамиліи князей Щербатовыхъ, справедливо считавшейся одною изъ самыхъ просвѣщенныхъ и передовыхъ аристократическихъ фамилій государства. Второй (Ознобишинъ) принадлежалъ къ очень популярной въ дворянской средѣ фамиліи, изъ которой нерѣдко избирались уѣздные предводители въ губерніяхъ: Саратовской, Тамбовской и Рязанской.

Саратовскіе депутаты обнаружили большую корректность по отношенію къ Редакціоннымъ Комиссіямъ. Въ началѣ совѣщанія они отвѣтили очень обстоятельно на спеціальные вопросы, имъ предложенные. По отношенію къ охраненію помѣщичьихъ лѣсовъ они, подобно другимъ депутатамъ, указали на необходимость организаціи государственной лѣсной стражи, но не находили возможности стѣснять лѣсную торговлю предъявленіемъ билетовъ отъ вотчинниковъ, при выдачѣ которыхъ свершалась бы продажа. По отношенію къ найму рабочихъ они стояли, какъ и воронежскіе депутаты, за введеніе рабочихъ книжекъ и развили по этому предмету свои предположенія въ подробности. По вопросу о взаимномъ страхованіи они присоединились къ мнѣнію воронежскихъ депутатовъ, но настаивали еще на необходимости страхованія скота отъ падежа. Наконецъ, по отношенію къ хлѣбнымъ магазинамъ они выразили мнѣніе, что съ улучшеніемъ путей сообщенія необходимость хлѣбныхъ запасовъ будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться, но что на первое время они считаютъ хлѣбные магазины еще необходимыми и энергически высказываются противъ общественныхъ запашекъ.

На предложеніе Милютина высказать свое мнѣніе по вопросу о безсрочномъ пользованіи надѣлами саратовскіе депутаты отвѣчали, что они вполнѣ признаютъ необходимость предоставленія крестьянамъ части земли, входящей въ составъ помѣстья въ безсрочное пользованіе, въ сознаніи, что прочная осѣдлость нужна крестьянамъ не только на срочно-обязанный періодъ, но должна до выкупа быть обязательною для обѣихъ сторонъ, разумѣя подъ одною помѣщика, а подъ другою—сельское общество въ полномъ его составѣ. Саратовскіе депутаты возражали только противъ неизмѣнности повинностей и считали необходимымъ установить періодическую ихъ переоброчку, сообразно съ измѣненіемъ цѣнъ на хлѣбъ.

На это Милютинъ, съ ясностью своего истинно-государственнаго ума, перечислилъ всѣ затрудненія, которыя встрѣтитъ осуществленіе переоброчки крестьянскихъ повинностей. По его убѣжденію, если бы законъ и установилъ переоброчку крестьянскихъ повинностей, то это могло бы быть осуществлено только черезъ очень продолжительный срокъ, напр. 20-лѣтній, потому что колебать условія пользованія землями, опредѣленныя актами (уставными грамотами), вскорѣ послѣ ихъ составленія положительно невозможно, да и впослѣдствіи правительство было бы поставлено въ большое затрудненіе, если-бъ законъ потребовалъ такой переоброчки. Въ нечерноземной половинѣ Россіи, гдѣ земля не имѣетъ большой производительности и гдѣ устанавливаемыя законопроектомъ повинности гораздо выше земельной ренты, и значительная часть ихъ падаетъ на личный трудъ крестьянъ, правительственная переоброчка должна была бы поставить повинность въ соотвѣтствіе съ выгодами, извлекаемыми крестьянами непосредственно изъ ихъ надѣловъ, и послужила бы не только къ невыгодѣ, но и къ разоренію многихъ помѣщиковъ. Наоборотъ, въ черноземной половинѣ Россіи, гдѣ наемныя платы и поземельныя ренты могутъ дѣйствительно возрасти весьма значительно, нельзя не принять въ соображеніе, что большая часть помѣстій будетъ уже на выкупѣ, а переоброчиваемыя помѣстья будутъ поставлены въ столь различныя условія отъ состоящихъ на выкупѣ, что при необязательности выкупа для помѣщиковъ дѣйствительно можно ожидать возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, не дающихъ своего согласія на выкупъ ранѣе переоцѣнки повинностей.

Притомъ же и самая переоцѣнка возбудила бы множество спо-

ровъ и недоразумѣній, потому что, въ виду разнообразія экономическихъ условій въ каждомъ помѣстьи и въ виду необходимости при переоцѣнкѣ въ нечерноземной Россіи привести ее въ соотвѣтствіе съ земельною рентой, эта переоцѣнка не могла бы быть огульною. Предрѣшать же нынѣ задолго впередъ самый способъ такой переоцѣнки едва-ли было бы возможно и удобно, а простое указаніе на нее въ законѣ хотя и могло бы быть допущено для удовлетворенія единогласныхъ настояній депутатовъ, но, по личному мнѣнію Милютина, это указаніе закона осталось бы мертвою буквой; едва-ли нашелся бы и впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, который принялъ бы на себя осуществленіе переоброчки во всѣхъ помѣстьяхъ имперіи.

Тогда саратовскіе депутаты, сознавъ затруднительность переоброчки и успокоившись въ надеждѣ на то, что она будетъ введена въ законопроектъ, и что осуществленіе ея остается вопросомъ отдаленнаго будущаго [1], перешли къ вопросамъ практическаго на-

---

[1] Всѣ предвидѣнія Милютина сбылись: проектъ переоброчки черезъ 20-лѣтній срокъ былъ введенъ въ законопроектъ и въ Высочайше утвержденное Положеніе 19 февраля 1861 г. Когда же черезъ 20 лѣтъ, въ 1881 г., наступилъ срокъ переоброчки, установленный ст. 185 мѣстнаго великороссійскаго Положенія, министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Тимашевъ обратился ко мнѣ, какъ къ директору центральнаго статистическаго комитета, у котораго сосредоточивались всѣ статистическія свѣдѣнія по положенію аграрнаго вопроса въ Россіи, желая составить себѣ полное понятіе о сомнительной для него возможности переоброчки и объ объемѣ осуществленія возложенной на него закономъ обязанности. Я довелъ до свѣдѣнія министра, что выкупная операція шла такъ быстро, что по прошествіи 20 лѣтъ 80% бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ были уже на выкупѣ и только 20% оставалось на оброкѣ, и что 60% этихъ оброчныхъ крестьянъ находилось въ нечерноземной Россіи. Поэтому нельзя было не предвидѣть, что въ большинствѣ случаевъ переоброчка окажется невыгодною для помѣщиковъ, а въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ эта переоброчка была бы, наоборотъ, выгодна для помѣщиковъ, она будетъ имѣть послѣдствіемъ такое возвышеніе крестьянскихъ повинностей, которое явится крайне обременительнымъ для крестьянъ, только-что перешедшихъ съ издѣльной повинности на непривычные для нихъ оброки; слѣдствіемъ этого явится сильное неудовольствіе крестьянъ, въ особенности при сравненіи съ вышедшими уже на выкупъ помѣстьями, платящими въ казну, со включеніемъ погашенія, на 20% менѣе нынѣшнихъ оброковъ помѣщикамъ. Министръ сдѣлалъ по этому предмету представленіе въ комитетъ министровъ, и переоброчка была отложена. При этомъ министръ внутреннихъ дѣлъ не усматривалъ другого выхода изъ непреодолимаго затрудненія въ осуществленія указанной закономъ переоброчки, кромѣ обязательнаго выкупа немогущихъ уже подлежать переоцѣнкѣ оброковъ. Императоръ Александръ II обнаружилъ, однакоже, большую послѣдовательность въ своей аграрной политикѣ, не согласившись до самой

стоящаго и представили свои возраженія противъ допущенія обязательнаго для помѣщиковъ выкупа крестьянскихъ усадебъ отдѣльными домохозяевами; встрѣтивъ по этому вопросу полное сочувствіе членовъ Редакціонныхъ Комиссій, они помирились на томъ, что такой отдѣльный выкупъ будетъ избѣгнутъ законопроектомъ. Въ своихъ возраженіяхъ противъ предоставленія крестьянамъ въ пользованіе и, въ особенности, на выкупъ существующихъ надѣловъ саратовскіе депутаты встрѣтили самый энергическій отпоръ въ средѣ Редакціонныхъ Комиссій, и Н. А. Милютинъ отъ имени послѣднихъ заявилъ, что по причинамъ, достаточно развитымъ и выясненнымъ въ ихъ докладахъ и при обмѣнѣ мыслей съ остальными депутатами, Комиссіи, конечно, ни въ какомъ случаѣ не отступятъ отъ своего взгляда на необходимость оставленія за крестьянами существовавшихъ еще при крѣпостномъ правѣ земельныхъ надѣловъ, но что высшіе размѣры по губерніямъ, уѣздамъ и даже, въ случаѣ надобности, частямъ уѣздовъ будутъ еще пересмотрѣны и уменьшены вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ безъ особой невыгоды для крестьянъ; что, впрочемъ, окончательное рѣшеніе вопроса о крестьянскихъ надѣлахъ будетъ зависѣть отъ высшей власти [1]).

На послѣдней очереди изъ депутатовъ перваго призыва великорусскихъ черноземныхъ губерній стояли симбирскіе депутаты, совѣщанія съ которыми заняли у насъ очень немного времени—всего одно засѣданіе 28 октября. Причины этого были весьма понятны.

своей кончины на обязательный выкупъ даже неизмѣнной уже повинности, считая его все-таки косвенною экспропріаціей земель, на которыя Онъ всегда признавалъ право собственности помѣщиковъ, хотя бы и неполной.

[1]) Аграрное положеніе Саратовской губ. въ эпоху освобожденія крестьянъ было слѣдующее. Во всей губерніи было 1.750 дворянскихъ помѣстій и въ нихъ 293 тыс. душъ м. п. крестьянъ и 3.200.000 дес. земли, изъ коихъ 1.100.000 (36%) находились въ пользованіи помѣщичьихъ крестьянъ. Положеніе 19 февраля закрѣпило за ними въ губерніи только 834.000 дес., такъ какъ въ губерніи до 110.000 рев. душъ пошли на такъ называемые нищенскіе (даровые) надѣлы и потеряли на нихъ 264 тыс. десятинъ. Въ случаѣ же принятія нормальныхъ надѣловъ, проектированныхъ Саратовскимъ губернскимъ комитетомъ (2 десятины пахотной земли на душу м. п. при трехпольномъ хозяйствѣ и 3½ дес. на душу м. п. при залежномъ) отрѣзы изъ существующихъ надѣловъ саратовскихъ крестьянъ увеличились бы еще на 200 тыс. десятинъ. За поступившія въ безсрочное пользованіе крестьянъ, а потомъ выкупленныя правительствомъ съ согласія помѣщиковъ надѣльныя земли послѣдніе получили свыше 21 милл. выкупной ссуды, которая была погашена крестьянами, при 50-лѣтней разсрочкѣ, къ 1905 г. Въ полной же личной собственности дворянъ-помѣщиковъ было закрѣплено въ 1861 г. 2.400.000 дес.

Въ составѣ симбирскаго дворянства было очень много просвѣщенныхъ людей, несомнѣнно сочувствовавшихъ земельному освобожденію крестьянъ, но въ губернскомъ комитетѣ эти лица оказались все-таки въ меньшинствѣ. Они-то и составили чрезвычайно гуманный и либеральный проектъ меньшинства.

Депутатомъ отъ этого меньшинства былъ почтенный А. Н. Татариновъ, приглашенный отъ имени Государя въ члены-эксперты Редакціонныхъ Комиссій. Съ нимъ мы совѣщались ежедневно, и всѣ его великодушныя стремленія вошли въ содержаніе составленнаго нами, при его дѣятельномъ участіи, законопроекта.

Наоборотъ, взгляды на крестьянское дѣло депутата большинства Симбирскаго комитета Д. Н. Шидловскаго были совершенно непримиримы съ нашими взглядами и съ убѣжденіями его глубокочтимаго нами коллеги А. Н. Татаринова. Избранный большинствомъ Симбирскаго комитета въ депутаты, зажиточный помѣщикъ Симбирскаго уѣзда Д. Н. Шидловскій принадлежалъ къ узко-консервативной вѣтви просвѣщенной и уважаемой дворянской фамиліи Шидловскихъ, другая вѣтвь которой, владѣвшая крупными помѣстьями въ Воронежской и Харьковской губерніяхъ, считалась передовою въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Шидловскій принадлежалъ къ числу тѣхъ дворянъ-помѣщиковъ, которыхъ называли въ то время „упорными крѣпостниками", т.-е. такими, которые не могли себѣ представить возможности существованія безъ обязательнаго труда своихъ крѣпостныхъ и чистосердечно ожидали отъ предполагаемой реформы полнаго своего разоренія. Шидловскій былъ тотъ самый депутатъ, который представилъ лично отъ себя Государю всеподданнѣйшій адресъ, содержаніе котораго было изложено мною выше (стр. 346).

Въ засѣданіи 28 октября Шидловскій высказалъ довольно опредѣленно свой взглядъ на крестьянское дѣло. Онъ рѣшительно отрицалъ права крестьянъ на какія бы то ни было земли помѣстья, отрицалъ даже и тѣ, которыя истекали изъ обычнаго права и признавались самими Царями еще въ то время, когда крестьяне были „царскими", а не барскими. Очевидно, что въ глазахъ Шидловскаго крѣпостные крестьяне не были ничѣмъ инымъ, какъ вещью, ему принадлежащею. По его мнѣнію, и по освобожденіи крестьянъ они не могли имѣть никакого общественнаго управленія, а должны быть подчинены помѣщику, какъ „начальнику обществъ".

Затѣмъ Шидловскій возражалъ особенно энергично противъ сохраненія за крестьянами существующихъ надѣловъ и противъ безсрочности ихъ надѣленія и старался доказать цифрами, что принятіе предположеній Редакціонныхъ Коммиссій, при существующихъ надѣлахъ и освобожденіи труда безъ замѣны его высокими повинностями, уменьшитъ доходы симбирскихъ помѣщиковъ на $^2/_3$, $^8/_9$ и даже $^{14}/_{15}$. Отсюда онъ заключалъ о полной невозможности осуществленія законопроекта Коммиссій и о необходимости утвержденія какъ для Симбирской, такъ и для другихъ губерній тѣхъ проектовъ положеній, которые были выработаны губернскими комитетами.

Лицами, выставленными Коммиссіями для возраженія Шидловскому, были: Милютинъ, Жуковскій, Любощинскій, кн. Черкасскій, Соловьевъ, я и представитель меньшинства Симбирскаго комитета Татариновъ. Сущность нашихъ возраженій состояла въ слѣдующемъ. Правительство, признавая права собственности дворянъ на всѣ земли помѣстья, не могло, однакоже, не признать и за крестьянами, входящими въ составъ помѣстій и крѣпкими ихъ землѣ, *обычнаго* ихъ права на землю, признаваемую безсрочно и неотъемлемо состоявшею въ ихъ пользованіи еще въ то время, когда эта земля была царскою, а не барскою. Верховная же власть, даруя помѣстья дворянамъ за ихъ службу, конечно, давала имъ на земли помѣстья только тѣ права, которыя сама имѣла на эти земли, а не тѣ, которыхъ сама не признавала за собою, никогда не нарушая обычнаго права. Вотъ почему правительство и нынѣ, при освобожденіи крестьянъ, твердо рѣшило сохранить за ними тѣ земельные надѣлы, которые и впредь необходимы для обезпеченія быта крестьянскаго сословія и лежащихъ на немъ повинностей. Эта рѣшимость верховной власти на земельное, а не на безземельное освобожденіе крестьянъ достаточно выразилась какъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, такъ и въ томъ направленіи, которое дано было Коммиссіямъ, съ самаго начала ихъ дѣятельности, избраннымъ довѣріемъ Государя предсѣдателемъ ихъ.

Для Коммиссій несомнѣнно, что обезпеченіе выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ земельными надѣлами только на краткосрочный (12-лѣтній) періодъ, какъ то предложилъ Симбирскій губернскій комитетъ, съ возвратомъ потомъ крестьянскихъ надѣловъ въ полное распоряженіе помѣщика, сдающаго эту землю

крестьянамъ на какихъ ему угодно условіяхъ, не соотвѣтствовало бы Высочайшей волѣ, а потому обязательное надѣленіе крестьянъ землею не можетъ быть временнымъ и притомъ кратковременнымъ. Срочнымъ оно могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы къ заранѣе опредѣленному сроку былъ установленъ обязательный для помѣщиковъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ. Но такъ какъ такой выкупъ также противорѣчилъ бы заявленной Комиссіямъ Высочайшей волѣ, то надѣленіе крестьянъ землею можетъ быть только безсрочное. Этимъ и устанавливается существенное различіе между землями помѣстья, распоряженіе которыми со стороны помѣщиковъ не подлежитъ никакому ограниченію, и тѣми. изъ коихъ помѣщики уже не могутъ сдѣлать никакого иного употребленія, кромѣ взиманія въ свою пользу установленныхъ закономъ повинностей съ тѣхъ крестьянъ, въ пользу которыхъ эти земли предоставляются новымъ закономъ. Это и дало поводъ Комиссіямъ признать вторую категорію земель неполною собственностью помѣщика.

Что же касается размѣровъ надѣловъ, закрѣпляемыхъ за крестьянами, то вопросъ этотъ не былъ предрѣшаемъ правительствомъ для того, чтобы призванные верховной властью на совѣтъ при обсужденіи предстоящей великой реформы представители мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ высказались совершенно свободно. Мнѣнія ихъ оказались чрезвычайно разнообразными, но при этомъ очевидно, что разнообразіе это не оправдывается различіемъ мѣстныхъ условій, хорошо извѣстныхъ Комиссіямъ. Предложенныя комитетами нормы надѣловъ не только различны для находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ помѣстій въ сосѣднихъ губерніяхъ, но даже большинство и меньшинство комитетовъ одной и той же губерніи высказало по этому предмету различныя мнѣнія. Такъ большинство Нижегородскаго комитета предложило 2 дес., а меньшинство — $1^1/_2$ дес. на рев. душу. Наоборотъ, большинство Симбирскаго комитета предложило $1^1/_2$ дес., одно меньшинство $2^1/_2$, а другое предложило оставить за крестьянами существующіе надѣлы. Не трудно доказать, что въ многоземельной и притомъ преимущественно земледѣльческой Симбирской губерніи $1^1/_2$ дес. на душу ($3^3/_4$ дес. на тягло), т.-е., за исключеніемъ усадьбы и луга, по 1 дес. въ полѣ, есть надѣлъ, завѣдомо недостаточный для обезпеченія быта крестьянъ и отправленія ими повинностей, да и въ настоящее время едва-ли найдутся въ Симбирской губ. такія помѣстья, въ которыхъ кре-

стьяне были бы надѣлены менѣе, чѣмъ 2 дес. не казенной, а хозяйственной мѣры въ полѣ на тягло.

Впрочемъ, споръ о томъ, какое количество земли слѣдуетъ считать достаточнымъ въ той или другой мѣстности для обезпеченія быта крестьянъ, есть споръ неразрѣшимый, потому что взгляды на этотъ предметъ могутъ быть крайне различны; поэтому Коммиссіи и были вынуждены искать разрѣшенія вопроса въ существующемъ фактѣ. Если крестьяне могли существовать при тѣхъ надѣлахъ, которыми пользовались, то, стало быть, эти надѣлы могутъ быть признаны достаточными, и едва-ли въ мѣстностяхъ, гдѣ земля имѣла какую-нибудь цѣнность, помѣщики часто давали крестьянамъ надѣлъ, излишній противъ необходимаго для ихъ обезпеченія количества земли. Исключенія, конечно, могли быть и обусловливались только великодушіемъ или беззаботностью помѣщиковъ. Въ имѣніяхъ заглазныхъ оброчныхъ, гдѣ помѣщики не считали для себя выгоднымъ или возможнымъ вести собственное полевое хозяйство, въ пользованіе крестьянъ могли попасть излишнія земли, но этотъ-то фактъ и исправляется опредѣленіемъ высшихъ надѣловъ, предположенныхъ Коммиссіями. Согласиться же на предлагаемыя Симбирскимъ губернскимъ комитетомъ скудныя нормы надѣловъ Коммиссіи не могутъ ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ введеніе этихъ нормъ имѣло бы послѣдствіемъ, въ большинствѣ случаевъ, отрѣзки отъ крестьянъ значительной части земли (въ Симбирской губерніи около половины существующихъ надѣловъ). О какомъ же улучшеніи быта крестьянъ могла бы быть рѣчь, если бы ихъ освобожденіе имѣло послѣдствіемъ отобраніе отъ нихъ большей части той земли, которою всегда пользовались ихъ отцы и дѣды не только при крѣпостномъ правѣ, но и до обращенія ихъ селеній въ помѣстья, и оставленіе за ними лишь небольшой части ихъ земельныхъ надѣловъ и то только на 12-лѣтній періодъ, послѣ котораго произошло бы, по предложенію Симбирскаго комитета, полное обезземеленіе крестьянъ?

Что же касается административнаго устройства крестьянъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, то, конечно, Редакціоннымъ Коммиссіямъ предстояло замѣнить сильную власть помѣщика хорошо организованнымъ сельскимъ управленіемъ, причемъ нельзя было допустить вмѣшательства помѣщика въ хозяйственныя дѣла сельскихъ обществъ, а въ случаѣ споровъ перваго съ крестьянами,

какъ съ свободными людьми, его сосѣдями, поставитъ его судьею въ собственномъ дѣлѣ. Признаніе же его, какъ было предположено Симбирскимъ комитетомъ, начальникомъ сельскаго общества измѣнило бы нынѣ существующую и въ нѣкоторой степени патріархальную крѣпостную зависимость не въ пользу крестьянъ.

Наконецъ, относительно самыхъ размѣровъ повинностей, обусловленныхъ величиною принятыхъ Редакціонными Комиссіями высшихъ нормъ надѣловъ, и соотвѣтствія тѣхъ и другихъ, всѣ частныя и мѣстныя замѣчанія гг. депутатовъ могутъ быть приняты только съ признательностью, такъ какъ назначеніе соотвѣтствующихъ высшимъ размѣрамъ повинностей высшихъ надѣловъ намѣчено не окончательно, а только предварительно. Разсчеты же представителя большинства Симбирскаго комитета о предсказываемыхъ имъ потеряхъ и разореніяхъ помѣщиковъ въ Симбирскомъ уѣздѣ представляются членамъ Комиссій совершенно неубѣдительными, потому что они основаны на томъ предположеніи, что единственной замѣною нынѣшнихъ доходовъ съ издѣльныхъ имѣній помѣщиковъ, по переходѣ крестьянъ на оброкъ, будутъ эти оброки съ ихъ надѣловъ, а что съ полевыхъ земель господской запашки, остающихся въ рукахъ помѣщиковъ, и со всѣхъ вообще занадѣльныхъ земель помѣстья, болѣе обширныхъ, чѣмъ крестьянскіе надѣлы [1], помѣщики никакихъ доходовъ не получатъ, такъ какъ не найдутъ ни работниковъ для ихъ эксплоатаціи, ни съемщиковъ. Съ такимъ предположеніемъ

---

[1] Аграрное положеніе помѣщичьихъ крестьянъ Симбирской губ. въ эпоху ихъ освобожденія было слѣдующее: помѣстій въ губерніи было 1.520 и въ нихъ 200.000 рев. душъ м. п. и 1.700.000 дес. земли, въ томъ числѣ 650 тыс. дес. въ пользованіи крестьянъ. По Положенію 19 февраля 1861 г. поступило въ пользованіе крестьянъ только 530.000 дес., потому что они лишились не менѣе 120 тыс. дес., вслѣдствіе допущенныхъ закономъ, введенныхъ Главнымъ Комитетомъ, такъ называемыхъ нищенскихъ (даровыхъ) надѣловъ. Если бы былъ принятъ проектъ Симбирскаго комитета, то симбирскіе помѣщичьи крестьяне лишились бы еще 230 тысячъ десятинъ земли, а черезъ 12 лѣтъ были бы совершенно обезземелены. Удѣльныхъ крестьянъ въ губерніи въ это время было 644 селеній и въ нихъ 235 тысячъ рев. душъ м. п., имѣвшихъ въ своемъ пользованіи до 1.000.000 дес. земли. Всѣ эти земли, безъ всякихъ отрѣзокъ, были закрѣплены за крестьянами, такъ что бывшіе царскіе крестьяне получили въ надѣлъ по 4,3 десятины, а бывшіе барскіе по 2,7 десятины. Въ полную же собственность дворянъ-помѣщиковъ поступило въ 1861 г. изъ земель помѣстій 1.200.000 дес., цѣнность которыхъ вслѣдствіе освобожденія труда и быстраго прироста населенія скоро и неимовѣрно увеличилась. За земли, поступившія въ крестьянскіе надѣлы и выкупленныя правительствомъ съ согласія помѣщиковъ, послѣдніе получили свыше 20 мил. р. выкупной ссуды, которые, при 50-лѣтней разсрочкѣ, были уплочены крестьянами къ 1905 г.

согласиться уже никакъ невозможно. Крестьяне, перешедшіе на оброкъ, будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи, по уничтоженіи барщины, столько свободнаго времени, что едва-ли они найдутъ ему другое примѣненіе въ земледѣльческихъ губерніяхъ, какъ идти въ наймы на хорошо имъ знакомыя полевыя работы. Принимая къ тому же въ соображеніе, что свободный трудъ производительнѣе крѣпостного, нельзя и думать, чтобы плодородныя симбирскія пашни не дали доходовъ. Существующіе же надѣлы помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе 60% надѣловъ удѣльныхъ крестьянъ, совсѣмъ не такъ велики, чтобы зажиточные крестьяне не захотѣли нанимать занадѣльныя помѣщичья земли. Съ постепеннымъ развитіемъ благосостоянія отдѣльныхъ, хотя бы исключительныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, съ ожидаемымъ приростомъ свободнаго населенія, которое при крѣпостномъ правѣ въ теченіе XIX вѣка въ крѣпостныхъ помѣстьяхъ совсѣмъ не увеличивалось, потребность въ наймѣ земли будетъ съ каждымъ годомъ возрастать, и ея цѣнность увеличится. Въ заключеніе Н. А. Милютинъ высказалъ свое убѣжденіе, что при столь существенномъ различіи во взглядахъ на дѣло освобожденія крестьянъ мнѣнія Комиссій и большинства Симбирскаго комитета представляются совершенно непримиримыми между собою, но что оба законопроекта сохранятъ характеръ предположеній до тѣхъ поръ, пока верховная власть своимъ утвержденіемъ не обратитъ одно изъ этихъ предположеній въ положительный законъ.

Симбирскій депутатъ сказалъ затѣмъ довольно торжественно, что онъ имѣетъ *положительныя основанія* думать, что предположенія Редакціонныхъ Комиссій никогда не увидятъ своего осуществленія, и удалился изъ залы присутствія Комиссій, не скрывая своей вражды противъ нихъ.

Торжественное заявленіе Шидловскаго объяснялось тѣмъ, что въ ненависти своей къ нашему законопроекту онъ встрѣтилъ сильное сочувствіе среди нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ, близкихъ въ то время къ Престолу. Когда же предсказанія Шидловскаго не сбылись, и законопроектъ Редакціонныхъ Комиссій обратился въ законъ 19 февраля 1861 г., то Дм. Ник. Шидловскій не захотѣлъ присутствовать при паденіи крѣпостного права и поспѣшилъ покинуть свои симбирскія помѣстья и переселиться за границу.

Въ 1870 г., когда прошла 10-лѣтняя давность нашему па-

мятному для меня диспуту, записанному мною на другой же день для моего больного еще брата, я случайно встрѣтился съ Шидловскимъ въ болѣе благопріятныхъ для взаимнаго доброжелательства условіяхъ. Онъ сознался мнѣ, что, несмотря на полный абсентеизмъ и заглазное управленіе, въ продолженіе десятка лѣтъ доходы въ его имѣніи сильно увеличились, что опасенія губернскихъ комитетовъ и депутатовъ относительно ихъ разоренія были сильно преувеличены, и въ матеріальномъ отношеніи помѣщики не только не проиграли, но много выиграли, но что все-таки разставаться съ крѣпостнымъ правомъ, на которомъ они выросли, было нелегко; что, впрочемъ, они ожидали еще худшаго и во всякомъ случаѣ въ своихъ опасеніяхъ были совершенно чистосердечны.

28 октября были у насъ на очереди совѣщанія съ депутатами двухъ губерній великороссійскаго сѣверо-западнаго полѣсья, а именно Псковской и Новгородской.

Совѣщанія эти были несложны и непродолжительны, потому что принципіальныхъ разногласій между нами не было. Идя навстрѣчу желаніямъ Царя-Освободителя, псковское и новгородское дворянства добровольно согласились на освобожденіе своихъ крестьянъ и не думали о какомъ бы то ни было удержаніи за собою власти надъ освобожденными крестьянами въ видѣ патримоніальныхъ правъ надъ своими бывшими помѣстьями. Съ другой стороны, они не стремились къ обезземеленью своихъ крестьянъ и присвоенію въ полную свою собственность всѣхъ земель своихъ помѣстій, признавая права крестьянъ на земли, которыми они пользовались и при крѣпостномъ правѣ. Да и самое увеличеніе въ пользу помѣщиковъ количества западѣльныхъ земель не имѣло въ ихъ глазахъ никакого значенія, такъ какъ земли, которыя возможно было отрѣзать изъ пользованія крестьянъ, никакой цѣнности не имѣли.

Поэтому противъ принципа оставленія за крестьянами существующихъ надѣловъ псковской и новгородскій депутаты особенно сильно не возражали. О продолжительномъ же удержаніи за помѣщиками обязательнаго труда депутаты эти также не заботились. Бóльшая часть помѣстій этихъ двухъ губерній состояла уже на оброкѣ, и псковскіе и новгородскіе крестьяне и при крѣпостномъ правѣ достаточно пользовались свободою труда, такъ какъ на этой свободѣ была основана возможность для нихъ уплачивать своимъ

господамъ высокіе оброки, облегченные крестьянскими заработками въ близкой къ нимъ столицѣ.

Всѣ же интересы представляемыхъ депутатами дворянъ-помѣщиковъ Псковской и Новгородской губерній сосредоточивались на томъ, чтобы понести наименьшія потери въ своихъ доходахъ, состоявшихъ преимущественно въ получаемыхъ ими оброкахъ. При всемъ томъ дворянство Псковской и Новгородской губерній сознавало, что, имѣя въ виду улучшеніе быта крестьянъ, нигдѣ нельзя было допустить повышенія существующихъ повинностей, что, наоборотъ, правительство должно было установить высшую предѣльную цифру оброка, соотвѣтствующую устанавливаемому для каждой мѣстности высшему размѣру надѣла, и что превосходящіе эту цифру оброки должны быть понижены. Слѣдовательно, только въ цифрахъ, предлагаемыхъ нами для высшихъ размѣровъ надѣловъ въ разныхъ уѣздахъ двухъ губерній, и въ общей цифрѣ оброка на высшій душевой участокъ для всей Россіи могли быть у насъ нѣкоторыя разномыслія съ депутатами обѣихъ губерній.

Псковскими депутатами были: порховской помѣщикъ, исполнявшій обязанности предсѣдателя Псковского губернскаго комитета. Ник. Степ. Волковъ и холмскій уѣздный предводитель дворянства Вас. Вас. Голенищевъ-Кутузовъ. Первый окончилъ блестяще свое образованіе въ одномъ изъ привилегированныхъ столичныхъ учебныхъ заведеній. Оба они были люди просвѣщенные, прекрасно образованные и гуманные, но, къ сожалѣнію, не особенно хорошо были знакомы съ экономическимъ положеніемъ помѣстій своихъ губерній, такъ какъ сами они, ограничиваясь исправнымъ полученіемъ оброковъ со своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, мало входили въ ихъ нужды и потребности. Еще менѣе входили они въ аграрныя условія помѣстій своихъ сосѣдей, часто совершенныхъ абсентеистовъ, замѣнявшихъ себя въ своихъ отношеніяхъ съ крѣпостными людьми старостами, приказчиками и управляющими. Ознакомившись весьма поверхностно съ довольно обстоятельно собранными по нашей иниціативѣ свѣдѣніями о помѣщичьихъ имѣніяхъ, они отрицали даже существованіе въ своей губерніи такихъ надѣловъ, которые были показываемы самими помѣщиками, и вынуждали насъ предъявить имъ наши подлинныя свѣдѣнія, подписанныя самими помѣщиками. При всемъ томъ псковскіе депутаты согласились даже съ возможностью принять принципъ оставленія за крестьянами су-

ществующихъ надѣловъ въ предѣлахъ установленнаго высшаго и низшаго размѣровъ, но только находили предлагаемые нами высшіе размѣры въ $4^1/_2$ дес. на рев. д. м. п. для двухъ уѣздовъ губерніи, 5 дес. для четырехъ уѣздовъ и 8 для двухъ слишкомъ высокими и предполагали принять $4^1/_2$ дес. за высшій размѣръ надѣла для всей губерніи [1]).

Соглашаясь на оставленіе за крестьянами существующихъ надѣловъ и на ограниченіе общей предѣльной цифры оброка на душевой участокъ, псковскіе депутаты, какъ люди просвѣщенные, хорошо понимали, что съ освобожденіемъ труда цѣны на занадѣльныя земли, обращаемыя въ ихъ полную собственность, повысятся, и что въ этомъ дворянство губерніи найдетъ себѣ вознагражденіе за неизбѣжныя потери, сопряженныя для него съ признанною имъ необходимостью улучшенія быта крестьянъ. Поэтому псковскіе депутаты особенно озабочивались тѣмъ, чтобы съ создаваемой для нихъ изъ занадѣльныхъ земель помѣстья личной собственности были сняты всѣ лежавшіе при крѣпостномъ правѣ на помѣщикахъ сервитуты, какъ, напр., снабженіе крестьянъ строевыми матеріалами, топливомъ, пастьба крестьянскаго скота на лѣсныхъ полянахъ и т. д. Ник. Ст. Волковъ по этому поводу энергически заявилъ, что псковскіе помѣщики обратятъ въ уголь всѣ свои лѣса, если на нихъ наложатъ какіе-нибудь сервитуты. Во второмъ періодѣ своихъ работъ Редакціонныя Коммиссіи совершенно отказались отъ всякихъ сервитутовъ въ пользу крестьянъ на занадѣльныхъ земляхъ помѣщиковъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, дорожа проведеніемъ разъ навсегда въ каждомъ помѣстьи опредѣленной и неизмѣнной границы между тѣмъ, что̀ изъ состава помѣстій поступаетъ въ полную личную собственность помѣщиковъ, и что̀ поступаетъ сначала въ безсрочное пользованіе, а потомъ въ собственность, но не личную — отдѣльныхъ крестьянъ, а цѣлыхъ обществъ [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи Редакціонныя Коммиссіи, принявъ во вниманіе замѣчанія депутатовъ, значительно понизили цифры высшихъ надѣловъ въ бо̀льшей части уѣздовъ губерніи.

[2]) Аграрное положеніе помѣстій Псковской губерніи при освобожденіи крестьянъ было слѣдующее: число всѣхъ помѣстій въ губерніи было 3.160 и въ нихъ до 130.000 рев. душъ м. п. и 2.000.000 дес. земли, изъ коихъ болѣе 800 тыс. состояло въ пользованіи крестьянъ, которыя за ничтожными отрѣзками и остались въ ихъ пользованіи, а если бы мы приняли предложеніе псковскихъ депутатовъ и назначили высшій размѣръ крестьянскаго надѣла по всей губерніи въ $4^1/_2$ дес. на рев. д., то пришлось бы отрѣзать отъ крестьянъ при ихъ освобожде-

Депутаты, избранные Новгородскимъ губернскимъ дворянскимъ комитетомъ для защиты выработанныхъ имъ предположеній, оказались величинами, между собою совершенно несоизмѣримыми.

Депутатомъ отъ меньшинства комитета былъ избранъ академикъ и профессоръ сельскаго хозяйства Н. Н. Желѣзновъ, состоявшій членомъ-экспертомъ Редакціонныхъ Коммиссій съ самаго начала ихъ дѣятельности. Хотя при своей прирожденной скромности и нерѣшительности онъ не внесъ ничего новаго и оригинальнаго въ наши работы, но все же онъ былъ полезнымъ членомъ хозяйственнаго отдѣленія по своимъ обширнымъ и основательнымъ научнымъ познаніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ. Робко и не сразу примкнулъ онъ къ убѣжденіямъ большинства относительно способа разрѣшенія аграрныхъ вопросовъ и сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ составленнаго нами вчернѣ законопроекта, по отношенію къ которому положеніе меньшинства Новгородскаго комитета казалось ему „лепетомъ младенца". Поэтому ученый депутатъ этого меньшинства уже не принялъ на себя ни защиты этого положенія, ни даже диспута противъ тѣхъ немногихъ частей нашего законопроекта, которымъ онъ самъ не сочувствовалъ.

Совершенно противоположный типъ представлялъ собою депутатъ большинства Новгородскаго комитета Павелъ Павловичъ Косаговскій.

Окончилъ онъ курсъ наукъ въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ въ армейскую артиллерію и скоро послѣ того вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручика, чтобы принять въ управленіе свое обширное по пространству, но малоцѣнное помѣстье въ одномъ изъ худшихъ по почвѣ уѣздовъ Новгородской губ., доставшееся ему въ наслѣдство въ очень молодые годы. Добрый помѣщикъ, страстный охотникъ, остроумный и веселый разсказчикъ забавныхъ анекдотовъ, онъ, конечно, не былъ способенъ притѣснять своихъ крестьянъ, даже тяготился крѣпостнымъ правомъ

ніи болѣе 110 тыс. десятинъ. Помѣщики, согласившись постепенно на выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, получили отъ правительства свыше 15 милл. руб. выкупной ссуды, а за ними было закрѣплено изъ ихъ помѣстій въ полную личную земельную собственность 1.200.000 дес., съ которыхъ были сняты всѣ лежавшіе при крѣпостномъ правѣ на помѣщикахъ сервитуты, такъ что псковскому дворянству не пришлось ни обращать своего лѣса въ уголь, ни отказываться отъ столь выгоднаго на ихъ земляхъ льноводства. Крестьяне, при 50-лѣтней разсрочкѣ, погасили свой долгъ правительству къ 1905 г.

и, вполнѣ сознавая, что время освобожденія крестьянъ наступило, желалъ скорѣйшей развязки крестьянскаго дѣла. Пользуясь всеобщимъ расположеніемъ среди своихъ сосѣдей, онъ былъ избранъ ими въ 1858 г. въ члены губернскаго комитета и, примкнувъ тамъ къ большинству, явился въ Петербургъ въ качествѣ депутата отъ этого большинства. При совѣщаніяхъ своихъ съ нами онъ высказался прежде всего противъ безсрочности пользованія землею и неизмѣнности повинностей, но зато считалъ обязательный для обѣихъ сторонъ выкупъ единственнымъ и мирнымъ исходомъ изъ аграрнаго вопроса; онъ полагалъ однако, что количество выкупаемой земли должно быть основано не на существующемъ надѣлѣ, а на количествѣ земли, необходимой для обезпеченія быта крестьянъ, признавая за такое количество для губерніи 9 дес. на тягло (менѣе 4 дес. на душу), и потому не соглашался на высокіе размѣры высшихъ надѣловъ, назначаемые Коммиссіями, очевидно не уяснивъ себѣ сразу, что надѣлъ при системѣ, принятой Коммиссіями, ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ увеличенію до нормы опредѣленныхъ законопроектомъ высшихъ размѣровъ. Когда же онъ убѣдился, что высшій размѣръ надѣла имѣетъ только значеніе для исчисленія повинностей въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ существующій надѣлъ не достигаетъ высшаго размѣра, то онъ выразилъ свое сочувствіе принятой Коммиссіями системѣ градаціи повинностей. Затѣмъ онъ возражалъ еще противъ признанія крестьянскихъ строеній собственностью крестьянъ и требовалъ включенія ихъ въ разсчетъ при опредѣленіи выкупной суммы. Весь этотъ обмѣнъ мыслей не привелъ ни къ какому результату, кромѣ нѣкотораго пониженія предположенныхъ нами высшихъ размѣровъ надѣловъ, и послѣ нашего диспута, въ которомъ я былъ его оппонентомъ, мы разстались друзьями [1]).

Впрочемъ и новгородское дворянство оказалось довольнымъ

---

[1]) Вотъ какіе результаты дало для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ Новгородской губерніи примѣненіе Положенія 19 февр. 1861 г. Освобождено было изъ крѣпостной зависимости до 3.380 помѣстій, въ которыхъ было 183.000 душъ м. п. и до 3.500.000 дес. земли. Крестьяне удержали въ своемъ владѣніи существующіе ихъ надѣлы, въ количествѣ 1.045.000 дес. (до 40% пахотной земли), между тѣмъ какъ по Положенію Новгородскаго губернскаго комитета крестьяне потеряли бы изъ своихъ существующихъ надѣловъ 280.000 дес. (25%). При всемъ томъ изъ земель помѣстій въ полную личную собственность дворянъ-помѣщиковъ перешло 2.455.000 дес. Правительству при выкупѣ (съ согласія помѣщиковъ) поступившихъ въ безсрочное пользованіе крестьянъ надѣловъ пришлось уплатить помѣщикамъ свыше 20 милл. р., которые были погашены крестьянами, при 50-лѣтней разсрочкѣ, къ 1905 г.

своимъ представителемъ. Оно не поставило ему въ вину, что онъ не пытался сокрушить законопроектъ Редакціонныхъ Комиссій. Оно выбрало его въ уѣздные предводители дворянства, а впослѣдствіи, убѣдившись на дѣлѣ, что составители Положенія 19 февраля 1861 г. не имѣли никакихъ злостныхъ намѣреній противъ сословія, къ которому сами принадлежали, и что они желали достигнуть великаго обновленія Россіи мирнымъ путемъ, а не кровавымъ переворотомъ, не только подчинилось закону Царя-Освободителя объ освобожденіи крестьянъ, но и дало ему прекрасныхъ исполнителей въ лицѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Косаговскому же особенно повезло. Уѣздъ его былъ нерѣдко посѣщаемъ Императоромъ Александромъ II для охоты, и тамъ предводитель приготовлялъ Государю встрѣчу, сопровождалъ Его, устраивалъ мѣста для отдыха и занималъ своими неистощимыми забавными анекдотами. Получая чины въ должности предводителя дворянства и пользуясь расположеніемъ самого Государя, онъ скоро получилъ административное назначеніе, сначала совѣтникомъ губернскаго правленія, потомъ вице-губернаторомъ, а впослѣдствіи сдѣлался новгородскимъ губернаторомъ и, наконецъ, директоромъ департамента полиціи.

31 октября, въ день послѣдняго нашего совѣщанія съ депутатами перваго призыва, на очереди оставались только депутаты астраханскій и петербургскіе.

Астраханская губернія по своимъ аграрнымъ отношеніямъ между помѣщиками и крестьянами была въ совершенно исключительномъ положеніи. Въ ней было всего только 33 дворянскихъ помѣстья, заключавшихъ въ себѣ до 400.000 дес. земли и 5.556 душъ м. п. крѣпостныхъ. Большинство крестьянъ было на оброкѣ, а большинство дворянъ-помѣщиковъ были абсентеистами. Поэтому въ составъ дворянскаго губернскаго комитета удалось собрать только 5 человѣкъ [1]), которые и составили къ концу января 1859 г. свое положеніе, стараясь придерживаться правительственной программы, данной Главнымъ Комитетомъ. Губернскій комитетъ старался предварительно снестись со всѣми помѣщиками, но разыскать ихъ было не легко, а еще труднѣе было получить отъ нихъ

[1]) Астраханскій комитетъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ испр. должность губ. предв. дворянства И. С. Попова, изъ помѣщиковъ: Царевскаго уѣзда Н. Г. Тимофеева, Енотаевскаго уѣзда—М. М. Вазелева, Красноярскаго - В. П. Копытовскаго и члена отъ правительства Н. Н. Кишенскаго, который и былъ избранъ депутатомъ въ Редакціонныя Комиссіи отъ Астраханскаго комитета.

обстоятельныя свѣдѣнія объ ихъ помѣстьяхъ; несмотря на это, губернскому комитету удалось выяснить, что экономическое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ двухъ частяхъ Астраханской губерніи было весьма различно. Въ уѣздахъ Царевскомъ, Енотаевскомъ и Черноярскомъ положеніе крестьянъ мало отличалось отъ положенія помѣщичьихъ крестьянъ въ сосѣднихъ степныхъ уѣздахъ Саратовской и Самарской губерній. Главными занятіями ихъ были земледѣліе и скотоводство, а изъ отхожихъ промысловъ—работы по найму на соляныхъ озерахъ Баскунчакскомъ и Эльтонскомъ.

Наоборотъ, въ двухъ южныхъ уѣздахъ, Красноярскомъ и Астраханскомъ, гдѣ песчаная почва помѣстій была совершенно непроизводительна, крестьяне обезпечивали свое существованіе рыболовствомъ по Волгѣ и работами на рыбныхъ промыслахъ Каспійскаго моря и только въ одномъ пригородномъ къ Астрахани помѣстьи, занимавшемъ обширный островъ Волги Черепаху, крестьяне съ большимъ успѣхомъ занимались разведеніемъ садовъ и виноградниковъ.

При такомъ различіи въ мѣстныхъ условіяхъ двухъ частей губерніи Астраханское положеніе придавало значеніе вопросу о надѣленіи землею крестьянъ только въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, гдѣ полагало опредѣлить размѣръ надѣла въ семь десятинъ на тягло (изъ нихъ три дес. пахотной), и то временно, на срочно-обязанный періодъ, въ теченіе котораго признавало помѣщика начальникомъ сельскаго общества, а крестьянъ отдавало въ полное повиновеніе и распоряженіе своихъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ въ земледѣльческихъ уѣздахъ Астраханской губ. члены комитета очевидно неохотно разставались со своей властью надъ крестьянами, стараясь привязать ихъ къ своимъ помѣстьямъ временнымъ удержаніемъ за ними надѣловъ, близкихъ къ существующимъ, и обезземеливая ихъ по окончаніи срочно-обязаннаго періода путемъ обязательнаго для нихъ выкупа усадебъ, послѣ чего они обращались въ безземельныхъ батраковъ.

Иначе смотрѣли на устройство аграрныхъ отношеній помѣщики двухъ южныхъ уѣздовъ. Тамъ обширныя занадѣльныя земли, по непроизводительности ихъ почвы, не имѣли никакого значенія для крестьянъ, и весь интересъ помѣщиковъ состоялъ въ скорѣйшемъ у нихъ выкупѣ правительствомъ для крестьянъ не только усадебъ, но и существующихъ земельныхъ надѣловъ по возможно высокой оцѣнкѣ, окупавшей стоимость всего помѣстья.

Депутатъ Астраханскаго комитета, предсѣдатель Астраханской соединенной палаты Н. Н. Кишенскій принадлежалъ къ типу просвѣщенныхъ и дѣловитыхъ высшихъ провинціальныхъ чиновниковъ того времени. Къ сожалѣнію, онъ, живя преимущественно въ Астрахани, ни съ однимъ изъ помѣстій своей губерніи, кромѣ своего собственнаго, знакомъ не былъ, и мнѣ пришлось наводить справки объ экономическихъ условіяхъ астраханскихъ помѣстій у самаго крупнаго изъ помѣщиковъ губерніи, владѣльца острова Черепахи— Ахматова.

Впрочемъ астраханскій депутатъ оказался очень сговорчивымъ. Хотя первоначально онъ предлагалъ отдать крестьянамъ только однѣ усадьбы за дорогой выкупъ и совсѣмъ не надѣлять ихъ землею, такъ какъ вся земля въ Астраханской губерніи, кромѣ развѣ виноградниковъ, ничего не стоитъ, а виноградниковъ никто не отдастъ, однакоже онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи и согласился на систему Коммиссіи, а цифры высшихъ надѣловъ согласился заимствовать изъ Царевскаго уѣзда Астраханской губ., такъ какъ это не могло имѣть послѣдствіемъ увеличеніе существующихъ надѣловъ, а было необходимо только для исчисленія оброковъ, соотвѣтствующихъ существующимъ надѣламъ. Вслѣдствіе нашего соглашенія освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ Астраханской губ. произошло въ наилучшихъ условіяхъ. За ними были закрѣплены всѣ ихъ существующіе надѣлы, въ количествѣ 52.000 дес., и исчислены оброки по 8 руб. съ высшаго душевого участка, съ пониженіемъ этой суммы тамъ, гдѣ существующій надѣлъ не достигалъ опредѣленнаго положеніемъ высшаго размѣра, по правиламъ градаціи. Весь выкупъ крестьянскихъ надѣловъ далъ помѣщикамъ Астраханской губерніи до 600.000 руб., и, сверхъ того, они удержали себѣ изъ своихъ помѣстій 78.000 дес. земли въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ и 270.000 дес. въ двухъ южныхъ, гдѣ помѣщики, подобно Кишенскому, считали земли ничего не стоющими, а потому охотно отдавали ихъ крестьянамъ.

Помѣщикъ Ахматовъ, слывшій между своими друзьями за очень скупого человѣка, получивъ за крестьянскіе надѣлы своего помѣстья довольно значительную выкупную сумму, подарилъ своимъ крестьянамъ всѣ свои обширныя занадѣльныя земли, а впослѣдствіи завѣщалъ имъ одну треть своего очень значительнаго капитала, возникшаго изъ его сбереженій; другую треть этого капитала онъ по-

жертвовалъ Казанскому университету, въ которомъ кончилъ высшее образованіе, а третью — въ Императорскую Академію Наукъ на учрежденную имъ премію.

По окончаніи совѣщанія съ Кашенскимъ намъ оставалось еще совѣщаніе съ с.-петербургскими депутатами.

Изъ нихъ совсѣмъ не явился на совѣщаніе избранный губернскимъ комитетомъ графъ Левашовъ, а совѣщаніе со всегда корректнымъ и деликатнымъ графомъ П. П. Шуваловымъ, мнѣнія котораго уже намъ близко были извѣстны, не принесли, конечно, никакой практической пользы. Компромиссовъ между нашими мнѣніями не могло быть иначе, какъ на практической почвѣ, а ни къ чему практическому гр. Шуваловъ былъ, по самымъ свойствамъ своимъ, совершенно неприспособленъ, да оно его и не интересовало. Такъ напримѣръ, онъ категорически отказался доставить свѣдѣнія или соображенія по вопросу о раздѣленіи С.-Петербургской губерніи на какія бы то ни было полосы или мѣстности съ цѣлью установленія предѣльныхъ крестьянскихъ надѣловъ и повинностей въ разныхъ частяхъ губерніи, и мы могли только убѣдиться, что намъ придется собирать свѣдѣнія и производить работу безъ содѣйствія предводительствуемаго гр. Шуваловымъ дворянства. Во всякомъ случаѣ оппозиція с.-петербургскаго дворянства въ рукахъ гр. Шувалова не имѣла угрожающаго дѣлу характера, такъ какъ никакого контръ-проекта она выработать не могла [1]).

[1]) Въ С.-Петербургской губерніи въ эпоху освобожденія крестьянъ было 1.366 дворянскихъ помѣстій и въ нихъ 122.430 рев. душъ м. п. и 2.500.000 дес. земли, въ томъ числѣ 800.000 дес. въ крестьянскомъ надѣлѣ. Освобожденіе крестьянъ произошло въ губерніи вполнѣ благополучно. Высшіе надѣлы были назначены Положеніемъ 19 февраля 1861 г. не далѣе 25 верстъ отъ столицы въ $3^1/_4$ дес. на рев. душу, а затѣмъ въ уѣздахъ Петербургскомъ, Петергофскомъ и Царскосельскомъ -въ 4 дес., въ уѣздѣ Ямбургскомъ—въ $4^1/_2$ дес., въ уѣздахъ Новоладожскомъ и Шлиссельбургскомъ—въ 5 дес. и въ уѣздахъ Гдовскомъ и Лужскомъ въ $5^1/_2$ дес. Отрѣзокъ земли у крестьянъ изъ ихъ существующаго надѣла почти совсѣмъ не произошло, и за ними было закрѣплено всего 800.000 дес. земли, а занадѣльной земли въ помѣстьяхъ, поступившей въ полную собственность помѣщиковъ, за снятіемъ всѣхъ сервитутовъ, оказалось 1.700.000 дес., изъ коихъ до 1878 г. перешло въ разныя сословія 300 тыс. дес. Что же касается крестьянскихъ надѣловъ, то они еще при жизни гр. П. П. Шувалова, несмотря на его несочувствіе къ выкупу крестьянскихъ надѣловъ, перешли въ собственность крестьянскихъ обществъ путемъ правительственнаго выкупа, противъ котораго такъ возставалъ графъ Петръ Павловичъ, за выкупную ссуду, полученную помѣщиками въ размѣрѣ не свыше 15 милл. руб., которые, при 50-лѣтней разсрочкѣ, были погашены крестьянами къ 1905 г.

ГЛАВА XVII.

Послѣдняя неудавшаяся попытка сокрушить законопроектъ Редакціонныхъ Комиссій: флигель-адъютантскій контръ-проектъ. Его авторъ гр. А. П. Бобринскій.—Второй періодъ занятій Редакціонныхъ Комиссій. Заботы о составленіи особыхъ мѣстныхъ положеній. Призывъ новыхъ членовъ-экспертовъ для юго-западныхъ и литовскихъ губерній: изъ Юго-западнаго края—О. Ф. Ярошинскій и А. А. Грабянка; изъ литовскихъ губерній—К. П. Гечевичъ и Б. Ф. Залѣсскій. Отношеніе этихъ экспертовъ къ законопроекту.—Улучшеніе здоровья Я. И. Ростовцова и возвращеніе его къ предсѣдательству.

Къ 1 ноября всѣ наши совѣщанія съ членами губернскихъ комитетовъ окончились, и депутаты разъѣхались, не успѣвъ ни сокрушить, ни даже дискредитировать въ глазахъ верховной власти законопроектъ Комиссій, ни выставить на его мѣсто какого бы то ни было стройнаго или даже сколько-нибудь пріемлемаго контръ-проекта.

Послѣдній брандеръ, пущенный въ это время съ цѣлью сокрушенія законопроекта Редакціонныхъ Комиссій, въ формѣ весьма опредѣленнаго, хотя и очень несложнаго и незамысловатаго контръ-проекта, исходилъ не отъ депутатовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ, подобно Шидловскому, и возлагали на успѣхъ его всѣ свои надежды.

Контръ-проектъ этотъ, о которомъ была рѣчь уже выше, заключался въ слѣдующемъ: крѣпостные люди освобождались отъ всякой крѣпостной зависимости, и за ними признавались всѣ права свободныхъ податныхъ сословій какъ лично, такъ и по имуществу. Они подчинялись общимъ гражданскимъ законамъ съ тѣми лишь изъятіями, которыя могутъ быть допущены согласно мѣстнымъ обычаямъ. Крестьянскія общества, заключавшія въ себѣ не менѣе опредѣленнаго закономъ числа душъ, оставались въ настоящемъ ихъ

составѣ, остальныя присоединялись къ сосѣднимъ обществамъ. Члены общества свободно могли выходить изъ общества на основаніи закона, существовавшаго для другихъ свободныхъ податныхъ сословій; также предполагалось совершать и пріемъ новыхъ членовъ въ общество. Управленіе каждаго общества учреждалось на основаніи законовъ, существовавшихъ для свободныхъ сельскихъ обывателей, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ, но попечительный надзоръ за дѣлами общества предполагалось оставить за помѣщикомъ, на землѣ котораго живетъ общество, и которому присваивалось наименованіе начальника общества; въ судебномъ и административномъ отношеніи общество должно было подчиняться общесословнымъ губернскимъ и государственнымъ властямъ.

Подушныя казенныя подати замѣнялись по контръ-проекту поземельными, которыя возлагались на крестьянскія усадьбы, но за нихъ попрежнему долженъ былъ отвѣчать помѣщикъ, хотя онъ и могъ сложить съ себя эту отвѣтственность, предоставивъ въ безсрочное пользованіе каждаго домохозяина его усадьбу безвозмездно.

Общественное призрѣніе, какъ и прежде, должно было лежать на отвѣтственности помѣщика, но онъ могъ сложить съ себя и эту отвѣтственность, предоставивъ въ безсрочное пользованіе крестьянъ безвозмездно или $^1/_5$ часть удобной земли всего своего помѣстья, или полъ-десятины удобной земли на ревизскую душу м. п.

Всѣ поземельныя отношенія помѣщиковъ и освобожденныхъ крестьянъ устанавливались добровольными соглашеніями, но при введеніи Положенія крестьянскому обществу предоставлялось требовать поземельный надѣлъ; впрочемъ лишь въ томъ размѣрѣ и за тѣ самыя повинности, которыя были опредѣлены для каждой губерніи мѣстнымъ губернскимъ комитетомъ.

За всѣ повинности крестьянъ помѣщику отвѣчаетъ не личность, а земля, а за неисполненіе повинности крестьянинъ лишается права пользованія землею.

Порядку введенія Положенія и опредѣленія правъ помѣщика, какъ начальника общества, посвящено было въ контръ-проектѣ еще нѣсколько статей.

Получивъ этотъ контръ-проектъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, Государь прочелъ его внимательно и затѣмъ послалъ его Я. И. Ростовцову съ собственноручною надписью: „Извѣстенъ ли вамъ этотъ

проектъ? Онъ, говорятъ, сочиненіе Ф. А. (флигель-адъютанта) графа Бобринскаго и сообщенъ Мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ".

Въ средѣ, въ которой проектъ имѣлъ большое распространеніе, онъ получилъ названіе флигель-адъютантскаго, потому что всѣ указывали на участіе въ немъ еще и кн. Паскевича и гр. Андрея Павловича Шувалова, но графъ Петръ Павловичъ не сочувствовалъ ему и даже, оставаясь, какъ всегда, вѣрнымъ идеѣ эмфитевтическаго права крестьянъ на земли помѣстій, состоящія въ ихъ пользованіи, разошелся на этомъ предметѣ со своимъ братомъ и съ кн. Паскевичемъ, съ которымъ до того времени всегда держался вмѣстѣ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ.

Для тѣхъ же, кто, какъ я, былъ уже давно знакомъ со всею исторіей развитія замѣчательной и несомнѣнно оригинальной личности гр. Ал. Павл. Бобринскаго, не было никакого сомнѣнія, что флигель-адъютантскій проектъ принадлежалъ и мысли, и перу Алексѣя Павловича.

Графъ Бобринскій еще съ лицейской скамьи (онъ родился въ 1826 г.) проявлялъ весьма оригинальныя для среды, въ которой онъ выросъ и воспитался, убѣжденія. Онъ находилъ, что у дворянина есть призваніе болѣе важное, чѣмъ блестящая служба въ гвардейскихъ полкахъ или административныхъ канцеляріяхъ, что настоящее его призваніе, это—заботиться объ участи ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ крѣпостныхъ людей, и что всякій дворянинъ-помѣщикъ, владѣющій значительнымъ имѣніемъ, принесетъ несравненно болѣе пользы пребываніемъ въ своемъ помѣстьи и управленіемъ имъ, чѣмъ пребываніемъ въ столицѣ. Поэтому, окончивъ довольно удовлетворительно курсъ наукъ въ 1844 г., онъ не поступилъ на службу, а поселился въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ Тульской губерніи, Епифанскаго и Богородицкаго уѣздовъ, и сталъ управлять этими обширными помѣстьями и своими свеклосахарными заводами. Предоставленный всецѣло самому себѣ (отецъ его уже умеръ, а мать жила со своими дочерьми въ Италіи), онъ быстро развилъ въ себѣ какъ высокія качества своей души, такъ и тѣ свои недостатки, которые возникли подъ вліяніемъ крѣпостного права. Онъ очень заботился и объ успѣхахъ сельскаго хозяйства, въ обширномъ смыслѣ этого понятія, въ своихъ имѣніяхъ и о благосостояніи своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, но, пылкій и необузданный, онъ не признавалъ въ своихъ помѣстьяхъ ничьей воли,

кромѣ своей собственной, быстро переходившей въ ничѣмъ неограниченный произволъ, который приводилъ его къ самымъ крайнимъ насильственнымъ мѣрамъ.

Что же касается мелочныхъ личныхъ интересовъ, то за ними онъ не гонялся, ни скупости, ни алчности у него не было, и даже наоборотъ, не только въ матеріальныхъ разсчетахъ, но и въ своихъ столкновеніяхъ съ людьми онъ нерѣдко проявлялъ истинное великодушіе.

9-лѣтнее пребываніе въ деревнѣ и постоянная и сильная власть надъ крѣпостными выработала въ самобытномъ умѣ графа Бобринскаго оригинальное міровоззрѣніе, которымъ онъ особенно охотно дѣлился со мною (въ часы досуга, во время нашего пребыванія во Флоренціи), потому что онъ хорошо зналъ, что и я по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, такъ же, какъ и онъ, не поступалъ на службу и управлялъ, какъ и онъ, своимъ помѣстьемъ въ одной изъ сосѣднихъ съ нимъ губерній; впрочемъ, такъ какъ мое помѣстье было несравненно менѣе значительно, чѣмъ его, я находилъ время и для занятій науками и для самаго разносторонняго изученія своего отечества. Выводы графа Бобринскаго изъ его 9-лѣтнихъ наблюденій надъ русскимъ народомъ, съ которымъ онъ находился въ постоянномъ общеніи, были очень своеобразны и далеко не сходились съ моими выводами—результатомъ 20-лѣтнихъ, начавшихся съ отроческихъ лѣтъ наблюденій.

По мнѣнію, выраженному А. П. Бобринскимъ во Флоренціи въ ту эпоху, когда мы оба далеко за предѣлами родины принимали присягу будущему Царю-Освободителю,—русскій народъ есть „великій народъ“; онъ доказалъ это тѣмъ, что самъ пришелъ къ сознанію, что земля его „велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“ и призвалъ изъ-за моря „варяговъ“ для управленія собою. Съ необыкновенной стойкостью онъ выдерживалъ впослѣдствіи всѣ невзгоды безпрестанныхъ опустошеній цѣлаго потока кочевниковъ и, наконецъ, порабощеніе татарами въ XIII и XIV вѣкѣ, а въ XVII всѣ ужасы анархіи и борьбу съ западными сосѣдями и вышелъ, несмотря на всѣ бѣдствія, торжествующимъ изъ тяжелой борьбы за существованіе. Самымъ высокимъ достоинствомъ русскаго человѣка А. П. Бобринскій признавалъ его, будто бы, постоянное стремленіе къ подчиненію чужой волѣ и выставлялъ свои отношенія къ крестьянамъ, какъ примѣръ того, какъ могла быть благодѣтельна

для крестьянъ эта воля. На мое возраженіе словами пословицы, что „сила солому ломитъ“, но что и въ сказкахъ силы бываютъ и благодѣтельныя, и злобныя, онъ сообщилъ мнѣ, какъ поступалъ народъ въ Тульской губерніи, когда никакой силы не было.

По его словамъ, въ сосѣдствѣ его произошелъ слѣдующій случай. Умеръ бездѣтный помѣщикъ-благотворитель, имѣвшій 300 душъ, по духовному завѣщанію отпустилъ всѣхъ крестьянъ своего помѣстья на волю и завѣщалъ имъ всѣ земли своего имѣнія и даже капиталъ своихъ сбереженій. Крестьяне собрались на сходъ, чтобы рѣшить вопросъ объ управленіи своими хозяйственными и административными дѣлами; разсуждали очень долго и, наконецъ, рѣшили нанять себѣ одного изъ самыхъ энергичныхъ и строгихъ нѣмцевъ-управляющихъ временъ крѣпостного права, щедро назначили ему 3.000 рублей жалованья и поручили ему веденіе всѣхъ своихъ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ. Нѣмецъ оказался на высотѣ своего призванія. Онъ умѣло распоряжался всѣми ихъ работами, никакого пристрастія въ примѣненіи дисциплинарныхъ взысканій не обнаруживалъ, но за всѣ провинности билъ и сѣкъ ихъ нещадно и даже съ увлеченіемъ, не возбуждая, при своей справедливости, ни въ комъ изъ нихъ ни зависти, ни злобы. „Переходя къ самому себѣ, я могу сказать“, говорилъ Бобринскій, „что русскій народъ оказался великимъ и по отношенію къ своему помѣщику: я дѣйствовалъ, какъ наемный управляющій, въ теченіе 9 лѣтъ, а они великодушно заплатили мнѣ за мою дѣятельность, превративъ меня своими трудами изъ сильно разореннаго въ богатаго дворянина-помѣщика“.

На этихъ-то убѣжденіяхъ и былъ построенъ „законопроектъ“, составленный графомъ Бобринскимъ. Онъ давалъ широкую юридическую свободу крестьянамъ, но ставилъ надъ ними въ лицѣ помѣщика попечительнаго начальника съ очень широкими правами, предоставляя всѣ аграрныя отношенія, подъ фирмою взаимныхъ соглашеній, волѣ помѣщика и давая крестьянамъ права только на то недостаточное количество земли, которое уступалось имъ, да и то на время, мѣстнымъ дворянскимъ комитетомъ. Но самымъ тяжелымъ для крестьянъ въ его „законопроектѣ“ было то, что они лишались въ случаѣ, если помѣщикъ давалъ крестьянамъ безвозмездно по одной дес. земли на ревизскую душу, всѣхъ земель помѣстья, пользованіе которыми было освящено обычнымъ правомъ

и никогда и никѣмъ не оспаривалось ни въ барскихъ, ни въ царскихъ помѣстьяхъ.

Отрицательное отношеніе Государя къ „флигель-адъютантскому проекту“ и окончаніе нашихъ совѣщаній съ депутатами въ значительной мѣрѣ успокоили Ростовцова, а докторамъ, его пользовавшимъ, удалось принятыми ими мѣрами предупредить готовившееся внутреннее воспаленіе; здоровье Ростовцова въ послѣднихъ числахъ октября начало замѣтно поправляться. Впрочемъ, во все время его болѣзни я не переставалъ, согласно его желанію, пріѣзжать къ нему по окончаніи каждаго засѣданія общаго собранія (19, 21, 24, 28 и 31 октября) съ докладами о происходившемъ, которые онъ выслушивалъ съ удовольствіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень заботился о томъ, чтобы работы второго періода въ канцеляріи и отдѣленіяхъ не прекращались; и работы эти въ промежуткахъ между нашими совѣщаніями съ депутатами кипѣли. Въ канцеляріи онѣ состояли въ окончаніи печатанія свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ составленіи сводовъ изъ запоздалыхъ положеній губернскихъ комитетовъ и, наконецъ, въ быстромъ печатаніи свода отзывовъ депутатовъ перваго призыва, въ отдѣленіяхъ же—въ заготовленіи дополнительныхъ ихъ докладовъ, въ которыхъ принимались во вниманіе мнѣнія, выраженныя какъ во вновь поступившихъ положеніяхъ губернскихъ комитетовъ, такъ и въ отзывахъ депутатовъ.

Другой работою отдѣленій, и преимущественно хозяйственнаго, было составленіе мѣстныхъ положеній, начавшееся съ 20 октября немедленно послѣ нашего совѣщанія съ малороссійскими депутатами. Впрочемъ вопросъ о составленіи мѣстныхъ положеній былъ разрѣшенъ Ростовцовымъ еще нѣсколько ранѣе.

Озабочиваясь своевременнымъ обсужденіемъ и составленіемъ этихъ положеній, Ростовцовъ нашелъ необходимымъ и своевременнымъ дополнить составъ Редакціонныхъ Комиссій вызовомъ нѣкоторыхъ новыхъ членовъ-экспертовъ изъ западныхъ губерній преимущественно изъ членовъ губернскихъ комитетовъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями и сочувствовавшихъ земельному освобожденію крестьянъ. На частное совѣщаніе по этому вопросу, рѣшеніе котораго зависѣло исключительно отъ него, Ростовцовъ пригласилъ только Н. А. Милютина, какъ предсѣдателя хозяйственнаго отдѣленія и главнаго дѣятеля по разрѣшенію аграрныхъ вопросовъ, и меня, какъ члена-завѣдывающаго дѣлами Комиссій.

Первый вопросъ, подлежавшій нашему обсужденію, состоялъ въ опредѣленіи тѣхъ мѣстностей имперіи, въ которыхъ слѣдовало допустить, по ихъ особенностямъ, составленіе мѣстныхъ положеній. Прежде всего эта необходимость была признана для двухъ малороссійскихъ губерній—Полтавской и Черниговской, въ ихъ совокупности. Особенности Малороссіи по сю сторону Днѣпра заключались въ томъ, что населеніе ея до возсоединенія ея съ Россіей состояло изъ вольныхъ людей—казаковъ, привыкшихъ къ понятію о личной, наслѣдственной земельной собственности, которую они называли *батьковщиною*, а заселеніе ими пустопорожнихъ земель, принадлежавшихъ русскому государству или розданныхъ отчасти, послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, въ видѣ помѣстій (въ особенности при Петрѣ Великомъ и Императрицахъ Елисаветѣ и Екатеринѣ II), знатному малороссійскому и русскому дворянству, обратило въ крѣпостную зависимость дворянства какъ старожиловъ, такъ и новопоселенцевъ въ XVIII вѣкѣ; поэтому отличить, какія земли помѣстья составляли батьковщину крестьянъ и какія были имъ даны помѣщиками, желавшими привлечь рабочія руки въ дарованныя имъ помѣстья, не было никакой возможности. Такъ какъ въ составъ Редакціонныхъ Комиссій уже были привлечены ранѣе члены-эксперты изъ Малороссіи (Тарновскій и Галаганъ) и вызваны и депутаты, то окончательное составленіе мѣстнаго Малороссійскаго положенія не встрѣчало никакихъ затрудненій.

Второю мѣстностью, для которой было признано необходимымъ составить особое мѣстное положеніе, былъ Юго-западный край, т.-е. губерніи: Кіевская, Подольская и Волынская. Съ малороссійскими губерніями край этотъ имѣлъ то общее, что здѣсь пользованіе землями у помѣщичьихъ крестьянъ было подворное и наслѣдственное, а крестьянское населеніе принадлежало къ русскому малороссійскому племени; но существенно отличался Юго-западный край отъ Малороссіи тѣмъ, что въ немъ дворяне-помѣщики были преимущественно, и даже почти исключительно, поляки, а самое крѣпостное право было ограничено инвентарными правилами, которыя въ царствованіе Императора Николая I получили даже законодательную санкцію, что возбудило большое противодѣйствіе со стороны польскаго дворянства трехъ юго-западныхъ губерній. Дворянства эти въ послѣдніе годы царствованія Импера-

тора Николая I и по вступленіи на престолъ Александра II хлопотали объ отмѣнѣ Высочайше утвержденныхъ инвентарей и о томъ, чтобы весь инвентарный вопросъ въ ихъ губерніяхъ былъ переданъ въ руки мѣстныхъ польскихъ дворянствъ. Когда же эти дворянства пошли на встрѣчу желанію Царя и выразили готовность освободить своихъ крестьянъ, то кромѣ трехъ комитетовъ, учрежденныхъ въ губерніяхъ Юго-западнаго края, была учреждена еще и сводная коммиссія для составленія общаго законопроекта для трехъ губерній этого края.

Такимъ образомъ вопросъ о составленіи мѣстнаго положенія для губерній Юго-западнаго края былъ уже предрѣшенъ, и намъ оставалось только обсудить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли приглашать особыхъ членовъ-экспертовъ изъ Юго-западнаго края для участія въ составленіи этого мѣстнаго положенія. Н. А. Милютинъ находилъ, что собственно въ такихъ членахъ-экспертахъ изъ Юго-западнаго края необходимости для насъ не было, такъ какъ въ составѣ Редакціонныхъ Коммиссій были два члена-эксперта, превосходно знакомые съ бытомъ и экономическимъ положеніемъ крестьянъ Юго-западнаго края и, въ особенности, съ инвентарными правилами, а именно Г. П. Галаганъ, который былъ однимъ изъ крупныхъ дворянъ-помѣщиковъ Малороссіи (Черниговской и Полтавской губерній) и Ю. Ѳ. Самаринъ, также крупный дворянинъ-помѣщикъ (ю.-в. Россіи), хорошо знакомый съ бытомъ юго-западныхъ крестьянъ и, въ особенности, со всѣмъ инвентарнымъ вопросомъ, такъ какъ онъ былъ правителемъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова во время составленія и введенія Высочайше утвержденныхъ инвентарныхъ правилъ. Хотя мы и имѣли всѣ необходимыя данныя для составленія мѣстнаго положенія, въ основаніе котораго должны были быть приняты, какъ существующій фактъ, Высочайше утвержденные инвентари, мы однакоже пришли къ заключенію, что такъ какъ другимъ матеріаломъ при составленіи мѣстнаго положенія долженъ быть всетаки законопроектъ, составленный сводною Кіевской коммиссіею, то слѣдуетъ пригласить въ составъ Редакціонныхъ Коммиссій двухъ членовъ-экспертовъ изъ состава Кіевской сводной коммиссіи; Ростовцовъ рѣшился на это.

Третьей мѣстностью имперіи, для которой необходимо было составить отдѣльное мѣстное положеніе, были три губерніи литовскія: Виленская, Ковенская и Гродненская.

Съ Юго-западнымъ краемъ литовскія губерніи имѣли то общее, что крестьянскія земли литовскихъ помѣстій состояли также въ подворномъ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, что дворяне, владѣвшіе этими помѣстьями, были поляки, и что аграрныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ опредѣлялись письменными инвентарями; существенное же отличіе сѣверо-западныхъ (литовскихъ) инвентарей отъ юго-западныхъ состояло въ томъ, что первые, не будучи пересмотрѣны и утверждены законодательной властью, не имѣли еще никакой законной силы. При томъ же, по поводу настоянія правительства Императора Александра II на пересмотрѣ и представленіи этихъ инвентарей на его утвержденіе, и возникло со стороны собравшихся въ трехъ губерніяхъ дворянъ предложеніе освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, давшее толчокъ всему дѣлу освобожденія; тогда же были учреждены для обсужденія этого дѣла сначала губернскіе комитеты въ трехъ губерніяхъ, а затѣмъ сводная коммиссія въ Вильнѣ.

Такимъ образомъ вопросъ о составленіи мѣстнаго положенія и для Литовскаго края былъ также предрѣшенъ, но представлялся намъ нѣсколько затруднительнымъ, потому что въ средѣ нашихъ Коммиссій не было лицъ, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ крестьянъ Литовскаго края и аграрными отношеніями, основанными на инвентаряхъ, не получившихъ еще законодательной гарантіи, такъ что вызовъ двухъ членовъ-экспертовъ изъ дворянъ-помѣщиковъ Литовскаго края не возбуждалъ никакихъ сомнѣній; Ростовцовъ полагалъ, что эти члены должны быть взяты изъ состава сводной Виленской коммиссіи для того, чтобы показать довѣріе литовскимъ инниціаторамъ великаго дѣла.

Выборъ четырехъ членовъ-экспертовъ изъ Западнаго края, разумѣется, зависѣлъ отъ Я. И. Ростовцова, но такъ какъ мы не знали близко никого изъ дворянъ помѣщиковъ Литовскаго края, то рѣшено было обратиться за надлежащими справками для выбора двухъ членомъ изъ состава Виленской сводной коммиссіи къ бывшему въ ней членомъ отъ правительства (отъ министерства внутреннихъ дѣлъ) Н. Н. Колошину, а для выбора двухъ членовъ изъ состава Кіевской сводной коммиссіи къ члену ея отъ правительства П. А. Шульцу; оба они, будучи чиновниками особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, работали въ этихъ сводныхъ коммиссіяхъ во все время ихъ существованія надъ составленіемъ

ихъ законопроектовъ. Подъ вліяніемъ свѣдѣній, доставленныхъ этими лицами, выборъ въ члены-эксперты отъ Западнаго края палъ на кіевскаго губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя Кіевской сводной коммиссіи О. Ф. Ярошинскаго и на помѣщика Подольской губерніи А. А. Грабянку, обратившаго на себя вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ составленною имъ и поданною очень либеральною запискою по крестьянскому дѣлу; отъ Литовскаго же края — на члена Виленскаго губернскаго комитета К. И. Гечевича и дворянина-помѣщика Виленской губ. Б. Ф. Залѣсскаго, который былъ извѣстенъ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ пылкій сторонникъ земельнаго освобожденія крестьянъ.

Всѣ четверо были приглашены, съ соизволенія Государя и отъ Его имени, въ Петербургъ въ качествѣ членовъ-экспертовъ Редакціонныхъ Коммиссій, а независимо отъ этого, по предложенію Н. А. Милютина, Я. И. Ростовцовъ пригласилъ въ совѣщательные члены Коммиссій (безъ права голоса) И. Н. Колошина и П. А. Шульца, какъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ инвентарными правилами западныхъ губерній и съ законопроектами двухъ сводныхъ коммиссій, въ работахъ которыхъ они принимали столь дѣятельное участіе. Относительно трехъ остальныхъ губерній Западнаго края, Минской, Могилевской и Витебской, было рѣшено въ нашемъ совѣщаніи, что на нихъ можетъ быть распространено общее (Великороссійское) Положеніе, за исключеніемъ, однакоже, четырехъ такъ называемыхъ Инфляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи, сосѣднихъ съ Курляндіей, такъ какъ въ нихъ аграрныя отношенія между крестьянами, принадлежавшими къ латышскому племени, и помѣщиками имѣли большія особенности и значительное сходство съ отношеніями, существовавшими въ Остзейскомъ краѣ. Рѣшено было для Инфляндскихъ уѣздовъ Витебской губерніи составить особое мѣстное положеніе, но отдѣльнаго члена-эксперта не вызывать, такъ какъ въ средѣ Редакціонныхъ Коммиссій было не мало знатоковъ аграрныхъ отношеній Остзейскаго края, а замѣчанія депутата отъ Витебскаго губернскаго комитета, имѣющаго быть вызваннымъ во второмъ призывѣ депутатовъ, были признаны достаточными.

Что касается остальныхъ мѣстностей имперіи, то было признано, что могутъ понадобиться нѣкоторыя особыя правила еще для областей Бессарабской и Войска Донского, для которыхъ, однакоже,

нельзя было составить особыхъ мѣстныхъ положеній; впрочемъ, вопросъ объ этихъ правилахъ былъ отложенъ.

Изъ четырехъ членовъ-экспертовъ Западнаго края, вызванныхъ Я. И. Ростовцовымъ въ составъ Редакціонныхъ Комиссій, двое, Б. Ф. Залѣсскій и О. Ф. Ярошинскій, прибыли въ Петербургъ уже въ половинѣ сентября и съ 16 сентября принимали участіе въ занятіяхъ Комиссій не только въ общихъ собраніяхъ, но и въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія.

Брониславъ Францовичъ Залѣсскій (Залескій) [1]) принадлежалъ къ польской дворянской фамиліи Сѣверо-западнаго края, родился въ 1820 году и въ юношескіе годы, по окончаніи курса наукъ въ виленской гимназіи въ 1838 г., увлекшись пропагандою извѣстнаго въ то время революціонера Симона Конарскаго, вступилъ въ „кружокъ юной Польши" вмѣстѣ съ своимъ сосѣдомъ дворяниномъ-помѣщикомъ Виленской губерніи Родзевичемъ. Когда въ февралѣ 1839 г. Родзевичъ былъ разстрѣлянъ, Брониславъ Залѣсскій, попавшій подъ военный судъ въ качествѣ участника въ тогдашнемъ революціонномъ движеніи, былъ приговоренъ къ смертной казни, но, въ виду его несовершеннолѣтія, помилованъ и съ лишеніемъ дворянства и всѣхъ особыхъ правъ состоянія отданъ въ солдаты безъ выслуги. Будучи опредѣленъ въ оренбургскія войска, онъ попалъ въ Хивинскую экспедицію генералъ-адъютанта В. А. Перовскаго, гдѣ отличился беззавѣтной храбростью, сдѣлался любимцемъ своихъ товарищей-солдатъ, получилъ солдатскій Георгіевскій крестъ и послѣ 8-лѣтней службы въ нижнихъ чинахъ былъ произведенъ въ офицеры, а черезъ 10 лѣтъ послѣ своего осужденія получилъ полную амнистію, съ возвратомъ ему конфискованнаго имѣнія.

Пребываніе въ Оренбургскомъ краѣ имѣло самое благотворное вліяніе на Залѣсскаго. Въ лицѣ своихъ товарищей-русскихъ солдатъ онъ полюбилъ русскій народъ, а прежняя принадлежность его къ мало-практичному „обществу человѣколюбія", въ связи съ его гуманностью и близкимъ знакомствомъ съ бытомъ и воззрѣніями русскихъ крестьянъ, сдѣлали изъ него самаго горячаго сторонника освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Возстановленный съ воцареніемъ Императора Александра II въ своихъ

---

[1]) Писатель-историкъ, извѣстный трудами на польскомъ и французскомъ языкахъ. Ему принадлежитъ, между прочимъ, La vie des steppes Kirghizes. Paris 1865 (прим. изд.).

правахъ дворянина-помѣщика Виленской губерніи, онъ занялся улучшеніемъ быта своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и вступилъ въ ту группу дворянъ литовскихъ губерній, которая пошла навстрѣчу великодушнымъ стремленіямъ Царя-Освободителя и предложила Ему освободить своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ направленіи Залѣсскій работалъ усердно на дворянскихъ съѣздахъ во время сформированія Виленскаго губернскаго комитета и Виленской сводной комиссіи, а по прибытіи своемъ въ половинѣ сентября, по вызову Я. И. Ростовцова, въ Петербургъ и по вступленіи въ составъ Редакціонныхъ Комиссій, очень быстро сошелся съ нами, какъ съ людьми, такъ же, какъ и онъ, беззавѣтно преданными великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Въ теченіе полутора мѣсяцевъ онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія и въ 14 засѣданіяхъ общаго присутствія, посвященныхъ совѣщаніямъ съ депутатами перваго призыва, вызванными изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній.

Диспуты наши съ депутатами выяснили Залѣсскому аграрныя отношенія въ этихъ губерніяхъ со всѣхъ сторонъ и сдѣлали изъ него рѣшительнаго сторонника составленнаго нами законопроекта. Поэтому, когда съ начала ноября, окончивъ совѣщаніе съ депутатами, мы перешли къ пересмотру заключеній нашихъ докладовъ, продолжавшемуся непрерывно не только до кончины Ростовцова, но и до прибытія депутатовъ второго призыва и до вступленія въ предсѣдательство графа Панина, Залѣсскій принялъ живое участіе какъ въ общихъ собраніяхъ, происходившихъ въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ, такъ и въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія, причемъ въ большинствѣ случаевъ примыкалъ къ дружно державшемуся большинству Комиссій, присоединившись только три раза къ оппозиціонному меньшинству, несмотря на всѣ старанія его коллеги Гечевича привлечь его на сторону систематической оппозиціи, которую послѣдній велъ противъ законопроекта Редакціонныхъ Комиссій вмѣстѣ съ его противниками [1]).

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличался другой членъ-экспертъ Западнаго края, вошедшій въ составъ Редакціонныхъ Комиссій и прибывшій въ Петербургъ почти одновременно съ Залѣсскимъ, т.-е.

---

[1]) Не принималъ участія Б. Ф. Залѣсскій и въ революціонномъ движеніи польскаго дворянства, охватившемъ Литовскій край въ 1863 г.; проживъ еще послѣ того долгіе годы, онъ скончался въ Парижѣ въ 1880 г.

въ половинѣ сентября 1859 г., Октавіанъ Францовичъ Ярошинскій, кіевскій губернскій предводитель дворянства. Въ качествѣ председателя сводной Кіевской комиссіи онъ, конечно, явился въ среду Редакціонныхъ Комиссій со взглядами на освобожденіе крестьянъ въ Юго-западномъ краѣ — уже предрѣшенными польскими дворянами трехъ губерній этого края, и принялъ на себя исключительно лишь роль адвоката выработаннаго Кіевскою сводною комиссіей законопроекта. Польское дворянство вполнѣ сознавало, что освобожденіе крестьянъ въ юго-западныхъ губерніяхъ было дѣломъ безповоротнымъ и что основаніемъ аграрныхъ отношеній между помѣщиками и освобожденными крестьянами должны служить существующіе инвентари и получившія уже законодательную санкцію инвентарныя правила. Но при этомъ польское дворянство Юго-западнаго края превыше всего ставило удержаніе за собою патримоніальной власти надъ русскимъ крестьянскимъ населеніемъ, на подобіе того, какъ нѣмецкое дворянство остзейскихъ губерній при освобожденіи крестьянъ удержало за собою политическую и экономическую власть надъ латышскимъ и эстонскимъ крестьянскимъ населеніемъ трехъ остзейскихъ губерній. Но, конечно, удержать за собою владычество надъ русскими крестьянами въ Юго-западномъ краѣ для польскаго и ополяченнаго дворянства было труднѣе, чѣмъ нѣмецкому дворянству надъ латышскими и эстонскими крестьянами въ прибалтійскихъ губерніяхъ, уже потому, что въ Остзейскомъ краѣ помѣщики и крестьяне принадлежали къ одной религіи, а въ Юго-западномъ краѣ малороссійскій народъ сохранилъ православную вѣру, родной малороссійскій языкъ и свою племенную вражду къ поработившимъ его послѣ паденія Кіевскаго и Черниговскаго княжествъ полякамъ.

Притомъ же и Русское правительство со временъ Польскаго возстанія 1830 г. пріучило себя стоять на стражѣ русскихъ національныхъ интересовъ въ Западномъ краѣ и прежде всего убѣдилось въ томъ, что въ Юго-западномъ краѣ съ вопросомъ объ освобожденіи русскихъ крестьянъ и о признаніи ихъ исконныхъ правъ на родную землю сопряжено истинное, а не номинальное возстановленіе русскаго владычества въ Днѣпровской Руси. Въ силу этого убѣжденія, еще со времени царствованія Императора Николая I такіе государственные умы и патріоты, какими были графъ Киселевъ, Д. Г. Бибиковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ, заботились о даро-

ванія русскимъ крестьянамъ бо́льшей независимости отъ польскихъ помѣщиковъ путемъ введенія узаконенныхъ инвентарныхъ правилъ, опредѣляющихъ аграрныя ихъ отношенія. Конечно, противодѣйствія этому введенію со стороны польскаго дворянства западныхъ губерній, а тѣмъ болѣе періодическія революціонныя попытки не только къ возстановленію утерянной въ 1830 г. автономіи Царства Польскаго, но и къ полному возстановленію великой Польши въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она находилась въ то время, когда къ началу XVII вѣка поглотила всю Днѣпровскую Русь, должны были вызвать со стороны русскихъ патріотовъ и русскихъ государственныхъ людей сознательную борьбу противъ польскаго ига въ Западномъ краѣ, побѣжденнаго русскимъ оружіемъ въ XVII и XVIII вѣкѣ, но уцѣлѣвшаго въ видѣ крѣпостной зависимости всего русскаго крестьянскаго сословія отъ польскихъ дворянъ-помѣщиковъ.

Стремленіе польскаго дворянства удержать за собою владычество въ Днѣпровской Руси, ясно выразившееся въ законопроектѣ Кіевской сводной комиссіи, еще сильнѣе обнаружилось во время участія въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія обоихъ юго-западныхъ экспертовъ, а именно Ярошинскаго и Грабянки, которые надѣялись съ одной стороны на то, что патримоніальная власть дворянъ-помѣщиковъ будетъ удержана въ своей силѣ, согласно законопроекту сводной комиссіи, а съ другой — на то, что они добьются, подъ предлогомъ введенія новаго законоположенія, окончательной отмѣны Высочайше утвержденныхъ инвентарныхъ правилъ и передачи всего инвентарнаго и аграрнаго вопросовъ польскому дворянству юго-западныхъ губерній.

Ярошинскій, посѣщая засѣданія хозяйственнаго отдѣленія, очень скоро убѣдился, что его стремленія были совершенно противоположны весьма опредѣленнымъ намѣреніямъ большинства хозяйственнаго отдѣленія, а потому отстранился отъ участія въ его работахъ и довольствовался въ сентябрѣ и октябрѣ исправнымъ посѣщеніемъ общихъ присутствій. Здѣсь въ теченіе всего сентября онъ присутствовалъ на нашихъ совѣщаніяхъ съ депутатами великороссійскихъ губерній, но не принималъ въ нихъ активнаго участія, такъ какъ они не имѣли послѣдствіемъ никакихъ вотировокъ и не давали повода къ какимъ бы то ни было разногласіямъ въ средѣ общаго собранія Комиссій. Затѣмъ, когда къ 1 ноября совѣщанія съ депутатами окончились, и мы перешли къ пересмотру самыхъ заключеній въ

нашихъ дополнительныхъ докладахъ, Ярошинскій въ теченіе ноября и декабря попытался принять участіе въ обсужденіи уже разрѣшенныхъ вопросовъ по существу, но, не встрѣтивъ ни поддержки въ выраженныхъ имъ мнѣніяхъ, ни такихъ разногласій въ средѣ Коммиссій, въ которыхъ онъ могъ бы усилить оппозицію противъ дружно державшагося большинства, ограничился очень корректнымъ посѣщеніемъ засѣданій общаго присутствія и, уѣхавъ изъ Петербурга въ концѣ декабря съ наступившими праздниками, уже не возвращался въ нашу среду [1]).

Еще менѣе значенія въ нашихъ работахъ имѣлъ другой членъ-экспертъ Юго-западнаго края, Андрей Антоновичъ Грабянка, прибывшій въ Петербургъ и вступившій въ составъ Коммиссій только съ 13 января 1860 г.; до вступленія графа Панина въ должность предсѣдателя Редакціонныхъ Коммиссій Грабянка принималъ участіе въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія и семи общихъ собраніяхъ. Грабянка, польскій помѣщикъ Подольской губерніи, не былъ ни членомъ Подольскаго комитета, ни членомъ Кіевской сводной коммиссіи, но обратилъ на себя вниманіе члена отъ правительства Кіевской сводной коммиссіи П. А. Шульца своей запиской объ освобожденіи крестьянъ, поданною имъ въ эту коммиссію. Вызванный Ростовцовымъ въ Редакціонныя Коммиссіи по рекомендаціи Н. А. Милютина и П. А. Шульца, онъ не внесъ ничего особенно полезнаго въ ихъ работы и не проявилъ въ нихъ особенной трудоспособности, но мало-помалу подпалъ подъ вліяніе умнаго члена-эксперта отъ Сѣверо-западнаго края Гечевича и во время предсѣдательства графа Панина примкнулъ къ образовавшейся въ средѣ Коммиссій оппозиціи противъ дружно сгруппировавшагося около своего высокоталантливаго лидера большинства Коммиссій. Впрочемъ, никакого вреда этому большинству Грабянка не принесъ, а, напротивъ, оказалъ ему косвенную услугу тѣмъ, что новый предсѣдатель Коммиссій нерѣдко вотировалъ противъ выраженныхъ оппозиціею мнѣній, когда на сторонѣ ея оказывались исключительно два польскіе члена-эксперта (Гечевичъ и Грабянка) и представитель наиболѣе враждебно расположеннаго къ законопроекту Коммиссій министра (М. Н. Муравьева) [2]).

Совершенно другими свойствами обладалъ второй членъ-экс-

---

[1]) О. Ф. Ярошинскій скончался въ 1867 г. въ Лозаннѣ.

[2]) В. Н. Булыгинъ (прим. изд.).

пертъ, вызванный Ростовцовымъ изъ Сѣверо-западнаго края по недальновидной рекомендаціи почтеннаго члена отъ Виленской сводной комиссіи Н. Н. Колошина,—К. И. Гечевичъ.

Константинъ Ипполитовичъ Гечевичъ родился въ 1822 или въ 1823 г. и по рожденію принадлежалъ къ зажиточной польской дворянской фамиліи Виленской губерніи; воспитывался онъ въ виленской гимназіи, а высшее образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и казался сильно обрусѣвшимъ, такъ какъ говорилъ по-русски не только свободно, но и почти безъ всякаго акцента. Со мною онъ познакомился очень скоро, такъ какъ его младшій братъ, служившій Россіи вѣрою и правдою сначала въ гвардейскомъ полку, а потомъ въ Главномъ Штабѣ, былъ въ началѣ сороковыхъ годовъ моимъ товарищемъ по воспитанію въ Гвардейской кавалерійской школѣ.

К. И. Гечевичъ, имѣвшій по воспитанію своему въ Петербургѣ связи въ лучшемъ столичномъ обществѣ, участвовалъ въ качествѣ дворянина-помѣщика Виленской губерніи въ образовавшихся тамъ инвентарныхъ комиссіяхъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ среди лицъ, подписавшихъ возникшее въ видахъ желаемаго Царемъ-Освободителемъ улучшенія быта крестьянъ предложеніе виленскаго дворянства объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости; вслѣдствіе этого, а также и по личному знакомству съ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, Гечевичъ былъ назначенъ членомъ Виленскаго губернскаго комитета отъ правительства на мѣсто отказавшагося отъ этой должности князя Витгенштейна.

Человѣкъ выдающагося ума, хорошо знакомый съ инвентарными, да и вообще съ аграрными отношеніями крестьянъ въ помѣстьяхъ Сѣверо-западнаго края, гдѣ инвентари не получили еще значенія законодательнаго учрежденія, а только-что были предложены на разсмотрѣніе дворянскихъ комитетовъ, Гечевичъ былъ встрѣченъ съ большимъ довѣріемъ Н. А. Милютинымъ и другими представителями министерства внутреннихъ дѣлъ. Но уже вскорѣ послѣ своего прибытія въ Петербургъ въ концѣ декабря онъ оказался страстнымъ врагомъ выработаннаго Комиссіями законопроекта и въ своихъ горячихъ спорахъ съ нами постепенно обнаружилъ всѣ мысли и намѣренія той сплоченной группы польскихъ дворянъ-помѣщиковъ, къ которой онъ принадлежалъ въ Сѣверо-западномъ краѣ.

Группа этихъ польскихъ патріотовъ, по его воззрѣнію, уже

вполнѣ созрѣвъ въ своей политической мудрости, дѣйствительно желала освобожденія крестьянъ, сознавая, что удержать за собою крѣпостное право, вопреки стремленіямъ Царя-Освободителя, они будутъ не въ силахъ, въ особенности, если оно падетъ во всей имперіи. При всемъ томъ они желали, чтобы условія этого освобожденія не выскользнули изъ ихъ рукъ, и чтобы оно произошло приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ оно осуществилось въ сосѣднихъ губерніяхъ Остзейскаго края, т.-е. съ удержаніемъ за польскимъ дворянствомъ его патримоніальной власти и его политической и экономической гегемоніи, въ надеждѣ, что послѣдствіемъ освобожденія крестьянъ будетъ возстановленіе автономіи Польскаго Царства, а впослѣдствіи, при признаніи автономіи и для Литовскаго края, соединеніе его съ Польшей. Такимъ образомъ сторонники Гечевича мечтали о возстановленіи Польши въ ея предѣлахъ XVI вѣка.

По убѣжденію Гечевича, все это движеніе было уже столь глубоко обдумано въ средѣ дворянствъ Западнаго края и Царства Польскаго, что, въ случаѣ утвержденія законопроекта Виленской и Кіевской сводныхъ коммиссій и переворота, который произведетъ въ Россіи освобожденіе крестьянъ, дворянству Царства Польскаго нетрудно будетъ добиться возвращенія своей прежней автономіи при условіи только династическаго соединенія съ Россіею, а дворянствамъ Литовскаго и Юго-западнаго края, сохранивъ въ своихъ рукахъ свое господство надъ литовскимъ, бѣлорусскимъ и малороссійскимъ крестьянскимъ населеніемъ, легко будетъ присоединиться къ автономной Польшѣ. Въ случаѣ же утвержденія ненавистнаго польскимъ дворянамъ законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій, вырывавшаго изъ ихъ рукъ непоколебленное даже при суровомъ царствованіи Императора Николая I владычество ихъ надъ литовскимъ и русскимъ народомъ въ Западномъ краѣ, надо было ожидать заранѣе глубоко обдуманнаго и превосходно организованнаго польскаго возстанія, которое и произошло впослѣдствіи (въ 1863 г.); это возстаніе, при участіи народныхъ массъ, должно охватить предѣлы не только герцогства Варшавскаго, но и всей старой Польши, возстановленію которой способствуетъ де удобный случай, обезпечивающій успѣхъ основательно задуманнаго предпріятія. Такъ предсказывалъ Гечевичъ, съ озлобленіемъ и увлеченіемъ громя насъ своею страстной ненавистью.

Гечевичъ во время своего участія въ трудахъ Редакціонныхъ Коммиссій остался неизмѣннымъ врагомъ ихъ законопроекта, борьба съ которымъ представлялась ему борьбою за существованіе польскаго дворянства и вообще польскаго владычества въ Сѣверо-западномъ краѣ. Впрочемъ, самоувѣренныя предсказанія Гечевича сбылись только наполовину. Дѣйствительно, послѣ введенія Положенія 19 февраля 1861 г., не остановленнаго никакими козням и его противниковъ, польское возстаніе охватило всѣ предѣлы старой Польши, но оно осталось революціей исключительно польскаго дворянства и польской шляхты, а не русскаго православнаго и не литовскаго католическаго народа. Оно даже не подняло крестьянскаго населенія Царства Польскаго, и польскіе крестьяне, оставшись вѣрными Россіи, пріобрѣли себѣ тѣ права, которыхъ не имѣли при своей только номинальной свободѣ. Въ Литовскомъ же и Юго-западномъ краѣ польское возстаніе 1863 г. сослужило Россіи крупную службу, давъ возможность освободить тамъ русскихъ и литовскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости польскихъ помѣщиковъ даже въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ они могли быть освобождены въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ изъ крѣпостныхъ отношеній съ соплеменными имъ русскими помѣщиками [1]).

---

[1]) Какую услугу оказало русскому дѣлу въ Днѣпровской и Литовской Руси польское дворянское возстаніе, видно изъ слѣдующаго. Въ эпоху, близкую къ освобожденію крестьянъ, идея автономіи Польши встрѣчала себѣ сочувствіе въ интеллигентныхъ кружкахъ обѣихъ столицъ, и только польское шляхетское возстаніе 1863 г. открыло глаза какъ русскому обществу, такъ и русскому правительству на весь смыслъ этого возстанія. Для всѣхъ русскихъ патріотовъ сдѣлалось очевиднымъ, что польское дворянство подъ той автономіей, къ которой оно стремилось, разумѣло возстановленіе аристократической Польши XVII вѣка въ ея тогдашнихъ предѣлахъ, съ непремѣннымъ включеніемъ въ нее захваченныхъ польскимъ государствомъ во время его апогея всей Днѣпровской Руси, Литвы и Бѣлоруссіи. Вотъ это-то послѣднее притязаніе глубоко оскорбило патріотическія чувства всей русской націи. Яркій примѣръ этому виденъ изъ того поворота въ воззрѣніяхъ на крестьянскую реформу, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Западному краю, который былъ произведенъ польскимъ возстаніемъ 1863 г. въ умахъ двухъ несомнѣнно самыхъ талантливыхъ и рѣшительныхъ противниковъ законопроекта, сдѣлавшагося закономъ 19 февраля 1861 г., но бывшихъ, однакоже, въ душѣ истинными русскими патріотами, а именно въ М. Н. Муравьевѣ и графѣ Д. А. Толстомъ. Первый изъ нихъ, какъ мною было уже объяснено выше (стр. 87), сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края, привелъ съ особеннымъ успѣхомъ въ исполненіе законъ 19 февраля 1861 г. и, со свойственною ему непоколебимою и суровою энергіей, рядомъ умныхъ, хотя подчасъ и жестокихъ мѣръ подавилъ польское возстаніе, скоро оказавшееся, въ противность мнѣній Гечевича, недостаточно глу-

К. И. Гечевичъ не пережилъ неудачи того, на что онъ возлагалъ такъ пылко и увѣренно всѣ свои надежды, и скончался въ 1863 г., покинувъ свою родину, за границею.

Такимъ образомъ изъ четырехъ членовъ-экспертовъ Западнаго края, приглашенныхъ Ростовцовымъ по рекомендаціи министерства внутреннихъ дѣлъ, только одинъ Залѣсскій принесъ намъ несомнѣнную пользу чистосердечнымъ своимъ сочувствіемъ дѣлу полнаго и земельнаго освобожденія крестьянъ и нѣкоторымъ участіемъ въ нашихъ работахъ. Трое же остальныхъ, и въ особенности Гечевичъ, сдѣлались постепенно болѣе или менѣе рѣшительными противниками вырабатываемаго нами законопроекта, превратившагося впослѣдствіи въ законъ 19 февраля 1861 г., потому что опасались, что со введеніемъ этого закона вся Днѣпровская Русь, Литва и Бѣлоруссія будутъ навсегда потеряны для той автономной Польши, о которой они такъ увѣренно мечтали въ это время (1859 г.).

Во всякомъ случаѣ два изъ четырехъ польскихъ членовъ-экспертовъ Западнаго края, принимавшихъ участіе въ нашихъ засѣданіяхъ съ половины сентября (Залѣсскій и Ярошинскій), не внесли никакого раздора въ нашу дѣятельность, къ которой они присма-

боко обдуманнымъ, и въ этомъ нашелъ сильную опору въ освобожденныхъ имъ въ дѣйствительности, а не фиктивно, литовскихъ крестьянахъ.

Что же касается другого, не менѣе выдающагося по своему уму и стойкости характера противника Положенія 19 февраля 1861 г., графа Д. А. Толстого, то въ эпоху освобожденія крестьянъ ему не удалось получить никакого вліянія на крестьянское дѣло, но онъ сдѣлался постепенно самымъ талантливымъ представителемъ реакціи, овладѣвшей постепенно правительственными сферами въ концѣ царствованія Александра II. При всемъ томъ, когда въ началѣ царствованія Императора Александра III гр. Толстой получилъ рѣшительное вліяніе на всю внутреннюю политику Россіи, а въ особенности на крестьянское дѣло, онъ, подобно М. Н. Муравьеву, проявилъ себя русскимъ патріотомъ и государственнымъ человѣкомъ. Обладая основательнымъ знаніемъ Русской исторіи, а въ особенности исторіи католицизма въ Россіи, имъ разработанной, онъ въ своей внутренней политикѣ въ Западномъ краѣ сталъ рѣшительно на стражѣ русскихъ интересовъ. Когда же люди, не сочувствовавшіе ретроградныиъ стремленіямъ его внутренней политики и его наклонности къ исключительно олигархическому представительству въ великорусскихъ губерніяхъ, но сознававшіе его государственныя способности и несомнѣнный патріотизмъ, упрекали его въ томъ, что онъ, отстаивая справедливо русскіе интересы въ Западномъ краѣ, не хотѣлъ стать на стражѣ русскихъ интересовъ въ Остзейскомъ краѣ, онъ отвѣчалъ имъ, что онъ хорошо знаетъ эти интересы, но что, къ несчастію, нѣмецкое дворянство Остзейскаго края никогда не бунтовало и умѣетъ отстаивать свои сословные и національные нѣмецкіе интересы своимъ безукоризненно корректнымъ отношеніемъ къ русской самодержавной власти и русскому правительству.

тривались очень осторожно, не высказывая еще слишкомъ опредѣленно своихъ убѣжденій.

Работы въ отдѣленіяхъ къ концу нашихъ совѣщаній съ депутатами особенно усилились, и новая серія или, лучше сказать, второе изданіе уже предварительно утвержденныхъ до прибытія депутатовъ перваго призыва докладовъ успѣшно подвигалось впередъ со включеніемъ въ нихъ извлеченій изъ 22 вновь прибывшихъ положеній губернскихъ комитетовъ и быстро печатаемыхъ отзывовъ депутатовъ перваго призыва. Къ началу ноября эти дополнительные доклады отдѣленій, носившіе одну и ту же нумерацію съ первоначальными, уже могли быть вносимы однимъ за другимъ въ общее собраніе, такъ что Ростовцовъ, которому временное улучшеніе его здоровья дозволило вернуться на предсѣдательское кресло съ 4 ноября, былъ несказанно обрадованъ тѣмъ, что могъ лично руководить въ теченіе всего ноября разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ этихъ дополнительныхъ докладовъ, которые, по мнѣнію предсѣдателя, окончательно разрѣшали весь крестьянскій вопросъ. Къ 15 января 1860 г. было предположено вызвать въ Петербургъ депутатовъ второго призыва.

Но, къ моему крайнему огорченію, я въ теченіе всего ноября не могъ принимать дѣятельнаго участія въ работахъ Комиссій. Въ первыхъ числахъ ноября я заболѣлъ серьезно, съ сильнымъ повышеніемъ температуры, и не могъ выходить изъ дому. Правда, благодаря моему сильному и выносливому организму, докторамъ удалось справиться съ моею болѣзнью въ теченіе двухъ недѣль, но по моемъ выздоровленіи меня постигло семейное горе. Въ Москвѣ скончалась достойная воспитательница моего семилѣтняго сына, который находился на полномъ ея попеченіи. Ребенокъ остался безъ крова, на рукахъ того медика, который пользовалъ покойную, и я вынужденъ былъ взять данный мнѣ Ростовцовымъ двухнедѣльный отпускъ для того, чтобы устроить въ Москвѣ дѣло по наслѣдству моего сына, привезти его въ Петербургъ и сдать на попеченіе моей сестры, супруги Як. Карл. Грота.

Такимъ образомъ я не присутствовалъ въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ въ теченіе всего ноября мѣсяца. Ростовцовъ замѣщалъ меня на это время то моимъ двоюроднымъ братомъ, членомъ Редакціонныхъ Комиссій Н. П. Павловымъ, то родственникомъ А. К. Гирсомъ, которые, конечно, могли вполнѣ замѣнить меня въ засѣданіяхъ общихъ присутствій Комиссій. Но въ то же время пред-

сѣдатель Комиссій лишился тѣхъ почти ежедневныхъ личныхъ докладовъ по работамъ отдѣленій, которые служили какъ-бы цементомъ между хозяйственнымъ и другими отдѣленіями и президіумомъ Редакціонныхъ Комиссій. Это было очень тягостно для Ростовцова, который все-таки еще не окончательно поправился въ своемъ здоровьѣ и не могъ бы безъ самой дѣятельной помощи выдержать предстоявшихъ ему тогда еще заботъ и тревогъ.

ГЛАВА XVIII.

Возвращеніе Ростовцова на предсѣдательское кресло и его дѣятельность въ теченіе ноября мѣсяца. — Мое возвращеніе въ Петербургъ въ началѣ декабря.—Быстрое усиленіе болѣзни Ростовцова и частыя посѣщенія его Государемъ. Предвидѣніе Ростовцовымъ кончины и рѣшимость составить для Государя записку по крестьянскому дѣлу, которая служила бы его политическимъ духовнымъ завѣщаніемъ. Осуществленіе этой записки и совѣщаніе по поводу ея. Распоряженія Ростовцова о представленіи ея Государю послѣ его кончины. Кончина Ростовцова 6 февраля 1860 г.—Бесѣда моя съ Государемъ на другой день послѣ кончины Ростовцова. Докладъ мой, согласно желанію Государя, обо всемъ, что Ростовцовъ говорилъ и думалъ насчетъ своихъ возможныхъ преемниковъ. — Назначеніе Государемъ гр. Панина предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій (11 февраля 1860 г.) и условія, ему поставленныя.

Ростовцовъ, возвратившійся на свое предсѣдательское кресло въ общее присутствіе Комиссій съ 4 ноября, предсѣдательствовалъ ими непрерывно до 2 декабря включительно, но въ засѣданіе 5 декабря прибыть уже не смогъ, такъ какъ таившаяся въ немъ болѣзнь развилась въ новой формѣ и еще съ бо̀льшею силою.

Восемь засѣданій общаго присутствія, подъ предсѣдательствомъ Ростовцова (4, 7, 11, 14, 18, 23 ноября, 2 и 5 декабря), значительно подвинули впередъ работы Комиссій, такъ какъ на нихъ была обсуждена и утверждена бо̀льшая часть дополнительныхъ докладовъ отдѣленій, а именно 6 докладовъ юридическаго, 5 административнаго и 6 докладовъ хозяйственнаго отдѣленія.

Въ своихъ дополнительныхъ докладахъ отдѣленія обсуждали прежде всего все то, что̀ находили новаго или несогласнаго съ ихъ заключеніями въ 22 послѣднихъ поступившихъ „положеніяхъ губернскихъ комитетовъ", а также въ отзывахъ депутатовъ перваго призыва, а затѣмъ объясняли, почему и въ чемъ они остаются при за-

ключеніяхъ своихъ основныхъ докладовъ, утвержденныхъ въ общемъ присутствіи еще въ лѣтній періодъ нашихъ занятій 1859 г.

Юридическое отдѣленіе во всѣхъ своихъ шести докладахъ осталось при прежнихъ своихъ заключеніяхъ, да и въ общемъ присутствіи не произошло никакихъ разногласій по этимъ заключеніямъ, и дѣло не дало даже повода ни къ какимъ баллотировкамъ.

При всемъ томъ въ первомъ же засѣданіи по выздоровленіи Ростовцова (4 ноября) было сдѣлано оппозиціонное выступленіе противъ единодушныхъ мнѣній большинства Комиссій.

Оно было предпринято членомъ-экспертомъ Ярошинскимъ, который возражалъ противъ того, что за основаніе надѣленія крестьянъ землею въ Юго-западномъ краѣ были приняты инвентари, какъ записи существующаго факта. Второе возраженіе Ярошинскаго противъ заключеній доклада юридическаго отдѣленія состояло въ томъ, что, по его мнѣнію, нельзя было отдавать крестьянамъ надѣловъ въ ихъ безсрочное неотъемлемое пользованіе впредь до выкупа, такъ какъ выкупъ этотъ не былъ обязателенъ для помѣщиковъ. Первое возраженіе Ярошинскаго не встрѣтило себѣ поддержки въ патріотически настроенныхъ Комиссіяхъ, но ко второму присоединились сначала кн. Паскевичъ и Апраксинъ, а затѣмъ начали представлять свои возраженія противъ различныхъ статей заключеній докладовъ юридическаго отдѣленія отчасти тѣ лица, которыя сами подписали эти доклады, а отчасти тѣ, которыя согласились съ ними еще при первоначальномъ утвержденіи основныхъ докладовъ въ началѣ лѣта 1859 г.

Все это сильно взволновало Ростовцова, боявшагося, что оппозиція противъ законопроекта, съ такимъ трудомъ и усиліями выработаннаго въ отдѣленіяхъ, разовьется подъ вліяніемъ вновь прибывающихъ въ составъ Комиссій членовъ-экспертовъ, а въ особенности депутатовъ второго призыва, вызываемыхъ преимущественно изъ западныхъ губерній.

Поэтому Ростовцовъ, со свойственною ему пылкостью, высказалъ, что онъ не признаетъ права возражать противъ утвержденныхъ уже въ первомъ періодѣ нашихъ занятій заключеній докладовъ отдѣленій за тѣми изъ членовъ, которые или подписали эти доклады, или участвовали въ ихъ утвержденіи въ общемъ присутствіи, не возражая противъ этого утвержденія. Это заявленіе предсѣдателя возбудило противъ него нареканія нѣкоторыхъ членовъ;

они говорили, что это заявленіе лишаетъ ихъ свободы выражать свои мнѣнія тамъ, гдѣ они могли бы принести пользу. Тогда Ростовцовъ, со свойственнымъ ему добродушіемъ, сталъ оговариваться, что онъ, наоборотъ, съ радостью приметъ выраженіе всякаго достаточно мотивированнаго мнѣнія и допускаетъ подачу отдѣльныхъ письменныхъ мнѣній членовъ по каждому вопросу, но желалъ бы только ускорить разсмотрѣніе докладовъ, не возвращаясь къ тому, что уже рѣшено общимъ присутствіемъ и не можетъ быть измѣнено иначе, какъ по предложенію самихъ отдѣленій или вновь прибывшихъ членовъ и депутатовъ.

Впрочемъ этотъ конфликтъ между предсѣдателемъ, поддерживаемымъ Н. А. Милютинымъ, и малочисленною оппозиціей скоро уладился, благодаря необыкновенному благодушію Ростовцова, и не имѣлъ никакихъ послѣдствій, такъ какъ не произвелъ ни малѣйшаго разногласія по заключеніямъ юридическаго отдѣленія и не вызвалъ даже никакой баллотировки. Всѣ доклады отдѣленія были утверждены безъ какихъ бы то ни было существенныхъ измѣненій.

Нѣсколько иной ходъ получило разсмотрѣніе пяти дополнительныхъ докладовъ административнаго отдѣленія. Хотя это отдѣленіе осталось вѣрнымъ тѣмъ основаніямъ, которыя оно выработало въ своихъ первоначальныхъ, утвержденныхъ общимъ присутствіемъ въ періодъ лѣтнихъ его занятій, докладахъ, но въ своихъ дополнительныхъ докладахъ оно само предложило, по изложеннымъ имъ соображеніямъ, нѣкоторыя несущественныя и отчасти только редакціонныя измѣненія въ заключеніяхъ своихъ первоначальныхъ докладовъ.

Такъ напр., въ засѣданіи общаго присутствія 7 ноября административное отдѣленіе, не отступая отъ принятыхъ имъ основаній въ устройствѣ двухъ единицъ крестьянскаго самоуправленія—*хозяйственной*, которую оно назвало сельскимъ обществомъ, и *административной*, которой оно дало названіе волости, предложило только измѣненіе номенклатуры. Противъ этого съ большою энергіей возсталъ предсѣдатель, указывая на то, что измѣненіе номенклатуры, уже принятой общимъ присутствіемъ и распубликованной по всей Россіи, произведетъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Принятая номенклатура сельскаго общества и волости была удержана. Другія предлагавшіяся отдѣленіемъ небольшія измѣненія и дополненія въ за-

ключеніяхъ первоначальныхъ докладовъ были приняты и утверждены общимъ присутствіемъ. Возникли и нѣкоторыя предложенія о несущественныхъ, впрочемъ, измѣненіяхъ въ заключеніяхъ отдѣленія со стороны отдѣльныхъ членовъ Коммиссій [1]), которыя были пущены на голоса и отвергнуты сильнымъ большинствомъ голосовъ.

Разсмотрѣніе и утвержденіе внесенныхъ въ общее присутствіе докладовъ хозяйственнаго отдѣленія: № 1 „основаніе и размѣръ надѣловъ", № 2 „опредѣленіе и размѣръ крестьянскихъ усадебъ" и № 4 „основаніе оцѣнки и выкупъ усадебъ", началось только съ засѣданія общаго собранія 18 ноября и продолжалось въ засѣданіяхъ 23 ноября и 2 декабря. Въ это время здоровье Ростовцова уже настолько ухудшилось, что доктора, его пользовавшіе, запретили ему выходить изъ дому подъ опасеніемъ смерти, и онъ былъ вынужденъ устраивать засѣданія у себя на квартирѣ, предсѣдательствуя только въ первой ихъ половинѣ, между тѣмъ какъ остальная часть ихъ происходила въ залѣ нашихъ общихъ собраній въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ первомъ изъ этихъ засѣданій (18 ноября) Ростовцовъ сообщилъ свои небольшія замѣчанія на докладъ хозяйственнаго отдѣленія № 1, которыя и были приняты, и затѣмъ сказалъ, что по докладамъ № 2 и 4 онъ не имѣетъ никакихъ замѣчаній. Но что всего важнѣе, онъ предложилъ установить опредѣленный порядокъ въ нашихъ занятіяхъ второго періода, поставилъ рядъ вопросовъ, подлежавшихъ разрѣшенію Коммиссій въ этомъ періодѣ, и, наконецъ, указалъ на неизбѣжную необходимость третьяго періода, который долженъ былъ наступить уже послѣ вызова и выслушанія депутатовъ второго призыва.

Въ засѣданіи же 23 ноября Ростовцовъ высказалъ особенную заботу о правильной повѣркѣ цифръ высшихъ надѣловъ, согласно разработаннымъ уже свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ и замѣчаніямъ депутатовъ на первоначально предположенныя хозяйственнымъ отдѣленіемъ цифры этихъ надѣловъ. При этомъ Ростовцовъ очень опредѣленно выражалъ свои опасенія относительно тѣхъ смутъ, которыя, по его мнѣнію, должны были неминуемо произойти между крестьянами въ случаѣ сколько-нибудь значительныхъ отрѣзокъ отъ ихъ существующихъ надѣловъ. По предложенію предсѣ-

---

[1]) Апраксина, Татаринова и Желтухина.

дателя, повѣрочныя работы по повѣркѣ цифръ высшихъ надѣловъ были распредѣлены между всѣми членами Редакціонныхъ Комиссій, такъ что на долю почти каждаго изъ нихъ пришлось по двѣ губерніи.

Въ засѣданіяхъ 18 и 23 ноября Ростовцовъ принималъ еще самое дѣятельное участіе, какъ предсѣдатель, но уже съ этого послѣдняго дня болѣзнь Ростовцова начала внушать такія серьезныя опасенія, что Государь, извѣщенный объ этомъ, посѣтилъ его 26 ноября, пробылъ у него 40 минутъ и отмѣнилъ назначенное имъ на 28 ноября засѣданіе.

Въ засѣданіяхъ 2 и 5 декабря, въ которыхъ были разсмотрѣны и утверждены дополнительные доклады хозяйственнаго отдѣленія: № 4 „основаніе оцѣнки и выкупъ усадебъ“ и № 3 „угодія, поступающія въ крестьянскій надѣлъ“, Ростовцовъ уже совсѣмъ не участвовалъ, хотя все еще слѣдилъ за ходомъ работъ въ общемъ присутствіи.

Всѣ заключенія четырехъ дополнительныхъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія были утверждены безъ какихъ бы то ни было существенныхъ измѣненій, хотя со стороны членовъ нашей обычной оппозиціи [1]) были дѣлаемы попытки подобныхъ измѣненій, приводившія даже къ баллотировкѣ, но не имѣвшія успѣха, такъ какъ при подачѣ голосовъ сильное большинство всегда оказывалось на сторонѣ заключеній хозяйственнаго отдѣленія.

Я возвратился въ Петербургъ 6 декабря и немедленно явился къ Я. И. Ростовцову, который встрѣтилъ меня особенно привѣтливо, сообщая мнѣ, что здоровье его настолько ухудшилось, что онъ вѣроятно недолго будетъ въ силахъ принимать непосредственное участіе въ занятіяхъ Комиссій, но что онъ утѣшенъ тѣмъ, что изъ моихъ обычныхъ личныхъ докладовъ онъ будетъ имѣть всегда ясное представленіе о дальнѣйшемъ ходѣ всѣхъ нашихъ работъ.

Съ 6 декабря я уже былъ въ засѣданіяхъ хозяйственнаго отдѣленія, а 9 декабря участвовалъ въ качествѣ члена-завѣдывающаго дѣлами Комиссій въ засѣданіи общаго собранія, въ которомъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ, благодаря дѣятельному участію Ю. Ф. Самарина, пятый дополнительный докладъ хозяйственнаго

[1]) Это были кн. Паскевичъ, гр. Шуваловъ и Желтухинъ.

отдѣленія: „основанія и способы опредѣленія повинностей“, не вызвавшій никакихъ разногласій. Къ пятому часу этого дня я былъ уже съ докладомъ по этому засѣданію у Ростовцова.

12 декабря Государь снова посѣтилъ Ростовцова, который въ тотъ день казался бодрѣе, и пробылъ у него отъ 3 до $4^{1}/_{2}$ ч. пополудни. Слѣдующее общее присутствіе состоялось 16 декабря подъ предсѣдательствомъ Булгакова. Въ немъ были разсмотрѣны и утверждены дополнительные доклады: административнаго отдѣленія № 6 „о крестьянскихъ должностныхъ лицахъ“ и юридическаго № 9 „о правахъ крестьянъ по промысламъ и торговлѣ“. Только докладъ административнаго отдѣленія подалъ поводъ къ двумъ разногласіямъ, разрѣшеннымъ голосованіемъ (дѣло шло о порядкѣ отрѣшенія отъ должности выборныхъ лицъ крестьянскаго управленія).

Когда я 16 декабря пришелъ къ Ростовцову послѣ засѣданія, около 4 час. пополудни, то нашелъ его очень озабоченнымъ. Онъ категорически выразилъ мнѣ свое глубокое убѣжденіе, что онъ не доживетъ до конца работъ Комиссій, но что дѣло поставлено такъ твердо, что онъ ни минуты не сомнѣвается въ томъ, что Комиссіи съ полнымъ успѣхомъ окончатъ въ теченіе наступающаго года разработку порученнаго имъ законопроекта въ томъ самомъ духѣ земельнаго освобожденія крестьянъ, въ которомъ онѣ работали на глазахъ самого Государя въ теченіе всего 1859 года. „Теперь я чувствую“, продолжалъ Ростовцовъ, „что дальнѣйшаго дѣятельнаго участія въ ежедневныхъ занятіяхъ Комиссій я не въ силахъ принимать, но я только одинъ могу сослужить великому дѣлу освобожденія крестьянъ еще одну послѣднюю службу.

„Нашъ проектъ Положенія разбросанъ въ нѣсколькихъ томахъ, которые прочесть трудно; во второмъ періодѣ онъ еще развился и измѣнился. Я желаю представить Государю полное, ясное, но сжатое изложеніе всей сущности нашихъ трудовъ. Полное изложеніе это будетъ служить добросовѣстнымъ отчетомъ о нашей дѣятельности. Это будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и моя profession de foi, а вѣроятно и послѣднее мое слово въ крестьянскомъ вопросѣ. Если бы Государь соизволилъ разрѣшить напечатать эту записку, то ее прочли бы всѣ члены Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта. Можетъ быть передъ истиною падутъ многія предубѣжденія и несправедливыя нападки. Если я умру теперь, то умру со спокойной совѣстью: мы какъ будто совершили священнодѣйствіе,

честно исполнили долгъ свой передъ Государемъ, дѣйствовали открыто, безъ всякихъ интригъ, разъяснили вопросъ и, можетъ быть, подвинули впередъ святое дѣло. Въ твердости Государя я увѣренъ, а Богъ Россіи и святого дѣла не оставитъ".

Затѣмъ Яковъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ, что какъ только въ его умѣ созрѣло убѣжденіе, что онъ уже не жилецъ здѣшняго міра, то онъ рѣшился составить свою записку и уже въ первыхъ числахъ декабря, передъ моимъ возвращеніемъ изъ Москвы, чувствуя себя еще въ силахъ, набросалъ и продиктовалъ своему личному секретарю Ѳ. П. Еленеву нѣкоторыя мысли своей записки въ видѣ програмы. Начало наброска записки, составленное по этой програмѣ Еленевымъ, было признано Ростовцовымъ совершенно неудавшимся, такъ какъ Еленевъ, не присутствуя въ засѣданіяхъ Комиссій, былъ совершенно не au courant того, что̀ въ нихъ происходило. Наброски своей програмы и неудачное начало работы Еленева Ростовцовъ передалъ мнѣ, прося меня составить задуманную имъ записку, и притомъ въ наивозможной скорости. Вполнѣ сознавая значеніе намѣренія Ростовцова для исторіи крестьянскаго дѣла, я взялся за работу не колеблясь, объяснивъ Якову Ивановичу, какъ я понимаю его порученіе.

Редакція записки была мнѣ облегчена тѣмъ, что она должна была состоять не изъ какихъ-либо общихъ разсужденій по крестьянскому дѣлу, а изъ сжатаго изложенія всего того, что̀ было выработано Комиссіями въ видѣ законопроекта въ теченіе почти цѣлаго года. Для составленія записки я долженъ былъ прежде всего просмотрѣть всѣ многочисленные и ближе, чѣмъ кому бы то ни было, извѣстные мнѣ, какъ завѣдывавшему ихъ печатаніемъ, доклады и заключенія Комиссій, выбрать изъ нихъ только все существенное и уже не подлежавшее измѣненію и опустить все то, что̀ являлось сомнительнымъ и могло быть еще измѣнено по настояніямъ представителей дворянскихъ комитетовъ, а затѣмъ, расположивъ матеріалъ по набросанной самимъ Ростовцовымъ програмѣ, выдвинуть на первый планъ все то, что̀ составляло самыя завѣтныя и непоколебимыя убѣжденія Якова Ивановича, хорошо извѣстныя Государю и Имъ усвоенныя окончательно и, по убѣжденію самого Ростовцова, безповоротно.

Въ этотъ день я оставилъ Ростовцова совершенно успокоеннымъ моимъ обѣщаніемъ немедленно приступить къ дѣлу. При уходѣ

моемъ онъ сообщилъ мнѣ, что Государь при послѣднемъ своемъ посѣщеніи 12 декабря просидѣлъ у него $1\frac{1}{2}$ часа, и ему казалось, что у Него былъ на душѣ какой-то вопросъ, который, однакоже, Онъ сдѣлать не рѣшился. „Такъ какъ я въ продолжительномъ разговорѣ съ Государемъ“, сказалъ Ростовцовъ, „высказалъ свое убѣжденіе, что не доживу до окончанія работъ Комиссій, то я не скрылъ отъ Государя и того, что уже собрался писать для Него свою предсмертную записку, которая будетъ моимъ послѣднимъ словомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Изъ безпокойства, вызваннаго моими словами въ Государѣ, я понялъ, какъ Его тревожитъ мысль о томъ, кто можетъ замѣнить меня въ томъ государственномъ дѣлѣ, которое было Ему дороже всего на свѣтѣ, и какъ Онъ желалъ бы спросить моего мнѣнія по этому предмету. Я бы и самъ пошелъ навстрѣчу Его вопросу, если бы имѣлъ въ виду подходящее лицо, могущее вполнѣ замѣнить меня; но вы сами знаете, что мы вмѣстѣ съ вами, какъ съ моимъ ближайшимъ совѣтникомъ, при выборѣ членовъ Редакціонныхъ Комиссій неоднократно перебирали всѣхъ сановниковъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ крестьянскому дѣлу, и не только ни на комъ остановиться не могли, но и всегда приходили къ отрицательнымъ результатамъ, и мнѣ оставалось только высказывать свои надежды на то, что нѣкоторыя изъ лицъ, несочувствующихъ освобожденію крестьянъ, все-таки не отнесутся къ нему враждебно, зная, что Государь всю свою душу кладетъ на это дѣло. Въ охотникахъ же занять мое мѣсто послѣ моей смерти, конечно, недостатка не будетъ: вотъ и нынѣ, какъ вы видите, меня безпрестанно посѣщаетъ одинъ изъ нихъ, къ которому я не имѣю по существу дѣла ни малѣйшаго довѣрія. Если онъ, сдѣлавшись преемникомъ графа П. Д. Киселева, такъ быстро уничтожилъ все, что̀ было сдѣлано этимъ замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ въ пользу государственныхъ крестьянъ, то что̀ же онъ предприметъ въ пользу еще не освобожденныхъ помѣщичьихъ? Между тѣмъ онъ въ послѣднее время почти каждый день пріѣзжалъ бесѣдовать со мною для того, чтобы доказать, что освобожденіе крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ должно быть предпринято на одинаковыхъ основаніяхъ, и думаетъ попасть въ мои преемники, обѣщая, что онъ доставитъ казнѣ 50 мил. съ государственныхъ крестьянъ для выкупа помѣщичьихъ. Какое же это будетъ улучшеніе народнаго быта? Муравьевъ не убѣдилъ меня въ

томъ, что предлагаемыя имъ мѣры приведутъ къ освобожденію, а тѣмъ болѣе къ улучшенію быта крестьянъ какъ владѣльческихъ, такъ и государственныхъ, и я увѣренъ, что онъ по характеру своему можетъ явиться только самой дѣятельною сокрушительною, а не созидательною силою. Во всякомъ случаѣ, я счелъ долгомъ предупредить Государя о стремленіяхъ М. Н. Муравьева быть моимъ преемникомъ, такъ какъ довѣриться ему въ такомъ дѣлѣ было бы гибелью этого дѣла. Во всякомъ случаѣ, Государь, довольный моимъ выборомъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій, хочетъ знать мое мнѣніе, и я долженъ быть готовымъ на отвѣтъ Ему".

Государь навѣстилъ снова Ростовцова 18 декабря, но въ этотъ день пробылъ недолго. Когда же я пришелъ послѣ того къ Ростовцову, онъ снова заговорилъ со мною о томъ, кто бы могъ замѣнить его. Перебирая не впервые всѣхъ членовъ Главнаго Комитета и другихъ сановниковъ, Ростовцовъ приходилъ по вопросу о своемъ преемникѣ только къ отрицательнымъ результатамъ и разбиралъ въ подробности, какое отношеніе къ крестьянскому дѣлу будетъ у того или другого изъ членовъ Главнаго Комитета во время прохожденія дѣла черезъ это учрежденіе.

23 декабря у насъ было послѣднее засѣданіе передъ праздникомъ, подъ предсѣдательствомъ Булгакова, въ которомъ мы разсмотрѣли и утвердили два дополнительныхъ доклада юридическаго отдѣленія №№ 7 и 8 [1]). Когда я въ 4 часа пополудни зашелъ къ Ростовцову для того, чтобы сообщить ему о томъ, что̀ происходило въ этомъ засѣданіи, онъ сказалъ мнѣ: „праздникъ наступаетъ, вы теперь свободнѣе, Бога ради поторопитесь съ запискою: здоровье мое становится хуже, предстоитъ операція, а я долженъ пересмотрѣть записку и ввести въ нее всѣ необходимыя поправки и дополненія, пока я въ силахъ, а я могу скоро придти въ безпамятство".

Условились, что я, уже не отрываясь отъ дѣла, начну писать записку со слѣдующаго дня и буду доставлять ее по частямъ на праздникахъ, что̀ я и исполнилъ отъ 1 до 4 января, причемъ Ростовцовъ читалъ записку по мѣрѣ полученія и диктовалъ мнѣ раза два нѣкоторыя измѣненія и вставки. Между тѣмъ болѣзнь Ростовцова развивалась быстро, и четыре медика, лѣчившіе его, рѣши-

---

[1]) 7-й докладъ „о предоставленіи крестьянамъ права иска, ходатайства и суда" и 8-й—„права̀ крестьянскаго имущества".

лись сдѣлать 5 января первый прорѣзъ назрѣвшаго карбункула. Черезъ пять дней послѣ операціи, 10 января, меня уже допустили къ Ростовцову, такъ какъ записка, о которой онъ болѣе всего заботился, была совсѣмъ готова и переписана. Яковъ Ивановичъ немедленно по представленіи мною записки принялся читать ее, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ карандашомъ, но продолжать не былъ въ силахъ. „Я еще успѣю прочесть записку", говорилъ онъ, „но теперь голова моя не свѣжа, а въ послѣдніе дни моей жизни опять будетъ свѣжѣе, тогда мы просмотримъ вмѣстѣ еще разъ нашу записку внимательнѣе, и я буду считать ее уже совершенно законченною. Пока же я хочу, чтобы она оставалась неотлучно при мнѣ".

16 января Государь снова посѣтилъ Ростовцова. Во время этого посѣщенія Ростовцовъ сообщилъ Государю о своей запискѣ и даже показалъ Ему ее, а послѣ отъѣзда Государя сказалъ мнѣ: „если со мною что̀ случится, и записка не будетъ еще въ рукахъ Государя, то передайте ее немедленно Государю извѣстнымъ вамъ путемъ. Я же оставляю ее пока при себѣ, потому что придетъ время, когда я еще буду въ силахъ просмотрѣть ее одинъ разъ".

26 января Яковъ Ивановичъ призвалъ меня и своего секретаря Еленева и заставилъ послѣдняго читать ему въ моемъ присутствіи представленную мною записку. Съ героическимъ усиліемъ, съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа и свѣжестью мысли выслушалъ онъ чтеніе отъ начала до конца, останавливая читавшаго Еленева своими замѣчаніями и поправками. Сначала говорилъ онъ тихимъ шопотомъ, потомъ очень внятнымъ, хотя и слабымъ голосомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ взамѣнъ поправокъ онъ приказалъ сдѣлать только отмѣтки, говоря, что онъ обдумаетъ эти мѣста и поправитъ при второмъ чтеніи. Ночь Яковъ Ивановичъ провелъ хорошо, а на другой день казался бодрѣе. 30-го вечеромъ Яковъ Ивановичъ опять повторилъ мнѣ свою волю о представленіи записки Государю. При этомъ онъ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ слегъ въ постель, началъ говорить о томъ, что̀ могло бы быть съ крестьянскимъ вопросомъ и Коммиссіями въ случаѣ его кончины,—разговоръ, къ которому онъ такъ часто возвращался въ началѣ болѣзни, когда былъ еще въ полныхъ силахъ. Не придя и въ этотъ день ни къ какому заключенію, онъ окончилъ словами: „Богъ за насъ и за святое дѣло", а я постарался перемѣнить разговоръ, опасаясь, чтобы онъ не повліялъ на его здоровье.

29 января Яковъ Ивановичъ пожелалъ видѣть князя Черкасскаго и приказалъ непремѣнно принять его, если онъ пріѣдетъ. Боясь сдѣлать вредъ больному, мы отклонили посѣщеніе князя и даже рѣшились сказать Якову Ивановичу, что князь нездоровъ и не выѣзжаетъ. Яковъ Ивановичъ потребовалъ книгу посѣтителей; Черкасскаго въ ней не было. Съ разрѣшенія семейства я предупредилъ Черкасскаго, чтобы онъ заѣхалъ на всякій случай въ понедѣльникъ 1 февраля, но мы еще все надѣялись, что Яковъ Ивановичъ забудетъ о своемъ требованіи.

Утромъ 1 февраля Черкасскаго еще не было, когда Яковъ Ивановичъ настойчиво приказалъ послать за нимъ. По пріѣздѣ князя мы вошли вмѣстѣ съ нимъ къ больному. „Вотъ цѣлый мѣсяцъ, князь, какъ я не видѣлъ васъ“, сказалъ Яковъ Ивановичъ. „Все это время я былъ безъ силъ. Теперь чувствую силы и хочу поговорить съ вами“. Яковъ Ивановичъ началъ затѣмъ говорить о работахъ Коммиссій, сначала шопотомъ, потомъ внятно, но съ ясностью и отчетливостью мыслей, которая поразила Черкасскаго. „Увѣрены ли вы такъ же, какъ и я“, говорилъ онъ между прочимъ, „что правительственный выкупъ для государства возможенъ? Увѣрены ли вы, такъ же, какъ и я, что временно-обязанныя отношенія, при всѣхъ ихъ неудобствахъ, неизбѣжны?“ Мы отвѣчали оба, что увѣрены. „Въ такомъ случаѣ мы сдѣлали все, что только могли сдѣлать, и совѣсть моя спокойна. Силы мои слабѣютъ, но нашего дѣла я не оставлю до самой своей смерти. Одинъ только саванъ можетъ отдѣлить меня отъ крестьянскаго вопроса“. По порученію Якова Ивановича, я уже и прежде сообщалъ Черкасскому о содержаніи записки. Узнавъ отъ него, что онъ ее еще не читалъ, Яковъ Ивановичъ попросилъ его прочесть ее громко. Черкасскій попросилъ позволенія взять ее съ собою или прочесть въ другомъ углу комнаты, но требованіе Ростовцова было императивно и настойчиво. Началось чтеніе, продолжавшееся болѣе получаса, до пріѣзда Государя. Съ тѣмъ же героическимъ усиліемъ, съ тою же ясностью мысли слушалъ Ростовцовъ это чтеніе, вникая въ каждое слово и сообщая намъ свои замѣчанія и поправки. Вездѣ, гдѣ были сдѣланы отмѣтки при первомъ чтеніи, онъ вспомнилъ отчетливо, какія поправки и измѣненія онъ желалъ сдѣлать, и продиктовалъ ихъ внятнымъ голосомъ. По отъѣздѣ Государя наше чтеніе возобновилось и окончилось только черезъ четверть часа. Яковъ Ивановичъ поручилъ Черкасскому сдѣ-

лать съ его словъ нѣсколько окончательныхъ поправокъ, а мнѣ имѣть записку наготовѣ послѣ ея переписки.

3 февраля доктора объявили всѣмъ близкимъ Ростовцова, что состояніе его безнадежно, а 4 февраля онъ, по настоянію своего духовника, причастился Св. Тайнъ, но при посѣщеніи Государя въ этотъ день былъ въ бреду.

5 февраля около полудня Яковъ Ивановичъ опять озаботился запискою, призвалъ меня, спросилъ, совсѣмъ ли она готова, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, взялъ ее въ руки и хотѣлъ подписать, но не былъ въ силахъ. Послѣ того онъ проговорилъ еще съ усиліемъ: „позовите жену, сына, брата и друзей, прочтите имъ, пусть они знаютъ содержаніе моего единственнаго духовнаго завѣщанія". Когда же мы столпились кругомъ его постели, онъ благословилъ насъ. Черезъ нѣсколько времени онъ еще спрашивалъ своего брата А. И. Ростовцова и друга В. Н. Семенова, читали ли они записку, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, успокоился и велѣлъ положить записку на стулъ, стоявшій у изголовья его постели. Государь пріѣхалъ къ Ростовцову около 4 часовъ пополудни и, пройдя мимо насъ, вошелъ въ его кабинетъ, въ которомъ, боясь безпокоить больного, пробылъ не болѣе четверти часа. При выходѣ Государь сообщилъ намъ, присутствующимъ, что больной говорилъ Ему: „я не знаю, зачѣмъ подняли всю тревогу: я причастился по желанію моего духовника Рождественскаго". „Но главная забота больного", прибавилъ Государь, „была о его запискѣ, о которой онъ уже Мнѣ говорилъ неоднократно. Онъ хранитъ ее у изголовья своей постели, показывалъ Мнѣ и объяснялъ, что не въ силахъ былъ подписать ее, но поручилъ завѣдывающему дѣлами Комиссій представить Мнѣ эту записку, когда наступитъ указанное имъ время. Я успокоилъ больного", продолжалъ Государь, „обѣщаніемъ прочесть записку немедленно по ея полученіи и переговорить съ нимъ о нашемъ святомъ дѣлѣ, когда силы его совсѣмъ возстановятся. При разговорѣ со Мною голосъ его былъ крѣпче, и бреду совсѣмъ не было".

По отъѣздѣ Государя, когда мы съ сыномъ Ростовцова вошли къ больному, онъ еще разъ повторилъ свою волю, чтобы, въ случаѣ его кончины, записка была представлена мною Государю. По уходѣ нашемъ изъ кабинета Ростовцова я объяснилъ сыну, какое значеніе его отецъ приписывалъ этой запискѣ. Яковъ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что хотя онъ всю жизнь заботился о нѣжно любимой

имъ семьѣ, но въ оставленіи послѣ себя какого бы то ни было семейнаго завѣщанія онъ не видѣлъ надобности. Состоянія у него почти никакого не было. Наслѣдниками маленькаго его Гдовскаго имѣнія (70 душъ) будутъ его два сына, такъ какъ женѣ своей онъ уже передалъ небольшой капиталъ, вырученный имъ отъ продажи, благодаря открывшемуся въ недавнее время сплаву лѣса изъ Гдовскаго имѣнія. Конечно, все это очень недостаточно, но онъ увѣренъ, что Государь самъ позаботится о его вдовѣ и двухъ сыновьяхъ, и думаетъ, что напоминать объ этомъ Государю было бы даже неделикатно. Вотъ почему онъ пожелалъ представить Государю только свое политическое духовное завѣщаніе, въ увѣренности, что завѣщаніе это, служа развитіемъ воли и стремленій самого Государя, закрѣпитъ все дѣло, одинаково дорогое Государю и Его вѣрному подданному, положившему на него свою жизнь. Семья же Якова Ивановича за себя можетъ быть спокойна.

Мы передали до кончины Ростовцова дорогую ему записку на храненіе его секретарю Ѳ. П. Еленеву. Около 5 часовъ Яковъ Ивановичъ, успокоенный бесѣдою съ Государемъ, порадовалъ всѣхъ, принявъ съ аппетитомъ немного пищи, и затѣмъ уснулъ спокойно.

Я ушелъ отъ Якова Ивановича въ 6 час. пополудни, когда онъ заснулъ. Съ того времени уже началась у него постепенная потеря сознанія съ малыми промежутками. Пульсъ началъ падать, и больной перешелъ къ забытью и бреду. У изголовья его постели сидѣлъ лучшій другъ его дѣтства В. И. Семеновъ и прислушивался къ произносимымъ имъ довольно невнятнымъ голосомъ словамъ. Онъ бредилъ о какихъ-то ужасныхъ засѣданіяхъ, но въ этомъ бреду явственно слышались слова: „не бойтесь, Государь“.

Я вернулся къ 10 часамъ вечера, а въ 11 часовъ былъ посланъ адъютантъ Ростовцова доложить Государю, что больной безнадеженъ. Сомкнутыя вѣки его глазъ уже не открывались, и начинались часы предсмертной агоніи. Въ 3 часа пополуночи Государь прислалъ спросить у находившагося при умирающемъ доктора Обломьевскаго, въ какомъ положеніи находится больной. Тотъ отвѣтилъ, что онъ едва-ли доживетъ до утра. Послали за священникомъ 1-го Кадетскаго Корпуса читать отходную. Когда поднесли свѣчу къ глазамъ больного, то казалось, что зрѣніе его уже утратилось. Все семейство и близкіе находились въ комнатѣ.

Въ 4 часа пополуночи въ комнату умирающаго вошелъ Го-

сударь. Приблизившись къ его постели, Онъ взялъ его за руку, и Ему показалось, какъ Онъ намъ сообщилъ, что Ростовцовъ почувствовалъ Его рукопожатіе. Изъ этого всѣ заключили, что больной узналъ Государя. Скрестивъ руки на груди, Государь стоялъ почти четверть часа у постели, тщательно прислушиваясь къ дыханію Ростовцова, который снова слабымъ голосомъ произнесъ слова: „Государь, не бойтесь", а когда Государь придвинулъ стулъ и сѣлъ возлѣ умирающаго, онъ произнесъ послѣднія слова: „я умираю, Господи, да будетъ воля Твоя". Дыханіе становилось рѣже и рѣже. Тогда Государь всталъ, началъ молиться и заплакалъ. По нашимъ часамъ въ 6 часовъ 47 минутъ утра Якова Ивановича не стало. Выходя изъ кабинета Ростовцова, Государь сказалъ мнѣ: „Исполните волю покойнаго. Я жду васъ завтра поутру".

Я вернулся домой въ 7 час. утра, захвативъ съ собою записку Ростовцова, и, не раздѣваясь, принялся писать еще свою записку, въ которой рѣшился объяснить Государю то значеніе, которое Ростовцовъ придавалъ своей запискѣ, а также постарался изложить все то, что̀ я слышалъ отъ Ростовцова въ послѣдніе дни его жизни. Закончилъ же я записку слѣдующими словами отъ себя лично:

„Простите, Государь, великодушно вѣрноподданному, который осмѣлился утрудить Ваше Императорское Величество, не имѣя на то, можетъ быть, никакого права и слѣдуя единственно только внушенію своей совѣсти. Нашъ Предсѣдатель далъ намъ высокій примѣръ послушанія этому внутреннему голосу и полнаго забвенія всякихъ личныхъ соображеній, когда дѣло шло о благѣ народа, о счастіи Россіи, о чести и славѣ священнаго для насъ всѣхъ Вашего имени.

„Коммиссіи, оканчивая второй періодъ своихъ занятій, согласно съ предначертаніями своего Предсѣдателя, какъ бы онъ былъ еще среди насъ, съ благоговѣніемъ будутъ ожидать распоряженія Вашего Императорскаго Величества и, конечно, свято почтутъ память покойнаго, слѣдуя высокому примѣру его гражданской доблести, примѣру полнаго принесенія въ жертву своей личности на служеніе Престолу и Отечеству.

„Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный П. Семеновъ, завѣдывающій дѣлами Редакціонныхъ Коммиссій. 6 февраля 1860 года" [1]).

---

[1]) Записка эта, такъ же, какъ и записка Якова Ивановича Ростовцова, представленная мною въ этотъ день Государю, была напечатана впервые въ

По окончаніи своей записки я самъ переписалъ ее такъ разборчиво, какъ умѣлъ, переодѣлся въ свой дворянскій мундиръ (вицъ-мундира, какъ у несостоявшаго на государственной службѣ, у меня не было), надѣлъ Владимірскій крестъ, пожалованный мнѣ за изслѣдованіе Тянъ-Шаня, и отправился, какъ мнѣ приказалъ Государь, въ Зимній дворецъ.

Съ этого памятнаго для меня дня прошло полвѣка, но старческая память живо сохранила каждое слово, какъ произнесенное Государемъ, такъ и сказанное мною, какъ будто бы все это происходило только вчера [1]).

Государь принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и встрѣтилъ слѣдующими милостивыми словами:

„Исполняя желаніе покойнаго Нашего друга, Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ васъ сегодня. Я знаю, какимъ близкимъ сотрудникомъ вы были для Якова Ивановича. Изо всѣхъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій онъ всего болѣе рекомендовалъ Моему вниманію васъ и князя Черкасскаго. Возлагая на васъ такое завѣтное для него порученіе, онъ имѣлъ, конечно, въ виду, что только вы одни можете Мнѣ дать необходимыя для Меня въ самую тяжкую минуту разъясненія“.

Я поспѣшилъ извиниться передъ Государемъ въ невольномъ, можетъ быть, промедленіи, происшедшемъ оттого, что хотя я всю ночь не ложился ни на минуту, но не могъ поспѣть ранѣе съ составленіемъ для Государя казавшагося мнѣ необходимымъ объясненія того значенія, которое придавалъ своей запискѣ Яковъ Ивановичъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ изложеніемъ всего того, что мнѣ казалось существеннымъ для крестьянскаго дѣла въ послѣднихъ словахъ Ростовцова.

сочиненіи моего брата Н. П. Семенова Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Томъ II. С.-Петербургъ, 1890 года (стр. 968—997).

[1]) Конечно, я долженъ былъ сообщить моимъ товарищамъ изъ разговора моего съ Государемъ только то, что Онъ самъ поручилъ мнѣ передать имъ, а брату моему, какъ уполномоченному Ростовцовымъ историку дѣятельности Редакціонныхъ Комиссій, я сообщилъ, разумѣется только въ общихъ чертахъ, содержаніе того, что я доложилъ Государю. Братъ напечаталъ это въ 1890 году, съ разрѣшенія Императора Александра III въ своей книгѣ (Томъ II, стр. 629). Я же воспроизвожу здѣсь впервые весь разговоръ мой съ Государемъ, какъ онъ сохранился въ моей памяти и замѣткахъ, набросанныхъ мною въ этотъ памятный для меня день (6 февраля 1860 г.), рѣшившій дальнѣйшую судьбу возложеннаго на насъ крестьянскаго дѣла.

Государь тотчасъ же взялъ изъ моихъ рукъ обѣ записки: записку Ростовцова положилъ на свой столъ, а мою прочелъ съ большимъ вниманіемъ и послѣ того сказалъ мнѣ:

„Бѣдный Нашъ Яковъ Ивановичъ. Изъ разговоровъ съ нимъ Я уже знаю, что въ своей запискѣ онъ оставилъ Намъ какъ-бы завѣщаніе, которое будетъ для Меня священно. Одно только тревожитъ Меня и не даетъ Мнѣ покоя,—это вопросъ о преемникѣ Якова Ивановича. Нѣсколько разъ было у Меня почти на языкѣ спросить его, кого бы онъ назначилъ себѣ въ преемники, и, конечно, Я свято исполнилъ бы его волю, но внутреннее чувство не позволило Мнѣ высказаться. Я боялся огорчить больного или напомнить ему объ опасности его положенія, о которой Я зналъ отъ медиковъ. Вотъ почему Я желаю знать, не говорилъ ли онъ съ вами объ этомъ предметѣ“.

Я отвѣтилъ Государю, что Яковъ Ивановичъ, съ первыхъ тяжкихъ дней его дѣятельности въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ, пришелъ къ убѣжденію, что онъ не переживетъ окончанія крестьянскаго дѣла, идя совершенно сознательно на вѣрную, при пылкости его тревожнаго характера, смерть; поэтому онъ постоянно думалъ о будущемъ крестьянскаго дѣла и о томъ, кто бы могъ быть его преемникомъ. „Онъ прежде всего считалъ своимъ долгомъ“, сказалъ я, „представить при своей кончинѣ Вашему Императорскому Величеству такую записку, которая служила бы отчетомъ всего того, что̀ было сдѣлано подъ его руководствомъ и по Вашимъ, Государь, предначертаніямъ Редакціонными Коммисіями, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключала бы то, что̀ онъ считалъ своимъ политическимъ духовнымъ завѣщаніемъ, такъ какъ всякое другое онъ признавалъ излишнимъ, ставя интересы святого дѣла, ему порученнаго Вами, Государь, выше всякихъ личныхъ и семейныхъ интересовъ. Что же касается своего преемника, то онъ много и много разъ говорилъ со мною объ этомъ предметѣ, перебиралъ въ умѣ своемъ едва ли не всѣхъ безъ исключенія лицъ, которыя по своему положенію могли бы предсѣдательствовать въ Редакціонныхъ Коммисіяхъ, но я долженъ сказать по чистой совѣсти, что выборъ его ни на комъ не останавливался. Если бы это было иначе, то, конечно, Яковъ Ивановичъ счелъ бы долгомъ высказать уже давно свою задушевную мысль или ходатайство, непосредственно обращенное къ Вашему Императорскому Величеству“.

Государь сказалъ на это: „Я это знаю, потому что покойный при всякомъ почти Моемъ посѣщеніи говорилъ со Мною о крестьянскомъ дѣлѣ и о томъ, что можетъ случиться послѣ его кончины, но никогда не указывалъ на преемника себѣ, а, напротивъ, предупреждалъ Меня противъ одного изъ тѣхъ, которые желали бы быть на его мѣстѣ. Но такъ какъ онъ говорилъ съ вами вообще объ отношеніяхъ къ крестьянскому дѣлу всѣхъ лицъ, могущихъ имѣть вліяніе на это дѣло, то Я желалъ бы знать его мнѣніе о каждомъ изъ этихъ лицъ“.

На этотъ прямой вопросъ Государя мнѣ оставалось только отвѣчать полнымъ и самымъ чистосердечнымъ изложеніемъ всего того, что Ростовцовъ говорилъ мнѣ о каждомъ изъ сановниковъ, которые по своему положенію могли бы предсѣдательствовать въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ.

Первымъ изъ своихъ возможныхъ преемниковъ, о которомъ думалъ Я. И. Ростовцовъ, былъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ его горячемъ сочувствіи освобожденію крестьянъ не могло быть сомнѣнія. При своихъ способностяхъ онъ имѣлъ уже и хорошую подготовку къ крестьянскому дѣлу, какъ по своей дѣятельности въ Главномъ Комитетѣ, такъ и потому, что онъ находился въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ наиболѣе дѣятельными членами Редакціонныхъ Коммиссій. Въ лицѣ же статсъ-секретаря Головнина онъ имѣлъ близкаго и умнаго совѣтника и работоспособнаго сотрудника въ занятіяхъ по крестьянскому дѣлу. При всемъ томъ, по мнѣнію Ростовцова, Великій Князь не могъ бы быть предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммиссій, потому что работы Коммиссій по проекту, который живо касается интересовъ двухъ важнѣйшихъ въ государствѣ сословій, неизбѣжно влекутъ за собою, какъ это испыталъ самъ Ростовцовъ, такое недоброжелательство и такую ненависть противниковъ предстоящей реформы противъ предсѣдателя, которой не слѣдуетъ подвергать кого-либо изъ членовъ Императорскаго Дома. Но и не будучи предсѣдателемъ Коммиссій, Великій Князь можетъ сослужить великую службу Государю и Россіи въ качествѣ предсѣдателя Главнаго Комитета; здѣсь уже не можетъ быть такого возбужденія противъ предсѣдателя, такъ какъ Комитетъ будетъ имѣть дѣло съ готовымъ законопроектомъ, разсматриваемымъ окончательно на глазахъ самого Государя.

Вторымъ лицомъ, о которомъ Ростовцовъ подумалъ какъ о

своемъ возможномъ преемникѣ, былъ графъ П. Д. Киселевъ, человѣкъ высокаго государственнаго ума и беззавѣтно преданный дѣлу освобожденія крестьянъ. Притомъ графъ Киселевъ былъ лицомъ самымъ опытнымъ въ этомъ государственномъ вопросѣ, такъ какъ былъ еще ближайшимъ сотрудникомъ Императора Николая I въ Его великодушныхъ намѣреніяхъ и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія заботился о развитіи правъ свободныхъ сословій между государственными крестьянами. Но, по мнѣнію Ростовцова, графъ Киселевъ, къ сожалѣнію, уже такъ старъ, что, не слѣдя за современнымъ ходомъ крестьянскаго дѣла, онъ не могъ бы принести надлежащей пользы почти разработанному законопроекту, а внесъ бы въ него только свои предвзятыя воззрѣнія, которыя не могутъ имѣть практическаго примѣненія при сильно измѣнившихся условіяхъ.

Затѣмъ Я. И. Ростовцовъ обратилъ естественное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ могъ бы замѣнить его одинъ изъ трехъ его сотоварищей, выдвинутыхъ вмѣстѣ съ нимъ изъ состава Главнаго Комитета въ особую Комиссію для наблюденій за ближайшимъ ходомъ крестьянскаго дѣла, а именно: С. С. Ланской, М. Н. Муравьевъ и графъ В. Н. Панинъ.

По мнѣнію Ростовцова, почтенный и горячо преданный дѣлу освобожденія крестьянъ Ланской, по своему добродушію и слабости своего характера, не могъ бы быть руководителемъ рабочей законодательной Комиссіи: съ одной стороны, онъ не имѣлъ бы достаточнаго авторитета среди своихъ сотрудниковъ, а съ другой, не могъ бы дать достаточнаго отпора вліяніямъ, направленнымъ на него съ разныхъ сторонъ, и совершенно растерялся бы, будучи возведенъ въ непосильную для него роль предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій.

Что же касается М. Н. Муравьева, то до сихъ поръ онъ относился очень враждебно къ дѣлу освобожденія крестьянъ, тщательно разрушалъ все то, что было сдѣлано графомъ Киселевымъ для развитія свободы государственныхъ крестьянъ, и, вмѣсто того, чтобы заботиться объ улучшеніи ихъ быта, заботился только объ увеличеніи съ нихъ оброчныхъ податей и другихъ сборовъ. Для того, чтобы быть руководителемъ при составленіи закона объ освобожденіи крестьянъ, Муравьеву, по мнѣнію Якова Ивановича, всего болѣе недоставало чувствъ гуманности, любви къ меньшимъ братьямъ

и вообще къ русскому народу. Ни убѣжденія въ необходимости великой реформы, ни опредѣленныхъ взглядовъ на то, какъ она могла бы быть совершена, у него не было. Только со времени болѣзни Якова Ивановича Муравьевъ сталъ высказывать сочувствіе работамъ Редакціонныхъ Коммисій, производимымъ подъ руководствомъ Ростовцова, доказывая, что судьба всего крестьянскаго сословія (т.-е. помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ) должна быть объединена въ одинъ законопроектъ, и прямо выражалъ надежду на то, что Ростовцовъ укажетъ Государю на него, какъ на своего преемника, могущаго объединить это дѣло. Но Яковъ Ивановичъ не только не обнадеживалъ его въ этомъ, но имѣлъ въ виду предупредить Государя о томъ, что онъ опасается участія Муравьева въ крестьянскомъ дѣлѣ, потому что не довѣряетъ тому, что его дѣйствія будутъ всегда въ соотвѣтствіи съ его словами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростовцовъ предвидѣлъ, что Муравьевъ, не сдѣлавшись его преемникомъ, будетъ однимъ изъ самыхъ энергическихъ и ожесточенныхъ противниковъ законопроекта Редакціонныхъ Коммисій въ Главномъ Комитетѣ.

На это Государь замѣтилъ, что Ему изъ недавнихъ разговоровъ съ Ростовцовымъ достаточно извѣстенъ взглядъ послѣдняго на отношенія Муравьева къ крестьянскому дѣлу, и что Онъ никогда не думалъ о возможности назначенія Муравьева преемникомъ Ростовцова.

По приглашенію Государя, я продолжалъ свой докладъ, перейдя къ отзыву Ростовцова о третьемъ [1]) членѣ Коммисіи, выдѣленной изъ Главнаго Комитета для наблюденія за ходомъ крестьянскаго дѣла,—графѣ Панинѣ. Относительно Панина, Ростовцовъ не видѣлъ даже ни малѣйшей возможности назначенія его руководителемъ Редакціонныхъ Коммисій, потому что зналъ, что Панинъ вообще не особенно сочувствуетъ дѣлу освобожденія крестьянъ, но всего болѣе потому, что Панинъ, по своей непрактичности, полному незнанію народнаго быта, да и вообще Россіи, такъ же, какъ по своей крайней необщительности, не могъ бы быть *руководителемъ* Коммисій въ такомъ дѣлѣ, какимъ является составленіе законопроекта объ освобожденіи крестьянъ.

Несмотря на это, отношеніе гр. Панина къ крестьянскому

---

[1]) Четвертымъ членомъ этой Коммисіи былъ самъ Ростовцовъ.

дѣлу во время прохожденія послѣдняго черезъ Главный Комитетъ и Государственный Совѣтъ представлялось Ростовцову въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ большинству людей, знавшихъ гр. Панина: Ростовцовъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Панина напрасно считаютъ принципіальнымъ противникомъ освобожденія крестьянъ. Это совершенно не могло быть свойственно такимъ крупнымъ, просвѣщеннымъ и великодушнымъ помѣщикамъ, какими были гр. Панинъ, гр. Строгановъ и гр. Шереметевъ: они не могли имѣть никакихъ мелкихъ, личныхъ, а тѣмъ болѣе корыстныхъ интересовъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Они, наоборотъ, всегда готовы были понести матеріальные убытки для блага отечества и давно помирились съ мыслью о необходимости освобожденія крестьянъ. Вслѣдствіе этого они не могли быть рѣшительными противниками законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій и даже готовы были согласиться на него въ общихъ чертахъ, расходясь съ нимъ только въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ вопросахъ, касающихся надѣленія крестьянъ землею и патримоніальной власти помѣщиковъ.

Ростовцовъ выражалъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что отношеніе гр. Панина къ крестьянскому дѣлу будетъ вполнѣ зависѣть отъ выраженія ему лично желанія Государя, что онъ при прохожденіи дѣла въ Главномъ Комитетѣ будетъ дѣйствовать исключительно согласно волѣ Его Величества, если только онъ будетъ знать ее съ полною опредѣленностью, такъ какъ, по глубоко усвоенному имъ принципу, онъ ставитъ волю Государя выше всякихъ своихъ соображеній и, какъ образно выразился Яковъ Ивановичъ, готовъ пробить стѣну для исполненія этой воли. И все-таки, несмотря на наличность всѣхъ этихъ свойствъ въ характерѣ гр. Панина, активное участіе его въ крестьянскомъ дѣлѣ представлялось Ростовцову невозможнымъ, вслѣдствіе его полнѣйшей непрактичности, совершеннаго незнакомства съ бытомъ народа и странностей его характера, дѣлающихъ личныя къ нему отношенія его сотрудниковъ почти невозможными.

Изъ остальныхъ членовъ Главнаго Комитета Ростовцовъ считалъ самымъ опаснымъ врагомъ законопроекта Редакціонныхъ Коммиссій старѣйшаго изъ нихъ, кн. Пав. Пав. Гагарина: съ нимъ, какъ со страстнымъ и цѣльнымъ по своему характеру противникомъ земельнаго освобожденія крестьянъ, Ростовцовъ считалъ невозможнымъ пойти на какіе бы то ни было компромиссы. На под-

держку же нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ членовъ Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта, какъ, напр., гр. Д. Н. Блудова, К. Д. Чевкина, Н. И. Бахтина, Е. П. Ковалевскаго и гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго, онъ разсчитывалъ. Но престарѣлый гр. Блудовъ, по мнѣнію Ростовцова, не могъ бы быть его преемникомъ, потому что, при всемъ своемъ горячемъ патріотизмѣ и постоянномъ стремленіи ко благу русскаго народа, онъ, предсѣдательствуя Редакціонными Комиссіями въ очень преклонномъ возрастѣ, внесъ бы въ нихъ большое количество академическихъ разсужденій и споровъ, что чрезвычайно замедлило бы развязку вопроса. Что же касается ген.-ад. Чевкина, то о немъ могла бы быть рѣчь, какъ о человѣкѣ умномъ, съ твердымъ характеромъ и горячо сочувствующемъ освобожденію крестьянъ. Но Ростовцовъ предвидѣлъ, что, по свойствамъ своего настойчиваго и нѣсколько упрямаго, мелочного характера, онъ растерялся бы въ мелочахъ и затормозилъ бы дѣло, которое волнуетъ всю Россію и не терпитъ отлагательства.

Другой же товарищъ по воспитанію Ростовцова, такъ же горячо сочувствующій освобожденію крестьянъ, членъ Государственнаго Совѣта графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, при сильной и энергичной своей волѣ, дѣйствовалъ бы слишкомъ страстно, возбудилъ бы противъ себя такую оппозицію и вражду, которую побѣдить было бы очень трудно, и вся его дѣятельность, по выраженію Якова Ивановича, уподобилась бы блеску фейерверка, а не свѣту спокойнаго свѣтила.

Что же касается членовъ Редакціонныхъ Комиссій, то Ростовцовъ сознавалъ, что въ средѣ нихъ были люди не только беззавѣтно преданные великому дѣлу, но и обладающіе всѣми необходимыми знаніями и государственнымъ умомъ, какъ, напримѣръ, Милютинъ, кн. Черкасскій, Самаринъ, Жуковскій, но онъ не считалъ возможнымъ назначить кого-либо изъ нихъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій, такъ какъ ни одно изъ этихъ лицъ не занимало высшихъ должностей въ государственной іерархіи и не состояло въ настолько непосредственныхъ отношеніяхъ къ Государю, чтобы имѣть возможность довести дѣло до конца, преодолѣвъ всѣ будущія препятствія и выдержавъ всю борьбу, еще предстоявшую при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Что же касается статсъ-секретаря Булгакова, предсѣдательствовавшаго во время болѣзни Ростовцова, то онъ всегда считалъ его только своимъ временнымъ замѣстителемъ, но не преемникомъ.

Такимъ образомъ Ростовцовъ, обсуждая вопросъ о томъ, кто можетъ быть его преемникомъ, рѣшительно ни на комъ не останавливался и переходилъ къ общимъ разсужденіямъ о томъ, на чью поддержку можно будетъ разсчитывать при прохожденіи нынѣ уже близкаго къ окончанію законопроекта черезъ Главный Комитетъ и Государственный Совѣтъ.

Во всякомъ случаѣ Ростовцовъ считалъ также невозможнымъ оставлять Комиссіи на долгое время подъ предсѣдательствомъ замѣнявшаго его со времени его болѣзни статсъ-секретаря Булгакова.

Государь замѣтилъ на это, что о послѣднемъ Онъ и не думаетъ, но что относительно выбора настоящаго преемника Якову Ивановичу Онъ остается пока еще въ томъ же тяжеломъ для Него недоумѣніи, какъ и при началѣ нашего разговора, и проведетъ много безсонныхъ ночей, придумывая какую-нибудь удовлетворительную комбинацію для замѣщенія покойнаго.

На это я рѣшился сказать Государю: „Ваше Величество, по милостивому Вашему приглашенію, я чистосердечно разсказалъ все, что̀ зналъ относительно поставленнаго Вами вопроса. Позвольте же мнѣ теперь высказать личное мое мнѣніе по этому дѣлу".

Государь посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ и съ милостивой улыбкою и видимымъ любопытствомъ пригласилъ меня высказать все, что̀ было у меня на душѣ. Я продолжалъ:

„Мнѣ кажется, что Ваше Величество напрасно такъ тревожитесь вопросомъ о назначеніи преемника Якову Ивановичу. Вполнѣ удовлетворительнаго предсѣдателя Комиссій, т.-е. такого, который могъ бы руководить ихъ работами, найти невозможно. Но, къ счастью, изъ посмертной записки Якова Ивановича Ваше Величество усмотрите, что дѣло въ своихъ главныхъ чертахъ и даже въ мелкихъ подробностяхъ вчернѣ уже совсѣмъ окончено, и сотрудники Ростовцова безъ особыхъ затрудненій могутъ справиться съ окончаніемъ того, что̀ еще не додѣлано. Я убѣжденъ, что Господь Богъ поможетъ Вамъ въ предстоящемъ выборѣ такъ же, какъ это было при назначеніи Якова Ивановича. Но кто бы ни былъ его преемникомъ, весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть не отъ его личности, а отъ отношенія къ дѣлу Вашего Императорскаго Величества. Если Вы, Государь, покроете насъ своимъ щитомъ, то мы спокойно окончимъ нашу задачу въ томъ же духѣ, въ какомъ она велась подъ руководствомъ Якова Ивановича.

Въ случаѣ же препятствія со стороны новаго предсѣдателя вести это дѣло въ томъ же направленіи, мы, конечно, не сможемъ ничего окончить, и тогда лучше закрыть Коммиссіи и возобновить ихъ въ новомъ составѣ членовъ, по выбору предсѣдателя, который будетъ вести дѣло уже не въ томъ духѣ, въ которомъ оно велось доселѣ".

Государь принялъ мои слова крайне благосклонно и отвѣтилъ на нихъ приблизительно такъ: „Я внимательно и не разъ прочту записку Якова Ивановича и, конечно, не отступлю отъ того, чему онъ придавалъ значеніе. Онъ такъ честно исполнялъ Мою волю въ нашемъ дѣлѣ, что его завѣты въ немъ останутся для Меня священными. О преемникѣ Якова Ивановича Я еще много разъ подумаю, но такъ какъ Я теперь знаю, что работы Коммиссій такъ сильно подвинулись впередъ, что близки къ своему окончанію, и что онѣ нуждаются уже не въ руководителѣ, а всего болѣе въ охранителѣ и вѣрномъ стражѣ, то задача Моя становится легче. Пока поручаю вамъ сообщить вашимъ товарищамъ, чтобы они спокойно продолжали свои работы и скорѣе ихъ заканчивали въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ ихъ вели подъ предсѣдательствомъ Якова Ивановича.

„Проектъ вашъ, конечно, можетъ измѣниться еще только въ какихъ-нибудь подробностяхъ, но то, что̀ высказано по этому дѣлу покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ въ его запискѣ, должно остаться неприкосновеннымъ. Разрѣшаю вамъ сообщить слова Мои своимъ товарищамъ и успокоить ихъ".

Государь видимо былъ и самъ успокоенъ: какое-то новое соображеніе Его осѣнило. Онъ обнялъ меня и благодарилъ за ту неустанную помощь, которую я оказывалъ Ростовцову въ качествѣ ближайшаго его сотрудника во всѣхъ тяжкихъ и сокрушившихъ его силы работахъ. Затѣмъ Онъ еще разъ милостиво сказалъ мнѣ, что никогда не забудетъ той службы, которую я сослужилъ Ему своимъ правдивымъ разсказомъ и своею преданностью въ самую тяжелую для Него минуту.

Я говорилъ и дѣйствовалъ въ этотъ столь памятный для меня день безо всякой предвзятой мысли, такъ искренно и чистосердечно исполняя желаніе Государя и отвѣчая на Его вопросъ, что даже совсѣмъ не соображалъ, какія послѣдствія могутъ имѣть мои разсказы. Я чувствовалъ только, что Государь вѣрнымъ инстинк-

томъ своей высокой души вѣрилъ въ ту правду, которою дышали и мои слова, а тѣмъ болѣе разсужденія того беззавѣтно преданнаго Ему и отечеству человѣка, который уже не былъ жильцомъ здѣшняго міра.

Только когда я нѣсколько пришелъ въ себя, спускаясь по длинной лѣстницѣ Зимняго дворца, я началъ соображать, что Государь видимо успокоился послѣ продолжительнаго разговора со мною лишь потому, что Его осѣнила какая-то счастливая мысль, въ которой Онъ нашелъ выходъ изъ положенія, казавшагося Ему въ началѣ разговора еще совершенно безвыходнымъ. Для меня стало ясно, что онъ увѣровалъ въ свою собственную силу, въ самого Себя. Кого же Онъ назначитъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій? вотъ вопросъ, на который я самъ себѣ отвѣтилъ, только уже перейдя порогъ Зимняго дворца. „Графа Панина"... подумалъ я, графа Панина—совершенно нежданно и негаданно ни для Я. И. Ростовцова, ни для меня лично. Обстоятельства такъ сложились, что въ этомъ, казавшемся совершенно невѣроятнымъ, назначеніи таился единственный выходъ изъ того тяжкаго положенія, въ которое поставила Государя кончина Его вѣрнаго друга Я. И. Ростовцова.

Догадки, меня осѣнившей только послѣ моего выхода изъ Зимняго дворца, я никому сообщить не считалъ себя въ правѣ, а по возвращеніи домой записалъ по памяти все, что здѣсь изложено мною [1]).

Послѣ полудня я получилъ приглашеніе отъ Великой Княгини Елены Павловны и, пользуясь тѣмъ, что засѣданіе Комиссій, назначенное заранѣе на 6 февраля, было отложено по случаю кончины предсѣдателя до слѣдующаго дня (воскресенье 7 февраля), отправился въ Михайловскій дворецъ. Великая Княгиня уже слышала о посмертной запискѣ Я. И. Ростовцова и встрѣтила меня въ большомъ безпокойствѣ за судьбу крестьянскаго дѣла и Редакціонныхъ Комиссій.

Не разсказывая Великой Княгинѣ никакихъ подробностей, относящихся до разговора моего съ Государемъ, я старался ее

---

[1]) Брату же, какъ историку дѣятельности Редакціонныхъ Комиссій, я сообщилъ словесно то, что имъ было напечатано на стр. 629—635 Т. II его книги, но о моей догадкѣ относительно назначенія гр. Панина не сказалъ ни слова, опасаясь поднять этимъ преждевременную тревогу.

успокоить, сообщивъ ей какъ о настроеніи Государя, такъ и о томъ, что Онъ приказалъ сообщить моимъ товарищамъ. Конечно, она, со свойственною ей живостью, возбудила разговоръ о назначеніи преемника Ростовцову, и такъ какъ я не сообщилъ ей своей догадки по поводу этого назначенія, она съ увлеченіемъ доказывала, что самымъ желательнымъ преемникомъ Ростовцова былъ бы графъ Амурскій. Я, конечно, не считалъ себя въ правѣ сообщить Великой Княгинѣ, что назначеніе графа Амурскаго не имѣетъ никакихъ шансовъ, но высказалъ ей свое опредѣленное мнѣніе о томъ, что судьба крестьянскаго дѣла совсѣмъ не зависитъ отъ личности будущаго председателя, а исключительно отъ отношенія къ этому дѣлу самого Государя, и что если Онъ покроетъ насъ своимъ щитомъ, въ чемъ я совершенно увѣренъ, то мы окончимъ благополучно нашу работу, а сокрушить ее въ Главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ, при томъ значеніи, которое Государь придаетъ запискѣ Ростовцова, едва ли будетъ возможно. Объясненіе мое Великой Княгинѣ о характерѣ и содержаніи этой записки привлекло къ ней большой интересъ со стороны всѣхъ членовъ Императорской фамиліи, и на вечерней панихидѣ этого дня въ домѣ Ростовцова Великій Князь Константинъ Николаевичъ подошелъ ко мнѣ и довольно императивно просилъ меня доставить ему копію съ записки Ростовцова, а вслѣдъ затѣмъ Великая Княгиня Елена Павловна, бывшая на той же панихидѣ въ домѣ Ростовцовыхъ, замѣтивъ обращеніе ко мнѣ Великаго Князя, также подошла ко мнѣ, но съ болѣе тонкимъ и деликатнымъ намѣреніемъ предупредить меня о томъ, чтобы я въ тѣхъ трудныхъ условіяхъ, въ которыхъ находился въ данную минуту въ качествѣ осиротѣвшаго завѣдывающаго дѣлами Коммиссій, не предпринималъ бы ничего безъ соизволенія самого Государя.

Руководствуясь этимъ доброжелательнымъ совѣтомъ и пользуясь милостивымъ соизволеніемъ Государя обращаться къ Нему въ необходимыхъ случаяхъ тѣмъ же путемъ, какимъ сносился съ Нимъ, всегда при моемъ участіи, покойный Ростовцовъ, я доставилъ лично въ кабинетъ Государя свою докладную записку, въ которой испрашивалъ разрѣшенія препроводить Великому Князю, по его желанію, копію съ записки Ростовцова. Въ тотъ же день моя докладная записка вернулась ко мнѣ отъ Государя съ Его собственноручной помѣткою: „Доставить одну копію Великому Князю

Константину Николаевичу, а другую Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ".

Въ засѣданіяхъ Редакціонныхъ Комиссій перерыва не произошло: на другой день послѣ кончины предсѣдателя, а именно 7 февраля, состоялось первое изъ нихъ, несмотря на воскресенье, потому что Комиссіи сильно торопились съ окончаніемъ второго періода своихъ занятій.

9 февраля произошло погребеніе Я. И. Ростовцова, обстоятельно описанное въ книгѣ моего брата [1]).

Во всѣхъ слояхъ столичнаго общества, въ которыхъ крестьянское дѣло возбуждало самый живой и страстный интересъ, посыпались съ перваго же дня послѣ кончины Ростовцова самые разнообразные слухи о назначеніи ему преемника. Указывали на М. Н. Муравьева, который всѣхъ усерднѣе и настойчивѣе хлопоталъ о своемъ назначеніи, на графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, за котораго болѣе всего хлопотали мои коллеги съ Великой Княгиней Еленой Павловной во главѣ, на С. С. Ланского, который представлялся самымъ удобнымъ предсѣдателемъ для министерства внутреннихъ дѣлъ и самъ очень желалъ этого назначенія, на К. В. Чевкина, который охотно бы его принялъ, и наконецъ на графа С. Г. Строганова, который менѣе всѣхъ желалъ быть предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій.

Только со дня похоронъ Ростовцова разнеслись впервые никѣмъ нежданные слухи о назначеніи на его мѣсто графа В. Н. Панина, потому что сдѣлалось извѣстно, что 8 февраля, т.-е. наканунѣ похоронъ, Государь принялъ графа въ продолжительной аудіенціи.

Большинство лицъ, работавшихъ по освобожденію крестьянъ, не хотѣло вѣрить этимъ слухамъ, не представляя себѣ, какъ могъ быть преемникомъ Ростовцова человѣкъ, такъ мало сочувствовавшій освобожденію крестьянъ и такъ мало подготовленный, по своей прошедшей дѣятельности, къ активной работѣ въ этомъ дѣлѣ, а тѣмъ менѣе къ руководству работами другихъ.

Зато несказанно радовались слухамъ о назначеніи графа Панина всѣ противники земельнаго освобожденія крестьянъ, такъ какъ они были убѣждены въ томъ, что графъ Панинъ парали-

[1]) См. Н. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ". Т. II, стр. 662.

лует всю дѣятельность ненавистныхъ имъ Редакціонныхъ Коммисій, затормозитъ весь историческій ходъ дѣла и сведетъ его, согласно ихъ желаніямъ, на номинальную свободу крестьянъ, безъ удержанія за ними существующихъ земельныхъ надѣловъ и безъ какой бы то ни было развязки аграрныхъ вопросовъ. При этомъ они надѣялись даже, что графъ Панинъ достигнетъ сохраненія патримоніальной власти дворянъ-помѣщиковъ надъ крестьянами, живущими на земляхъ, долженствующихъ, по ихъ мнѣнію, быть обращенными въ полную собственность помѣщиковъ. Понятно, что всѣ эти надежды совершенно успокоили и даже усыпили сторонниковъ такого рода освобожденія, праздновавшихъ преждевременно свою мнимую побѣду.

Но Императоръ Александръ II обнаружилъ болѣе дальновидности, чѣмъ кто-либо изъ тогдашнихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Онъ въ самую тяжелую для Него минуту провидѣлъ возможность провести всю твердо задуманную Имъ реформу черезъ высшее государственное учрежденіе, гдѣ оно могло встрѣтить почти неодолимыя препятствія, такимъ способомъ, который никому не приходилъ въ голову. Онъ прежде всего призналъ необходимымъ завершить почти оконченное дѣло составленія законопроекта, покрывъ его составителей своимъ крѣпкимъ щитомъ. Но, руководствуясь мѣткими соображеніями Ростовцова, Онъ нашелъ этотъ щитъ въ чуждомъ и даже враждебномъ лагерѣ, не опасаясь великодушно со стороны вѣрнаго и беззавѣтно преданнаго Ему оруженосца ни лицемѣрія, ни измѣны тамъ, гдѣ не было возможности ихъ опасаться.

Хотя Государь сильно торопился назначеніемъ преемника Ростовцову, Онъ, не имѣя уже никого въ виду, кромѣ гр. Панина, посвятилъ въ промежуткѣ между 6 и 11 февраля три продолжительныхъ совѣщанія установленію тѣхъ условій, на которыхъ Онъ настойчиво призывалъ графа Панина на должность предсѣдателя Редакціонныхъ Коммисій.

Первымъ изъ этихъ условій было то, что Государь не допускалъ никакихъ отступленій отъ тѣхъ началъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, которыя были выработаны Редакціонными Коммисіями подъ предсѣдательствомъ Ростовцова и были ясно выражены въ посмертной его запискѣ.

Вторымъ условіемъ была полная неизмѣнность состава Редакціонныхъ Коммисій до окончанія ихъ занятій.

Третьимъ и самымъ важнымъ условіемъ было то, что всѣ заключенія, выработанныя Коммиссіями въ ихъ совершенно самостоятельно дѣйствующихъ отдѣленіяхъ, утверждались въ общемъ присутствіи подъ предсѣдательствомъ гр. Панина не иначе, какъ по большинству голосовъ, а предсѣдателю предоставлялось представить Государю только свои соображенія лишь въ томъ случаѣ, если онъ не согласится съ рѣшеніями большинства Коммисій, которыя должны служить единственнымъ основаніемъ къ окончательной кодификаціи законопроекта.

Такимъ образомъ для гр. Панина было ясно, что при условіяхъ, предложенныхъ ему Государемъ, онъ отнюдь не могъ быть ни хозяиномъ крестьянской реформы, ни руководителемъ дѣятельности того учрежденія, которому была поручена Царемъ-Освободителемъ вся законодательная работа и которое получало полную автономію при вѣрной ея охранѣ вновь назначеннымъ предсѣдателемъ.

Гр. Панину очень не хотѣлось идти на такую роль: онъ старался подставить на нее другое лицо [1], а за собою удержать только роль ближайшаго совѣтника Государя въ великомъ дѣлѣ.

Но Государь не согласился ни на какіе компромиссы и, вѣрный своимъ соображеніямъ, не хотѣлъ и слышать ни о чьемъ другомъ назначеніи, кромѣ гр. Панина, на глубоко обдуманныхъ и указанныхъ Имъ условіяхъ. Колебаніямъ гр. Панина былъ положенъ конецъ. Его безпредѣльная преданность волѣ Государя превозмогла: онъ принялъ безпрекословно Его предложеніе и былъ назначенъ предсѣдателемъ Редакціонныхъ Коммисій 11 февраля 1860 г.

Царь-Освободитель не ошибся, вѣряя щитъ, долженствовавшій оградить святое въ Его глазахъ дѣло, своему вѣрному и преданному оруженосцу. Подъ этимъ щитомъ мы безпрепятственно завершили свою работу въ томъ духѣ, въ которомъ мы ее вели до тѣхъ поръ. Законопроектъ былъ готовъ къ концу года и внесенъ гр. Панинымъ, несмотря на его съ нами разномысліе, въ Главный Комитетъ. Тамъ онъ прошелъ благополучно, благодаря живому содѣйствію Великаго Князя Константина Николаевича, назначеннаго Государемъ его предсѣдателемъ, согласно мнѣнію Ростовцова, а также благодаря горячему сочувствію нѣкоторыхъ изъ

---

[1] Сенатора Щербинина.

членовъ Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта [1]). Наконецъ, законопроектъ, не подвергнувшись никакимъ существеннымъ измѣненіямъ, былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ его принялъ подъ свое высокое покровительство самъ Царь-Освободитель, лично предсѣдательствовавшій въ первомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, въ которомъ Онъ высказалъ свое отношеніе къ этому законопроекту и свою непоколебимую волю относительно его осуществленія.

Дальнѣйшій ходъ крестьянскаго дѣла по назначеніи гр. Панина предсѣдателемъ Редакціонныхъ Комиссій будетъ мною изложенъ въ слѣдующемъ томѣ.

---

[1]) Главными сторонниками законопроекта были въ Главномъ Комитетѣ: министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и генералъ-адъютантъ Чевкинъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ: назначенный предсѣдателемъ его гр. Блудовъ, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, гр. Муравьевъ-Амурскій, гр. Сергѣй Григ. Строгановъ, статсъ-секретарь Танѣевъ, министръ народнаго просвѣщенія Ковалевскій, военный министръ Сухозанетъ и мн. др.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

	Напечатано:	*Должно быть:*
Стр. 27, 9 строка снизу	въ началѣ 1859 г.	въ началѣ 1858 г.
„ 47, примѣчаніе, 1-я строка	въ мартовской книжкѣ	въ августовской книжкѣ
„ 48, примѣчаніе, 7—9 строки снизу	въ мало распространенномъ журналѣ „Атеней“ въ концѣ марта 1858 г. и уже послѣ выбора и Высочайшаго утвержденія членовъ-экспертовъ Ред. Комиссій, такъ что она не дошла	въ мало распространенномъ журналѣ „Атеней“ и не дошла
„ 56. 7 строка снизу	8 января 1858 г.	16 февраля 1858 г.
„ 62, 4 „ снизу	въ октябрѣ 1857 г.	въ ноябрѣ 1857 г.
„ 96, 4 „ сверху	въ началѣ августа 1857 г.	30 іюля 1857 г.
„ 175, 11 „ снизу	Во время крымской войны	Вслѣдъ за окончаніемъ крымской войны
„ 184, 3 „ снизу	Черниговскаго	Полтавскаго
„ 197, 14 „ сверху	Н. А. Малютина	Н. А. Милютина.
„ 199, примѣчаніе, 4-я строка снизу	бытъ	былъ
„ 207, 13 строка снизу	1858 года	1859 года
„ 208, 18 „ сверху	1858 г.	1859 г.
„ 250, 13 „ снизу	мѣлкопомѣстныхъ	мелкопомѣстныхъ
„ 286, примѣчаніе	превосходило 90	доходило до 90.
„ 363, 8 строка снизу	Г. Н. Галаганомъ	Г. П. Галаганомъ

Цѣна I и II томовъ по 3 р., III и IV вмѣстѣ 6 р.,
за всѣ четыре тома 10 руб. 50 коп.

2007044983